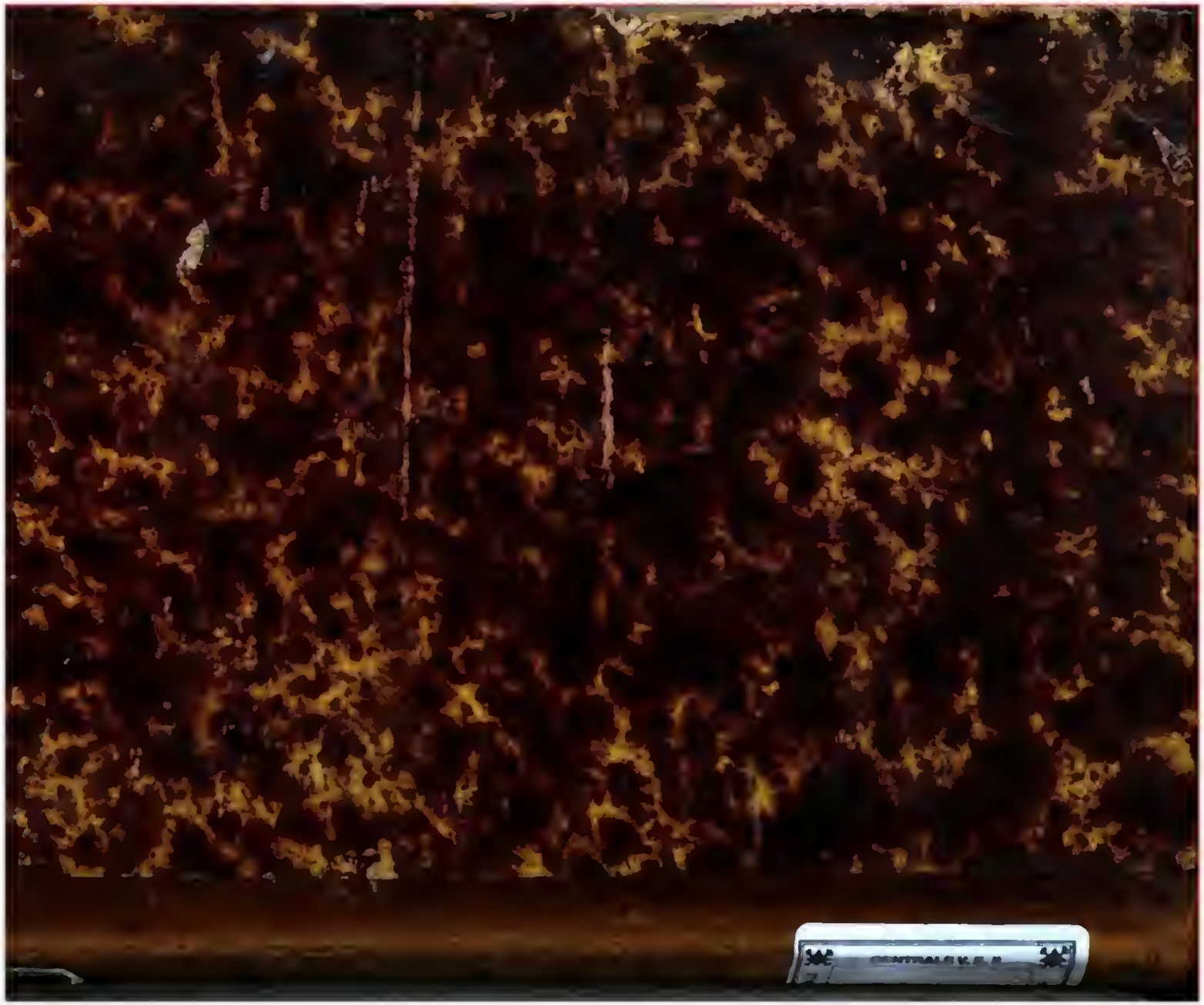
Digitized by Google

Digitized by Google



Digitized by Google

Digitized by Google

JK6187/10

Digitized by Google

NAZIONALE
BIBLIOTECA
GOGOL
B
2946 / 10
CENTRALE V. E. II
ROMA

Digitized by Google

ВСЕМІРНАЯ ИСТОРІЯ

Ф. ШЛОССЕРА.

Переведено подъ редакціей

В. ЗАЙЦЕВА.

изданіе

Л. П. Шелгуновой.

ТОМЪ X.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ О. И. БАКСТА.

1864.

Digitized by Google

GoGOL B 2946/D

Дозволено цензурою. С. Петербургъ. Іюня 10 дня 1864 г.

BVE0344272
10 BVE0344284

Digitized by Google

ИСТОРІЯ НОВАГО ВРЕМЕНИ.

ИСТОРІЯ XV СТОЛѢТІЯ

(ПРОДОЛЖЕНІЕ.)

Digitized by Google

BIBLIOTECA NAZIONALE V. EMANUELE II - ROMA
DEPOSITO PERMANENTE

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ X-ГО ТОМА.

Стр.

V. Англія и Франція въ первой половинѣ XV столѣтія . 1

1. Франція въ концѣ XIV-го столѣтія. . . . . —

2 Англія въ послѣдніе годы царствованія Ричарда II и при Генрихѣ IV. 7

3. Внутреннія волненія во Франціи при Карлѣ VI до возобновленія войны съ Англіею. 27

4. Война французовъ съ англичанами при Карлѣ VI и Генрихѣ V. 43

5. Война французовъ съ англичанами при Карлѣ VII до аррасскаго мира. 63

6. Смуты въ Англіи при Генрихѣ VI. 84

7. Война французовъ съ англичанами и внутреннее состояніе Франціи послѣ аррасскаго мира. 103

VI. Исторія Бургундіи, Швейцаріи, Германіи и Франціи во второй половинѣ XV столѣтія 121

1. Исторія герцогства Бургундскаго до смерти французскаго короля Карла VII. . . . . —

2. Франція и Бургундія отъ воцаренія Лудовика XI до смерти Филиппа Добраго. 135

3. Карлъ Смѣлый и Лудовикъ XI до вмѣшательства перваго въ германскія дѣла. 151

4. Внутреннее состояніе Германской имперіи при Фридрихѣ III. 170

5. Отношенія Фридриха III къ Австріи, Богеміи и Венгріи. . 180

6. Отношенія Фридриха III къ Германской имперіи. 192

7. Германія и императоръ Фридрихъ III во время кёльнской распри. 205

8. Карлъ Смѣлый и Германская имперія. 214

9. Послѣдніе годы Карла Смѣлаго. 226

10. Лудовикъ XI и эрцгерцогъ Максимиліанъ. 254

Digitized by Google

Стр.

XII. Исторія Англіи изъ битвы при Нортемптонѣ до окончанія войны бѣлой и алой розы. 292
1. Генрихъ VI и Эдуардъ IV. . . . . —
2. Ричардъ III. 341
3. Царствованіе Генриха VII до 1489 г. 361
VIII. Культура и литература нѣмцевъ и французовъ во второй половинѣ XV ст. и въ первыхъ годахъ XVI . 371
Введеніе. . . . . —
I. Италія. 375
1. Введеніе. . . . . —
2. Поэзія на національномъ языкѣ. 377
3. Изученіе естествознанія, основанное на объясненіи древнихъ; расширеніе и преобразованіе опытныхъ наукъ среднихъ вѣковъ. 386
4. Общія замѣчанія о математическихъ наукахъ. . . 388
II. Первыя начала новой литературы во Франціи 389
1. Введеніе. . . . . —
2. Оппозиція народныхъ поэтовъ и писателей противъ схоластическаго ученія монаховъ; учебники въ стихахъ. 391
3. Оригинальная исторіографія и наивная проза. . . . 395
III. Нѣмецкая образованность и литература до Лютера . . . 408
1. Императоръ Максимиліанъ I и историческія сочиненія его друзей и слугъ. . . . . —
2. Борьба Рейхлина, Ульриха фонъ Гуттена и ихъ друзей съ варварствомъ невѣжествомъ, и фанатизмомъ. 412
IX. Исторія Испаніи отъ 1450 до Фердинанда Католика . 437
1. Арагонія, Каталонія и Наварра. . . . . —
2. Кастилія 450

Digitized by Google

Digitized by Google

V. АНГЛІЯ И ФРАНЦІЯ.

ВЪ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ XV СТОЛѢТІЯ.

---

1. Франція въ концѣ XIV-го столѣтія.

Въ исходѣ XIV столѣтія Англія и Франція страдали отъ внутреннихъ смутъ и безпрерывныхъ войнъ между собой. Въ этихъ войнахъ англичане пріобрѣли большую военную славу, но принуждены были возвратить французамъ бо̀льшую часть своихъ французскихъ владѣній. Наконецъ воюющія стороны заключили перемиріе и потомъ нѣсколько разъ отсрочивали его окончаніе вслѣдствіе внутреннихъ безпорядковъ, возбужденныхъ во Франціи малолѣтствомъ Карла VI, а въ Англіи неспособностью Ричарда II (Т. VIII, стр. 412—460). Въ концѣ XIV столѣтія оба короля лично вступили въ управленіе; но положеніе дѣлъ въ обоихъ государствахъ нисколько не измѣнилось: ни Карлъ VI, ни Ричардъ II не могли обуздать анархіи.

Въ 1388 г. Карлъ VI вышелъ изъ подъ опеки герцоговъ беррійскаго, бургундскаго и бурбонскаго и сталъ самъ управлять государствомъ, при содѣйствіи учрежденнаго имъ государственнаго совѣта. Пріученный съ юности къ роскоши, пиршествамъ, забавамъ и разврату, онъ велъ такой же образъ жизни и на престолѣ. Фруассаръ и другіе лѣтописцы того времени, говоря о началѣ его

царствованія, только и упоминаютъ о страшно дорогихъ, но бо́льшею частью лишенныхъ всякаго изящества празднествахъ и увеселеніяхъ, длившихся иногда по цѣлымъ недѣлямъ. Въ Парижѣ, Тулузѣ, Монпеллье, словомъ вездѣ, гдѣ были свѣтскія дамы, Карла называли возлюбленнымъ. Онъ былъ неутомимъ на многочисленныхъ празднествахъ, устроивавшихся по случаю его коронованія. Его бракъ съ Изабеллою Баварскою праздновался съ необыкновенною пышностью. Женитьба его брата Людовика Орлеанскаго на Валентинѣ Висконти, принесшей въ приданое графство Асти и капиталъ, казавшійся огромнымъ при тогдашнемъ безденежьи Франціи сравнительно съ Италіей (т. VIII, стр. 498), тоже сопровождалась великолѣпными пирами во французскомъ и итальянскомъ вкусахъ. Поѣздка Карла въ южную Францію, пожалованіе Прованса въ лепное владѣніе его двоюроднымъ братьямъ — Людовику и Карлу Анжуйскимъ, торжественныя похороны Бертрана дю Геклена и множество другихъ случаевъ были точно также поводомъ къ нескончаемымъ увеселеніямъ, длившимся цѣлые дни и ночи. Такая жизнь гибельно дѣйствовала на слабый организмъ молодаго Карла, разстроенный еще съ малолѣтства, и расположила его къ обнаружившемуся вскорѣ сумасшествію. Болѣзнь была вызвана чисто случайнымъ обстоятельствомъ, бывшимъ въ связи съ отношеніями короля къ Бретани. Долгая распря его за Бретань кончилась договоромъ (т. VIII, стр. 458), по которому герцогъ бретанскій Жанъ де Монфоръ, поддерживаемый англійскимъ королемъ, обязался уплатить любимцу и полководцу Карла, коннетаблю Оливье дю Клиссону, около 100 тысячъ экю и вознаградить его зятя, герцога пантьеврскаго, за Бретань, на которую онъ изъявлялъ притязаніе. Но Монфоръ не выполнилъ своихъ обязательствъ и кромѣ того присвоилъ себѣ противъ воли Карла нѣкоторыя королевскія права. Герцогамъ бургундскому и беррійскому, возвратившимся въ 1391 г. ко двору по случаю перваго, непродолжительнаго припадка помѣшательства Карла, удалось было примирить въ Турѣ Монфора съ коннетаблемъ, котораго они впрочемъ не любили за его вліяніе на короля; но въ слѣ-

дующемъ же году вражда ихъ возобновилась по поводу покушенія на жизнь дю Клиссона, въ которомъ обвиняли герцога бретанскаго. Одинъ изъ приближенныхъ герцога, богатый и грубый бретанскій дворянинъ Пьеръ де Краонъ, смертельно ненавидѣлъ коннетабля и, надѣясь на покровительство герцога, рѣшился убить врага. Онъ спряталъ въ своемъ парижскомъ отелѣ шайку преданныхъ ему людей, испытанныхъ имъ и на войнѣ и въ грабежѣ, и велѣлъ имъ ночью напасть на дю Клиссона, который долженъ былъ возвращаться съ шумнаго королевскаго праздника. Свита коннетабля была разсѣяна, а онъ самъ упалъ замертво, покрытый ранами. Его перенесли въ ближайшую булочную и о происшествіи увѣдомили уже спавшаго короля, который немедленно поспѣшилъ къ другу. Фруассаръ, по своему обыкновенію, разсказываетъ ихъ свиданіе въ формѣ разговора, драматически передающаго гнѣвъ короля на де Краона и дружбу его къ коннетаблю. „Какъ вы себя чувствуете, коннетабль?“ говоритъ король у Фруассара. „Плохо, государь (petitement et foiblement, Sire),“ отвѣчаетъ коннетабль. „Кто же довелъ васъ до такого состоянія?“ — „Пьеръ де Краонъ съ сообщниками, измѣнически и не давъ мнѣ возможности защищаться (traitreusement et sans nulle défense).“ — Послѣ нѣсколькихъ другихъ вопросовъ и отвѣтовъ, разговоръ кончается словами короля: „заботьтесь теперь только о себѣ и не думайте ни о чемъ другомъ. Еще никто не наказывался такъ жестоко, какъ поплатятся теперь виновные; это ужь мое дѣло! (Car oncque délit ne fut si cher amendé sur les traîtres comme celui-ci sera, car la chose est mienne).“ Пьеру де Краонъ удалось скрыться въ Бретань, но его богатыя помѣстья, парижскій отель и всѣ найденныя въ немъ деньги и драгоцѣнности были конфискованы; улицу въ Парижѣ, носившую его имя, переименовали въ улицу негодяевъ (des mauvais garçons), а герцогу бретанскому, укрывшему его, король грозилъ войною. Герцогъ отрекался отъ всякаго участія въ дѣлѣ и увѣрялъ, что не знаетъ убѣжища де Краона; но Фруассаръ выставляетъ его главнымъ

виновникомъ преступленія. Держась своей обычной разговорной формы, лѣтописецъ заставляетъ его воскликнуть въ разговорѣ съ Пьеромъ де Краномъ при извѣстіи, что коннетабль живъ: „что вы за дрянь (un chétif); не съумѣли убить (occire) человѣка, надъ которымъ уже одержали верхъ (auquel vous étiez dessus).“ „Это дѣло дьявола“, отвѣчаетъ Краонъ, „должно быть, его защищали и спасли отъ меня и моихъ людей всѣ дьяволы ада, которому онъ принадлежитъ; мы нанесли ему болѣе шестидесяти ударовъ шпагами и ножами (que tous les diables de l'enfer, à qui il est, l'ont gardé et delivré des mains de moi et de mes gens, car il eut lancés et jettés sur lui plus de soixante coups d'épée et de couteaux).“ Ходилъ слухъ, что оба дяди короля, герцоги бургундскій и беррійскій, находившіеся въ то время въ Парижѣ и завидовавшіе вліянію коннетабля, знали заранѣе о покушеніи на его жизнь; по крайней мѣрѣ оба они, а въ особенности Филиппъ Бургундскій, грозили местью всѣмъ, кто сталъ бы помогать королю противъ герцога бретанскаго. Вопреки общему нежеланію, Карлъ назначилъ походъ противъ герцога, приказалъ васалламъ и рыцарямъ собраться въ Мансъ къ 5 августу 1392 г. и рѣшился лично предводительствовать войскомъ, не смотря на сильные жары и очевидные признаки готовившейся въ немъ болѣзни. Одѣтый, не смотря на палящій зной, въ теплое бархатное платье и въ полномъ боевомъ вооруженіи, онъ выступилъ въ назначенный день. Когда войско вошло въ небольшой лѣсокъ, лежавшій близь Манса, на короля внезапно бросился сумасшедшій и, схвативъ лошадь за поводья, закричалъ: „Король, не ѣзди дальше, воротись, тебѣ измѣнили! (Roi, ne chevauche plus avant, mais retourne, car tu es trahi).“ Его тотчасъ же отогнали, но появленіе его было до того неожиданно и страшно, что вызвало у короля припадокъ сумасшествія. Онъ сначала впалъ въ забытье; когда же, по выходѣ изъ перелѣска на открытое мѣсто, одинъ изъ солдатъ его свиты нечаянно стукнулъ копьемъ о шлемъ товарища, королемъ овладѣлъ такой порывъ бѣшенства, что свитѣ и даже его брату герцогу орлеанскому грозила серьозная опасность. Не смотря

на предостереженіе герцога бургундскаго, долго не рѣшались схватить короля. (Fuyez, beau neveu d'Orléans, monseigneur vous veut occire: haro le grand méchef! monseigneur est tout devoyé; dieu, qu'on le prenne.). Наконецъ Карла схватили и отвезли въ Мансъ въ каретѣ, запряженной быками. Походъ въ Бретань не состоялся.

Управленіе опять перешло въ руки герцоговъ бургундскаго и беррійскаго и для Франціи начался длинный рядъ бѣдствій, вслѣдствіе распри герцоговъ съ братомъ короля Людовикомъ Орлеанскимъ, достигшимъ 20-тилѣтняго возраста и изъявлявшимъ притязанія на регентство. Вначалѣ эти притязанія не имѣли большаго значенія, потому что Карлъ вскорѣ пришелъ въ себя; но припадки помѣшательства случались съ нимъ еще до происшествія въ Мансѣ, и каждую минуту можно было опасаться возобновленія болѣзни, тѣмъ болѣе что для охраненія короля отъ внезапнаго испуга не принималось никакихъ мѣръ предосторожности. И дѣйствительно, едва онъ оправился и вступилъ въ управленіе, какъ одна изъ нелѣпыхъ забавъ рыцарскаго и до невѣроятности легкомысленнаго двора вызвала новый припадокъ сумасшествія, почти не оставившій надежды на выздоровленіе. На маскерадъ, бывшій по поводу какой-то свадьбы, король и пять придворныхъ нарядились медвѣдями, прикованными другъ къ другу. Шкуры были сдѣланы очень неискусно изъ осмоленнаго полотна, покрытаго пучками шерсти или пакли, и потому къ нимъ было запрещено приближаться съ огнемъ; но герцогъ орлеанскій не остерегся и подошелъ къ группѣ медвѣдей съ факеломъ; отъ упавшей искры огонь охватилъ ихъ всѣхъ. Четверо изъ придворныхъ, представлявшихъ медвѣдей, погибли въ страшныхъ мученіяхъ; пятый, оторвавшись отъ цѣпи, бросился въ чанъ съ водою, стоявшій въ буфетѣ; а король спасся только благодаря присутствію духа герцогини беррійской, которая набросила на него свой плащъ и этимъ погасила огонь. Карлъ скоро совсѣмъ оправился отъ испуга, такъ что его дяди, желая доказать англичанамъ, что его

припадокъ сумасшествія прошелъ, пригласили его въ Аббевилль, гдѣ велись ими лично переговоры съ дядями англійскаго короля о продолженіи перемирія. Но вскорѣ новый припадокъ лишилъ его разсудка на семь мѣсяцевъ (до января 1394 г.). Регентствомъ опять завладѣлъ Филиппъ Бургундскій; вслѣдствіе того между нимъ и братомъ короля, герцогомъ орлеанскимъ, возникла распря, раздѣлившая все французское дворянство на двѣ враждебныя партіи, какъ въ то же время Германія была раздѣлена на два лагеря споромъ объ избраніи императора. Положеніе Франціи было тѣмъ печальнѣе, что Карлъ въ теченіе 30 слѣдующихъ лѣтъ своего царствованія не былъ постоянно неспособенъ къ управленію, но отъ времени до времени приходилъ въ себя. Хорошо еще было для Франціи, что въ первое время не возобновлялась война съ герцогомъ бретанскимъ и что англійскій король Ричардъ II не имѣлъ ни силы, ни охоты снова начать военныя дѣйствія противъ французовъ. Герцогъ бретанскій совершенно примирился съ дю Клиссономъ и удалилъ отъ себя ненавистнаго всѣмъ Пьера де Краона ,приговореннаго парламентомъ къ легкому наказанію и потомъ снова вернувшагося въ Парижъ. Около того же времени Ричардъ II англійскій взялся самъ за управленіе (т. VIII, стр. 450) и сдѣлался почти независимъ отъ олигарховъ. Народъ боялся аристократическаго управленія надменныхъ бароновъ гораздо болѣе, чѣмъ тиранніи молодаго короля, бывшаго до тѣхъ поръ рабомъ олигарховъ; онъ совершенно подчинился Ричарду, но вскорѣ пострадалъ отъ его непонятнаго, юношескаго легкомыслія. Ричардъ два раза отсрочивалъ окончаніе перемирія съ Франціей и, чтобы совсѣмъ сблизиться съ нею, посватался по смерти своей жены за дочь Карла VI Изабеллу, бывшую тогда еще ребенкомъ. Ее повезли воспитывать въ Англію, но предположенный бракъ не состоялся, какъ увидимъ впослѣдствіи.

2. Англія въ послѣдніе годы царствованія Ричарда II и при Генрихѣ IV.

Волненія, вызванныя въ Англіи уиклефитами и лоллардами (т. VIII, стр. 448), и жестокія преслѣдованія этихъ сектъ продолжались и при Ричардѣ II. Парламентъ, не вмѣшиваясь прямо во внутреннія дѣла церкви и не касаясь ея догматовъ, положилъ однако предѣлъ злоупотребленіямъ, прекратить которыя не могли и не хотѣли соборы. Въ этихъ мѣрахъ парламента принималъ большое участіе покровитель Уиклефа и его послѣдователей — герцогъ глостерскій, сначала отстраненный королемъ отъ дѣлъ, но потомъ снова призванный въ королевскій совѣтъ. Подъ его вліяніемъ и при содѣйствіи короля англичанамъ удалось избавиться отъ притѣсненій римскаго духовенства, тяготѣвшаго надъ Германіей вплоть до XVI столѣтія, вслѣдствіе ея нелѣпой системы противодѣйствовать римскимъ притязаніямъ одними соборами, на которыхъ предсѣдательствовалъ самъ папа. Французы тоже только послѣ базельскаго собора послѣдовали примѣру англичанъ и своими собственными національными законами оградили себя отъ папскаго вмѣшательства въ ихъ свѣтскія дѣла. — Еще въ 1360 г. англійскій парламентъ принялъ нѣсколько биллей противъ папскихъ провизій (т. IX, стр. 223), а въ 1390 и 91 г. запретилъ англичанамъ подъ страхомъ лишенія имущества и жизни, принимать отъ иностранцевъ церковныя имѣнія, управлять ими за иностранцевъ и высылать деньги изъ государства. Бонифацій IX нетолько не обратилъ вниманія на это постановленіе, но черезъ два года пожаловалъ одному итальянскому кардиналу богатый приходъ, уже отданный королемъ англичанину, и грозилъ послѣднему отлученіемъ отъ церкви. Нижняя палата объявила это распоряженіе нарушающимъ права короны и обѣщала королю самую энергическую поддержку; то же рѣшеніе приняла и верхняя палата. Тогда былъ изданъ такъ

называемый статутъ Praemunire или постановленіе относительно провизій и о мѣрахъ къ устраненію римскаго вмѣшательства, — статутъ, до сихъ поръ считаемый въ Англіи однимъ изъ основныхъ государственныхъ и церковныхъ законовъ. Имъ постановлялось, что всякій, кто получитъ или станетъ просить отъ римскаго двора или отъ кого бы ни было отлученія, грамоты, буллы, перемѣщенія и т. п., которыми нарушались бы права короны (regality) или оскорблялось бы королевское достоинство, или кто явится съ ними въ королевство, приметъ ихъ, передастъ въ Англіи или предъявитъ ихъ внѣ ея другому лицу, лишается вмѣстѣ съ своими нотаріусами, уполномоченными, пособниками, сообщниками и совѣтниками, королевской защиты, имущества и владѣній (chattels), помѣстій и леновъ, и долженъ быть немедленно арестованъ. Утвержденіе этого важнаго статута верхнею палатою послѣдовало разумѣется не въ обычной формѣ, и папы продолжали раздавать имѣнія и приходы; но имъ приходилось быть крайне осторожными, потому что распоряженія ихъ только тогда достигали своей цѣли, когда противъ нихъ ничего не имѣлъ король; въ противномъ случаѣ примѣнялся статутъ.

Ричардъ искренно желалъ мира съ Франціей; ему нравились французскіе нравы, и образъ жизни обоихъ королей такъ мало отличался одинъ отъ другаго, что читая описанія пышныхъ празднествъ, турнировъ, игръ, танцевъ англійскаго двора, можно подумать, что дѣло идетъ о дворѣ Карла VI. Послѣ нѣсколькихъ отсрочекъ перемирія, каждый разъ на короткое время, Ричардъ рѣшился наконецъ заключить миръ или по крайней мѣрѣ продолжительное перемиріе, а сдѣлавшись вдовцомъ (1394 г.), хотѣлъ даже породниться съ французскимъ королемъ женитьбою на его дочери. Два старшихъ дяди короля, герцоги ланкастерскій и іоркскій, были тоже расположены къ миру, но третій — герцогъ глостерскій не хотѣлъ и слышать о немъ. Во Франціи, Карлъ и его любимцы также были противъ мира, но въ пользу его дѣйствовалъ герцогъ бургундскій и успѣлъ склонить на свою сторону и гер-

Digitized by Google

цога беррійскаго. Они вступили, какъ мы уже говорили (т. X, стр. 5), въ личные переговоры съ герцогами ланкастерскимъ и іоркскимъ (1393 г.) и по этому поводу пригласили въ Аббевилль и Карла; но имъ удалось только продолжить перемиріе на годъ, потому что король снова впалъ въ сумасшествіе. Переговоры, завязанные въ слѣдующемъ году (1394 г.), опять остались безуспѣшными. Наконецъ дѣло сладилось съ помощью одного отшельника. Это обстоятельство заслуживаетъ вниманія какъ характеристическая черта нравовъ и религіи того времени. Отшельникъ помогъ только настроить народъ; герцоги ланкастерскій, іоркскій и глостерскій отлично понимали, что это за святой. Онъ былъ дворянинъ изъ Ко (Caux), ходилъ на поклоненіе въ Палестину и по возвращеніи жилъ отшельникомъ, называясь Робертомъ Пустынникомъ. Его приняли при французскомъ дворѣ какъ оракула. Онъ утверждалъ, что во время его странствія ему представилось свѣтлое какъ кристаллъ видѣніе и дало ему слѣдующее политическое порученіе: „Скажи французскому королю, чтобы онъ согласился на миръ съ своимъ противникомъ, англійскимъ королемъ Ричардомъ, и онъ послушаетъ тебя. Тѣ же, которые будутъ противиться миру и станутъ требовать войны (намекъ на герцога глостерскаго), дорого поплатятся еще при жизни. (Tous ceux qui contrediront à la paix et aux traités et soutiendront la guerre, le comparéront chèrement en leur vivant)“. Исполнивъ порученіе у Карла, Робертъ отправился съ французскимъ посольствомъ въ Англію. Ричардъ и герцоги ланкастерскій и іоркскій признали святость его миссіи, но герцогъ глостерскій долго не хотѣлъ ничего и слышать о немъ; наконецъ и онъ согласился на миръ. Тогда всѣ три дяди короля Ричарда отправились во Францію и, сойдясь въ Лелингенскомъ монастырѣ съ герцогами бургундскимъ и беррійскимъ, продолжили перемиріе до Михайлова дня 1398 г. Вслѣдъ за заключеніемъ перемирія, а именно въ 1395 году, чрезъ годъ послѣ смерти жены, Ричардъ сдѣлалъ шагъ къ болѣе тѣсному сближенію съ французскимъ дворомъ. Къ союзу съ Франціей его побуждали непріязненныя отношенія къ аристократіи и ея предводителямъ —

своимъ дядямъ, и неудовольствіе противъ него прочихъ сословій, вызванное его постоянною нуждою въ деньгахъ, для удовлетворенія которой онъ прибѣгалъ къ насильственнымъ займамъ у нихъ и даже отнялъ однажды у жителей Лондона на нѣсколько времени ихъ привилегіи (charter) за отказъ ссудить ему 1000 фунтовъ. Онъ отправилъ во Францію посольство просить руки семилѣтней дочери Карла, Изабеллы, не смотря на то что вся Англія противилась этому браку. Однимъ изъ главныхъ поводовъ къ этому браку была съ его стороны надежда получить богатое приданое, и потому посольству было поручено добиваться сначала 2 милліоновъ кронъ, потомъ спустить до 1 ½ милл., и наконецъ остановиться на 1 милл. Французы согласились на бракъ, не смотря на возрастъ невѣсты, и рѣшились отпустить ее немедленно въ Англію, но ограничили приданое 800 тыс. кронъ; вмѣстѣ съ тѣмъ они выговорили себѣ продолженіе перемирія на 25 лѣтъ. Отвѣтъ, которымъ ребенку велѣли изъявить согласіе на бракъ, могъ показать англичанамъ, что ихъ будущая королева не уступитъ Ричарду въ роскоши и мотовствѣ (S'il plait à dieu et à monseigneur mon père, que je sois reine d'Angleterre, je le verrai volontiers, car je serois une grande dame). Весною 1396 г. перемиріе и брачный договоръ были утверждены, и по этому случаю произошло свиданіе обоихъ королей, на которомъ присутствовали герцоги ланкастерскій, глостерскій, беррійскій и бургундскій. Это свиданіе — съ пирами и разнаго рода увеселеніями — стоило расточительному Ричарду 300 тыс. серебряныхъ марокъ, то есть гораздо больше приданаго невѣсты, служившаго между тѣмъ предметомъ долгихъ переговоровъ. Изъ этого можно видѣть, какъ дорого обходилась королямъ и народамъ тяжелая необходимость содержать, угощать и обдаривать дворянство и рыцарство, замѣнявшія въ то время постоянныя войска. Такъ напримѣръ, двухъ англійскихъ посланниковъ, ѣздившихъ въ Парижъ сватать короля, сопровождали 1200 рыцарей, которыхъ французскій король долженъ былъ содержать и увеселять на свой счетъ во все время ихъ пребыванія во Франціи. При свиданіи обо-

Digitized by Google

ихъ королей присутствовалъ и герцогъ бретанскій, незадолго предъ тѣмъ женившійся на другой дочери Карла. Нуждаясь въ деньгахъ, Ричардъ уступилъ ему тогда городъ Брестъ за 120 т. золотыхъ франковъ. Это возбудило такое неудовольствіе въ Англіи, что онъ выполнилъ обязательство только тогда, когда французскій король вступился за герцога. Тогда же былъ уступленъ англійскимъ королемъ и Шербургъ.

Раздраживъ народъ продажею Бреста и Шербурга, Ричардъ въ то же время озлобилъ и дворянство произвольными поборами подъ видомъ займовъ. Во всемъ государствѣ не было пера, прелата, дворянина или богатаго горожанина, у котораго онъ не занялъ бы сколько нибудь денегъ. Добытыя такимъ образомъ суммы шли на угощеніе высшей знати и на поддержаніе придворнаго блеска. Наконецъ расточительность короля дошла до того, что нижняя палата обратилась къ палатѣ лордовъ съ просьбою убѣдить короля въ необходимости ограничить свои расходы. Народные представители не только не достигли цѣли, но еще были принуждены послать въ верхнюю палату депутатовъ съ извиненіями въ своей дерзости. Имъ объявили, что они не имѣютъ никакого права вмѣшиваться въ королевскіе расходы, пока съ нихъ не требуютъ новыхъ податей. Духовнаго Ѳому Гексея, предложившаго этотъ билль, подвергли суду по обвиненію въ государственной измѣнѣ; однако потомъ его простили. Эта попытка доказала, что не было никакой надежды устранить зло мирнымъ путемъ, и негодованіе противъ короля возрасло, хотя и принуждено было таиться. Ричардъ усиливалъ опасность своего положенія еще тѣмъ, что, надѣясь на хорошія отношенія съ герцогами ланкастерскимъ и іоркскимъ и на дружбу съ французскимъ королемъ, старался отмстить герцогу глостерскому за всѣ оскорбленія, въ которыхъ обвинялъ его; по его мнѣнію герцогъ былъ виноватъ предъ нимъ за время его несовершеннолѣтія. Ненависть его стала еще сильнѣе, когда герцогъ въ засѣданіи королевскаго совѣта позволилъ себѣ укорять племянника за поступокъ его съ парламен-

томъ и въ рѣзкихъ чертахъ представилъ различіе между его правленіемъ и предшествовавшими. Чтобы отвратить бурю, герцога два раза пытались удалить отъ двора; сначала ему предложили отправиться въ Пруссію на помощь нѣмецкимъ рыцарямъ противъ язычниковъ: онъ согласился было, но потомъ отказался; второе предложеніе — вступить въ управленіе Ирландіей, куда Ричардъ за три года передъ тѣмъ сдѣлалъ походъ, онъ прямо отвергъ. Черезъ нѣсколько времени его обвинили (безъ всякихъ доказательствъ — какъ почти всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ) въ составленіи заговора, съ цѣлью овладѣть насильственно королемъ и подчинить его такому же совѣту регентства, какой существовалъ до его совершеннолѣтія. Въ участіи въ заговорѣ обвинялись: архіепископъ кентербёрійскій, графы Эрондель и Уарвикъ и многіе другіе аристократы. Обоихъ графовъ арестовали безъ соблюденія законныхъ формальностей. Затѣмъ Ричардъ, подъ видомъ посѣщенія, отправился въ замокъ герцога глостерскаго и велѣлъ схватить его въ ту минуту, когда онъ вышелъ на встрѣчу королю во главѣ торжественнаго шествія. Считая опаснымъ держать такого плѣнника въ Англіи, Ричардъ тотчасъ отправилъ его съ графомъ Ноттингемомъ въ Кале. Черезъ пять дней послѣ этихъ арестовъ, возбудившихъ всеобщій страхъ, король издалъ манифестъ (15 іюля 1397 г.), въ которомъ старался оправдать свой поступокъ тѣмъ, что онъ совершенъ былъ съ согласія графовъ Рутленда, Кента, Гёнтингтона, Ноттингема и Салисбёри, лордовъ Деспенсера и Уилльяма Скрупа и былъ одобренъ его дядями, герцогами ланкастерскимъ и іоркскимъ, и двоюроднымъ братомъ его—графомъ Дерби. Этимъ же графамъ и лордамъ было поручено на торжественной аудіенціи потребовать у палаты общинъ, чтобы арестованные были обвинены въ государственной измѣнѣ. Обвиненіе дѣйствительно было представлено палатѣ лордовъ (20 сентября), но въ немъ и рѣчи не было о заговорѣ, въ которомъ король обвинялъ арестованныхъ; оно составлено было по событіямъ, совершившимся еще до 1389 года и слѣдовательно давно забытымъ. Архіе-

пископа кентербёрійскаго тоже впутали въ дѣло по тому поводу, что онъ былъ въ то время канцлеромъ; его присудили къ изгнанію и конфискаціи имѣній. Графа Эронделя казнили. Онъ не признавалъ компетентности суда палаты лордовъ, и потому его судилъ герцогъ ланкастерскій. Уарвикъ, признавшій себя виновнымъ, былъ сосланъ на островъ Мэнъ, а лордъ Кобгэмъ — на Джерсей; Мортимеръ спасся бѣгствомъ въ ирландскія горы, къ дикимъ кельтамъ. Глостера потребовали было изъ Кале на судъ парламента, но Ноттингемъ, которому былъ ввѣренъ надзоръ за нимъ, отвѣтилъ, что онъ внезапно умеръ. Въ разсказѣ о его смерти старинные англійскіе историки, въ томъ числѣ и Юмъ, не сходятся съ болѣе достовѣрными источниками и съ новѣйшимъ англійскимъ писателемъ Лингардомъ, которому мы слѣдуемъ. Лингардъ также держится того мнѣнія, что Глостеръ былъ убитъ, но не утверждаетъ положительно, что убійство было совершено по приказанію Ричарда. Легко можетъ быть, что король далъ подобный приказъ, но во всякомъ случаѣ нельзя, по многимъ причинамъ, считать достовѣрнымъ историческимъ или судебнымъ свидѣтельствомъ показаніе Голля, одного изъ предполагаемыхъ участниковъ преступленія, предъявленное парламенту при Генрихѣ VI.

Королю во всемъ этомъ помогалъ парламентъ, въ которомъ не было никакой оппозиціи, потому что выборы въ графствахъ совершались подъ вліяніемъ шерифовъ. Это былъ первый парламентъ, составившійся подъ вліяніемъ правительственныхъ агентовъ; впослѣдствіи вліяніе правительства на выборы, какъ извѣстно, вошло почти въ обыкновеніе. Слѣдующій парламентъ (1398 г.), засѣдавшій не въ Уестминстерѣ, какъ предшествовавшій, а въ Шрьюсбёри, былъ такимъ же раболѣпнымъ орудіемъ въ рукахъ короля для мстительнаго преслѣдованія всѣхъ принимавшихъ нѣкогда участіе въ ограниченіи его власти. На другой же годъ жертвою мести короля сдѣлался графъ Генрихъ Дерби, сынъ герцога ланкастерскаго. Въ послѣднее время Генрихъ страшно унижался и подслуживался королю, за что и былъ сдѣланъ герцогомъ герфордскимъ. Получивъ

эту награду, онъ донесъ на своего друга и товарища герцога Норфока (Norfolk) за то, что онъ позволилъ себѣ въ пріятельскомъ разговорѣ дурно отзываться о королѣ. Фруассаръ представляетъ дѣло въ весьма выгодномъ свѣтѣ для Генриха, потому что черезъ годъ Генрихъ сталъ королемъ; оттого то и нельзя вполнѣ довѣрять новѣйшимъ историкамъ, слѣдовавшимъ разсказу французскаго лѣтописца. По Лингарду, представившему это событіе въ новомъ свѣтѣ на основаніи подлинныхъ документовъ, дѣло происходило слѣдующимъ образомъ: Герфордъ и Норфокъ были единственные изъ такъ называемыхъ лордовъ аппеллянтовъ, которымъ Ричардъ еще не отмстилъ; Норфокъ, встрѣтясь однажды съ своимъ другомъ между Лондономъ и Брентфордомъ, заговорилъ объ этомъ и, высказывая свои опасенія, рѣзко отозвался о королѣ и его приближенныхъ. Генрихъ передалъ разговоръ Ричарду, выставляя Норфока заговорщикомъ. Король приказалъ разобрать дѣло коммиссіи изъ 18 членовъ обѣихъ палатъ, которой парламентъ, расходясь, далъ полномочіе покончить нерѣшенныя дѣла (to hear, examine and determine all matters and subjects, which had been moved in presence of the king, with all dependencies thereof). Коммиссіи былъ сообщенъ помянутый разговоръ, помѣщенный въ короткомъ оффиціальномъ протоколѣ (Rotulus) и у Лингарда (т. IV, стр. 340). Норфокъ, сознаваясь въ томъ, что порицалъ дѣйствія окружающихъ короля, отвергалъ все относившееся къ самому королю, назвалъ Генриха лжецомъ (that Henry of Lancaster is a liar, and in what he has said or would say of me, lies like a traitor as he is) и вызвался доказать свои слова судебнымъ поединкомъ, имѣвшимъ еще въ Англіи силу законнаго доказательства, хотя и вышедшимъ изъ употребленія. Въ Виндзорѣ, гдѣ собрались бароны, владѣльцы и рыцари, Генрихъ упорствовалъ въ своемъ обвиненіи, а Норфокъ съ своей стороны оставался при прежнемъ показаніи. Свидѣтелей при разговорѣ обоихъ герцоговъ не было, и потому рѣшили кончить дѣло поединкомъ. Въ назначенный день (16 сентяб. 1398 г.) парламентская коммиссія, король и толпа народа собрались въ Ковентри, гдѣ

долженъ былъ происходить поединокъ. Противники уже стояли другъ противъ друга, готовые къ бою, какъ вдругъ король объявилъ, что не допуститъ поединка, потому что оба герцога ему родственники и всякій исходъ борьбы будетъ ему одинаково прискорбенъ, и что онъ самъ произнесетъ надъ ними приговоръ, помимо суда. Затѣмъ онъ приказалъ Герфорду выѣхать изъ Англіи въ четырехмѣсячный срокъ и не возвращаться въ теченіе десяти лѣтъ, а Норфоку велѣлъ отправиться на поклоненіе къ святымъ мѣстамъ и никогда не пріѣзжать во Францію, Англію, Испанію и Италію. Сущность этого приговора, особенно тяжелаго для Норфока, и множество мелкихъ опускаемыхъ нами частностей очевидно доказывали, что герцоги подверглись наказанію не за разговоръ, а за то, что были единственными еще не пострадавшими лордами аппелянтами. Норфокъ отправился въ Палестину и, глубоко опечаленный своею участью, умеръ на пути изъ Іерусалима въ Венецію. Герфордъ поѣхалъ въ Парижъ и думалъ тогда же воспользоваться общимъ неудовольствіемъ англичанъ на нелѣпую тираннію Ричарда. Французскій король и герцоги орлеанскій и беррійскій приняли его чрезвычайно радушно; ему отвели для жительства отель дю Клиссона, называвшійся потомъ отелемъ Субизъ (hôtel Soubise), и отпускали еженедѣльно изъ королевской кассы 500 золотыхъ кронъ. Герцогъ беррійскій хотѣлъ даже женить его на своей дочери, вдовѣ графа Филиппа д'Артуа, но потомъ измѣнилъ намѣреніе, когда Ричардъ заявилъ французскому правительству объ опасеніяхъ, внушаемыхъ ему планами и тайными сношеніями Герфорда.

До сихъ поръ англійскому королю все удавалось. Раболѣпный парламентъ губилъ всѣхъ, кто былъ не по душѣ Ричарду, и обращалъ въ законъ каждое его желаніе, каждую прихоть. Законныя права англичанъ, — предметъ гордости каждаго англичанина, — и сословныя преимущества нагло попирались Ричардомъ; онъ обиралъ подданныхъ посредствомъ займовъ, заставлялъ судей толковать законы сообразно его волѣ или капризамъ, по нѣскольку разъ

принуждалъ бывшихъ приверженцевъ Глостера покупать себѣ прощеніе и, чтобы имѣть обильную жатву денежныхъ штрафовъ, объявилъ однажды внѣ закона 17 графствъ, нѣкогда помогавшихъ его врагамъ. Наконецъ самовластіе побудило его къ неслыханному поступку, заставившему Герфорда, а съ нимъ и весь народъ, силою положить предѣлъ возмутительнымъ дѣйствіямъ короля и его сообщниковъ. При изгнаніи обоихъ герцоговъ, имъ было позволено особымъ королевскимъ патентомъ, въ случаѣ наслѣдованія ими во время изгнанія леновъ, имѣній или титуловъ, присягать на нихъ черезъ повѣренныхъ. Черезъ три мѣсяца по изгнаніи Герфорда умеръ его отецъ (1399 г.); тогда Герфордъ принялъ титулъ герцога ланкастерскаго и хотѣлъ вступить во владѣніе огромнымъ наслѣдствомъ. Но Ричардъ отмѣнилъ патентъ и объявилъ, что изгнаніе равняется лишенію по суду всѣхъ правъ (outlawry), а слѣдовательно уничтожаетъ права Герфорда на наслѣдованіе недвижимаго имѣнія. Придворные и парламентскіе клевреты, служившіе королевскому произволу въ Уестминстерѣ и Шрьюсбёри, съумѣли и теперь придать его вѣроломству характеръ законности. По требованію короля, большой тайный совѣтъ (council), въ составъ котораго входила и помянутая выше парламентская коммиссія, призналъ патенты, данные обоимъ герцогамъ, незаконными и недѣйствительными. Всѣ члены совѣта присягнули этому постановленію, а присутствовавшій народъ, къ которому король обратился съ рѣчью, изъявилъ на него согласіе поднятіемъ рукъ (quelle chose feust faite — сказано въ протоколѣ [Rotulus] — et assentuz par tout le peuple estantz en présence du roi). Капланъ Ричарда Генрихъ Боуетъ, пытавшійся отстаивать патентъ, былъ приговоренъ къ смерти какъ государственный измѣнникъ, но потомъ прощенъ. Поступокъ короля вызвалъ новаго герцога ланкастерскаго къ открытой борьбѣ; а такъ какъ король, отправившійся вслѣдъ за тѣмъ въ Ирландію, поручилъ управленіе герцогу іоркскому, то мы и принимаемъ 1398 г. за начало продолжительной междуусобицы ланкастерскаго и іоркскаго домовъ, извѣстной подъ именемъ войны алой и бѣлой розы. Ричардъ отправился въ

подъ именемъ войны алой и бѣлой розы. Ричардъ отправился въ Ирландію мстить за смерть своего намѣстника графа де ла Марча, убитаго туземцами. Онъ предпринялъ этотъ походъ въ то время, когда вся Англія была ожесточена противъ него и когда нѣкоторыми изъ недовольныхъ уже начаты были переговоры съ Генрихомъ Ланкастерскимъ. Едва Ричардъ уѣхалъ, какъ архіепископъ кентерберійскій, — жившій въ Кельнѣ въ изгнаніи, промѣнявъ свое архіепископство на бѣдную сентъ-андрьюскую эпархію, — отправился переодѣтый въ Парижъ къ герцогу ланкастерскому и составилъ съ нимъ планъ низложенія Ричарда. Генрихъ жившій уже не гостемъ Карла, а въ своемъ собственномъ уинчестерскомъ дворцѣ, рѣшился ѣхать въ Англію и силою вступилъ во владѣнія отцовскимъ наслѣдствомъ. Въ сопровожденіи нѣсколькихъ человѣкъ, онъ присталъ 4 іюля 1399 г. къ Равенспорну, въ Іоркшайрѣ. Здѣсь къ нему немедленно присоединились владѣльцы Нортомберленда и Уестморленда съ сильными отрядами. Намѣстникъ Ричарда, герцогъ іоркскій, собралъ войско, но не принималъ мѣръ къ серіозному сопротивленію, и хотя нельзя доказать, что онъ дѣйствовалъ за одно съ Генрихомъ, но распоряженія его заставляютъ это предполагать. Онъ даже не пробовалъ заградить племяннику пути къ Лондону, а напротивъ уклонился отъ встрѣчи. На пути въ Лондонъ войско Генриха расло подобно лавинѣ и было радостно встрѣчено жителями столицы; откуда оно двинулось къ Ивсгему. Іоркъ, находившійся въ это время въ Беркли, принялъ предложенія Генриха и въ церкви городскаго замка вступилъ съ нимъ въ переговоры. Результатомъ этой конференціи былъ союзъ дяди съ племянникомъ. Они оба двинулись къ Бристолю во главѣ своихъ ополченій, въ которыхъ по показанію современниковъ, безъ сомнѣнія преувеличенному, считалось до 100 тыс. человѣкъ, Комендантъ бристольской крѣпости Петръ Куртнэ не хотѣлъ было и слышать о Генрихѣ, но сдалъ городъ герцогу, Іоркъ остался въ Бристолѣ, а Генрихъ пошелъ на Честеръ, умертвивъ предварительно, безъ всякаго суда, двухъ враждебныхъ ему перовъ. Ричардъ получилъ извѣстіе

о возстаніи только черезъ три недѣля послѣ высадки Генриха и тотчасъ послалъ графа Салисбери собрать поголовное ополченіе въ Уэльсѣ, къ берегамъ котораго хотѣлъ пристать съ своими войсками, но медлилъ цѣлыхъ двѣ недѣли, такъ что собравшееся ополченіе разошлось еще до его прибытія; тогда и его войско отказалось драться. Совершенно упавъ духомъ, онъ хотѣлъ было бѣжать въ Бордо, такъ какъ часть Гіени принадлежалв еще англичанамъ, но, перемѣнивъ намѣреніе, отправился въ Конуэй и послалъ къ Генриху двухъ своихъ братьевъ для переговоровъ. Генрихъ задержалъ ихъ плѣнниками и, спѣша завладѣть самимъ королемъ, отправилъ герцога нортомберлендскаго съ рекомендательнымъ письмомъ отъ одного изъ плѣнныхъ принцевъ, пригласить короля на свиданіе. Ричардъ вдался въ обманъ и попалъ въ руки Генриха. Сначала его отправили въ замокъ Флинтъ, а потомъ Генрихъ повелъ его за собою въ Честеръ, откуда хотѣлъ ѣхать въ Лондонъ, чтобы завладѣть престоломъ. Судя по нѣкоторымъ фактамъ, переданнымъ весьма обстоятельно, трусость и малодушіе Ричарда въ несчастіи равнялись его надменности и тиранству въ счастіи. Попытка его (24 августа) бѣжать изъ Личфильда не удалась и съ тѣхъ поръ стали обходиться съ нимъ весьма жестоко; въ его комнатѣ постоянно находились 12 вооруженныхъ солдатъ. Потомъ Генрихъ повезъ его съ собою въ Лондонъ. На встрѣчу новому властителю вышли изъ города меръ и синдикъ (Recorder) и настоятельно требовали немедленной казни Ричарда. При такомъ настроеніи народа, не трудно было составить парламентъ, безусловно враждебный плѣнному королю. Говорятъ, что Ричардъ, узнавъ, уже находясь въ плѣну, что аристократія и все остальное населеніе отпали отъ него, тогда же предложилъ отказаться отъ престола; но это сомнительно; если же это извѣстіе вѣрно, то, стало быть, онъ взялъ свое предложеніе назадъ, вслѣдствіе чего съ нимъ стали обращаться жестоко. Только въ Тоуэрѣ куда его заперъ Генрихъ по прибытіи въ Лондонъ, онъ окончательно рѣшился отречься отъ престола, отчасти подъ вліяніемъ угрозъ Генриха, отчасти же вслѣдствіе дружескихъ его увѣщаній.

Но Генрихъ, по совѣту своего зятя герцога Іоркскаго, неудовольствовался этимъ; онъ счелъ нужнымъ закрѣпить свои права на престолъ не отреченіемъ Ричарда, а низложеніемъ его по рѣшенію парламента. Онъ заставилъ короля подписать актъ отреченія, написанный въ самыхъ унизительныхъ выраженіяхъ. Какъ онъ достигъ этого и что вообще происходило по этому поводу между нимъ и Ричардомъ извѣстно только изъ парламентскихъ протоколовъ, составлявшихся подъ его же вліяніемъ; а въ подобныхъ случаяхъ оффиціальнымъ источникамъ слѣдуетъ довѣрять менѣе всего. Потому мы и не останавливаемся на нихъ. Самое низложеніе Ричарда ясно доказывало, что новый король такъ же мало, какъ и прежній, будетъ уважать конституціонныя права англичанъ, и найдетъ въ парламентѣ такого же безусловно покорнаго исполнителя своей воли, какимъ былъ парламентъ при Ричардѣ. Когда въ парламентѣ былъ прочтенъ актъ отреченія короля, всѣ члены его и публика поднялись съ мѣстъ и громкими криками выразили одобреніе. Затѣмъ былъ прочитанъ обвинительный актъ противъ короля (impeachment), содержавшій въ себѣ 33 или 35 пунктовъ (ихъ можно найти у Рапена Туара (Raspin Thoyras). О самой сущности обвиненій Генрихъ мало заботился; онъ расчитывалъ на многочисленность ихъ и надѣялся, что этимъ побудитъ парламентъ постановить единогласно и безъ преній рѣшеніе о низложеніи Ричарда и о выборѣ его на престолъ. Но это не вполнѣ удалось ему. Епископъ Карляйльскій, Томасъ Меркъ, смѣло выступилъ защитникомъ Ричарда и не только старался опровергнуть отдѣльные пункты обвиненія, но даже осмѣялъ доводъ, который былъ приведенъ Генрихомъ въ доказательство своихъ правъ на престолъ: именно, что его дѣдъ съ материнской стороны былъ старшимъ братомъ Эдуарда I и стало быть настоящимъ наслѣдникомъ престола. Однако участь Меркса показала, какъ опасно было противодѣйствовать партіи Генриха преобладавшей въ парламентѣ. Только что онъ кончилъ говорить, его схватили и отправили въ заключеніе въ Сентъ-Ольбенсъ (St. Albans). Тотчасъ затѣмъ

низложеніе короля было утверждено парламентомъ, торжественно обнародовано и объявлено верховнымъ судьею Ричарду, уже совсѣмъ упавшему духомъ. Избраніе Генриха прямо противорѣчило законамъ Англіи о престолонаслѣдіи, такъ какъ старшимъ братомъ отца Ричарда былъ не отецъ Генриха, Джонъ, а герцогъ Лайонель Кларенсъ, послѣ котораго остались два малолѣтнихъ внука, графы де ла Марчъ, сыновья его дочери; имъ то и принадлежало ближайшее право на вакантный престолъ, и въ царствованіе Ричарда оно было признано парламентомъ за ними. Но Генрихъ ни мало не заботился объ этомъ и завладѣлъ престоломъ, даже не спросивъ согласія парламента. Съ наглостью и лицемѣріемъ онъ объявилъ, что вступаетъ на законно принадлежащій ему престолъ по волѣ Бога, чтобы возстановить государство, разрушающееся отъ дурнаго управленія *). Счастливому узурпатору со всѣхъ сторонъ отвѣчали громкимъ, радостнымъ одобреніемъ. — Черезъ 14 дней послѣ того онъ уже былъ коронованъ архіепископами Контерберійскимъ и Іоркскимъ.

Новый король Генрихъ IV нашелъ въ первомъ, собравшемся послѣ коронаціи парламентѣ такое же слѣпо-послушное орудіе, какъ и его предшественникъ: оба парламента состояли изъ тѣхъ же лицъ. Архіепископъ контерберійскій, скоро возвратившій себѣ прежнее значеніе въ новомъ управленіи, всѣми силами содѣйствовалъ

*) In the name of the father, son, and holy ghostj Henry of Lancaster challenge this realm of England and the crown with all the members and appartenances, as j am descended by right line of blood coming from the good lord king Henry III, and that right that God in his grace hath sent me with my kin and (of) my friends to recover it; the which realm was in point to be undone for defaultof governance and undoing of good laws. (Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа я, Генрихъ Ланкастерскій, принимаю это англійское королевство и корону со всѣми частями и принадлежностями, такъ какъ я происхожу по прямой линіи крови отъ добраго господина короля Генриха III, и такъ какъ Богъ, по своей милости, послалъ мнѣ, съ моими родными и друзьями, воспользоваться моимъ правомъ на государство, которое почти погибало отъ дурнаго управленія и отсутствія хорошихъ законовъ).

упроченію власти Генриха. Для этой цѣли необходимо было во 1-хъ, утвердить за старшимъ сыномъ Генриха титулъ принца уэльскаго, т. е. наслѣдника престола; во 2-хъ, заставить народъ забыть о правахъ графовъ ла Марчъ на престолъ, и въ 3-хъ, удалить бывшаго короля, чтобъ совершенно уничтожить память объ немъ. Первое было достигнуто манифестомъ; во второмъ помогли Генриху сначала родные и друзья малолѣтнихъ графовъ, именно тѣмъ, что вовсе не заботились объ нихъ и объ ихъ правахъ, — а потомъ Генрихъ перевелъ ихъ въ Уиндзоръ и крѣпко стерегъ ихъ тамъ. Въ третьемъ пособили Генриху перы; они совѣтовали ему заточить Ричарда въ какой нибудь отдаленный замокъ и отнять у него возможность сношенія съ остальнымъ міромъ. Тогда Генрихъ, явившись въ парламентъ, объявилъ ему, что приговорилъ Ричарда къ пожизненному заключенію; онъ отправилъ бывшаго короля въ замокъ Понтеррэктъ. Вскорѣ затѣмъ пятью или шестью членами знатнѣйшихъ фамилій Англіи, къ которымъ присоединились и братья Ричарда, была сдѣлана попытка овладѣть Генрихомъ въ Уиндзорѣ и возстановить Ричарда на престолѣ. Эта попытка не удалась, и не только заговорщики, но и самъ Ричардъ поплатился за нее смертью. Созванный народъ захватилъ заговорщиковъ и бросилъ ихъ въ тюрьму вмѣстѣ съ ихъ приверженцами и вассалами; потомъ они были почти всѣ преданы, безъ суда, жестокой казни, употреблявшейся тогда въ Англіи въ отношеніи государственныхъ измѣнниковъ. Раздѣлавшись такимъ образомъ съ врагами, Генрихъ счелъ однако нужнымъ запретить на будущее время подобную народную расправу. Вслѣдъ за казнью заговорщиковъ былъ убитъ и Ричардъ. Какому роду смерти его подвергли—въ точности неизвѣстно. По однимъ свѣдѣніямъ, его заморили голодомъ въ 15 дней; по другимъ, убійцы, въ борьбѣ съ нимъ, нанесли ему смертельную рану въ затылокъ: когда выставили его трупъ напоказъ, на лицѣ не было замѣтно никакихъ знаковъ насилія. Такъ или иначе но всѣ историки единогласно говорятъ, что Ричардъ умеръ насильственною смертью въ Понтеррэктѣ, вслѣдъ за казнью его братьевъ и приверженцевъ ихъ. Генрихъ хотя и утверждалъ, что

овъ невиненъ въ его смерти, — но трудно допустить, чтобы Ричарда оставили въ живыхъ, если бы и не было попытки освободить его.

Все царствованіе Генриха IV (1399 — 1413) прошло въ заговорахъ, возстаніяхъ, междоусобныхъ войнахъ и тѣхъ жестокихъ казняхъ, какія совершались въ Англіи вплоть до половины XVIII столѣтія, по ея каннибальскимъ уголовнымъ законамъ того времени. Въ этой борьбѣ съ возстаніями успѣхъ былъ на сторонѣ Генриха. Онъ умѣлъ чрезвычайно ловко пользоваться народными представителями (knights of the shire) для противодѣйствія баронамъ, и предоставилъ палатѣ общинъ кое-какія новыя, въ сущности ничтожныя права, которыя однако увеличили на первыхъ порахъ значеніе палаты. Конечно эти новыя права не представляли обезпеченій народу отъ произвола и насилія правителей; народъ былъ для нихъ менѣе страшенъ, нежели бароны съ ихъ военною силою и вплоть до Іакова I-го короли, сознававшіе свою силу, продолжали относиться къ народу произвольно и не обращая вниманія на его законныя права. Но какъ часто эти права ни нарушались, какъ долго иногда объ нихъ небыло и помину, народъ не забывалъ ихъ и при каждомъ удобномъ случаѣ, снова предъявлялъ ихъ и заставлялъ уважать. Генрихъ формально предоставилъ палатѣ общинъ установленіе налоговъ почти безъ всякаго вмѣшательства со стороны прочихъ органовъ правительственной власти; но вмѣстѣ съ тѣмъ, подражая предшественнику, принималъ мѣры, чтобы въ парламентъ выбирались подъ вліяніемъ шерифовъ только люди, готовые исполнять его волю. Кромѣ того онъ согласится, чтобы, въ силу древняго обычая, депутаты, подобно перамъ, не подвергались аресту и суду, если только не будутъ пойманы на мѣстѣ преступленія; — однако потомъ онъ нарушилъ привилегію, предавъ суду депутата Джона Сэвэджа ранившаго одного изъ своихъ сочленовъ. Онъ предоставилъ парламенту свободу преній, и право подачи жалобъ, но объявилъ спикеру парламента — Томасу Чаусеру, что свобода преній въ парламентѣ должна быть прежняя, что онъ не допуститъ въ парла-

ментѣ никакихъ нововведеній, желая сохранить за собой всѣ льготы и права, какими пользовались прежніе короли.

Больше всего досаждали ему члены могущественнаго дома Перси и уэльсцы. Вначалѣ Перси были его надежнѣйшею поддержкою; потому онъ осыпалъ ихъ имѣніями, почестями, титулами, и между прочимъ отдалъ одному изъ нихъ, герцогу Нортомберлэндскому весь островъ Мэнъ. Особенно сынъ герцога Нортомберлэндскаго Генрихъ Горячая Шпора, (т. VIII, стр. 456) дѣятельно помогалъ королю въ усмиреніи внутреннихъ волненій послѣ смерти Ричарда, въ частыхъ войнахъ съ шотландцами и въ подавленіи возстанія уэльсцевъ. Уэльсцы, изъ ненависти къ англичанамъ, избрали себѣ начальникомъ, Оуэна апъ-Гриффита Воугана владѣльца Глендоудри, обыкновенно называемаго Оуэномъ Глендоуромъ и производившаго свой родъ отъ Ллевелина (т. VII. стр. 428), и вели ожесточенную борьбу съ англичанами за независимость. Перси охраняли сѣверныя границы Англіи отъ шотландскихъ горцевъ, и съ этой цѣлью заняли городъ Бервикъ. Но они были грубы и надменны, а Генрихъ деспотиченъ и подозрителенъ, и вскорѣ случайное обстоятельство разсорило на смерть короля сначала съ приверженцами фамиліи Перси, а вслѣдъ за тѣмъ и съ ними самими. Генрихъ отнялъ у вассаловъ, древнее право располагать участью взятыхъ на войнѣ плѣнниковъ, желая располагать ими по произволу. Это возбудило сильное неудовольствіе и было причиною окончательнаго разрыва между королемъ и Перси. Нужно было выкупить лорда Грея Рётина и графа Едмунда Мортимера, взятыхъ въ плѣнъ уэльсцами. Король дозволилъ освободить Грея, котораго любилъ, но не согласился на выкупъ Мортимера, дяди законныхъ наслѣдниковъ престола, графовъ де ла-Марчъ. Тогда Генрихъ Горячая Шпора открыто возсталъ противъ короля, такъ какъ Мортимеръ былъ женатъ на сестрѣ Генриха. Вмѣстѣ съ нимъ все рыцарство Нортомберленда, считая свои права нарушенными, объявило войну Генриху IV, подобно тому какъ въ XI ст. саксы и тюрингенцы отложились отъ

императора Генриха IV (ч. VI. стр. 263), съ тою только разницею, что здѣсь не упоминалось о папѣ и о духовныхъ. Шотландскій графъ Дугласъ также присталъ къ Перси. Іоркшайрскіе и шотландскіе рыцари встрѣтились съ королевскимъ войскомъ при Шрьюсбёри (21 іюня 1403), гдѣ произошло такое же упорное сраженіе, какъ нѣкогда между швабами и саксами и императоромъ Генрихомъ IV при Унштрутѣ (т. VI. стр. 271). Храбрый Генрихъ Перси, игравшій при этомъ роль Оттона Нордгеймскаго, былъ однако не такъ счастливъ, какъ онъ. На каждой сторонѣ было, говорятъ, по 14 т. отборнаго рыцарства и превосходныхъ стрѣлковъ изъ лука, составлявшихъ въ средніе вѣка лучшую часть англійскаго войска. Потому это сраженіе было однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ и упорнѣйшихъ въ исторіи среднихъ вѣковъ. — Счастье благопріятствовало королю: Генрихъ Перси былъ убитъ; а графъ Дугласъ, одинъ изъ братьевъ герцога Нортомберлендскаго и два могущественные владѣтели, Киндертонъ и Вернонъ, попались въ плѣнъ. Дугласа пощадили, но братъ герцога Нортомберленда, Киндертонъ и Вернонъ были казнены. Вдову Генриха Перси, Елизавету, король держалъ въ заключеніи до ея смерти, такъ какъ она принадлежала къ дому Мортимеровъ.

Послѣ сраженія, при Шрьюсбери, Генрихъ былъ постоянно въ ссорѣ или въ открытой войнѣ съ знатью, родными, Франціей, Шотландіей, съ подданными своими въ Уэльсѣ и, наконецъ, съ старшимъ своимъ сыномъ, обнаружившимъ свои великія дарованія только по смерти отца. Вопреки своей обычной строгости, Генрихъ не особенно преслѣдовалъ герцога Нортомберлендскаго послѣ пораженія его сына; онъ только подвергъ его судебному слѣдствію и отнялъ островъ Мэнъ и нѣсколько другихъ владѣній. Но герцогъ не могъ забыть прошлаго и, оставшись владѣтелемъ сѣверной границы королевства, скоро возобновилъ враждебныя дѣйствія. Генрихъ между тѣмъ безсовѣстно отдѣлался отъ сына и наслѣдника своего дяди, герцога Іоркскаго, умершаго въ 1402 г. Поводъ къ этому дала дочь Іорка, Констанція, бывшая замужемъ за лордомъ Спенсе-

ромъ и жившая по смерти мужа при дворѣ. Она вздумала освободить графовъ де ла-Марчь, заключенныхъ въ Уиндзорѣ и, добывъ ключи отъ ихъ комнатъ, бѣжала съ обоими графами къ уэльской границѣ. Но Генрихъ бросился въ погоню, настигъ и привезъ плѣнниковъ въ Лондонъ. Констанція обвинила во всемъ своего брата Эдуарда и заявила сверхъ того, что онъ принималъ участіе во многихъ переговорахъ и сношеніяхъ противъ короля. Неизвѣстно, вѣрно ли было это обвиненіе или нѣтъ: однако Генрихъ дѣйствовалъ такъ, какъ будто считалъ его справедливымъ; онъ конфисковалъ имѣнія двоюроднаго брата и заключилъ его въ тюрьму. Это происходило въ февралѣ и мартѣ 1405 г. Въ іюнѣ Генрихъ выступилъ противъ герцога Нортомберлендскаго, архіепископа іоркскаго Скрупа и храбраго шотландскаго графа Дугласа. Вся сѣверная Англія возстала; въ городъ Бервикъ былъ впущенъ герцогомъ Нортомберлендскимъ тогдашній правитель шотландскій герцогъ Ольбэни Но Генрихъ дѣйствовалъ такъ быстро, что въ нѣсколько недѣль потушилъ мятежъ. Еще до его прибытія графъ Уестморлендъ коварною хитростью убѣдилъ архіепископа и его союзниковъ распустить войска, и затѣмъ схватилъ ихъ. Генрихъ приказалъ произвести надъ архіепископомъ немедленный судъ и предалъ его жестокой казни. Жители города Іорка подверглись тяжкимъ наказаніямъ. Затѣмъ Генрихъ двинулся на границу противъ Нортомберленда. Но узнавъ, что уэльсцы получили съ моря помощь изъ Франціи, онъ обратился сперва противъ нихъ, быстро одолѣлъ ихъ и снова обратился къ сѣвернымъ границамъ, гдѣ въ то время правитель шотландскій уже отказался отъ борьбы, сжегъ Бервикъ и отступилъ въ горы. Нортомберлендъ и его товарищъ лордъ Бардольфъ, бѣжали въ Шотландію. Генрихъ склонилъ продажную шотландскую знать выдать ихъ, но они, во время узнавъ объ этомъ, успѣли бѣжать въ Уэльсъ, къ Оуэну Глендоуру. Они тѣмъ менѣе должны были довѣрять шотландцамъ, что шотландскій регентъ имѣлъ основательныя причины не раздражать Генриха, захватившаго въ мартѣ 1405 г. наслѣдника шотландскаго престола. Шот-

ландскій король Робертъ III, давно уже удалившійся на островъ Бьютъ, имѣлъ неосторожность передать правленіе своему брату, герцогу Ольбэни, и согласился даже, чтобы его старшаго сына, Давида, подвергли преслѣдованію, какъ государственнаго преступника. Герцогъ Ольбэни, желавшій отнять престолъ у племянниковъ, заключилъ Давида въ замокъ Фоклэндъ и содержалъ его такъ дурно, что, когда Давидъ умеръ, говорили, что его уморили голодомъ, какъ Ричарда II. Смерть старшаго сына возбудила подозрѣнія короля Роберта, и онъ послалъ своего втораго сына 14-ти лѣтняго Іакова I, во Францію, въ сопровожденіи двухъ его воспитателей (въ мартѣ 1405). Въ это время между Англіей и Шотландіей было перемиріе, и Робертъ далъ провожатымъ сына письмо къ Генриху IV, на случай если бы имъ пришлось пристать къ Англіи, что и случилось. По Юму и слѣдовавшимъ ему писателямъ, морская болѣзнь заставила шотландцевъ высадиться въ Норфокѣ; напротивъ, Лингардъ утверждаетъ, на основаніи болѣе достовѣрныхъ данныхъ, что корабль принца былъ взятъ англійскимъ пиратомъ. Такъ или иначе, но принцъ попалъ въ руки Генриха и былъ имъ задержанъ. Говорятъ, что на требованіе отпустить его, Генрихъ отвѣчалъ насмѣшливо, что знаетъ также хорошо по французски, какъ и братъ его Карлъ французскій, и съумѣетъ не хуже его воспитать шотландскаго короля. Французы нѣсколько лѣтъ поддерживали уэльское возстаніе, посылая туда отъ времени до времени вспомогательныя войска, пока наконецъ не умеръ герцогъ Орлеанскій, бывшій непримиримымъ врагомъ Генриха и даже вызывавшій его однажды на поединокъ. Около того же времени старшій сынъ англійскаго короля постоянно кутившій и ссорившійся съ отцемъ, впервые обнаружилъ въ войнѣ съ Глендоуромъ свои замѣчательныя военныя способности. Не расчитывая болѣе на помощь со стороны Франціи, Глендоуръ, убѣдилъ бѣжавшихъ къ нему предводителей возстанія герцога Нортомберленда и лорда Бардольфа возбудить снова междоусобицу въ Англіи. Они отправились въ окрестности Іорка, и уже собрали значительное чи-

сло приверженцевъ, когда Генрихъ съ обычною быстротою устремился противъ нихъ во главѣ большаго войска, а іоркшайрскій шериффъ сэръ Томасъ Рокби преградилъ имъ путь на сѣверъ (1408 г.). Пользуясь тѣмъ, что войско короля было еще далеко, они напали на Рокби, но были разбиты на голову. Нортомберлендъ былъ убитъ, а Бардольфъ — смертельно раненъ. Изъ союзниковъ ихъ были взяты въ плѣнъ аббатъ гэльскій и епископъ Бэнгорскій. Перваго тотчасъ повѣсили, а втораго пощадили, такъ какъ онъ былъ взятъ въ полномъ облаченіи. Вскорѣ прибылъ король и ознаменовалъ побѣду рядомъ конфискацій и жестокихъ казней. Тогда и уэльсцамъ пришлось укрыться въ своихъ горахъ и ущельяхъ.

3. Внутреннія волненія во Франціи при Карлѣ VI до возобновленія войны съ Англіей.

Съ тѣхъ поръ какъ сумасшествіе Карла VI приняло періодическій характеръ, и регентство на время этихъ припадковъ было предоставлено парламентомъ не герцогу Орлеанскому, имѣвшему на него право, а Филиппу Бургундскому, Франція была въ самой плачевномъ анархическомъ состояніи. Герцогъ Орлеанскій распоряжался наравнѣ съ герцогомъ Бургундскимъ, а король, приходя въ себя, утверждалъ, смотря по распоряженію духа, совершенно противорѣчащія распоряженія. Въ 1396 и 97 годахъ онъ былъ довольно долго здоровъ, и въ это время былъ предпринятъ неудачный походъ первыхъ вельможъ государства противъ Баязеда I (ч. VIII. стр. 548); вскорѣ за тѣмъ маршалъ Бусико былъ посланъ съ флотомъ въ Константинополь, (т. IX. стр. 40), возвратился оттуда въ Парижъ съ греческимъ императоромъ Мануиломъ Палеологомъ (ч. IX. стр. 43) и потомъ отправился съ войскомъ въ Геную. Съ 1397 до 1402 г. болѣзнь короля опять усилилась, а съ нею возобновилась и распря герцоговъ Орлеанскаго и Бургундскаго. Вдобавокъ, при дворѣ происходили самыя постыдныя скандалы. Королева Иза-

белла, боясь припадковъ сумашествія мужа, давно уже прекратила съ нимъ сношенія и ввела ко двору дѣвушку простаго происхожденія, которую называли маленькой королевой. Сама Изабелла жила въ подозрительной интимности съ герцогомъ Орлеанскимъ. Король съ своей стороны любилъ жену брата, Валентину Висконти, которая одна имѣла на него вліяніе во время припадковъ; поэтому мужъ уже удалилъ ее однажды на нѣсколько времени отъ двора. Герцогъ Орлеанскій, которому было тогда 28 лѣтъ, при содѣйствіи короля, своего дяди герцога Беррійскаго и даже герцога Бурбонскаго настойчиво отстаивалъ свое право противъ герцога Бургундскаго и всячески досаждалъ ему. Такъ, онъ велѣлъ сжечь на площади его фаворита Жана де-Бара за то, что этотъ искусный, по мнѣнію Филиппа, колдунъ, не показалъ ему чорта, какъ обѣщалъ(*). Но не будучи въ состояніи бороться оружіемъ противъ герцога Бургундскаго, онъ ссылался съ 1399 г. на королевское рѣшеніе, требуя себѣ главнаго участія въ управленіи. Вовсе устранить дядю было сначала невозможно и до конца 1400 г., власть осталась въ рукахъ обоихъ противниковъ. Однако герцогу Орлеанскому удалось овладѣть управленіемъ финансами и тутъ онъ позволилъ себѣ крайній произволъ и величайшія злоупотребленія. Отрѣшивъ большую часть прежнихъ генеральныхъ сборщиковъ податей (aides), онъ замѣстилъ ихъ своими клевретами, которымъ доставилъ неограниченную власть и право суда; онъ запретилъ жаловаться на нихъ и аппелировать противъ ихъ рѣшеній даже къ королевскому совѣту. Большую часть доходовъ онъ употреблялъ въ свою пользу, простирая злоупотребленія до того, что король часто терпѣлъ нужду въ необходимѣйшемъ, тогда какъ роскошь герцогскаго двора увеличивалась съ каждымъ днемъ. Въ 1401 г. поѣздка герцога Бургундскаго въ Нидерланды, по случаю женитьбы сына, дала ему возможность захватить съ помощью королевы, все уп-

(*) Bien bon clere, nigromancien et invocateur des diables, et en faisoit son devoir).

равленіе въ свои руки. Парижскій парламентъ тотчасъ обратился къ Филиппу съ настоятельною просьбою поспѣшить возвращеніемъ; но уже было поздно, въ Парижъ его не пустили, и онъ былъ принужденъ уѣхать изъ Санли. Междоусобная война казалась неизбѣжною. Союзникъ Лудовика Орлеанскаго, герцогъ Гельдернскій, уже выступилъ къ нему на помощь; а Филиппъ Бургундскій также собралъ войско, усиленное отрядами воинственнаго епископа люттихскаго, баварскаго принца Іоанна Немилосерднаго—.Однако соединенныя усилія королевы и герцоговъ Беррійскаго и Бурбонскаго примирили враговъ. Вслѣдъ за тѣмъ, герцогъ Орлеандскій едва не былъ совершенно устраненъ отъ правленія: его распутство, безстыдство и мотовство зашли такъ далеко, что самъ король, въ одну изъ свѣтлыхъ минутъ, назначилъ герцога Бургундскаго предсѣдателемъ совѣта регентства на случай своей болѣзни. Но королева съумѣла парализировать это распоряженіе. Она заставила больнаго мужа ввѣрить ей опеку надъ обоими сыновьями, и пріобрѣла этимъ первенствующее значеніе, которое и раздѣлила съ герцогомъ Орлеанскимъ.

Въ 1404 г. умеръ Филиппъ Бургундскій. Онъ былъ такимъ же мотомъ, какъ и его соперникъ, и не смотря на то, что владѣнія его были самою богатою европейской страною, послѣ Испаніи, онъ довелъ своею безграничною щедростью, гостепріимствомъ и царскою пышностью свои финансы до такого состоянія, что его вдова, затрудняясь заплатить всѣ его долги, отказалась отъ наслѣдства. Его французскія владѣнія перешли къ старшему сыну его, Іоанну Безстрашному; только Неверъ и Ретель достались младшему, Филиппу. Въ слѣдующемъ году умерла и его вдова, Маргарита, дочь и наслѣдница графа фландрскаго Людовика III. Она оставила Іоанну Безстрашному Франшъ-Конте, Фландрію, Артуа, Антверпенъ и Мехельнъ. Брабантъ и Антверпенъ достались сперва второму брату Іоанна, Антону, но по смерти Антона Антверпенъ перешелъ тоже къ Бургундіи. Сынъ и наслѣдникъ Іоанна получилъ кромѣ того, отъ вдовы Антона Люксенбургъ, а отъ сына его, Филиппа, Брабантъ и

Лимбургъ, и такимъ образомъ сдѣлался однимъ изъ могущественнѣйшихъ европейскихъ владѣтелей. Іоаннъ Безстрашный дѣйствовалъ противъ герцога Орлеанскаго гораздо рѣшительнѣе, чѣмъ его отецъ Филиппъ. Не обладая хорошими свойствами своего отца, онъ былъ предпріимчивъ, но мстителенъ и золъ; управляя ханжами — Нидерландцами, онъ, подобно итальянскимъ тираннамъ, открыто смѣялся надъ религіею и нравственностью. Въ самый годъ смерти отца, онъ началъ войну противъ герцога Орлеанскаго, который между тѣмъ, забывъ всякій стыдъ, жилъ въ открытой связи съ королевой и давалъ ежедневные пиры и увеселенія, заставляя короля и принцевъ терпѣть нужду. Когда Іоаннъ двинулся на Парижъ, онъ бѣжалъ въ Мелень, куда за нимъ отправилась и королева, бросивъ мужа. Дофина долженъ былъ увезти ея братъ, герцогъ Лудвигъ Баварскій. Но Іоаннъ, узнавъ о бѣгствѣ королевы, двинулся быстро впередъ, отнялъ принца у Лудвига и привезъ его въ Парижъ, гдѣ король Наварскій, герцоги Беррійскій, Бурбонскій, графъ де ла Маршъ и другіе вельможи встрѣтили дофина съ восторгомъ, какъ спасеннаго. Распря двухъ первыхъ перовъ королевства была тѣмъ предосудительнѣе, что родственныя ихъ связи сдѣлались еще тѣснѣе, такъ какъ дофинъ обручился съ дочерью Іоанна, Маргаритою, а старшій сынъ герцога Бургундскаго, Филиппъ Добрый былъ помолвленъ на дочери короля. Положеніе дѣлъ во Франціи было тогда самое безотрадное; множество анекдотовъ, приводимыхъ Фруассаромъ, доказываютъ, что въ то время исчезъ всякій порядокъ. Такъ, однажды нѣкто де Серизи нагло оскорбилъ торжественную университетскую процессію, а когда студенты взялись за каменья, жестоко избилъ ихъ при помощи шайки пажей; герцогъ Орлеанскій, не хотѣвшій ссориться съ университетомъ, произвелъ суровую расправу, выгналъ де Серизи изъ города и приказалъ срыть его отель до основанія. Въ другой разъ люди герцога Беррійскаго ворвались ночью, какъ разбойники, въ домъ епископа Пюискаго и забрали все, что нашли (une bible

un bréviaire, une ceinture et autres chosettes *). Когда парламентъ приказалъ арестовать виновныхъ, герцогъ Беррійскій грозилъ местью парламентскимъ совѣтникамъ, такъ что весь парламентъ долженъ былъ отправиться къ нему съ просьбою, чтобы онъ не мѣшалъ отправленію правосудія, то есть просить, какъ милости, позволенія исполнить свою обязанность (la cour arreta, qu'elle irait trouver les seigneurs, pour les aviser sur ce, afin qu'ils n'empêchassent point justice). Далѣе Фруассаръ расказываютъ, что однажды правительство собрало какія то подати съ условіемъ, что деньги будутъ храниться въ башнѣ и расходоваться только по указанію совѣта казначейства; но герцогъ Орлеанскій, пренебрегая общественнымъ мнѣніемъ, послалъ вооруженныхъ людей и силою завладѣлъ деньгами. Объ обращеніи его дворни съ несчастнымъ народомъ можетъ дать понятіе слѣдующей случай: герцогъ былъ столь же суевѣренъ, сколько развратенъ и порочень, и велѣлъ какъ-то разъ въ припадкѣ страха смерти и мученій ада созвать своихъ кредиторовъ, чтобъ расплатиться съ ними. Когда они въ числѣ 800 человѣкъ явились къ нему, придворные имѣли наглость сказать собравшимся: „вы должны считать за величайшую честь, что герцогъ беретъ у васъ деньги и удостоиваетъ иногда вспоминать о васъ".—При такомъ состояніи нравовъ и общественнаго порядка не удивительно, что парламентъ, получивъ жалобу герцога Орлеанскаго на то, что дофинъ былъ возвращенъ насильно Іоанномъ въ Парижъ, хотя и внесъ ее въ протоколъ, но прибавилъ въ концѣ неутѣшительное замѣчанія, что Франціи нечего ждать отъ людей и остается надѣяться только на помощь Божію (qu'il en adviendra, dieu y pourvoie; car en lui doit aspérance et fiance, non dans les princes et les enfants des hommes dont on ne doit attendre de salut). Вскорѣ Парижъ принялъ видъ военнаго лагеря. Приверженцы обоихъ герцоговъ съ войсками заняли улицы и дома. Іоаннъ Безстрашный укрѣпилъ свой дворецъ Артуа и призвалъ въ городъ наемныя толпы епископа люттихскаго. Этотъ замѣча-

*) Библію, молитвенникъ, поясъ и другія вещицы.

тельный епископъ управлялъ епархіею по-свѣтски, не посвящался въ духовное знаніе и, гордясь прозвищемъ Немилосерднаго, постоянно былъ во главѣ своихъ отрядовъ, Герцогъ Орлеанскій также собралъ войско въ Меленъ изъ рыцарей южныхъ и западныхъ провинцій. Каждую минуту ждали рѣшительнаго сраженія подъ столицею, тѣмъ болѣе, что попытка короля примирить противниковъ не имѣла успѣха. Наконецъ однако удалось согласить ихъ, хотя спокойствіе возстановилось не ранѣе какъ чрезъ два мѣсяца. Оба герцога распустили войска, Іоаннъ получилъ участіе въ управленіи, и въ октябрѣ 1405 г. герцогъ Орлеанскій и королева вернулись въ столицу. Въ то самое время, когда король, одержимый бѣшенствомъ и всѣми покинутый, былъ въ такомъ ужасномъ положеніи, что мы не рѣшаемся подробно говорить объ этомъ, королева въѣхала въ городъ съ необычайною торжественностью и роскошью. Она сидѣла въ открытыхъ носилкахъ, великолѣпно одѣтая; по обѣимъ сторонамъ находились герцоги Орлеанскій и Бургундскій; свита состоявшая изъ множества придворныхъ дамъ, фрейлинъ, принцевъ и придворныхъ, блистала нарядами съ золотомъ и драгоцѣнными камнями; даже подковы лошадей были изъ серебра.

Между тѣмъ враждебныя дѣйствія противъ англичанъ давно уже возобновились, такъ какъ Генрихъ IV отослалъ обратно во Францію невѣсту Ричарда II, принцессу Изабеллу, но не возвратилъ ея приданаго. Три главныя предпріятія французовъ въ эту войну, походы герцога Орлеанскаго въ Гіэнь и Уэльсъ и осада Кале герцогомъ Бургундскимъ совершенно не удались; но по крайней мѣрѣ, благодаря имъ, отношенія между обоими герцогами, стоявшими во главѣ правленія, были въ теченіе 1406 года по видимому лучше прежняго. Но уже въ слѣдующемъ году вражда ихъ сдѣлалась ожесточеннѣе, чѣмъ когда либо. Вліяніе герцога Орлеанскаго видимо усиливалось. Принцессу, пріѣхавшую изъ Англіи, выдали за его старшаго сына Карла, а другому сыну отдали Гіэнь, не смотря на то, что дофинъ давно уже носилъ титулъ герцога гіэнскаго. Это и еще многое другое возбуждало герцога Бургундскаго противъ брата

короля; но главною причиною его ожесточенія противъ него была наглость, съ которою герцогъ Орлеанскій хвасталъ, что въ числѣ многихъ красавицъ, надъ добродѣтелью которыхъ онъ восторжествовалъ, была и цѣломудренная герцогиня Бургундская. Іоаннъ Безстрашный рѣшился убить противника. Пользуясь обыкновеніемъ Лудовика посѣщать по вечерамъ разрѣшившуюся отъ бремени королеву, онъ спряталъ въ нанятомъ имъ домѣ (ночью съ 23 на 24 ноября 1407 г.) 13 убійцъ и послалъ участвовавшаго въ заговорѣ каммердинера короля вызвать герцога отъ королевы. (Monseigneur, сказалъ каммердинеръ, le roi vous mande, que sans délai vous veniez devers lui et qu'il a à parler à vous hastivement et pour chose qui grandement touche á lui et á vous *). Герцогъ тотчасъ отправился съ немногими проводниками по темнымъ улицамъ, освѣщаемымъ только четырьмя его факельщиками, и былъ зарѣзанъ ожидавшими его убійцами. Іоаннъ сперва отрицалъ всякое участіе въ преступленіи и даже присутствовалъ при погребеніи герцога; но въ его дворцѣ укрывались нѣсколько убійцъ, и когда парижскій уголовный судья (prevôt de Paris), узнавъ объ этомъ, просилъ дозволенія королевскаго совѣта обыскать дворцы всѣхъ принцевъ, то Іоаннъ, думая отстранить обыскъ, признался въ преступленіи герцогу Беррійскому, говоря, что его попуталъ дьяволъ, (que le diable l'avait tenté et surpris). Герцогъ воскликнулъ на это, что въ одну ночь онъ лишился двухъ племянниковъ. Не смотря на признаніе, Іоаннъ хотѣлъ присутствовать на другой день въ совѣтѣ, гдѣ должна была разсматриваться просьба уголовнаго судьи; но герцогъ Беррійскій не впустилъ его, а герцогъ Бурбонскій требовалъ даже его арестованія. Однако онъ успѣлъ во время скрыться и благополучно достигъ своихъ владѣній. Парижане были въ восторгѣ отъ убійства тирана и громко выражали свою радость, не предчувствуя безконечнаго ряда страданій, навлеченныхъ на Францію этимъ преступленіемъ. Вдова герцога Орлеанскаго, Валентина, потребовала у ко-

*) Монсеньеръ, король требуетъ васъ немедленно къ себѣ, имѣя переговорить съ вами о важномъ дѣлѣ, касающемся его и васъ.

роля наказанія убійцы, и Карлъ, обладавшій въ то время разсудкомъ, обѣщалъ исполнить ея просьбу, не думая о томъ, будетъ ли въ состояніи выполнить обѣщаніе. Іоанна потребовали къ суду, позволивъ ему публично защищаться. Разсчитывая на поддержку парижанъ, онъ явился съ тысячью вооруженныхъ людей, но не съ повинною, а для оправданія своего поступка передъ судомъ, въ которомъ дофинъ заступалъ мѣсто короля. Францисканецъ Жанъ-Пти съ безсовѣстностью защищалъ убійство сперва въ королевскомъ совѣтѣ (8 марта 1408), а потомъ вторично передъ народомъ, доказывая, что герцогъ Орлеанскій былъ тиранъ, а убіеніе тирановъ не только не преступленіе, но великая заслуга. Впослѣдствіи ниществующіе монашескіе ордена начали проповѣдовать этотъ безбожный и опасный принципъ, поддерживая его всевозможными схоластико-философскими и богословскими доводами; епископъ аррасскій и вообще все бургундское духовенство возвели даже это ученіе въ догматъ. Напротивъ, парижскій университетъ въ лицѣ своего знаменитаго канцлера, Жана Жерсона, осудилъ ученіе Пти, какъ еретическое и пагубное для души. Это вызвало одновременно съ междоусобною войною приверженцовъ Орлеанскаго и Бургундскаго герцоговъ, горячій ученый споръ между бургундскимъ и французскимъ духовенствомъ. Въ рядахъ послѣдняго, многіе, даже принадлежавшіе къ университету, выступили противниками Жерсона, и когда король велѣлъ предать суду ученіе Пти, приняли сторону францисканца, утверждая, что онъ не провозглашалъ никогда приписываемыхъ ему девяти положеній. Ученіе объ убіеніи тирановъ или другими словами, казуистика, возобновленная въ XVI ст. іезуитами и, къ сожалѣнію, не вполнѣ отвергнутая другомъ Кальвина Ѳеодоромъ Безою, произвела впослѣдствіи расколъ даже между отцами Констанцскаго собора. Хотя французскій король и убѣжденный имъ императоръ Сигизмундъ настоятельно требовали осужденія бургундскаго ученія, тѣмъ не менѣе соборъ одобрилъ его и порицалъ парижскій университетъ и его канцлера за то, что они осудили его.

Кардиналамъ возражали на это, что они были пристрастны къ ученію Пти изъ желанія угодить герцогу Бургундскому, котораго считали сильнѣе французскаго короля и императора, и соборъ отмѣнилъ свое первое постановленіе. Однако вопросъ этотъ не былъ рѣшенъ окончательно, и Жерсонъ рѣзко упрекалъ въ несправедливости папу и отцевъ церкви, явно противорѣчившихъ себѣ въ гусситскомъ и бургундскомъ дѣлахъ. Незадолго до избранія папы Мартина V, ученіе нищенствующихъ орденовъ еще разъ поставило Констанцкій соборъ въ большое затрудненіе. Собору была принесена жалоба на одного доминиканца, который, въ угоду нѣмецкому ордену, проповѣдовалъ въ Польшѣ ученіе Пти противъ польскаго короля Владислава Ягайло. Этотъ монахъ, Іоаннъ фонъ Фалькенбергъ, въ посланіи къ государямъ и ко всему христіанству, описывалъ самими черными красками польскаго короля и всю польскую націю и призывалъ христіанъ къ истребленію ихъ, утверждая, что убивать поляковъ — такая же христіанская заслуга, какъ и война противъ невѣрныхъ, и что всякій заступающійся за польскаго короля и его народъ, будетъ на вѣки проклятъ. Архіепископъ гнезненскій найдя это посланіе въ Парижѣ, такъ же озлобился на Фалькенберга, какъ Жерсонъ на Жана Пти. Онъ велѣлъ схватить его, когда онъ пріѣхалъ въ Констанцъ и подалъ на него жалобу въ конгрегацію собора, завѣдывавшую вопросами вѣры. Конгрегація признала положеніе мятежнымъ, безбожнымъ, еретическимъ и вреднымъ для нравственности и религіи; затѣмъ въ іюнѣ 1417 г. кардиналы и представители государствъ приговорили Фалькенберга къ пожизненному заключенію, а сочиненіе его приказали предать сожженію. Но такъ какъ соборъ и папа желали по возможности избѣгнуть ссоры съ нѣмецкимъ орденомъ, то приговоръ этотъ не былъ утвержденъ ни въ одномъ изъ оффиціальныхъ засѣданій собора, и папа Мартинъ даже обѣщалъ пересмотрѣть дѣло. Поэтому поляки аппелировали 19 февраля 1418 г. къ слѣдующему собору.

Когда, послѣ безстыдной ругательной рѣчи, произнесенной Жа-

номъ Пти 8 марта 1408 года, королева и принцы уѣхали изъ Парижа, герцогъ Бургундскій заставилъ короля выдать декретъ, освобождавшій его отъ всякой отвѣтственности предъ судомъ. Вслѣдъ за тѣмъ, лишь только герцогъ отправился на нѣкоторое время въ Нидерланды, этотъ декретъ былъ уничтоженъ, но парижане приняли сторону герцога. Онъ завладѣлъ столицею и сталъ во главѣ управленія, а король и королева бѣжали въ Туръ. Въ концѣ этого года умерла герцогиня Орлеанская, и тогда не только послѣдовало примиреніе между Іоанномъ и шестнадцатилѣтнимъ сыномъ герцога Орлеанскаго, но герцогу Бургундскому дана была новая грамота, освобождавшая его отъ судебнаго преслѣдованія. Въ мартѣ 1409 г. дворъ вернулся въ Парижъ. Но уже въ началѣ слѣдующаго года Іоаннъ присвоилъ себѣ родъ опеки надъ дофиномъ, захватилъ въ свои руки управленіе и, сильный обладаніемъ Фландріи и тѣснымъ союзомъ съ Брабантомъ и Люттихомъ, сталъ до того злоупотреблять властью, что всѣ принцы крови соединились противъ него. До этого времени ихъ партіи недоставало вождя; теперь во главѣ ихъ сталъ энергическій графъ Бернаръ д'Арманьякъ, на дочери котораго, Боннѣ, женился молодой герцогъ Орлеанскій. Графъ д'Арманьякъ считался по генеалогіи древнѣе Каролинговъ и владѣлъ обширными землями и множествомъ замковъ; вокругъ него собирались всѣ авантюристы южной Франціи. Орлеанисты стали съ этого времени называться Арманьяками. Обѣ партіи приняли различные внѣшніе знаки отличія, именно шарфы и кресты, имѣвшіе то же значеніе, какъ въ наше время цвѣты и кокарды. Арманьяки носили бѣлые шарфы съ крестомъ съ прямыми углами, бургиньоны — красные шарфы съ андреевскимъ крестомъ. Казалось, вся Франція раздѣлилась на два враждебные лагеря. Герцогъ Беррійскій и Бретанскій и всѣ прочіе принцы и герцоги собрали каждый по отряду войскъ и неистовствовали по большимъ дорогамъ. Государство пришло въ такое положеніе, что управленіе стало невозможнымъ, и ни король, когда приходилъ въ се-

бя, ни дофинъ, въ рукахъ котораго было временно регентство, не могли положить предѣлъ этой полной анархіи. Изъ парламентскихъ протоколовъ можно видѣть, какъ шли дѣла; въ одномъ изъ нихъ, напримѣръ сказано: des grands périls sont de présent par toutes les marches de ce royaume dont l'on n'ose venir à Paris tant pour gens d'armes proprement appelés pillards et larrons que pour brigands et compagnies, qui se sont mis sus pour rencontrer et piller les dits larrons.

Въ разбойничьихъ шайкахъ Арманьяка особенно отличался архіепископъ санскій Монтагю своею дикою необузданностью (au lieu de mitre il portait un bacinet, pour dalmatique un haubargeon, pour chasuble une pièce d'acier et au lieu de crosse il portait une hache). Въ 1411 г. Парижъ нѣсколько разъ былъ въ осадномъ положеніи, и входъ во всѣ улицы его, въ то время чрезвычайно узкія, запирался цѣпями. Наконецъ парижане, не спрашиваясь короля, передали главное начальство надъ городомъ графу де Сенъ-Полю, ревностному приверженцу герцога Бургундскаго. Онъ немедленно образовалъ революціонную армію изъ 500 мясниковъ и другихъ работниковъ, изъ числа занимавшихся ремеслами, требующими большой физической силы, и назвалъ ее не республиканскою или революціонною, а королевскою милиціей (milice royale). Предводителями этой милиціи были цеховые хозяева мясники—въ то время самый страшный народъ. Они жестоко раздѣлывались со всякимъ, кого считали арманьякомъ, точно также какъ въ концѣ XVIII столѣтія поступали съ аристократами. Между тѣмъ въ провинціяхъ началась крестьянская война со всѣми ея ужасами. Пользуясь позволеніемъ короля вооружаться для защиты отъ грабившаго рыцарства, крестьяне съ яростью принялись вымѣщать всю свою злобу на рыцаряхъ и дворянствѣ.—Обезпечивъ за собою власть надъ Парижемъ съ помощью мясниковъ, Іоаннъ Бургундскій убѣдилъ дофина издать отъ имени короля воззваніе къ странѣ о томъ, чтобы она повиновалась герцогу, какъ самому королю. Чтобы нанести орлеанистамъ окончательный ударъ, Іоаннъ созвалъ

поголовное ополченіе (ban et arrière ban) Фландріи и другихъ владѣній, и съ огромнымъ войскомъ, состоявшимъ изъ горожанъ и работниковъ большихъ городовъ, двинулся къ Парижу, черезъ Артуа и Пикардію. Но во время похода кончился срокъ службы ополченцевъ, и болѣе 50 т. горожанъ, шедшихъ съ нимъ только изъ за грабежа, вернулись домой. Оставшись съ одними рыцарями, Іоаннъ былъ значительно слабѣе противниковъ, имѣвшихъ до 12 т. хорошо обученнаго войска, и потому вернулся въ свои владѣнія. Это поставило столицу и королеву Изабеллу, содержавшуюся плѣнницею въ Луврѣ, въ ужасное положеніе: въ самомъ городѣ страшно неистовствовали работники, составлявшіе королевскую милицію, а извнѣ грозила дикая солдатчина Арманьяка, уже занявшаго Сенъ-Клу и Сенъ-Дени. Однако герцогу Бургундскому удалось получить изъ Англіи вспомогательное войско изъ 6 тысячъ стрѣлковъ, подъ начальствомъ графа Ароиделя; присоединивъ ихъ къ своимъ рыцарямъ, онъ вступилъ въ октябрѣ 1411 г. въ Парижъ, гдѣ больной король и революціонеры приняли его съ неописаннымъ восторгомъ. Въ ноябрѣ онъ отнялъ у арманьяковъ Сенъ-Клу и Сенъ-Дени. Тогда арманьяки упали духомъ и вступили въ переговоры съ англійскимъ королемъ, Генрихомъ IV, съ цѣлью переманить его страшныхъ англійскихъ и уельскихъ стрѣлковъ отъ герцога Бургундскаго на свою сторону. Герцоги Беррійскій, Орлеанскій и Бургундскій и графъ Арманьякъ, имѣвшій притязаніе на независимость и называвшій себя графомъ „Божіею милостію", заключили съ Англіею 18 мая 1412 года въ Буржѣ самый позорный изъ договоровъ, когда либо заключенныхъ французскими принцами или перами. Они обязались содѣйствовать всѣми силами возвращенію англичанамъ всѣхъ укрѣпленныхъ мѣстъ въ Гіэни, которыя отошли отъ Англіи со времени мира въ Бретиньи, и предоставить Генриху IV, какъ своему верховному сюзерену, свободный входъ въ каждый изъ 1500 замковъ, принадлежавшихъ имъ въ Гіэни. Сверхъ того, герцогъ Орлеанскій признавъ себя его вассаломъ по Ангулему и Перигору,

а герцогъ Беррійскій по графству Пуату, на которое онъ притомъ далъ Генриху и его наслѣдникамъ право наслѣдства послѣ себя. Оба принца крови были прямо названы въ договорѣ вассалами Англіи. Графа Арманьяка избавили отъ этого униженія, хотя онъ присягнулъ Генриху по четыремъ своимъ владѣніямъ. Тотчасъ по заключеніи договора, Генрихъ отозвалъ своихъ стрѣлковъ отъ войска герцога Бургундскаго, но прежде чѣмъ они успѣли присоединиться къ Арманьяку, Іоаннъ Безстрашный узналъ о договорѣ и разгласилъ его. Король, дофинъ и вся нація до того ожесточились противъ государственныхъ измѣнниковъ (qui avaient juré la déstruction du roi, du dauphin, du royaume de France et de la bonne ville de Paris), что даже братъ королевы, герцогъ Лудвигъ Баварскій, сохранявшій дружескія отношенія съ принцами партіи Арманьяка, былъ выгнанъ изъ Парижа. Самъ Карлъ сталъ съ государственнымъ знаменемъ во главѣ ополченія и повелъ его въ Берри противъ войска принцевъ. Въ іюнѣ 1412 года онъ началъ осаду Буржа; но артиллерія его была крайне плоха, и онъ не успѣлъ еще почти ничего сдѣлить, какъ въ половинѣ іюня пришло извѣстіе о высадкѣ новаго войска англичанъ. Это привело къ концу уже начатые мирные переговоры. При этомъ случаѣ дофинъ въ первый разъ дѣйствовалъ самостоятельно. Онъ убѣдилъ своего тестя, Іоанна Безстрашнаго, прекратить бомбардированіе города и войти лично въ переговоры съ герцогомъ Беррійскимъ. Свиданіе обоихъ герцоговъ, происходившее на открытомъ полѣ при особенныхъ мѣрахъ предосторожности, имѣло послѣдствіемъ возстановленіе мира, который и былъ формально заключенъ въ Окзеррѣ, куда съѣхались всѣ принцы и вельможи. Англійскимъ вспомогательнымъ войскамъ, опустошавшимъ Нормандію, Анжу, Менъ, округи Орлеана и Блуа, заплатили 240 т. турнейскихъ ливровъ; половину суммы внесъ король, другую герцогъ Орлеанскій. Лѣтописцы того времени почти единогласно утверждаютъ, что герцогъ Бургундскій хотѣлъ воспользоваться съѣздомъ въ Окзеррѣ, чтобы убить герцоговъ Бер-

рійскаго, Бурбонскаго и Орлеанскаго и не выполнилъ намѣренія только потому, что его друзья Дезессаръ (des Essart) и Жаквилль ужаснулись этой мысли и отговорили его. Но согласіе между партіями принцевъ не могло быть продолжительнымъ, тѣмъ болѣе, что герцогъ Бургундскій оставилъ въ своей службѣ по найму часть горячихъ парижскихъ демагоговъ. Орлеанисты съ своей стороны составили заговоръ увезти изъ Парижа дофина, стоявшаго тогда во главѣ управленія и бывшаго совершенно подъ вліяніемъ герцога Бургундскаго. Узнавъ объ этомъ, Іоаннъ тотчасъ пустилъ въ дѣло своихъ грозныхъ парижскихъ демагоговъ, хирурга Жана де Труа (Iean de Troyes), скорняка (écorcheur) Кабоша и старшинъ цеха мясниковъ: Сентъ-Ю (st Jou) Гуа (Goix) и Тибера (Thibert). Они вызвали чернь къ мятежу. Она жестоко избила придворныхъ короля и дофина, разграбила ихъ дома и, послѣ неудачнаго приступа къ Бастиліѣ, ворвалась 29 апрѣля 1413 года, подъ предводительствомъ Жана де Труа, въ комнату дофина, и заставила его принять отличительный знакъ парижскихъ приверженцевъ бургундской партіи, особеннаго вида шапку, въ родѣ той, какую якобинцы 20 іюня 1792 года надѣли на Лудовика XVI; только шапка якобинцевъ была красная, а партіи Кабоша (cabochiens) — бѣлая. Когда надѣли на дофина эту шапку, изъ толпы вышелъ кармелитскій монахъ, Есташъ Павильи, давно уже работавшій въ пользу революціи, и сказалъ принцу отъ имени предводителей, что болѣзнь короля есть наказаніе за его грѣхи и слѣдствіе разврата, и что если самъ дофинъ не будетъ обращать вниманія на голосъ народа, то его ожидаетъ участь герцога Орлеанскаго. Этимъ не кончилось господство черни; всякаго рода насилія противъ придворныхъ мужчинъ и женщинъ продолжались даже послѣ того, какъ король, согласившись на нѣкоторыя преобразованія, обнародовалъ 25 мая новое постановленіе, состоявшее изъ 235 статей. Разумѣется, это постановленіе никогда не было приведено въ исполненіе. Наконецъ дѣло приняло такой опас-

ный оборотъ и стало въ такой степени кровавымъ, что герцогъ Бургундскій (какъ обыкновенно бываетъ съ предводительми партій, обращающихся къ анархіи, какъ къ политическому средству) испугался собственнаго дѣла, сталъ стыдиться сообщничества съ предводителями мятежа и воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы удалить подъ благовиднымъ предлогомъ изъ Парижа своего сына, герцога Шароле́. Съ другой стороны, и парижскіе горожане стали искать средства избавиться отъ гнета и насилія демагоговъ и вошли въ сношенія съ орлеанистами и дворянствомъ, уже собравшимъ войско для освобожденія короля и дофина. На совѣщаніи въ Понтуазѣ, герцоги Беррійскій и Бургундскій, дворяне, державшіе сторону орлеанской партіи, и 8 уполномоченныхъ отъ Парижа положили дѣйствовать сообща для прекращенія смутъ и для возстановленія прежняго порядка, подъ регентствомъ дофина. Договоръ, заключенный въ этомъ смыслѣ, былъ прочтенъ 2 августа въ парижской ратушѣ; вслѣдъ затѣмъ дофинъ принялъ мѣры къ возстановленію законнаго порядка при содѣйствіи войска, составленнаго изъ лучшихъ парижскихъ горожанъ и изъ солдатъ герцога Бургундскаго. Но, какъ справедливо замѣчаетъ наивный Пьеръ де Фенеанъ въ своемъ дневникѣ, — миръ и спокойствіе нельзя было поддержать надолго, потому что Арманьякъ вернулся въ Парижъ, а герцогъ Бургундскій сохранилъ постоянныя сношенія съ демагогами (Après que la paix eut esté confirmée à Auxerre comme il vient d'estre dit, il se passa environ deux ans que la chose s'entretint de la sorte pacifiquement; lors ne parlait on d'aucune guerre; mais par envie que chacun avoit de gouverner le royaume, la chose se remit dedans le trouble plus fort qu'auparavant). Арманьяки, дѣйствовавшіе вовсемъ за одно съ королевою, настаивали на совершенномъ подавленіи партіи герцога Бургундскаго; а Іоаннъ не только не явился на судъ по возобновленному обвиненію его въ убійствѣ герцога Орлеанскаго, но, удалившись во Фландрію и Брабантъ, снова сталъ собирать

войско. Тогда раздоръ снова вспыхнулъ. По приказанію королевы арестовали четырехъ значительнѣйшихъ друзей герцога Бургундскаго. Іоаннъ отвѣтилъ на это попыткою овладѣть королемъ въ Парижѣ. Попытка эта не удалась, и за нее герцога объявили, 17 февраля 1414 г., государственнымъ преступникомъ и убійцей (Въ Journal de Paris сказано: le 17 fevrier fut crié le duc de Bourgogne à trompettes parmi les carrefours de Paris et banni comme faux, traitre, meurtrièr, lui et tous les siens et abandonnés corps et biens sans pitié et sans mércy). Тогда вспомнили и о рѣчи францисканца Жана Пти объ убіеніи тирановъ; ее отдали на просмотръ 16-ти докторамъ богословія и предали за содержавшееся въ ней безбожное ученіе церковному суду. Враги Іоанна хотѣли впутать его и въ этотъ процессъ; съ этой цѣлью, прежде чѣмъ архіепископъ произнесъ приговоръ, былъ сдѣланъ запросъ герцогу о томъ, одобряетъ ли онъ принципы своего защитника; но онъ отвѣтилъ уклончиво, что одобряетъ рѣчь лишь на столько, на сколько ея основныя начала вѣрны. Между тѣмъ, пока Іоаннъ укрѣплялъ свои города и собиралъ войско, въ Парижѣ созваны были въ общее собраніе дворяне и высшее духовенство подъ предсѣдательствомъ дофина, въ присутствіи королевы, принцевъ крови и членовъ королевскаго совѣта; это собраніе положило предпринять противъ герцога походъ подъ предводительствомъ короля (jusqu'à ce que lui et ses partisans fussent du tout détruits et deshérités ou au moins humiliés). Тогда же собраніе позволило себѣ, не спрашивая согласія парламента, назначить тяжелый налогъ для покрытія издержекъ предстоящаго похода и грозило плательщикамъ и сборщикамъ податей жестокими наказаніями, если деньги не будутъ скоро доставлены. Лѣтомъ королевское войско выступило въ походъ подъ знаменемъ дофина. Для характеристики тогдашнихъ придворныхъ нравовъ не мѣшаетъ замѣтить, что на этомъ знамени былъ вензель не жены дофина, дочери герцога Бургундскаго, а одной изъ фрейлинъ королевы, любимой дофиномъ (une demoiselle moult belle de l'hotel de la reine, fille

de messire Guillaume Cassinel, la quelle vulgairement on nommait la Cassinel). Королевское войско быстро овладѣло Суассономъ и Компьенемъ и осадило Аррасъ. Положеніе Іоанна было затруднительно, потому что фламандцы не хотѣли воевать противъ короля. Но грозившая война съ Англіей побудила графиню Геннегаускую и герцога Антона Брабантскаго, брата Іоанна Безстрашнаго, предложить свое посредничество. Дофинъ, не довольный властолюбіемъ и надменностью графа Арманьяка и герцога Орлеанскаго, принялъ это посредничество, но потребовалъ, чтобы фландрскіе депутаты вмѣстѣ съ графиней Геннегауской и герцогомъ Брабантскимъ явились къ нему съ униженными просьбами о мирѣ, и отъ имени герцога Бургундскаго обѣщали, что онъ очиститъ занятые города и положитъ къ ногамъ короля ключи Арраса. Сверхъ того онъ требовалъ, чтобы отличительные знаки бургундской партіи были сняты, и чтобы герцогъ Іоаннъ обязался не только удалить отъ себя нѣкоторыхъ приближенныхъ, но безъ разрѣшенія регента не вступать въ союзъ съ Англіей и не пріѣзжать въ Парижъ. На этомъ условіи былъ заключенъ миръ въ Аррасѣ, въ октябрѣ 1414 г. Герцогъ Орлеанскій согласился на него и присягнулъ только въ февралѣ 1415 г., послѣ долгихъ затрудненій; бургундскіе же чины, графиня Геннегауская, герцогъ Брабантскій и даже сынъ герцога Бургундскаго, графъ Шароле, охотно присягнули ему. Іоаннъ Безстрашный уклонился отъ присяги подъ предлогомъ, что ему необходимо предварительно лично переговорить съ королемъ и дофиномъ.

4. Война французовъ съ англичанами при Карлѣ VI и Генрихѣ V.

Генрихъ V наслѣдовалъ своему отцу, Генриху IV, въ мартѣ 1413 года. Будучи принцемъ Уэльскимъ, онъ прославился тѣсною дружбой съ разными развратниками и негодяями, распутствомъ и насиліями, которыя совершалъ вмѣстѣ съ ними; поэтому всѣ

были удивлены, когда, тотчасъ по вступленіи на престолъ, онъ удалилъ этихъ людей и началъ добросовѣстно исполнять свои обязанности. Шекспиръ въ нѣсколькихъ драмахъ превосходно представилъ нравы и остроты грубыхъ товарищей молодого Генриха и жизнь самого принца Уэльскаго; однако нужно помнить, что поэтическая и историческая истины совершенно различны, хотя нельзя отрицать, что Шекспиръ пользовался хрониками и что многія частности въ его драмахъ вѣрны исторически.

Еще при Генрихѣ IV, обѣ политическія партіи Франціи, арманьяки и бургиньоны, искали помощи у Англіи; но Генрихъ IV не могъ ни покинуть государство, ни поручить сыну предводительствовать войскомъ за границей. Избѣгая внѣшней войны по политическимъ разсчетамъ, онъ изъ тѣхъ же видовъ помогалъ дворянству и духовенству противъ еретиковъ, хотя былъ мало религіозенъ. Но онъ понималъ, что еретики склонны къ демократіи и требуютъ существенныхъ государственныхъ реформъ. Поэтому онъ принялъ самыя строгія мѣры противъ уиклиффитовъ, которыхъ называли лоллардами, такъ какъ ихъ ученіе грозило сдѣлаться гибельнымъ для всего государственнаго устройства Англіи. Онъ даже велѣлъ сжечь одного изъ ихъ проповѣдниковъ, и далъ весьма суровый отвѣтъ палатѣ общинъ, протестовавшей противъ подобныхъ мѣръ. Напротивъ, Генрихъ V былъ сначала весьма снисходителенъ къ еретикамъ; одинъ изъ знатнѣйшихъ лоллардовъ, сэръ Джонъ Ольдкэстль (Oldcastle) или лордъ Кобгэмъ, былъ его неразлучнымъ товарищемъ. Этотъ другъ и оригинальный совѣтникъ новаго короля, человѣкъ очень умный, часто выводился подъ своимъ настоящимъ именемъ на сцену старинными англійскими драматургами—что можно видѣть у Фуллера — въ видѣ какого то придворнаго шута, а Шекспиръ сдѣлалъ изъ него своего Фальстаффа. Онъ принималъ въ свое комбгэмское имѣніе, наслѣдованное отъ жены, и защищалъ отъ судей и епископовъ миссіонеровъ и проповѣдниковъ, разосланныхъ лоллардами по всѣмъ частямъ Англіи и сильно вліявшихъ на народъ своими проповѣдя-

ми. Едва Генрихъ V вступилъ на престолъ, какъ рыцарство и духовенство аттаковали его просьбами положить конецъ библейской демагогіи; но на Джона Ольдкэстля они долго не смѣли нападать, потому что онъ пользовался большимъ расположеніемъ короля. Когда наконецъ духовенство принесло на него формальную жалобу, Генрихъ обѣщался постараться дружескими совѣтами измѣнить образъ мыслей своего друга; но не успѣвъ въ этомъ, онъ позволилъ арестовать его. Арестантъ, любимый королемъ, охранялся плохо и успѣлъ бѣжать. Его бѣгство дало электрическій толчекъ всему народу, а духовенство, имѣвшее тогда, какъ и теперь, общіе интересы съ дворянствомъ, воспользовалось движеніемъ, чтобы выставить Ольдкэстля и лоллардовъ опасными въ политическомъ отношеніи. Ихъ обвинили въ заговорѣ противъ государства, что, конечно, было невѣроятно, хотя нельзя не согласиться, что ихъ демократія была весьма опасна при общемъ ожесточеніи противъ злоупотребленій церкви. Самъ Генрихъ повѣрилъ наконецъ, что духовные радикалы опасны государственному порядку и приказалъ мировымъ судьямъ схватить всѣхъ ихъ проповѣдниковъ. Это было исполнено, а вмѣстѣ съ тѣмъ арестовали и Ольдкэстля и предали духовному суду. Хитрый и лицемѣрный предсѣдатель суда говорилъ до нельзя кроткимъ тономъ, тогда какъ храбрый рыцарь, возбуждаемый негодованіемъ, выражался рѣзко. Обращаясь не къ духовнымъ судьямъ а къ публикѣ, онъ напалъ на англійскую церковь съ той стороны ея, которая наиболѣе слаба и теперь, хотя она и называетъ себя протестантскою. Церковь, говорилъ онъ, должна быть не домомъ призрѣнія для аристократіи, но убѣжищемъ для бѣдныхъ; она потеряла евангельскій характеръ, съ тѣхъ поръ какъ ее развратили мірскія сокровища; духовенство—это антихристъ или апокалиптическій звѣрь, голова котораго—папа, члены—епископы и прелаты, а хвостъ—монашескіе ордена; наслѣдникомъ св. Петра можетъ быть лишь тотъ, кто наиболѣе слѣдуетъ его добродѣтелямъ. Вскорѣ Ольдкэстль вторично бѣжалъ изъ за-

ключенія. Послѣ этого у Генриха прошла охота преслѣдовать поборниковъ практическаго христіанства. Поэтому ему старались внушить, что лолларды — политическая секта, проповѣдующая, подъ предлогомъ религіи, республику и коммунизмъ. Для этой цѣли воспользовались неосторожнымъ поступкомъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, которые въ 1414 г. собрались для совѣщанія въ Сенъ-Джайльсъ, — мѣстность въ то время поросшую кустарниками и находившуюся за городскими воротами, гдѣ теперь одинъ изъ самыхъ бѣдныхъ и жалкихъ лондонскихъ приходовъ. Это дало ихъ врагамъ возможность увѣрить короля, что 20 т. еретиковъ составили заговоръ и намѣрены напасть на столицу. Не подумавъ о неправдоподобности обвиненія, Генрихъ немедленно двинулся съ кавалеріей въ Сенъ-Джайльсъ, заперъ городскія ворота и устроилъ настоящую охоту на нѣсколько сотенъ людей, находившихся въ кустарникахъ. Послѣ подобной расправы безъ суда, ему уже нельзя было остановиться. Конечно, ересь не могла быть истреблена силою, но еретики были предоставлены на жертву ярости и мести тѣхъ, которые тогда, какъ и теперь, мотали достояніе англійской церкви. Они позаботились о преслѣдованіи и судебномъ убійствѣ сектаторовъ. Имъ удалось наконецъ отыскать Джона Ольдкэстля, четыре года укрывавшагося отъ преслѣдователей; онъ былъ приговоренъ къ смерти и казненъ тѣмъ каннибальскимъ способомъ, которымъ тогда убивали государственныхъ преступниковъ.

Преслѣдованіемъ своихъ евангелическо-демократическихъ подданныхъ Генрихъ пріобрѣлъ расположеніе аристократическаго духовенства и рыцарства. Хищное, войнолюбивое дворянство, тѣмъ охотнѣе поддерживало его въ войнѣ противъ Франціи, что надѣялось воротить помѣстья, потерянныя по миру въ Бретиньи. Война была задумана еще Генрихомъ IV; его сынъ ждалъ только болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ, и теперь внутренніе раздоры Франціи обѣщали предпріятію несомнѣнный успѣхъ. Арраскій миръ пріостановилъ, правда, войну арманьяковъ и бур-

гиньоновъ; но парижскіе демагоги могли ежеминутно возбудить новыя волненія, а аристократія была раздѣлена на три партіи, вожди которыхъ вмѣстѣ угнетали народъ ужаснымъ образомъ и на его глазахъ безстыдно мотали выжатыя изъ него деньги. Во главѣ одной партіи стоялъ Іоаннъ Безстрашный, не присягавшій еще (въ началѣ 1415 г.) аррасскому договору и выжидавшій случая воротить потерянное вліяніе на управленіе. Другая партія имѣла предводителями Арманьяка, Карла Орлеанскаго и другихъ принцевъ, желавшихъ отнять у дофина управленіе дѣлами не только на время припадковъ сумасшествія короля, но и на болѣе долгій срокъ. Наконецъ дофинъ располагалъ третьею партіею и имѣлъ законное право на регентство, но столь же мало щадилъ народъ, какъ и его мать и принцы. По удаленіи герцога Бургундскаго онъ овладѣлъ Парижемъ, хотя первое нападеніе его было отбито принцами. Всѣхъ этихъ господъ, за исключеніемъ герцога Беррійскаго, онъ выгналъ изъ города, захватилъ государственную казну и вскорѣ довелъ страну до отчаянія мотовствомъ, роскошью, развратомъ и непотребною жизнью. Чтобъ угождать любимцамъ и обогащать любовницъ, онъ не пощадилъ даже матери, и силою завладѣлъ ея деньгами, розданными на сохраненіе духовенству и въ частныя руки. Герцога Бургундскаго онъ оскорбилъ дурнымъ обращеніемъ съ его добродѣтельною дочерью, своею женою, которую наконецъ, вовсе удалилъ отъ себя. Это дало Іоанну поводъ не утверждать аррасскаго договора, и даже объявить черезъ пословъ на торжественной аудіенціи, что онъ до тѣхъ поръ не обяжется выполнить условій, пока дофинъ не сойдется съ женою и не удалитъ любовницу (que le dauphin demeurât avec sa femme, qu'il avait reléguée à Saint Germain en Laye, et qu'il déboutât de sa compagnie une amie, qu'il tenait au lieu de femme). Хотя впослѣдствіи онъ утвердилъ договоръ, не смотря на то что требованіе его не было исполнено, но открыто заявилъ, что не выставитъ войскъ для предстоявшей войны съ Англіей. Дофинъ, съ своей стороны, употреблялъ всѣ усилія, чтобъ избѣжать этой войны и согла-

сился бы купить миръ пожертвованіемъ городовъ и провинцій. Но Генрихъ V постоянно возвышалъ требованія и наконецъ возобновилъ притязанія Эдуарда III на французскую корону (ч. VIII, стр. 255). Это требованіе было заявлено въ іюнѣ 1414 г., слѣдовательно во время сильнѣйшаго разгара смутъ Франціи; этимъ только можно объяснить, что переговоры о столь странномъ притязаніи тянулись до начала 1415 г. По заключеніи аррасскаго мира, Генрихъ сдѣлался уступчивѣе и требовалъ Нормандіи, Анжу и Мена; повидимому позднѣе онъ былъ готовъ отказаться и отъ этихъ требованій и удовольствоваться денежнымъ вознагражденіемъ и рукою французской принцессы, но вдругъ прервалъ переговоры и объявилъ войну. Оказалось, что онъ велъ переговоры только съ цѣлью выиграть время для окончанія своихъ военныхъ приготовленій и сбора денегъ. Когда все было готово, онъ неожиданно объявилъ въ собраніи, состоявшемъ изъ 15 духовныхъ и 28 свѣтскихъ перовъ, что рѣшился вернуть оружіемъ наслѣдіе отцевъ (апрѣль 1415 г). Все, касающееся сбора, организаціи и содержанія его войска, обстоятельно изложено у Реймера (Rymer) въ собраніи документовъ, относящихся къ англійской исторіи. 14 августа 1415 г. Генрихъ съ войскомъ, состоявшимъ изъ 6 т. тяжело вооруженныхъ и 24 т. стрѣлковъ, высадился въ Нормандіи и осадилъ сильно укрѣпленный по тогдашнему времени Арфлеръ. Французы, не дѣлавшіе еще никакихъ приготовленій къ войнѣ, поспѣшно собрали войска, но выступили въ походъ уже по взятіи Арфлера. Въ ихъ арміи, — какъ въ нѣмецкихъ имперскихъ войскахъ,— было множество принцевъ и высокихъ особъ, но не было полководцевъ. Кромѣ коннетабля д'Альбрé въ походѣ участвовали король, дофинъ, герцоги Беррійскій, Бурбонскій, Анжуйскій, Аланссонскій, Барскій, и много графовъ и бароновъ. Герцогъ Орлеанскій также явился, хотя ему было запрещено идти въ походъ. Напротивъ того, герцогъ Бургундскій не пріѣхалъ и даже не пустилъ

сына, графа Шароле; но братья его, герцоги Брабантскій и Неверскій исполнили вассальную обязанность.

По взятіи Арфлера, англійскому войску, очень ослабленному болѣзнями и потерями при осадѣ, слѣдовало сѣсть на корабли, чтобы отправиться въ Гіэнь; но король Генрихъ рѣшился, презирая непріятеля, двинуться въ Нормандію, Пикардію и Артуа. На этомъ походѣ онъ очутился въ такомъ же затруднительномъ положеніи, какъ Эдуардъ III передъ сраженіемъ при Кресси (ч. VIII, стр. 260). Онъ разсчитывалъ перейти Сомму въ томъ же мѣстѣ, гдѣ Эдуардъ, но, найдя бродъ загороженнымъ палисадами и охраняемымъ впятеро сильнѣйшимъ непріятелемъ, принужденъ былъ подняться выше и переправился у Бетанкура, между Перонною и Сенъ-Кантеномъ. Очутясь вблизи непріятельскаго войска, ежедневно усиливавшагося, онъ долженъ былъ стараться достигнуть Кале, потому что не могъ бы долго держаться въ непріятельской странѣ, еслибъ французы стали избѣгать сраженія. По совѣту коннетабля послѣдніе сначала дѣйствительно держались этой системы. Но принцы и бароны, собравшіеся на военный совѣтъ, сочли стратегическій планъ трусостью и настаивали на томъ, чтобы дать рѣшительное сраженіе. Это было исполнено 25 октября 1415, г. недалеко отъ поля битвы при Кресси, при замкѣ Азенкурѣ, по имени котораго и называется это сраженіе. По приготовительнымъ распоряженіямъ, можно было подумать, что обѣ стороны готовятся къ турниру или рыцарскому поединку; онѣ взаимно послали, черезъ герольдовъ, вызовъ на бой и условились въ часѣ. Когда войска сошлись, коннетабль не позволилъ французамъ ринуться на англичанъ, какъ это было при Кресси и Пуатье, но велѣлъ выжидать нападенія. Онъ не принялъ въ разсчетъ того, что главная сила англійскаго ополченія состояла изъ стрѣлковъ, не имѣвшихъ себѣ равныхъ въ цѣломъ мірѣ. Вслѣдствіе этого французы была не только совершенно разбиты, но англичане купили побѣду относительно очень дешево. Закованные въ желѣзо французы безразсудно подошли слишкомъ

близко и считали благоразумное отступленіе позоромъ, а англичане издали поражали нхъ стрѣлами. По показанію побѣдителей, французы оставили на полѣ сраженія болѣе 8 т. рыцарей. Быть можетъ, это преувеличено; но тѣмъ не менѣе со стороны французовъ пало болѣе 100 бароновъ, 7 графовъ, герцоги Брабантскій, Барскій, Алансонскій и коннетабль д'Альбре. Сверхъ того сохранившійся списокъ принцевъ и рыцарей, павшихъ при Азенкурѣ, подтверждаетъ извѣстіе, что во всей Франціи не было ни одного знатнаго рода, которому бы не пришлось оплакивать кого нибудь изъ своихъ членовъ. Въ числѣ плѣнныхъ, большую часть которыхъ Генрихъ велѣлъ разстрѣлять, были герцоги Орлеанскій и Бурбонскій, графы д'Е, Вандомъ, Ришмонъ и маршалъ Буснко. Если вѣрить одной хроникѣ, Генрихъ обошелся съ герцогомъ Орлеанскомъ далеко не великодушно и не вѣжливо; онъ обратился къ нему со словами, болѣе приличными какому нибудь методисту или піетисту, чѣмъ побѣдоносному королю. (Говорятъ, онъ сказалъ герцогу: On dit que oncques plus grand desroy et desordonnance de voluptés, de péchés et de mauvais vices ne fut veu, que regnent aujourd'hui en France, et est pitié de l'ouir recorder et horreur aux écoutants, et se dieu est courroucé, ce n'est de merveilles et nul ne doit s'én ébahir). Герцоги Орлеанскій и Бурбонскій были отправлены въ Англію и оставались въ плѣну до смерти Генриха. Всѣхъ остальныхъ плѣнниковъ онъ отпустилъ за выкупъ, а многихъ даже на честное слово, взявъ съ нихъ обязательство внести за себя деньги впослѣдствіи. Затѣмъ, онъ вернулся въ Англію.

Послѣ азенкурскаго сраженія, герцогъ Бургундскій, давно уже сносившійся съ Генрихомъ, двинулся къ Парижу, но, промедливъ въ Ланьи, долженъ былъ отступить. Это нанесло сильный ударъ его партіи въ Парижѣ. Кобошъ и его друзья смирились, а глава орлеанской партіи, владѣтельный графъ Арманьякъ, призванный съ юга въ Парижъ, былъ сдѣланъ коннетаблемъ на мѣсто д'Альбре. Вслѣдъ за тѣмъ (декабрь 1415

г.) умеръ дофинъ Лудовикъ, назначенный въ началѣ войны королевскимъ намѣстникомъ (lieutenant du roi), и тогда, казалось, власть окончательно перешла къ Арманьяку. Распоряжаясь, какъ коннетабль, всѣми военными силами, онъ вмѣтѣ съ тѣмъ захватилъ и финансы, сталъ раздавать должности, словомъ, сдѣлался тѣмъ, что впослѣдствіи называлось первымъ министромъ. Утвердившись на своемъ мѣстѣ, онъ позаботился о возобновленіи процесса объ убійствѣ герцога Орлеанскаго. Тогда герцогъ Бургундскій рѣшился запугать новаго дофина Іоанна, втораго сына Карла VI, тѣснымъ сближеніемъ съ Англіей, о которомъ, безъ сомнѣнія, вовсе тогда не помышлялъ серьезно. Послѣ долгихъ переговоровъ, онъ видѣлся съ Генрихомъ въ Кале (сентябрь 1416 г.). Результатомъ этого свиданія, при которомъ никто не присутствовалъ, считаютъ договоръ, находящійся въ Реймеровскомъ собраніи источниковъ англійской исторіи. Въ немъ сказано, что герцогъ Бургундскій, убѣдясь, что Генрихъ—законный государь Франціи, наслѣдствомъ котораго неправильно завладѣли другіе, обязуется исполнять всѣ обязанности васалла, какъ скоро король овладѣетъ значительною частью Франціи. Сверхъ того, герцогъ обѣщаетъ во все время войны за обладаніе Франціей дѣйствовать съ своей стороны всѣми силами противъ лицъ, обозначенныхъ въ договорѣ буквами А, В, С, Д, если они не захотятъ повиноваться англійскому королю. Вилларе и другіе французскіе ученые увѣряютъ, что этотъ трактатъ былъ дѣйствительно заключенъ, но въ сущности онъ не былъ подписанъ, ни даже окончательно изготовленъ. Ученые бенедиктинцы, написавшіе l'art de vérifier les dates, и новѣйшій англійскій историкъ Лингардъ признаютъ этотъ документъ только проектомъ договора. Два обстоятельства подтверждаютъ это. Во первыхъ, Генрихъ V ни до того, ни потомъ, до смерти Іоанна Бургундскаго, не заявлялъ никакихъ другихъ притязаній, кромѣ требованія уступки въ непосредственное владѣніе Нормандіи и Гіэни, которыя ему соглашались отдать лишь какъ лены. Во вторыхъ, во время свиданія

герцога Бургундскаго съ англійскимъ королемъ дофинъ былъ у зятя Іоанна, графа Геннегаускаго, и Іоаннъ отправился изъ Кале прямо въ Компьень къ дофину; онъ оставался въ дружескихъ сношеніяхъ съ Парижемъ и принялъ сторону Англіи только по смерти дофина, въ апрѣлѣ 1417 г.. Рапенъ-Туара и Юмъ ошибочно отнесли смерть дофина къ 1416 г. и оттого сдѣлали ошибочныя заключенія.

По смерти дофина Іоанна, арманьяки и бургиньоны гласно обвиняли другъ друга въ его отравленіи; герцогъ Бургундскій въ одномъ манифестѣ, изданномъ въ 1418 году, излагаетъ всѣ обстоятельства, заставлявшіе предполагать отравленіе (Il trépassa tout enflé des joues, par la langue et les lèvres, ayant les yeux elevés et saillants, tellement que c'etait grand pitié à voir, vu que cette forme de mourir est une manière, dont gens empoisonnés ont coutume de mourir). Было произведено слѣдствіе. Мѣсто умершаго занялъ младшій сынъ Карла VI, будущій король Карлъ VII. Неурядица съ этихъ поръ сдѣлалась сильнѣе, чѣмъ когда либо. Новому дофину было всего 14 лѣтъ, а съ королевою Арманьякъ обращался какъ съ плѣнницей, обвиняя ее въ сношеніяхъ съ бургундской партіей. Она удалилась въ Венсеннь и своимъ мотовствомъ раздражала народъ. Наивный Жювеналь дез'Юрсень, писавшій при Карлѣ VII и Лудовикѣ XI исторію царствованія Карла VI, нападаетъ даже на причудливые и тяжелые наряды королевы и ея придворныхъ дамъ (les dames et demoiselles menoient grands et excessifs états et cornes merveilleuses, hautes et longues, et avaient de chaque côté au lieu de bourlées deux grandes oreilles si larges, que, quand elles voulaient passer l'huis d'une chambre, il falloit qu'elles se tournassent de côté et baissassent, ou elles n'eussent pu passer.) Чтобъ окончательно отдѣлаться отъ королевы, Арманьякъ воспользовался самимъ несчастнымъ королемъ. Онъ увѣрилъ его, что оберъ-гофмейстеръ королевы, Лудовикъ Бурдонъ — ея любовникъ; Карлъ немедленно поскакалъ въ Венсеннь, велѣлъ аресто-

вать обвиненнаго и, не повидавшись съ женой, вернулся въ Парижъ. Бурдона жестоко пытали и конечно заставили показать все, чего хотѣли. Наказаніе было такъ же произвольно, какъ и судебный розыскъ: его зашили въ кожанный мѣшокъ съ надписью: „почтеніе къ королевскому правосудію“ (laissez passer la justice du roi), пронесли ночью по городу и бросили въ Сену. Королеву сослали въ Туръ, распустили весь ея дворъ и приставили къ ней трехъ стражей. Коннетабль и дофинъ завладѣли безъ большихъ церемоній всѣми ея деньгами, розданными на сохраненіе монастырямъ и частнымъ лицамъ. Арманьякъ, прикрываясь именемъ дофина, позволялъ себѣ жесточайшія насилія и вымогательства. Это дало герцогу Бургундскому поводъ выступить защитникомъ угнетеннаго народа и заключенной, оскорбленной королевы. Господствующая партія еженедѣльно издавала новыя прокламаціи, въ которыхъ называла герцога Бургундскаго и его приверженцевъ мятежниками и врагами общественнаго спокойствія, и приглашала всѣхъ подданныхъ короля преслѣдовать и истреблять ихъ, какъ государственныхъ преступниковъ. Іоаннъ въ своихъ манифестахъ не оставался въ долгу передъ арманьяками и ихъ дофиномъ. Онъ выставлялъ во всѣхъ большихъ городахъ плакарды, грозя огнемъ и мечемъ всѣмъ, кто будетъ помогать арманьякамъ, которыхъ называлъ тиранами, убійцами и отравителями. Но не ограничиваясь строченіемъ и бранью, онъ употреблялъ, для возбужденія парижанъ и народныхъ массъ, тѣ же средства, какія употребляютъ наши республиканцы. Онъ обѣщалъ городамъ и мѣстечкамъ, которые примутъ его сторону, освободить ихъ отъ тяжкихъ налоговъ десятины, барщины, солянаго налога и другихъ поборовъ, удручавшихъ народъ (des aides, tailles, dixmes, gabelles et autres vexations dont le pauvre peuple était grevé). Сверхъ того, онъ набралъ войско авантюристовъ и, отдавъ имъ сперва въ жертву своихъ собственныхъ подданныхъ, повелъ на Парижъ. Войско это усиливалось съ каждымъ днемъ, а въ то же время Генрихъ V высадился въ Нормандіи и завоевалъ большую часть этой провинціи. Города провинцій Понтьё, Пикардіи,

Вермандуа, Бовуази, а также Реймсъ, Труа, Окзерръ и другія мѣстности объявили себя за Іоанна, и почти не проходило дня, чтобъ какой нибудь городъ не принималъ андреевскаго креста бургиньоновъ. Наконецъ герцогъ подступилъ къ стѣнамъ Парижа съ сильнымъ войскамъ, хотя вѣроятно не доходившимъ до 60 тысячъ, какъ говоритъ Монтреле. Всѣ окрестные замки были въ его рукахъ. Онъ былъ такъ силенъ, что императоръ Сигизмундъ, Констанцскій соборъ и только что избранный имъ папа Мартинъ V съ своими кардиналами, отправили къ нему посольства и признали законнымъ правителемъ Франціи.

По французскимъ законамъ, въ случаѣ малолѣтства или неспособности короля, королева имѣла участіе въ управленіи. Поэтому Іоаннъ рѣшился освободить Изабеллу и сдѣлать ее своей союзницей. Это ему удалось. Зная, что королева часто ѣздитъ подъ предлогомъ слушанія мессы въ аббатство Мармутье, онъ внезапно увезъ ее отрядомъ въ 800 человѣкъ и отправилъ черезъ Шартръ въ Труа (ноябрь 1417 г.). Здѣсь она тотчасъ образовала свое регентство. Кромѣ того, объявивъ, что парижскій парламентъ состоитъ изъ орлеанистовъ, она созвала другой въ Аміенъ, сдѣлала себѣ государственную печать и во всѣхъ манифестахъ, декретахъ, едиктахъ, употребляла формулу, выражавшую, что регентскія права предоставлены ей самимъ королемъ (Isabelle par la grace de Dieu royne de France, ayant pour l'occupation de Monseigneur le roi le gouvernement et administration du royaume par l'octroi irrévocable à nous sur ce fait par mondit seigneur et son conseil). Коннетаблемъ она назначила герцога Лотарингскаго. Іоаннъ Безстрашный, по освобожденіи королевы, возобновилъ сношенія съ парижскими демагогами, чтобы съ нхъ помощью овладѣть столицей, гдѣ не только графъ Арманьякъ, но и молодой дофинъ становились все болѣе ненавистны. По словамъ Петра Фенена, всю интригу велъ Лиль Адамъ (Lisle Adam) бургундскій комендантъ Портуаза, имѣвшій въ Парижѣ много знакомыхъ (avoit grandes accointances en la ville de Paris.).

Всю зиму 14$^{17}/_{18}$ г. демагоги настраивали простонародье въ пользу герцога Бургундскаго. Въ маѣ 1418 г. купецъ Перринъ ле Клеръ, считавшій себя обиженнымъ, похитилъ ночью ключи Сенъ Жерменскихъ воротъ изъ подъ подушки своего отца, хранившаго ихъ въ качествѣ начальника одного квартала, и отперъ ворота бургундцамъ. 800 всадниковъ, наскоро собранныхъ по данному сигналу Лиль Адамомъ, вступили въ городъ, занятый нѣсколькими тысячами солдатъ коннетабля. Парижане соединились съ бургундцами, привѣтствуя ихъ, превозглашая миръ и требуя смерти арманьяковъ. Графъ Арманьякъ хотѣлъ спрятаться, но былъ схваченъ и заключенъ въ тюрьму вмѣстѣ съ двумя папскими легатами, реймскимъ архіепископомъ и нѣсколькими епископами. Легатовъ и архіепископа вскорѣ выпустили, но остальные остались въ тюрьмѣ, гдѣ ихъ ожидала ужасная смерть. Событія, послѣдовавшія за вступленіемъ въ Парижъ бургундцевъ, по описанію наивныхъ хроникъ того времени, буквально схожи съ тѣмъ, что протерпѣлъ этотъ городъ въ 1789 — 1794 г.; только въ XVIII ст. неистовствовала чернь, а въ XV дворянство. Въ столицу отовсюду устремилась всевозможная сволочь, дававшая волю своимъ дикимъ страстямъ. Ярость перешла всѣ границы, когда Таннги дю Шатель, спасшійся съ дофиномъ въ Бастилью, сдѣлалъ вылазку. Онъ былъ отбитъ, но успѣлъ бѣжать вмѣстѣ съ дофиномъ изъ города. Бургундская партія отмстила за нападеніе всеобщимъ избіеніемъ орлеанистовъ и разграбленіемъ домовъ всѣхъ, считаемыхъ приверженцами Арманьяка. 12 іюня 1418 г. убійцы ворвались въ тюрьмы, и во всѣхъ улицахъ Парижа были совершены жестокія убійства. Сперва были убиты тюремщики и стража, а потомъ заключенные и всѣ, казавшіеся подозрительными. Ярость была такъ велика, что не щадили даже ребенка во чревѣ матери, и по улицамъ ходили въ крови, покрывавшей всю ступню. Убійства совершались не одною чернью или нанятыми убійцами; въ нихъ участвовали первые аристократы Франціи: Лиль Адамъ, Аркуръ, Люксамбуръ, Фоссезъ,

Digitized by Google

Шеврезъ и другіе возбуждали толпу и помогали ей своей кавалеріей. По словамъ Journal de Paris въ теченіе первыхъ 24 часовъ было убито 1518 человѣкъ, и въ томъ числѣ, кромѣ многихъ другихъ знатныхъ лицъ обоего пола, коннетабль, канцлеръ, его сынъ и епископъ кутанскій. Хронологическая исторія Карла VI утверждаетъ, что въ эти кровавые дни всего погибло болѣе 3 т. человѣкъ. По окончаніи убійствъ, герцогъ Бургундскій и королева вступили въ городъ и приняли правленіе. Король былъ для нихъ такимъ же орудіемъ какъ для Арманьяка (car le roi estoit du tout content des Bourguignons et des Armagnacs et peu lui chaloit et lui estoit comme indifférent comme tout allast. Chacun qui avait de lui connaissance pouvait bien savoir l'estat lamentable où il se trouvait).

Государство, по видимому, было близко къ распаденію. Англійскій король завладѣлъ всею Нормандіей, за исключеніемъ Шербура и Руана, которые также сдались черезъ семь мѣсяцевъ. Герцогъ Бретанскій и герцогиня Анжуйская, носившая титулъ королевы Сициліи и управлявшая за малолѣтняго сына своего Анжу и Менномъ, измѣнили своему сюзерену и заключили перемиріе съ Генрихомъ, не помышляя о своихъ обязанностяхъ относительно Карла VI. На югѣ владѣтельные графы Фуа, Коменжъ и Арманьякъ, принадлежавшіе къ партіи дофина, вели войну противъ принца Оранскаго, сторонника бургиньоновъ, причемъ обѣ стороны прикрывали знаменемъ партій, личныя виды. Въ то время какъ въ Парижѣ происходила страшная рѣзня, и два коннетабля, два парламента, два регентства воевали другъ противъ друга, принцъ Оранскій занялъ лангедокскіе города и заставилъ ихъ признать регентство королевы и герцога Бургундскаго. Попытка герцога Бретанскаго и папскихъ легатовъ примирить партіи не имѣла успѣха. Только по взятіи англичанами Руана, дофинъ, или, правильнѣе, его приближенные согласились вступить въ переговоры съ Іоанномъ и королевою; но на этотъ разъ дѣло не сладилось. Тогда Іоаннъ рѣшился

привлечь на свою сторону короля Генриха, уже называвшаго себя на вычеканенныхъ въ Руанѣ монетахъ королемъ Франціи. Онъ отправился съ Изабеллой въ Понтуазъ, а Генрихъ пріѣхалъ въ сосѣдній Мантъ. Свиданіе произошло между этими городами на открытомъ, отгороженномъ мѣстѣ, въ присутствіи обѣихъ армій. Герцогъ и королева взяли съ собой дочь короля Карла, Екатерину; ее уже давно предлагали англійскому королю въ невѣсты, надѣясь черезъ нее получить болѣе выгодныя условія. Дѣйствительно красота принцессы видимо поразила Генриха, но тѣмъ не менѣе онъ не отступилъ въ главномъ пунктѣ, т. е. притязаніяхъ на Францію. Пока шли эти переговоры, Таинги дю Шатель, пріѣхавшій въ Понтуазъ, сдѣлалъ попытку примирить Іоанна Безстрашнаго съ дофиномъ; онъ склонилъ на свою сторону нѣкоторыхъ приближенныхъ Іоанна и одну изъ его любовницъ, г-жу де Жіакъ, и въ іюлѣ 1419 г. убѣдилъ герцога повидаться съ дофиномъ. Свиданіе произошло 11 іюля между Меиёномъ и Корбейлемъ, въ Пуальи ле Форъ. Результатомъ его было примиреніе, скрѣпленное священнѣйшею клятвою, данною на крестѣ и евангеліи въ присутствіи папскаго легата, епископа лаискаго. Словесный договоръ былъ потомъ написанъ, подписанъ обѣими сторонами и предъявленъ парижскому парламенту. Дофинъ и герцогъ Бургундскій согласились, въ силу этого договора, управлять государствомъ сообща, именемъ короля.

Всѣ французскіе города праздновали всевозможными торжествами окончаніе несчастной распри; но радость ихъ была не продолжительна. Послѣ смерти Арманьяка молодой дофинъ находился во власти вполнѣ безсовѣстнаго Таинги дю Шателя. Онъ и его рыцарственные друзья, де Нарбонъ, де Барбазанъ, де Житри и другіе, ожесточенные на Іоанна за убійство герцога Орлеанскаго и не разбиравшіе средствъ для отмщенія, рѣшились отдѣлаться предательскимъ убійствомъ отъ ненавистнаго герцога Бургундскаго. Пятнадцатилѣтній дофинъ былъ уговоренъ на этотъ поступокъ, не отличавшійся ничѣмъ отъ того, который былъ совершенъ Іо-

анномъ относительно герцога Орлеанскаго. Для выполненія этого умысла положили воспользоваться новымъ свиданіемъ принцевъ, назначеннымъ на 18 августа. Оба принца опасались злыхъ умысловъ другъ друга; вслѣдствіе этого свиданіе откладывалось съ недѣли на недѣлю. Наконецъ назначили рѣшительный срокъ, 10 сентября; но по мѣрѣ его приближенія, герцогъ Бургундскій опять сталъ колебаться. Дю Шатель снова обратился къ дамѣ, устроившей примиреніе, и Іоаннъ, убѣжденный ею, наконецъ рѣшился. Свиданіе происходило на этотъ разъ въ Монтро на Іоннскомъ мосту. По срединѣ моста было отгорожено перилами пространство, гдѣ сошлись оба принца, имѣя каждый по десяти спутниковъ. Сверхъ того каждый привелъ въ Монтро по 400 человѣкъ, расположившихся въ отдаленіи. Съ дофиномъ были дю Шатель, Барбазанъ, виконтъ де Нарбоннъ и другія креатуры Арманьяка, озлобленные за его смерть. Большая часть изъ нихъ была вооружена сѣкирами и имѣла подъ верхнимъ платьемъ кольчуги (armés à couvert), тогда какъ герцогъ Бургундскій и его спутники были въ обыкновенномъ платьѣ и имѣли при себѣ только мечи. Въ ближайшихъ къ мосту домахъ скрывалось значительное число людей, и хотя Іоаннъ предварительно обыскалъ эти дома, но вѣроятно его успѣли обмануть. Разговоръ начался дружелюбно; однако герцогъ держался въ отдаленіи, какъ вдругъ дю Шатель толкнулъ его впередъ и заперъ дверцы перилъ. Въ то же время другой спутникъ дофина, президентъ Прованса, Луве, подалъ условленный сигналъ; тогда дю Шатель бросился на Іоанна съ сѣкирой, а виконтъ де Нарбоннъ напалъ на де Ноайля, хотѣвшаго защищать герцога; убійцы, выскочившіе изъ сосѣднихъ домовъ, довершили страшное преступленіе. Іоаннъ Безстрашный и де Ноайль были убиты, прочіе спутники герцога взяты въ плѣнъ, исключая Монтегю, который перескочилъ черезъ перилы и убѣжалъ. Судя по выпискѣ изъ хроники, гдѣ говорится объ этомъ убійствѣ и которая занимаетъ 13 страницъ, каннибальское звѣрство этихъ

убійцъ XV вѣка равнялось ярости радикальныхъ убійцъ XVIII (L'animosité des assassins fut telle, que chacun prit un morceau de la robe du duc et le porta comme une marque honorifique de cet affreux exploit. Du Chastel d'un des éperons noirs du duc fit faire un étuy pour enchasser la hache au bec de faucon dont il s'était servi). Относительно подробностей убійства описанія противорѣчатъ другъ другу, но что касается сущности дѣла, то въ этомъ всѣ показанія согласны. Не стоитъ разбирать въ какой степени участвовалъ въ этомъ постыдномъ преступленіи дофинъ. Это убійство возбудило сильное негодованіе въ сѣверной и западной Франціи и въ Бургундіи, отчасти потому что виновники его, приближенные дофина, были уроженцами юга и бретонцы, и поэтому не считались французами, (le dauphin éstoit gouverné en ce tems par les seigneurs de Barbazan, Tanneguy du Chastel, le vicomte de Norbonne, le seigneur de Gitery et plusieurs autres qui point n'estaient du royaume de France). Съ обѣихъ сторонъ и въ Бургундіи поднялась сильная буря противъ дофина и его приверженцевъ. Недовольные нашли опору въ королевѣ, совершенно владѣвшей королемъ, въ сынѣ и наслѣдникѣ убитаго герцога, Филиппѣ Добромъ и его племянникѣ, графѣ де Сенъ-Полѣ. Послѣднему было всего тринадцать лѣтъ, но не смотря на это дядя назначилъ его вмѣсто себя намѣстникомъ короля и парижскимъ губернаторомъ; его окружали канцлеръ де Бетръ и другіе опытные люди. Королева разослала по всѣмъ городамъ циркуляры противъ своего сына и его сообщниковъ, какъ она выражалась, убійцъ герцога Бургундскаго. Всѣмъ вѣрноподданнымъ предписывалось именемъ короля оставить службу его сына Карла; королева писала, что подобные циркуляры будутъ издаваться каждую недѣлю, чтобы всѣ могли узнать о подлости дофина. Въ Парижѣ негодованіе перешло въ ярость; красные шарфы и андреевскіе кресты опять появились какъ отличительный знакъ партіи; дворянство, духовенство и магистратура поклялись графу Сенъ-Полю мстить за

смерть герцога. Вмѣстѣ съ тѣмъ городъ уполномочилъ графа или, правильнѣе, канцлера и нѣсколькихъ гражданъ, вступить въ переговоры съ англійскимъ королемъ, а всѣ города, принадлежавшіе къ бургундской партіи, заключили тѣсный оборонительный союзъ между собой и съ Парижемъ. Двадцатитрехлѣтній сынъ Іоанна, Филиппъ Добрый, получивъ въ Гентѣ извѣстіе о смерти отца, по молодости увлекся своимъ чувствомъ и тотчасъ послалъ въ Парижъ бургундскаго маршала, чтобы склонить короля и королеву къ противоестественному союзу съ англійскимъ королемъ. Генрихъ между тѣмъ завоевывалъ одинъ городъ за другимъ къ сѣверу и западу отъ Парижа и желалъ скрѣпить свои притязанія на французскую корону бракомъ съ дочерью Изабеллы, Екатериною. Уже въ сентябрѣ 1419 г. англійскіе уполномоченные вступили въ переговоры съ врагами дофина, въ ноябрѣ было заключено перемиріе съ Парижемъ, а въ декабрѣ общее перемиріе. Тѣмъ временемъ дофинъ склонилъ на свою сторону герцога Бретанскаго и старался утвердиться на югѣ. Онъ занялъ Турень, Пуату и Лангедокъ, назначилъ графа Клермона правителемъ Лангедока, возстановилъ тулузскій парламентъ, отнялъ у принца Оранскаго города Нимъ и Понъ-Сент-Еспри, отданные принцу Іоанномъ Безстрашнымъ; затѣмъ онъ вытѣснилъ отовсюду оранскія войска и обратился за помощью къ королямъ кастильскому и арагонскому и регенту Шотландіи.

Въ послѣдніе мѣсяцы 1419 г. дофинъ совершенно очистилъ южныя провинціи отъ приверженцевъ герцога Бургундскаго; между тѣмъ Филиппъ Добрый и королева устроили большой конгрессъ въ Аррасѣ для переговоровъ съ Генрихомъ V. Кромѣ уполномоченныхъ отъ обѣихъ сторонъ, сюда пріѣхали представители значительнѣйшихъ городовъ и графъ де Сенъ-Поль, въ качествѣ королевскаго намѣстника Парижа. Переговоры окончились принятіемъ слѣдующихъ прелиминарныхъ условій: Генрихъ женится на принцессѣ Екатеринѣ, а Карлъ VI остается французскимъ королемъ, но послѣ его смерти Франція перейдетъ къ Генриху и его

потомству. По неспособности Карла, правителемъ будетъ Генрихъ; государственные чины должны присягнуть ему и обѣщать признать его по смерти Карла законнымъ государемъ. По принятіи этихъ прелиминарій было заключено перемиріе срокомъ до марта 1420 г. Дофинъ и его приверженцы (nommés Armagnacs) были исключены изъ него. 20 мая 1420 г. Генрихъ подошелъ съ 12 т. войска къ Труа, гдѣ жили король и королева, и 21 мая здѣсь былъ заключенъ миръ. Совершенно сумашедшій Карлъ подписалъ нелѣпый, противоестественный договоръ, лишавшій наслѣдства его собственнаго сына и навѣки неразрывно присоединявшій Францію къ Англіи (perpetuellement et indivisèment). Въ іюнѣ Генрихъ женился на Екатеринѣ. Затѣмъ онъ взялъ Монтро, Меленъ, мужественно сопротивлявшійся ему, и другіе укрѣпленные города, и 1 декабря вступилъ въ Парижъ. Въѣздъ былъ великолѣпенъ: Генриха сопровождали король, двѣ королевы, его жена и теща, и множество англійскихъ и бургундскихъ вельможъ. Въ Парижѣ былъ собранъ такъ называемый общій сеймъ, въ которомъ участвовали и англичане. Къ большой досадѣ герцога Бургундскаго, ему даже пришлось уступить первенство нѣсколькимъ англійскимъ вельможамъ. Сеймъ рѣшилъ произвести принудительный заемъ и значительно понизить дѣйствительную цѣнность серебрянной монеты, что доставило Генриху 1/8 часть всего обращавшагося въ государствѣ серебра. Конечно эти двѣ мѣры не могли особенно расположить народъ въ новому правителю. Тѣмъ не менѣе чины утвердили договоръ, заключенный въ Труа. Затѣмъ собрался парламентъ, чтобы вмѣстѣ съ королевскимъ совѣтомъ обсудить жалобу Филиппа Добраго на убійцъ его отца. Судъ дѣйствительно началъ процессъ, и канцлеръ именемъ Генриха обѣщалъ оказать правосудіе. Дофина потребовали къ отвѣту, но онъ не явился. Процессъ кончился тѣмъ, что Генрихъ именемъ короля утвердилъ заочный приговоръ надъ убійцами Іоанна. Трудно рѣшить распространялся ли приговоръ на дофина или нѣтъ. Историкъ Мезре говоритъ положительно, что распространялся; это под-

тверждаетъ и примѣчаніе къ исторіи Жювениля дез'Юрсена, повидимому заимствованное изъ достовѣрнаго источника; но имя дофина находится только въ парламентскомъ проектѣ приговора *), въ подлинникѣ же его нѣтъ, поэтому большинство французовъ отвергаютъ прямое осужденіе дофина.

Съ этого времени во Франціи дѣйствуютъ два правительства и два парламента; всѣ высшія должности заняты вдвойнѣ. Англійскій король и дофинъ всѣми силами оспариваютъ другъ у друга права на регентство и оба имѣютъ приверженцовъ. Послѣ того какъ Генрихъ провозгласилъ себя въ Парижѣ намѣстникомъ и наслѣдникомъ Карла, дофинъ отступилъ за Луару, предоставивъ своимъ сторонникамъ отстаивать укрѣпленныя мѣста на сѣверномъ берегу ея. Это имъ удалось, благодаря отношеніемъ Генриха къ шотландцамъ. Шотландіей, вмѣшавшейся теперь въ дѣла Франціи, все еще управлялъ герцогъ Ольбэни (стр. 26), потому что король Робертъ III умеръ, а сынъ и наслѣдникъ его, Іаковъ I, оставался въ плѣну у англичанъ. Генрихъ успѣлъ склонить Іакова на свою сторону, но регентъ объявилъ себя въ пользу дофина и послалъ къ нему на помощь 5 или 7 т. шотландцевъ подъ начальствомъ своего сына, графа Бокана. Въ 1421 г. Генрихъ возвратился въ Англію, назначивъ своего брата, герцога Клеренса, намѣстникомъ Нормандіи и главнокомандующимъ войсками. Герцогъ вздумалъ занять провинцію Анжу, но наткнулся на шотландцевъ и былъ на голову разбитъ при Боже. 1200 англичанъ остались на полѣ сраженія, и въ томъ числѣ самъ Клеренсъ, сперва раненный Уиль-

*) Въ немъ сказано: le dauphin et ses complices, meurtriers du duc de Bourgogne, sont déclarés criminels de lèze majesté au premier dégré et comme tels indignes et privés de toutes honneurs, dignités et successions, leurs sujets et vassaux déliés de tous sermens de féauté. (Дофинъ и его сообщники, убійцы герцога Бургундскаго, объявляются виновными въ оскорбленіи величества въ первой степени и какъ таковые недостойными и лишенными всякихъ почестей, званій и правъ на наслѣдство; ихъ подданные и вассалы освобождаются отъ всякой присяги въ вѣрности).

ямомъ Свайтономъ и окончательно добитый сѣкирой самого графа Бокана. Главными виновниками этой блистательной побѣды, ободрившей партію дофина, были самъ шотландскій главнокомандующій и лорды Уигтонъ (Wigton) и Стюартъ Дарнлэ. Генрихъ поспѣшно вернулся и съ удвоеннымъ ожесточеніемъ возобновилъ войну, но не могъ добиться рѣшительнаго результата, такъ какъ дофинъ избѣгалъ генеральнаго сраженія, а осада городовъ иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ задерживала англичанъ. Замѣчательнѣе всего была защита Мо. Генрихъ осадилъ городъ въ октябрѣ 1421 г.; но гарнизонъ, состоявшій изъ 1000 французовъ, шотландцевъ и ирландцевъ, держался семь мѣсяцевъ противъ цѣлой англійской арміи. Городъ былъ взятъ приступомъ только въ февралѣ 1422 г., но замокъ продержался еще до мая. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ Генрихъ опасно заболѣлъ и умеръ 31 августа 1422 г. Спустя нѣсколько недѣль умеръ и Карлъ VI (въ октябрѣ): имъ до того пренебрегали въ послѣднее время, что парламентъ приказалъ покрыть издержки погребенія продажею его движимаго имущества (que par préprovision on vendrait le plus profitablement que faire se pourroit des biens meubles du feu roi jusqu'à la somme qui seroit necessaire pour faire accomplir ses funerailles).

5. Война французовъ съ англичанами при Карлѣ VII и Генрихѣ VI до арраскаго мира.

Послѣ смерти Карла VI, дофинъ немедленно принялъ королевскій титулъ, подъ именемъ Карла VII; но не владѣя ни Парижемъ, ни Реймсомъ, онъ долженъ былъ короноваться и помазаться въ Пуатье. Въ Англіи между тѣмъ перы отказались подчиниться предсмертнымъ распоряженіямъ Генриха V. Они уже прежде готовились къ такому поступку и объявили, что недовольны условіями труаскаго договора, т. е. соединеніемъ Англіи съ Франціей, потому что считаютъ это опаснымъ для своихъ правъ; по смерти

короля они доказали, что умѣютъ отстаивать свои права. Генрихъ V оставилъ наслѣдникомъ десятилѣтняго сына, Генриха VI, и умирая поручилъ своему старшему брату, герцогу Бедфорду, управлять Франціей, а второму брату, герцогу Глостеру, Англіей. Согласно этому Глостеръ принялъ послѣ смерти брата управленіе, и когда въ ноябрѣ собрался парламентъ, потребовалъ, чтобъ его признали правителемъ. Но перы, справившись въ архивахъ и выслушавъ мнѣніе 12 судей, отвергли его требованіе и, не обращая вниманія на волю покойнаго короля, сдѣлали новыя распоряженія. Они объявили, что требованіе Глостера не согласно съ обычаями и съ конституціей; что Генрихъ V не имѣлъ права распоряжаться правленіемъ государства; что титулъ регента, намѣстника короля (lieutenant du roi), правителя или опекуна, не можетъ быть допущенъ, такъ какъ заключаетъ въ себѣ принципъ самодержавія. Поэтому перы должны учредить совѣтъ регентства, предсѣдателемъ котораго, по обычаю, будетъ Бедфордъ съ титуломъ протектора королевства и церкви; но Глостеръ можетъ занимать его мѣсто, пока онъ находится во Франціи. Затѣмъ они назначили канцлера, государственнаго казначея, хранителя печати и 16 совѣтниковъ, которые образовали совѣтъ регентства подъ предсѣдательствомъ Бедфорда или его брата.

Положеніе Карла VII было во всѣхъ отношеніяхъ крайне затруднительно. Его противникъ Бедфордъ не уступалъ талантами Генриху V, не будучи, подобно ему, грубъ, высокомѣренъ и жестокъ. Карлъ, напротивъ, не имѣлъ ни одного порядочнаго качества. Онъ былъ добродушенъ, но слабъ и, какъ всѣ добрые люди, приводилъ въ отчаяніе истинныхъ патріотовъ. Имъ безусловно управляли приближенные, и притомъ не только мужчины, но женщины и дѣвушки, которыхъ онъ любилъ. Его вялость была такъ велика, что однажды Танги дю Шатель осмѣлился въ его присутствіи заколоть графа дофина Овернскаго. Французскіе историки прославляютъ одну изъ его любовницъ, Агнесу Сорель за то, что она умѣла под-

держивать въ немъ твердость въ минуты опасности. Въ немъ самомъ вовсе не было этого качества и вообще никакихъ достоинствъ, свойственныхъ мужчинѣ. Даже въ то время, когда люди, обезсмертившіе свое имя въ войнѣ 1423 — 28 гг. съ англичанами, Дюнуа, ла Гиръ, Ришмонъ воспламенили патріотизмъ французовъ и, пользуясь одушевленіемъ, совершали невѣроятные подвиги, даже тогда онъ не могъ самъ пробудить націю, ободрить ее и повести на бой. Для этой цѣли употребили плоскій фарсъ, разыгранный дѣвушкой, будто бы посланною свыше для спасенія отечества. Вдобавокъ у него было слишкомъ мало силъ. Когда онъ короновался въ Пуатье, ему принадлежала только провинція Берри, такъ что его въ насмѣшку называли королемъ Буржа (главнаго города провинціи). А между тѣмъ во власти Бедфорда были Парижъ, Иль-де-Франсъ, Нормандія, Бри, Шампань, Пикардія, Понтье, Булоне, Калези до фландрскихъ границъ и Югъ (Аквитанія) до Пиренеевъ и океана. Карлъ едва могъ возвратить Лангедокъ, занятый сперва принцемъ Оранскимъ, а потомъ графомъ Фуа. Впрочемъ его признавали въ Дофине, Оверни, Бурбонне, Берри, Пуату, Сентонжѣ, Туррени, Орлеане и части Анжу. Герцогъ Бретанскій, котораго Бедфордъ старался склонить на свою сторону, колебался между Англіей и Франціей. Но его братъ, графъ Ришмонъ, былъ одною изъ главныхъ опоръ Карла.

Разумѣется, финансы, войско и все управленіе Карла были въ самомъ жалкомъ положеніи, такъ что Франція несомнѣнно погибла бы въ теченіе 1424 и 1425 гг., если бы Глостеръ не разсорился съ Филиппомъ Бургундскимъ. Бедфордъ былъ принужденъ обратить все свое вниманіе на эту ссору, такъ какъ англичане могли держаться во Франціи только при содѣйствіи Бургундіи. Благодаря этому, военачальники, отстаивавшіе изъ патріотизма дѣло Карла VII, получили отдыхъ въ то самое время, когда онъ имъ былъ необходимъ. Вражда Филиппа съ Глостеромъ возникла изъ-за женитьбы послѣдняго или, правильнѣе, за обладаніе Голлан-

діей, Фрисландіей, Зеландіей и Геннегау. Эти земли достались въ 1417 г. Іаковеѣ или Жаклинѣ Геннегауской отъ ея отца Вильгельма VI. Она была замужемъ за Іоанномъ Брабантскимъ, двоюроднымъ братомъ герцога Бургундскаго; ни у нихъ, ни у брата Іоанна, графа Сенъ-Поля, не было наслѣдниковъ, поэтому всѣ земли должны были перейти къ Бургундіи. Но Жаклина разрушила надежды Филиппа, покинувъ мужа и предложивъ свою руку Глостеру. Онъ соблазнился богатѣйшимъ наслѣдствомъ въ Европѣ и женился на Жаклинѣ, хотя сама она была далеко не привлекательна и къ тому же очень безстыдна, какъ доказалъ ея процессъ съ первымъ мужемъ. Разрѣшеніе на бракъ далъ имъ низложенный аррагонскій папа Бенедиктъ XIII. Предлогомъ къ расторженію перваго брака Жаклина выставляла близкое родство съ Іоанномъ не смотря на то, что Констанцкій соборъ дозволилъ имъ вступить въ бракъ. Филиппъ Добрый дѣятельно вступился за дѣло двоюроднаго брата, которое считалъ своимъ, и разсорился съ Глостеромъ. Бедфордъ тщетно убѣждалъ брата предоставить папѣ Мартину V рѣшить, который изъ двухъ браковъ его жены законнѣе; въ 1424 г. Глостеръ отправился въ Кале, чтобы силою отнять у герцога Брабантскаго владѣнія жены. Ему удалось завоевать большую часть Геннегау, но Филиппъ Бургундскій двинулся противъ него со всѣми своими силами и даже отозвалъ свои войска изъ арміи Бедфорда. Къ его счастью, ни геннегаускіе чины, ни англійскій совѣтъ регентства, въ которомъ за отсутствіемъ Бедфорда предсѣдательствовалъ Глостеръ, не вмѣшались въ это дѣло. Геннегаусцы не хотѣли изъ за Жаклины навлекать на себя вражду брабантцевъ и бургундцевъ, а англичанъ удержалъ Бедфордъ, считавшій дѣло брата неправымъ. Вскорѣ Глостеръ вернулся въ Англію, предоставивъ Жаклинѣ продолжать войну, такъ какъ она была полуамазонкой. Изъ Англіи онъ послалъ Филиппу вызовъ на поединокъ, который долженъ былъ произойти въ присутствіи Бедфорда. Филиппъ принялъ вызовъ, однако поединокъ не состоялся. Впрочемъ оба противника горячились

совсѣмъ не изъ любви къ двоюродному брату и женѣ, а чисто изъ личныхъ выгодъ. Глостеръ все время былъ неразлученъ съ своею любовницей, Елеонорой Кобгэмъ, сопровождавшей его даже въ Кале. Вскорѣ Жаклина попала въ плѣнъ къ бургундцамъ, содержалась нѣсколько времени въ Монсѣ, но ушла въ мужскомъ платьѣ и бѣжала въ Голландію. Голландцы и вестфризы вступились за нее и начали въ 1426 г. съ бургундцами войну, длившуюся два года. Между тѣмъ папа Мартинъ V призналъ первый бракъ Жаклины законнымъ и грозилъ отлученіемъ Глостеру, открыто жившему съ распутною Елеонорою, на которой онъ потомъ женился. Тѣмъ не менѣе онъ послалъ на помощь Жаклинѣ нѣсколько сотъ рыцарей. Въ 1428 г. вмѣшательство Бедфорда и совѣта регентства покончило наконецъ распрю, мѣшавшую войнѣ съ Франціей и грозившую лишить англичанъ помощи Бургундіи. Совѣтъ сдѣлалъ Глостеру выговоръ за посылку въ Голландію войска, а когда онъ вздумалъ отправить новую помощь, Бедфордъ рѣшительно воспротивился этому. Глостеру пришлось оставить Жаклину на произволъ судьбы. Тогда она вышла замужъ за мелкаго зеландскаго дворянина, но принуждена была покончить войну (1428 г.) и признать Филиппа Бургундскаго своимъ наслѣдникомъ не смотря на то, что ея первый мужъ, Іоаннъ, уже умеръ. Вскорѣ ея владѣнія были присоединены къ Бургундіи, получившей по смерти ея деверя (1430 г.) сверхъ того Брабантъ и Лимбургъ.

Распря герцога Бургундскаго съ Глостеромъ, который въ то же время поссорился со своимъ дядей, епископомъ уинчестерскимъ, не только отвлекла вниманіе Филиппа отъ Франціи, но цѣлыхъ пять лѣтъ (1423—1428) мѣшала Англіи дѣятельно вести войну. Карлъ между тѣмъ имѣлъ постоянными союзниками шотландцевъ и получилъ помощь отъ двухъ итальянскихъ князей. Сынъ регента Шотландіи, графъ Боканъ, сдѣланный за побѣду при Боже* коннетаблемъ Франціи, такъ ревностно служилъ Карлу, что по смерти отца даже не вернулся въ Шотландію

передавъ регентство своему слабому и неспособному брату Мэндоку; онъ потребовалъ новыхъ войскъ, приведенныхъ ему лордомъ Стюартомъ. Изъ Италіи пришла помощь отъ графа Савойскаго и герцога миланскаго, Филиппа Маріи Висконти, приславшаго 600 копейщиковъ и 1000 тяжеловооруженныхъ. Висконти былъ по сестрѣ дядя герцога Орлеанскаго, все еще находившагося въ плѣну у англичанъ. Сверхъ того въ войскѣ Карла служили старые, закаленные бандиты Арманьяка. Но отъ всего этого было мало пользы. Недоставало главнаго — вождя. Карлъ не съумѣлъ даже воспользоваться цѣлымъ годомъ отсутствія Бедфорда, ѣздившаго въ Англію (14²³/₂₄ г.). Въ это время шотландскій графъ Боканъ былъ разбитъ около Окзерра, при Креванѣ и взятъ въ плѣнъ (19 іюля 1423 г.). Впрочемъ онъ вскорѣ выкупился и получилъ отъ Карла графства Еврё и Дрё и господство Обиньи. Вслѣдъ за тѣмъ шотландцы, утомленные правленіемъ неспособнаго Мэндока, покончили давно уже безплодно тянувшіеся переговоры объ освобожденіи короля Іакова. Въ силу заключеннаго договора, Іаковъ получилъ свободу, съ обязательствомъ заплатить за долгое пребываніе въ Англіи 40 т. марокъ. Эта сумма была не по средствамъ бѣдной Шотландіи, но дѣлу помогли тѣмъ, что женили Іакова на англійской принцессѣ и за это сбавили 10 т. марокъ съ требуемой суммы. Сверхъ того условились, чтобы въ теченіе семи лѣтъ между обѣими націями не было враждебныхъ дѣйствій и чтобы шотландскія войска были вызваны изъ Франціи къ маю 1424 г. Выполненіе послѣдняго условія представляло много затрудненій, и шотландскій король тогда же заявилъ, что не ручается за исполненіе своихъ приказаній. Дѣйствительно, графъ Дугласъ не обратилъ вниманія на договоръ и остался предводительствовать отборнымъ войскомъ, собраннымъ Карломъ для осады Иври. Эта осада дорого обошлась французамъ. Бедфордъ поспѣшилъ во Францію на выручку Иври, (августъ 1424 г.) но, опоздавъ, сдѣлалъ непріятелямъ романическій и рыцарскій,

но для насъ смѣшной, вызовъ на битву, скорѣе достойный боксера, чѣмъ полководца. Онъ послалъ сказать Дугласу черезъ герольда, что пришелъ выпить съ нимъ; Дугласъ отвѣтилъ, что столъ накрытъ, и что онъ самъ именно для этого пріѣхалъ изъ Шотландіи. Затѣмъ произошло сраженіе при Вернейлѣ, въ которомъ французы были на голову разбиты. Они винили Дугласа, будто бы увлекшаго ихъ необдуманною горячностью; но, кажется, напротивъ Дугласъ и лордъ Стюартъ совѣтовали выжидать, а д'Омаль и Нарбоинь потребовали немедленной аттаки. Англичане по обыкновенію укрѣпили свою позицію рогатками, а французы неистово бросились штурмовать ее, и какъ при Азенкурѣ лишились цвѣта своего рыцарства и дворянства. Впрочемъ англичане не дешево купили побѣду, хотя и нельзя вѣрить книгамъ, увѣряющимъ, ради краснаго словца, будто ихъ потеря была такъ велика, что Бедфордъ запретилъ праздновать побѣду. Парламентскіе протоколы доказываютъ противное. Французы лишились въ этотъ день коннетабля, графа Дугласа, его сына, лорда Стюарта, Омаля, Нарбонна, Аркура, Вантадура и многихъ другихъ. Итальянцы герцога миланскаго по обычаю кондотіери заранѣе убрались съ поля сраженія. Вернейльское сраженіе поповидимому должно было покончить войну, но въ это самое время начался раздоръ между Глостеромъ и герцогомъ Бургундскимъ, заставившій Бедфорда обратить все вниманіе на Нидерланды и на предпріятія своего брата. Карлъ, желая отвлечь герцога Бретанскаго отъ англичанъ, сдѣлалъ коннетаблемъ его брата, графа Ришмона. Онъ надѣялся, что герцогъ успѣетъ склонить на его сторону Филиппа Добраго, сестра котораго, вдова дофина Лудовика, вышла замужъ за Ришмона. Новый коннетабль дѣйствительно убѣдилъ брата вступить въ союзъ съ Карломъ, но Бедфордъ разстроилъ планъ, принудивъ герцога и бретанскіе чины разорвать союзъ съ Франціей.

Послѣ вернейльскаго сраженія война велась совершенно по обычаю рыцарей. Не смотря на страшныя бѣдствія страны и постепенное

пробужденіе въ французахъ патріотизма, большихъ сраженій не было. Ришмонъ, отличный полководецъ и дипломатъ, больше занимался придворными интригами любимцевъ и любовницъ короля, чѣмъ войною. Онъ еще прежде схватилъ во дворцѣ и приказалъ предать жестокой казни президента Прованса, Луве и де Жіака съ женою. Теперь онъ вознамѣрился удалить новаго любимца, ла Тремуйля, котораго самъ же рекомендовалъ королю. Но ла Тремуйль оказался сильнѣе его и коннетаблю пришлось оставить дворъ и армію (1427 г.). За этими интригами, онъ пропустилъ благопріятныя обстоятельства и преспокойно жилъ въ Ваниѣ, пока Бедфордъ былъ занятъ англійскими и нидерландскими дѣлами, тогда какъ войска, присланныя графомъ Фуа и другими союзниками, давали возможность напасть на слабаго непріятеля. Ла Гиръ и графъ Дюнуа, побочный сынъ убитаго герцога Орлеанскаго, обыкновенно называемый орлеанскимъ Батардомъ, защитили и спасли въ это время Карла. Безъ нихъ, англійскій герой Тальботъ несомнѣнно овладѣлъ бы Орлеаномъ и Буржемъ. Въ 1428 г. у Бедфорда развязались руки, и онъ рѣшился покончить войну. Онъ успѣлъ помирить брата съ Филиппомъ Добрымъ, заставилъ герцога Бретанскаго принять предписанныя условія, созвалъ въ Парижѣ парламентъ и потребовалъ помощи у англійскихъ бароновъ. Въ 1428 г. графъ Салисбери привелъ 6 т., къ которымъ Бедфордъ присоединилъ еще 4 т. Лучшій англійскій полководецъ, графъ Варвикъ, долженъ былъ ѣхать въ Англію, чтобъ руководить воспитаніемъ Генриха VI, но у англичанъ оставались еще Тальботъ, Соффолькъ, Арондель, примкнувшіе со своими отрядами къ Салисбери. Карлъ также искалъ подкрѣпленій и обратился къ Іакову I шотландскому. По заключенному между ними условію, старшій сынъ Карла, Лудовикъ, былъ обрученъ съ шотландскою принцессою Маргаритою, въ приданное которой назначался 6-ти тысячный корпусъ. За это Карлъ уступалъ Іакову провинцію Сентонжъ, а по изгнаніи англичанъ сверхъ того графство Еврё. Но договоръ состоялся только 19 іюля, когда Салисбери уже шелъ съ 15 т. на

Орлеанъ, такъ что шотландцы во всякомъ случаѣ пришли бы слишкомъ поздно, еслибъ даже обѣщанная помощь была послана. Графъ Салисбери, овладѣвъ на пути многими укрѣпленными городами, осадилъ въ октябрѣ Орлеанъ. Но городъ былъ хорошо укрѣпленъ, а огнестрѣльное оружіе было еще недавно введено у англичанъ; поэтому Бедфордъ сильно порицалъ, что осада началась въ такую позднюю пору. Въ письмѣ къ королю онъ отклонялъ отъ себя всякое участіе въ этомъ дѣлѣ (All things prospered for you, till the tyme of the seage of Orleans taken in hand, Got knoweth by what advice *). Воодушевленные патріоты со всѣхъ концевъ Франціи устремились на защиту Орлеана. Волонтеры шли въ самый городъ или къ королю, чтобъ защищать или освобождать Орлеанъ. Всѣ лучшіе полководцы Франціи явились на выручку его. Знаменитѣйшими изъ нихъ были: Батардъ Орлеанскій, ла-Гиръ, Гокуръ, Ксентрайль, Киттри, Вилльаръ, Жиремъ, Дорваль, Туаръ, Шабаннь, Буссакъ, ла-Файеттъ и Гравилль. Но въ то время какъ мущины и женщины употребляли геройскія усилія для спасенія Орлеана, какъ патріотическій энтузіазмъ французовъ совершалъ чудеса, Карлъ безпечно и весело пировалъ съ любимцами и любовницами въ Буржѣ. Говорятъ, однажды ла-Гиръ пришелъ сказать ему, что Орлеанъ гибнетъ; но король, думавшій объ устройствѣ новаго праздника, принялъ извѣстіе до того равнодушно, что ла-Гиръ не могъ удержаться, чтобъ не воскликнуть: „право, никто не умѣетъ терять королевство, веселѣе короля Карла!“ Только въ началѣ 1429 г. онъ отправился въ Орлеанъ съ подкрѣпленіями и провіантомъ, въ которомъ осажденные и осаждавшіе почти одинаково нуждались. Онъ имѣлъ не болѣе 6 т. войска; непріятель же былъ вчетверо сильнѣе. Подойдя къ Орлеану, Карлъ узналъ, что почти въ то же время туда идетъ изъ Парижа англійскій генералъ сэръ Джонъ Фольстаффъ съ отрядомъ въ 1800 человѣкъ,

*) Всѣ ваши дѣла шли хорошо до осады Орлеана, начатой Богъ знаетъ по чьему совѣту.

снарядами и провіантомъ, состоявшимъ по случаю поста и по обычаю среднихъ вѣковъ изъ соленыхъ и копченыхъ селедокъ. Карлъ послалъ свои лучшія войска, преимущественно шотландцевъ, чтобъ напасть на этотъ транспортъ. 12-го февраля 1429 г. они встрѣтились съ Фольстаффомъ при деревнѣ Рувре въ Босѣ и не смотря на то, что были значительно сильнѣе его, претерпѣли рѣшительное пораженіе. Здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ сраженіяхъ съ хладнокровными англичанами, французовъ погубила горячность; они опять необдуманно ринулись на англійскія рогатки; притомъ они разсорились между собой, за то что одни хотѣли драться спѣшившись, а другіе — верхомъ. Это дѣло получило странное названіе битвы селедокъ. Теперь паденіе Орлеана казалось несомнѣннымъ. Карлъ совершенно упалъ духомъ и хотѣлъ непремѣнно покинуть Луару и отступить въ Провансъ. Напротивъ королева и Агнеса Сорель обнаружили несравненно бо́льше мужества и патріотизма. Королева отдала все, что имѣла, бриліанты, золото, серебро, даже утварь и убранство своей капеллы, чтобъ заплатить жалованье войску.

Въ то время, когда уже не было надежды спасти Орлеанъ, и когда даже герцогъ Бургундскій, завидуя англичанамъ, сталъ понемногу отзывать свои войска, нашлось орудіе, которымъ при помощи суевѣрія и фанатизма успѣли довести до крайняго напряженія уже проснувшееся чувство патріотизма. 18-ти лѣтней крестьянкѣ изъ лотарингской деревни Домъ Реми близь Вокулера, Іоаннѣ д'Аркъ, называемый обыкновенно Орлеанской дѣвой, показалось, что она призвана Богомъ спасти Орлеанъ и вести короля короноваться въ Реймсъ. Въ то время подобныя явленія были не рѣдки. Говорятъ, Іоанна съ тринадцатилѣтняго возраста имѣла различныя видѣнія и зналась съ пустынниками; ей покровительствовали святая Екатерина Фіербуа и святая Маргарита, и самъ вождь небесныхъ силъ, архангелъ Михаилъ, былъ ея патрономъ. Въ числѣ другихъ откровеній ей было указано, что въ одной могилѣ, за главнымъ алтаремъ св. Екатерины Фіербуа,

зарытъ рыцарскій мечь, которымъ она спасетъ Францію. Во всякомъ случаѣ эта дѣвушка была необыкновеннымъ явленіемъ, и она дѣйствительно совершила чудеса, хотя и можно усумниться въ томъ, что была призвана Богомъ спасти Францію. Впрочемъ въ то время не хуже нынѣшняго умѣли возбуждать народъ искусственными средствами и поддерживать его въ возбужденнымъ состояніи. Этому не мало содѣйствовали король и его многочисленныя любовницы. Богословы испытали Іоанну въ религіозномъ отношеніи, а придворныя дамы самымъ тщательнымъ образомъ въ нравственномъ: оба испытанія доказали ея благонадежность. Парламентъ также игралъ роль въ мистификаціи, которую поддержалъ самъ король, сказавъ, что Іоаннѣ извѣстна его тайна, которую она могла узнать только при помощи откровенія свыше. Признанная парламентомъ и королемъ за божественную посланницу, Іоанна сдѣлалась государственнымъ лицемъ и получила главное начальство надъ войскомъ. Но она была на столько умна, что до освобожденія Орлеана слѣдовала указаніямъ двухъ лучшихъ генераловъ, а потомъ слушалась ла-Гира и графа Дюнуа. Важнѣе всего было то, что она сама вѣровала въ свое призваніе, съ дѣтства воспитала въ себѣ ненависть къ англичанамъ и пламенную любовь къ отечеству, и что ея мужество, присутствіе духа, благочестіе и цѣломудріе съ перваго раза привлекали къ ней всѣхъ, имѣвшихъ случай видѣть ее. Сверхъ того вѣра въ ея божественное призваніе положила предѣлъ рыцарскому безначалію, губившему французское войско. Оно стало повиноваться приказаніямъ своихъ лучшихъ вождей, такъ какъ ихъ распоряженія получили характеръ вдохновеній свыше. Этимъ объясняется неожиданный успѣхъ фанатической причуды.

Рѣшившись выполнить свое призваніе, Іоанна прежде всего обратилась къ начальнику Вокулера, Бодрикуру, съ просьбою послать ее къ королю. Онъ дважды отказалъ ей, но когда она пришла въ третій разъ, исполнилъ требованіе, такъ какъ тогда вѣра въ чудеса была сильнѣе чѣмъ теперь. Въ февралѣ 1429 Іоанну

представили въ Шинонѣ королю, и она объяснила ему при всемъ дворѣ цѣль своего посланія. Ея простыя слова побудили Карла попробовать, не посылаетъ ли ему судьба дѣйствительную помощь, которая выведетъ Францію изъ безнадежнаго положенія *). Онъ велѣлъ дать ей полное вооруженіе и достать мечь, находившійся, по ея словамъ, за главнымъ алтаромъ св. Екатерины Фіербуа Затѣмъ, какъ уже сказано, она подверглась двойному испытанію, богослововъ и придворныхъ дамъ, была признана парламентомъ божественной посланницей и приступила съ необычайнымъ успѣхомъ къ исполненію своего дѣла. Легко понять, что молва о героинѣ и вѣра въ ея чудесную силу взволновали всю Францію. Іоанна начала съ того, что рѣшилась доставить продовольствіе и помощь графу Дюнуа, командовавшему орлеанскимъ гарнизономъ. Выступивъ въ апрѣлѣ 1429 г., она благополучно ввела 4 мая свой отрядъ въ Орлеанъ, а 8 мая заставила непріятелей снять осаду, длившуюся семь мѣсяцевъ. Этимъ была выполнена первая часть ея призванія. Оставалось ввести короля въ Реймсъ, лежавшій въ мѣстности, со всѣхъ сторонъ занятой непріятелемъ. Она выполнила и это. Неожиданное освобожденіе Орлеана, смѣлая рѣшимость предводимаго дѣвушкою войска пробиться сквозь враговъ въ Реймсъ, а главное, вѣра въ участіе сверхъестественныхъ силъ, навели паническій страхъ на англійское войско, состоявшее на половину изъ французовъ. Генералы Фольстаффъ и Тальботъ, аттакованные ободрившимися французскими предводителями при Пате, были на голову разбиты. Фольстаффъ бѣжалъ, а Тальботъ попалъ въ плѣнъ (18 іюня 1429 г.). Бедфордъ, узнавъ, что народъ и рыцари толпами стремятся къ Іоаннѣ, счелъ неблагоразумнымъ идти на встрѣчу это-

*) По словамъ лѣтописей, она сказала: «Gentil dauphin, j'ai nom Jeanne la Pucelle; le roi du ciel m'a envoyé pour vous secourir, s'il vous plâit me donner gens de guerre, par grace divine et par force d'armes je ferai lever le siège d'Orléans et vous menerai sacrer a Rheims malgré vos ennemis. c'est ce que le roi du ciel m'a commandé de vous dire, et que sa volonté est que les Anglois se retirent en leur pays.

му фанатизированному войску, и потому стянулъ всѣ англійскія силы въ Парижъ и въ Иль-де-Франсъ, а защиту Реймса предоставилъ занимавшимъ его бургундцамъ. Карлъ и Іоанна собрали войско въ Жіанѣ, и оттуда двинулись на Реймсъ. Имъ предстояло сдѣлать 80 часовъ пути, на которомъ каждое укрѣпленное мѣстечко было занято непріятелемъ. Однако, они благополучно пробились. Въ бургундскихъ владѣніяхъ городъ Окзерръ рѣшился сопротивляться, но они не тронули его; вѣроятно любимецъ Карла, ла Тремуйль, былъ подкупленъ или, быть можетъ, французы, хотѣли расположить къ себѣ герцога Бургундскаго, все болѣе и болѣе охладѣвавшаго къ англичанамъ. Труа напротивъ былъ взятъ приступомъ. Бургундскій гарнизонъ очистилъ Реймсъ еще до прибытія французовъ, такъ что Карлъ безпрепятственно вступилъ въ городъ (27 іюля 1429 г.). Вновь назначенный архіепископъ короновалъ и помазалъ Карла по древнему обычаю, хотя королевскія регаліи, корона и скипетръ (main de justice), хранившіяся въ Сенъ-Дени, были въ рукахъ англичанъ, и ни одинъ изъ свѣтскихъ перовъ не присутствовалъ при коронаціи. Такимъ образомъ, къ общему изумленію, Іоанна выполнила и вторую часть своего призванія. Считая его конченнымъ, она хотѣла оставить общественную дѣятельность и на колѣняхъ молила короля отпустить ее. Но онъ не согласился, находя ея содѣйствіе слишкомъ выгоднымъ для себя. Она осталась и принимала участіе во всѣхъ сраженіяхъ, ища опасности и сражаясь въ первыхъ рядахъ.

Еще въ томъ же году французы взяли Суассонъ, Провенъ, Шато Тьерри, Крепи, Санли, Бове, Компьень, Мелень и Сансъ; коннетабль Ришмонъ сталъ серьезно угрожать Нормандіи, такъ что Бедфордъ счелъ нужнымъ обратить главное вниманіе на эту провинцію и отправился туда съ большею частью расположенныхъ въ Парижѣ войскъ. Карлъ и Іоанна хотѣли воспользоваться этимъ и завладѣть столицей. Они расположились на Монмартрѣ, и сдѣлали приступъ, но были отбиты и принуждены отступить. Карлъ вернулся въ Буржъ и провелъ всю зиму въ

Digitized by Google

увеселеніяхъ. Весною (1430 г.) герцогъ Бургундскій, не помогавшій послѣднее время англичанамъ, снова склонился на ихъ сторону и осадилъ Компьень. Іоанна поспѣшила въ городъ и однажды, участвуя въ вылазкѣ, была взята въ плѣнъ, вѣроятно измѣннически (25 мая). Повидимому королевская партія и аристократы желали отдѣлаться отъ крестьянки, пробудившей въ народѣ національное чувство и спасшей отечество; они считали, что могутъ довершить дѣло дипломатическими уловками и оружіемъ. При вылазкѣ не только не приняли никакихъ мѣръ, чтобъ благополучно доставить въ городъ Іоанну, прикрывавшую отступленіе, но даже заперли ворота и подняли мостъ раньше, чѣмъ слѣдовало. Впослѣдствіи французскій дворъ не сдѣлалъ ни одного шага, чтобъ освободить Іоанну изъ плѣна, хотя имѣлъ довольно плѣнныхъ для ея выкупа. Наконецъ, когда англичане предали несчастную дѣвушку суду за колдовство и чародѣйство, Карлъ и дворъ держали себя во все время процесса такъ постыдно, что охотно вѣришь многимъ писателемъ, утверждающимъ, будто Агнеса Сорель не хотѣла долѣе уступать ей первой роли во Франціи. Англичане предали Іоанну духовному суду, считая необходимымъ юридически доказать, что удача французовъ была дѣломъ дьявола и посланной имъ обманщицы, которые однако не могли устроять противъ столь вѣрующихъ враговъ, какъ англичане. Свою ревность къ вѣрѣ они незадолго до того доказали всему христіанскому міру. Два принца королевскаго дома, герцогъ Глостеръ и епископъ уинчестерскій затѣяли крестовый походъ противъ гусситовъ, и послѣдній дѣйствительно отправился въ Германію съ папскимъ полномочіемъ, хотя и не увѣнчалъ себя при этомъ большою славою (ч. IX стр. 189). Іоанна находилась сперва во власти бургундскаго генерала графа де-Линьи, а не англичанъ, такъ какъ ее взялъ въ плѣнъ вассалъ этого генерала, Вандомъ. Но черезъ три дня генеральный викарій инквизиціи потребовалъ ее у герцога Бургундскаго (comme vehémentement soupçonnée de plusieurs crimes sentant l'hérésie,

crimes qui ne pourraient se dissimuler ni passer sans bonne et convenable réparation). Парижскій университетъ, какъ и слѣдовало ожидать отъ ученыхъ богослововъ Сорбонны, поддержалъ требованія инквизитора. Епископъ бовейскій Петръ Кошонъ выгнанный передъ тѣмъ за низость собственными подданными, также вмѣшался въ дѣло, желая отличиться въ преслѣдованіи патріотической дѣвушки. Графиня Линьи на колѣняхъ умоляла мужа не выдавать несчастной варварскому суду безсердечнаго духовенства; но Линьи, движимый только личными выгодами, уступилъ плѣнницу Бедфорду, выговоривъ Вандому ежегодный пенсіонъ въ 300 ливровъ, а себѣ 10 т. ливровъ. Бедфордъ могъ бы по каннибальскому обычаю того времени тотчасъ убить Іоанну, но ему хотѣлось духовнаго суда, чтобъ разрушить вѣру въ ея божественное посланіе. Онъ нашелъ духовныхъ, готовыхъ служить ему орудіемъ, и бѣдной плѣнницѣ пришлось претерпѣть страшныя страданія. Варварство, грубость, подлость ея судей и ихъ постыдныя дѣйствія могли бы показаться невѣроятными, если бы не сохранились всѣ акты этого гнуснаго процесса. Главными дѣйствующими лицами были: бовейскій епископъ Петръ Кошонъ, вся жизнь котораго была непрерывнымъ рядомъ мерзостей, инквизиторъ Жанъ Граверанъ и два промотора или церковныхъ стряпчихъ. Одинъ изъ нихъ, первый промоторъ (Эпинель), то есть лицо, замѣнявшее въ духовныхъ судахъ генералъ-прокурора, отвратительно обращался съ Іоанной, но почувствовалъ передъ концомъ процесса раскаяніе и долженъ былъ передать свою обязанность другому, вполнѣ безсовѣстному человѣку. Въ іюлѣ 1430 г. епископъ потребовалъ Іоанну къ себѣ на судъ; въ октябрѣ ея перевезли въ Руанъ, бросили въ ужасную тюрьму, заковавъ не только по рукамъ и по ногамъ, но даже по животу, и только въ январѣ 1431 г. передали духовнымъ судьямъ. Процессъ начался въ февралѣ и длился до мая. Первый промоторъ предъявилъ противъ Іоанны четыре обвинительные пункта: 1) Она заключила союзъ съ дьяволомъ, чтобы получить значеніе въ свѣ-

тѣ, вывѣдывала отъ него тайны и будущее, и съ его помощью заставила вѣрить себѣ. 2) Обманула народъ и возбуждала его противъ англичанъ. 3) Позволяла чтить себя святой, и потому повинна въ ереси. 4) Пренебрегая чувствомъ стыда и обязанностями женскаго пола, носила мужское платье, сражалась и обагряла руки кровью. Этими обвиненіями начался процессъ, то есть принялись мучить бѣдную дѣвушку допросами, грубыми ругательствами и оскорбительными поученіями. Обвиненную допрашивали сначала въ судѣ въ присутствіи 40 или 60 докторовъ богословія, потомъ въ тюрьмѣ, гдѣ были только епископъ и инквизиторъ. Разумѣется, они писали все, что хотѣли, выключая все, служившее къ оправданію. Такимъ путемъ число обвиненій довели до 12-ти. Ихъ предложили 58 членамъ суда и руанскому капитулу, которые приговорили Іоанну къ тяжкому пожизненному заключенію на скудной пищѣ (12 апрѣля). Парижскій университетъ единогласно утвердилъ приговоръ, который былъ объявленъ Іоаннѣ. Но графъ Варвикъ и епископъ уинчестерскій, пріѣхавшіе въ прошедшемъ году во Францію съ 8-ми лѣтнимъ Генрихомъ VI, нашли наказаніе недостаточнымъ и потребовали смертной казни. Петръ Кошонъ безпрекословно согласился. Найдти благовидный предлогъ было не трудно. Іоанну, вѣровавшую въ свое вдохновеніе, заставили высказать прежнія убѣжденія, потомъ во время ея болѣзни положили къ ней ея мужское платье, а когда она надѣла его, Кошонъ и вице-инквизиторъ руанской епархіи, ле-Метръ, объявили, что какъ нераскаянная еретичка, она должна быть сожжена и для этой цѣли передана свѣтскимъ судьямъ (comme relapse excommuniée, rejettée du sein de l'eglise et jugée digne par ses forfaits d'être abandonuée à la justice séculaire). 30 мая 1431 г. ее сожгли въ Руанѣ. Карлъ VII, его знатные генералы, придворные и женщины, его окружавшія, не сдѣлали въ теченіе цѣлаго года ничего, чтобъ спасти жизнь и честь народной героини. Оно и понятно: попавъ въ плѣнъ, она опять сдѣлалась въ глазахъ аристократіи простой мужичкой. Все, что дѣ-

лалось впослѣдствіи для возстановленія ея чести — дѣлалось для народа. Карлъ VII соглашался тогда на все, потому что онъ и окружавшіе его разсуждали, подобно Каракаллѣ, который, умертвивъ своего брата Гету, провозгласилъ его богомъ, чтобъ изгладить дурное впечатлѣніе, произведенное братоубійствомъ, (sit divus, dum non sit vivut*). Впрочемъ процессъ Іоанны былъ пересмотрѣнъ уже при преемникѣ Карла, Лудовикѣ XI, въ 1465 г. Но французскій народъ почтилъ и увѣковѣчилъ память мужественной крестьянки и до сихъ поръ видитъ въ Іоаннѣ идеалъ французскаго патріотизма.

Герцогъ Бургундскій, владѣнія котораго значительно увеличились въ 1430 г. наслѣдствомъ умершаго герцога Брабантскаго, не принималъ участія въ безчеловѣчномъ преслѣдованіи Іоанны. Вообще онъ былъ для англичанъ весьма ненадежнымъ союзникомъ и постоянно велъ переговоры съ французами, успѣшно воевавшими въ Шампани, Пикардіи, Иль-де-Франсѣ и даже Нормандіи. Только при нападеніи на Руанъ, они потерпѣли неудачу. Король и въ этомъ году, послѣ непродолжительной дѣятельности, впалъ въ обычную праздную, сладострастную жизнь. Въ продолженіе всей войны, Карлъ велъ себя самымъ презрѣннымъ образомъ; похвалами, которыми его осыпали впослѣдствіи, онъ обязанъ единственно лести французскихъ придворныхъ писателей и лѣтописцевъ, приписавшихъ освобожденіе отечества этому королю съ ограниченными способностями и умомъ, годнымъ только для придворной жизни, забавъ и наслажденій. Каждый графъ, баронъ, рыцарь и весь народъ обнаруживали такую же энергію, какъ испанцы съ 1809 по 1812, — одинъ только король жилъ среди забавъ и удовольствій, незаботясь о королевствѣ. Когда въ Нормандіи вспыхнуло возстаніе, и крестьяне, ожесточенные поборами англичанъ, взялись за оружіе, онъ даже не явился въ армію и не поддержалъ воз-

*) Пусть будетъ богомъ, лишь бы не былъ живъ.

станія. Поэтому въ войнѣ не было ни общаго плана, ни главнаго начальства; каждый предводитель воевалъ самъ по себѣ. Не смотря на это, французы завоевывали одинъ городъ за другимъ. Герцогъ Бедфордъ, приказавъ епископу уинчестерскому короновать въ Парижѣ Гевриха VI (декабрь 1431 г.), едва могъ держаться въ столицѣ, а вскорѣ счелъ свое положеніе столь не прочнымъ, что отправилъ короля сперва въ Руанъ, а оттуда въ Англію. Впрочемъ поддавнымъ Карла VII приходилось такъ же плохо, какъ и жителямъ провинцій, завоеванныхъ англичанами, которые раззоряли народъ поборами. Народъ страдалъ несказанно; одинъ современный писатель прямо говоритъ, что не существовало ни разума, ни справедливости, и народу оставалось только вопіять (Il n'y avait ni raison, ni justice et les peuples n'avaient d'autre recours, si non de crier miserablement).

Впрочемъ бездѣйствіе Карла VII было полезнѣе и для него и для французовъ, чѣмъ самая кипучая дѣятельность, такъ какъ герцогъ Бургундскій нашелъ, что можетъ ждать больше выгодъ отъ безпечнаго французскаго короля, чѣмъ отъ гордаго Бедфорда. Бедфордъ, потерявъ первую жену, сестру Филиппа, женился черезъ 6 мѣсяцевъ на дочери его вассала, Жаклинѣ Люксанбургской, не спросивъ его согласія. Это нарушеніе ленныхъ отношеній разсорило герцога Бургундскаго съ Бедфордомъ и сильно помогло французамъ, старавшимся отвлечь герцога отъ англичанъ. Однако вслѣдствіе различныхъ препятствій примиреніе Карла съ Филиппомъ состоялось только черезъ два года. Англичане употребляли всѣ усилія, чтобъ устранить возникшее несогласіе, а съ другой стороны, самъ Филиппъ былъ занятъ волненіями въ своихъ владѣніяхъ и войною съ своимъ зятемъ, герцогомъ Бурбонскимъ. Города и чины провинцій, присоединенныхъ къ владѣніямъ Филиппа, не приняли никакого участія въ его войнахъ, а Гентъ и Иперъ, бывшіе въ то время такъ же могущественны, какъ Амстердамъ и Роттердамъ въ XVII ст., открыто возстали въ 1433 г. Герцогъ Бурбонскій, начавшій войну за приданное жены, вторгся въ бур-

гундскія владѣнія и взялъ около 30 замковъ. Филиппъ отплатилъ ему въ 1434 г. взятіемъ Боже. Тѣмъ не менѣе въ слѣдующемъ году Филиппъ совершенно помирился съ Карломъ. Этому наиболѣе способствовало возвращеніе ко двору коннетабля Ришмона. Коннетабль, удаленный по проискамъ ла-Тремуйля (стр. 70), нѣсколько разъ предлагалъ королю свои услуги, но вліяніе его противника было такъ сильно, что Карлъ отвергалъ ихъ даже въ самое критическое время. Наконецъ ла-Тремуйль палъ, и коннетаблю было возвращено его вліяніе, котораго онъ былъ вполнѣ достоенъ. Паденіе ла-Тремуйля какъ нельзя лучше обрисовываетъ апатичность Карла, непробудную даже среди общаго одушевленія цѣлаго народа. Въ концѣ 1433 г. вліяніе любимца надоѣло брату королевы, графу Карлу Менскому, герцогу Алансонскому и другимъ придворнымъ. Чтобъ свергнуть его, они соединились съ графомъ Ришмономъ, дю-Бюейлемъ, Шомономъ, Куативи, ла-Вареннемъ и Роньеваномъ и составили планъ схватить ла-Тремуйля и, удаливъ отъ двора, запереть въ тюрьму. Вторгшись ночью въ его спальню, они бросились на него и нанесли ему рану въ животъ кинжаломъ, когда онъ, вскочивъ съ постели, хотѣлъ защищаться, заковали и увезли въ замокъ Монтрезоръ. По окончаніи этой операціи, дю Бюейль и Куативи отправились къ королю и разсказали о случившемся, увѣряя, что дѣйствовали единственно для блага государства. Король въ теченіе нѣсколькихъ дней не зналъ на что рѣшиться, но въ самомъ непродолжительномъ времени Карлъ Менскій успѣлъ вполнѣ замѣнить ему ла-Тремуйля, такъ что онъ объявилъ черезъ канцлера собраннымъ въ Турѣ чинамъ, что одобряетъ дѣйствіе враговъ прежняго любимца и оставляетъ ихъ при себѣ (que l'attentat commis par les sires de Bueil et de Coitivy etoit avoué par lui et qu'il les retenait dans ses bonnes graces). Ближайшимъ слѣдствіемъ паденія ла-Тремуйля было возвращеніе ко двору способнаго и необыкновенно дѣятельнаго коннетабля. Онъ поспѣшилъ въ Компьень и отнялъ у англичанъ нѣсколько городовъ въ Пикардіи; при

этомъ онъ остерегался нападать на герцога Бургундскаго, воевавшаго съ герцогомъ Бурбонскимъ и даже старался примирить ихъ; онъ успѣлъ въ этомъ при личномъ свиданіи съ обоими герцогами въ Неверѣ (въ январѣ 1435 г.). Тутъ же условились покончить вражду между Филиппомъ и Карломъ, возстановить общій миръ и для этого созвать европейскій конгрессъ въ Аррасѣ. Разсчитывая, что Англія можетъ отвергнуть предложенныя Франціей условія, пригласили папу и Констанцскій соборъ прислать на конгрессъ уполномоченныхъ; такимъ образомъ, въ случаѣ нужды, Филиппъ могъ тотчасъ быть освобожденъ церковью отъ присяги англичанамъ.

Конгрессъ происходилъ въ іюлѣ и августѣ съ такимъ блескомъ, что, по словамъ хроникъ, въ Аррасъ съѣхалось болѣе 10 т. человѣкъ. Кромѣ англійскихъ и французскихъ уполномоченныхъ и герцога Бургундскаго, на конгрессѣ присутствовали послы императора, королей арагонскаго, кастильскаго, наваррскаго, португальскаго, сицилійскаго, шотландскаго, польскаго, датскаго, кипрскаго, герцоговъ бретанскаго и миланскаго и многихъ другихъ князей. Англичане, предъявляя права своего короля на Англію и Францію, прислали не менѣе 37 уполномоченныхъ, во главѣ которыхъ стояли кардиналъ Генрихъ Уинчестерскій, архіепископъ іоркскій и два другихъ епископа. Французскаго короля представляли 17 уполномоченныхъ, въ томъ числѣ коннетабль графъ Ришмонъ и два принца крови, герцогъ Бурбонскій и графъ Вандомъ. Герцогъ Бургундскій, во владѣніяхъ котораго находился Аррасъ, присутствовалъ лично, въ сопровожденіи жены, герцога Гельдернскаго, епископовъ люттихскаго и камбрейскаго и графовъ Неверскаго, Водмона и Линьи. Епископъ люттихскій своею нелѣпою роскошью ослѣпилъ всѣхъ, привязанныхъ къ мірскимъ благамъ и возбудилъ негодованіе благочестивыхъ людей. Французы соглашались уступить англичанамъ Нормандію и Гіень съ тѣмъ, чтобы обѣ провинціи остались французскими ленами. Но въ числѣ англійскихъ уполномоченныхъ, кромѣ названныхъ ду-

ховныхъ лицъ, были люди, игравшіе со смерти Генриха V вмѣстѣ съ Бедфордомъ и Глостеромъ первую роль въ Англіи, графы Варвикъ, Гонтингтонъ и Соффолькъ. Отъ нихъ нельзя было ждать никакой уступки. Они потребовали половины Франціи и титула французскаго короля для Генриха VI. Французы не согласились, и англійскіе послы надменно оставили конгрессъ. Это можно было предвидѣть, и англичанъ приглашали лишь за тѣмъ, чтобъ дать герцогу Бургундскому благовидный предлогъ помириться съ французскимъ королемъ. По удаленіи англичанъ примиреніе между ними не могло замедлиться, такъ какъ Карлъ уполномочилъ своихъ пословъ соглашаться на всѣ требованія Филиппа. 21 сентября 1435 г. былъ заключенъ договоръ, по которому Филиппъ призналъ Карла французскимъ королемъ и своимъ сюзереномъ. За это Карлъ обязался объявить публично, что только по молодости одобрилъ убійство Іоанна Безстрашнаго и укрылъ его убійцъ; выдать этихъ убійцъ, или, въ случаѣ невозможности, навсегда изгнать ихъ; построить часовню, въ которой будетъ постоянно читаться обѣдня за упокой души Іоанна; содержать на свой счетъ каплана, назначеннаго въ эту часовню Филиппомъ; построить въ Монтро картезіанскую церковь; воздвигнуть на мѣстѣ убійства большой крестъ; заплатить 50 т. червонцевъ (écus d'or) за разграбленныя вещи убитаго; уступить Филиппу или его сыну города Маконъ и Сенъ-Жангонъ, какъ перства, графство Шароле и всѣ королевскія права въ этомъ графствѣ, а также въ Бургундіи и Артуа; уступить графство Булоньское и города Сенъ-Кантенъ, Корби, Аміенъ, Аббвилль, Сенъ-Рикье, Кревкеръ и другія мѣста на Соммѣ, съ условіемъ, что они могутъ быть выкуплены за 400 т. л. Сверхъ того Карлъ освободилъ Филиппа отъ обязанности давать ленную присягу и обѣщалъ ему полную амнистію. Важнѣйшею статьею этого мира были территоріальныя уступки; онѣ имѣли вліяніе на всю послѣдующую исторію Франціи, особенно въ царствованіе Людовика XI. Послѣ этого договора Филиппъ сдѣлался самымъ могущественнымъ и бо-

гатымъ государемъ въ Европѣ. Незадолго до того онъ благоразумно отклонилъ отъ себя корону германской имперіи.

За день до подписанія аррасскаго мира умерла мать Карла VII, королева Изабелла, находившаяся въ самомъ печальномъ положеніи; а за 8 дней до ея смерти умеръ герцогъ Бедфордъ. Уже съ весны англичане постоянно терпѣли неудачи и теряли одинъ городъ за другимъ; но смерть Бедфорда была для нихъ самою тяжкою потерею. Все англійское могущество держалось этимъ великимъ человѣкомъ. Его братъ, герцогъ Глостеръ, не могъ тягаться даже съ своимъ врагомъ, кардиналомъ Уинчестерскимъ и герцогомъ Соммерсетомъ. Поэтому, тотчасъ послѣ смерти Бедфорда, начали подготовляться смуты, раздиравшія Англію въ теченіи слѣдующихъ двадцати лѣтъ, и подобныя тѣмъ, отъ которыхъ страдала Франція съ конца XIV столѣтія до аррасскаго мира.

6. Смуты въ Англіи при Генрихѣ VI.

Воспитаніе Генриха VI, было поручено его внучатному дядѣ, герцогу Екзетеру, а по смерти его (1424 г.) графу Варвику, получившему патентъ и инструкціи лишь въ 1428 г. Варвикъ дѣйствовалъ въ духѣ аристократической партіи, преобладавшей въ совѣтѣ регентства. Противники этой партіи уговорили 11-ти лѣтняго Генриха потребовать большей независимости и предварительнаго просмотра постановленій, дѣлаемыхъ его именемъ. Совѣтъ отвергъ требованія и уполномочилъ Варвика строже наблюдать за королемъ. Достигнувъ 14-ти лѣтъ, Генрихъ просилъ разрѣшенія присутствовать при засѣданіяхъ совѣта, чтобы научиться обсужденію государственныхъ дѣлъ. Но и это умѣренное требованіе, существенно полезное при нѣкоторыхъ ограниченіяхъ для практическаго воспитанія будущаго правителя, было отвергнуто. Строго аристократическіе члены совѣта дали длинный, богословско-педантическій отвѣтъ, сущность котораго заключалась въ томъ, что Генриху отказывали въ какомъ бы то ни было участіи

въ управленіи (They, therefore think, it would be perilous and harmfull to change the rule and government, that afore this in his tender age has been appointed for the good and surety of his noble person and of his land *). Они охотно отказали бы ему и потомъ (1437 г.), когда онъ, будучи уже 17-ти лѣтъ, хотѣлъ знать по крайней мѣрѣ, что происходитъ въ кабинетѣ. Но не отваживаясь на это, они предоставили ему участіе въ управленіе съ такимъ ограниченіемъ, что люди, руководившіе Генрихомъ, не могли имѣть большаго значенія. Ему дали право отмѣнять и смягчать наказанія, жаловать пребенды и другія награды, получать свѣдѣнія о дѣлахъ, имѣвшихъ особенное значеніе для короны, и утверждать постановленія совѣта регентства, по которымъ не состоялось узаконеннаго большинства двухъ третей голосовъ.

Съ этого времени для Англіи становится особенно гибельною вражда между роднымъ и внучатнымъ дядями короля, герцогомъ Глостеромъ и кардиналомъ (Генрихомъ Уинчестерскимъ.) Вражда эта началась съ самой смерти Генриха V. Кардиналъ былъ алчный, скупой, высокомѣрный, властолюбивый человѣкъ. Какъ духовный, онъ имѣлъ большое вліяніе на слабаго, неспособнаго, суевѣрнаго Генриха и сверхъ того умѣлъ усилить это вліяніе, льстя молодому королю и ссужая его деньгами, въ которыхъ король нуждался, не имѣя права располагать государственными доходами. Онъ былъ непопуляренъ за свой чрезмѣрный папизмъ, за походъ противъ гусситовъ (стр. 76), а особенно за желаніе возстановить міръ съ Франціей. Онъ самъ зналъ за собою такъ много грѣховъ, что выпросилъ у короля грамоту, сохранившуюся до сихъ поръ, которою ему прощалось все, что онъ когда бы то ни было сдѣлалъ. Его противникъ, Глостеръ, сильно повредилъ себѣ свои-

*) Поэтому они считаютъ вреднымъ и гибельнымъ измѣнять правила и управленіе, установленныя еще въ его нѣжномъ возрастѣ, для блага и безопасности его благородной особы и государства.

ми нидерландскими дѣлами и женитьбою на двухъ замужнихъ женщинахъ — Жаклинѣ Геннегауской и Елеонорѣ Кобгэмъ; однако впослѣдствіи онъ успѣлъ возстановить себя въ общественномъ мнѣніи тѣмъ, что настаивалъ на продолженіи войны съ Франціей. Оба соперника имѣли приверженцевъ въ совѣтѣ и внѣ его и старались доставить имъ возможно большее вліяніе. Послѣ смерти Бедфорда, они горячо враждовали за назначеніе новаго правителя во Францію. Кардиналу хотѣлось назначить своего племянника, графа Бьюфорта Соммерсета, Глостеру и большинству совѣта — герцога Ричарда Іорка. Ричардъ, внукъ четвертаго сына Эдуарда III, герцога Эдмонда Іоркскаго, наслѣдовалъ права клеренскаго дома, такъ какъ его мать, Анна Мортимеръ, была правнучкою втораго сына Эдмонда III, герцога Клеренса. Онъ получилъ перевѣсъ, но противная партія задерживала семь мѣсяцевъ его довѣрительныя граматы, что было причиною потери Парижа. Черезъ нѣсколько лѣтъ Ричардъ былъ вторично назначенъ намѣстникомъ Франціи, вопреки проискамъ и интригамъ кардинала. Такимъ образомъ, въ Англіи образовались двѣ враждебныя политическія партіи, почти при такихъ же условіяхъ какъ во Франціи при Карлѣ VI бургундская и орлеанская.

Несогласіе партій перешло въ открытую вражду по поводу вопроса объ освобожденіи герцога Орлеанскаго. Герцогъ, взятый въ плѣнъ при Азенкурѣ въ 1415 г., все еще былъ плѣнникомъ, не имѣя средствъ заплатить огромнаго выкупа, который съ него требовали. Въ 1439 г. кардиналъ сталъ особенно сильно настаивать на его освобожденіи, отчасти потому что надѣялся добиться черезъ него мира, отчасти же потому что королю нужны были деньги, а герцогъ предлагалъ весьма значительный выкупъ. Глостеръ, напротивъ, употреблялъ всѣ усилія, чтобъ помѣшать освобожденію герцога и даже подалъ королю письменную жалобу на кардинала, обвиняя его во множествѣ преступленій, въ алчности и измѣнѣ. Но его старанія не имѣли успѣха; жалоба была отвергнута, и въ 1440 г. герцога Орлеанскаго освободили. Съ тѣхъ

поръ противники пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы вредить другъ другу. Въ 1441 г. Уинчестеру удалось отмстить Глостеру за его неудавшуюся попытку. Герцога выставили передъ суевѣрнымъ народомъ защитникомъ и покровителемъ людей, знающихся съ дьяволомъ. Сперва обвинили въ чародѣйствѣ одного изъ капелановъ герцога, Роджера Болинброка и выставили его на показъ передъ церковью въ чародѣйскомъ облаченіи. Потомъ взялись за жену Глостера, Елеонору Кобгэмъ. Во вторую ночь послѣ ареста Болинброка, Елеонора, опасаясь кардинала и духовенства, скрылась въ алтарь уестминстерской церкви, какъ въ неприкосновенное убѣжище. Ее впутали въ дѣло капелана; это была женщина порочная, распутная, надменная и корыстолюбивая, ушедшая отъ перваго мужа и при его жизни вышедшая за Глостера; легко можетъ быть, что она надѣялась съ помощью капелана повелѣвать силами ада. По крайней мѣрѣ по слѣдствію оказалось, что она обращалась къ одной извѣстной колдуньѣ за питьемъ, которое приворожило бы къ ней непостояннаго Глостера и спрашивала черезъ Болинброка у дьявола, долго ли проживетъ Генрихъ VI. Преданная вмѣстѣ съ колдуньей духовному суду, она безъ всякой защиты подчинилась приговору и была строго наказана за свое нелѣпое и глупое, но злобное суевѣріе. Она должна была въ теченіи трехъ дней ходить босая и съ непокрытою головой по лондонскимъ улицамъ, держа въ рукахъ зажженную свѣчу, а потомъ подвергнуться пожизненному заключенію. На ея содержаніе было назначено 100 фунтовъ.

Противъ самого Глостера враги его отважились дѣйствовать только тогда, когда партіи мира удалось заключить перемиріе и устроить бракъ короля, что должно было привести къ окончательному миру. Вѣроятно герцогъ Орлеанскій тотчасъ послѣ освобожденіи началъ хлопотать о мирѣ, но встрѣтилъ различныя препятствія. Англія сперва заключила перемиріе съ Бургундіей, и только въ 1444 г. успѣли устроить переговоры. Кардиналъ Уинчестерскій и его партія такъ ревностно желали мира, что согласились назначить конференціи

во французскомъ городѣ Турѣ, хотя регентство постоянно требовало, чтобы переговоры велись въ англійскихъ владѣніяхъ или по крайней мѣрѣ на нейтральной почвѣ. Съ французской стороны въ Туръ явились побочный братъ герцога Орлеанскаго, графъ Дюнуа и принцъ королевскаго дома, графъ Вандомъ, съ англійской Уильямъ де-ла-Поль, графъ, а впослѣдствіи герцогъ Соффолькъ, безусловно управлявшій вмѣстѣ съ кардиналомъ и герцогомъ Іоркскимъ полоумнымъ королемъ. Отправляясь въ Туръ, онъ обезпечилъ себя грамотою, снимавшею съ него всякую отвѣтственность за исходъ переговоровъ. Онъ понималъ, что переговоры о перемиріи и соединенной съ нимъ женитьбѣ короля могутъ навлечь на него сильную опасность впослѣдствіи. Переговоры кончились заключеніемъ 18-ти мѣсячнаго перемирія съ условіемъ, что война на сушѣ начнется въ половинѣ іюня, а на морѣ съ 1-го іюля. Вмѣстѣ съ тѣмъ порѣшили и дѣло о бракосочетаніи Генриха. Враги Глостера руководились при этомъ желаніемъ дать слабому королю жену, которая, будучи всѣмъ обязана имъ, находилась бы въ ихъ зависимости. Это соображеніе заставило ихъ выбрать Маргариту, дочь Рене Анжуйскаго, носившаго титулъ короля неаполитанскаго и сицилійскаго, и только что возвратившагося съ безуспѣшнаго похода противъ Неаполя, во время котораго онъ лишился всѣхъ своихъ владѣній во Франціи (т. IX. стр. 333 и 351—56). Слѣдовательно о приданномъ не только не могло быть рѣчи, но нужно было позаботиться объ обезпеченіи будущаго тестя англійскаго короля. Это обстоятельство служило важною помѣхою, но Соффолькъ уладилъ дѣло. Онъ былъ тогда всемогущъ, такъ какъ кардиналъ удалился отъ двора и только изрѣдка ссужалъ короля деньгами. По настоянію Соффолька, Генрихъ согласился уступить тестю его родовыя герцогства Менъ и Анжу, бывшія въ рукахъ англичанъ. Большинство совѣта регентства приняло предложеніе, и самъ Глостеръ согласился на этотъ странный бракъ. Нѣкоторые писатели утверждаютъ, что онъ до конца противился ему, но Лингардъ доказалъ

ошибочность этого мнѣнія. Впрочемъ согласіе Глостера не спасло его, какъ увидимъ ниже. Въ маѣ 1445 г. Маргарита была обвѣнчена съ королемъ и коронована въ Лондонѣ.

Новая королева, отличавшаяся рѣшительнымъ характеромъ, скоро завладѣла слабымъ мужемъ, а покровительствуемый ею Соффолькъ сдѣлался всемогущъ. Его вліяніемъ перемиріе съ Франціей было продолжено сперва до пасхи 1446 г., а потомъ до іюня 1449 г. Королева и ея любимецъ не замедлили начать интриги противъ Глостера. Они желали его гибели главнымъ образомъ потому, что пока король не имѣлъ дѣтей, онъ былъ наслѣдникомъ престола, и пользовался большою популярностью въ народѣ, называвшемъ его добрымъ герцогомъ. Паденію его содѣйствовалъ также герцогъ Ричардъ Іоркъ, вернувшійся въ 1446 г. изъ Франціи и принятый при дворѣ весьма милостиво. Въ то время его еще не считали опаснымъ. Глостера обвинили въ намѣреніи насильственно вырвать короля, дошедшаго отъ ханжества до идіотизма, изъ рукъ Маргариты и ея любимца и подчинить своей опекѣ. Обвиненіе было обращено въ формальную жалобу, и король созвалъ парламентъ, чтобъ судить Глостера. Парламентъ былъ собранъ не въ Уестминстерѣ, гдѣ обыкновенно засѣдалъ, а въ мѣстечкѣ Сент-Едмондсѣ, и депутаты графствъ (knights of the schire) получили приказъ явиться вооруженными. Все это показывало, что нечего разсчитывать на безпристрастный разборъ дѣла. Глостеръ, находившійся въ своемъ замкѣ Дивайзесѣ, легко могъ бы спастись, но не принялъ никакихъ мѣръ и даже присутствовалъ при открытіи парламента (10-го февраля 1447 г.), не смотря на то, что мѣсто засѣданій было со всѣхъ сторонъ окружено солдатами. На другой же день лордъ констэбль Англіи, Бьюмонтъ, обвинилъ его въ государственной измѣнѣ и арестовалъ. 17 дней спустя, его нашли утромъ мертвымъ въ постелѣ. Трудно рѣшить была ли его смерть насильственною. По обычаю того времени, его безчеловѣчно содержали въ тюрьмѣ, такъ что онъ легко могъ умереть естественною смертью. По

свидѣтельству аббата Уетэмстида онъ былъ нездоровъ вечеромъ наканунѣ смерти, хотя Юмъ, Рэпинъ и другіе утверждаютъ противное. Опираясь на это свидѣтельство, Лингардъ положительно говоритъ, что Глостеръ не былъ убитъ. Однако, несмотря на то, что его тѣло было выставлено, и что всячески старались доказать, что онъ умеръ естественною смертью, народъ единогласно говорилъ объ убійствѣ, обвиняя королеву и Соффолька. Ихъ поступки противъ друзей и прислуги Глостера еще болѣе озлобили народъ. Въ день ареста герцога, многіе изъ его друзей, сэръ Роджеръ Чэмберлейнъ, Ричардъ и Артуръ Нидгемы, Ричардъ Миддльтонъ, Томасъ Гербертъ и нѣсколько другихъ рыцарей его двора, а также значительное число служителей собрались въ Гринвичѣ. Приверженцы короля схватили ихъ, обвиняя въ намѣреніи освободить Елеонору Кобгэмъ, свергнуть короля и возвести на престолъ Глостера; главнѣйшихъ изъ нихъ посадили въ тюрьму. Для наказанія ихъ наряднли чрезвычайную коммиссію (Oyer and Terminer) подъ предсѣдательствомъ Соффолька, креатуры котораго занимали въ ней мѣсто членовъ; она приговорила арестованныхъ къ смерти. Приговоръ не былъ выполненъ, но все дѣло велось до того возмутительно, что молва объ убійствѣ Глостера должна была получить большую вѣроятность.

Уничтоживъ Глостера, королева и Соффолькъ лишили ланкастерскій домъ единственнаго человѣка, способнаго удержать за нимъ престолъ и возстановили противъ себя всѣхъ друзей этого дома. Черезъ нѣсколько недѣль по смерти герцога умеръ старый кардиналъ Уинчестерскій (въ апрѣлѣ 1447 г.); тогда Соффолькъ окончательно захватилъ управленіе въ свои руки. Вскорѣ онъ разсорился со своимъ союзникомъ Ричардомъ Іоркскимъ и со всѣми его приверженцами, хотя іоркскій домъ могъ предъявить противъ Генриха VI совершенно такія же права, съ какими ланкастерскій домъ выступилъ при Генрихѣ IV противъ Ричарда II. Герцогъ Іоркскій былъ принужденъ снова уступить французское намѣстничество другу Соффолька и Маргариты, Сом-

мерсету, сдѣланному герцогомъ, а самъ былъ посланъ намѣстникомъ въ Ирландіи, гдѣ только что началось возстаніе. Вскорѣ Менъ и Анжу были отданы отцу королевы, слѣдовательно французамъ, а затѣмъ англичане потеряли всѣ свои владѣнія во Франціи, исключая Кале. Это въ высшей степени озлобило народъ противъ королевы, неограниченно управлявшей слабоумнымъ королемъ, и противъ Соффолька, заправлявшаго всѣми дѣлами. На Соффолька негодованіе было тѣмъ сильнѣе, что его короткость съ королевой возбуждала невыгодные толки. Его обвиняли въ женитьбѣ короля, въ потерѣ Анжу и Мена, въ освобожденіи герцога Орлеанскаго, вопреки протесту Глостера; ему же приписывали потерю Нормандіи, защитою которой онъ будто бы пренебрегъ въ угоду своей возлюбленной королевѣ. Нормандія была совершенно занята французами, а въ 1449 г. сдался и Руанъ, такъ какъ подкрѣпленія, посланныя Соммерсету, не пришли во время, въ чемъ также обвиняли Соффолька. Сверхъ того говорили, что онъ употребляетъ деньги, назначаемыя парламентомъ для войны, на совершенно иныя надобности, и что онъ послалъ герцога Іоркскаго въ Ирландію на вѣрную смерть.

Страхъ потерять Нормандію вызвалъ взрывъ негодованія въ народѣ и парламентѣ. Въ ноябрѣ 1449 г. былъ созванъ парламентъ для принятія рѣшительныхъ мѣръ къ спасенію Нормандіи; но правительство встрѣтило въ немъ такую оппозицію, что немедленно перевело его изъ Уестминстера въ Лондонъ. Въ декабрѣ противъ Соффолька была сдѣлана неслыханная демонстрація. Одного изъ его клевретовъ, Уильяма Тайльбуа, встрѣтили однажды вечеромъ съ толпою вооруженныхъ людей близъ зданія, гдѣ происходили засѣданія парламента. Его обвинили въ покушеніи на жизнь предводителя оппозиціи, лорда Кромвелля, посадили въ Тоуэръ и приговорили къ уплатѣ огромной для того времени суммы, 3 т. фунтовъ. Спустя двѣ недѣли, народная ярость дошла до кроваваго взрыва. Въ январѣ 1450 г., чернь убила друга Соффолька, хранителя печати, епископа чичестер-

скаго, Адама Молинса, котораго считали главнымъ орудіемъ въ интригахъ, лишившихъ Англію Анжу и Мена. Впослѣдствіи утверждали, будто Молинсъ передъ смертію сдѣлалъ весьма важныя показанія противъ Соффолька. Это побудило любимца короля, со всѣхъ сторонъ тѣснимаго врагами, оправдывать въ длинной рѣчи передъ парламентомъ всю свою политическую дѣятельность. Но этимъ онъ не достигъ цѣли, такъ какъ черезъ четыре дня послѣ того лордъ Кромвелль обвинилъ его въ нижней палатѣ въ государственной измѣнѣ. Не смотря на неопредѣленность обвиненія палата тотчасъ отправила депутацію къ лордамъ, прося позволенія арестовать Соффолька. Лорды, спросивъ мнѣнія верховнаго судьи, отвѣтили, что пера нельзя посадить въ Тоуэръ на основаніи столь неопредѣленнаго обвиненія. Черезъ два дня раздосадованные члены нижней палаты отправили къ лордамъ своего спикера съ жалобой, на основаніи которой можно было обвинить Соффолька въ государственной измѣнѣ. Тогда послѣдовало разрѣшеніе арестовать обвиняемаго. Его посадили въ Тоуэръ, и 7-го февраля составили восемь обвинительныхъ пунктовъ, а къ 7-му марту прибавили еще 16. Эти 24 пункта, въ которыхъ впрочемъ не упоминалось объ убійствѣ Глостера, заключали пустыя обвиненія, но не указывали на поступки, которые бы могли быть признаны судомъ преступленіями. Но общественное мнѣніе было такъ настроено, что король или, правильнѣе, его приближенные могли спасти Соффолька только самовластною мѣрою, нарушившею права перовъ и вызвавшею сильный протестъ. Вмѣсто того чтобы, согласно закону и обычаю, поручить судъ верхней палатѣ, король потребовалъ къ себѣ лордовъ и канцлера и, призвавъ Соффолька, велѣлъ ему оправдываться. Соффолькъ отвѣчалъ, что не хочетъ пользоваться своимъ правомъ пера и предоставляетъ свою участь на волю короля; тогда Генрихъ, безъ всякаго дальнѣйшаго разбирательства, объявилъ черезъ канцлера, что не признаетъ Соффолька ни виновнымъ, ни невиннымъ въ государственной измѣнѣ, но, принимая во вниманіе другія обвиненія, приказываетъ ему выѣхать изъ Англіи къ 1-му маю и

не возвращаться въ теченіе пяти лѣтъ. Приговоръ этотъ былъ уловкой, имѣвшей цѣлью удалить любимца на нѣкоторое время отъ всеобщей ненависти. Исходъ процесса вызвалъ сильное движеніе во всемъ государствѣ. На всѣхъ церковныхъ дверяхъ были прибиты прокламаціи, приглашавшія къ убійству герцога. Около Тоуэра собралось нѣсколько тысячъ человѣкъ, рѣшившихся убить Соффолька при выходѣ изъ тюрьмы. Ему удалось избѣжать опасности и благополучно добраться до своихъ помѣстій, но это не спасло его. Безчисленные враги наблюдали за каждымъ его шагомъ. Когда онъ сѣлъ на корабль въ Ипсвичѣ, думая ѣхать во Францію, герцогъ Екзетеръ, приготовившій большое судно, „Николай де-ла-Туръ", настигъ его, взялъ въ плѣнъ и на кораблѣ отрубилъ голову. Трупъ выбросили на берегъ около Дувра.

Вскорѣ послѣ этихъ событій герцогъ Ричардъ Іоркъ безъ позволенія короля оставилъ свое намѣстничество, отправился съ войскомъ въ Англію и, высадившись, двинулся къ Лондону. На пути онъ пригласилъ къ себѣ спикера нижней палаты, Джона Тришэма, одного изъ главныхъ враговъ Соффолька. Тришэмъ пріѣхалъ, но на возвратномъ пути былъ убитъ близь жилища герцога людьми лорда Грея Рётина. Іоркъ явился ко двору, обошелся весьма надменно съ Генрихомъ и настоялъ на созваніи парламента. При дворѣ всѣ страшились его замысловъ. Возвращеніе изъ Франціи Соммерсета успокоило королеву и ея приверженцевъ, но вскорѣ оказалось, что онъ столь же непопуляренъ, какъ и всѣ, замѣшанные во французскія дѣла.

Общее неудовольствіе и неспособность короля были таковы, что дали возможность Ричарду Іорку открыто заявить свои притязанія на престолъ, а одинъ изъ его приверженцевъ прямо предложилъ въ парламентѣ объявить его наслѣдникомъ короля. Ричардъ настаивалъ на своихъ притязаніяхъ даже послѣ того, какъ у короля родился сынъ (1453 г.), котораго впрочемъ іоркская партія не считала законнымъ. Какъ уже сказано, Ричардъ былъ внукъ четвертаго сына Эдуарда III, герцога Эдмонда Іорка, но въ силу этого

не могъ оспаривать правъ Генриха VI, происходившаго отъ третьяго сына Эдуарда, Джона Ланкастера. Поэтому Ричардъ рѣшился опереться на материнскія права. Его мать, Анна Мортимеръ, была внучка графини де-ла-Марчь, единственной дочери герцога Клеренса, втораго сына Эдуарда III. Права на престолъ этой линіи были подтверждены парламентскимъ актомъ при Ричардѣ II (стр. 21). Въ ланкастерскомъ домѣ ближайшимъ наслѣдникомъ Генриха VI былъ герцогъ Эдмондъ Соммерсетъ, единственный, оставшійся въ живыхъ сынъ брата Генриха IV. Ему покровительствовалъ король или, вѣрнѣе, королева. Но онъ принадлежалъ къ партіи Соффолька и былъ виновенъ въ потерѣ французскихъ провинцій. Поэтому приверженцы Ричарда могли прибѣгнуть противъ него къ ненависти народа. Когда имъ не удалось провести билль о назначеніи Ричарда наслѣдникомъ престола, они потребовали удаленія отъ двора Соммерсета, герцогини Соффолькъ и другихъ старинныхъ друзей ланкастерскаго дома. Палата приняла предложеніе, но король не подчинился ему. Тогда Ричардъ рѣшился взяться за оружіе и собралъ въ Уельсѣ войско изъ приверженцевъ и вассаловъ графа Мортимера де-ла-Марчь. Въ Англіи къ нему присоединились друзья іоркскаго дома. Маргарита и Соммерсетъ, управлявшіе королемъ, выступили съ войскомъ, но Ричардъ обманулъ ихъ и внезапно подступилъ къ Лондону. Однако его не впустили въ столицу. Тогда онъ отступилъ къ Кенту, но, пройдя часъ пути, былъ настигнутъ королевскимъ войскомъ. Совѣтникамъ короля удалось обмануть его переговорами. Къ нему послали двухъ епископовъ, обѣщавшихъ ему исполнить всѣ его требованія, если онъ подчинится. Онъ жаловался на Соммерсета и его приверженцевъ, хотѣвшихъ схватить его передъ отъѣздомъ въ Ирландію и по возвращеніи оттуда съ намѣреніемъ обвинить въ измѣнѣ; поэтому онъ требовалъ, чтобы всѣ его враги (all persons noised or indicted of treason), были арестованы и преданы на судъ преобразованному совѣту. Король обѣщалъ исполнить это требованіе и принять

герцога въ своей палаткѣ, если онъ явится безъ оружія и съ непокрытой головой, и даже отдалъ приказъ арестовать Соммерсета. Этимъ онъ хотѣлъ побудить Іорка распустить войска; самъ же удержалъ свою армію въ полномъ сборѣ. До сихъ поръ, онъ въ точности слѣдовалъ наставленіемъ Маргариты и Соммерсета; но когда Іоркъ явился по условію безоружнымъ, у Генриха не хватило духа послушаться приближенныхъ, совѣтовавшихся избавиться какимъ бы то ни было способомъ отъ претендента. Во время аудіенціи, Соммерсетъ былъ спрятанъ въ королевской палаткѣ. Когда Ричардъ гласно обвинилъ его въ измѣнѣ, онъ вышелъ, и между ними начался горячій споръ. Ричардъ слишкомъ поздно увидѣлъ, что попалъ въ ловушку, и хотѣлъ уйти, но былъ взятъ. Соммерсетъ совѣтовалъ предать его суду перовъ, какъ государственнаго измѣнника, но этого не сдѣлали и даже вскорѣ освободили Ричарда. Изъ сохранившихся документовъ не видно, что было причиною такого образа дѣйствій. Быть можетъ, слабый король не рѣшился на политическое убійство; быть можетъ также, что Маргарита и Соммерсетъ были испуганы извѣстіемъ о приближеніи сына Ричарда, Эдуарда, съ войскомъ, состоявшимъ изъ уэльцевъ; наконецъ, можетъ быть, они боялись, что не справятся съ возстаніемъ безъ Тальбота, отправленнаго въ Гіэнь, по просьбѣ жителей этой провинціи. Такъ или иначе, Ричардъ Іоркъ получилъ свободу, торжественно присягнувъ въ церкви св. Павла въ вѣрности королю, въ присутствіи перовъ и при огромномъ стеченіи народа (1452 г.).

Судя по всему случившемуся, трудно было надѣяться, чтобъ какая нибудь присяга могла связать герцога. Три событія значительно увеличили число его приверженцевъ: неудачный исходъ похода, предпринятаго въ Гіэнь, смерть Тальбота, убитаго въ этомъ походѣ, и окончательное умопомѣшательство короля. Ненависть вельможъ къ королевѣ и Соммерсету дошла до того, что они оспаривали законность сына, рожденнаго Маргаритою въ октябрѣ 1453 г., не смотря на то, что король призналъ сына, а народъ принялъ королевскую сторону. Ричардъ счелъ положеніе столь

благопріятнымъ для себя, что вернулся ко двору со своими приверженцами, во главѣ которыхъ стояли графы Салисбери и Варвикъ, дѣйствовавшіе въ его пользу энергичнѣе, чѣмъ онъ самъ. Приведя съ собою множество вооруженныхъ людей, Ричардъ заставилъ дать себѣ и своимъ друзьямъ мѣсто въ королевскомъ совѣтѣ. Тогда іоркская партія настояла на арестѣ Соммерсета. Герцога схватили въ комнатахъ королевы и посадили въ Тоуэръ (ноябрь 1453 г.). Король окончательно лишился разсудка, поэтому Іоркъ всю зиму управлялъ государствомъ, а въ февралѣ 1454 г. открылъ вмѣсто короля парламентъ. Перы стояли за него, хотя, какъ можно судить по протоколамъ, онъ имѣлъ между ними много противниковъ. Но нижняя палата, раздраженная интригами его партіи, была ему враждебна. Ричардъ счелъ даже нужнымъ арестовать спикера, предъявилъ на него жалобу и потребовалъ его удаленія. Всѣ протесты народныхъ представителей были отвергнуты перами, и нижней палатѣ пришлось избрать новаго предсѣдателя. Впрочемъ враги Ричарда не дремали въ верхней палатѣ и однажды даже грозили ему формальнымъ обвиненіемъ. Тѣмъ не менѣе въ мартѣ онъ былъ назначенъ протекторомъ, такъ какъ король былъ не способенъ заниматься дѣлами. Но и въ это время ланкастерская партія была на столько сильна, что лишила его всякой надежды на престолъ. Ему назначили годовое содержаніе правителя, но не дали никакихъ правъ въ ущербъ королю и пятимѣсячному принцу Уельскому. Было даже постановлено, что король по выздоровленіи можетъ немедленно отмѣнить протекторство, что оно отнюдь не должно нарушать правъ принца Уельскаго, и перейдетъ къ нему, какъ скоро болѣзнь короля будетъ признана неизлечимою. Самого принца поручили на семь лѣтъ пяти перамъ обѣихъ партій; однако, во главѣ воспитателей стоялъ графъ Салисбери, сторонникъ Іорка. Сверхъ того, Ричардъ получилъ весьма важное въ то время мѣсто губернатора Кале, принадлежавшее прежде Соммерсету.

Управленіе оставалось въ рукахъ Ричарда и его партіи до конца 1454 г.; но около Рождества король пришелъ въ сознаніе, и это совершенно измѣнило положеніе дѣлъ. Генрихъ, въ первый разъ узнавшій тогда сына и спросившій, какъ его зовутъ *), вступилъ въ управленіе въ началѣ слѣдующаго года. Онъ былъ весьма милостивъ къ Ричарду, но отмѣнилъ регентство и освободилъ Соммерсета. Вначалѣ герцогъ долженъ былъ представить поручителей, но потомъ королевскій совѣтъ избавилъ его отъ всякой отвѣтственности. Король употреблялъ всѣ усилія, чтобъ примирить обоихъ противниковъ; онъ приказалъ имъ окончить вражду третейскимъ судомъ, который долженъ былъ произнести приговоръ къ іюню, а споръ о губернаторствѣ Кале кончилъ тѣмъ, что взялъ должность себѣ. Но Іоркъ рѣшился сбросить маску, пока противники не успѣли еще усилиться. Собравъ въ Уэльсѣ приверженцевъ мортимерова дома и соединясь съ герцогами Салисбери, Норфолькомъ и Варвикомъ, онъ двинулся къ столицѣ. У Сенъ-Ольбенса его встрѣтило войско, собранное Соммерсетомъ и другими приверженцами ланкастерскаго дома. Король, находившійся при этомъ войскѣ, послалъ спросить у Іорка о его намѣреніяхъ. Вмѣсто отвѣта, онъ потребовалъ выдачи Соммерсета и другихъ предводителей противной партіи. Требованіе было конечно отвергнуто, и 23 мая 1455 г. произошло при Сенъ-Ольбенсѣ сраженіе. Мятежники штурмовали городъ,

*) Вотъ наивный разсказъ объ этомъ одного современника: «And on the monday afternoon the queen came to him and braught mylord prince with her, and there he asked, what the princes name was, and the queen told him Edward, and then he held up his hands and thanked god thereof. And he said, he never knew till that time, nor wist not what was said to him, nor wist not where he had been, whilst he hat been sick till now.» (Въ понедѣльникъ послѣ полудня, королева пришла къ нему и принесла милорда принца; тогда онъ спросилъ, какъ зовутъ принца; королева сказала, Едуардомъ, а онъ подержалъ его на рукахъ и благодарилъ за то Бога. И онъ сказалъ, что до этого времени непонималъ и не зналъ, что ему говорили, ни гдѣ онъ былъ, потому что до сихъ поръ онъ былъ боленъ).

но были отбиты Клиффордомъ, защищавшимъ ворота. Однако Варвикъ успѣлъ ворваться въ городъ черезъ садъ. На улицахъ началась упорная борьба, въ которой заставили принять участіе и короля. Его приверженцы были разбиты, такъ какъ храбрость рыцарей не могла устоять противъ уельскихъ стрѣлковъ, составлявшихъ въ то время главную силу британскихъ войскъ. Изъ партіи короля герцогъ Боккингемъ, лордъ Содлей и графъ Страффордъ были ранены стрѣлами, герцогъ Соммерсетъ, графъ Нортомберлендъ, лордъ Клиффордъ и другіе убиты; самъ Генрихъ попалъ въ плѣнъ. Большая часть историковъ до смѣшнаго преувеличиваютъ число убитыхъ, но Лингардъ, на основаніи достовѣрныхъ историковъ, полагаетъ его въ 120 человѣкъ (six score). Ричардъ обошелся съ королемъ очень ласково и умѣлъ обратить его въ свое орудіе. Вскорѣ послѣ сраженія Генрихъ объявилъ въ парламентѣ Соммерсета и его приверженцевъ своими врагами, іоркскую партію — друзьями, а мятежъ законнымъ возстаніемъ для освобожденія короля.

Съ этого времени Іоркъ сталъ явно домогаться престола. Но общественное мнѣніе было слишкомъ сильно, и состраданіе къ больному королю слишкомъ велико, чтобы можно было помышлять о совершенномъ устраненіи Генриха. За то Ричардъ захватилъ въ свои руки все управленіе. Въ октябрѣ болѣзнь короля возобновилась; парламентъ былъ въ то время распущенъ; при его открытіи (въ ноябрѣ), Ричардъ занималъ мѣсто короля. Для полноты власти ему не доставало только титула протектора или регента. Чтобы дать ему этотъ титулъ, разыграли одну изъ тѣхъ комедій, которыми обманываютъ народъ въ конституціонныхъ государствахъ. Нижняя палата должна была отправить къ перамъ депутацію, просить ихъ назначить протектора. Тогда перы выбрали герцога Іоркскаго. Онъ долго и упорно отказывался отъ предлагаемой чести, но наконецъ, уступая усиленнымъ просьбамъ, согласился принять протекторство (въ ноябрѣ же). Права, представленныя ему теперь, были шире, чѣмъ при его первомъ протектор-

ствѣ. Тогда король могъ по выздоровленіи отмѣнить протекторство, не спрашиваясь парламента, теперь же постановили, что регентство можетъ быть отмѣнено, какъ скоро король постановитъ это въ парламентѣ, по совѣту и примѣру духовныхъ и свѣтскихъ перовъ. Правда, Іоркъ не былъ сдѣланъ полновластнымъ повелителемъ и было подчиненъ совѣту регентства; но этого почти нельзя было считать ограниченіемъ, такъ какъ онъ заранѣе обезпечилъ себѣ большинство голосовъ. Къ тому же графъ Салисбери былъ сдѣланъ канцлеромъ, а графъ Варвикъ губернаторомъ Кале. Королева, стоявшая во главѣ ланкастерскаго дома, не могла бороться съ противниками, а болѣзнь короля не позволяла ему показываться и говорить публично. Когда ему сдѣлалось лучше, Іорку еще разъ пришлось уступить. Въ концѣ 1455 г. Генрихъ пришелъ въ себя, а въ февралѣ 1456 г. явился въ парламентъ и былъ принятъ съ такимъ восторгомъ, что смѣлая Маргарита рѣшилась именемъ мужа овладѣть правленіемъ. Верхняя палата согласилась отмѣнить регентство; Салисбери долженъ былъ сложить канцлерское достоинство, и король возвратилъ своимъ приверженцамъ прежнія мѣста. Іоркъ, лишившись власти, ничего не предпринималъ въ теченіе двухъ лѣтъ. Но на это спокойствіе далеко нельзя было полагаться. Обѣ партіи были готовы къ бою, постоянно являлись въ парламентъ въ сопровожденіи вооруженныхъ людей, въ засѣданіяхъ осыпали другъ друга упреками и грозили наказаніями и местью за прошедшее. Однако королева или кто другой, побуждавшій короля къ благоразумнымъ поступкамъ, которые ему приписываютъ хроники, умѣли сдерживать вражду въ границахъ. Въ началѣ 1458 г. король, или, правильнѣе, совѣтники королевы рѣшились покончить открытый раздоръ между приверженцами мортимеръ-іоркскаго и ланкастерскаго домовъ торжественнымъ примиреніемъ. Знатные члены обѣихъ партій были приглашены въ Лондонъ и явились въ сопровожденіи вооруженныхъ отрядовъ: Іоркъ привелъ 140 всадниковъ, его другъ Салисбери 480 вооруженныхъ и 80 рыцарей и оруженосцевъ; сынъ

Digitized by Google

герцога Соммерсета 200 человѣкъ. Ланкастерскихъ приверженцевъ расположили внѣ города, ихъ противниковъ въ самой столицѣ. Лордъ-меръ съ пятью тысячами вооруженныхъ гражданъ наблюдалъ за обѣими партіями, чтобъ не допускать ихъ до ссоры; король, выслушавъ жалобы обѣихъ сторонъ, рѣшилъ, что сыновьямъ Клиффорда и Соммерсета должно быть заплачено за убіеніе ихъ отцовъ при Сенъ-Ольбэнсѣ, и затѣмъ они должны обѣщать забыть все прошлое (мартъ 1458 г.).

Предводители іоркской партіи, герцогъ Ричардъ, графы Салисбери и Варвикъ, подчинились приговору, но уже въ концѣ года стали помышлять о возвращеніи себѣ власти и о новомъ нападеніи на враговъ. Въ маѣ 1459 г. они были готовы къ войнѣ; король также снарядилъ войско, но открытая борьба начались только въ сентябрѣ. Между тѣмъ вражда партій проникла въ цѣлую націю, такъ что каждый англичанинъ принялъ сторону или іоркскаго или ланкастерскаго дома и носилъ въ знакъ этого алую или бѣлую розу. 26 сентября графъ Салисбери разбилъ королевскаго полководца, лорда Аудлея. Затѣмъ онъ соединился у Ледлоу съ Іоркомъ и Варвикомъ, пріѣхавшимъ изъ Кале; вскорѣ онъ былъ подкрѣпленъ отрядомъ старыхъ солдатъ, предводимыхъ Джономъ Блоунтомъ и Андреемъ Троллопомъ. Король, имѣвшій, говорятъ, до шестидесяти тысячъ войска, сошелся съ непріятелями у Лёдифорда. Обѣ арміи находились въ полумили одна отъ другой. Мятежники, имѣя грозную артиллерію, заняли укрѣпленную позицію; король ждалъ нападенія въ открытомъ полѣ. Битва казалась неизбѣжною, но обстоятельства неожиданно измѣнились. Генрихъ сдѣлалъ противникамъ мирныя предложенія, но Іоркъ, Салисбери и Варвикъ надменно отвергли ихъ; это возбудило сомнѣнія въ ихъ приверженцахъ, полагавшихъ до этой минуты, что война направлена не противъ короля, котораго народъ любилъ, не смотря на его слабость и неспособность. Іоркъ и его друзья, замѣтивъ опасное колебаніе въ своихъ солдатахъ, распустили слухъ о смерти короля; но когда вслѣдъ затѣмъ Генрихъ издалъ прокламацію,

лучшая часть іоркскаго войска, предводимая Блоунтомъ и Троллопомъ перешла 1 ноября къ королю. Ихъ примѣру послѣдовали многіе другіе, такъ что Іорку и его друзьямъ ничего не оставалось, какъ спасаться бѣгствомъ. Ричардъ бѣжалъ съ сыновьями въ Ирландію, Салисбери и Варвикъ въ Девонширъ, а оттуда въ Кале. Король простилъ всѣхъ, участвовавшихъ въ мятежѣ, кромѣ зачинщиковъ, которыхъ предалъ суду парламента, собраннаго въ Ковентри. Но королева, управлявшая дѣлами, испортила все своею мстительностью. Вначалѣ отъ нея можно было ждать умѣренности, но потомъ она заставила парламентъ произнести законное осужеціе безъ судебнаго разбирательства и не выслушавъ обвиняемыхъ (bill of attainder). Герцогъ Іоркскій съ женою и сыновьями, графами Рётлендомъ и де ля Марчь, графъ и графиня Салисбери, графъ Варвикъ, лордъ Клинтонъ и многіе другіе рыцари были объявлены государственными преступниками. Добродушный король желалъ, чтобы ему дозволили измѣнить приговоръ, и отказался утвердить конфискацію имѣній трехъ лордовъ, явившихся къ нему 2 ноября съ повинною и получившихъ прощеніе. Къ несчастію королева не удовольствовалась даже этимъ строгимъ приговоромъ. Когда іоркская партія вновь стала готовиться къ борьбѣ, она возбудила большое неудовольствіе, приказавъ произвести строжайшее слѣдствіе по поводу послѣдняго возстанія, и подвергла участниковъ его жестокимъ наказаніямъ. Эти строгости постигли въ особенности жителей графства кентскаго и Лондона, какъ наиболѣе участвовавшихъ въ возстаніи.

Вскорѣ война возобновилась и притомъ при обстоятельствахъ весьма невыгодныхъ для ланкастерскаго дома. Варвикъ, командовавшій флотомъ и начальствовавшій въ Кале, былъ лишенъ этихъ должностей. Генералъ-адмираломъ назначили герцога Екзетера, а губернаторомъ Кале молодаго Соммерсета. Но матросы и гарнизонъ были преданы Варвику. Моряки отказались признать новаго адмирала, а попытка Соммерсета овладѣть Кале кончилась тѣмъ, что его люди передались съ кораблями про-

тивнику. Такимъ образомъ Варвикъ владычествовалъ на морѣ. Онъ отправился изъ Кале къ Іорку въ Дублинъ, гдѣ въ концѣ 1459 г. происходило собраніе приверженцевъ іоркскаго дома. Они рѣшились воспользоваться неудовольствіемъ, господствовавшимъ въ графствѣ кентскомъ и въ Лондонѣ, для новаго нападенія на короля и его приверженцевъ. Іоркъ издалъ рѣзкій и возбудительный манифестъ къ народу, въ которомъ однако увѣрялъ въ своей преданности королю. Затѣмъ Варвикъ высадился съ войскомъ въ графствѣ кентскомъ (въ концѣ іюля 1460 г.), жители котораго звали его, опасаясь королевской партіи. Лондонъ отворилъ ему ворота, принудивъ выступившаго противъ него королевскаго генерала запереться въ Тоуэрѣ. Пробывъ нѣсколько дней въ Лондонѣ, герцогъ Іоркскій двинулся противъ королевскаго войска, расположеннаго въ Ковентри. Оно выступило ему на встрѣчу подъ предводительствомъ герцоговъ Соммерсета и Боккингэма. 19 іюля 1460 г. произошло сраженіе при Нортэмптонѣ. Король проигралъ его вслѣдствіе измѣны уэльскаго лорда Грея Рётина, оставившаго свой постъ и открывшаго непріятелю путь въ лагерь. Со стороны побѣжденныхъ погибло чрезвычайно много знати, потому что едва бой былъ рѣшенъ, какъ Варвикъ приказалъ щадить солдатъ и убивать только дворянъ. Этой системы онъ держался во всѣхъ сраженіяхъ, такъ что война алой и бѣлой розы была гибельна для старинной аристократіи. Королева, присутствовавшая при сраженіи, бѣжала съ сыномъ и Соммерсетомъ, и благополучно добралась до Уэльса, а оттуда уѣхала въ Шотландію, хотя на дорогѣ была ограблена собственной прислугой. Король былъ взятъ въ плѣнъ и отправленъ Ричардомъ въ Лондонъ. Здѣсь былъ тотчасъ собранъ парламентъ, и герцогъ Іоркскій открыто заявилъ свои притязанія на престолъ.

Digitized by Google

7. Война французовъ съ англичанами и внутреннее состояніе Франціи послѣ аррасскаго мира.

Вражда партій въ Англіи помогла французамъ отнять у англичанъ всѣ ихъ завоеванія. Тотчасъ послѣ смерти Бедфорда, англичане были выгнаны изъ Парижа, и виною этого былъ споръ кардинала Уинчестерскаго съ Глостеромъ за назначеніе намѣстника во Францію. (стр. 86). Парижане уже давно тяготились владычествомъ англичанъ; лишь только герцогъ Бургундскій помирился съ королемъ, они вступили въ переговоры съ тѣмъ же самымъ Лиль-Адамомъ, который за 18 лѣтъ передъ тѣмъ помогъ имъ изгнать дофина Карла VII и передать народъ герцогу Бургундскому (стр. 54). Теперь Лиль-Адамъ былъ маршаломъ Франціи, и парижане обѣщали ему впустить Карла VII. Англичане имѣли въ Парижѣ незначительный гарнизонъ; новый намѣстникъ, герцогъ Ричардъ Іоркъ, вслѣдствіе интригъ кардинала не получилъ своевременно подкрѣпленія и былъ принужденъ очистить городъ, когда жители возстали одновременно съ появленіемъ французскаго войска подъ начальствомъ Лиль-Адама и графа Дюнуа. (13 апрѣля 1436 г.) Послѣ взятія Парижа война съ обѣихъ сторонъ велась вяло. Тальботъ, Орлеанскій Батардъ, ла-Гиръ и нѣсколько другихъ личностей пріобрѣли себѣ большую славу въ рыцарскихъ стычкахъ, осадахъ и защитѣ городовъ, но все это не привело къ рѣшительнымъ результатамъ. За то несчастнымъ жителямъ Гіэни и другихъ провинцій по Сенѣ, Соммѣ и Луарѣ приходилось невыразимо страдать отъ войны. Главнымъ предводителемъ англичанъ былъ сперва герцогъ Іоркъ, потомъ съ 1437 г. Бьючемпъ графъ Варвикъ, а по смерти его въ 1439 г. снова Іоркъ. Ни тотъ, ни другой не предпринимали ничего значительнаго, ограничиваясь набѣгами, защитою и осадою отдѣльныхъ пунктовъ. Важнѣйшимъ дѣйствіемъ французовъ было взятіе Понтуаза (1441 г.). Послѣ этого обѣ стороны стали

помышлять о мирѣ. Но начатые переговоры ни чѣмъ не кончились. Причиною этой неудачи было отчасти то, что съ 1440 г. въ обѣихъ странахъ господствовала неурядица. Бароны и рыцарство дѣлали, что хотѣли; правительства, не имѣя постоянныхъ войскъ, не могли охранять порядокъ и были принуждены терпѣть своеволія знати. Францію наводняли вооруженные люди всевозможныхъ націй, такъ какъ въ то время военное ремесло было самымъ прибыльнымъ. Солдатамъ хорошо платили, и сверхъ того они могли обогащаться грабежемъ и добычей. Особенно страшны были двѣ шайки, не стыдившіяся заявлять о своей жестокости принятыми прозвищами. Онѣ назывались écorcheurs (живодеры) и rotondeurs (обдиралами) и неистовствовали по всему государству, особенно въ Нидерландахъ, Шампани, Пуату и Гіэни, гдѣ шла самая упорная война. Люди, заслужившіе себѣ геройскую славу, считаемые спасителями отечества, Буссакъ, Шабаннь, ла-Гиръ, считали за честь предводительствовать этими дикими ордами и оправдывались тѣмъ, что опустошали провинціи, находившіяся въ рукахъ англичанъ.

Но война и разбойничьи шайки были не единственными бѣдствіями государства; его губили кромѣ того образъ жизни короля, совершенно отдавшагося фаворитамъ и любовницамъ, и происки принцевъ и вельможъ, стремившихся, подобно германскимъ, къ независимости. Въ 1440 г. вельможи составили противъ короля заговоръ, имя котораго, Praguerie, напоминало демократическую Jacquerie XIV-го столѣтія (ч. VIII, стр. 278 и 281). Это прозваніе объясняется тѣмъ, что междоусобіе это хотѣли сравнить съ жестокостями гусситовъ. Непосредственнымъ поводомъ къ заговору была наглость Карла Менскаго, зятя короля, способствовавшаго паденію ла-Тремуйля. (стр. 81) Онъ совершенно завладѣлъ слабымъ королемъ и своимъ поведеніемъ до того оскорблялъ принцевъ и вельможъ, особенно герцога Бурбонскаго, что они рѣшились составить заговоръ противъ короля. По отзыву лѣтописцевъ, ихъ сильно возбуждалъ ла-Тремуйль, озлобленный за свое удаленіе, и искусно настра-

ивавшій герцоговъ Бурбонскаго и Алансонскаго противъ Карла Менскаго. Кромѣ трехъ названныхъ лицъ, къ заговору приступили графы Вандомъ и Дюнуа, сенешаль Пуату, ла-Рошъ, де-При, Шомонъ, Шабаннь, Бусико и даже дофинъ, впослѣдствіи король Лудовикъ XI, недовольный вліяніемъ Ангесы Сорель и постоянно ссорившійся съ отцемъ. Онъ сдѣлался главою заговора. Заговорщики собрались къ нему въ Ніоръ, условились схватить короля и отдать его подъ опеку дофина, и обнародовали манифестъ. Карлъ VII поспѣшилъ призвать Ришмона и, къ его великому удовольствію, коннетабль явился немедленно. Мятежъ кончился, едва только они выступили противъ заговорщиковъ. Впрочемъ Карлъ дѣйствовалъ не только оружіемъ, но и дипломаціей. Душою Praguerie былъ герцогъ Бурбонскій, разсчитывавшій на содѣйствіе Филиппа Бургундскаго; но Филиппъ предложилъ только свое посредничество, которое герцогъ Бурбонскій поспѣшилъ принять. Дофинъ также покорился, а графъ Дюнуа явился къ королю еще прежде ихъ. Карлъ простилъ всѣхъ трехъ, но не хотѣлъ и слышать о ла-Тремуйлѣ, де-При и Шомонѣ. Изъ за двухъ послѣднихъ онъ даже поссорился съ сыномъ. Лудовикъ объявилъ, что въ случаѣ, если они не получатъ прощенія, онъ принужденъ будетъ вернуться къ нимъ, согласно своему обѣщанію (il faut, que je m'en revoise). Король отвѣчалъ, что онъ велъ себя такъ дурно относительно отца, что можетъ отправляться на всѣ четыре стороны (Louis, les portes sont overtes; et si elles ne vous sont assez grandes, je vous ferai abattre seize ou vingt toises de mur pour passer où mieux vous semblera). Впослѣдствіи онъ возвратилъ ему Дофине со всѣми доходами и простилъ всѣхъ заговорщиковъ. Все дѣло продолжалось шесть мѣсяцевъ.

Еще до этого заговора Карлъ задумалъ мѣру (1439 г.), которая должна была способствовать возстановленію въ государствѣ порядка, сильно увеличить королевскую власть и дать возможность будущимъ королямъ совершенно сломить могущество знати и

устранить собранія государственныхъ чиновъ. Желая прекратить разбои и военныя насилія, Карлъ рѣшился сформировать постоянное стройное войско. Для этого, по окончаніи занятій сейма, созваннаго въ Орлеанѣ по случаю заключенія мира (1439 г.), онъ пригласилъ свѣтскихъ депутатовъ въ Анжеръ и предложилъ имъ утвердить свой проектъ. Безъ согласія депутатовъ предполагаемое нововведеніе не могло состояться, такъ какъ оно совершенно измѣняло систему налоговъ. Пока не было постояннаго войска, не было и постоянныхъ налоговъ; главнымъ источникомъ содержанія наемныхъ войскъ были грабежи и добыча; поэтому налоги установлялись на опредѣленное время и для опредѣленной цѣли. Постоянное войско должно было содержаться на жалованьи, слѣдовательно было необходимо получить согласіе депутатовъ на введеніе постояннаго налога. Новое учрежденіе совершенно уничтожало могущество знати и рыцарства, составлявшаго до тѣхъ поръ военную силу, потому что постоянное войско давало королю возможность прекратить произволъ аристократіи даже въ ея собственныхъ владѣніяхъ. Конечно, оно грозило Франціи угнетеніемъ и увеличеніемъ налоговъ. Но въ то время этого не подозрѣвали, и народъ съ удовольствіемъ согласился платить постоянную подать, такъ какъ до этого его собственность не была обезпечена, и при каждой войнѣ земледѣліе и промышленная дѣятельность совершенно пріостанавливались. Сверхъ того, съ уплатою постоянной, опредѣленной подати королю прекращались всякія феодальныя повинности, платимыя народомъ дворянству за защиту государства (taille personelle ou réelle, taille arbitraire ou à volonté, taille pour l'ost). Къ послѣднему дворянство долго не могло привыкнуть, и даже строгія постановленія третьяго преемника Карла VII, Лудовика XII, не могли искоренить злоупотребленій. Если бы депутаты, собранные въ Анжерѣ, предвидѣли всѣ послѣдствія этого нововведенія, они, конечно, ни за что не согласились бы на его учрежденіе. Къ сожалѣнію, результаты оказались только впослѣдствіи. Поэтому врядъ ли справед-

ливо мнѣніе тѣхъ, которые считаютъ анжерское постановленіе настоящей причиной Praguerie, полагая, будто дворянство поняло, что имъ уничтожается его значеніе. Постоянное войско было введено не ранѣе 1445 г., но мы опишемъ здѣсь его устройство. Оно состояло изъ кавалеріи и пѣхоты, но только первая или жандармы (Gens d'armes), состоявшая изъ пятнадцати отрядовъ, было собственно постояннымъ войскомъ и находилось на королевскомъ жалованіи. Пѣхота или вольные стрѣлки (Franc-archers) походила на національную гвардію; она принадлежала общинамъ и не была подъ командою королевскихъ офицеровъ, поэтому ею скоро стали пренебрегать. Пѣхотные солдаты имѣли мундиръ и были вооружены луками. Они получали жалованье только во время войны, но должны были являться по первому призыву и были освобождены отъ всякихъ податей,— вслѣдствіе чего ихъ и называли вольными стрѣлками. Нѣкоторыя преимущества передъ прочими членами общины давали имъ поводъ къ притязаніямъ на дворянство. Впрочемъ эта первая французская пѣхота была до того неудовлетворительна, что уже преемникъ Карла VII предпочиталъ ей швейцарцевъ. Постоянная кавалерія была сформирована изъ богатыхъ служилыхъ людей прежняго войска. Вмѣсто прежнихъ отрядовъ, каждый изъ нихъ долженъ былъ имѣть опредѣленное число конныхъ людей, состоявшихъ изъ оруженосца (coutillier), двухъ стрѣлковъ (archers), пажа и конюха (gros valet). Жандармы (tous riches, mais ils portoient tous leurs harniers, et sans paniers) были подъ начальствомъ извѣстнаго числа предводителей; каждый предводитель велъ списокъ своихъ людей и получалъ на нихъ жалованье, которое обязанъ былъ выдавать имъ. Строго запрещалось сбирать деньги съ жителей, какъ дѣлалось до тѣхъ поръ. Вербовать солдатъ могъ только король. На содержаніе отъ 7 до 9 т. кавалеріи опредѣлена была депутатами постоянная ежегодная повинность (taille perpetuelle). Новое учрежденіе постепенно уничтожило вопіющія злоупотребленія прежнихъ рыцарскихъ войскъ; но оно было стѣ-

снительно для народной вольности. Во первыхъ, теперь король уже не нуждался въ сеймахъ, такъ какъ всегда могъ, въ случаѣ нужды, немного возвысить годовую повинность; во вторыхъ, на полученныя такимъ путемъ суммы могъ нанимать швейцарцевъ, готовыхъ за деньги на всякія услуги. Уже Лудовикъ XI началъ держаться этой системы. Жандармы и вольные стрѣлки, составлявшіе только кадры дѣйствительной арміи, скоро сдѣлались страшнымъ бременемъ для народа. Нѣкоторыя общины, обложенныя при Карлѣ VII 30—40 ливрами постоянной подати, которую король могъ увеличивать, не спрашиваясь чиновъ, платили уже при Лудовикѣ XI до 1000 ливровъ. Коминъ горько жалуется на Лудовика XI, тратившаго на войско (sans l'artillerie et autres choses semblables) 4,700,000 ливровъ, тогда какъ при Карлѣ VII эти издержки никогда не превышали 1,800,000 ливровъ.

Между тѣмъ мирные переговоры тянулись уже нѣсколько лѣтъ (съ 1439 до 1443 г.). Больше всѣхъ хлопоталъ о мирѣ плѣнный герцогъ Орлеанскій. Онъ еще въ 1437 году просилъ позволенія отправиться для переговоровъ къ герцогу Бретанскому, надѣясь черезъ него подѣйствовать на герцога Бургундскаго. Наконецъ въ 1439 г. назначили конгрессъ близь Кале и Гравелина. Герцогу Орлеанскому позволили отправиться въ Кале для содѣйствія мирнымъ переговорамъ. Посредничество приняла на себя герцогиня Бургундская, дочь португальскаго короля Іоанна I и сестры англійскаго короля Генриха IV. Уполномоченными со стороны Англіи были кардиналъ Уинчестерскій, архіепископъ іоркскій, герцогъ Норфолькъ, графы Боккингэмъ, Страффордъ и Нортэмптонъ, епископы нортвикскій, лизьескій и сентъ-давидскій. Французы прислали архіепископовъ реймскаго и нарбоннскаго, епископа шалонскаго, графовъ Вандома и Дюнуа, господъ Дампьера, Кревкера и бургундскаго канцлера. Переговоры не дали положительнаго результата, такъ какъ англичане предъявляли неумѣренныя требованія, а французы не

были чистосердечны въ отношеніи нихъ. Въ слѣдующемъ, 1440 году, опять собрался конгрессъ, но опять безплодно. Впрочемъ, если герцогинѣ Бургундской не удалось примирить Англію съ Франціей, за то она вполнѣ успѣла покончить гибельную ссору бургундскаго дома съ орлеанскимъ. Она убѣдила мужа примириться съ плѣннымъ герцогомъ и даже содѣйствовать его освобожденію; за это герцогъ Орлеанскій обязался жениться на племянницѣ Филиппа, дочери герцога Клевскаго, и заключить съ Филиппомъ оборонительный союзъ противъ всѣхъ, исключая короля и дофина. Примиреніе состоялось, и, по увѣренію Монтреле, Филиппъ Бургундскій обязался уплатить 120 т. червонцевъ, требуемыхъ съ герцога Орлеанскаго за освобожденіе. Изъ англійскихъ источниковъ не видно однако, чтобы онъ дѣйствительно выполнилъ это условіе. Деньги были внесены дофиномъ, герцогами Бретанскимъ и Алансонскимъ, графами Вандомомъ, ла Маршемъ и Аркуромъ, архіепископами реймскимъ и нарбоннскимъ и господами Мальи и Лоакомъ. Впрочемъ легко можетъ быть, что родные, вассалы и друзья герцога внесли только половину нужной суммы, тогда какъ другую половину заплатилъ Филиппъ, извѣстный своимъ великодушіемъ. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что Филиппъ былъ въ числѣ лицъ, навлекшихъ на себя подозрѣніе короля за выкупъ герцога Орлеанскаго. Карлъ былъ, повидимому, смущенъ пожертвованіемъ сына и другихъ вельможъ въ пользу плѣннаго герцога и опасался новаго аристократическаго союза противъ королевской власти. Когда герцогъ Орлеанскій, повидавшись съ Филиппомъ и другими вельможами, отправился ко двору съ многочисленною свитою, въ которой было много бургундцевъ, Карлъ хотѣлъ отстранить это посѣщеніе и принялъ герцога лишь съ тѣмъ, чтобы въ свитѣ его не было бургундцевъ.

Въ сближеніи своихъ родныхъ и вельможъ, Карлъ видѣлъ враждебныя намѣренія противъ монархической власти, попытку воспротивиться учрежденію постоянныхъ войскъ и желаніе доставить французской знати такое же вредное для государства значеніе, ка-

кимъ пользовались въ Германіи имперскіе князья. Онъ имѣлъ тѣмъ большее основаніе думать это и считать подобный союзъ опаснымъ, что къ нему приступили герцоги Орлеанскій и Бургундскій, не уступавшій богатствомъ и могуществомъ ни одному государю. Самъ дофинъ, ревностно помогавшій тогда союзникамъ, сталъ раздѣлять взглядъ отца и, сдѣлавшись королемъ, направилъ всѣ силы и всю свою дѣятельность на подавленіе могущества знати. Безъ всякаго сомнѣнія, вельможи, учавствовавшіе въ выкупѣ герцога Орлеанскаго, къ числу которыхъ принадлежалъ и герцогъ Бретанскій, имѣли въ виду составить новую Pragueric. Въ 1442 г. они просили короля позволить имъ собраться въ Неверѣ для переговоровъ о государственныхъ дѣлахъ. Карлъ замѣтилъ имъ, что они могли бы сдѣлать это на предстоявшемъ сеймѣ, однако не счелъ благоразумнымъ отказать въ просьбѣ. Союзники, собравшись, предъявили королю слѣдующія требованія: заключить міръ съ Англіей; уничтожить всѣ правительственныя злоупотребленія, исправить судопроизводство для скорѣйшаго разбора тяжбъ, перемѣнить судей, увеличить число государственныхъ совѣтниковъ; принять мѣры противъ разбоевъ, предводителей шаекъ и солдатъ; сдѣлать точное опредѣленіе налоговъ, взимаемыхъ на содержаніе войскъ; сбавить налоги и повинности, удручающіе народъ, и наконецъ назначать членами королевскаго совѣта однихъ принцевъ крови, замѣстивъ всѣ мѣста и должности исключительно людьми знатнаго происхожденія. Изъ этого видно, что союзники хотѣли привлечь на свою сторону народъ, показывая видъ, что хотятъ защищать его противъ короля; на самомъ же дѣлѣ они ни мало не заботились о немъ; ихъ настоящія стремленія ясно выражаются послѣднимъ пунктомъ ихъ прошенія. Король разстроилъ союзъ, переманивъ на свою сторону герцога Орлеанскаго, которому далъ понять, что можетъ доставить ему несравненно болѣе выгодъ, чѣмъ принцы и народъ. Онъ отправилъ въ Неверъ одного изъ принцевъ крови, графа Вандома, съ порученіемъ тайно вступить въ переговоры съ герцогомъ Орлеанскимъ и обѣщать ему, именемъ короля, ми-

лостивый пріемъ при дворѣ, званіе перваго принца крови, ежегодную пенсію въ 10 т. ливровъ и, сверхъ того, 160 т. ливровъ на уплату долговъ, сдѣланныхъ имъ по случаю выкупа изъ плѣна. Герцогъ охотно принялъ предложенія, разошелся съ союзниками, и въ троицынъ день явился въ Лиможъ къ королю. Карлъ выполнилъ все обѣщанное и склонилъ Филиппа Бургундскаго также отступиться отъ союза. Лишенные помощи двухъ герцоговъ, союзники подчинились волѣ короля, и о народѣ не было больше рѣчи.

Почти въ то же время какъ Карлъ усиливалъ свою власть между Сеною, Соммою и Гаронною, графы Арманьяки были принуждены отказаться отъ своихъ владѣтельныхъ правъ. Поводомъ къ этому былъ споръ за графство Коменжъ. Графство это, какъ независимое владѣніе, могло переходить и въ женскую линію. Въ царствованіе Карла VI умерла графиня Маргарита, послѣдняя представительница рода. Эта женщина, въ высшей степени вздорная и чувственная, имѣла трехъ мужей. Первый, графъ Іоаннъ III Арманьякъ, былъ родной братъ коннетабля, убитаго въ Парижѣ (стр. 56). Послѣ его смерти, она вышла за Іоанна Арманьяка, сына графа Фезанзака; но бросила его и при его жизни обвѣнчалась съ графомъ Фуа. Это вызвало между владѣтельными графами д'Арманьякъ и де Фуа споръ за графство Коменжъ; между тѣмъ Маргарита разошлось и съ третьимъ мужемъ и, не желая оставлять своего наслѣдства ни тѣмъ, ни другимъ, завѣщала его сперва своей единственной дочери, а по смерти ея французскому королю. За это графъ Фуа, не походившій на втораго мужа ея, который умеръ съ горя по женѣ, продержалъ Маргариту 25 лѣтъ въ заключеніи и всячески изтязалъ ее. Однако она не измѣнила своихъ распоряженій и, въ бытность короля въ Лангедокѣ (1443 г.), успѣла доставить ему завѣщаніе. Карлъ отдалъ дѣло на рѣшеніе тулузскому парламенту, который утвердилъ завѣщаніе и сверхъ того запретилъ графу Арманьяку писаться „Божьею милостью" (par la grace de dieu comte d'Armagnac). Арманьякъ, не имѣя

возможности противиться, уступилъ Карлу Коменжъ, но едва король удалился, какъ онъ задумалъ силою возвратить потерянное, надѣясь на помощь родныхъ и союзниковъ. Ему помогали тесть его, наваррскій король Карлъ III, побочный сынъ, Жанъ Данди, сеньеръ де Лекенъ, считавшійся чудомъ храбрости, графы де ла Маршъ, д'Альбре и де Фуа; сверхъ того онъ отправилъ посольства къ англійскому и арагонскому королямъ, прося ихъ содѣйствія. Онъ собралъ столько войска, что уже осенью 1443 г. могъ занять все графство Коменжъ; однако слѣдующею весною, дофинъ Лудовикъ явился съ войскомъ изъ Нормандіи, гдѣ воевалъ противъ англичанъ, разбилъ Арманьяка, отнялъ у него не только Коменжъ, но и родовыя владѣнія его Руергъ и Арманьякъ и взялъ самого въ плѣнъ. Черезъ два года, по просьбѣ королей кастильскаго и арагонскаго и графовъ де ла Маршъ, д'Альбре и Фуа, Карлъ возвратилъ ему свободу и родовыя владѣнія, но принудилъ отказаться отъ независимыхъ правъ.

Итакъ, въ то самое время какъ Англія, по молодости и безхарактерности Генриха VI, подвергалась всевозможнымъ безпорядкамъ, во Франціи королевская власть опять усилилась и могла сдерживать неурядицу. Конечно и при французскомъ дворѣ не было недостатка въ интригахъ; но Карлъ VII, хотя и преданный удовольствіямъ, подвластный фаворитамъ и женщинамъ, не былъ по крайней мѣрѣ полоумнымъ, какъ Генрихъ VI. Къ тому же при всемъ своемъ добродушіи, онъ отличался хитростью и счастіемъ, особенно въ послѣдніе годы. Французы до нельзя превозносили его, приписывая всѣ его успѣхи его личнымъ свойствамъ. Это легко объясняется тѣмъ, что Карлъ по жизни и по характеру былъ типомъ француза, и что люди, предводительствованіе его войскомъ, Ришмонъ, Дюнуа и др. спасли національность и свободу Франціи. Однимъ изъ счастливѣйшихъ событій его царствованія было то, что по заключеніи въ 1444 г. перемирія съ англичанами, ему удалось перенести въ чужія владѣнія язву, отъ которой Франція могла сильно пострадать. 50 или 60 т. авантюристовъ и разбойниковъ, все еще называвшихся ар-

маньяками, опустошали ее во время войны, не щадя ни друга, ни недруга. По заключеніи пятилѣтняго перемирія, эти шайки стали вдвойнѣ опасными, но счастливый случай помогъ Карлу избавиться отъ нихъ. Германскій императоръ, Фридрихъ III, воевавшій съ швейцарцами, просилъ въ это самое время помощи у французскаго короля (IX, стр. 252), и Карлъ съ удовольствіемъ послалъ свои наемныя орды грабителей въ Эльзасъ, Швабію и Швейцарію. Оттуда ихъ препроводили въ Лотарингію, гдѣ онѣ и оставались до возобновленія войны съ англичанами. Гребежи солдатъ помогли Карлу учредить постоянныя войска, заставивъ жителей согласиться на уплату постоянныхъ повинностей. Дисциплинированное же войско, въ свою очередь, помогло возстановить порядокъ во всемъ государствѣ. Такимъ образомъ Карлъ мало по малу упрочивалъ и распространялъ свое владычество: даже въ Лангедокѣ, гдѣ еще недавно неограниченно господствовали владѣтельные графы д'Арманьякъ, де Фуа и д'Альбре жители стали просить королевскихъ судовъ; горожане же желали находиться въ непосредственной зависимости отъ короля. (Они говорили:, qu'ils étaient sujets au roi sans moyen; que comme les sujets ne pouvoient rien faire contre le gré de leur seigneur, aussi ne devoit le seigneur faire chose à leur préjudice, ni les mettre hors les mains sans leur consentement et celui du roi). Наконецъ, смерть герцога Бретанскаго, Іоанна VI, (1442 г.) доставила Карлу новаго союзника противъ Англіи. Іоаннъ, считая свое герцогство частью Нормандіи, былъ вассаломъ англійскаго короля; напротивъ, его сынъ, Францискъ I, примкнулъ къ Франціи, присягнулъ Карлу и разорвалъ союзъ съ англичанами.

Въ іюнѣ 1449 г. истекалъ срокъ 5-ти лѣтняго перемирія съ Англіей, но враждебныя дѣйствія начались еще въ предъидущемъ году. Поводомъ къ нимъ былъ отказъ правителя Нормандіи, герцога Іорка, очистить Менъ и Анжу и городъ ле Мансъ, уступенные Соффолькомъ. Вслѣдствіе этого французы осадили ле Мансъ, а англійское правительство вмѣсто энергическаго со-

противленія, предписало сдать городъ черезъ коммиссаровъ. Ободренные такою уступивостью, французы начали войну до истеченія перемирія въ качествѣ союзниковъ герцога Бретанскаго. Обстоятельства благопріятствовали имъ. Шотландцы возобновили съ ними прежній союзъ (въ декабрѣ 1448 г.), а королева Маргарита и ея любимецъ, Соффолькъ, не приняли никакихъ мѣръ для охраненія англійскихъ владѣній. Герцогъ Соммерсетъ, начальствовавшій въ Нормандіи вмѣстѣ съ храбрымъ Тольботомъ, представлялъ Соффольку, что всѣ укрѣпленія плохи, а войско слишкомъ малочисленно, но не получилъ ни подкрѣпленій, ни денегъ. Между тѣмъ французы вторглись съ двухъ сторонъ: съ запада герцогъ Бретанскій и коннетабль графъ Ришмонъ, съ востока самъ король и графъ Дюнуа, сдѣланный генералиссимусомъ, съ условіемъ подчиняться коннетаблю. Въ ноябрѣ 1449 году Соммерсетъ былъ принужденъ очистить столицу Нормандіи. Жители Руана возстали подъ предводительствомъ архіепископа и потребовали сдачи города французамъ; англійскій гарнизонъ, состоявшій всего изъ 1200 человѣкъ, не имѣя возможности противиться въ одно и то же время и внѣшнимъ и внутреннимъ врагамъ, сдался на капитуляцію. Въ январѣ 1450 г., англичане потеряли Арфлеръ и Гонфлеръ и затѣмъ у нихъ оставалась едва одна треть провинціи. Но въ теченіе слѣдующихъ семи мѣсяцевъ они лишились и ея. Карлъ, обнаруживавшій совершенно несвойственную ему бодрость, соединилъ по взятіи Арфлера и Гонфлера обѣ части французскаго войска, вступившія съ разныхъ сторонъ въ Нормандію. Тогда англичане, получившіе наконецъ небольшое подкрѣпленіе подъ начальствомъ сэра Томаса Киріеля, дали сраженіе при Фурминьи (между Байе и и Шарантономъ), но были разбиты (въ апрѣлѣ). Соммерсетъ заперся съ остаткомъ войска и своею семьею въ Канѣ, но послѣ четырехнедѣльной осады сдался на капитуляцію 1 іюля. Черезъ мѣсяцъ французы взяли Шербуръ и этимъ довершили покореніе Нормандіи.

Digitized by Google

Во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ король лично оказалъ большія заслуги; жизнь его шла по прежнему, хотя во многихъ случаяхъ онъ обнаруживалъ мужество. Онъ занимался преимущественно игрою и всякимъ вздоромъ, веселился до самой старости и окружалъ себя вѣтренными дѣвушками и легкомысленными придворными. Агнеса Сорель и Карлъ Менскій были причиною жестокаго раздора между нимъ и его старшимъ сыномъ, дофиномъ Лудовикомъ. Дофинъ, обладавшій громадными государственными способностями, но презрѣнный и готовый на всякое преступленіе, нѣсколько разъ покушался свергнуть отца. Озлобленный на Агнесу Сорель, онъ сталъ въ главѣ Praguerie и послѣ подавленія этого возстанія былъ сосланъ въ Дофине. Возвратясь ко двору, онъ сталъ подговаривать Шабанна и шотландскую гвардію захватить, а по нѣкоторымъ, даже убить отца. Шабаннь не согласился и донесъ объ этомъ королю, который призвалъ сына къ суду; онъ былъ уличенъ въ преступномъ намѣреніи и снова сосланъ въ Дофине. Но и тамъ онъ не переставалъ злоумышлять, вошелъ въ сношенія съ министромъ финансовъ Жакомъ Керомъ, чрезвычайно богатымъ и алчнымъ ростовщикомъ, и, говорятъ, при его сосодѣйствіи отравилъ Агнесу Сорель. Мы не рѣшаемъ, участвовалъ ли въ этомъ преступленіи Лудовикъ, превзошедшій впослѣдствіи въ жестокости и въ дьявольскомъ искусствѣ изобрѣтать мученія всѣхъ итальянскихъ и греческихъ тирановъ; положительно извѣстно только то, что Агнеса Сорель умерла внезапно 28 февраля 1450 г. О ея смерти жалѣли по той же самой причинѣ, по которой въ XVIII ст. скорбѣли о смерти Помпадуръ: — послѣ нея при дворѣ дѣла пошли еще хуже. Мѣсто Агнесы Сорель оффиціально заступила другая дама (племянница ея Антуанета де Межиле).

Во время дѣйствій французовъ въ Нормандіи, внезапно умеръ герцогъ Бретанскій, Францискъ I. Причина его смерти такъ необыкновенна, что необходимо подробнѣе разсказать объ этомъ обстоятельствѣ. Францискъ былъ человѣкъ слабый, недовѣрчивый,

суевѣрный, безусловно управляемый своими тремя пріятелями, Артуромъ Монтобаномъ, Жаномъ Гинганомъ и епископомъ Сенъ-Мало. Они возстановили герцога противъ одного изъ его братьевъ, Жиля, на женѣ котораго Монтобану хотѣлось жениться. Поводомъ къ этому послужила жалоба Жиля бретанскому дворянству на скупость брата, назначившаго ему ничтожное содержаніе. Послѣ того Жиль вошелъ въ сношенія съ англичанами, а Францискъ сталъ его преслѣдовать именемъ французскаго короля, арестовалъ и предалъ суду въ Динанѣ за государственную измѣну. Второй братъ герцога, Петръ и дядя ихъ, коннетабль графъ Ришмонъ, вступились за Жиля, представляя Франциску, что противъ Жиля интригуютъ злые клеветники; но ихъ заступничество не помогло. Генеральный прокуроръ отказался вести процессъ, а когда герцогъ, вслѣдствіе этого, обратился къ чинамъ, то и они отклонили отъ себя это дѣло. Тѣмъ не менѣе онъ таскалъ брата изъ тюрьмы въ тюрьму, страшно тиранилъ и наконецъ, послѣ неудавшейся попытки отравить, уморилъ голодомъ. Передъ смертью Жилю позволили исповѣдаться у францисканскаго монаха. Этому францисканцу онъ поручилъ пригласить брата предстать по прошествіи сорока дней на судъ передъ Богомъ, такъ какъ онъ не позволилъ ему ни защищаться, ни оправдываться. Монахъ, случайно встрѣтивъ герцога, исполнилъ порученіе съ такой торжественностью, что Францискъ былъ какъ громомъ пораженъ. При этомъ присутствовалъ коннетабль, постоянно противившійся братоубійству и рѣзко порицавшій это преступленіе; слабый и суевѣрный Францискъ, терзаемый угрызеніями совѣсти, былъ такъ потрясенъ этимъ, что тотчасъ заболѣлъ, не могъ отогнать отъ себя призрака убитаго брата и, постепенно ослабѣвая, умеръ. Таковъ историческій ходъ этого событія; разумѣется, бретанская хроника исказила его всевозможными анекдотами и назиданіями. Но мы, конечно, объясняемъ его себѣ помимо всякихъ сверхъестественныхъ вліяній, зная тѣсную связь между физическими и моральными явленіями человѣческаго организма. Франциску наслѣдовалъ второй братъ, Петръ, короновавшійся съ цар-

Digitized by Google

скимъ великолѣпіемъ, но безпрекословно присягнувшій французскому королю.

Затѣмъ во всѣмъ королевствѣ одна Гіэнь не была еще подвластна Карлу. Онъ рѣшился покорить и ее, и внутреннія смуты, подрывавшія могущество Англіи, облегчили ему это предпріятіе. Уже осенью 1450 г. французскій отрядъ, посланный по взятіи Кана на Гаропну, взялъ Бержракъ, Жансакъ, Сентъ-Фуа, Шале и Монсерранъ. Въ мартѣ слѣдующаго года въ Гіэнь двинулась вся королевская армія подъ начальствомъ графа Дюнуа, покорившаго Нормандію. Войско было раздѣлено на четыре корпуса, которыми командовали самъ Дюнуа и графы Пантьевръ, Фуа и Арманьякъ. Каждый отрядъ дѣйствовалъ отдѣльно, но Дюнуа взялъ себѣ самое важное предпріятіе. Онъ двинулся противъ Фронсака, считавшагося ключемъ провинціи. Здѣсь помѣщался верховный судъ, и англичане придавали такую важность этому городу, что въ силу особаго постановленію гарнизонъ долженъ былъ состоять только изъ природныхъ англичанъ. Тѣмъ не менѣе городъ былъ взятъ приступомъ на третій день осады, и затѣмъ Дюнуа осадилъ замокъ. Французы дѣйствовали такъ быстро и успѣшно, что Гіэньне могла разсчитывать на помощь Англіи. По предложенію французскаго канцлера, дезЮрсена, собственно съ этою цѣлью сопровождавшаго коннетабля, депутаты дворянства, духовенства и горожанъ собрались въ Бордо (въ началѣ іюня), чтобъ условиться насчетъ своего дальнѣйшаго образа дѣйствій въ виду такихъ обстоятельствъ., Дюнуа предложилъ имъ черезъ двухъ пословъ подчиниться французскому королю и заключить договоръ. Условія были такъ выгодны, что уже 12і юня они приняли предложеніе и обязались передать французамъ Бордо и всѣ незанятыя послѣдними мѣста, если до 24 іюня не получатъ помощи отъ англичанъ. За это всѣмъ гіэнскимъ городамъ было обѣщано именемъ Карла VII сохраненіе прежнихъ вольностей и льготъ, учрежденіе въ Бордо парламента и монетнаго двора, сохраненіе въ теченіе

двухъ лѣтъ прежней монеты, и дозволеніе всякому выѣхать со всѣмъ имуществомъ въ Англію. Независимо отъ этихъ общихъ условій, особенно выгодныхъ городамъ, знатнѣйшія дворянскія фамиліи по обыкновенію выговорили себѣ втайнѣ различныя частныя выгоды. Почти всѣ они получили за содѣйствіе при заключеніи договора разныя награды и деньги; такъ напримѣръ, де Монсеррану возвратили всѣ его имѣнія и назначили пенсію въ 4 тысячи ливровъ. Англичане не прислали подкрѣпленій, и потому фронсакскій замокъ передали французамъ. Затѣмъ Дюнуа вступилъ 29 іюня въ Бордо, а въ началѣ слѣдующаго мѣсяца вся провинція, за исключеніемъ Байоны, была въ рукахъ французовъ. Впрочемъ, въ августѣ сдалась и Байона. Въ слѣдующемъ году Гіэнь возстала противъ Карла VII, однако онъ успѣлъ удержать ее за собой. Тѣ самые сеньеры, которые подписали Бордосскій договоръ, стали недовольны французскимъ господствомъ, хотя трудно сказать, на что они могли жаловаться. Желая избавиться отъ французовъ, господа де Монсерранъ, де л'Еспарръ, Розаиъ, Дюра, л'Англадъ, Лаландъ и большинство бордосскихъ гражданъ отправили депутацію въ Англію съ просьбой прислать войско. Англичане отправили въ Гіэнь небольшой отрядъ подъ начальствомъ осьмидесятилѣтняго Тальбота. 18 октября 1452 г. онъ неожиданно явился передъ Бордо и былъ впущенъ жителями въ городъ, прежде тѣмъ французскій комендантъ узналъ о появленіи непріятеля. Вся провинція послѣдовала примѣру Бордо, и Тальботъ съ одной стороны проникъ въ Перигоръ, а съ другой завладѣлъ важнымъ Фронсакомъ почти передъ глазами французскаго короля, находившагося тогда въ Гіэни. Карлъ немедленно собралъ войско и въ іюлѣ 1453 г. осадилъ Кастильонъ, имѣя столько артиллеріи, что прислуга при ней состояла изъ 700 человѣкъ. Тальботъ съ сыномъ поспѣшили на выручку города, но оба были убиты въ кровопролитномъ сраженіи. Ихъ смерть рѣшила судьбу битвы и провинціи. Гіэнь была снова покорена, и даже Бордо, упорно и долго сопротивлявшійся, сдался въ октябрѣ 1453 г. Городъ

былъ наказанъ денежною контрибуціею и лишеніемъ всѣхъ льготъ. Однако Карлъ впослѣдствіи простилъ его и даровалъ общую амнистію, исключивъ изъ нея 42 лица, изгнанныхъ на всю жизнь. Жившимъ въ Бордо англичанамъ позволили отправиться со всѣмъ имуществомъ въ Англію или въ Кале, единственный французскій городъ, оставшійся во власти англичанъ. Въ 1461 г. умеръ король Карлъ VII. Ему наслѣдовалъ его сынъ, Лудовикъ XI (1461—1483), при которомъ монархическая власть достигла во Франціи до неслыханнаго дотолѣ могущества. Въ Англіи напротивъ она въ то время почти утратила всякое значеніе вслѣдствіе смутъ и своеволія аристократіи. Французы весьма почитаютъ Лудовика XI, и не безъ основанія. Какъ правитель и основатель новой монархической системы, онъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду ихъ королей; кромѣ того онъ развилъ въ нихъ ихъ гордое національное чувство. Но за то, какъ человѣкъ, онъ вполнѣ достоенъ презрѣнія. Будучи дофиномъ, онъ нѣсколько разъ покушался лишить отца престола, а можетъ быть и жизни, и постоянно держалъ руку принцевъ и вельможъ, хотѣвшихъ, подобно нѣмецкимъ князьямъ, уменьшить значеніе королевской власти. Но сдѣлавшись королемъ, онъ всѣми силами старался упрочить и усилить королевскую власть, не отступая ни передъ какими преступленіями, никого не щадя и преслѣдуя съ возмутительною жестокостью даже собственныхъ друзей и клевретовъ. Карлъ въ послѣдніе годы жизни до того опасался его, что почти ничего не ѣлъ, боясь отравы; ходилъ даже слухъ, что вслѣдствіе этой боязни онъ умеръ отъ голода. Съ Лудовика XI начинается новая исторія. При немъ, а особенно послѣ похода его сына, Карла VIII, въ Италію, Франція при помощи наемныхъ швейцарскихъ войскъ начинаетъ играть въ Европѣ роль, принадлежавшую прежде Германіи. Соперницей ея является уже не Германія, а Испанія. Съ того времени какъ Франція вступаетъ въ споръ съ Испаніей за Италію, съ Германіей за пришедшую въ упадокъ Бургундію и обезсиленную Ло-

таринію, а императоръ, угрожаемый мадьярами и турками, не можетъ противиться французамъ въ Италіи и въ Бургундіи,— съ этихъ поръ возникаетъ система политическаго равновѣсія великихъ державъ, на которой основана новая исторія. Такъ какъ все правленіе Лудовика XI и исторія Италіи, Испаніи, Австріи и Швейцаріи (Германія, къ сожалѣнію, играетъ пассивную роль) находятся въ тѣсной связи съ исторіей Бургундіи, сложившейся при Карлѣ VII въ большое государство, но сохранившей скромный титулъ герцогства, то необходимо начать разсказъ о послѣдующихъ событіяхъ въ югозападной Европѣ и Германіи съ исторіи двухъ послѣднихъ бургундскихъ герцоговъ.

Digitized by Google

VI. ИСТОРІЯ

БУРГУНДІИ, ШВЕЙЦАРІИ, ГЕРМАНІИ и ФРАНЦІИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XV СТОЛѢТІЯ.

---

1. Исторія герцогства Бургундскаго до смерти французскаго короля Карла VII.

Въ 1361 г., со смертію герцога Филиппа, въ Бургундіи пресѣклась старшая владѣтельная линія, происходившая отъ капетинговъ, и герцогство перешло къ Франціи, какъ выморочный ленъ. Но король Іоаннъ не воспользовался этимъ случаемъ, чтобы присоединить къ своимъ владѣніямъ хотя бы французскую часть Бургундіи, то есть земли къ западу отъ Женевскаго, Невшательскаго и Біельскаго озеръ; онъ отдалъ все герцогство въ наслѣдственный ленъ своему младшему сыну, Филиппу Смѣлому 1361 — 1404 г.). Филиппъ, первый герцогъ изъ дома Валуа, увеличилъ Бургундію нѣсколькими аллодіальными владѣніями, то есть такими, которыя, составляя полную собственность, могли переходить въ женскую линію. Онъ женился на вдовѣ своего предшественника, наслѣдницѣ Фландріи, Артуа, Антверпена, Мехельна, Невера, Ретеля и Франшъ-Конте, или, какъ его тогда называли, графства Бургундскаго. По смерти Филиппа и его жены, бургундскія земли раздѣлились по обычаю того времени между сы-

новьями его, Іоанномъ Безстрашнымъ (1404—1419 г.), Антономъ и Филиппомъ; но уже при Іоаннѣ и его сынѣ онѣ снова слились въ одно цѣлое, за исключеніемъ Невера и Ретеля (стр. 29). Каждый изъ трехъ герцоговъ младшей линіи, наслѣдовавшихъ Филиппу Смѣлому, увеличивалъ свои владѣнія женитьбою или наслѣдствомъ, такъ что Бургундія сдѣлалась однимъ изъ сильнѣйшихъ государствъ. Іоаннъ присоединилъ къ ней богатыя и цвѣтущія французскія Нидерланды и воинственное населеніе Юрскихъ горъ и былъ, какъ уже извѣстно, почти полновластнымъ властелиномъ Франціи. Его сынъ и преемникъ, Филиппъ Добрый (1419 — 1467 г.), сдѣлалъ еще большія пріобрѣтенія. При немъ прекратился родъ его дяди Антона, вслѣдствіе чего онъ наслѣдовалъ не только его родовыя бургундскія земли и всѣ его пріобрѣтенія, но и обширныя владѣнія Жаклины Геннегауской (стр. 67). Такимъ образомъ въ 1430 г. ему достались Брабантъ, Лимбургъ, Люксембургъ, Геннегау, Голландія, Зеландія, Фрисландія, Намюръ, Нижняя Лотарингія (le Lothier) и Антверпенъ. Потомъ, какъ уже было сказано, онъ отсталъ отъ союза съ Англіей, примирился съ Карломъ VII (въ 1435 г.), и упрочилъ за собой аррасскимъ миромъ (стр. 83) не только всѣ пріобрѣтенія, сдѣланныя во время смутъ, но и получилъ сверхъ того отъ Франціи такія уступки, что впослѣдствіи главною заботою Лудовика XI было возвратить ихъ. Аррасскій миръ, освободивъ Филиппа отъ всякихъ вассальныхъ обязанностей, доставилъ ему: графства Маконъ. Окзерръ и Понтье, господства Перонне, Руа, Мондидье, Сенъ-Кантенъ, Корби, Амьенъ, Аббвилль, Дурданъ и города Дурланъ, Сенъ-Рикье, Кревкеръ, Арле, и Мортань. Такимъ образомъ бургундскія владѣнія простирались почти до Парижа.

Филиппъ Добрый игралъ также важную роль въ спорѣ за Верхнюю Лотарингію, которая тогда называлась собственно Лотарингіей. Объ этомъ спорѣ слѣдуетъ сказать подробнѣе, такъ какъ отношенія къ Лотарингіи имѣли весьма гибельныя послѣдствія для сына Филиппа, Карла Смѣлаго. Въ первой четвер-

ти XV столѣтія Лотарингіей владѣлъ герцогъ Карлъ I. У него былъ братъ, кардиналъ Лудовикъ, которому принадлежали на полномъ наслѣдственномъ правѣ герцогство Баръ и графство Понтъ-а-Муссонъ. Оба брата умерли почти одновременно, но Карлъ нѣсколько раньше. Лудовикъ назначилъ своимъ наслѣдникомъ знакомаго намъ изъ италіянской исторіи Рене (ч. IX стр. 351 и 374), женатаго на дочери герцога Карла I, Изабеллѣ; а по смерти своего брата, въ 1430 г. завѣщалъ Рене и Лотарингію. По смерти кардинала, Рене спокойно вступилъ во владѣніе Баромъ и Понтъ-а-Муссономъ, но права его на Лотарингію оспаривалъ графъ Антонъ Водмонъ, утверждая, что кардиналъ не имѣлъ права располагать ею. Графъ Водмонъ, получившій свое графство отъ матери, былъ сынъ третьяго брата Карла I, Лудовика, убитаго при Азенкурѣ. Какъ потомокъ лотарингскаго дома, онъ во всякомъ случаѣ имѣлъ больше правъ на Лотарингію, чѣмъ Рене, основовавшій свои притязанія на завѣщаніи кардинала и на бракѣ съ дочерью Карла I. Оба претендента взялись за оружіе, но потомъ согласились предоставить рѣшеніе спора Базельскому собору и германскому императору, такъ какъ Лотарингія принадлежала къ германской имперіи. Однако когда приговоръ состоялся въ пользу Рене, Водмонъ не призналъ его и рѣшился прибѣгнуть къ силѣ, хотя всѣ укрѣпленныя мѣста были уже въ рукахъ его противника. Онъ не побоялся даже его близкаго родства съ французскимъ королемъ, женатымъ на сестрѣ Рене, разсчитывая, что это обстоятельство можетъ доставить ему самому помощь Филиппа Бургундскаго, воевавшаго въ то время (1431 г.) съ Карломъ VII. Дѣйствительно, французскій король вступился за шурина, а герцогъ Бургундскій за графа Водмона. И тотъ и другой послали къ нимъ на помощь наемныя войска. Карлъ отправилъ своихъ наемниковъ подъ начальствомъ намѣстника Шампани и Бри, Барбазана, который въ короткое время занялъ всю Лотарингію и даже графство Водмонъ. Филиппъ послалъ своего маршала и шайки такъ называемыхъ батардовъ. Оба

войска до нельзя неистовствовали, такъ что этотъ походъ лучше всего показываетъ, какъ дуренъ былъ составъ знаменитыхъ своею храбростью войскъ того времени, содержавшихся грабежемъ и добычей. Названные выше предводители шаекъ, батарды, составляли совершенно особенный многочисленный классъ людей. Это были побочные сыновья аристократовъ отъ простыхъ дѣвушекъ. Они считали за честь называться батардами знатныхъ отцевъ, большею частью дѣлались предводителями шаекъ и съ ихъ помощью пріобрѣтали рыцарскія почести и имѣнія. Самымъ блестящимъ прототипомъ ихъ можетъ служить Батардъ Орлеанскій, графъ Дюнуа, доставившій себѣ знаменитое имя и славу спасителя Франціи. Къ этимъ то батардамъ обратился Филиппъ, когда войско Карла VII осадило Водмона въ его столицѣ, и они быстро собрали цѣлую армію подобныхъ себѣ удальцовъ. (Вотъ отзывъ о нихъ Монтреле: c'étaient de pauvres compagnons, mais roides, vigoureux et qui ne cherchaient que leur avantage tant sur leur propre pays qu'ailleurs). Предводители, поступившіе на службу къ Филиппу, были батарды д'Юмьеръ, де Фоссезъ, де Бримонъ, де Невилль и одинъ головорѣзъ по имени Робине Собачій-Свистунъ (Robinet Huche-Chien). Ихъ приманила надежда добычи и позволеніе бургундскаго маршала грабить земли, лежавшія по пути. Вслѣдствіе этого вся Шампань и герцогство Баръ были опустошены ужаснымъ образомъ. Подобная сволочь не могла быть опасна противникамъ Водмона, и безъ сомнѣнія разсѣялась бы сама собою, еслибъ Рене не имѣлъ безразсудства аттаковать ее, вмѣсто того чтобы выждать результатовъ ея грабежа, гибельныхъ для нея самой. Онъ три мѣсяца осаждалъ городъ Водмонъ и довелъ его до крайности, но, узнавъ о приближеніи бургунскихъ полчищъ, двинулся имъ на встрѣчу вопреки совѣту опытнаго Барбазана. Сраженіе произошло 2 іюля 1431 г. въ барской области, недалеко отъ Мааса. Мѣсто битвы съ точностью неизвѣстно; вѣроятно, это былъ Невшатель. Передъ началомъ сраженія Водмонъ обратился къ батардамъ съ рѣчью, вполнѣ до-

стойною ихъ, увѣряя въ правотѣ своего дѣла (assurant les uns et les autres sur la damnation de son âme, que sa querelle était bonne et juste). Рене еще разъ пренебрегъ разумнымъ совѣтомъ Барбазана и устремился на непріятеля съ рыцарскою, но въ высшей степени необдуманною горячностью. Бургундскій маршалъ сдѣлалъ сначала видъ, что хочетъ выдержать напоръ непріятеля, но, внезапно отступивъ обоими флангами, встрѣтилъ аттакующихъ страшнымъ огнемъ своихъ орудій, скрытыхъ за войскомъ. Дѣло было покончено въ четверть часа. Рене и епископъ мецскій были взяты въ плѣнъ, а Барбазанъ убитъ. Графъ Водмонъ овладѣлъ такимъ образомъ Лотарингіею, такъ какъ Рене оставался въ плѣну до 1437 г.; вздумавъ заявить свои права на королевство Неаполитанское, какъ потомокъ анжуйскаго дома (т. IX стр. 351), онъ долженъ былъ заплатить за свое освобожденіе 200 тысячъ червонцевъ и выдать свою дочь за сына Водмона, Фридриха. Онъ считался плѣнникомъ герцога Бургундскаго, поэтому Филиппъ велъ переговоры между нимъ и Антономъ и предписалъ условія мира. Такимъ образомъ, онъ подчинилъ Лотарингію Бургундіи, отнявъ у германскаго императора право, которое тотъ, при своемъ безсиліи, не могъ поддержать. Въ то же время Филиппъ покончилъ вражду своего дома съ анжуйскимъ, устроивъ бракъ сына Рене, герцога Калабрійскаго, съ дочерью Агнесы Бургундской и герцога Бурбонскаго.

Внутреннія дѣла обширнаго Бургундскаго государства доставляли много заботъ предшественникамъ Филиппа, ему самому и его преемнику. Во всѣхъ провинціяхъ, особенно въ Нидерландахъ, города и сословія имѣли большія привиллегіи, сдѣлались почти независимыми и учредили самостоятельныя городскія и представительныя управленія, благодаря которымъ граждане и сословія имѣли такое же значеніе, какъ государь. Поэтому почти ежегодно возникали столкновенія между правительствомъ и жителями какого нибудь города. Въ провинціяхъ, населенныхъ валлоннами, фламандцами и фризами, привиллегированные классы умѣли какъ

въ Англіи привлечь къ себѣ различными средствами массу населенія. Это дало имъ возможность отстаивать свою вольность среди упорной борьбы и тяжкихъ страданій до французской революціи. Могущество свободнаго населенія было такъ велико, что Филиппъ, имѣвшій довольно силъ, чтобъ принудить французскаго короля къ выгодному для себя миру и вести побѣдоносную войну противъ Англіи, не могъ водворить въ своихъ провинціяхъ военно-монархическаго порядка и неуклонно слѣдовать его принципамъ. Впрочемъ онъ сказалъ однажды канцлеру Лудовика XI, относившагося къ нему съ высокомѣріемъ: „напомните вашему господину, что и я могъ бы быть королемъ, но не желаю этого.“ Больше всего хлопотъ ему было съ Гентомъ и Брюгге. Эти города, многолюднѣйшіе въ Европѣ, не разъ вели кровопролитныя войны со своими прежними графами и съ французскими королями; они сдѣлались независимы и постоянно ссорились съ Филиппомъ. Въ 1437 г. онъ едва не былъ убитъ брюггскими гражданами и работниками. Поводомъ къ этому были слѣдующія обстоятельства. Заключивъ въ прошломъ году аррасскій миръ и избавившись отъ вассальныхъ обязанностей къ Франціи, Филиппъ отправился во Фландрію, гдѣ Гентъ и Брюгге тѣснили жителей Слюиса и другихъ небольшихъ городовъ, а гентскіе граждане сверхъ того выгнали навязанныхъ имъ дворянскихъ начальниковъ и даже оцѣнили ихъ головы. Онъ успѣлъ тогда дать почувствовать свою власть, посадилъ во Фландріи военныхъ начальниковъ, назначилъ Жана Комина губернаторомъ Гента и подчинилъ рыцарямъ города Уденардъ и Куртре. Брюгге долго не соглашался впустить Филиппа и его людей въ герцогскій замокъ, но наконецъ принужденъ былъ подчиниться, и 17 октября 1436 г. отправилъ къ герцогу депутацію, состоявшую изъ бургомистровъ и членовъ магистрата. Однако уже въ слѣдующемъ мѣсяцѣ брюггцы поссорились съ жителями Слюиса и другихъ городовъ, надъ которыми присвоили себѣ право суда. Филиппъ выступилъ противъ Брюгге съ 700 валлонскихъ стрѣлковъ, установилъ въ

Слюисѣ, Уденардѣ и Ніевпорѣ свое управленіе, а къ рождеству заставилъ покориться и гражданъ Брюгге. Но и на этотъ разъ покорность ихъ была непродолжительна. Непріязненныя дѣйствія открылись съ обѣихъ сторонъ уже въ январѣ 1437 г. и длились нѣсколько мѣсяцевъ. Въ Брюгге и Гентѣ грозили преслѣдованіемъ и изгнаніемъ всякому, расположенному къ примиренію съ герцогомъ. При такомъ настроеніи умовъ, демократія сильно встревожилась, когда Филиппъ, прійдя съ 1400 рыцарей и множествомъ валлонскихъ стрѣлковъ въ Русселеръ, хотѣлъ на другой день, 22 мая, вступить въ Брюгге. Послѣ нѣкотораго сопротивленія, граждане открыли ворота, но когда герцогъ съ нѣсколькими стами человѣкъ вошелъ въ городъ, они снова заперли ихъ и такимъ образомъ отдѣлили его отъ остальнаго конвоя. Филиппъ, не замѣтивъ этого, дошелъ до Пятницкой площади. Здѣсь поднялся шумъ. Народъ убилъ двухъ знатныхъ гражданъ, явившихся къ Филиппу съ изъявленіемъ покорности. Тогда герцогскіе стрѣлки начали стрѣлять, вслѣдствіе чего весь городъ взялся за оружіе. Положеніе Филиппа было крайне опасно: онъ не могъ ни оставаться въ городѣ, ни выйдти изъ него къ своему войску, ни призвать войско къ себѣ. Наконецъ, ему удалось добраться до воротъ, но нашелъ ихъ запертыми и загороженными, и былъ бы убитъ, еслибъ одинъ гражданинъ, Яковъ Гардуа, отправленный къ нему во главѣ депутаціи и отступившій вмѣстѣ съ нимъ къ воротамъ, не послалъ за кузнецомъ и не приказалъ отбить запоры. За это кузнецъ былъ впослѣдствіи четвертованъ жителями. Изъ числа 170 плѣнниковъ было казнено горожанами 22 человѣка, принадлежавшихъ къ свитѣ Филиппа.

Послѣ этого между могущественнымъ городомъ и герцогомъ началась открытая война. Филиппъ отрѣзалъ городъ отъ всякаго сообщенія съ моремъ, занялъ всѣ ближайшія мѣстечки, грабилъ и опустошалъ окрестности и немилосердно преслѣдовалъ всякаго, вступавшагося за Брюгге. Гентъ и Иперпъ, а также многіе иностранные купцы убѣдительно просили его за городъ, съ ко-

торымъ была связана ихъ собственная судьба, и который въ то время имѣлъ почти такое же значеніе, какъ впослѣдствіи Амстердамъ и Лондонъ. Но никакія доводы и просьбы не помогали. Даже война съ Англіей, безпрестанно отвлекавшая Филиппа, не могла измѣнить его плановъ относительно Брюгге. На время отлучекъ онъ поручалъ дѣло войску, остававшемуся во Фландріи, и женѣ, и, какъ только позволяли обстоятельства, спѣшилъ возвратиться. Однако онъ долго не могъ ничего сдѣлать. Граждане не смирились даже тогда, когда цехи и военныя братства Гента, раззоряемые застоемъ промышленности и прекращеніемъ шерстяной торговли съ Англіей, присоединились къ Филиппу. Они по прежнему продолжали воевать съ Слюисомъ, бывшимъ во враждѣ съ жителями Гента, препятствуя ихъ сообщенію съ моремъ. Наконецъ въ январѣ 1438 г. брюггскіе граждане почувствовали, что дальнѣйшее сопротивленіе будетъ для нихъ гибельно, и отправили къ Филиппу въ Аррасъ 14 уполномоченныхъ, соглашаясь на безусловную сдачу. Въ февралѣ герцогъ объявилъ имъ свои условія, а въ апрѣлѣ они передали ихъ согражданамъ. Важнѣйшее условіе касалось франконатовъ, весьма многочисленнаго во Фландріи класса людей, не принадлежавшихъ ни къ дворянству, ни въ бюргерству, но жившихъ на такъ называемыхъ вольныхъ земляхъ. Къ нимъ причислялись также изгнанники изъ Брюгге. Франконаты купили себѣ при Іоаннѣ Безстрашномъ большія привиллегіи, но граждане городовъ постоянно препятствовали имъ пользоваться пріобрѣтенными правами. Филиппъ потребовалъ, чтобы ихъ признали четвертымъ сословіемъ (veerde Led) и такимъ образомъ обезпечилъ имъ всѣ права гражданства. Сверхъ того онъ, заставилъ Брюгге отказаться отъ господства надъ Слюисомъ, уплатить 200 т. червонцевъ и согласиться на исключеніе изъ амнистіи 42 лицъ, которыхъ онъ хотѣлъ наказать еще прежде. Все это было исполнено: гражданъ, выключенныхъ изъ амнистіи, объявили внѣ законовъ и лишили всего имущества.

Однако Брюгге и Гентъ продолжали враждовать съ герцогомъ, который различными путями старался выжимать изъ богатыхъ сословій деньги для поддержанія королевской пышности своего двора. Но описаніе этихъ распрей, интересныхъ для частной исторіи Нидерландовъ, не можетъ входить въ общую исторію большихъ европейскихъ государствъ, которыя мы имѣемъ преимущественно въ виду. Впрочемъ положеніе бельгійскихъ провинцій при Филиппѣ было чрезвычайно цвѣтуще. Это свидѣтельствуетъ современникъ, природный бельгіецъ, Филиппъ де Коминъ; по его отзыву, герцогъ не обременялъ жителей налогами (le quel peu tailloit), и богатства всѣхъ странъ стекались во Фландрію, Брабантъ и Артуа (ils étoient combléz de richesses et en grand repos, ce qu'ils ne furent oncques puis). Уже было замѣчено, что бельгійскіе города соперничали въ торговлѣ и промышленности даже съ Флоренціей (ч. VIII стр. 17).

Для всеобщей исторіи въ дѣятельности Филиппа важнѣе всего его отношенія къ Франціи и дофину Лудовику XI, бывшему на престолѣ злѣйшимъ врагомъ Бургундіи. Филиппъ тѣсно сблизился съ Лудовикомъ, надѣясь привязать его благодарностью къ своему дому. Съ другой стороны, онъ старался породнить съ французскимъ домомъ своего сына, графа Шароле, будущаго Карла Смѣлаго. Съ этою цѣлью, при заключеніи аррасскаго мира онъ обручилъ его съ дочерью Карла VII, Екатериною, хотя они были еще дѣтьми. Десятилѣтнюю принцессу привезли на воспитаніе въ Бургундію, но ея ранняя смерть разстроила этотъ бракъ. Тогда Карлъ Смѣлый, гонявшійся уже тогда за химерическими мечтами о будущемъ величіи своего государства, хотѣлъ жениться на дочери герцога Іоркскаго, чтобъ пріобрѣсти право на англійскій престолъ, хотя герцогъ имѣлъ тогда двухъ сыновей. Но Филиппъ, желая сблизить сына съ Франціей, не согласился на этотъ бракъ и женилъ Карла на Изабеллѣ Бурбонской. Съ дофиномъ Филиппъ былъ постоянно въ короткихъ отношеніяхъ, такъ что

Лудовикъ, разсорясь съ отцемъ, совершенно отдался герцогу. Послѣ неудавшагося покушенія на жизнь отца (стр. 115), Лудовикъ былъ удаленъ отъ двора и сосланъ въ Дофине. Управляя этою провинціей, какъ независимымъ княжествомъ, онъ слѣдовалъ той же системѣ, которая впослѣдствіи сдѣлала его жестокое правленіе столь благодѣтельнымъ для французскаго народа. Неумолимый къ аристократіи, онъ старался расположить къ себѣ народъ, положилъ предѣлъ рыцарскимъ войнамъ и кулачному праву, свирѣпствовавшему въ Дофине еще сильнѣе, чѣмъ въ Германіи, оживилъ торговлю и промышленность и улучшилъ монетную систему. Вскорѣ вражда его съ отцомъ приняла непримиримый характеръ вслѣдствіе его сватовства за малолѣтнюю савойскую принцессу. Къ этому браку его вѣроятно побуждали денежные разсчеты. Его первая жена, чрезвычайно умная, но, кажется, нѣсколько вѣтреная, шотландская принцесса принесла въ приданое всего 12 т. червонцевъ, тогда какъ герцогъ Савойскій давалъ за дочерью 320 т. червонцевъ. Карлъ VII не желалъ этого брака, такъ какъ черезъ него Лудовикъ, и безъ того распоряжавшійся совершенно независимо въ Дофине, получалъ сильнаго союзника въ герцогѣ Савойскомъ. Онъ даже послалъ въ Савойю посольство, черезъ которое заявилъ о своемъ несогласіи на бракъ; но герцогъ отвѣчалъ, что получилъ отъ папскаго легата увѣреніе въ согласіи короля, и бракъ состоялся.

Вражда короля съ дофиномъ усиливалась съ каждымъ годомъ. Лудовикъ распоряжался въ Дофине какъ независимый государь; онъ преобразовалъ верховный судъ въ парламентъ, отмѣнилъ старыя учрежденія, чеканилъ монету съ своимъ изображеніемъ и велъ переговоры съ швейцарцами, итальянскими князьями, Наваррой, Арагоніей и Англіей. Все это страшно бѣсило короля, узнавшаго къ тому же, что Лудовикъ тѣсно сближается съ Бургундіей и намѣренъ въ скоромъ времени явиться ко двору, чтобъ силою прогнать смертельно ненавистныхъ ему министровъ, придворныхъ и любовницъ, вмѣстѣ съ ихъ покровителемъ. Хотя король осудилъ, какъ клеветника,

человѣка, сообщившаго ему это извѣстіе, однако съ 1452 по 1456 вражда его съ сыномъ дошла до того, что онъ отвергъ предлагаемую Лудовикомъ помощь, когда англичане прислали войска въ вновь возставшую Гіэнь (стр. 118). Наконецъ въ 1456 г. вражда перешла въ открытую борьбу. Лудовикъ приготовилъ войско и старался возстановить противъ отца принца Оранскаго, бернцевъ и даже папу. Карла извѣстилъ объ этомъ Шабаннь, графъ Даммартенъ, принадлежавшій къ числу тѣхъ лицъ, которыя не ждали себѣ ничего хорошаго отъ дофина и потому всячески старались возстановить противъ него отца. Онъ писалъ Карлу, что Лудовикъ призвалъ жителей Дофине къ поголовному возстанію и назначилъ предводителемъ войска Батарда Арманьяка, что поэтому королю необходимо принять мѣры къ подавленію движенія, тѣмъ болѣе что къ нему примкнетъ все рыцарство провинціи, озлобленное на Лудовика за покровительство низшимъ классамъ. Послѣднее обстоятельство ободрило Карла; онъ рѣшился начать войну противъ сына, не смотря на представленія папы, кастильскаго короля и герцога Бургундскаго и приказалъ графу Даммартену вступить съ войскомъ въ Дофине и схватить дофина. Войско Даммартена только что совершило подобную же экспедицію противъ графа Іоанна д'Арманьяка. Іоаннъ привелъ въ ужасъ все христіанство, женившись на родной сестрѣ. Общіе вопли были тѣмъ громче, что Іоаннъ добылъ себѣ изъ папской канцелляріи разрѣшеніе на этотъ бракъ. Но когда поднялся шумъ, папа отрекся отъ этого разрѣшеніи. Сверхъ того Іоаннъ позволялъ себѣ насилія противъ сосѣднихъ епископовъ. Но оба эти обстоятельства не заставили бы короля ополчиться противъ него, если бы побочный братъ Іоанна, Лекенъ батардъ д'Арманьякъ не былъ предводителемъ войскъ дофина. За это Іоаннъ былъ изгнанъ изъ своихъ владѣній, лишился Руерга и Арманьяка и долженъ былъ бѣжать съ женою въ Арагонію, гдѣ оставался до воцаренія Лудовика. Съ дофиномъ королевскому войску не пришлось сражаться, такъ какъ Лудовикъ предпочелъ бѣжать. Онъ хотѣлъ

сперва отправиться до Савоію, но, узнавъ, что дороги заняты непріятелемъ, поѣхалъ въ Брюссель, хотя по своей подозрительной натурѣ не совсѣмъ довѣрялъ герцогу Бургундскому. Филиппъ не могъ отказать ему въ гостепріимствѣ и защитѣ, однако тотчасъ написалъ королю, прося у него прощенія за укрывательство его мятежнаго сына. (Je ne m'en donnoit point de garde, j'en ai été bien emerveillé et vous en avertis comme raison est. Vous savez, mon très redouté seigneur, que pour honneur de vous, de lui et de votre noble maison raison veut, que je lui fasse tout honneur, révérence et plaisir, que je pourrai honnement). Лудовикъ не засталъ въ Бельгіи самого Филиппа, бывшаго тогда въ Голландіи, гдѣ онъ насильно навязалъ Утрехту въ епископы своего побочнаго сына, Давида. Но въ Брюсселѣ находилась третья жена герцога, португальская принцесса. Она приняла дофина съ восточною пышностью, такъ какъ бургундскій дворъ превосходилъ блескомъ всѣ прочіе и славился великолѣпіемъ за долго до знакомства Бельгіи съ испанскимъ этикетомъ. Этотъ пріемъ вдвойнѣ смутилъ Лудовика. Во первыхъ, онъ всегда обращалъ вниманіе исключительно на матерьяльную сторону вещей и, чуждый тщеславія, тяготился роскошью и парадными формами. Во вторыхъ, его злобный, коварный, подозрительный характеръ заставлялъ его предполагать, что подъ этимъ пріемомъ скрываются какіе нибудь тайные замыслы. Нѣсколько подробностей объ этомъ пріемѣ будутъ здѣсь нелишними. Онѣ нагляднѣе покажутъ зародыши испанскаго церемоніяла, занимавшаго уже императоровъ Карла IV и Сигизмунда несравненно болѣе, чѣмъ насущныя потребности германскаго народа; вмѣстѣ съ тѣмъ они дадутъ понять значеніе, пріобрѣтенное Франціей послѣ побѣдъ надъ англичанами. Сенъ-Пале, съ необычайнымъ стараніемъ описывавшій всѣ подобныя вещи и вообще все, касавшееся рыцарей и ихъ быта, разсказываетъ, что герцогиня и ея невѣстка, графиня Шароле, вышли на встрѣчу дофину со всѣмъ своимъ штатомъ, встрѣтили

его на дворцовомъ дворѣ у воротъ и стали на колѣни, когда онъ соскочилъ съ лошади. Дофинъ поцѣловалъ ихъ обѣихъ и обнялъ другихъ дамъ. Затѣмъ, когда всѣ отправились во дворецъ, герцогиня никакъ не соглашалась, чтобы дофинъ шелъ по лѣвую руку. (Monsieur, il me semble, que vous avez désir, qu'on se moque de moi, car vous voulez me faire ce qui ne m'appartient pas). Дофинъ отвѣчалъ, что онъ долженъ оказывать ей почетъ, такъ какъ онъ теперь бѣднѣйшій человѣкъ во всей Франціи, и ему вигдѣ нѣтъ приставища, кромѣ какъ у дяди и у нея. Наконецъ онъ довелъ герцогиню и графиню до того, что, обѣдая съ нимъ, онѣ отмѣняли обычный церемоніялъ (on ne les servoit pas à couvert), а при прогулкахъ сами носили свой шлейфъ. Герцогъ, вернувшись изъ Голландіи, оказалъ Лудовику такой же почетъ. Его никакъ не могли отговорить сдѣлать при встрѣчѣ съ нимъ на дворцовомъ дворѣ три колѣнопреклоненія.

Дофинъ поселился недалеко отъ Брюсселя въ мѣстечкѣ Генеппъ и получалъ отъ герцога на содержаніе своего двора ежемѣсячно 6 тысячъ ливровъ. Филиппъ поручилъ его особенному попеченію своего сына Карла, бывшаго почти десятью годами моложе дофина. Оба принца были совершенно различныхъ характеровъ, и поэтому вскорѣ сдѣлались смертельными врагами. Карлъ, вазвавный впослѣдствіи Смѣлымъ, тогда какъ, собственно говоря, его слѣдовало бы назвать безразсуднымъ, имѣлъ рыцарскій, гордый, вспыльчивый характеръ, и помышлялъ только о войнѣ и завоеваніяхъ. Лудовикъ былъ свирѣпъ, грязенъ, подлъ и золъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ умѣренъ, уменъ, обходителенъ съ народомъ, способенъ ва всякое лукавство; хитрый дипломатъ и политикъ, онъ былъ трусливъ, хотя выказывалъ иногда мужество. Не смотря на вражду, Карлъ просилъ Лудовика быть крестнымъ отцемъ его дочери Маріи, будущей жены императора Максимиліана I. Напротивъ того, дофинъ, всюду сѣявшій раздоры, поселилъ изъ-за пустяковъ важную ссору между Филиппомъ и

его сыномъ. Два придворныхъ, Антонъ Робенъ и Филиппъ де-Кроа, сынъ герцога де-Шиме, поспорили о томъ, кому изъ нихъ слѣдуетъ занять мѣсто перваго каммергера, когда лице, занимавшее эту должность, почему то не могло отправлять своей обязанности. Герцогъ и дофинъ приняли сторону втораго, графъ Шароле—перваго. Изъ-за этого, кажется по винѣ дофина, между герцогомъ и сыномъ возникъ такой горячій споръ, что Карлъ, смертельно возненавидѣвшій съ того времени фамилію де-Кроа, уѣхалъ въ свое намѣстничество, Голландію, и долго прожилъ тамъ.

Между тѣмъ Карлъ VII занялъ Дофине и назначилъ туда двухъ губернаторовъ. Дофинъ не признавалъ ихъ и сдѣлалъ своимъ намѣстникомъ батарда Арманьяка, благодаря его въ грамотѣ за оказанныя услуги (qui a quitté biens, parents et amis, et m'a toujours fedélement servi). Тѣмъ не менѣе Карлъ подчинилъ себѣ Дофине, и жители вскорѣ раскаялись, что не стояли тверже за дофина. Карлъ VII сильно гнѣвался на герцога Бургундскаго за покровительство, оказанное Лудовику, а въ 1458 г. между ними едва не возгорѣлась война по поводу процесса герцога Алансонскаго. Карлъ желалъ показать надъ однимъ изъ принцевъ крови, герцогомъ Алансонскимъ, примѣръ всѣмъ вельможамъ, которые могли бы еще помышлять о возобновленіи Praguerie. Онъ всячески подготовлялъ своему сыну путь къ самодержавной власти, которой французскіе короли достигли при Лудовикѣ. Обвинивъ герцога въ тайныхъ сношеніяхъ съ англичанами, онъ приказалъ въ 1456 г. Дюнуа арестовать его, продержалъ два года въ тюрьмѣ, пріискивая благовидный предлогъ къ осужденію и наконецъ предалъ уголовному суду, не обращая вниманія на усиленныя просьбы двухъ первыхъ перовъ, герцоговъ Бургундскаго и Бретанскаго. Въ августѣ 1458 г. онъ созвалъ парламентъ въ Монтаржи, гдѣ имѣлъ возможность совершенно подчинить его своему вліянію, пригласилъ туда духовныхъ и свѣтскихъ перовъ и заставилъ этотъ судъ приговорить герцога къ смерти. Приговоръ не былъ выполненъ, но герцогъ просидѣлъ въ заключеніи до во-

царенія Лудовика, возвратившаго ему его конфискованныя имѣнія, полагая, что герцогъ пострадалъ за него. Карлъ довольно надменно пригласилъ къ этому суду Филиппа Добраго, но когда герцогъ приготовился ѣхать въ сопровожденіи своихъ рыцарей, ему прислали приказъ не ѣздить лично, а прислать уполномоченныхъ. Тогда онъ принялъ весьма грозный видъ. Карлъ съ своей стороны сосредоточилъ войска въ Пикардіи, такъ что всѣ опасались войны. Король пробовалъ соединиться съ графомъ Шароле противъ его отца и своего сына, но не могъ поладить съ нимъ, такъ какъ графъ непремѣнно хотѣлъ погубить де-Кроа, которымъ Карлъ VII не соглашался пожертвовать. (Pour deux royaumes comme le mien, je ne consentirois un vilain fait).

2. Франція и Бургундія отъ воцаренія Лудовика XI, до смерти Филиппа Добраго.

По смерти Карла VII въ іюлѣ 1461 г. Лудовикъ XI вступилъ на престолъ. Всѣ ждали, что онъ блистательно отблагодаритъ герцога Бургундскаго, столько лѣтъ защищавшаго и содержавшаго его и даже разсорившагося изъ за него съ Карломъ VII. Но Лудовикъ былъ слишкомъ хорошій политикъ и дипломатъ, чтобъ подлежать такимъ слабостямъ, какъ чувство благодарности. Онъ на первыхъ же порахъ показалъ своему бывшему защитнику, что будетъ руководствоваться относительно его болѣе чувствомъ недовѣрія, чѣмъ благодарности. Филиппъ хотѣлъ проводить его во Францію съ большимъ числомъ рыцарей, но онъ отклонилъ предложеніе и пріѣхалъ изъ Бельгіи съ небольшою свитою. 18 августа онъ помазался и короновался въ Реймсѣ. Добрый, почтенный старикъ Филиппъ, пріѣхавшій на торжество вмѣстѣ съ другими перами, произвелъ глубокое впечатлѣніе на присутствовавшихъ, ставъ на колѣни передъ королемъ и умоляя простить всѣхъ, оскорблявшихъ его въ прошлое царствованіе. Лудовикъ не могъ не дать амнистіи, изъ которой однако исключилъ канцлера дез'Юр-

сена, графа Даммартена (Шабанна) и еще пять человѣкъ; но его жестокій, мстительный характеръ не позволилъ ему сдержать свои обѣщанія. Онъ сталъ гнать и отрѣшилъ отъ должностей всѣхъ слугъ отца, и напротивъ возвышалъ всѣхъ, помогавшихъ ему противъ Карла. Герцогъ Бургундскій, видя, что Лудовикъ не расположенъ слѣдовать его благоразумному совѣту, предсказалъ, что обиженное дворянство и чиновники будутъ противиться королю. Впрочемъ Лудовикъ вначалѣ выказывалъ большое расположеніе къ Филиппу и его сыну, и далъ послѣднему герцогство Нормандское съ ежегоднымъ содержаніемъ въ 36 тысячъ ливровъ. Разумѣется, онъ сдѣлалъ это изъ политическихъ видовъ, чтобъ обмануть обоихъ, и тотчасъ же началъ интриговать противъ могущественнаго вассала. Филиппъ терпѣлъ это, но Карлъ Смѣлый вошелъ въ сношенія съ герцогомъ Бретанскимъ, также имѣвшимъ причины противодѣйствовать политикѣ Лудовика.

Уже при Карлѣ VII между Бретанью и Франціей начали устанавливаться прежнія вассальныя отношенія. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Франциска I (стр. 115), умеръ его племянникъ Генрихъ II (1457 г.); ему наслѣдовалъ извѣстный коннетабль, графъ Ришмонъ, подъ именемъ Артура III. Онъ не только остался коннетаблемъ, но и не разъяснилъ вполнѣ, обязательна ли для него приносимая королю присяга (hommege lige). Бретанскіе чины утверждали, что Бретань самостоятельное герцогство, и что поэтому присяга герцоговъ должна считаться простою формальностью, а не признаніемъ верховной власти короля. Артуръ умеръ въ 1458 г., оставивъ герцогство племяннику, Франциску II. Лудовикъ, вступивъ на престолъ, потребовалъ отъ него дѣйствительной вассальной присяги (hommage lige); но Францискъ уклонился отъ нея и заключилъ тайный союзъ съ графомъ Шароле. Лудовика сильно озабочивало сближеніе двухъ сильныхъ вассаловъ, но онъ не смѣлъ открыто противодѣйствовать Филиппу или графу Шароле. Напротивъ, въ два первые года своего царствованія, онъ всячески старался угождать старому герцогу.

Но по своему коварному способу досаждалъ его сыну интригами, заговорами, покровительствомъ его врагамъ, и до того озлобилъ его, что уже тогда всѣ предугадывали непримиримую вражду между новымъ королемъ и будущимъ герцогомъ Бургундскимъ. Между прочимъ онъ сдѣлалъ своимъ гофмаршаломъ де-Кроа, котораго Карлъ ненавидѣлъ, подарилъ ему городъ Гинь съ округомъ и, чтобъ окончательно взбѣсить графа Шароле, возвѣстилъ въ Парижѣ при трубныхъ звукахъ объ этой милости. Старый герцогъ всѣми силами старался успокоить разгнѣваннаго сына, но вскорѣ самъ поссорился съ королемъ. Лудовикъ объявилъ ему и герцогу Бретанскому, что считаетъ принесенную ими присягу обязательною. Филиппъ не согласился на это, и хитрый Лудовикъ по обыкновенію замолчалъ, встрѣтивъ рѣшительное сопротивленіе, и выжидалъ благопріятнаго случая выместить неудачу. Вскорѣ онъ послалъ къ герцогу посольство, какъ будто бы съ цѣлью потребовать отъ него помощи противъ англичанъ, но въ сущности затѣмъ, чтобъ заставить его распространить на Бургундію французскій налогъ на соль. Филиппъ понялъ, что это требованіе есть попытка дѣйствовать съ нимъ, какъ съ настоящимъ вассаломъ, и послалъ одного изъ своихъ вельможъ, де Шиме, протестовать противъ неправильнаго толкованія присяги. Лудовикъ не принялъ посланника, но де Шиме подошелъ такъ близко къ его комнатамъ, что ему нельзя было уклониться отъ разговора. Думая запугать бургундскаго вельможу, онъ закричалъ: „Да что же за человѣкъ, герцогъ Бургундскій! развѣ онъ изъ другаго металла сдѣланъ, чѣмъ прочіе принцы и господа моего королевства?“ „Должно быть, отвѣчалъ Шиме, герцогъ Бургундскій дѣйствительно другой человѣкъ и изъ другаго металла (voirement autre et d'autre metal), чѣмъ прочіе принцы вашего королевства и сосѣднихъ земель, потому что онъ охранялъ, защищалъ и поддерживалъ васъ (il vous a gardé, porté et soutenu) противъ вашего отца, — да проститъ Богъ его прегрѣшенія, — и этимъ навлекъ на себя его неудовольствіе. Другіе принцы и не

захотѣли бы и не посмѣли бы сдѣлать этого". Послѣ этихъ словъ разгнѣванный король ушелъ и счелъ благоразумнымъ оставить дѣло въ покоѣ. За то онъ предъявилъ новое требованіе, отъ котораго нельзя было уклониться, такъ какъ оно основывалось на аррасскомъ договорѣ. Онъ потребовалъ возвращенія городовъ по Соммѣ, уступленныхъ герцогу съ правомъ выкупа за опредѣленную сумму (стр. 83). Уже Карлъ VII домогался возврата ихъ, но не имѣлъ успѣха; Лудовикъ, понимая, что ничего не добьется прямымъ путемъ, прибѣгъ къ своему италіанскому коварству, такъ часто помогавшему ему и французскому народу во время его царствованія достигать великихъ цѣлей измѣной, ложью и преступленіями. Онъ обманулъ графа Шароле увѣреніемъ, что деньги достанутся ему и подкупилъ совѣтниковъ Филиппа, убѣдившихъ герцога, что онъ не имѣетъ права и не долженъ удерживать за собою города, какъ скоро будетъ уплачена назначенная договоромъ сумма. Кончилось тѣмъ, что Филиппъ исполнилъ требованіе Лудовика, который уплатилъ ему деньги въ два срока. Возвращеніе сѣверо-восточныхъ пограничныхъ городовъ было мастерскимъ маневромъ политики Лудовика и совершенно справедливо считалось національнымъ торжествомъ, такъ какъ не стоило ни капли крови (1463 г.). Графъ Шароле, бывшій въ разладѣ и съ отцемъ и съ королемъ, понялъ наконецъ, что будетъ обманутъ и отправилъ къ Лудовику Имбрекура и Конте протестовать отъ своего имени и отъ имени графства Артуа противъ возвращенія городовъ. Но было уже поздно. Лудовикъ, неслишкомъ разборчивый на средства, досталъ безъ большаго затрудненія деньги, нужныя для уплаты герцогу. Онъ задержалъ жалованье войску и придворнымъ, захватилъ всѣ частные капиталы, отданные правительству на сохраненіе, и обѣщалъ удовлетворить ихъ владѣльцевъ изъ суммъ чрезвычайнаго налога, обѣщаннаго ему представителями нѣкоторыхъ провинцій.

Выкупивъ города по Соммѣ, онъ сталъ убѣждать Филиппа возвратить Орши, Дуе и Лилль, заложенные еще первому гер-

Digitized by Google

цогу Бургундскому, предлагая выкупить ихъ. Разумѣется, это предложеніе было отклонено, но возвращеніе городовъ на Соммѣ обезпечило французскія границы со стороны Бургундіи, и дало Лудовику возможность приступить къ осуществленію своихъ дальнѣйшихъ плановъ. Прежде всего ему нужно было занять графа Шароле и лишить его союзника, помощь котораго могла сдѣлать наслѣдника Филиппа опаснымъ для Франціи. Этотъ союзникъ былъ герцогъ Францискъ II Бретанскій, давно уже понявшій намѣреніе Лудовика ослабить знать и возвысить народъ. Лудовикъ съ своей стороны нисколько не сомнѣвался, что по смерти Филиппа вспыхнетъ возстаніе вельможъ, во главѣ котораго встанутъ два первыхъ пера, герцоги Бургундскій и Бретанскій. Чтобъ помѣшать этому, онъ рѣшился предупредить герцога Бретанскаго, поддерживая раздоръ между Филиппомъ и его сыномъ; это удалось ему при помощи подкупленныхъ придворныхъ Филиппа, графа д'Этампа и де-Круа, смертельныхъ враговъ Карла. Тайно стянувъ войска къ границамъ Бретани, онъ послалъ своего канцлера Петра Морвилье объявить герцогу, что запрещаетъ ему писаться „Божьею милостью" и пользоваться правами самостоятельныхъ государей, т. е. чеканить золотую монету, налагать на жителей новыя подати, обязывать вассаловъ при присягѣ помогать сюзерену противъ всѣхъ и наконецъ принимать присягу отъ прелатовъ, считавшихся непосредственными вассалами короны (de recevoir les sermens de fidélité des prélats, ainsi que leurs aveux et dénombrements, attendu qu'ils rélevoient nuement de la couronne de France.) Канцлеръ долженъ былъ настоять на немедленномъ исполненіи требованій и, въ случаѣ отказа, объявить войну. Но на этотъ разъ обманутымъ оказался Лудовикъ, онъ принужденъ былъ согласиться на трехмѣсячную отсрочку, такъ какъ герцогъ объявилъ, что долженъ предварительно собрать сеймъ, ибо иначе всякое обязательство съ его стороны будетъ недѣйствительно. Но вѣроятно Лудовика трево-

жили замыслы герцога Бургундскаго или скорѣе его сына, потому что онъ немедленно передвинулъ войска въ Пикардію. Дѣйствительно большіе вассалы, особенно герцогъ Бургундскій, были непосредственно заинтересованы въ дѣлѣ герцога Бретанскаго и не могли равнодушно смотрѣть на дѣйствія короля. Лудовикъ понялъ, что придется отложить дѣло въ долгій ящикъ; онъ имѣлъ свиданіе съ Филиппомъ и условился покончить споръ третейскимъ судомъ, назначивъ его въ Шинонѣ (въ сентябрѣ 1464 г.). Но уполномоченные герцога Бретанскаго уѣхали изъ Шинона въ октябрѣ, не подчинившись приговору королевскихъ комиссаровъ.

Лудовикъ приписывалъ упорство слабаго Франциска II графу Шароле, все еще жившему въ Голландіи, и ѣздилъ въ Геденъ къ Филиппу жаловаться на Карла. Дѣйствительно Карлъ Смѣлый и Францискъ II соединились и приняли общія дѣятельныя мѣры противъ короля. Движеніемъ руководили Танги дю Шатель, Жаили и вице-канцлеръ Ромилье со стороны герцога Бретанскаго, графъ де Сенъ-Поль и его братъ Іаковъ Люксанбурскій со стороны графа Шароле. По порученію своихъ государей, они возобновили ихъ давнишній договоръ; Ромилье поѣхалъ въ Англію и завязалъ тамъ переговоры; графъ де Сенъ-Поль, губернаторъ Ренна, постоянно находился съ Карломъ въ Голландіи, помощникъ его Антонъ де Ламе безпрерывно скакалъ изъ Голландіи въ Бретань, а послы Франциска, переодѣтые францисканцами, разъѣзжали по вельможамъ, возстановляя ихъ противъ короля. Лудовикъ зналъ почти обо всемъ этомъ. Не стѣсняясь въ средствахъ для достиженія цѣли, онъ послалъ одного изъ самыхъ отчаянныхъ рубакъ батарда Рюбанпре въ Горкумъ, захватить бретанскаго вице-канцлера со всѣми его бумагами. Рюбанпре отправился съ небольшимъ числомъ рѣшительныхъ людей, присталъ къ голландскому берегу и, оставивъ свой отрядъ въ Вальхереинѣ, поѣхалъ съ двумя провожатыми въ Горкумъ. Но въ то время тамъ находился самъ графъ Шароле, такъ что появленіе Рюбанпре возбудило подозрѣніе, и онъ былъ схваченъ. Къ Филиппу немедлен-

но послали одного изъ придворныхъ, Оливье де ла-Марша, мемуары котораго служатъ однимъ изъ главныхъ источниковъ этого событія. Герцога увѣрили, что король, узнавъ отъ астрологовъ о его скорой смерти, поручилъ Рюбанпре овладѣть графомъ Шароле. Филиппъ, зная характеръ Лудовика и его глупыя занятія астрологіей, повѣрилъ этому. Впрочемъ это всѣмъ показалось вѣроятнымъ, и на короля со всѣхъ сторонъ посыпались рѣзкія сочиненія; его даже громили съ кафедръ въ церквахъ. Лудовикъ дѣлалъ все возможное, чтобъ успокоить стараго герцога, но тотъ не поддавался и поспѣшно уѣхалъ изъ Гедена, когда король захотѣлъ пріѣхать къ нему на обѣдъ. Тогда Лудовикъ отправилъ къ нему блестящее посольство, во главѣ котораго стоялъ канцлеръ Морвилье; но Филиппъ въ присутствіи сына выбранилъ пословъ. Впрочемъ онъ былъ умѣреннѣе гордаго Карла, въ высшей степени оскорбившагося словами канцлера, сказавшаго ему, что король прислалъ его не къ нему, а къ его отцу. (Monseigneur de Charolais, je ne suis pas venu pour parler à vous, mais à Monseigneur votre père). Услышавъ эти слова, Карлъ съ яростью подошелъ ко второму послу, архіепископу нарбоннскому, и сказалъ: „поблагодарите отъ меня короля за то, что онъ велѣлъ своему канцлеру намылить мнѣ голову, но скажите, что онъ раскается въ этомъ до истеченія года". (Recommandez mois humblement à la bonne grace du roi et dites lui,qu il m'a bien fait layer par le chancelier, mais avant qu'il soit un an, il s'en repentira).

Окончательный разрывъ между герцогомъ Бургундскимъ и королемъ вызвалъ рѣшительныя мѣры со стороны вельможъ, бывшихъ уже въ теченіи года въ заговорѣ противъ демократическихъ стремленій короля и покровительствуемыхъ Бретанью и Бургундіею. Они назначили уполномоченныхъ, отличавшихся зеленымъ шелковымъ бантомъ на поясѣ (et portayent, iceux qui avaient les scelez, secrétement chascun une aiguillette de soye à sa ceinture, à quoy ils congnoissoyent les uns les autres); они заключили

въ Парижѣ въ концѣ 1464 г. союзъ, принявшій названіе союза общественнаго блага (ligue du bien publique). Филиппъ Добрый не рѣшался приступить къ нему, боясь запальчивости сына; но наконецъ племяннику его, герцогу Бурбонскому, удалось вовлечь и его въ лигу. Герцогъ Бурбовскій былъ недоволенъ королемъ за то, что не получилъ достоинства коннетабля по смерти герцога Артура Бретанскаго; поэтому онъ не только самъ вступилъ въ лигу, но убѣдилъ и дядю въ законности заговора знати противъ демократическаго деспота (въ началѣ 1465 г.) Филиппъ согласился выставить войско и призвалъ своихъ вассаловъ къ оружію, но ему пришлось предоставить сыну главное начальство въ войскѣ и участіе въ веденіи дѣла. Получивъ возможность дѣйствовать самостоятельно, Карлъ Шароле не замедлилъ обнаружить свойственную ему запальчивость, погубившую его впослѣдствіи. Съ самаго же начала онъ привелъ въ величайшую ярость своего стараго, дряхлаго отца тѣмъ, что своевольно удалилъ отъ двора господъ де Кроа, лучшихъ друзей Филиппа и поэтому самому злѣйшихъ враговъ его наслѣдника. Онъ приказалъ имъ немедленно выѣхать изъ государства и до того запугалъ ихъ, что они уѣхали, не успѣвъ даже проститься съ Филиппомъ. Между тѣмъ Лудовикъ, видя приближеніе опасности, старался выпутаться изъ бѣды безчестными хитростями и снова принялъ мѣры къ образованію постояннаго войска. Съ этой цѣлью онъ возстановилъ отмѣненные имъ вначалѣ суды по налогамъ, поправилъ финансы грязною скаредностью и строгимъ надзоромъ за сборомъ податей и подобно средневѣковымъ итальянскимъ тиранамъ возвысилъ военную службу на степень самаго выгоднаго ремесла для среднихъ классовъ и мелкаго дворянства. Онъ давалъ кавалеристамъ (жандармамъ) по 15, а вольнымъ стрѣлкамъ по $7^1/_2$ ливровъ въ мѣсяцъ, такъ что они получали гораздо больше самыхъ искусныхъ и трудолюбивыхъ работниковъ.

Въ мартѣ 1465 г. братъ короля, герцогъ Карлъ Беррійскій, котораго Лудовикъ уже давно подозрѣвалъ открыто при-

нялъ сторону союзниковъ и бѣжалъ въ Бретань. Это было сигналомъ къ войнѣ, получившей названіе войны за общественное благо (guerre du bien public). Герцоги Беррійскій, Бурбонскій, Бретанскій и Алансонскій, графъ Арманьякъ и Іоаннъ Калабрійскій, герцогъ Лотарингскій и Барскій, приступившій къ союзу противъ желанія своего отца, Рене, номинальнаго короля неаполитанскаго, издали противъ короля грозные манифесты, утверждая, что единственная цѣль ихъ возстанія—покровительствовать народному благосостоянію. Наглость этихъ господъ была тѣмъ поразительнѣе, что король незадолго до того собиралъ ихъ въ Турѣ, гдѣ они высказали неудовольствіе на союзъ Бургундіи и Бретани. Герцогъ Бургундскій письменно отказался послать королю войско, жалуясь, подобно прочимъ принцамъ, на произвольное управленіе короля, который не уважаетъ обычаевъ, замѣщаетъ въ своемъ совѣтѣ принцевъ и вельможъ людьми простаго происхожденія и пренебрегаетъ представленіями дворянства. Далѣе онъ говоритъ, что принцы и вельможи, желая прекратить это зло и сострадая къ бѣдному народу, тѣсно соединились между собой, чтобы принудить короля къ иному образу дѣйствій; причемъ они имѣютъ въ виду единственно его собственную пользу и благо его короны. Въ числѣ другихъ, къ лигѣ принадлежали Дюнуа, Лоакъ и Шабаннь, графъ Даммартенъ. Король имѣлъ надежнаго союзника въ герцогѣ Миланскомъ, Францѣ Сфорца, приславшемъ ему своего сына, Галеаццо Марію. Сфорца, помогая королю противъ союзниковъ, руководствовался собственнымъ интересомъ, такъ какъ ни покойный герцогъ Карлъ Орлеанскій, бывшій однимъ изъ величайшихъ враговъ короля и умершій незадолго до начала войны (1465 г.), ни его сынъ и племянникъ, не признавали его законнымъ владѣтелемъ герцогства Миланскаго; они имѣли притязаніе на это владѣніе, какъ наслѣдники матери Карла, Валентины Висконти. (Т. VIII, стр. 498).

Въ маѣ поднялось противъ короля почти все государство, исключая Ліоннуа, Дофине и Нормандіи. Въ іюлѣ Лудовикъ повелъ

свои войска противъ герцога Бурбонскаго и уже угрожалъ Буржу, какъ вдругъ получилъ извѣстіе, что герцогъ Бретанскій появился у него въ тылу, и что въ то же время старый герцогъ Бургундскій поручилъ своему сыну двинуться на Парижъ съ 26 тысячнымъ войскомъ. Король немедленно выступилъ противъ графа Шароле, занявъ Овернь и Берри отрядомъ войска и поручивъ Галеаццо Маріи покорить владѣнія Ла Форé и Божоле. Между тѣмъ Карлъ Шароле шелъ къ Соммѣ, а герцогъ Бретанскій двигался по Луарѣ, чтобъ соединиться между собою и вмѣстѣ занять Парижъ. Шароле безпрепятственно перешелъ Сомму и Сену, но не могъ овладѣть Парижемъ, такъ какъ встрѣтилъ мужественное сопротивленіе со стороны гражданъ города и не былъ поддержанъ герцогами Бретанскимъ и Беррійскимъ. По словамъ Комина, войско его, въ которомъ батарды играли важную роль — особенно побочные сыновья Филиппа Добраго — было въ плохомъ состояніи, дурно вооружено и еще хуже организовано. Самъ онъ былъ полководецъ неосторожный; притомъ передъ его отправленіемъ въ походъ старый герцогъ подстрекнулъ его безразсудную смѣлость, совѣтуя ему дѣйствовать какъ можно рѣшительнѣе и обѣщавъ въ случаѣ надобности, придти на помощь во главѣ стотысячной арміи. Послѣ неудачи подъ Парижемъ, Карлъ хотѣлъ вернуться, такъ какъ герцоги Бретанскій и Бургундскій не являлись, а Лудовикъ приближался съ сильнымъ войскомъ; но канцлеръ Бретаии удержалъ его, показывая письма, извѣщавшія о скоромъ приближеніи союзниковъ. Они дѣйствительно были уже такъ близко, что Лудовикъ нѣкоторое время не зналъ кого изъ нихъ прежде аттаковать. На военномъ совѣтѣ, собранномъ имъ, большинствомъ голосовъ было рѣшено напасть сперва на бургундцевъ, армія которыхъ, не смотря на сильную и хорошую артиллерію, была далеко не страшна; притомъ французы ненавидѣли ихъ, болѣе чѣмъ бретонцевъ (mais ils dirent tous qu'il valoit mieux tomber sur les Bourgongnons parceque l'ancienne haine d'entre les François et les Bourgongnons estoit plus grande que con-

tre les Bretons). Вслѣдствіе этого 16 іюля 1465 г. между Лудовикомъ и графомъ Шароле произошло сраженіе при Монлёри (въ департаментѣ Сены). Сличая описанія очевидцевъ, Оливье де ла-Марша и Комина, нельзя сказать ничего опредѣленнаго объ этой битвѣ, не смотря на ученыя примѣчанія французовъ къ обоимъ названнымъ авторамъ. Съ этимъ согласенъ Дюкло въ своей знаменитой исторіи Лудовика XI. Поэтому мы не будемъ входить въ подробности, тѣмъ болѣе что описанія сраженій не входятъ въ планъ этого сочиненія. Какъ король, такъ и бургундскій принцъ выказали большую храбрость; Карлъ даже едва не попалъ въ плѣнъ и былъ спасенъ только мужествомъ одного кавалериста, котораго немедленно возвелъ въ рыцари. Побѣда осталась нерѣшенною, и оба главнокомандующіе приписывали ее себѣ: Лудовикъ хвалился тѣмъ, что потеря непріятелей была больше, и что ему удалось выручить Парижъ и вступить въ него побѣдителемъ, Карлъ же тѣмъ, что переночевалъ на полѣ битвы и безпрепятственно отошелъ къ Этампу, гдѣ съ нимъ соединились герцоги Беррійскій и Бретанскій.

Послѣ сраженія при Монлери, армія лиги двинулась къ Парижу; къ ней присоединились бургундскіе кавалерійскіе отряды и войска герцоговъ Бурбонскаго, Немурскаго, Лотарингскаго, и графовъ Арманьяка и д'Альбре. Въ ней особенно отличался дисциплиной и военнымъ навыкомъ пятисотенный отрядъ швейцарцевъ, служившихъ у герцога Лотарингскаго, Іоанна Калабрійскаго. Здѣсь швейцарская пѣхота въ первый разъ пріобрѣла во Франціи значеніе. Кромѣ нея Іоаннъ имѣлъ еще отрядъ воинственныхъ всадниковъ, съ головы до ногъ закованныхъ въ желѣзо и сидѣвшихъ на лошадяхъ, покрытыхъ бронею; конница эта уже давно служила анжуйскому дому въ Италіи. По Комину, сила союзной арміи, собранной подъ Парижемъ, простиралась до 100 тысячь чел.; но вѣроятно это вдвое преувеличено. Окрестности Парижа сильно потерпѣли, такъ какъ обѣ арміи стояли тутъ съ іюля по сентябрь и между ними происходили безпрестанныя стычки. Впрочемъ съ обѣихъ сторонъ

соблюдались порядокъ и дисциплина, за исключеніемъ войскъ графа Арманьяка и герцога Немурскаго, жившихъ грабежемъ. Королевская армія, къ которой присоединилось нормандское ополченіе (arrière ban), храбро отстаивала Парижъ. Лудовикъ вздумалъ вооружить студентовъ, но ректоръ университета, Фише, рѣшительно воспротивился этому, и желаніе короля не осуществилось. Злобный Лудовикъ, такъ часто выдаваемый въ наше время за идеалъ монарха, не забылъ этого, и черезъ нѣсколько лѣтъ ректоръ былъ изгнанъ изъ государства. Однако Лудовикъ во всѣхъ своихъ войнахъ полагался не столько на силу оружія, сколько на свою хитрую политику; поэтому онъ рѣшился сдѣлать уступки, чтобъ впослѣдствіи погубить враговъ порознь. Союзники сами помогли ему въ этомъ; дружба ихъ не могла быть прочна, по несогласію ихъ характеровъ, что обнаружилось уже въ столицѣ, въ разговорѣ герцога Беррійскаго съ графомъ Шароле. Герцогъ кротко и гуманно выразилъ свое сожалѣніе о несчастныхъ жертвахъ междоусобной войны, и возбудилъ этимъ сильное неудовольствіе въ грубомъ и надменномъ Карлѣ, выказавшемъ при этомъ жестокость и эгоизмъ, свойственные подобнымъ людямъ, когда затронутъ ихъ личный интересъ. (Avez vous oui parler cet homme? сказалъ онъ о герцогѣ Беррійскомъ; il se trouve êbahi pour sept à huit cents hommes, qu'il voit par la ville allants blessés, qui ne lui sont rien, ni qu'il ne conoit point, il s'ébahiroit bientôt, si le cas lui touchoit, de quelque chose et seroit homme pour appointer bien légèrement et nous laisser en la fange; et pour les anciennes guerres, qui ont été entre le roi Charles son père, et le duc de Bourgogne mon père, aisément toutes ces deux parties se convertiroient contre nous, par quoi est nécessaire de se pourvoir d'amis).

Рѣшившись прибѣгнуть къ дипломатическимъ хитростямъ, Лудовикъ встрѣтилъ въ графѣ Шароле готовность къ примиренью. Карлъ съ нетерпѣніемъ ждалъ возможности отмстить городамъ Лют-

тиху и Динану за нанесенныя ему оскорбленія. Граждане Люттиха, обнадеженные коварными обѣщаніями Лудовика, объявили Карлу черезъ герольдовъ войну на жизнь и смерть (à feu et sang) и даже сдѣлали попытку напасть на Люксембургъ; жители же Динана, бывшаго въ то время весьма населеннымъ, опустошили графство Намюръ, сдѣлали изъ дерева или соломы чучело, которое назвали графомъ Шароле, и повѣсили съ ругательною надписью передъ воротами Бушеня. (Они написали на чучелѣ, обращаясь къ бургундцамъ: Vées là le fils de votre duc, le faux traitre comte de Charolais, que le roi de France a fait ou fera pendre). Переговоры короля съ союзниками открылись въ Шарантонѣ. Лудовикъ сначала послалъ уполномоченныхъ, но потомъ прибылъ самъ, считая полезнымъ льстить при переговорахъ союзникамъ и унижаться особенно передъ гордымъ графомъ Шароле. Рѣшившись ѣхать, онъ не взялъ заложниковъ, положившись на слово Карла, который былъ слишкомъ рыцарственеиъ, чтобъ нарушить, подобно королю, данное обѣщаніе изъ-за матерьяльныхъ выгодъ. Въ Шарантонѣ онъ вызвалъ Карла на откровенный разговоръ, безъ зазрѣнія совѣсти отрекся отъ всего, что прежде говорилъ черезъ канцлера Морвилье (стр. 141) и сказалъ, что теперь ясно видитъ, что въ жилахъ графа течетъ кровь французскихъ королей. На вопросъ Карла, что значатъ послѣднія слова, онъ отвѣчалъ: „Выслушавъ слова Морвилье, вы велѣли сказать мнѣ черезъ епископа нарбонскаго, что заставите меня до истеченія года раскаяться въ нихъ, и теперь сдержали обѣщаніе, хотя годъ далеко еще не прошелъ. Съ такими людьми я люблю имѣть дѣло". (Vous m'avez tenu promesse, et encore beaucoup plutôt que le bout de l'an; avec telles gens veux je avois à besogner, qui tiennent ce qu'ils promettent tout de suite). Условія союзниковъ были такъ неумѣренны и такъ вредны для государства, что Лудовикъ долго не соглашался принять ихъ. Не только каждый изъ принцевъ и герцоговъ, но и Танги дю-Шатель, Дюнуа, Альбре, Арманьякъ, Даммартенъ, Лоакъ, Бюейль и Сенъ-Поль требовали

себѣ денегъ, имѣній и льготъ въ ущербъ королю и государству. Объ общественномъ благѣ, выдаваемомъ прежде за цѣль союза, не было и рѣчи; потребовали, правда, созванія представителей для преобразованія управленія; но собраніе это дало такіе же результаты, какъ имперскіе сеймы въ Германіи. Среди переговоровъ, Лудовикъ внезапно принялъ рѣшеніе, внушенное ему герцогомъ Миланскимъ и его сыномъ. Эти глубокіе знатоки итальянскихъ вѣроломствъ послали ему сказать, что для уничтоженія союза надо обѣщать теперь все, чего требуютъ; а впослѣдствіи выполнить или отвергнуть договоръ, смотря по тому, что будетъ выгоднѣе. Другими словами, они совѣтовали ему тоже, что у Данте Гвидо Монтефельтро совѣтуетъ папѣ (Lunga promessa, con l'attender corto, ti fera triomfar nell'alto Seggio). Лудовикъ не только послѣдовалъ этому совѣту, но даже превзошелъ его, обѣщавъ союзникамъ больше, чѣмъ они просили. Онъ понималъ, что чѣмъ больше получатъ теперь принцы, тѣмъ охотнѣе народъ подчинится впослѣдствіи его демократической диктатурѣ, чтобъ избавиться отъ ига олигарховъ. Сверхъ того, онъ желалъ отдѣлить отъ союзниковъ графа Шароле, стоявшаго во главѣ обширнаго государства и имѣвшаго достаточно силъ, чтобъ бороться съ королемъ безъ посторонней помощи. Поэтому 5-го октября, онъ заключилъ, съ Карломъ особый договоръ въ Конфланѣ; съ прочими же союзниками онъ примирился не ранѣе 29-го октября въ Сенъ-Морѣ. Готовность, съ которою король соглашался на самыя неумѣренныя требованія, и неудовольствіе, выраженное парламентомъ при внесеніи договора въ протоколы, могли бы показать аристократіи, что ни король, ни народъ, ни парламентъ не допустятъ водворенія такой позорной олигархіи. Но графъ Шароле увлекъ ихъ, и сверхъ того король привлекъ на свою сторону мелкихъ владѣтелей, Дюнуа, Даммартена, Лоака и др., предоставивъ имъ разныя преимущества. Мы укажемъ лишь на нѣкоторыя условія трактата, такъ какъ онъ никогда не былъ выполненъ. Графъ Шароле, названный въ договорѣ братомъ и кузеномъ короля,

выговорилъ себѣ города по Соммѣ, округи (prévotés) Вимё, Вовуази и Фульлуа, города Перонну, Мондидье и Руа и графства Булонь и Гинъ. Братъ короля долженъ былъ не только получить обратно герцогство Беррійское, но и Нормандію съ верховными правами на Бретань и Алансонъ. Герцогъ Калабрійскій пріобрѣлъ прилегавшіе къ его владѣніямъ города Музонъ, Сенъ-Мену, Вокулёръ и Епиналь; сверхъ того, ему былъ обѣщанъ 3-хъ тысячный отрядъ войска, содержимый на счетъ короля и 100 т. червонцевъ наличными деньгами для завоеванія Неаполитанскаго королевства. Герцогъ Бретанскій получалъ графства Етампъ и Монфоръ и намѣстничество Нижней Нормандіи; притомъ король отказывался отъ всякихъ верховныхъ правъ въ Бретани. Герцогу Бурбонскому были обѣщаны владѣніе Уссонъ и часть Оверни; графу Арманьяку возвращены четыре господства, отнятыя у него при Карлѣ VII, по изгнаніи его въ Арагонію (стр. 131). Кромѣ того онъ долженъ былъ получить начальство надъ ротою королевскихъ ординарцевъ и пенсію; герцогу Немурскому было уступлено требуемое имъ губернаторство въ Парижѣ и Иль-де-Франсѣ и дана пенсія; графамъ Дюнуа и Даммартену были возвращены ихъ конфискованныя имѣнія; д'Альбре получилъ помѣстья по сосѣдству съ своими владѣніями; графъ де-Сенъ-Поль былъ возведенъ въ достоинство коннетабля, вакантное со смерти герцога Артура Бретанскаго; Лоакъ былъ сдѣланъ маршаломъ, дю-Бюейль— адмираломъ, а Таннги дю-Шатель — обершталмейстеромъ. Лудовикъ не могъ и не намѣренъ былъ выполнить эти договоры; заключая ихъ, онъ даже не хитрилъ и не скрывалъ своихъ мыслей, а прямо протестовалъ противъ нихъ въ парламентѣ, объявивъ, что они вынуждены силою и потому недѣйствительны (qu'il n'acceptoit une paix si désavantageuse, que contre son courage et volonté par force et contrainte et que pour éviter les inconveniens tant de sa personne que du royaume, qu'il voyait en disposition d'advenir).

Братъ короля, герцогъ Карлъ Беррійскій, первый лишился

всѣхъ выгодъ, полученныхъ по этому договору. Лудовикъ воспользовался споромъ, возникшимъ между нимъ и герцогомъ Бретанскимъ, чтобъ возвратить себѣ Нормандію. Вступивъ въ эту провинцію, онъ увѣрилъ герцога Бретанскаго, что хочетъ отмстить только брату; графъ Шароле былъ въ то время занятъ походомъ противъ Люттиха и Динана; прочіе союзники также не помогли Карлу Беррійскому, такъ что королевскія войска скоро покорили всю Нормандію. Жители были строго наказаны за сопротивленіе; самъ Карлъ бѣжалъ къ герцогу Бретанскому. Съ этой минуты Лудовикъ только и помышлялъ объ отнятіи у вассаловъ всего, уступленнаго имъ по договору. Между тѣмъ могущество Бургундіи возрастало. Динанъ и Люттихъ дорого поплатились за то, что, довѣрясь Лудовику, оскорбили графа Шароле, напавъ на его владѣнія. Помирившись съ королемъ, графъ выступилъ противъ люттихцевъ и смирилъ ихъ. Они обязались платить ежегодно 2 т. гульденовъ, выплатить сверхъ того въ теченіи 6-ти лѣтъ 600 т. гульденовъ, признать навсегда герцоговъ Бургундскихъ своими верховными покровителями и вознаградить своего епископа за всѣ нанесенные ему убытки. Несмотря на эту строгость, они вскорѣ опять возмутились по наущенію Лудовика. Динанцы вторглись въ Намюръ и Геннегау и произвели здѣсь грабежи. Это заставило Карла въ іюлѣ 1466 г., предпринять новый, грозный походъ. Въ августѣ онъ подпустилъ къ Динану и, встрѣтивъ отчаянное сопротивленіе со стороны гражданъ, боявшихся его мести, сталъ обстрѣливать городъ изъ колоссальныхъ орудій. Послѣ осьмидневнаго жестокаго бомбардированія, жители должны были сдаться безусловно. Тогда побѣдитель обошелся съ городомъ такъ, какъ поступалъ въ такихъ случаяхъ татаринъ Тимуръ. Онъ приказалъ срыть городъ и перерѣзать жителей; изъ нихъ 700 были связанны попарно и утоплены въ Маасѣ. Устрашенные люттихцы покорились добровольно. Карлъ простилъ ихъ, но принадлежавшіе имъ города Гюи и Сенъ-Троянъ отдалъ на разграбленіе той части своего войска, которой

ничего не досталось при грабежѣ Динана. Такимъ образомъ Карлъ, еще до вступленія на престолъ, сдѣлался грозою своихъ подданныхъ и слабыхъ сосѣдей; но опустошая свое государство и позволяя своему многочисленному войску, которое не могъ содержать иначе, поступать съ своей страной, какъ съ непріятельской, онъ способствовалъ видамъ Лудовика. 15 іюня 1467 г. умеръ Филиппъ Добрый, котораго еще задолго до смерти разбилъ параличъ; его единственный законный сынъ, Карлъ Смѣлый, наслѣдовалъ все бургундское государство.

3. Карлъ Смѣлый и Лудовикъ XI до вмѣшательства перваго въ германскія дѣла.

Воинственный, заносчивый и неосторожный государь, какъ Карлъ Смѣлый, могъ легко погубить по смерти Филиппа бургундское государство, составленное изъ разнородныхъ провинцій и племенъ. Лудовикъ XI понималъ это лучше, чѣмъ кто либо, и потому держалъ во всѣхъ городахъ агентовъ, которые должны были постоянно возбуждать смуты, пользуясь общимъ неудовольствіемъ на налоги, изобрѣтенные Филиппомъ. Бургундіи недоставало централизаціи, необходимой для успѣшнаго веденія войнъ; къ тому же она не имѣла правильной финансовой системы, и слѣдовательно не могла содержать постояннаго войска, такъ что каждая война была сопряжена съ новыми произвольными налогами и сопровождалась раззореніемъ жителей, отдаваемыхъ на разграбленіе наемнымъ войскамъ, не получавшимъ жалованія и жившимъ грабежемъ. Въ послѣдніе годы царствованія Филиппа, Бургундія испытала и то и другое. Дружины Карла опустошали бургундскія земли наравнѣ съ сосѣдними, а устройство значительной артиллеріи, составлявшей главную силу бургундскаго войска, потребовало большихъ налоговъ, падавшихъ преимущественно на богатыя фландрскія провинціи и возбуждавшихъ такое неудовольствіе, что тотчасъ послѣ смерти Филиппа въ Гентѣ произошли

безпорядки. Могущество Бургундіи объусловливалось миромъ, порядкомъ, бережливостью и соблюденіемъ конституціи, такъ какъ отъ этихъ условій зависило богатство ея главной провинціи—Нидерландовъ. Филиппъ Добрый старался поддержать все это, но Карлъ считалъ это недостаточнымъ. Іоаннъ фонъ Мюллеръ въ исторіи Швейцаріи посвоему описалъ блескъ бургундскаго государства, характеръ Карла Смѣлаго, его богатство, роскошь и королевское великолѣпіе, а изъ Лудовика XI сдѣлалъ втораго Карла Великаго. Намъ не нравится его манера, какъ все напыщенное; потому мы скажемъ объ всемъ этомъ нѣсколько словъ, чтобъ показать, что въ Бургундіи, еще при Филиппѣ, роскошь двора и рыцарей равнялась богатству и умѣренности горожанъ. Войсками большею частью командовали батарды вельможъ (стр. 123), и самъ Филиппъ значительно содѣйствовалъ расположенію этихъ офицеровъ, оставивъ около тридцати незаконныхъ сыновей. Всѣхъ этихъ побочныхъ дѣтей съ ихъ матерями нужно было обезпечить, и потому нельзя не удивляться, что Филиппъ, тратившій въ 2 послѣдніе года множество денегъ на военныя предпріятія Карла, все таки оставилъ огромныя суммы. Послѣ него осталось, 400 т. червонцевъ, 22 т. марокъ серебра и на 2 мил. драгоцѣнностей, кромѣ золотыхъ вещей, жемчуга, драгоцѣнныхъ камней и различныхъ предметовъ роскоши, выставлявшихся на показъ въ торжественныхъ случаяхъ.

Въ послѣднее время Филиппъ Добрый возбудилъ сильное негодованіе въ жителяхъ Гента, установивъ новый налогъ (Caillot или Cueillette), особенно тягостный для небогатыхъ горожанъ. Послѣ его смерти, гентцы надѣялись освободиться отъ налога, такъ какъ постоянно помогали Карлу противъ его отца, имѣвшаго резиденцію въ Брюгге. Но Карлъ, вступивъ послѣ торжественныхъ похоронъ своего отца въ Гентъ для принятія присяги (blyde inkomst, joyeuse entrée), не сдѣлалъ никакихъ распоряженій объ отмѣнѣ налога; тогда въ городѣ вспыхнуло возстаніе. Граждане взялись за оружіе, и новый герцогъ, очутив-

шись плѣнникомъ, былъ принужденъ послѣдовать совѣту рыцарей своей свиты и уступить требованіямъ бунтующей черни. Со злобой въ сердцѣ онъ отмѣнилъ налогъ и освободилъ гентцевъ отъ всѣхъ стѣсненій и униженій, которымъ Филиппъ подвергнулъ городъ послѣ его послѣдняго возстанія. Удача Гента побудила къ возстаніямъ и другіе города. Лудовикъ искусно пользовался затруднительнымъ положеніемъ своего противника. Карлъ Смѣлый былъ героемъ и идеаломъ рыцарства; онъ жилъ еще пышнѣе отца, хотя не берегъ, подобно ему, денегъ и тратилъ огромныя суммы на войска. Тамъ, гдѣ Лудовикъ выигрывалъ хитростью, Карлъ шелъ на проломъ и потому нуждался въ большой вооруженной силѣ. Все это возбуждало безпрестанныя возстанія, начавшіяся съ первыхъ же годовъ его правленія. Совсѣмъ иначе поступалъ Лудовикъ. Онъ жилъ просто, какъ частный человѣкъ, легче переносилъ личныя непріятности ради государственныхъ выгодъ, охотнѣе дѣйствовалъ переговорами, чѣмъ оружіемъ и полагался на безгранично преданныхъ ему парижанъ и вообще на народъ, которому покровительствовалъ въ ущербъ дворянству. Постоянно занятый мыслью о дѣлахъ, онъ искалъ и находилъ нужныхъ ему людей, всюду имѣлъ шпіоновъ и подкупленныхъ агентовъ, всегда умѣлъ перехитрить противниковъ и не сердился, когда его обманывали изъ за выгоды; онъ постоянно разсчитывалъ на продажность и себялюбіе вельможъ, и, разумѣется, обманывался меньше, чѣмъ если бы полагался на ихъ честность. Въ 1466 г., по смерти Франца Сфорцы, онъ возобновилъ союзъ съ его сыномъ, ужаснымъ Галеаццо Маріей, съ которомъ имѣлъ много общаго по характеру. Вскорѣ послѣ гентскаго возстанія онъ возбудилъ противъ Карла Смѣлаго люттихцевъ, постоянно оставался съ ними въ сношеніяхъ, обѣщалъ помощь, но въ минуту опасности оставлялъ на произволъ судьбы. Люттихцы, недовольные Карломъ за отнятіе у нихъ городовъ Сенъ-Трояна и Гюи, напали на эти города, но къ счастію отпустили своего епископа и Имбрекура, взятыхъ при этомъ случаѣ въ плѣнъ. Имбрекуръ убѣ-

дилъ Карла пощадить 300 люттихскихъ заложниковъ, которыхъ герцогъ хотѣлъ казнить. Карлъ собралъ войско около Левена, и хотѣлъ идти на Люттихъ. Горожане, увѣренные, что Лудовикъ поможетъ имъ, начали борьбу. Но политическія соображенія не позволили королю поддержать ихъ: онъ успѣлъ уже отнять у герцога Беррійскаго все, уступленное ему по Сенъ-Морскому трактату, и переманить на свою сторону нѣкоторыхъ членовъ лиги; но опасаясь герцога Бретанскаго, онъ не рѣшался открыто выступить противъ Бургундіи. При этомъ случаѣ онъ доказалъ, что усвоилъ себѣ политику своего союзника, герцога Галеаццо-Маріи Миланскаго. Въ то время какъ его агенты раздували пламя возстанія въ Люттихѣ, онъ послалъ къ Карлу грозное посольство, но въ то же время тайно далъ ему знать, что не будетъ серьезно вступаться за Люттихъ, если ему не помѣшаютъ дѣйствовать противъ Бретани. Коннетабль графъ де Сенъ-Поль, бывшій членъ лиги, но теперь совершенно преданный королю, стоялъ во главѣ посольства, явившагося съ угрозами въ лагеръ Карла; но вмѣстѣ съ нимъ были отправлены кардиналъ ля Балю, посвященный во всѣ интриги короля, и нѣсколько другихъ лицъ, которымъ велѣно было открыть герцогу настоящія намѣренія Лудовика (Toutefois ils offrirent, s'il voulait consentir que le roy peust faire la guerre en Bretagne, que le dit seigneur le laisseroit faire avec les Liègeois). 11 ноября 1467 г. герцогъ Бургундскій двинулся противъ покинутаго королемъ Люттиха и въ третій разъ смирилъ упорныхъ валлонцевъ. Но вскорѣ Лудовикъ опять взволновалъ ихъ.

Города и сословія Брабанта, Геннегау и Фландріи доставляли также не мало хлопотъ Карлу, отстаивая свои права и возставая противъ обременительныхъ налоговъ. Напротивъ того, Лудовикъ съумѣлъ воспользоваться коммиссіею, которую долженъ былъ созвать для совѣщанія о государственныхъ реформахъ; онъ обратилъ ее въ покорное себѣ орудіе, при помощи котораго началъ судебнымъ порядкомъ преслѣдовать аристократію, съ которой иначе

нельзя было справиться. Онъ потребовалъ отъ коммиссіи, чтобъ она высказалась противъ занятія Карломъ Смѣлымъ городовъ въ Пикардіи, особенно Сенъ-Кантена; но Карлъ, конечно, не обратилъ никакого вниманія на ея рѣшеніе. Съ своимъ братомъ, Карломъ Беррійскимъ, король старался войти въ дружелюбныя отношенія, опасаясь союза герцоговъ Бургундскаго и Бретанскаго съ первымъ англійскимъ королемъ Іоркскаго дома, Эдуардомъ IV, о чемъ уже нѣсколько лѣтъ шли переговоры. Этотъ союзъ дѣйствительно состоялся въ концѣ 1467 г., но къ тому времени Лудовикъ успѣлъ обезпечить себя дипломатическимъ путемъ. Карлъ Смѣлый, овдовѣвъ, женился на сестрѣ Эдуарда IV, Маргаритѣ Іоркской. Свадьба была отпразднована съ большимъ торжествомъ въ февралѣ 1468 г. Эдуардъ обѣщалъ прислать союзнику Карла, герцогу Бретанскому, 3 т. стрѣлковъ для вторженія въ Нормандію, съ тѣмъ однако, что всѣ крѣпости, которыя будутъ заняты, останутся за англичанами. Но между тѣмъ Лудовикъ уже успѣлъ отвлечь отъ союзниковъ герцога Бургундскаго и убѣдилъ своего брата, Карла Беррійскаго, отказаться отъ Нормандіи за ежегодную пенсію. Съ этой цѣлью онъ созвалъ, въ апрѣлѣ 1468 г. государственный сеймъ въ Турѣ, имѣвшій довольно демократическій характеръ. Въ немъ участвовали многіе господа, бароны, епископы и депутаты отъ 60 городовъ, по одному духовному и по два свѣтскихъ отъ каждаго, но не было первыхъ перовъ государства. Это собраніе объявило себя противъ герцога Беррійскаго и его защитника, Франциска II Бретанскаго, на томъ основаніи, что Нормандія должна быть нераздѣльна съ короною, и присудило Карлу Беррійскому ренту въ 12 т. ливровъ и 60 т. единовременно. Послѣ того Лудовикъ двинулся съ войскомъ въ Бретань, прежде чѣмъ англійскія подкрѣпленія успѣли прибыть; онъ завладѣлъ всѣми имѣніями Франциска, лежавшими въ коронныхъ владѣніяхъ, и, чтобъ лично оскорбить его, конфисковалъ имѣнія его главной любовницы, Антуанеты де-Меньеле, или, какъ ее называли, дамы де-Виллькье. Пока королевскія войска дѣйствовали въ Бретани и Нормандіи,

Лудовикъ уговаривалъ Карла Смѣлаго продолжить перемиріе. Карлъ, которому было не подъ силу бороться съ дипломатическими интригами короля и его совѣтниковъ, тратилъ деньги, назначенныя для войны, на разныя празднества и явился на Соммѣ только въ сентябрѣ, когда уже было поздно. Лудовикъ успѣлъ заключить съ герцогомъ Бретанскимъ перемиріе, а потомъ, при содѣйствіи герцога Калабрійскаго, былъ заключенъ въ Ансенни миръ, ратификованный герцогомъ Францискомъ. Герцогъ Беррійскій также согласился на него по совѣту своего любимца, Оде д'Эди де-Лекена. Миръ этотъ былъ однимъ изъ самыхъ удачныхъ маневровъ политики Лудовика; онъ сталъ полнымъ господиномъ въ государствѣ и сыгралъ плохую штуку съ герцогомъ Бургундскимъ. Карлъ Беррійскій совершенно примирился съ братомъ, принялъ назначенныя ему деньги и согласился въ теченіе года выполнить всѣ дальнѣйшія требованія при посредничествѣ герцога Калабрійскаго и конветабля графа де Сенъ-Поля. Однако онъ не вполнѣ вѣрилъ брату и остался въ Бретани.

По просьбѣ короля герцогъ Бретанскій послалъ копію съ мирнаго договора Карлу Смѣлому, уже приближавшемуся съ войскомъ къ Соммѣ. Онъ сначала принялъ это за военную хитрость Лудовика, такъ какъ одною изъ главныхъ статей было отступленіе герцоговъ Беррійскаго и Бретанскаго отъ союза съ Бургундіей; поэтому онъ велѣлъ арестовать бретанскаго герольда, который привезъ ему это извѣстіе; но когда оно подтвердилось *), Карлъ согласился вступить въ переговоры, которые ни къ чему не привели, такъ какъ королевскіе коммиссары ссылались на помянутый приговоръ государственной преобразовательной коммиссіи, а герцогъ не хотѣлъ о немъ и слышать. Онъ былъ до того упрямъ,

*) Bien fort esbahi fut le duc de Bourgogne de ces nouvelles veu qu'il ne s'estoit mis aux champs que pour secourir les dits ducs, et fut en très grand danger le dit heraut, et cuida le duc, pourcequ'il (герольдъ) éstoit passé par le roy, qu'il eut contrefait les lettres; toute fois il eut de semblables lettres par ailleurs.

что во время переговоровъ велѣлъ собрать войска; тогда и королевскій генералъ, графъ Даммартенъ, потерявъ терпѣніе, приказалъ своимъ войскамъ также выступать. Но король Лудовикъ, гораздо болѣе терпѣливый и менѣе щепетильный въ дѣлахъ чести, предложилъ Карлу 120 т. червонцевъ и даже, что совершенно непонятно, отдался въ руки своему злѣйшему врагу. Онъ предложилъ герцогу свиданіе въ Перонне, между тѣмъ какъ агенты его подговаривали люттихцевъ произвести диверсію въ тылу у Карла. Карлъ былъ крайне удивленъ намѣреніемъ короля; однако онъ написалъ ему собственноручно пригласительное письмо, обѣщая дружелюбный пріемъ и полную безопасность. Тогда Лудовикъ отправился въ Перонну, взявъ съ собою всего сто человѣкъ свиты, и былъ принятъ Карломъ съ большими почестями. Говорятъ, будто этотъ рискованный поступокъ былъ внушенъ ему коварнымъ кардиналомъ ля-Балю, заранѣе условившимся вовсемъ съ Карломъ, и слѣдовательно измѣннически завлекавшимъ короля въ западню.

Перонскій замокъ былъ тѣсенъ и неудобенъ, потому Лудовику отвели весьма приличное помѣщеніе въ городѣ. Но онъ не считалъ себя здѣсь въ безопасности, такъ какъ въ свитѣ Карла примѣтилъ многихъ враждебныхъ себѣ нѣмецкихъ и французскихъ дворянъ и между прочимъ своихъ смертельныхъ враговъ, трехъ братьевъ: Филиппа Савойскаго, Франциска Савойскаго, епископа Женевскаго и Іакова Савойскаго, графа Ромона. Это побудило его переѣхать въ замокъ. Вслѣдъ затѣмъ въ Перонне было получено извѣстіе о возстаніи въ Люттихѣ. Двѣ тысячи горожанъ сдѣлали нападеніе на Тонгернъ, взяли въ плѣнъ епископа, канониковъ и Имбрекура, увели ихъ въ Люттихъ, убили въ глазахъ епископа архидіякона Роберта Мормеза и каннибальски растерзали его трупъ. Карлъ Смѣлый и его совѣтники слишкомъ хорошо знали характеръ и политику Лудовика, чтобъ не угадать, что это было его дѣло. Къ тому же бѣжавшіе тонгерицы увѣряли, что видѣли между люттихцами французскихъ

агентовъ. Герцогъ пришелъ въ неописанную ярость. Обвиняя во всемъ короля, онъ немедленно велѣлъ запереть ворота въ городѣ и въ замкѣ. Лудовику пришлось бы очень плохо, если бы каммергеръ Карла, историкъ Филиппъ де-Коминъ, не удержалъ герцога. По его словамъ, по счастью при герцогѣ въ первую минуту его гнѣва не было никого, кромѣ его самого и двухъ каммердинеровъ, которымъ удалось успокоить Карла. (Avec moy n'y avoit à ces paroles que deux valets de chambre, l'un appelé Charles de Visen, natif de Dijon, homme honneste et qui avoit grand crédit avec son maistre. Nous n'aigrimes rien, nous adoucismes à notre pouvoir). Вмѣстѣ съ тѣмъ, Коминъ присовѣтовалъ Лудовику немедленно принять всѣ условія, какихъ требовалъ Карлъ, потому что ярость герцога доходитъ до бѣшенства. Плѣнному королю былъ предложенъ договоръ, который онъ принялъ не колеблясь тѣмъ болѣе, что выполненіе зависѣло отъ него. 14-го октября онъ подписалъ всѣ условія, какихъ грозно требовалъ надменный герцогъ; онъ не только подтвердилъ договоры Аррасскій и Конфланскій (стр. 83 и 148), но согласился сверхъ того на то, чтобъ зависимость Бургундіи отъ Франціи ограничивалась пустой формальностью ленныхъ отношеній по нѣкоторымъ провинціямъ; такимъ образомъ французскіе парламенты потеряли вліяніе на судопроизводство во Фландріи. Мы неосуждаемъ Лудовика, подобно его біографу Дюкло, за то, что онъ не считалъ себя связаннымъ этимъ договоромъ; по нашему мнѣнію заключенный подобнымъ образомъ договоръ столь же мало обязателенъ, какъ обѣщаніе, данное на большой дорогѣ разбойникамъ. Но два обстоятельства бросаютъ невыгодную тѣнь на характеръ и дѣйствія короля. Впрочемъ онъ не только пожертвовалъ люттихцами, возбужденными его же агентами, но даже согласился сопровождать Карла въ походѣ противъ нихъ, хотя они выставили французскія знамена. Сверхъ того самъ Коминъ, хлопотавшій въ Перонне о томъ, чтобъ выручить изъ бѣды Лудовика, но возбудивъ противъ себя гнѣвъ Карла, и вообще одобрявшій

его политику, долженъ сознаться, что, предлагая герцогу оставить у него заложниковъ, король, по всей вѣроятности, думалъ пожертвовать ими (ceux qu'il nomma s'offrirent hautement, je ne sçais s'ils disoient ainsi à part, je me doute que non et à la verité je crois qu'il les y eust laisséz). Черезъ недѣлю по заключеніи договора (22-го октября) Карлъ, въ сопровожденіи Лудовика, стоялъ подъ Люттихомъ, и 30-го числа король былъ принужденъ присутствовать при штурмѣ и разграбленіи города и видѣть всѣ возмутительныя звѣрства, совершенныя бургундскими полчищами. Только 2-го ноября онъ получилъ позволеніе вернуться во Францію и могъ вздохнуть свободнѣе.

По возвращеніи, онъ счелъ выгоднымъ на первое время выполнить договоръ и удовлетворить герцога Беррійскаго и другихъ союзниковъ Карла. Поэтому онъ велѣлъ парламенту занести договоръ въ свои протоколы, щедро одарилъ присланное Карломъ посольство, отмѣнилъ приговоры французскихъ государственныхъ судовъ противъ герцога Бретанскаго и его подданныхъ, возвратилъ конфискованныя имѣнія и пожаловалъ герцогу Бурбонскому, коннетаблю графу Сенъ-Полю и де-Круа земли и пенсіи. Искусно пользуясь обстоятельствами, онъ давалъ имъ выгодный для себя оборотъ, между тѣмъ какъ его безпокойный, горячій противникъ, помышлявшій только о войнѣ и завоеваніяхъ, завелъ переговоры съ пріѣхавшимъ въ Нидерланды эрцгерцогомъ Сигизмундомъ Тирольскимъ. Переговоры эти не только не сдѣлали его, какъ онъ надѣялся, могущественнымъ государемъ, но впослѣдствіи послужили къ его погибели. Лудовикъ помирился съ братомъ только осенью 1469 г. Примиренію ихъ препятствовалъ довѣреннѣйшій министръ короля, кардиналъ де-ля-Балю, вмѣстѣ съ епископомъ верденскимъ передававшій Карлу всѣ королевскія тайны. Осенью 1469 г. измѣна ихъ обнаружилась и была строго наказана: король велѣлъ посадить обоихъ прелатовъ въ желѣзныя клѣтки, гдѣ ихъ продержали десять лѣтъ. Вообще Лудовикъ приближалъ къ себѣ только людей испытанной хитрости и ловко-

сти и готовыхъ на всякое дѣло безъ малѣйшаго угрызенія совѣсти. Онъ никогда не подчинялся своимъ приближеннымъ, которыхъ считалъ лишь своими орудіями, и, не задумываясь, уничтожалъ ихъ, какъ скоро они переставали служить его видамъ. Къ такимъ людямъ принадлежали казначей его отца, Жакъ Керъ, жестоко поплатившійся при Карлѣ VII за сношенія съ Лудовикомъ или, скорѣе, за свое огромное богатство (стр. 115), кардиналъ де-ля-Балю и многіе другіе, которыхъ онъ впослѣдствіи подвергъ безчеловѣчнымъ мукамъ. Примиренію короля съ братомъ содѣйствовалъ Оде д'Эди де Лекенъ, бывшій сперва врагомъ Лудовика. Онъ убѣдилъ герцога Беррійскаго принять вмѣсто Нормандіи Гіэнь. Вмѣстѣ съ тѣмъ новый герцогъ Гіэньскій долженъ былъ дать клятвенное и письменное обязательство, что никогда не женится на наслѣдницѣ Карла Смѣлаго и даже не будетъ говорить королю объ этомъ бракѣ: изъ этого можно видѣть до какой степени Лудовикъ опасался герцога Бургундскаго. Однако братъ его и по заключеніи этого договора оставался въ сношеніяхъ съ Карломъ и вскорѣ переслалъ ему тайкомъ записку, уговаривая не упускать изъ виду Франціи изъ за Нидерландъ (mettez peine de contentez vos sujets et ne vous souciez; car vous ne manquerez d'amis). Около того же времени Лудовикъ наказалъ за неповиновеніе установленному имъ порядку одного изъ тѣхъ негодяевъ, съ которыми былъ закадычнымъ другомъ, пока имѣлъ въ нихъ нужду. Это былъ графъ Арманьякъ, выгнанный изъ Франціи при Карлѣ VII (стр. 131). Лудовикъ простилъ ему бракъ съ родной сестрою, позволилъ вернуться во Францію и возвратилъ конфискованныя владѣнія. Но по возвращеніи своемъ графъ сдѣлался разбойничьимъ атаманомъ, собралъ 1500 жандармовъ, хозяйничалъ съ ними по своему на всемъ югѣ и даже, говорятъ, предлагалъ помощь Англіи для вторженія въ Гіэнь. Лудовикъ, прибѣгавшій къ оружію только тамъ, гдѣ ничего нельзя было сдѣлать хитростью и деньгами, предложилъ графу 10 тысячъ ливровъ за распущеніе жандармовъ, но, видя, что онъ продол-

жаетъ разбойничать, принесъ по своему обыкновенію жалобу тулузскому парламенту. Когда Арманьякъ не подчинился приговору этого парламента, противъ него было послано сильное войско подъ начальствомъ графа Даммартена; онъ бѣжалъ, былъ объявленъ парламентомъ государственнымъ измѣнникомъ и приговоренъ къ казни и лишенію владѣній. Лудовикъ роздалъ конфискованныя земли его Даммартену и его подчиненнымъ. Затѣмъ Даммартенъ двинулся противъ герцога Немурскаго, помогавшаго Арманьяку и обвиненному королемъ въ оскорбленіи величества. По просьбѣ Даммартена онъ былъ прощенъ, но подъ унизительными условіями.

Въ началѣ 1470 г. Лудовикъ повидимому хотѣлъ напасть сперва на герцога Бретанскаго, а потомъ на Карла Смѣлаго. Но когда оба герцога выступили съ войсками, онъ струсилъ и заключилъ договоръ въ Анжерѣ, подтверждавшій ансеннійскій трактатъ. Для дѣйствій противъ Бургундіи 1470 годъ обѣщалъ быть весьма благопріятнымъ. Въ Англіи ланкастерская партія, поддерживаемая Лудовикомъ деньгами и интригами, грозила свергнуть съ престола шурина Карла Смѣлаго, короля Эдуарда IV, такъ что все вниманіе герцога Бургундскаго было обращено на Англію. Когда, осенью, Эдуардъ лишился престола и бѣжалъ въ Нидерланды, Карлъ собралъ значительное войско, чтобъ въ началѣ слѣдующаго года возстановить его власть. Въ 1470 году Лудовикъ лишилъ Карла помощи швейцарцевъ. Онъ весьма милостиво принялъ посольство союза, и самъ отправилъ къ нему двухъ пословъ; съ Швейцаріей былъ заключенъ договоръ, по которому обѣ стороны обязывались не помогать герцогу Бургундскому. Этотъ вначалѣ неважный договоръ далъ поводъ къ сношеніямъ Франціи съ Швейцаріей, имѣвшимъ большое значеніе для обоихъ государствъ. Въ томъ же еще году Лудовикъ сосредоточилъ войска въ Пикардіи и началъ интриговать противъ перонскаго трактата, о которомъ до тѣхъ поръ молчалъ. Сначала онъ дѣйствовалъ противъ него письменно, утверждая, что онъ со-

стоялся по кознямъ кардинала де-ля-Балю и герцога Бургундскаго. Затѣмъ онъ обратилъ противъ него парламентъ, который уже въ самомъ началѣ отказывался утвердить его, какъ несогласный съ основными государственными законами и потому недѣйствительный. Теперь парламентъ сталъ прямо отправлять судопроизводство, отнятое у него договоромъ, принималъ аппелляціи на рѣшеніе фландрскихъ судовъ и послалъ своего пристава потребовать къ суду нѣсколькихъ фламандцевъ. Это привело Карла въ такую ярость, что онъ посадилъ пристава въ тюрьму. Парламентъ отправилъ президентовъ, чтобъ составить судебный актъ объ этомъ насиліи, но Карлъ арестовалъ и ихъ, и до тѣхъ поръ держалъ въ заключеніи, пока они не отказались отъ своего порученія. Съ фламандцами, аппеллировавшими парламенту или хотѣвшими явиться по его вызову, онъ поступилъ еще хуже. Они были заключены въ тюрьму, приговорены къ смерти и казнены публично. Король отвѣчалъ на эти произвольные поступки законными мѣрами, разрѣшивъ парламенту конфисковать лены Вимё, Фульлуа и Бовуази, по которымъ Карлъ присягалъ Франціи. Раздраженный этимъ, Карлъ протестовалъ въ письмахъ королю и парламенту но, получивъ неудовлетворительные отвѣты, обратился къ герцогамъ Бретанскому и Лотарингскому, гарантировавшимъ перонскій трактатъ. Но такъ какъ и король съ своей стороны искалъ помощи принцевъ, то между аристократіей снова завелись интриги, прекращенныя коннетаблемъ, который убѣдилъ короля рѣшить споръ оружіемъ. Однако Лудовикъ и тутъ хотѣлъ показать, что держится законнаго порядка. Онъ собралъ въ Туръ значительное число лицъ разныхъ сословій и, назвавъ это собраніе государственнымъ сеймомъ, предложилъ ему обсудить перонскій договоръ (въ ноябрѣ 1470 г.). Этотъ, такъ называемый, сеймъ не только постановилъ все, чего желалъ король, но на основаніи цѣлаго ряда обвиненій объявилъ Карла виновнымъ въ оскорбленіи величества. Затѣмъ парижскій парламентъ былъ уполномоченъ начать противъ герцога процессъ и

послалъ въ Гентъ пристава потребовать его къ суду. Карлъ былъ до того взбѣшенъ, что ничего не отвѣтилъ посланному, а только свирѣпо взглянулъ на него, велѣлъ его заковать и чрезъ нѣсколько дней отправилъ назадъ, не удостоивъ ни однимъ словомъ.

Онъ подвергся бы тогда внезапному нападенію, если бъ герцогъ Бурбонскій не предупредилъ его о походѣ противъ него королевскихъ войскъ. Въ то же время онъ узналъ, что король намѣренъ отравить его. Лудовикъ, видя неудачу обоихъ покушеній, остался вѣренъ себѣ, не начавъ тотчасъ же войны, а поручивъ своему полководцу, Даммартену, личному врагу Карла, вредить ему всѣми способами. Даммартенъ, опираясь на парламентскія рѣшенія, старался организовать въ городахъ французскую партію и привлечь на свою сторону бургундскихъ вассаловъ, обязанныхъ защищать города; затѣмъ войска его, собранныя въ Пикардіи, дѣлали на города нападенія и взяли Сен-Кантенъ, Мондидье и Руа. При Аббвиллѣ онъ потерпѣлъ неудачу, потому что бургундскій отрядъ ворвался въ городъ въ ту самую минуту, какъ французская партія хотѣла передать его королевскимъ войскамъ; но это вторженіе возбудило неудовольствіе въ другихъ городахъ и заставило ихъ принять мѣры къ огражденію своей муниципальной свободы. Вслѣдъ за тѣмъ, Амьенъ завелъ переговоры съ королевскимъ полководцемъ, и въ то же время, по коварному совѣту его, отправилъ къ Карлу уполномоченныхъ съ заявленіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ. Они завели переговоры съ герцогомъ, а тѣмъ временемъ Даммартенъ, успѣвъ собрать 2 т. человѣкъ, занялъ городъ. Взбѣшенный герцогъ написалъ ему неслыханно грубое письмо, но онъ отвѣтилъ такимъ же тономъ и даже въ самомъ адресѣ постарался оскорбить надменнѣйшаго государя того времени (Antoine de Chabannes, comte de Dammartin, grand maitre de l'hotel de France et lieutenant pour le roi en sa ville de Beauvais à Monsieur de Bourgogne). Карлъ отвелъ свое войско къ Аррасу, не желая начинать войны, прежде чѣмъ поможетъ зятю овладѣть англійскимъ

престоломъ. Успѣвъ въ этомъ, онъ собралъ громадное для того времени войско, простиравшееся, по словамъ современниковъ, до восьмидесяти тысячь человѣкъ. Осторожный и боязливый король Лудовикъ былъ сперва очень недоволенъ своимъ генераломъ, который, перейдя Сомму, двинулся противъ бургундцевъ. Король трепеталъ, не получая въ теченіи трехъ дней никакихъ извѣстій изъ арміи, и выразилъ это весьма характеристично въ письмѣ къ адмиралу Бурбонскому, стоявшему съ войскомъ невдалекѣ *). Впрочемъ онъ снова ободрился, получивъ отъ Даммартена увѣдомленіе, что, хотя бургундское войско многочисленно, но не все золото, что блеститъ.

Принявъ лично начальство надъ войскомъ, Лудовикъ прежде всего старался побудить бургундскія города отпасть отъ герцога. Съ этою цѣлью онъ обѣщалъ имъ такія льготы, что парламенты, полагавшіе, что король намѣренъ сдержать обѣщанія, дѣлали ему противъ нихъ серьезныя представленія. Но вассалы, сопровождавшіе короля, особенно братъ его Карлъ Гіэнскій, отлично понимали его настоящія намѣренія и совѣтовали смѣлому герцогу Бургундскому быстро двинуться впередъ. Тогда Карлъ напалъ на городъ Пекиньи, перешелъ по тамошнему мосту черезъ Сомму и, предоставивъ всю мѣстность позади себя въ жертву непріятелю, осадилъ Амьенъ. Это было въ высшей степени безразсудно, потому что коннетабль опустошалъ его владѣнія съ одной стороны, Даммартенъ съ другой, передъ нимъ былъ хорошо укрѣпленный городъ съ сильнымъ гарнизоновъ, а позади королевское войско, сильно тѣснившее его, но избѣгавшее рѣши-

*) Mon fils, писалъ онъ, je ne vis onc si haute follie que celle qu'a faite Dammartin en faisant passer la rivière aux gens qu'il a, ou mieux courir au grand déshonneur ou grand dommage. Je vous prie envoyez y quelques gens pour sçavoir, comment il s'y gouverne, et m'en faites sçavoir des nouvelles deux ou trois fois le jour; car je suis en grande malaise, doutant que le grand maitre n'ait fait du hardi Merdoux, et si dieu ne le sauve et Notre Dame et sa compagnie, qu'il ne se perdent par leur défaut.

Digitized by Google

тельнаго сраженія. Въ то же время французы раззоряли бургундскія графства Шароле и Маконъ. Къ счастію герцога, его зять, Эдуардъ IV успѣлъ въ это время завоевать свое королевство. Карлъ воспользовался этимъ и завелъ переговоры о перемиріи. Лудовикъ охотно желалъ заключить миръ, опасаясь, чтобы герцогъ не получилъ помощи изъ Англіи; къ тому же Карлъ Смѣлый неопровержимо доказалъ ему, что онъ не можетъ разсчитывать на вѣрность герцоговъ Бретанскаго и Гіэньскаго. 4 апрѣля 1471 было заключено въ Амьенѣ трехмѣсячное перемиріе, продолженное потомъ до 1 мая 1472 г.; между тѣмъ шли переговоры о мирѣ. Перемиріе было распространено на вассаловъ и союзниковъ обѣихъ сторонъ, которые будутъ поименованы до истеченія 8 дней. Охранителями (conservateurs) мира были назначены не иностранцы, какъ обыкновенно водилось, а вассалы короля и герцога: съ королевской стороны Даммартенъ, Муи, дю Шатель и Шательякъ, со стороны герцога—Равештейнъ, де-Кердъ, д'Имбрекуръ и Ротленъ. Вассалы и подданные короля смѣялись надъ нимъ за это перемиріе, не зная причины, побудившей его къ нему. Герцогъ Бретанскій даже ругалъ его трусомъ (le roi couard), а въ Парижѣ его встрѣтили также, какъ по возвращеніи изъ подъ Люттиха послѣ перонисскаго свиданія, когда на его счетъ сочиняли и пѣли забавныя пѣсни и учили попугаевъ и сорокъ кричать: „Перонна!" Но Лудовикъ былъ слишкомъ хорошій дипломатъ, чтобъ обращать вниманіе на подобныя вещи. Для него важнѣе всего было пріобрѣсти дружбу народа, особенно парижанъ; поэтому онъ не мѣшалъ имъ пѣть, отправился по возвращеніи въ Парижъ въ ратушу, посѣтилъ многихъ почетныхъ обывателей, собственноручно зажегъ въ Ивановъ день потѣшные огни и, такимъ образомъ, снова привлекъ къ себѣ жителей, не смотря на всѣ усилія дворянства, возбудить противъ него ихъ ненависть.

Герцогъ Бургундскій не нарушилъ амьенскій договоръ, не смотря на то, что въ теченіи трехмѣсячнаго срока обстоятель-

ства совершенно измѣнились. Его зять Эдуардъ IV низвергнулъ съ престола союзника Лудовика XI, Генриха VI, такъ что французскій король, разсчитывавшій прежде на 10 т. англійскихъ стрѣлковъ, могъ теперь опасаться, что Англія будетъ всѣми силами поддерживать его противника. При этомъ Лудовикъ показалъ себя глубокимъ политикомъ и сдѣлалъ больше нынѣшнихъ дипломатовъ, которые способны только на софизмы. Преслѣдуя свои цѣли, онъ, не задумываясь, жертвовалъ мелочами. Когда герцогъ Бургундскій началъ настаивать на очищеніи нѣсколькихъ крѣпостей, онъ немедленно исполнилъ требованіе, считая невыгоднымъ при тогдашнихъ обстоятельствахъ возобновлять войну. Впрочемъ, обѣ стороны не переставали наблюдать другъ за другомъ и вели кабинетную войну со всѣми изворотами и кознями итальянскихъ интригъ. Менѣе всего король довѣрялъ своему брату, Карлу Гіэньскому, который продолжалъ тайно интриговать съ Карломъ Смѣлымъ и не разрывалъ открытаго союза съ Бретанью. Чтобъ разрушить постоянно возобновленный имъ планъ женитьбы на Маріи Бургундскій, Лудовикъ придумалъ женить его на кастильской принцессѣ; но переговоры начатые съ Кастиліей рушились вслѣдствіе различныхъ препятствій. Герцогъ Гіэньскій между тѣмъ втайнѣ преслѣдовалъ свой планъ. Окруженный королевскими шпіонами, опутавшими его цѣлою сѣтью интригъ, онъ, по совѣту де-Лекена, рѣшился обмануть брата проектомъ новаго брака, о которомъ въ сущности и не думалъ, но который былъ бы не менѣе непріятенъ королю. Продолжая вести переговоры съ Бургундіей, онъ сдѣлалъ видъ, что хочетъ искать руки младшей дочери графа Фуа. Это поставило короля въ большое затрудненіе. Кромѣ Фуа, Бигорра и Беарни дѣти графа де Фуа должны были наслѣдовать Наварру, а одна изъ его дочерей была замужемъ за герцогомъ Бретанскимъ, такъ что въ случаѣ женитьбы Карла Гіэньскаго на другой, весь юго-западъ Франціи былъ бы соединенъ тройственнымъ союзамъ противъ короля. Лудовикъ не могъ допустить этого, потому что постоянно стремился утвер-

дить единство правительства и государства. Но ему не ловко было открыто противиться этому браку, и было необходимо развернуть всѣ тонкости итальянской политики и пустить въ ходъ всѣхъ своихъ безчестныхъ и коварныхъ клевретовъ. Между ними занималъ почетное мѣсто нѣкто дю-Бушажъ, которому были поручены переговоры съ герцогомъ Гіэньскимъ. Король писалъ ему, чтобъ онъ всячески старался разстроить бракъ, дѣлая однако видъ, что самъ король ничего не имѣетъ противъ этого. (Mettez y, писалъ онъ, tous vous cinq sens de nature, si vous venez à bout de ce point, vous me mettrez en paradis). Но на этотъ разъ Лудовикъ, думая обмануть другихъ, самъ попался въ обманъ; братъ его не прерывалъ переговоровъ о Маріи Бургундской, не смотря на то, что король предлагалъ ему свою дочь, Анну, уже помолвленную за Николая Лотарингскаго. Вскорѣ герцогъ Гіэньскій опасно захворалъ. Лудовикъ не посовѣстился подослать къ нему отравителя или, по крайней мѣрѣ, войти въ сношенія съ однимъ гнуснымъ монахомъ, злоупотреблявшимъ довѣріемъ герцога. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ предложилъ самыя выгодныя условія Карлу Смѣлому, если онъ пожертвуетъ герцогами Гіэньскимъ и Бретанскимъ. Болѣзнь брата весьма радовала его, что онъ ясно выразилъ въ письмѣ къ Даммартену: (J'ai eu nouvelles que Mr de Guyenne se meurt, et qu'il n'y a point de remède en son fait, et me le fait sçavoir un de ses plus privés, qu'il aît avez lui par homme exprès, et ne croit pas ainsi qu'il dit, qu'il soit vife à quinze jours d'ici celui qui me mande cela est le moine, qui dit ses heures avec Mr de Guyenne). Настоятельныя требованія герцога Бургундскаго побудили его обратить перемиріе въ миръ, который былъ заключенъ 3 октября 1471 г. въ Кротуа; Лудовикъ возвратилъ Карлу Амьень, Сенъ-Кантенъ, Руа и Мондидье и обязался не вступаться за коннетабля Сенъ-Поля и герцога де Невéра. Однако король до тѣхъ поръ медлилъ утвердить договоръ, пока не умеръ (24 мая 1472 года) герцогъ Гіэньскій, что весьма обрадовало

его, потому что теперь о подобномъ мирѣ не могло быть и рѣчи.

Но Карлъ слишкомъ хорошо зналъ своего противника, чтобъ довѣрять ему, и еще до смерти герцога Гіеньскаго сталъ готовиться къ войнѣ, хотя перемиріе было продолжено до 14 іюня 1472 г. Страхъ, произведенный вторженіемъ французовъ въ 1472 г. въ богатыя Нидерланды, помогъ ему склонить нидерландцевъ платить постоянный налогъ вмѣсто прежнихъ податей, налагавшихся на срокъ и лишь при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Карлъ воспользовался этими деньгами, предназначенными для защиты границъ, чтобъ увеличить свою армію, при помощи который онъ надѣялся выполнить свои завоевательные замыслы. Увеличивая постепенно налогъ, онъ получилъ возможность тратить ежегодно на войско полмилліона червонцевъ. Конечно это порождало сильное неудовольствіе и волненіе въ Зеландіи, Голландіи и Фландріи. Въ 1475 г. бургундское войско, постоянно увеличиваемое съ 1472 г., состояло изъ 2,200 чел. конницы, изъ которыхъ каждый имѣлъ оруженосца, конюха и 8 тяжеловооруженныхъ пѣхотинцевъ, изъ 4000 стрѣлковъ, 600 мушкетеровъ, 600 артиллеристовъ, всего слѣдовательно 20,000 чел. Къ этому надо прибавить городскія милиціи и англійскихъ и итальянскихъ наемниковъ. Артиллерія состояла изъ 300 пушекъ и 2000 пороховыхъ ящиковъ.

Едва умеръ герцогъ Гіэньскій, какъ король Лудовикъ занялъ Гіэнь войсками, которыя давно держалъ наготовѣ; онъ присоединилъ герцогство къ короннымъ землямъ и назначилъ туда своего губернатора; онъ уже хотѣлъ двинуться съ 50 т. арміей въ Бретань, когда Карлъ Смѣлый вступилъ, до истеченія перемирія, въ Пикардію и Нормандію. Походъ былъ неудаченъ съ самаго начала, хотя королевскія силы были заняты въ Бретани; поэтому Карлу не слѣдовало бы полагаться на многочисленность своего войска. При нападеніи на Бове, бургундцы потерпѣли неудачу; Руанъ также не испугался ихъ, хотя они подступили къ нему въ числѣ 80,000 человѣкъ. За то они совершали страшныя опу-

стошенія на походѣ, жгли, грабили и раззоряли неукрѣпленныя мѣста и навели такой ужасъ, что Карла прозвали Ужаснымъ. Впрочемъ сами бургундцы страдали отъ него и ненавидѣли его столько же, сколько французы. Пока онъ опустошалъ Нормандію, французскіе гарнизоны Амьена и Сенъ-Кантена раззоряли Нидерланды; старшій сынъ коннетабля, графъ Русси, жегъ бургундскіе города и деревни до Тоннера, Жуаньи, Труа и Лангра, а дофинъ Оверискій, по приказанію короля, опустошалъ Франшъ-Конте. Въ сентябрѣ громкія жалобы подданныхъ, недостатокъ продовольствія, быстро уничтожавшій армію, и желаніе отмстить коннетаблю, заставили Карла отступить.

Однако его походъ былъ полезенъ герцогу Бретанскому. Осторожный Лудовикъ, услышавъ о наступленіи бургундцевъ и узнавъ о заключеніи между герцогомъ Бретанскимъ и англійскимъ королемъ оборонительнаго и наступательнаго союза, поспѣшилъ заключить съ Бретанью перемиріе на годъ. Карлъ также заключилъ 3-го ноября 1472 г. пятимѣсячное перемиріе, по которому все осталось по старому. Тогда всякій могъ видѣть, что хитрый, вкрадчивый, коварный Лудовикъ низвергнетъ своего гордаго, запальчиваго противника, не имѣвшаго понятія объ осторожности и политикѣ. Лучше всѣхъ понималъ это превосходный историкъ того времени Филиппъ де Коминъ. Хитрый политикъ и дипломатъ, не считавшій нужнымъ быть особенно честнымъ, онъ состоялъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ Лудовикомъ еще со времени перонинскаго трактата. Король всѣми средствами старался привлекать къ себѣ такихъ людей; Карлъ же, напротивъ, оскорблялъ и отталкивалъ ихъ; поэтому Филиппъ, предвидя гибель герцога, совершенно перешелъ въ королевскую службу. Однако виды Карла были весьма обширны. По заключеніи послѣдняго перемирія, онъ занялъ Гельдернъ, овладѣлъ всею страною до Ахена и Меца и началъ хлопотать о созданіи Бургундскаго королевства. При этомъ онъ разсчитывалъ на ученаго, но совершенно неспособнаго къ дѣламъ императора Фридриха III. Потому намъ

необходимо обратиться къ тогдашнему состоянію Германіи, причемъ мы будемъ касаться частной исторіи безчисленныхъ владѣній, на которыя съ половины XIV столѣтія раздѣлилась Германія, лишь на столько, на сколько будетъ нужно для уразумѣнія общаго хода дѣлъ.

Внутреннее состояніе Германской имперіи при Фридрихѣ III.

Внутреннее положеніе Германской имперіи было въ сущности не такъ дурно, какъ могло показаться съ перваго взгляда. Правда, Фридрихъ III жертвовалъ для папы интересами отечества и религіи, за что получилъ освященную розу и императорскую корону (т. IX, стр. 265 и 266.). Но съ другой стороны, города, промышленность, искусства, торговля, ремесла достигли въ это же время высшей степени процвѣтанія, и Германія снабжала своими произведеніями и издѣліями сѣверную и восточную Европу и даже внутреннюю Россію. Конечно, князья, рыцари, господа, словомъ та часть націи, которая была вооружена и сражалась на коняхъ, обращалась съ безоружными, какъ арабы, туркмены, курды или африканскія племена. Они считали своей добычею всѣхъ, которые были слабѣе или попадались имъ на большихъ дорогахъ; они грабили ихъ или заставляли откупаться. Но горожане были защищены крѣпкими стѣнами и при хорошихъ предводителяхъ могли тягаться съ рыцарями въ полѣ. Они имѣли артиллерію и легкія войска, тогда какъ у рыцарей, не знавшихъ тактики и стратегіи, не было пушекъ или, по крайней мѣрѣ, людей, умѣвшихъ дѣйствовать ими. Сверхъ того города находились между собою въ союзахъ, къ которымъ принадлежали также нѣкоторые принцы и рыцари. Не смотря на это, непріязненныя дѣйствія не прекращались, такъ что попытки водворить въ государствѣ судъ и полицію т. е. приводить въ исполненіе судебные приговоры удавались весьма рѣдко. Объ имперскомъ су-

допроизводствѣ того времени точно также нельзя судить по эдиктамъ Фридриха III, какъ о современномъ положеніи Германіи по франкфуртскимъ постановленіямъ 1849 г. Въ одномъ изъ такихъ эдиктовъ говорится, что императоръ рѣшился учредить императорскую судебную палату, 16-ть провинціальныхъ судовъ и 64 окружныхъ. Сверхъ того, предполагалось изгнать изъ употребленія римское право. Это показываетъ, что добрые нѣмецкіе обычаи были вытѣснены этимъ иностраннымъ правомъ, возбуждавшимъ ненависть во всѣхъ нѣмецкихъ сердцахъ; не смотря на это, оно и въ наше время сбиваетъ съ толку нашихъ ученыхъ правовѣдовъ. По отсутствію государственнаго единства и по ничтожеству императора, бывшаго законнымъ блюстителемъ порядка и спокойствія, невозможно подробно разсказать германскую исторію того времени, не попавъ въ лабиринтъ частностей. Поэтому, чтобъ дать понятіе о состояніи имперіи, мы разскажемъ исторію четырехъ сильнѣйшихъ имперскихъ князей; при чемъ коснемся кулачнаго права и покажемъ необузданность безчисленнаго множества мелкихъ князей, графовъ, господъ и рыцарей, изъ которыхъ каждый былъ самодержавенъ въ своей деревнѣ или замкѣ. Затѣмъ мы покажемъ положеніе и безсиліе самого императора. Четыре князя, о которыхъ мы будемъ говорить, были: Фридрихъ I Побѣдоносный курфирстъ Пфальцскій, Альбрехтъ Ахиллъ или Улиссъ маркграфъ Бранденбургскій, Лудвигъ Бородатый Баварскій герцогъ Ингольштадтскій и Лудвигъ Богатый Баварскій герцогъ Ландсгутскій, о которомъ впрочемъ мы скажемъ ниже.

По смерти императора Рупрехта, Пфальцъ былъ раздѣленъ между нѣсколькими князьями, основавшими различныя линіи (т. IX стр. 125); но курфиршескія земли перешли нераздѣльно къ Лудвигу III, а по смерти его къ сыну его, Лудвигу IV. Изъ боковыхъ линій, Цвейбрюккенъ, Зиммернъ и Вельденцъ отличались при самыхъ ограниченныхъ средствахъ большою гордостью и притязаніями. Лудвигъ IV умеръ (1449 г.), оставивъ одиннадцатимѣсячнаго сына Филиппа и назначивъ, согласно золотой буллѣ, правителемъ Па-

латината и опекуномъ ребенка своего старшаго брата Фридриха I. Сильные вассалы и сосѣдніе владѣтели старались воспользоваться малолѣтствомъ пфальцкаго курфирста. Безпокойнѣе другихъ были графы Лютцельштейны, побѣжденные въ 1447 г. Лудвигомъ IV, который взялъ ихъ замокъ Лютцельштейнъ, возвратилъ владѣнія изгнаннымъ ими графамъ Бичъ и заставилъ ихъ самихъ признать себя вассалами Пфальца.

Чтобъ возвратить потерянное, они еще при жизни Лудвига вступили въ союзъ съ другими мелкими графами, баронами и рыцарями; по смерти же его надѣялись легко справиться съ опекуномъ его сына. Такимъ образомъ Фридрихъ съ самаго начала своего регентства впутался въ такъ называемую Лютцельштейнскую распрю; кромѣ того онъ вмѣшался въ споръ Лютцельштейновъ и Лихтенберговъ съ графами Лейнингенъ. Въ качествѣ пфальцграфа или императорскаго судьи онъ дважды пытался порѣшить споръ въ Гейдельбергѣ и Вейсенбургѣ судебнымъ порядкомъ; но, не успѣвъ въ этомъ, осенью 1450 г. взялся за оружіе; съ этой минуты онъ безпрерывно воевалъ съ сосѣдями. Подданные его весьма гордились имъ и прозвали Побѣдоноснымъ, но за то тѣ, которыхъ онъ грабилъ и смирялъ огнемъ и мечемъ, называли его злымъ Фрицомъ. Въ іюнѣ 1451 г. Лихтенберги разбили при Рейхсгофенѣ графовъ Лейнингенъ; тогда Лютцельштейны, ободренные этимъ, выжгли нѣсколько пфальцкихъ деревень и объявили Фридриху войну. При этомъ они разсчитывали не только на помощь мелкихъ владѣльцевъ, жаждавшихъ повода прокормить добычею свои голодныя шайки, но и на содѣйствіе нѣкоторыхъ сосѣднихъ государей, родственниковъ Фридриха. Дѣйствительно сторону ихъ приняли двоюродный братъ Фридриха, Лудвигъ Черный Вельденцкій, курфирстъ Дитрихъ Майнцскій и маркграфъ Іаковъ Баденскій. Фридрихъ, чувствуя опасность своего положенія, рѣшился вступить въ борьбу не иначе, какъ заранѣе обезпечивъ себѣ плоды успѣха, что вполнѣ соотвѣтствовало выгодамъ Пфальца, такъ какъ въ теченіи долгаго несовершеннолѣ-

тія своего государя, страна нуждалась въ сильномъ правителѣ. Фридрихъ поступилъ такимъ же образомъ, какъ потомъ, въ подобныхъ же обстоятельствахъ, поступалъ французскій король Лудовикъ XI, (стр. 162). Послѣдній имѣлъ обыкновеніе собирать нотаблей и называть ихъ государственными чинами, такъ какъ настоящіе чины не соотвѣтствовали бы его цѣлямъ. Въ Пфальцѣ же не было чиновъ, какъ доказалъ его новѣйшій историкъ Гейсеръ; поэтому Фридрихъ, послѣ двухъ неудавшихся попытокъ устроить дѣло иначе, созвалъ родныхъ, рыцарей и духовныхъ, объявивъ ихъ наслѣдственными представителями народа, и назвалъ это собраніе сеймомъ. Въ сентябрѣ 1451 г. онъ собралъ въ Гейдельбергѣ епископовъ вормскаго и шпейерскаго, гросмейстера, соборнаго пробста, своего воспитателя Эрнста Ландшаде фонъ Штейнаха, графовъ Вертгейма, Катценелленбогена, Ганау, Изенбурга, Нассау, Рейнскаго графа, представителей знатнѣйшихъ пфальцскихъ фамилій: Геммингенъ, Зиккингенъ, Дальбергъ и др. и важнѣйшихъ чиновниковъ. Эти, такъ называемые, чины согласились признать его курфирстомъ и правителемъ, съ условіемъ усыновить племянника, не вступать въ равный бракъ, отъ котораго могъ бы имѣть законныхъ наслѣдниковъ, и предоставить вассаламъ различныя права. Племянникъ Фридриха одобрилъ это распоряженія, но такъ какъ ему было всего четыре года, то согласіе его не могло имѣть никакого значенія, и только императоръ могъ сдѣлать Фридриха курфирстомъ. Но такъ какъ онъ медлилъ, то Фридрихъ, не обращая на него вниманія, въ январѣ 1452 г. принялъ въ Гейдельбергѣ присягу; затѣмъ онъ купилъ за хорошія деньги совершенно ненужное согласіе папы и добился признанія отъ другихъ курфирстовъ. Не смотря на это, императоръ продолжалъ упорствовать, такъ что враги Фридриха разсчитывали на него.

Города Шпейеръ, Вимпфенъ, Ульмъ, Рейтлингенъ, Вейль, Кемптенъ, Ингенъ, Аленъ, Нюрнбергъ, Нёрдлингенъ, Ротенбургъ, Динкельсбюль, Виндгеймъ и Вейсенбургъ приняли сторону Фридриха, такъ какъ имъ самимъ приходилось терпѣть отъ соеди-

нившихся противъ него разбойниковъ. Сверхъ того, съ нимъ соединились епископы вюрцбургскій и шпейерскій и герцоги Лудвигъ и Альбрехтъ Баварскіе. Осенью 1452 г. онъ поспѣшилъ покончить лютцельштейнскую распрю; вступивъ съ 6 т. войскомъ во владѣнія Лютцельштейновъ, онъ прогналъ графовъ и, не взирая на императора и имперскіе законы и права, присоединилъ ихъ графство къ Пфальцу. Въ то время право принадлежало сильнѣйшему, что курфирстъ доказалъ Лютцельштейнамъ точно такъ, какъ прежде они доказывали графамъ Лейнингенъ. Въ слѣдующемъ году Фридрихъ, съ помощью одного изъ Лейнингеновъ, заставилъ Верхній Пфальцъ, особенно городъ Амбергъ, подчиниться рѣшенію Нижняго Пфальца. Въ 1454 г. дѣло было рѣшено оружіемъ: Амбергъ заплатилъ контрибуцію, нѣсколько гражданъ были казнены, а замокъ города занятъ гарнизономъ. Энергія, обнаруженная 23-хъ лѣтнимъ Фридрихомъ или, лучше сказать, удача его предпріятія побудила въ концѣ 1454 г. курфирстовъ Бранденбургскаго и Саксонскаго признать его своимъ сотоварищемъ. Но еще въ предыдущемъ году онъ былъ признанъ Триромъ и Кёльномъ. Своего двоюроднаго брата, Лудвига Чернаго Вельденцскаго, Фридрихъ силою принудилъ признать его верховную власть. Для нашего времени кажется ужаснымъ, что изъ за пустой формальности онъ обратилъ въ пустыню рай Германіи. Такъ напр. на пути къ Бергцаберну, главной крѣпости этой страны, онъ выжегъ болѣе тридцати деревень. Лудвигъ просилъ помощи у герцога Бургундскаго, Филиппа Добраго, который прислалъ ему 4 т. пикардійцевъ, умѣвшихъ грабить еще лучше, чѣмъ нѣмцы Фридриха. Шайки послѣдняго еще разъ вторгались въ цвейбрюккенскія и вельденцскія владѣнія и свирѣпствовали, какъ турки; Лудвигъ отмстилъ за это, обративъ въ пепелъ болѣе двадцати курпфальцкихъ деревень. Эта возмутительная борьба кончилась тѣмъ, что Филиппъ Добрый и маркграфъ Баденскій покинули своего союзника, который долженъ былъ подчиниться Фридриху. Въ это же время съ Фридрихомъ примирился и курфирстъ Дитрихъ

Майнцкій, такъ какъ германскіе князья начали тогда стремиться къ тому, чтобы обратить монархію во множество мелкихъ частныхъ владѣній; та же мысль руководила французскими принцами при заключеніи Pragueric и лиги общественнаго блага (стр. 104 и 142). Князья соединились противъ императора и установленныхъ имъ судовъ, а Дитрихъ желалъ пріобрѣсти въ Фридрихѣ храбраго союзника. Поэтому онъ помирился съ нимъ, призналъ его курфирстомъ и привлекъ къ союзу. Сверхъ того, они вмѣстѣ завоевали грозный замокъ Монфоръ у Крейцнаха, бывшій гнѣздомъ разбойниковъ, раззорявшихъ подданныхъ Майнца и Пфальца (октябрь 1456 г.).

Союзъ противъ императора былъ разстроенъ вторымъ изъ названныхъ выше князей, жизнь и дѣятельность котораго могутъ намъ дать понятіе о тогдашнемъ положеніи несчастной Германіи. Альбрехтъ Ахиллъ или Улиссъ Бранденбургскій былъ братъ курфирста Фридриха II и, вслѣдствіе обычая дѣлить государства какъ частную собственность, наслѣдовалъ послѣ смерти отца (1440 г.) подгорныя франконско-бранденбургскія владѣнія. Въ 1469 г. по смерти брата, не оставившаго сыновей, онъ сдѣлался курфирстомъ Брандербургскимъ. Подобно брату, прозванному Желѣзнымъ или курфюрстомъ съ желѣзными зубами, онъ отличался красотой и исполинскимъ сложеніямъ и еще при жизни отца отличался въ походахъ, такъ что могъ быть прозванъ, подобно герцогу Гизу, Рубцоватымъ (le balafré). Онъ служилъ императору Альбрехту II противъ поляковъ и чеховъ, былъ избранъ бреславцами полководцемъ въ войнѣ противъ поляковъ, потомъ былъ намѣстникомъ Силезіи и въ это время устроилъ примиреніе между императоромъ, базельскимъ соборомъ, чехами и поляками. По смерти отца, ему поручили привести въ исполненіе императорскій приговоръ надъ вюрцбургцами, поссорившимися съ своимъ епископомъ. Онъ выполнилъ это, и съ той поры сталъ единственною опорою императорской власти, которую Фридрихъ III былъ не способенъ поддерживать. Маркграфа даже упрекали въ

томъ, что онъ больше заботится объ императорѣ и имперіи, чѣмъ объ интересахъ собственнаго дома, что было неслыхано въ Германіи. Онъ служилъ имперіи мечемъ, а совѣтникъ его, знаменитый умомъ и способностями Петръ Кнорренсъ, былъ столь же полезенъ въ кабинетѣ. Послѣ вюрцбургскаго похода, Альбрехтъ вмѣшался въ дѣла Лудвига Бородатаго Ингольштадскаго, всю жизнь ссорившагося съ родней, императоромъ, церковью, соборомъ и почти съ цѣлымъ свѣтомъ.

Лудвигъ Бородатый Баварскій герцогъ Ингольштадтскій, о которомъ упоминалось уже прежде (т. IX стр. 194), наслѣдовалъ въ 1413 г. владѣнія старшей баварской линіи; владѣнія эти были разбросаны и пересѣкались землями Мюнхенской и Ландсгутской линій баварскаго дома. Въ молодости онъ долго жилъ во Франціи, пріобрѣлъ тамъ несовсѣмъ честнымъ путемъ почти неслыханное въ то время состояніе, простиравшееся до 5 мил. и, по отзыву лѣтописца Эбрама Вильтенберга, научился безбожію. Онъ не замедлилъ обнаружить свой безпокойный характеръ, часто доставлявшій немалыя суммы императору Сигизмунду, считавшему пени, налагаемыя на князей, однимъ изъ источниковъ для пополненія своего кошелька. Въ 1419 г. императоръ наложилъ на него пеню въ 200 т. марокъ за неправое нападеніе на курфирста Фридриха I Бранденбургскаго; при этомъ Сигизмундъ имѣлъ благоразуміе предоставить самому курфирсту взыскать эту сумму. Лудвигъ не заплатилъ, такъ какъ курфирстъ былъ занятъ въ Помераніи; герцогъ, зная это, писалъ ему грубыя письма и послалъ своего сына, Лудвига Горбатаго, во Франконію, гдѣ тотъ съ помощью хищнаго рыцарства произвелъ страшныя опустошенія и сжегъ нюренбергскій замокъ. Фридрихъ добился перемирія лишь при посредничествѣ императора (1421 г.). Покончивъ франконскую распрю, Лудвигъ началъ опустошительную войну съ своимъ двоюроднымъ братомъ, Генрихомъ Богатымъ Ландсгутскимъ, при чемъ рыцарь Каспаръ Торрингеръ поднялъ за Лудвига все мѣстное дворянство, преданное грабежу. Однако, эта война кон-

чилась для него невыгодно: городъ Донаувертъ отложился отъ него и просилъ у императора имперскихъ правъ; Лудвигу пришлось бы еще хуже, еслибъ императоръ не устроилъ примиренія (1422 г.). Вслѣдъ за тѣмъ у Лудвига снова начался раздоръ съ двоюроднымъ братомъ по поводу дѣлежа наслѣдства вымершей Штраубингской линіи; двоюродный братъ его и духовенство подали на него формальную жалобу собору, когда 1431 г. императоръ вернулся изъ Италіи. Онъ дѣйствительно зашелъ черезчуръ далеко *). Между прочимъ онъ помѣстилъ въ монастырь своихъ собакъ, охотниковъ и сокольничихъ и присвоилъ себѣ церковныя имѣнія. За это шесть монастырей подвергли его отлученію, такъ что всякій разъ какъ онъ пріѣзжалъ въ Эйхштедтъ или Штраубингъ, богослуженіе прекращалось. Онъ не обращалъ на это ни малѣйшаго вниманія; поэтому монастыри, соединясь съ ограбленными и обиженными имъ князьями, подали жалобу императору и собору. Обвинителями его явились: курфирстъ Бранденбургскій, герцогъ Генрихъ Ландсгутскій, графъ Эттингенъ, епископы пассаускій, регенсбургскій и эйхштедтскій, многіе города и монастыри. Соборъ поручилъ аббату крейльсгеймскому пригласить его; но онъ не поѣхалъ самъ, а послалъ своего горбатаго сына, не уступавшаго ему въ злости. Лудвигъ Горбатый старался опровергнуть обвиненіе, утверждая, что свѣтскіе истцы—враги его отца, а духовные—ниже его саномъ. Соборъ не принялъ этихъ доводовъ и произнесъ отлученіе. Вслѣдъ за тѣмъ послѣдовала государственная опала. Лудвигъ и не думалъ противиться, будучи совершенно равнодушенъ къ отлученію и зная, что у Сигизмунда за деньги можно сдѣлать все, что угодно. Поэтому онъ вступилъ черезъ сына въ переговоры съ императоромъ и избавился отъ опалы. Сколько именно онъ истратилъ на это — неизвѣстно; Эбер-

*) Въ одной хроникѣ сказано: князь, по французскому обычаю, обременяетъ монастыри и всѣ духовныя имѣнія охотниками и сокольничими, чего прелаты не могутъ терпѣть; они предали князя церковному суду и подвергли отлученію, подъ которымъ онъ останется до конца жизни.

гардъ Виндекъ говоритъ только, что Сигизмунду достался жирный кусъ. Извѣстно однако, что Сигизмундъ не возвратилъ герцогу должныхъ ему съ давняго времени 23 т. гульденовъ; кромѣ того, императоръ получилъ 13,000 гульденовъ за признаніе Лудвигомъ Донауверта имперскимъ городомъ и сверхъ того еще 13,000 гульд. Сигизмундъ сначала требовалъ возвращенія церковныхъ имѣній, но, получивъ деньги, пересталъ заботиться о монастыряхъ. Лудвигъ удержалъ имѣнія, за что всю жизнь пробылъ подъ отлученіемъ; послѣ его смерти эти имѣнія перешли къ наслѣднику его, Генриху Ландсгутскому.

Неудача угомонила на нѣсколько времени буйнаго герцога, главу и образца хищнаго баварскаго рыцарства; но вскорѣ онъ опять началъ задирать Генриха Ландсгутскаго, заступивъ мѣсто Каспара Торрингера, который всегда предводительствовалъ набѣгами на владѣнія Генриха. Рыцарь этотъ даже обвинилъ Генриха передъ вестфальскимъ тайнымъ судомъ (т. IX, стр. 194) въ разрушеніи своего родоваго замка. Но этимъ онъ только погубилъ самого себя. Зная, что членъ тайнаго суда, курфирстъ Фридрихъ I Бранденбургскій, будетъ защищать своего друга, Генриха, онъ, подавъ жалобу, не явился въ судъ въ день, назначенный для рѣшенія дѣла. Тогда тайное судилище обвинило его въ ложномъ извѣтѣ, и онъ палъ жертвой этого убійственнаго суда, который вскорѣ потерялъ значеніе и пересталъ дѣйствовать въ Баваріи. Лудвигъ Бородатый, заступивъ мѣсто Каспара Торрингера и соединясь съ мелкими владѣльцами, непризнававшими ничьихъ правъ, грабилъ по дорогамъ и рѣкамъ, постоянно ссорился съ Мюнхенскимъ и Ландсгутскимъ герцогами и наконецъ началъ войну съ собственнымъ сыномъ, Лудвигомъ Горбатымъ. Послѣдній жаловался на дорогія постройки и расточительность отца, на предпочтеніе, оказываемое имъ любовницѣ и ея дѣтямъ, на разорительные подарки монастырямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ — и на то, что онъ не заботится снять съ себя церковное отлученіе. Въ 1438 г. Лудвигъ Горбатый соединился

съ главнымъ врагомъ своего отца, женившись противъ его воли на дочери курфирста Фридриха Бранденбургскаго. Тогда между ними возгорѣлась жестокая война.

Эта война, въ которой маркграфъ Альбрехтъ Ахиллъ игралъ роль, принадлежавшую собственно императору, началась тѣмъ, что Лудвигъ Горбатый объявилъ своего отца впавшимъ въ дѣтство и съ помощью своего зятя Альбрехта Ахилла овладѣлъ замкомъ Фридбергомъ (1439 г.). Жители Ингольштадта отпали отъ стараго герцога и передались его сыну, завладѣвшему при этомъ всею казною, архивами и печатью своего отца. Старый герцогъ заперся въ Нейбургѣ на Дунаѣ и упорно держался тамъ съ горстью наемниковъ съ 1440 по 1443 г. Наконецъ, послѣ правильной осады, продолжавшейся съ пасхи до сентября, городъ сдался, и Лудвигъ Бородатый попалъ въ плѣнъ; горожане за вѣрность своему старому герцогу должны были заплатить 15 т. гульденовъ. О судьбѣ плѣннаго герцога лѣтописи того времени повѣствуютъ различно. Повидимому, онъ оставался заключеннымъ въ Нейбургѣ до смерти сына, послѣдовавшей въ 1445 г. Тогда маркграфъ Альбрехтъ перевезъ его въ Анспахъ. Судя по отвѣту, приписываемому лѣтописями упрямому, желѣзному старику, надо полагать, что Альбрехтъ имѣлъ низость грозить ему кинжаломъ или мечемъ. „Коли, сказалъ будто бы онъ, но все-таки ничего не получишь, потому что завладѣлъ мною не въ честномъ бою.“ Альбрехтъ, желая воротить потраченныя на войну деньги и нажить что нибудь сверхъ того, вступилъ въ переговоры съ своимъ плѣнникомъ; въ то же время онъ договаривался съ ландсгутскими чинами и съ главою второй линіи баварскаго дома, герцогомъ Генрихомъ Богатымъ, сдѣлавшимся, по смерти Лудвига Горбатаго, наслѣдникомъ ингольштадтскихъ владѣній. Переговоры съ чинами были безуспѣшны, и потому обѣ стороны обратились къ императору. Фридрихъ III по своему обыкновенію ничего не дѣлалъ, не давалъ никакого рѣшенія и, вмѣсто того чтобъ дѣйствовать съ энергіей послалъ совѣтниковъ, которые совѣщались до тѣхъ поръ, пока

наконецъ въ іюлѣ 1446 г. герцогъ Генрихъ и маркграфъ Альбрехтъ покончили дѣло между собой, помимо императора. Генрихъ купилъ Лудвига Бородатаго за 32 т. гульденовъ и перевезъ его въ Бурггаузенъ, гдѣ онъ пробылъ въ заключеніи до своей смерти, случившейся въ слѣдующемъ 1447 году. Его владѣнія перешли къ ландсгутской линіи, соединившей потомъ всю Баварію, за исключеніемъ мюнхенской области, которая впрочемъ позднѣе также досталась наслѣдникамъ Генриха Богатаго. Богатства Лудвига перешли къ нему же. Изъ нихъ Генрихъ выплатилъ часть Альбрехту Ахиллу за выкупъ Лудвига; сестра Альбрехта, не слишкомъ цѣломудренная вдова Лудвига Горбатаго, Маргарита, также получила часть сокровищъ и драгоцѣнностей, оставшихся послѣ ея тестя. Сокровища эти, подробно исчисляемыя Лангомъ въ исторіи Лудвига Бородатаго, были такъ громадны, что доставили не только Генриху, но и сыну и внуку его, прозванія Богатыхъ. Самъ Генрихъ чрезвычайно берегъ ихъ и вообще зналъ цѣну деньгамъ. Онъ даже осмѣлился доказать это папѣ, запретивъ своимъ подданнымъ ѣхать по случаю юбилея въ Римъ, чтобы не выпускать денегъ изъ страны.

5. Отношенія Фридриха III къ Австріи, Богеміи и Венгріи.

Смуты въ Германіи при Фридрихѣ III дошли наконецъ до такихъ размѣровъ, что необходимъ былъ императоръ, который бы заботился объ имперіи и о поддержаніи въ ней порядка болѣе, чѣмъ объ интересахъ своей семьи. Это побуждаетъ насъ обратить вниманіе на отношенія Фридриха къ его собственнымъ владѣніямъ, такъ какъ въ имперіи власть перешла къ курфирстамъ и герцогамъ. Мы видѣли (т. IX, стр. 230 и 244), что онъ сдѣлался опекуномъ малолѣтняго сына императора Альбрехта II, Владислава. Но во всѣхъ владѣніяхъ его питомца правленіемъ овладѣли вельможы, обладавшіе или значеніемъ между

чинами или богатствами и могуществомъ. Въ Богеміи, гдѣ утраквистовъ или умѣренныхъ гусситовъ было гораздо больше, чѣмъ правовѣрныхъ, правленіе находилось въ рукахъ любимаго народомъ Георгія Подѣбрада. Однако чехи не переставали требовать возвращенія своего молодаго короля Владислава, котораго императоръ держалъ подъ опекой и которому внушалъ предразсудки противъ гусситовъ. Подѣбрадъ возстановилъ порядокъ и распространилъ до самой Саксоніи страхъ передъ чехами. Соотечественники такъ любили его, что уже въ 1451 г. хотѣли избрать въ короли, и только краснорѣчіе Енея Сильвія убѣдило ихъ остаться вѣрными Владиславу, который въ то время сопровождалъ Фридриха въ Италію. Въ Венгріи такимъ же значеніемъ пользовался Іоаннъ Гуніадъ. Подобно Подѣбраду, онъ обладалъ королевскою властью, хотя венгры также требовали отъ германскаго императора возвращенія потомка своихъ королей. Когда же Владиславъ выросъ, то и австрійскіе подданные его перестали повиноваться правительству Фридриха III. Извѣстный злодѣй Ульрихъ Циллей, дядя матери молодаго государя и рыцарь Эйцингеръ, хотя не природный австріецъ, но постоянный зачинщикъ смутъ, спорили въ Австріи о первенствѣ въ управленіи.

Еслибъ была возможность передать всѣ переговоры, распри, волненія, возникавшіе въ періодъ 1440—56 годовъ изъ этихъ отношеній, то стало бы ясно, почему Фридрихъ не могъ заниматься германскими дѣлами и только изрѣдка посылалъ въ имперію своихъ совѣтниковъ и коммиссаровъ. Ставя выше всего титулы, почетъ и пышность, онъ предпринялъ въ 1451 г. вторую коронаціонную поѣздку въ Римъ, взявъ съ собой молодаго Владислава, не смотря на протестъ Венгріи, Богеміи и Австріи. Чехи и австрійцы пытались угрозами помѣшать поѣздкѣ Владислава; однако они не успѣли въ этомъ, хотя отправили къ Фридриху самыхъ упорныхъ и фанатическихъ членовъ сеймовой оппозиціи. Богемскими депутатами были: глава тамошнихъ ка-

толиковъ, Генрихъ фонъ-Розенбергъ, желавшій противопоставить молодаго короля Георгу Подѣбраду и гусситамъ, Гессекъ Свогановскій и Венцель Гичинскій, австрійскими—Ульрихъ Циллей и Ульрихъ Эйцингеръ. Въ 1452 г. по возвращеніи Фридриха въ Нейштадтъ, депутаты, поддерживаемые венграми, настойчиво возобновили свое требованіе. Фридрихъ противился, разсчитывая на Подѣбрада, который, будучи признанъ императоромъ намѣстникомъ въ Богеміи, долженъ былъ съ своей стороны поддерживать его правительство. Тогда Эйцингеръ и Розенбергъ собрали многочисленную армію, разбили высланныя противъ нихъ императоромъ войска и заперли Фридриха съ Владиславомъ въ Нейштадтѣ, гдѣ онъ былъ сильно стѣсненъ и едва не попалъ въ плѣнъ. Непріятель почти ворвался въ городъ, и императора спасло только мужество австрійца Андрея Баумкирхера. Этотъ исполинъ съ нѣсколькими подобными же силачами до тѣхъ поръ удерживалъ непріятеля въ воротахъ, пока ихъ не заперли. Императоръ могъ по крайней мѣрѣ заключить капитуляцію. Подѣбрадъ уже шелъ къ нему на помощь, но вернулся, узнавъ на пути, что императоръ покорился инсургентамъ. Условія капитуляціи были позорны для императора и имперіи: Владиславъ былъ переданъ чехамъ и венграмъ, и даже опека надъ нимъ была отнята у Фридриха и предоставлена въ Богеміи Подѣбраду, а въ Венгріи Гуніаду. Въ Австріи Циллей и Эйцингеръ вскорѣ разсорились, такъ какъ каждый изъ нихъ хотѣлъ наживаться, управляя именемъ Владислава. Положеніе императора лучше всего видно изъ исторіи графа Ульриха Циллея и молодаго короля Владислава. Циллей отвезъ короля въ свой замокъ Бертольдсдорфъ, а оттуда въ Вѣну. Изъ Вѣны онъ повезъ его не въ Богемію, гдѣ самъ не имѣлъ никакого значенія, а въ Венгрію, гдѣ онъ и его отецъ Фридрихъ имѣли много приверженцевъ. Іоаннъ Гуніадъ, сынъ котораго, Владиславъ, былъ обрученъ съ только что умершею дочерью Ульриха, Елизаветою, имѣлъ основаніе опасаться графа, извѣстнаго всѣмъ за злодѣя. Онъ не принялъ отъ него ни-

какихъ предложеній подъ предлогомъ большихъ приготовленій къ турецкой войнѣ. Циллей пробылъ въ Венгріи болѣе полугода (до сентября 1453 г.), управляя именемъ короля, и потомъ вернулся съ нимъ въ Австрію. На требованіе чеховъ, чтобы Владиславъ пріѣхалъ къ нимъ короноваться, Циллей отвѣчалъ отказомъ, ссылаясь на недостатокъ средствъ на путешествіе. Однако чехи стояли на своемъ, и тогда онъ, чтобъ получить деньги, назначилъ австрійскій ландтагъ въ Кремсѣ, а самъ уѣхалъ въ Вѣну. Здѣсь его ожидала большая опасность. Его соперникъ, Эйцингеръ, пріѣхалъ въ Вѣну на сеймъ съ многочисленною свитою и успѣлъ возстановить всѣхъ противъ Циллея, который явно старался разстроить здоровье молодаго короля попойками, пирами и утомительными увеселеніями. Эйцингеръ условился съ бургомистромъ и почетнѣйшими гражданами напасть на Циллея, что было не трудно, такъ какъ графъ остановился не въ зàмкѣ, а въ самомъ городѣ. Однако заговоръ былъ разрушенъ однимъ изъ друзей Циллея, графомъ Михаиломъ Вайбургомъ, который предувѣдомилъ его объ опасности. Циллей спасся при помощи герцога Альбрехта австрійскаго и, вырвавшись изъ рукъ ожесточеннаго народа, бѣжалъ въ свой зàмокъ Бертольдсдорфъ. Тогда Эйцингеръ, согласившись съ собравшимися въ Вѣнѣ чинами, утвердилъ Іоанна Гуніада въ званіи оберъ-капитана Венгріи и отвезъ Владислава въ Прагу, гдѣ въ октябрѣ короновалъ его богемскимъ королемъ; въ ноябрѣ въ Кремсѣ былъ открытъ ландтагъ, утвердившій все, о чемъ было условлено въ Вѣнѣ. Владиславъ долженъ былъ считаться малолѣтнимъ до двадцатилѣтняго возраста, а до тѣхъ поръ страною должны были управлять 12 вельможъ, избранныхъ чинами. Ульрихъ Циллей, находившійся въ Круммау, употреблялъ всѣ усилія, чтобъ обвинить противника, но, не смотря на его старанія, всѣ распоряженія эти были утверждены и приведены въ исполненіе. Эйцингеръ, ставъ во главѣ управленія, собралъ въ январѣ 1455 г. чрезвычайный сеймъ въ Венгріи, на которомъ оберъ-капитану Гуніаду было поручено предпринять рѣшитель-

ный походъ противъ турокъ. Потомъ онъ отправился съ королемъ въ Прагу, гдѣ сблизился съ Подѣбрадомъ, чтобы, именемъ короля, играть роль и въ Богеміи. Конечно, все это дѣлалось не даромъ: доказательствомъ тому служатъ подарки, присланные ему въ апрѣлѣ 1454 года Рагузскою республикою, по случаю утвержденія дарованныхъ ей Венгріею правъ. Трое рагузскихъ депутатовъ привезли Эйцингеру въ Прагу 5 тысячъ червонцевъ и массивный серебряный, позолоченный сервизъ, состоявшій изъ 4 чашъ и 22 кубковъ и блюдъ. Изъ Богеміи онъ поѣхалъ въ Польшу, гдѣ также желалъ разыграть роль опекуна и регента молодаго короля, сестра котораго выходила въ то время замужъ за польскаго короля Казиміра IV. Передъ отъѣздомъ въ Польшу, Эйцингеръ поручилъ Австрію Вольфгангу фонъ Вальдзе, предоставивъ ему такую же власть, какой пользовались Подѣбрадъ и Гуніадъ въ Богеміи и Венгріи. Послѣ свадьбы, отпразднованной по польскому или, правильнѣе, литовскому обычаю, онъ присутствовалъ на коронаціи Казиміра въ Бреславлѣ и на празднествахъ въ Лузаціи. Въ Австрію онъ вернулся не ранѣе февраля 1455 г. Здѣсь произошли невыгодныя для него перемѣны. Австрійцы были крайне недовольны его разъѣздами съ королемъ, а особенно самовластіемъ Вольфганга фонъ Вальдзе, за которое осуждали Эйцингера. Противъ него образовалась сильная партія, глава которой, Панкратій фонъ Бланкенбургъ, вошелъ въ сношеніе съ графомъ Циллей. Старый Циллей между тѣмъ умеръ, а Ульрихъ разыгралъ подлую роль относительно друга Эйцингера, Іоанна Гуніада. Во время блистательнаго похода послѣдняго противъ турокъ, онъ не только отказался содѣйствовать ему, но даже произвелъ нападеніе на Кроацію. Циллей съ радостью принялъ предложеніе жителей Вѣны, которые встрѣтили съ торжествомъ того самаго человѣка, котораго прежде хотѣли убить; они потребовали, чтобъ Эйцингеръ раздѣлилъ съ нимъ власть. Однако Эйцингеръ съ презрѣніемъ отвергнулъ это и уѣхалъ въ свои помѣстья. Тогда Циллей занялъ его мѣсто (апрѣль 1455 г.).

Съ этой минуты онъ сдѣлался могущественнѣе, чѣмъ былъ прежде и повелѣвалъ именемъ, Владислава Богеміей, Моравіей, Силезіей, Лузаціей, венгерскими землями и частью Австріи, принадлежавшей императору Альбрехту II. Мы могли бы привести слова Энея Сильвія, чтобъ показать, какъ жилъ молодой Владиславъ подъ его руководствомъ, и какія привычки онъ ему прививалъ; но для насъ это не имѣетъ значенія. Циллей до самой смерти преслѣдовалъ двѣ цѣли: ему хотѣлось держать въ страхѣ императора и погубить своего врага Іоанна Гуніада и обоихъ его сыновей. Противъ Фридриха III, который прежде, подобно венеціанцамъ, отвергъ его услуги, Циллей заключилъ союзъ съ его ближайшими родными, съ которыми онъ былъ во враждѣ. Союзниками его были братъ Фридриха, Альбрехтъ Мотъ, сильно хлопотавшій въ Германіи о низложеніи императора, чтобъ самому занять его мѣсто, и его двоюродный братъ, Сигизмундъ Безумный Тирольскій. Гуніада онъ хотѣлъ погубить обманомъ и съ этой цѣлью пригласилъ его самымъ дружескимъ образомъ отъ имени Владислава въ Вѣну. Когда Гуніадъ пріѣхалъ, онъ сталъ стараться выманить у него охранное письмо, чтобъ заманить въ ловушку. Чтобъ отвлечь Іоанна отъ свиты, онъ самъ выѣхалъ къ нему на встрѣчу съ 40 всадниками. Но Гуніадъ понялъ его умыселъ и не поддался ему. Венгерцы приписываютъ своему герою слѣдующія благородныя слова: „ты хотѣлъ погубить меня, но попалъ въ собственныя сѣти. Я могъ бы убить тебя, но меня удерживаетъ уваженіе къ королю; ему, а не тебѣ дарю я твою жизнь“. Гуніадъ совершенно помирился съ королемъ и оставилъ ему заложникомъ своего сына Матфія. Затѣмъ Владиславъ поѣхалъ въ Венгрію (1456 г.), но Циллей не рѣшился надолго оставить его тамъ и вскорѣ увезъ въ Вѣну. Въ это время Гуніадъ обезсмертилъ послѣдній годъ своей жизни подвигомъ, которому дивился весь христіанскій міръ. По взятіи Константинополя, султанъ Магометъ II двинулся со всѣмъ своимъ войскомъ противъ Бѣлграда и довелъ городъ до такой крайности, что всѣ

отчаялись въ его спасеніи. Но Гуніадъ явился съ венгерскимъ войскомъ, выручилъ Бѣлградъ и, сдѣлавъ отчаянную вылазку, разбилъ турокъ, предводимыхъ самимъ Магометомъ. Черезъ нѣсколько дней онъ умеръ въ Бѣлградѣ (11 августа 1456 г.).

Получивъ извѣстіе о его смерти, Ульрихъ Циллей отправился съ королемъ по Дунаю въ Бѣлградъ. Но сыновья Гуніада, Владиславъ и Матфій Корвинъ, узнавъ изъ перехваченнаго письма Ульриха къ его тестю, сербскому деспоту, что онъ покушается на ихъ жизнь, не впустили его въ городъ. Пригласивъ его на свиданіе, они показали ему письмо, вслѣдствіе чего возникъ страшный споръ; Ульрихъ выхватилъ у оруженосца мечъ, но по знаку, данному Владиславомъ Гуніадомъ, явились драбанты и убили Циллея, несмотря на храброе сопротивленіе и скрытый подъ одеждою панцырь (декабрь 1456 г.). Со смертью Циллея пресѣкся его родъ. Король Владиславъ такъ научился притворству, что лицемѣрно одобрилъ убійство и, чтобъ совершенно успокоить Гуніадовъ, пожелалъ причаститься вмѣстѣ съ ними. Они явились къ нему въ Офенъ; но по наущенію враговъ Гуніада король, увѣренный въ могуществѣ своей партіи, приказалъ схватить обоихъ сыновей его; Владиславъ былъ публично казненъ въ Офенѣ, а Матфій отправленъ плѣнникомъ въ Вѣну (1457 г.). Вслѣдъ за тѣмъ между Владиславомъ и Фридрихомъ III началась война за наслѣдство Циллея, но дѣло было вскорѣ улажено при посредничествѣ Георгія Подѣбрада и рыцаря Ульриха Эйцингера, снова ставшаго во главѣ австрійскаго правительства. Король хотѣлъ примирить приверженцевъ Гуніадовъ съ ихъ противниками и съ этой цѣлью освободилъ всѣхъ вельможъ, арестованныхъ послѣ казни Владислава Гуніада. Матфій Корвинъ, содержавшійся въ Гуттенштейнѣ, также долженъ былъ получить свободу, но вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, которыхъ нѣтъ нужды приводить здѣсь, освобожденіе его замедлилось. Отправляясь въ Прагу, Владиславъ велѣлъ привезти туда Матфія. Но въ самый день прибытія послѣдняго въ Прагу, осмнадцатилѣтній Владиславъ умеръ (23

ноября 1457 г.). Смерть его измѣнила все: венгры и чехи избрали себѣ природныхъ королей, обязанныхъ престоломъ своимъ личнымъ достоинствамъ, храбрости и заслугамъ.

Когда извѣстіе о смерти Владислава пришло въ Венгрію, противники Гуніадовъ, архіепископъ гранскій Діонисій, епископы раабскій и аграмскій, палатинъ Владиславъ Гара и трансильванскій воевода Николай Ужлакъ собрались для совѣщанія и назначили избирательный сеймъ въ Офенѣ на 1 января 1458 г. Приверженцы Гуніадовъ послали одного изъ своихъ, Іоанна Витеца, въ Прагу съ значительной денежной суммой, чтобы выкупить Матфія Корвина у Георгія Подѣбрада, считавшаго его по смерти короля своимъ плѣнникомъ. Но Подѣбрадъ потребовалъ огромнаго выкупа, такъ что Матфій Корвинъ былъ еще въ плѣну, когда въ Офенѣ 24 января произошло избраніе новаго короля. Избиратели были запуганы толпами народа, стоявшими даже на льду Дуная, и мѣрами, принятыми дядей Матфія, Цилагіемъ. Подъ предлогомъ охраненія свободы выборовъ, онъ окружилъ собраніе грознымъ войскомъ и даже поставилъ на берегу висѣлицу. Это рѣшило выборъ въ пользу Матфія Корвина. Подѣбрадъ первый увѣдомилъ своего плѣнника о его избраніи и съ этой минуты обходился съ нимъ весьма дружески. Онъ даже женилъ его 9 февраля на своей дочери, Кунигундѣ, и лично сопровождалъ до венгерской границы. Но предварительно онъ взялъ съ него выкупъ въ 60 тысячъ червонцевъ и обѣщаніе содѣйствовать ему въ достиженіи богемскаго престола. Продолжительное царствованіе Матфія (1458—1490) было славно не только успѣшными дѣйствіями противъ страшныхъ турокъ и слабой германской имперіи, но и процвѣтаніемъ искуствъ и возрожденіемъ классической литературы, въ покровительствѣ которымъ Матфій не уступалъ самымъ блестящимъ изъ итальянскихъ государей.

Вскорѣ послѣ избранія Матфія Корвина, чехи также возвели на престолъ одного изъ своихъ соотечественниковъ. По смерти

Владислава, Подѣбрадъ объявилъ, что выборъ новаго короля можетъ произойти только послѣ Троицына дня, такъ какъ это срокъ намѣстнической власти, врученной ему покойнымъ королемъ. Чины согласились на это, и друзья Подѣбрада воспользовались этой отсрочкой, чтобъ расположить умы въ его пользу. Кромѣ него, соискателями престола явились многіе иностранные князья, въ томъ числѣ французскій король Карлъ VII. Онъ давалъ самыя хвастливыя обѣщанія, и въ его пользу дѣйствовалъ предводитель католической партіи, Зденко Штернбергъ. Но глава гусситовъ, архіепископъ Рокичана, съумѣлъ возбудить въ чехахъ патріотизмъ, напомнивъ имъ о подвигахъ гусситовъ и сравнивая Подѣбрада съ Жижкой и Прокопомъ. Георгій былъ выбранъ королемъ. Моравія, Силезія и Лузація, не хотѣвшія признать его, были принуждены къ тому силою. Подѣбрадъ не обманулъ надеждъ своихъ соотечественниковъ. Онъ царствовалъ со славою (1458—1471) и, какъ увидимъ ниже, вскорѣ началъ играть важную роль въ Германіи.

По отдѣленіи Венгріи и Богеміи отъ Австріи, положеніе императора Фридриха сдѣлалась весьма затруднительнымъ; казалось, что онъ не получитъ даже австрійскихъ владѣній Владислава, которыя у него оспаривали родной и двоюродный братья его, Альбрехтъ Мотъ и Сигизмундъ Безумный Тирольскій. Къ тому же австрійскіе чины, управлявшіе страною олигархически при Циллеѣ и Эйцингерѣ, желали удержать власть въ своихъ рукахъ. Они объявили, что до окончанія спора не будутъ повиноваться ни одному изъ претендентовъ, назначили регентство и даже заняли вѣнскій королевскій замокъ; однако впослѣдствіи они позволили всѣмъ тремъ князьямъ занять въ замкѣ отдѣльныя помѣщенія. Фридрихъ былъ не лучше своихъ соперниковъ, но по крайней мѣрѣ смирнѣе и умнѣе. Поэтому онъ успѣлъ покончить дѣло миролюбиво, тогда какъ прочіе уже готовились начать войну. Сигизмундъ получилъ деньги, Альбрехтъ — верхне-эмскія, Фридрихъ — нижне-эмскія области. Впослѣдствіи онъ убѣдилъ брата продать ему Вѣну. Эйцингеръ былъ заключенъ въ тюрьму. Его

братья и друзья взялись за оружіе и просили помощи у Подѣбрада; но богемскій король былъ очень уступчивъ и почтителенъ въ отношеніи императора; онъ объявилъ себя противъ Альбрехта и обѣщалъ Фридриху помощь для покоренія Венгріи, за что получилъ Богемію въ ленное владѣніе и сверхъ того денежную сумму. Впрочемъ онъ и не помышлялъ объ исполненіи своихъ обѣщаній. Фридрихъ, разчитывая на многочисленную партію Владислава Гары, Николая Ужлака и другихъ враговъ Гуніадовъ, отказалъ выдать Матфію Корвину священную корону Венгріи и началъ войну, но не имѣлъ успѣха. Побѣдивъ въ первомъ сраженіи, онъ былъ разбитъ во второмъ и заключилъ миръ, по которому обязался возвратить корону за 60 т. гульденовъ и усыновить Матфія Корвина, выговоривъ для своего сына право на венгерскій престолъ, въ случаѣ бездѣтной смерти Матфія.

Вскорѣ императоръ, занимавшійся науками и искусствами, но постоянно нуждавшійся въ деньгахъ, поссорился со своими австрійскими подданными. Австрія жаловалась на бѣдствія, которыя терпѣла по милости Фридриха и его брата: кулачное право господствовало во всей странѣ, дороги были не безопасны, невинные люди лишались имущества, налоги увеличивались до невозможности; Фридрихъ съ своимъ братомъ до того испортили монету, что денежное обращеніе почти остановилось. Они чеканили напримѣръ фенниги (мѣдныя копѣйки), стоившіе не болѣе $^1/_{12}$ нарицательной цѣны; народъ называлъ ихъ шиндерлингами *). Ко всему этому оба брата постоянно ссорились и воевали между собою. Терпѣніе австрійцевъ наконецъ истощилось, и въ Вѣнѣ образовалась демократическая партія, тѣмъ болѣе опасная для апатичнаго императора, что Альбрехтъ старался воспользоваться ею для своихъ цѣлей. Въ іюлѣ 1462 г. въ Вѣнѣ вспыхнула революція. Въ то время тамъ долженъ былъ происходить ландтагъ, которому братья согласились предоставить рѣ-

*) Отъ слова Schinder—живодеръ.

шеніе своего спора; но прежде чѣмъ онъ успѣлъ собраться, партія Альбрехта возстала подъ предводительствомъ совѣтника, врача Кирхгеймера, и силою выгнала изъ магистрата приверженцевъ императора. Кирхгеймеръ ворвался въ ратушу съ вооруженными людьми, выломалъ двери, арестовалъ бургомистра и преданныхъ Фридриху совѣтниковъ и, именемъ народа, предоставилъ диктатуру главѣ возстанія, городскому казначею Вольфгангу Гольцеру. Гольцеръ былъ сынъ богатаго торговца скотомъ и пользовался покровительствомъ Эйцингера; онъ жестоко пострадалъ отъ Циллея, но, благодаря Эйнцингеру, снова пріобрѣлъ значеніе. Въ минуту возстанія въ Вѣнѣ находилась императрица съ сыномъ; императоръ же былъ въ отсутствіи. По первому извѣстію о случившемся, онъ поспѣшилъ возвратиться, но простоялъ три дня передъ воротами и долженъ былъ заключить унизительную, капитуляцію съ Гольцеромъ и его товарищами. Флегма и нѣмецкое хладнокровіе Фридриха такъ раздосадовали его супругу, пылкую португальскую принцессу, что она громко упрашивала сына, будущаго императора Максимиліана I, дѣйствовать, когда сдѣлается императоромъ, мужественнѣе и не навлекать на нее позора. Фридрихъ расположился въ замкѣ, гдѣ находился въ полной зависимости отъ жителей. Онъ до такой степени исполнялъ всѣ ихъ требованія, что, когда одинъ изъ его приверженцевъ былъ выбранъ въ бургомистры, толпа криками и угрозами принудила его назначить новые выборы и утвердить бургомистромъ Гольцера. Подобный миръ съ революціонерами конечно не могъ быть проченъ тѣмъ болѣе, что солдаты Фридриха, не получая жалованья, безчинствовали въ городѣ и вызывали жителей на драку. Дѣло дошло до того, что народъ осадилъ замокъ и началъ обстрѣливать его. Фридрихъ имѣлъ при себѣ только двѣсти рыцарей и преданныхъ ему гражданъ, которые притомъ терпѣли недостатокъ въ продовольствіи. Его положеніе сдѣлалось тѣмъ опаснѣе, что граждане предложили главное начальство его злому брату, который, принявъ пред-

ложеніе, открылъ страшную канонаду и дѣятельно повелъ осаду. Императоръ Священной Римской Имперіи, простиравшейся, какъ говорили, отъ Нѣмецкаго моря до Тибра, едва не сдѣлался плѣнникомъ вѣнскаго скотопромышленника Вольфганга Гольцера. Къ счастью его, Георгій Подѣбрадъ внялъ его мольбамъ и подоспѣлъ во время на помощь. Отправивъ впередъ отрядъ своего сына, Викторина, онъ не замедлилъ явиться самъ и заставилъ вѣнцевъ немедленно снять осаду. Однако онъ и тутъ не измѣнилъ своей политикѣ: спасши императора, онъ не разсорился съ его братомъ и австрійцами и устроилъ дѣло такъ, что отъ его помощи выигралъ не Фридрихъ, а Альбрехтъ. Вмѣсто того, чтобы рѣшительно вступиться за императора, онъ устроилъ договоръ, по которому Альбрехтъ получилъ на 8 лѣтъ Вѣну и всѣ земли ниже Энса, обязавшись платить брату по 4 т. золотыхъ гульденовъ въ годъ и возвратить всѣ завоеванные замки. Альбрехтъ самъ прочелъ народу этотъ договоръ съ каѳедры церкви Св. Стефана.

Жители Вѣны и вообще всѣ австрійцы вскорѣ почувствовали, что поступили неразсчетливо, промѣнявъ безхарактернаго, апатичнаго труса на злаго мота. Альбрехтъ до того тиранилъ ихъ, что Гольцеръ сговорился съ пробстомъ Георгомъ Пресбургскимъ схватить его и выдать императору, обѣщавшему за это 6 т. гульденовъ. Капитанъ Августинъ Тристамъ, стоявшій неподалеку съ 400 всадниковъ, долженъ былъ вступить въ городъ и неожиданно напасть на Альбрехта. Все это было исполнено, но счастливый случай спасъ Альбрехта и помогъ ему укрыться въ замкѣ. По недостатку съѣстныхъ припасовъ онъ скоро очутился въ такомъ же положеніи, въ какомъ нѣкогда находился его братъ, и неминуемо погибъ бы, если бы не успѣлъ возстановить вѣнцевъ противъ ихъ бургомистра. Гольцеръ внушилъ къ себѣ недовѣріе, набравъ слишкомъ много солдатъ. Тѣмъ не менѣе непонятно, какимъ образомъ Альбрехтъ успѣлъ изъ замка убѣдить народъ, что бургомистръ хочетъ предать городъ Фрид-

риху. Народъ внезапно принялъ сторону Альбрехта и возмутился противъ бургомистра. Гольцеръ, побѣжденный въ борьбѣ съ гражданами, бѣжалъ, но былъ пойманъ, поруганъ народомъ, недавно покланявшимся ему, и по приказанію Альбрехта подвергнутъ пыткѣ. Онъ не сознался ни въ чемъ, но, не смотря на то, былъ возмутительнымъ образомъ четвертованъ. Альбрехтъ, находившій особенное удовольствіе терзать людей, подвергъ жесточайшимъ наказаніямъ всѣхъ, казавшихся по чему либо подозрительными. Вскорѣ у него началась война съ братомъ. Многіе могущественные австрійскіе вельможи, негодуя на его безпутства, отложились отъ него, а императорскіе отряды окружили Вѣну. Жена и сестра императора старались помирить братьевъ, но когда все было уже улажено, Фридрихъ не согласился на миръ. Такой же исходъ имѣло предложеніе Альбрехта разобрать споръ на ландтагѣ: Фридрихъ запретилъ своимъ подданнымъ являться на этотъ ландтагъ. Наконецъ, внезапная смерть Альбрехта (2 декабря 1463), приписываемая отравѣ, доставила австрійцамъ давно желанный миръ.

6. Отношенія Фридриха III къ Германской имперіи.

Всего сказаннаго, кажется, достаточно, чтобы понять, почему Фридрихъ, не умѣвшій поддержать свое значеніе даже въ родовыхъ владѣніяхъ своихъ, предоставлялъ имперію ея собственной судьбѣ, и почему крупные владѣтели пришли къ убѣжденію, что и они, и государство могутъ обойтись безъ императора. Въ этихъ видахъ Дитрихъ Майнцскій помирился съ Фридрихомъ Побѣдоноснымъ Пфальцскимъ, а послѣдній еще въ 1454 г. заключилъ договоръ съ Альбрехтомъ Австрійскимъ на случай низложенія императора. Нѣкоторые курфирсты открыто выступили противъ Фридриха III и старались прекратить господствовавшую въ имперіи неурядицу помимо императора и противъ его воли. Они предписали собрать въ Нюрнбергѣ сеймъ и почти съ угрозами потребовали отъ Фридриха, очень недовольнаго всѣмъ

Digitized by Google

этимъ, чтобы онъ лично явился на сеймъ, который долженъ былъ открыться въ ноябрѣ 1456 г. Положеніе Германіи, представленное въ настоящемъ свѣтѣ въ изданномъ въ Нюрнбергѣ манифестѣ, давало имъ право рѣшиться на крайнія мѣры. Мы приведемъ здѣсь это мѣсто, замѣченное впрочемъ не нами, а однимъ изъ нашихъ сотоварищей; пусть послужитъ оно въ назиданіе всѣмъ, сочувствующимъ нашей новѣйшей цивилизаціи, сопровождаемой такими неисправимыми бѣдствіями; пусть также утѣшитъ оно тѣхъ, которые скорбятъ о жалкой участи Священной Римской Имперіи. „Намъ прискорбно видѣть, „говорятъ князья„, тяжкое положеніе всѣхъ сословій Священной Римской Имперіи; германскія земли издавна терпятъ бѣдствія и всякій ущербъ; въ нихъ свершались и, къ сожалѣнію, свершаются почти каждый день доселѣ всевозможныя насилія, грабежи, убійства и поджоги; вслѣдствіе всего этого Священная Имперія сильно пострадала и уменьшилась, и многіе подданные ежедневно терпятъ убійства и ущербъ; Германія пришла въ такое положеніе, что нѣмцы не имѣютъ возможности употребить въ дѣло свою великую силу и могущество, такъ что всѣ націи оскорбляютъ, презираютъ и ни во что не ставятъ Священную Имперію и нѣмецкій народъ.“ *) Впрочемъ и на этотъ разъ въ Германіи, по обыкновенію, было много шуму, но мало толку. Курфирсты Майнцкій, Бранденбургскій и Пфальцскій, счи-

*) «Wir auch zu Herzen nehmen, wie gar schwerlichen, hertlichen und manichfeldigen beide geistlich und weltlich Staat und Wesen in dem heiligen römischen Reiche, vorab in deutschen Landen, lange Zeit bisher angefochten und beschädigt, auch mancherley Unrad gewaldigliche und andere unziemliech und verlich Zugriff beschen sint nnd leider noch täglich beschen mit Raub, Mord und Brand, davon dann das h. R. gar schedlich gemindert wird und viel des Reichs Undertanen Verderbnis, gross Mord und Beschedigung teglich leyden und deshalb Deutschland von ihm selbst so gar verirret ist dasz die Deutschen ihr grosze Kraft und Macht die sie haben manch zit bisher nicht in Redlichkeit gebrauchen mögen dodurch denn das heilige Reich nnd die deutsche Zunge von allen andern Nationen gräszlich angefochten, verachtet und klein gehalten wird, deshalb werden wir inbrüstiglich bewegt u. s. w»

тавшійся главною опорою союзниковъ, пріѣхали на сеймъ лично, другіе же прислали уполномоченныхъ; собралось множество духовныхъ и свѣтскихъ князей, написали помянутый протестъ, но этимъ дѣло и кончилось. Курфирсты приняли, правда, угрожающій видъ и назначили къ маю будущаго года новое собраніе во Франкфуртѣ, требуя, чтобы императоръ непремѣнно явился туда; но на самомъ дѣлѣ они помышляли только о личныхъ выгодахъ. Курфирстъ Бранденбургскій отсталъ отъ нихъ, Кёльнъ и Триръ вовсе не принимали участія въ дѣлѣ, а Дитрихъ Майнцскій и злой Фрицъ заключили между собою (въ мартѣ 1457 г.) договоръ о монетной регаліи, пошлинахъ и различныхъ привилегіяхъ, которыя желали получить отъ императора во вредъ имперіи. Маркграфъ Альбрехтъ Ахиллъ, помогшій Фридриху III въ австро-баварскихъ распряхъ, дѣйствовалъ и тутъ изъ патріотизма въ пользу императора, и успѣлъ отвратить отъ него бѣду. Такимъ образомъ и франкфуртскій реформаціонный сеймъ (въ маѣ 1457 г.) кончился тѣмъ же, чѣмъ всѣ другіе.

Согласіе князей, обогатившихся на счетъ государства и императора, было не продолжительно. Уже въ слѣдующемъ году злой Фрицъ поссорился съ Дитрихомъ Майнцскимъ и маркграфомъ Альбрехтомъ Ахилломъ, а маркграфъ съ Лудвигомъ Богатымъ Баварскимъ, и дѣло дошло до войны. Хотя курфирстъ Пфальцскій воевалъ главнымъ образомъ на Рейнѣ, но военныя дѣйствія находились въ связи съ войною Альбрехта сь Лудвигомъ Баварскимъ, такъ какъ онъ владѣлъ Верхнимъ Пфальцемъ и былъ въ союзѣ съ Лудвигомъ. Фридрихъ Побѣдоносный и Альбрехтъ Ахиллъ были равно храбрыми рубаками и распространяли свои владѣнія на счетъ слабѣйшихъ сосѣдей; но Альбрехтъ постоянно стоялъ за императора, который въ свою очередь помогалъ ему и сдѣлалъ его своимъ обергофмейстеромъ (1455 г.), тогда какъ курфирстъ Пфальцскій оскорблялъ императора на всякомъ шагу. Вскорѣ послѣ (стр. 179) войны противъ Лудвига Бородатаго, Альбрехтъ, купившій множество владѣній во Франконіи, поссорился съ мо-

Digitized by Google

гущественнымъ Нюрнбергомъ, ибо хотѣлъ пользоваться своею бургграфскою властью въ ущербъ горожанамъ. Императоръ и суды въ то время ничего не значили, и рѣшеній ихъ никто не слушалъ; поэтому между Нюрнбергомъ и Альбрехтомъ началась война (1449 г.). За нюрнбергцевъ вступились нѣсколько городовъ и швейцарскій союзъ; Альбрехтъ же соединился съ 17 свѣтскими князьями, 15 епископами, множествомъ графовъ и всѣмъ франконскимъ рыцарствомъ. Хотя онъ былъ храбрымъ рыцаремъ и лучшимъ полководцемъ своего времени и стоялъ во главѣ сильнаго союза, но нюрнбергскіе патриціи заслуживаютъ гораздо большаго удивленія. Выигравъ 8 сраженій, онъ проигралъ девятое (при Пиллерсдорфѣ), впрочемъ безъ большой потери. Несчастной Франконіи пришлось также дорого поплатиться за славу бранденбургскаго Ахилла, какъ нѣкогда троянскому царству за славу греческаго: въ эту войну, длившуюся цѣлый годъ, было выжжено болѣе 200 деревень. Наконецъ обѣ стороны, желая выйти съ честью изъ борьбы, прибѣгли къ посредничеству императорскихъ коммиссаровъ. Фридрихъ отпраздновалъ примиреніе блестящимъ турниромъ въ Нюрнбергѣ.

Въ слѣдующемъ году Альбрехтъ дѣйствовалъ въ пользу императора, а затѣмъ началъ упомянутую войну противъ герцога Баварскаго Лудвига Богатаго, сына Генриха Богатаго Ландсгутскаго, извѣстнаго изъ исторіи Лудвига Бородатаго (стр. 178). Эта война была такъ гибельна для Баваріи, Франконіи и верхнерейнскихъ странъ, гдѣ было сборное мѣсто тогдашняго рыцарства, что аббатъ Тритгеймъ счелъ ее достойной служить предметомъ цѣлаго сочиненія. Поводомъ къ войнѣ было нападеніе Лудвига на городъ Донаувертъ, съ цѣлью присоединить его къ Баваріи, не смотря на то, что вольныя права города были признаны его прежнимъ владѣльцемъ, Лудвигомъ Бородатымъ (стр. 178). Сперва Лудвигу Богатому помогали Фридрихъ Пфальцскій и Альбрехтъ Ахиллъ, такъ что Донаувертъ не смотря на помощь, присланную аугсбургцами, долженъ былъ выставить бѣлый флагъ и впустить баварцевъ (ок-

тябрь 1458 г.). Вслѣдъ затѣмъ Альбрехтъ поссорился съ Фридрихомъ Пфальцскимъ и Лудвигомъ Богатымъ, что позволило Донауверту возвратить себѣ свободу. Съ Фридрихомъ Альбрехтъ разошелся за грабителя рыцаря Горнека, котораго взялъ подъ свою защиту противъ Пфальцскаго курфирста. Императоръ уничтожилъ всѣ привиллегіи, противныя императорскому земскому суду въ Кадольцбургѣ; Альбрехтъ, предсѣдательствовавшій въ качествѣ бургграфа Нюрнбергскаго въ этомъ судѣ, хотѣлъ на основаніи этого подчинить ему сѣверо-баварскіе округи, что было причиной его ссоры съ Лудвигомъ Богатымъ. По возраженію Лудвига противъ привиллегіи, данной суду въ пользу бургграфа, можно судить, до какой степени жертвовали тогда интересами народа и государства для подкупа князей. Лудвигъ совершенно основательно утверждалъ, что императорское полномочіе противорѣчитъ основному праву нѣмцевъ, быть судимыми природными судьями, и потому не дѣйствительно. Въ февралѣ 1459 г. донаувертское дѣло было разсмотрѣно на эсслингенскомъ сеймѣ и рѣшено противъ Лудвига, отчасти вслѣдствіе его ссоры съ Альбрехтомъ, отчасти также потому, что императоръ успѣлъ привлечь на свою сторону брата послѣдняго, курфирста Бранденбургскаго. Фридрихъ III предоставилъ этому курфирсту неслыханное право возвышать, по своему усмотрѣнію существующіе налоги и учреждать новые. Эсслингенскій сеймъ произнесъ противъ Лудвига опалу; исполненіе приговора и освобожденіе Донауверта было поручено тому же Альбрехту, который недавно участвовалъ въ походѣ Лудвига противъ города. Впрочемъ дѣло уладилось полюбовно на княжескомъ съѣздѣ въ Нюрнбергѣ, но за то возникла новая, гибельная распря. На съѣздѣ долженъ былъ быть рѣшенъ споръ Фридриха Пфальцскаго съ сосѣдями; въ то же время Альбрехтъ предъявлялъ князьямъ грамоту, по которой онъ, какъ бургграфъ Нюрнбергскій, назначался имперскимъ градоначальникомъ (Reichsschultheiszen). Лудвигъ Богатый, увидя грамоту, пришелъ въ такую ярость, что тутъ же изорвалъ ее. Императоръ былъ въ высшей степени оскорбленъ этимъ, но герцога

поддерживалъ Фридрихъ Пфальцскій, и при своемъ богатствѣ онъ могъ набрать довольно войска для войны съ императоромъ и его друзьями.

Въ войнѣ, начавшейся по этому поводу и длившейся три года, Лудвигъ опустошалъ Франконію, а Альбрехтъ, въ качествѣ имперскаго главнокомандующаго, Баварію. Альбрехту помогали герцогъ Георгъ Саксонскій, епископъ эйхштедскій и много другихъ князей, господъ и епископовъ, такъ что онъ имѣлъ въ первый годъ войны до 24 т. войска. Тѣмъ не менѣе перевѣсъ былъ на сторонѣ Лудвига, войска котораго состояли изъ наемныхъ, а не силою завербованныхъ солдатъ. У него кромѣ швейцарцевъ было много нѣмцевъ, преимущественно австрійцевъ и чеховъ, такъ какъ обычай наниматься въ солдаты, существовавшій во Франціи и въ Италіи, распространился въ то время и въ Германіи; такимъ образомъ всякій князь, начинавшій войну, и всякій рыцарь, желавшій обратить свой замокъ въ разбойничій притонъ, легко находили себѣ наемниковъ. Мы не станемъ описывать рыцарскихъ подвиговъ, каннибальскихъ жестокостей, побѣдъ и пораженій войны, свирѣпствовавшей съ 1460 по 1463 г. въ Баваріи, Франконіи, по Рейну и въ части Швабіи. Для нашей цѣли достаточно указать на два любопытныхъ обстоятельства и дать понятіе объ общемъ характерѣ этой войны. Георгій Подѣбрадъ, бывшій уже богемскимъ королемъ, старался угодить обѣимъ сторонамъ, никого не оскорбляя и никому въ особенности не помогая, чтобъ такимъ образомъ расположить къ себѣ нѣмецкихъ князей. Ему было бы очень пріятно лишить габсбургскій домъ императорскаго достоинства. Что же касается до общихъ дѣлъ имперіи, то они явились въ обычномъ свѣтѣ. Имперскіе чины, не исключая самаго ничтожнаго владѣльца, самаго мелкаго города, заботились только о себѣ или о воинской славѣ какого нибудь князя, а люди и страна гибли. Не смотря на многочисленное войско, маркграфъ Альбрехтъ въ первый же годъ войны былъ разбитъ при Ротѣ во Франконіи; тогда герцогъ Георгъ и другіе немедленно отправи-

правились восвояси, не заботясь объ общемъ дѣлѣ. Вслѣдствіе этого Эйхштедъ сдался, все бургграфство было наводнено войсками, и города открыли ворота герцогу Баварскому. Слѣдующею зимою все снова измѣнилось: баварцевъ изгнали изъ бургграфства, отняли у нихъ всѣ города, кромѣ Рота, и начали переговоры, которые, по обыкновенію, ничѣмъ не кончились. Хотѣли принять посредничество Георгія Подѣбрада, но императоръ побоялся измѣны, и война возобновилась. Фридрихъ III вновь подвергнулъ Лудвига опалѣ и поднялъ противъ него своихъ друзей и многочисленныхъ враговъ его и его союзника, злаго Фрица. Альбрехтъ Ахиллъ, назначенный имперскимъ главнокомандующимъ, вторгнулся въ Баварію съ многочисленною арміею и опустошилъ ее точно также, какъ въ прошломъ году Лудвигъ Франконію. Но Лудвигу помогъ злой Фрицъ, и войско его значительно усилилось новыми наемниками изъ Богеміи и Австріи; имперская же армія Альбрехта постоянно слабѣла, потому что контингенты снова спѣшили домой. Альбрехтъ былъ оттѣсненъ въ Швабію, гдѣ расположился въ укрѣпленномъ лагерѣ у Йингена; но Лудвигъ разбилъ его здѣсь 19 іюля 1462 г. и даже взялъ имперское знамя, подаренное императоромъ Альбрехту при назначеніи его главнокомандующимъ. Послѣ этого заключили перемиріе на годъ и въ теченіе этого времени вели переговоры о мирѣ. Курфирстъ Пфальцскій приступилъ къ перемирію; но какъ самъ онъ, такъ и разбойники рыцари, дѣйствовавшіе съ нимъ за одно, полагались больше на оружіе, чѣмъ на право, вслѣдствіе чего война не прекращалась на Рейнѣ. Въ Баваріи, напротивъ того, грабежи надоѣли всѣмъ. По свидѣтельству хроникъ, быть можетъ нѣсколько преувеличенному, но въ общихъ чертахъ безъ сомнѣнія вѣрному, было разрушено болѣе 600 замковъ, городовъ, мѣстечекъ и деревень. По этому можно судить, какъ дорого обходились несчастному народу прославляемые въ пѣсняхъ и лѣтописяхъ подвиги рыцарей и войны, въ которыхъ князья наживались на счетъ слабыхъ и пріобрѣтали прозвища Ахилловъ и Побѣдоносныхъ. Ни та, ни

другая партія ничего не выиграли отъ этого раззоренія. По миру, заключенному въ Прагѣ (августъ 1463 г.) при посредничествѣ Подѣбрада, плѣнные получили свободу, и каждая сторона осталась при своемъ. Относительно императорскаго земскаго суда уже прежде было рѣшено, что истецъ долженъ обращаться къ суду, которому подлежитъ отвѣтчикъ. Объ опалѣ Лудвига не было и рѣчи, а Донаувертъ снова сдѣлался имперскимъ городомъ, однако съ нѣкоторыми ограниченіями.

На Рейнѣ и въ Пфальцѣ въ теченіе 1458 и 1459 г. грабили, жгли и рѣзали 18 герцоговъ, маркграфовъ и графовъ, соединившихся противъ курфирста Фридриха, который въ свою очередь отплачивалъ имъ тѣмъ же. Въ мартѣ 1460 г. ему объявилъ войну Дитрихъ Майнцскій, послѣ чего рѣзня и пожары свирѣпствовали отъ Эльзаса до Бахараха. Епископы и князья вступались то за императора, то за злаго Фрица, оскорбившаго главу имперіи, назвавъ одну башню близь Гейдельберга въ насмѣшку ему Trutzkaiser. Валлоны и Швейцарцы продавали на Рейнѣ свои услуги обѣимъ сторонамъ, подобно чехамъ и австрійцамъ въ Баваріи и Франконіи. Мы войдемъ въ подробности этой войны, чтобъ показать, до чего доходило кулачное право. Важнѣйшимъ событіемъ было сраженіе при Феддерсгеймѣ (4 іюля 1460 г.), покончившее войну и доставившее курфирсту Фридриху славу и выгоды. Соединясь съ ландграфомъ Лудвигомъ Гессенскимъ, онъ одержалъ при Феддерсгеймѣ блистательную побѣду надъ курфирстомъ Майнцскимъ, ландграфомъ Пфальц-Цвейбрюкенскимъ и ихъ союзниками, имѣвшими вдвое больше войска, чѣмъ онъ. Графы Іоаннъ Нассаускій, Оттонъ Геннебергъ, Филиппъ Лейнингенъ и Дитрихъ Рункель и 150 рыцарей были взяты въ плѣнъ. Непосредственнымъ результатомъ побѣды было заключеніе мира (18 іюля) при посредничествѣ Карла Баденскаго. Курфирстъ Майнцскій согласился на всѣ требованія Фридриха, а вскорѣ и Ульрихъ Вюртембергскій отказался отъ своихъ притязаній. Но Лудвигъ Вельденцкій и графъ Лейнингенъ, предоставленные соб-

ственнымъ силамъ, продолжали противиться, и грабежъ, рѣзня и пожары длились въ Пфальцѣ еще цѣлый годъ. Наконецъ маркграфъ Баденскій убѣдилъ и этихъ князей подчиниться курфирсту, уступить ему города, заплатить деньги и признать его верховную власть. Миръ былъ заключенъ въ Баденѣ 30 іюня 1461 г. Но Фридрихъ не могъ оставаться покойнымъ, имѣя случай поживиться на счетъ сосѣдей; поэтому онъ не замедлилъ вмѣшаться въ дѣла Дитриха Майнцскаго и тѣмъ вызвалъ новую, страшную войну на Рейнѣ, въ которой онъ, самъ того не вѣдая, защищалъ права германской церкви и государства, а его противники неслыханныя притязанія папы.

Курфирстъ Дитрихъ, изъ дома Изенбурговъ, былъ избранъ въ майнцскіе архіепископы не совсѣмъ правильно и потому нуждался болѣе другихъ въ согласіи папы. Согласіе это онъ получилъ, обѣщавъ все, чего папа требовалъ. Папскій престолъ въ то время занималъ Эней Сильвій подъ именемъ Пія II; онъ служилъ прежде императору, причемъ лишилъ нѣмцевъ выгодъ конкордата (т. IX. стр. 247, 259 и слѣд.). Зная нѣмецкихъ князей и положеніе дѣлъ въ Германіи, онъ воспользовался въ 1459 г. затрудненіями Дитриха, чтобъ вынудить у него обязательства, отъ которыхъ удержался бы всякій другой на мѣстѣ Дитриха, такъ какъ они явно клонились во вредъ нѣмецкой церкви и національной чести. Дитрихъ обѣщалъ присутствовать на мантуанскомъ соборѣ, созванномъ Піемъ II съ цѣлью устроить крестовый походъ противъ турокъ; затѣмъ обязался пріѣхать не позже года въ Римъ, чтобъ научиться у папы обязанностямъ своего сана, и согласился платить папѣ установленную имъ подать подъ названіемъ аннатовъ (т. IX. стр. 222); прежде она взымалась произвольно, но впослѣдствіи для нее была установлена такса, по которой съ Майнца приходилось 10 т. гульденовъ. Дитрихъ поручилъ одному римскому банкиру уплатить эту сумму, но папа, по соглашенію съ его повѣреннымъ, взялъ вдвое. Однако Дитрихъ отказался заплатить банкиру за излишекъ, вслѣдствіе

чего тотъ пожаловался на него римскому духовному суду, который, по обыкновенію, подвергъ архіепископа отлученію. Это побудило Дитриха на крайнія мѣры противъ папы. Онъ выразился о папѣ очень рѣзко, аппеллировалъ собору и обратился къ имперскому сейму. Кардиналъ Ренальдъ полагаетъ, что Дитрихъ совершенно напрасно подалъ этимъ дурной примѣръ, такъ какъ приговоръ князей не принесъ ему никакой пользы; по мнѣнію кардинала, ему слѣдовало бы, не поднимая изъ пустяковъ шума, обратиться прямо къ папѣ, который заставилъ бы духовный судъ отмѣнить свое рѣшеніе. По словамъ Ренальда, Дитрихъ въ присутствіи легата весьма рѣзко отозвался о папѣ, за то что ему не хотѣли уступить часть десятины, собранной въ майнцской области подъ предлогомъ войны съ турками; онъ сказалъ, что папа ни мало не заботится о спасеніи душъ нѣмецкаго народа, а помышляетъ только о грабежѣ и добычѣ. Разсказъ этотъ не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ его приводитъ продолжатель Баронія, имѣвшій цѣлью оправдать Пія II во всѣхъ обвиненіяхъ. Впрочемъ Дитрихъ представилъ нюрнбергскому сейму это дѣло пристрастно. Нюрнбергскій сеймъ, происходившій въ февралѣ и мартѣ 1461 г., былъ продолженіемъ егерскаго сейма, на которомъ князья совѣщались о томъ, чтобы низложить Фридриха III и возвести на престолъ Георгія Подѣбрада. Въ Нюрнбергъ пріѣхали курфирсты Майнцкій, Пфальцкій и Бранденбургскій и уполномоченные отъ курфирстовъ Трирскаго, Саксонскаго и Богемскаго и отъ многихъ другихъ князей и городовъ; но никто не показывалъ вида о соглашеніи съ Подѣбрадомъ противъ императора. Однако сеймъ написалъ Фридриху весьма грозное посланіе, прямо упрекая его въ неисполненіи обязанностей и грозя участью Венцеслава. Къ его счастью, Дитрихъ Майнцскій выступилъ съ жалобой на притѣсненія папы и аппелляціей на свое отлученіе. Это соединило папу съ императоромъ, и они общими силами разстроили новое собраніе князей въ Франкфуртѣ, направленное противъ Фридриха. Въ маѣ 1461 г. собрался въ Майн-

цѣ конгрессъ, на которомъ Дитрихъ повторилъ свой протестъ противъ папы и доказалъ князьямъ, что аннаты уничтожены базельскимъ соборомъ. Свою нѣмецкую рѣчь (Ренальдъ насмѣшливо замѣчаетъ, что онъ не зналъ по-латыни) онъ заключилъ слѣдующими словами: „Десятины, требуемыя находящимися здѣсь легатами, индульгенціи, принесенныя ими подъ предлогомъ турецкой войны,—все это, повѣрьте, чистое надувательство. Но если вы послушаете меня, обманъ ихъ не принесетъ имъ ни малѣйшей пользы. Я аппеллировалъ собору не потому только, что невинно отлученъ въ Римѣ отъ церкви, а потому, что хочу избавить моихъ бѣдныхъ подданныхъ отъ бремени турецкихъ десятинъ. Мы не имѣемъ другаго средства избавиться отъ папской тиранни; поэтому послѣдуйте моему примѣру и помогите себѣ и своимъ подданнымъ". Но доводы Дитриха были тщетны. Папа прислалъ въ Майнцъ двухъ легатовъ, вормскаго декана и испанца Толедо, которые такъ напугали добрыхъ благочестивыхъ нѣмцевъ, что князья отступились отъ дѣла. Пій II сохранилъ ихъ рѣчи въ своемъ сочиненіи, изданномъ подъ именемъ Гобелина (т. IX, стр. 450). Дитрихъ, видя, что всѣ покинули его, поспѣшилъ объявить легатамъ, что беретъ назадъ всѣ свои слова. Узнавъ это, Пій II поручилъ базельскому декану пріискать въ Майнцѣ каноника, который, по своимъ связямъ, могъ бы быть ему полезенъ противъ Дитриха. Папскій уполномоченный указалъ на графа Адольфа Нассаускаго, соглашавшагося принять на себя требуемую роль. Пій низложилъ Дитриха и назначилъ Адольфа архіепископомъ; императоръ немедленно призналъ его курфирстомъ, и большинство нѣмецкихъ князей послѣдовало его примѣру и помогло Адольфу силою завладѣть архіепископствомъ. Низложенный курфирстъ долженъ былъ просить помощи у своего прежняго врага, Фридриха Пфальцскаго, который въ то время помогалъ въ Верхнемъ Пфальцѣ Лудвигу Баварскому противъ Альбрехта Ахилла. Получивъ посольство Дитриха, Фридрихъ немедленно отправился въ Нижній Пфальцъ и 19-го ноября

заключилъ союзъ съ бывшимъ архіепископомъ, выговоривъ себѣ страну отъ Гейдельберга до Дибурга, доставшуюся Майнцу въ 1232 г. Дитрихъ заложилъ ее Фридриху за 100 т. гульденовъ, которые курфирстъ Пфальцскій безъ большаго труда добылъ посредствомъ грабежа и контрибуцій.

Между тѣмъ сторону Адольфа приняли многіе князья, въ томъ числѣ Ульрихъ Вюртембергскій и Альбрехтъ Бранденбургскій. Въ началѣ слѣдующаго 1462 года, Фридрихъ Пфальцскій былъ отлученъ отъ церкви и лишился единственнаго союзника, ландграфа Гессенскаго, перешедшаго на сторону его противниковъ. Такимъ образомъ онъ могъ располагать только силами своего курфиршества. Къ его счастью, противники рѣшились аттаковать его всѣми силами при Гейдельбергѣ, куда онъ отступилъ, какъ бы опасаясь ихъ многочисленности. Войско его состояло всего изъ 3,000 чел., къ которымъ въ послѣднюю минуту присоединился Дитрихъ съ 300 отборныхъ рыцарей; но недостатокъ въ войскѣ замѣнялся у него военными талантами, которые сдѣлали бы ему честь и въ наше время. 30-го іюня 1462 г. онъ неожиданно напалъ на союзниковъ при Зеккенгеймѣ; скрывъ часть своего войска въ лѣсу, онъ оттѣснилъ непріятеля въ уголъ между Рейномъ и Неккеромъ; здѣсь произошла отчаянная битва, въ которой Фридрихъ одержалъ полную побѣду и взялъ въ плѣнъ графа Ульриха Вюртембергскаго, маркграфа Карла Баденскаго, епископа Георга Мецскаго, одного баденскаго принца и многихъ другихъ. Чтобъ заставить ихъ заплатить огромный выкупъ, онъ заковалъ всѣхъ ихъ въ цѣпи и заключилъ въ отвратительную тюрьму, какъ простыхъ преступниковъ. Они долго противились, но наконецъ въ апрѣлѣ 1463 г. подчинились тяжкимъ условіямъ злого Фрица. Труднѣе было примирить съ Дитрихомъ Адольфа Нассаускаго, не сидѣвшаго въ оковахъ. Послѣ зеккенгеймскаго сраженія Адольфъ предложилъ свиданіе своему противнику, овладѣвшему Майнцомъ. По всей вѣроятности онъ хотѣлъ захватить Дитриха, потому что вступилъ въ сношенія съ майнцскими бургомистрами, повидимому

Digitized by Google

обѣщавшими предать въ его руки Дитриха и Фридриха Пфальцкаго, который также долженъ былъ присутствовать при свиданіи. По счастью Фридрихъ не могъ пріѣхать въ Майнцъ, но Дитрихъ и графъ Филиппъ Катценелленбогенъ находились въ городѣ, когда бургомистры отперли ворота Адольфу съ войскомъ. Они съ трудомъ успѣли спастись, спустившись со стѣны по канату, и бѣжали въ Оппенгеймъ (октябрь 1462 г.) Послѣ этого Фридрихъ не соглашался вступать въ переговоры, пока не принудилъ тюрьмой и кандалами своихъ плѣнниковъ согласиться на тяжкій миръ, и пока братъ его, Рупрехтъ, не получилъ вакантнаго архіепископства кёльнскаго, съ условіемъ покончить споръ за майнцскую епархію. Въ апрѣлѣ 1463 г. кончились военныя дѣйствія, и плѣнники подчинились требованіяхъ Фридриха. Георгъ епископъ мецскій обязался заплатить 45 т. гульденовъ и уступить три лотарингскихъ замка, отданные ему обратно въ ленное владѣніе. Маркграфъ Карлъ Баденскій долженъ былъ внести 100 т. гульденовъ, но вмѣсто того отказался отъ правъ на графство Спонгеймъ, уступилъ Безиггеймъ и Бонгеймъ и принялъ въ ленъ Форцгеймъ. Ульрихъ Вюртембергскій призналъ Марбахъ пфальцскимъ леномъ, внесъ 40 т. гульд. наличными деньгами и уступилъ Фридриху долговое обязательство Адольфа на 20 т. гульд. Шпейерскій епископъ также былъ наказанъ. Въ октябрѣ состоялся договоръ между Дитрихомъ и Адольфомъ, помирившимися на счетъ майнцской епархіи. Дитрихъ отказался отъ курфирстскаго званія и получилъ за это въ пожизненное владѣніе Гёхстъ, Штейнгеймъ и Дибургъ, съ правомъ духовнаго и свѣтскаго суда въ этихъ округахъ; сверхъ того, Адольфъ принялъ на себя всѣ его долги и обязался на свой счетъ выхлопотать разрѣшеніе церкви. Фридрихъ Пфальцскій и тутъ не остался съ пустыми руками. Чтобъ избавиться отъ его набѣговъ, Адольфъ долженъ былъ предоставить ему почти такія же выгоды, какъ Дитриху. Онъ обязался выхлопотать для него у папы прощеніе и выдалъ отъ имени майнцскаго соборнаго капитула грамату, по которой страна, уступленная Фридриху Дитри-

хомъ, оставалась за нимъ до уплаты ему 100 т. гульденовъ, данныхъ имъ бывшему архіепископу. По окончаніи войны за майнцское епископство начались распри въ кёльнскомъ, въ которыя вмѣшался Карлъ Смѣлый Бургундскій. Тогда же возникло предположеніе соединить Бургундію съ имперіей посредствомъ брака сына Фридриха III, Максимиліана I, съ дочерью и наслѣдницей Карла, Маріей. Вообще, Максимиліану открывались тогда весьма блестящіе виды: онъ былъ признанъ наслѣдникомъ Венгріи и имѣлъ тамъ много приверженцевъ; вся Австрія принадлежала его отцу, а Тироль, владѣтель котораго Сигизмундъ Безумный не имѣлъ ни дѣтей, ни братьевъ, долженъ былъ рано или поздно достаться ихъ дому.

7. Германія и императоръ Фридрихъ III во время кельнской распри.

Изъ исторіи борьбы за майнцское архіепископство можно было видѣть, какъ обращались въ то хваленое, благочестивое время два архіепископа съ нравственностью, жизнью и имуществомъ ввѣренной имъ паствы и съ достояніемъ своей церкви. Вслѣдъ за майнцскою распрею возникла распря въ кёльнскомъ архіепископствѣ. О ней мы скажемъ довольно подробно, потому что факты служатъ намъ для лучшаго пониманія характеровъ. При послѣднихъ Гогенштауфенахъ, имѣвшихъ въ кёльнскихъ архіепископахъ самыхъ надежныхъ и вѣрныхъ друзей, кёльнская область весьма расширилось и обогатилась. Въ царствованіе Сигизмунда, архіепископъ Фридрихъ фонъ Заарверденъ только и помышлялъ, что объ увеличеніи своихъ владѣній. Онъ скопилъ столько денегъ, что могъ купить множество имѣній и, умирая, оставилъ огромную для того времени сумму полутора милліона. Къ сожалѣнію онъ не позаботился дать приличное воспитаніе своему племяннику Дитриху фонъ Мёрсу, наслѣдовавшему ему, согласно его волѣ. Дитрихъ былъ бы гораздо лучшимъ княземъ или рыцаремъ, чѣмъ архіепископомъ, и, сдѣлавшись кёльнскимъ курфирстомъ, прославился безпрерывными войнами, баснословною рос-

копью и расточительностью. Сначала онъ велъ войну за престолъ съ своимъ соперникомъ, Вильгельмомъ Равенсбергомъ и его дядей, герцогомъ Адольфомъ Бергскимъ; потомъ воевалъ съ городомъ Кёльномъ и игралъ роль въ богемскихъ войнахъ, отличаясь передъ всѣми князьями царскою пышностью. Въ войнѣ Адольфа Клевскаго съ городомъ Зёстомъ, онъ выставилъ, говорятъ, до 100 т. войска. Ни одинъ нѣмецкій князь не имѣлъ такого великолѣпнаго двора, не награждалъ такъ щедро своихъ приближенныхъ и служителей, какъ онъ. При избраніи и коронаціи Фридриха III онъ рѣшительно затмилъ блескомъ бѣднаго габсбургскаго четверовластника, котораго онъ возвелъ на престолъ; такимъ образомъ Германія была обязана ему царствованіемъ подобнаго императора, чтобы не сказать хуже. На празднествахъ, сопровождавшихъ избраніе императора. Дитриха окружали 25 докторовъ и множество графовъ, бароновъ, рыцарей, пышныя одежды которыхъ были сшиты на его счетъ; за обѣдомъ имъ подавали серебряную посуду, что чрезвычайно изумило нищихъ верхнегерманскихъ дворянъ и императора. Такая безмѣрная расточительность въ теченіи многихъ лѣтъ неминуемо должна была разстроить финансы кёльнской епархіи и вовлечь архіепископа въ долги. Противъ нея не могли устоять ни сокровища, собранныя скупымъ предмѣстникомъ Дитриха, ни архіепископскіе доходы, простиравшіеся въ то время въ Кёльнѣ до 1000 гульд. въ день. По смерти Дитриха (1462 г.) не только не осталось слѣдовъ богатства его дяди, но всѣ архіепископскія владѣнія, за исключеніемъ только одного имѣнія, оказались заложенными, а налоги—въ рукахъ ростовщиковъ.

Кёльнское духовенство выбрало въ преемники Дитриха брата Фридриха Пфальцскаго, Рупрехта, развратнаго пьяницу и охотника, вступившаго въ духовное званіе въ надеждѣ добыть себѣ епархію и такимъ образомъ сдѣлать выгодную спекуляцію. Но Рупрехтъ и духовенство сильно ошиблись въ разсчетахъ. Рупрехтъ вмѣсто золотыхъ горъ нашелъ раззоренную область, въ которой

ему приходилось довольствоваться ежегоднымъ доходомъ въ 2 т. гульд.; каноники, надѣявшіеся на прежнюю веселую жизнь, встрѣтили въ пфальцскомъ принцѣ безпощаднаго повелителя. Въ числѣ канониковъ, домогавшихся архіепископства вмѣстѣ съ Рупрехтомъ, находились принцы Нассаускій, Вюртембергскій, Гессенскій и братъ Лудвига Чернаго Вельденцскаго и Цвейбрюккенскаго, постоянно враждовавшаго съ Фридрихомъ Пфальцскимъ. Онъ былъ деканомъ капитула и слѣдовательно главою кёльнскаго духовенства. Эти обстоятельства не замедлили возбудить сильный раздоръ между новымъ архіепископомъ и соборнымъ капитуломъ. Церковныя имѣнія были заложены Дитрихомъ разнымъ городамъ и лицамъ за такіе жидовскія проценты, что Рупрехтъ не могъ ихъ выкупить; желая однако воротить ихъ, онъ обратился къ чинамъ архіепископства, чтобъ, при содѣйствіи ихъ, отобрать у ростовщиковъ заклады. Но чины воспротивились этому такъ энергически, что Рупрехту пришлось отказаться отъ своего намѣренія. Тогда онъ просилъ помощи брата, который послалъ ему войско подъ начальствомъ своихъ лучшихъ полководцевъ, Раушенбаха и Букка, и своего племянника Филиппа; послѣдній, хотя достигъ совершеннолѣтія, но призналъ дядю пожизненнымъ курфирстомъ и правителемъ Пфальца. Съ помощью этого войска Рупрехтъ возвратилъ тѣ владѣнія, которыя были промотаны капитуломъ до его избранія. Въ началѣ слѣдующаго года (1469 г.) явился самъ Фридрихъ и помогъ брату вернуть остальныя имѣнія, за безцѣнокъ заложенныя его предшественниками. По своему обыкновенію, онъ началъ процессъ противъ несправедливости процентовъ и заклада тѣмъ, что силою овладѣлъ спорнымъ предметомъ; занявъ для брата Боннъ, Нуйсъ, Брюль, Кейзерсвертъ, Кемпенъ, Андернахъ и другія заложенныя мѣста, онъ принудилъ кредиторовъ принять назначенное имъ вознагражденіе. Себѣ онъ потребовалъ за издержки 35 т. гульд., за которые удержалъ въ закладѣ Кейзерсвертъ и нѣкоторыя подати. Впрочемъ онъ видѣлъ негодность своего брата. Когда капитулъ явился къ нему съ жалоба-

ми на Рупрехта, онъ отвѣчалъ, что самъ никогда бы не посовѣтовамъ имъ выбирать его въ архіепископы, такъ какъ онъ не обладаетъ качествами, нужными для духовнаго лица; но, избравъ, они должны повиноваться ему. Уѣзжая, Фридрихъ оставилъ брату нѣсколько опытныхъ совѣтниковъ; но Рупрехтъ не слушалъ ихъ, вслѣдствіе чего всѣ они удалились, кромѣ Раушенбаха и Букка.

Вслѣдъ за тѣмъ отсутствіе императора, отправившагося на поклоненіе въ Римъ, дало Фридриху Пфальцскому поводъ распространить свою власть на Эльзасъ. Императоръ все еще не признавалъ его курфирстомъ и произнесъ надъ нимъ опалу. Но Фридрихъ не обращалъ на это никакого вниманія; по золотой буллѣ, во время отсутствія императора курфирстъ Саксонскій долженъ былъ быть его викаріемъ на востокѣ, а Пфальцскій—на западѣ. Основываясь на этомъ, Фридрихъ рѣшился во что бы то ни стало воспользоваться своимъ правомъ, надѣясь извлечь изъ него выгоду. Ему удалось дѣйствительно пріобрѣсти выгоды посредствомъ эльзасскаго аббатства Вейссенбурга. Въ этомъ аббатствѣ мѣста каноников получали молодые люди знатнѣйшихъ фамилій Эльзаса, Лотарингіи и зарейнскаго Пфальца; они проживали свои значительные доходы вовсе не по правиламъ святаго Бенедикта. Развратная жизнь этихъ господъ возбуждала общее негодованіе, которое раздѣлялъ даже самъ вейссенбургскій аббатъ. Пользуясь этимъ, Фридрихъ вздумалъ явиться ревнителемъ благочестія и подъ благовиднымъ предлогомъ подчинить себѣ городъ Вейссенбургъ и его аббатство. По правамъ императорскаго ландфогта, онъ послалъ въ Вейссенбургъ коммиссію (въ февралѣ 1460 г.), которая должна была выгнать развратныхъ рыцарскихъ сыновей и замѣнить ихъ благочестивыми монахами. Аббатъ, пробстъ и весь городъ, сильно стѣсненные Фридрихомъ, обратились къ папѣ, который принялъ сторону прежнихъ каноников. Императоръ, возвратясь изъ Рима, также приказалъ возстановить ихъ. Найдя поддержку въ папѣ и императорѣ, дворянскія фамиліи, обиженныя курфирстомъ, рѣшились не уступать мнимому защитнику религіи; городъ Вейссенбургъ также хо-

тѣлъ вырваться изъ его желѣзныхъ рукъ. Фридрихъ по своему обычаю двинулся въ походъ и, соединясь съ жестокимъ графомъ Эбергардомъ Виртембергскимъ и городами Вимпефеномъ и Гейльбронномъ, звѣрски опустошилъ окрестности Вейсенбурга и началъ обстрѣливать городъ. Опустошенія и осада длились три мѣсяца; наконецъ въ февралѣ 1470 г. миръ былъ возстановленъ при посредничествѣ другихъ эльзасскихъ городовъ; условія его показывали, что война утомила обѣ стороны. Монастырское дѣло было отдано на разсмотрѣніе третейскаго суда, а курфирсту предоставили права ландфогта въ Эльзасѣ.

Императоръ не соглашался на послѣднее и рѣшился воспользоваться этимъ случаемъ, чтобъ наказать своего стараго противника. Еще въ январѣ онъ назначилъ имперскимъ полководцемъ смертельнаго врага Фридриха, Лудвига Чернаго Вельденцскаго, снова предалъ курфирста опалѣ и призвалъ къ оружію всѣхъ его недруговъ. Слѣдствіемъ этого была война, опустошившая чудныя прирейнскія страны Пфальца и Эльзаса, окончательно уничтожившая значенія императора и доставившая преслѣдуемому имъ курфирсту великую славу между рыцарями и князьями. Война эта не относится къ всемірной исторіи; мы упоминаемъ о ней только потому, что ею объясняется, почему Фридрихъ Пфальцскій не могъ принять дѣятельнаго участія въ кёльнской распрѣ, получившей важное значеніе, когда въ ней принялъ участіе Карлъ Смѣлый. Императоръ больше всего повредилъ своему полководцу, Лудвигу Вельденцскому, которому хотѣлъ услужить своими декретами и патентами. Онъ объявилъ на сеймѣ, что лишилъ власти въ Эльзасѣ не Пфальцъ, а только лично Фридриха, и передалъ ее Лудвигу Вельденцскому; за эту милость Лудвигу и его подданнымъ пришлось дорого поплатиться. По миру, заключенному въ Гейдельбергѣ, онъ былъ вынужденъ не только отказаться отъ ландфогтства, но и уступить противнику 12 замковъ и городовъ въ Бергштрассе и по лѣвому берегу Рейна. Императоръ продолжалъ громить Фридриха словами и пергаментами, не замѣ-

чая, что унижаетъ этимъ и себя и свою власть. Курфирстъ не обращалъ на него ни малѣйшаго вниманія. Не смотря на это, императоръ въ третій разъ предалъ его опалѣ за то, что онъ — какъ гласилъ приговоръ — произвольнымъ и противузаконнымъ образомъ присвоилъ себѣ курфиршеское достоинство, отстранилъ, не взирая на неоднократныя увѣщанія императора, законнаго наслѣдника и казнилъ 12 совѣтниковъ Амберга, не хотѣвшихъ признавать его. Опала была произнесена въ маѣ 1474 г. на Нюрнбергскомъ сеймѣ, гдѣ былъ наконецъ утвержденъ земскій миръ, обѣщанный три года назадъ, но до сихъ поръ не исполненный. Не смотря на опалу, Фридрихъ оставался курфирстомъ до самой смерти (въ декабрѣ 1476 г.); ему наслѣдовалъ его племянникъ, Филиппъ.

Изъ исторіи Фридриха Пфальцскаго можно видѣть, что въ ту пору въ Германіи національное единство почти изчезло, а монархическая власть существовала только по имени. Въ это время Карлъ Смѣлый стремился создать военнымъ путемъ новую европейскую державу; во Франціи же свирѣпый тиранъ, Лудовикъ XI, оказалъ своему народу незабвенную услугу, соединивъ націю и сокрушивъ высшую аристократію или княжескую свободу и власть, какъ говорили нѣмцы. Съ тѣхъ поръ какъ обстоятельства, о которыхъ мы теперь разскажемъ, привели Карла Смѣлаго на Рейнъ, исторія Германіи вступаетъ снова въ тѣсную связь съ исторіей остальной Европы. Но намъ еще нужно упомянуть о нѣкоторыхъ другихъ событіяхъ, повидимому маловажныхъ, но имѣющихъ значенія для характеристики нравовъ; они доказываютъ, что въ то время церковь считала главною стороною христіанства не нравственность, а обряды, и потому дѣла не могли долѣе идти подобнымъ образомъ. Событія эти и обзоръ литературы этого періода покажутъ намъ, что въ XV столѣтіи уже созрѣло все, совершенное Лютеромъ въ началѣ XVI. Такимъ образомъ для насъ станетъ ясно, что Реформація не была дѣломъ одного безпокойнаго человѣка и его сообщниковъ, какъ говорятъ обскуранты

о всякой коренной реформѣ, но была вызвана потребностью времени, которая только потому повела къ революціи, что упорные приверженцы старины не хотѣли допустить ни малѣйшаго исправленія въ томъ, что очевидно устарѣло.

И такъ Фридрихъ Пфальцскій распространялъ мечемъ свою власть до нидерландскихъ границъ и господствовалъ надъ всею южною и западною Германіей; между тѣмъ императоръ тратилъ свои послѣднія крохи на поѣздку въ Римъ, чтобъ выполнить обѣтъ и унизиться передъ папою. Даже опасность, грозившая его родовымъ землямъ, не могла удержать его отъ этого богомолія. Онъ былъ замѣшанъ въ опасную войну съ Георгіемъ Подѣбрадомъ, и кромѣ того турки уже дважды вторгались въ Истрію и Крайнъ, страшно опустошили ихъ и увели множество плѣнныхъ, которые были обращены въ рабство. Фридрихъ, отправляясь на богомоліе, разсчитывалъ на ссору короля богемскаго съ венгерскимъ; съ помощью папы ему удалось возстановить Матфія Корвина противъ Георгія, такъ что эти государи, бывшіе съ Лудовикомъ XI единственными хорошими правителями въ цѣлой Европѣ, принялись раззорять свои владѣнія, вмѣсто того чтобы дѣйствовать общими силами противъ турокъ. Въ ноябрѣ 1468 г. Фридрихъ поѣхалъ въ Римъ, взявъ съ собой всего 500 человѣкъ свиты; онъ пріѣхалъ туда въ ночь подъ Рождество и отправился прямо въ церковь. Еще издали онъ дважды преклонилъ колѣна передъ папою Павломъ II, а подойдя къ нему, упалъ въ третій разъ на колѣни, цѣловалъ ему руки и ноги и сѣлъ на приготовленный тронъ; этотъ тронъ былъ на столько ниже папскаго, что голова императора приходилась къ ногамъ папы. Въ силу извѣстнаго императорскаго права (т. VIII, стр. 309, т. IX, стр. 124), онъ пѣлъ за діакона евангеліе, присутствовалъ при канонизаціи маркграфа Леопольда Бабенбергскаго и выпросилъ у папы позволеніе учредить въ Австріи два новыхъ епископства (въ Вѣнѣ и Нейштатѣ) и раздать 300 учрежденныхъ ихъ пребендъ. Папа, съ своей стороны, надарилъ ему на Рождество индульгенцій,

реликвій, бусъ и драгоцѣнностей. Все это, даже по отзыву людей, старавшихся придать ему огромное значеніе, стоило не болѣе 2 тысячъ червонцевъ. Хотя Фридрихъ пробылъ въ Римѣ только 17 дней, но въ Германію вернулся не ранѣе іюля 1469 г. Мы уже видѣли, что его въ отсутствіе Фридрихъ Пфальцскій, уступавшій ему въ учености, но далеко превосходившій практическимъ смысломъ, предалъ поруганію власть императора. Сверхъ того вспыхнуло опасное возстаніе въ Штиріи. Императоръ подавилъ его, заманивъ въ Грецъ и казнивъ безъ суда и слѣдствія двухъ могущественныхъ вассаловъ, Баумкирхера и Грейффенеггера. Убійство это было тѣмъ гнуснѣе, что Баумкирхеръ нѣкогда спасъ императору жизнь или, по крайней мѣрѣ, свободу (стр. 182) и постоянно помогалъ ему противъ Альбрехта Мота и въ другихъ войнахъ. Притомъ другіе часто безнаказанно дѣлали тоже самое. Вся вина его состояла въ томъ, что онъ защищалъ мечемъ свое право, между тѣмъ какъ императоръ отправился пилигримствовать, бросивъ свои владѣнія, которымъ грозили чехи и турки. Казнивъ его, императоръ пріобрѣлъ репутацію неблагодарнаго труса.

Отношенія Фридриха III къ Богеміи и Венгріи выказываютъ его въ самомъ жалкомъ видѣ. Въ мартѣ 1471 г. умеръ Георгій Подѣбрадъ. Императоръ пустилъ въ ходъ всевозможныя хитрости, чтобъ недопустить Матфія Корвина сдѣлаться богемскимъ королемъ; но въ то же время дѣлалъ видъ, будто искренно желаетъ, чтобы правовѣрный Матфій замѣнилъ еретика Подѣбрада. Чехи избрали королемъ сына польскаго короля Казиміра IV, Владислава, который немедленно вступилъ на престолъ. Но Матфій Корвинъ сталъ оспаривать у него Богемію, а императоръ явно помогалъ одному, а тайно другому. Вслѣдъ затѣмъ онъ окончательно погубилъ себя не только въ мнѣніи цѣлаго свѣта, но даже въ мнѣніи папы и кардиналовъ. Онъ допустилъ турокъ (1473 г.) раззорить Штирію и Каринтію, не принявъ никакихъ мѣръ, чтобы отразить ихъ. Далѣе, онъ позволилъ герцогу Тирольскому, Сигизмунду Бе-

зумному, усыновившему его сына Максимиліана, заложить герцогу Бургундскому за ничтожную сумму 80 тысячъ червонцевъ принадлежавшія Губсбургскому дому права имперскаго ландфогства въ Эльзасѣ, Брейсгау, Зундгау и лѣсныхъ городахъ а также всѣ тамошнія имѣнія и даже графство Фиртъ (Ferrette). Это было тѣмъ непростительнѣе, что падменный герцогъ Бургундскій былъ очень опасенъ для Германіи. Замѣчательно, что Сигизмундъ сдѣлалъ это не потому, чтобы нуждался въ деньгахъ, а потому что не могъ поддерживать своихъ правъ противъ тамошнихъ жителей, стремившихся къ свободѣ. Онъ предпочелъ предать ихъ тиранiи француза, чѣмъ видѣть ихъ свободными. Папу и кардиналовъ Фридрихъ раздосадовалъ безпечностью, обнаруженною имъ относительно турокъ. Они были такъ раздражены, что не перестали осыпать его рѣзкими упреками даже тогда, когда повидимому онъ рѣшился дѣйствовать. Весною 1473 онъ назначилъ сеймъ въ Аугсбургѣ, чтобъ организовать походъ противъ турокъ. Папа Сикстъ IV, преемникъ Павла II, хотѣлъ по его просьбѣ отправить на сеймъ блестящее посольство, но кардиналъ Францъ Сіенскій воспротивился этому и, по словамъ одной латинской хроники, сказалъ: „было уже десять сеймовъ, на которые созывали весь міръ и изъ которыхъ ровно ничего не вышло. По случаю этихъ сеймовъ князья и господа обременяютъ подданныхъ невыносимыми налогами, а о дѣлѣ и не думаютъ; между тѣмъ ненависть народа обращается на церковь, которую обвиняютъ въ томъ, что она предписываетъ турецкій налогъ и обращаетъ въ свою пользу“. Дѣйствительно, этотъ сеймъ былъ также безполезенъ, какъ всѣ прочіе. На немъ много говорили, спорили, а особенно много писали того, чѣмъ обыкновенно наполняютъ наши историческія сочиненія; но дѣла все таки не дѣлали. Самъ Фридрихъ обыкновенно не являлся на эти собранія. Кампанусъ въ своихъ письмахъ горько жалуется на него, говоря что иногда онъ обѣщалъ явиться черезъ три дня и не пріѣзжалъ даже черезъ

три мѣсяца (Cum Caesar, eheu quam non Caesar! ad triduum se venturum promiserit, et jam centiduum est).

8. Карлъ Смѣлый и Германская имперія.

Возстановивъ противъ себя чеховъ, венгровъ и папу, Фридрихъ не замедлилъ возбудить подозрѣніе въ германскихъ князьяхъ тѣмъ, что устроилъ въ 1473 г. въ Трирѣ свиданіе съ Карломъ Смѣлымъ. Карла ненавидѣли въ Эльзасѣ и Швабіи; князья же неоднократно были оскорбляемы его надменностью, особенно на Регенсбургскомъ сеймѣ въ 1470 г. Сеймъ этотъ былъ собранъ также, будто бы, для похода противъ турокъ. Поэтому въ Регенбургъ съѣхались не только курфирсты, но и послы отъ многихъ иностранныхъ государей, въ томъ числѣ отъ герцога Бургундскаго. Бургундцевъ посадили ниже курфирстовъ, но они захотѣли сидѣть выше, протестовали и даже отказались участвовать въ совѣщаніяхъ; тогда пришлось дать имъ мѣсто рядомъ съ королевскими посланниками. Побудительной причиной свиданія лѣниваго педанта и труса Фридриха съ горячимъ и безразсуднымъ Карломъ были ихъ честолюбивые замысли. Надутые высокомѣріемъ и пустымъ тщеславіемъ, они, подобно собакамъ въ басни, гонялись за тѣнью, упуская изъ виду то, что было у нихъ подъ руками, и что съумѣли пріобрѣсти Фридрихъ Пфальцскій и Лудовикъ XI, не бывшіе впрочемъ образцовыми монархами. Императору хотѣлось женить своего сына Максимиліана на наслѣдницѣ Карла, Маріѣ, или, скорѣе, на богатомъ и могущественномъ бургундскомъ герцогствѣ. Карлу нужна была помощь императора, чтобъ сдѣлаться королемъ; пріобрѣтая дружбу Фридриха, онъ съ тѣмъ вмѣстѣ пріобрѣталъ расположеніе папы, который тогда дѣлалъ королей. Фридрихъ же былъ креатурой папы. Но свиданіе герцога съ императоромъ не сблизило ихъ; они были слишкомъ не схожи характерами, и сверхъ того нѣмцы, окружавшіе Фридриха, ненавидѣли французовъ, бывшихъ въ свитѣ

Карла. Хотя бракъ Маріи съ Максимиліаномъ впослѣдствіи состоялся; но онъ былъ дѣломъ женской страсти, а вовсе не политическихъ и дипломатическихъ фокусовъ. Максимиліанъ былъ прекрасный собою, стройный юноша, но къ сожалѣнію слишкомъ романтиченъ для тѣхъ временъ. Его геройскій видъ и безпокойный, рыцарственный, романтическій характеръ очаровали Марію; она была до того увлечена имъ, что готова была пожертвовать ему всѣмъ. Но именно то, чѣмъ восхищалась въ Максимиліанѣ дочь Карла Смѣлаго, сдѣлалось впослѣдствіи пагубнымъ для Германіи и Австріи, потому что для страны не рѣдко бываетъ несчастіемъ имѣть блестящаго, славолюбиваго и геніальнаго государя.

Трирское свиданіе началось въ концѣ сентября 1473 г. и продолжалось два мѣсяца, проведенныхъ въ пирахъ и переговорахъ. Присутствовавшіе восхищались 14-ти лѣтнимъ Максимиліаномъ, прекраснымъ мальчикомъ съ румянымъ лицемъ и длинными кудрями. Онъ въѣхалъ въ Триръ рядомъ съ отцомъ, на гордомъ гнѣдомъ жеребцѣ, одѣтый въ черное бархатное платье. Но сильнѣе всѣхъ привязалось къ нему сердце Маріи Бургундской; съ этихъ поръ она никогда не соглашалась выйдти замужъ за другаго. Карлъ Смѣлый жилъ въ Трирѣ необыкновенно пышно. Чтобъ выказать въ полномъ блескѣ свое дѣйствительно изумительное богатство, онъ привезъ съ собой множество золотой и серебряной посуды, мебели и различныхъ драгоцѣнностей. Перечень всѣхъ этихъ вещей доказываетъ, что искусство выдѣлывать золотыя и серебряныя вещи и вообще дорогіе и прочные предметы роскоши было очень развито въ средніе вѣка. Сочиненія современниковъ наполнены описаніями блеска и роскоши Карла: люди того времени обращали гораздо больше вниманія на театральную обстановку дѣла, чѣмъ на его сущность. Мы, съ своей стороны, можемъ посовѣтовать любителямъ пировъ и торжествъ обратиться къ этимъ сочиненіямъ, такъ какъ наша цѣль не позволяетъ намъ описывать подобные предметы. Замѣтимъ только, что люди, пишущіе для салоновъ, всегда одинаковы. Такъ танцы, шутки и пиры

Digitized by Google

въ Вѣнѣ въ 1814 и 1815 гг. нашли себѣ двухъ остроумныхъ панегиристовъ; послѣдніе описали эти праздники, балы и пиры въ двухъ книгахъ, на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Карлъ Смѣлый имѣлъ то же счастіе: одинъ изъ бургундскихъ придворныхъ, Оливье де-ла Маршъ, подробно описалъ его праздники и блескъ въ особой книгѣ, переведенной и на латинскій языкъ. Упоенный безумными мечтами о будущемъ Бургундо-Лотарингскомъ королевствѣ и имперскомъ викаріатѣ на лѣвомъ берегу Рейна, Карлъ моталъ отцовскія сокровища. Огромныхъ суммъ стоили ему миланскіе и венеціянскіе наемники, которыхъ онъ привлекалъ къ себѣ на службу подъ вліяніемъ этихъ мечтаній и которые измѣнили ему въ минуту опасности, подобно французамъ, служившимъ въ его войскѣ. Онъ помышлялъ о томъ, чтобы съ помощью жалкаго императора Западной Римской Имперіи составить абсолютную монархію изъ своихъ разнородныхъ провинцій. Онъ желалъ лишить ихъ свободы и правъ, чтобъ подчинить кодексу и новелламъ Юстиніана (см. т. V, стр. 9). Это новое нѣмецкое королевство (французскія владѣнія Карла, будучи ленами французской короны, не могли входить въ разсчетъ) должно было состоять изъ всѣхъ нидерландскихъ провинцій и городовъ, герцогствъ лотарингскаго и гельдернскаго, епископствъ утрехтскаго, дольскаго и люттихскаго, изъ австрійскихъ земель въ Эльзасѣ и Швабіи, уступленныхъ Карлу Сигизмундомъ Безумнымъ, и изъ бургундскихъ владѣній въ нѣмецкой Швейцаріи. Послѣднее мы прибавили отъ себя, но первое взято изъ письма тогдашняго курфирста бранденбургскаго Альбрехта Ахилла къ Вильгельму Саксонскому, въ которомъ говорится о предполагаемомъ самодержавномъ королевствѣ Карла. Въ числѣ гербовъ принадлежавшихъ ему провинцій Карлъ выставилъ габсбургскіе гербы Брейзгау, Зундгау и Эльзасскаго ландфогства, хотя Сигизмундъ передалъ ему свои владѣнія и права не въ собственность, а только въ залогъ, удержавъ за собой право выкупа. Трирскіе переговоры тянулись очень долго. Фридрихъ соглашался на все, но со

дня на день откладывалъ исполненіе. Онъ былъ оскорбленъ надменнымъ и повелительнымъ обращеніемъ Карла и его роскошью, затмѣвавшею императора (fastu plus quam Persico). Кромѣ того онъ былъ недоволенъ требованіемъ герцога включить въ союзъ врага Фридриха, Матфія Корвина. По свидѣтельству Филиппа Комина, Карлъ смѣялся надъ нищетою нѣмцевъ и безсиліемъ ихъ императора, который, представляя изъ себя повелителя вселенной, въ сущности не могъ ничего предпринять, ни приказать, не спросясь другихъ. Карлъ сдѣлался военнымъ деспотомъ и, повидимому, задалъ себѣ цѣль затмить императора и оскорблять сопровождавшихъ его нѣмцевъ. Онъ хитрилъ съ императоромъ, полагая, что Фридрихъ съ своей стороны обманываетъ его. Онъ обѣщалъ словесно и даже письменно выдать дочь за Максимиліана, говорилъ съ нимъ объ этомъ, позволилъ ему часто видѣться съ Маріей и даже переписываться, но вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживалъ намѣреніе отстрочить бракъ на нѣсколько лѣтъ. Мы не рѣшаемъ, разсчитывалъ ли онъ въ будущемъ на императорское достоинство. Извѣстно впрочемъ, что Лудовикъ XI писалъ объ этомъ Фридриху и совѣтовалъ не довѣрять герцогу. Лудовикъ очень радовался безразсудному поведенію Карла и его ослѣпленію, которое готовило ему неодолимыя препятствія и не обѣщало хорошаго исхода. Онъ воспользовался 1473 годомъ, чтобы погубить слабыхъ враговъ, заключивъ перемиріе съ сильными, въ томъ числѣ съ Карломъ. При этомъ онъ не отступалъ ни передъ какими средствами для достиженія цѣли. Посредствомъ измѣны и убійства онъ въ томъ же году отдѣлался отъ герцога Алансонскаго и графа Іоанна Арманьяка. Послѣдній, встрѣтивъ въ немъ еще большаго преступника, чѣмъ былъ самъ, трагически кончилъ жизнь, наполненную пороками и преступленіями (стр. 131 и 160). Онъ былъ умерщвленъ жестокимъ образомъ, а его семейство, особенно женщины, подверглись возмутительнымъ оскорбленіямъ. Лудовикъ одобрилъ убійство, принявъ убійцу въ гвардейскіе стрѣлки (archer de la garde), то есть въ свои тѣлохра-

Digitized by Google

нители. Въ томъ же году онъ завладѣлъ графствомъ Руссильономъ. Всѣ лица, которыхъ онъ погубилъ въ то время, принадлежали нѣкогда къ союзу общественнаго блага (стр. 142). Лудовикъ съ непримиримою ненавистью преслѣдовалъ всѣхъ членовъ этого союза, хотя выказывалъ имъ расположеніе, пока считалъ опасными. Онъ старался возстановить противъ Карла Смѣлаго всѣхъ и не щадилъ ни денегъ, ни трудовъ, чтобъ всюду создавать ему враговъ. Съ этой цѣлью онъ вошелъ въ сношенія съ трусливымъ и мелочнымъ Фридрихомъ III, стараясь возбудить и его. Однако намъ кажется, что напрасно приписываютъ неудачный исходъ трирскихъ переговоровъ письмамъ и интригамъ Лудовика. Фридрихъ помимо всякихъ постороннихъ происковъ могъ встревожиться, когда Карлъ потребовалъ, кромѣ королевскаго титула, званія императорскаго намѣстника (легата) и имперскаго викарія. Императоръ неожиданно прервалъ переговоры. Онъ тянулъ дѣло, постоянно ссылаясь на князей, которыхъ Филиппъ Коминъ описываетъ людьми способными дать отпоръ надменному чужеземцу, тогда какъ о самомъ императорѣ онъ отзывается съ презрѣніемъ (car les princes de l'empire encore que l'empereur fut homme de peu de vertu y donneront ordre). Фридрихъ долго давалъ всевозможныя обѣщанія, но кончилось тѣмъ, что онъ обманулъ гордаго герцога. Карлъ уже сдѣлалъ всѣ приготовленія къ предстоящему коронованію: онъ выписалъ въ Триръ свою величественную супругу и дочь, приготовилъ корону, скипертъ и все прочее, необходимое для королевскаго убора; сшилъ себѣ великолѣпную мантію, цѣнимую современниками въ 200 т. червонцевъ и соорудилъ тронъ; въ церкви, гдѣ должна была совершиться коронація, были устроены мѣста для публики. До торжества оставалось всего два дня, какъ вдругъ императоръ уѣхалъ, не простясь съ герцогомъ и даже не давъ ему знать о своемъ отъѣздѣ. Тогда Карлъ рѣшился увеличить свое будущее королевство на счетъ кёльнскаго архіепископства.

Еще до этихъ событій Карлъ успѣлъ утвердиться на ниж-

немъ Рейнѣ, вслѣдствіе чего сталъ помышлять о томъ, чтобы сдѣлаться тамъ имперскимъ викаріемъ. Поводомъ къ тому была ссора герцога Арнольда Гельдернскаго съ своимъ сыномъ, въ которую Карлъ Смѣлый вмѣшался по требованію императора и папы. Арнольдъ Гельдернскій вступилъ на старости лѣтъ во вторый бракъ съ молодою дѣвушкою. Старый мужъ скоро надоѣлъ ей и, чтобъ избавиться отъ него, она соединилась съ своимъ пасынкомъ, Адольфомъ. Въ 1470 г. Адольфъ совершилъ надъ своимъ роднымъ отцемъ ужасное злодѣніе. Ночью онъ схватилъ больного старика въ постелѣ, протащилъ его пять миль пѣшкомъ, босого и въ одной рубашкѣ по льду и, уведя въ Граве за нѣмецкую границу, заперъ въ подземелье. (Adolf avoit pris son père prisonnier à un soir, comme il se vouloit aller coucher et mené à cinq lieues d'Allemagne a pied sans chausses par un tems très froid, et le mis au fond d'une tour où il n'y avoit nulle clarté que par une petite lucarne, et là le tint près de six mois). Это варварство возбудило общее негодованіе. Герцогъ Клеве, зять плѣнника, немедленно объявилъ Адольфу войну. Папа Павелъ II тщетно написалъ ему трогательное письмо (сентябрь 1470 г.); тщетно также вступался за стараго герцога императоръ. Адольфъ ничѣмъ не трогался и не выпускалъ отца изъ тюрьмы. Тогда императоръ и папа потребовали, чтобы Карлъ Смѣлый освободилъ герцога Арнольда. Карлъ, будучи ему сродни, притворился, что хочетъ примирить отца съ сыномъ и пригласилъ молодаго герцога къ себѣ; онъ далъ ему охранную грамату и всевозможныя увѣренія въ его личной безопасности, но требовалъ, чтобъ онъ привезъ съ собою своего отца. Угрозы папы и императора и война съ герцогомъ Клеве заставили Адольфа подчиниться волѣ сильнаго сосѣда. По свидѣтельству Комина, Карлъ серьозно старался примирить отца съ сыномъ, но старикъ былъ до того ожесточенъ *), что всѣ попытки герцога остались безу-

*) Je les vis tous deux en la chambre du dit duc par plusieurs fois et en

спѣшны. Тогда Карлъ предложилъ Адольфу черезъ Комина довольствоваться до смерти отца небольшимъ владѣніемъ, приличнымъ доходомъ и герцогскимъ титуломъ. Грубый отвѣтъ Адольфа доказываетъ, до какой степени дикая жизнь рыцарства развратила его, и въ какомъ печальномъ состояніи находилась религія высшихъ классовъ. Онъ сказалъ, что скорѣе утопитъ отца и себя, чѣмъ приметъ подобное предложеніе, что его отецъ царствуетъ уже 44 года, и что ему самому уже давно пора сдѣлаться герцогомъ (qu' il aimeroit mieux avoir jetté son père tête devant dans un puits et de s'estre jetté après, que d'avoir fait cet appointement, et qu'il y avait quarante et quatre ans que son père estoit duc et qu' il étoit bien temps qu'il le fut, et autres paroles assez mal sages). Нападеніе французовъ на Амьенъ (стр. 163) принудило Карла внезапно выступить въ походъ. Адольфъ долженъ былъ отправиться вслѣдъ съ нимъ, но успѣлъ бѣжать съ дороги съ двумя товарищами. Однако, когда онъ переодѣтый вернулся домой, его снова поймали. Его узнали, какъ нѣкогда Конрадина и его друга Фридриха Баденскаго (т. VII стр. 300) потому, что онъ заплатилъ червонецъ за перевозъ черезъ рѣку. Карлъ заключилъ его въ темницу, и продержалъ плѣнникомъ до своей смерти. Ненависть стараго Арнольда къ сыну была такъ сильна, что онъ за безцѣнокъ продалъ Карлу герцогство Гельдернъ и графство Цютфенъ; онъ получилъ за нихъ 90 т. червонцевъ и ежегодную пенсію. Карлъ силою занялъ пріобрѣтенныя владѣнія; однако впослѣдствіи онъ воспользовался равнодушіемъ нѣмцевъ къ своему государственному величію, чтобъ получить законныя права на владѣніе, доставшееся ему такъ дешево. Сначала онъ

---

grande assemblée du conseil, où ils plaidoient leurs causes, et vis le bon homme vieil présenter le gage de bataille à son fils. (Я видѣлъ обоихъ — говоритъ Коминъ — нѣсколько разъ въ комнатѣ герцога и въ большомъ собраніи совѣта, передъ которымъ они защищали свое дѣло, и видѣлъ, какъ старикъ вызывалъ своего сына на бой.)

убѣдилъ герцога Гергарда Юлихъ-Бергскаго отказаться за себя и за своихъ потомкомъ отъ правъ на Гельдернъ и Цютфенъ, а потомъ, въ Трирѣ, получилъ ихъ отъ императора въ ленъ и добылъ на нихъ грамату за большою печатью, заплативъ за нее имперскому канцлеру 1,100 червонцевъ.

Чтобъ достичь званія имперскаго викарія на Рейнѣ или, по-крайней мѣрѣ, чтобы утвердиться въ этой странѣ, онъ вмѣшался въ дѣла кёльнскаго архіепископства. Курфирстъ Рупрехтъ Кёльнскій былъ совершенно негоднымъ правителемъ, такъ что не годился даже для рыцарскихъ временъ, когда государь могъ быть жестокимъ тираномъ, но не ничтожнымъ мотомъ. Въ то время какъ братъ его, Фридрихъ Пфальцскій, былъ занятъ эльзасскими дѣлами (стр. 208), онъ поссорился со своими городами, сословіями и капитуломъ. На этотъ разъ ссора была сильнѣе, чѣмъ въ первый разъ. Города Боннъ, Нуйсъ и Кёльнъ, особенно два послѣдніе, понесли большой убытокъ въ дѣлѣ о заложенныхъ имѣніяхъ, рѣшенномъ Фридрихомъ Побѣдоноснымъ по военному. Они были сильно озлоблены за это, особенно противъ пфальцскихъ предводителей Букка и Раушенбаха, дѣятельно способствовавшихъ произвольному отнятію у нихъ заложенныхъ имѣній. Оба они остались въ Кёльнѣ, тогда какъ прочіе пфальцскіе совѣтники, данные Фридрихомъ своему брату, вернулись на родину, негодуя на архіепископа за его образъ жизни. Нуйсъ скоро нашелъ случай оскорбить архіепископа: онъ отказался пропустить его войско, посланное на помощь герцогу Клеве противъ Адольфа Гельдернскаго. Послѣ этого вражда между архіепископомъ и городомъ Нуйсомъ не прекращалась и скоро обратилась въ возстаніе и войну. Рупрехтъ отправилъ въ Нуйсъ храбраго Букка съ другимъ довѣреннымъ лицемъ; горожане, полагая, что ему поручено поссорить ихъ съ магистратомъ, казнили его, не смотря на настойчивое заступничество архіепископа. Это было сигналомъ къ войнѣ. Нуйсъ, Кёльнъ и Боннъ отказались повиноваться Рупрехту, а кёльнскій капитулъ приступилъ къ избранію

администратора (1472 г.). Выборъ палъ на ландграфа Германа Гессенскаго пробста фрицларскаго и ахенскаго и каноника кёльнскаго. Онъ уступилъ Гессенъ брату и племяннику, а самъ предался богословскимъ занятіямъ и уже былъ однажды избранъ епископомъ гильдесгеймскимъ. Боннъ и другія мѣста немедленно присягнули ему, вслѣдствіе чего у него началась война съ Рупрехтомъ. Ему помогалъ братъ его, Генрихъ Гессенскій, а Рупрехтъ просилъ помощи у Карла Смѣлаго. Карлъ вмѣшался въ распрю, но предварительно вступилъ въ переговоры съ обѣими сторонами. Онъ отправилъ въ Кёльнъ одного изъ своихъ приближенныхъ, Арберга; между тѣмъ Раушенбахъ сдѣлалъ на этотъ городъ отчаянное, но неудачное нападеніе, стоившее ему жизни. Кёльнъ отвергъ дружелюбныя предложенія Карла; современникъ кухонною латынью разсказываетъ намъ о причинахъ, заставившихъ гражданъ поступить такимъ образомъ: „боятся, говоритъ онъ, выстрѣловъ изъ французской пушки, называемой обманъ, стрѣляющей золотыми ядрами, уже погубившими много неприступныхъ городовъ“.

Между тѣмъ произошло трирское свиданіе. Императоръ отправился изъ Трира въ Кёльнъ и принялъ сторону капитула, чиновъ и новаго администратора, потому что также ненавидѣлъ брата Рупрехта, Фридриха Пфальцскаго, какъ Лудовикъ XI Карла Смѣлаго. Но пока императоръ созывалъ сеймы и объѣзжалъ свои родовыя владѣнія, Карлъ собралъ огромное войско и подступилъ въ 1474 г. къ Нуйсу. Администраторъ, успѣвшій набрать въ Гессенѣ 1000 пѣхотинцевъ и 500 кавалеристовъ, защищалъ городъ. Обѣ стороны напрягали всѣ силы, готовясь къ борьбѣ, результатъ которой, какъ часто случается и въ наше время, далеко не соотвѣтствовалъ громаднымъ приготовленіямъ, грознымъ союзамъ, а особенно жертвамъ, принесеннымъ народомъ и страной. Карлъ Смѣлый имѣлъ въ Трирѣ 8 т. пѣхоты и 4 т. кавалеріи, не считая великолѣпно одѣтыхъ тѣлохранителей; двинувшись противъ Нуйса, онъ взялъ сверхъ того всю свою колоссальную артиллерію и нанялъ еще нѣсколько тысячъ солдатъ, преимуще-

ственно итальянскихъ кондоттьери. Чтобъ расплатиться съ ними, богатѣйшій изъ европейскихъ государей долженъ былъ сдѣлать заемъ въ венеціянскомъ банкѣ. Кёльнцы съ своей стороны собрали суммы, нужныя для найма солдатъ, которыхъ можно было за деньги найдти вездѣ. Такимъ образомъ администраторъ собралъ значительное войско, а городъ Кёльнъ заключилъ союзъ съ его братомъ, ландграфомъ Гессенскимъ, который обязался прислать 12 т. пѣхоты и 800 всадниковъ на выручку Нуйса. Къ общему изумленію императоръ обѣщалъ лично принять начальство надъ имперскимъ войскомъ, но въ теченіе 8 мѣсяцевъ не тронулся съ мѣста. Между тѣмъ Генрихъ Гессенскій, выступившій еще въ августѣ 1474 г. на выручку брата съ 15 тысячнымъ войскомъ, долженъ былъ платить каждому кавалеристу по 8, а пѣхотинцу по 6 гульденовъ въ мѣсяцъ, такъ что вся эта исторія дорого обошлась Кёльну. Имперская армія, выставленная противъ Карла Смѣлаго, простиралась отъ 50 до 80 т. человѣкъ. Но она явилась лишь черезъ годъ. Къ счастію, императоръ передалъ начальство курфирсту бранденбургскому Альбрехту Ахиллу. Иначе администратору Герману пришлось бы очень плохо, потому что трудно было разсчитывать на апатичнаго, скупого императора и разъединенную имперію. Императоръ заключилъ договоръ съ Лудовикомъ XI, обязавшимся аттаковать герцога Бургундскаго 30 т. войскомъ; швейцарцы также обѣщали выставить войско. Но Лудовикъ не выполнилъ условія, а швейцарцы вторглись только въ сосѣднія имъ бургундскія земли, опустошили ихъ и присоединили къ Союзу нѣсколько городовъ и деревень. Въ сущности Кёльну помогли не императоръ и имперія, войско которыхъ еще не существовало, когда Карлъ уже стоялъ подъ Нуйсомъ, равно какъ и не французы и швейцары, а ландграфы Гессенскіе Германъ и Генрихъ.

Осада Нуйса была одной изъ самыхъ замѣчательнѣйшихъ въ XV столѣтіи, такъ какъ городъ былъ превосходно укрѣпленъ; Гессенскіе ландграфы пріобрѣли безсмертную славу въ борьбѣ про-

тивъ громадныхъ полчищъ сумасброднаго герцога; для Карла же она была пагубна. Филиппъ де Коминъ и Оливье де-ла Маршъ вполнѣ согласны въ этомъ съ нѣмецкими и нидерландскими писателями. Вслѣдствіе медленнаго сбора имперскаго войска, осада длилась съ 29 іюля 1474 по 28 іюня 1475 г. Карлъ стоялъ на лѣвомъ берегѣ Рейна, Генрихъ Гессенскій нѣсколько выше, на правомъ. Карлъ обнаруживалъ все время необычайную дѣятельность. По увѣренію хроникъ, которое мы оставляемъ на нихъ отвѣтственности, онъ не раздѣвался ни днемъ, ни ночью. Но не смотря на всѣ его усилія, подробно описанныя Оливье де-ла Маршемъ, его блистательное войско не могло ничего сдѣлать противъ полуторы тысячи гессенцевъ, защищавшихъ Нуйсъ. Это объясняется отчасти составомъ этого войска. Тутъ были французскіе вассалы, въ высшей степени недовольные Карломъ и подговариваемые Лудовикомъ XI, не менѣе недовольные нидерландцы, насильно завербованные люттихцы и гельдерицы, наконецъ наемные англичане и итальянцы. Однако осажденные были подъ конецъ доведены до послѣдней крайности. У нихъ истощились всѣ запасы, (весьма значительные, по свидѣтельству новѣйшаго историка Гессена, Роммеля), такъ что пришлось убивать лошадей, принадлежавшихъ гарнизону и жителямъ. Напротивъ, бургундцы жили въ полномъ изобиліи; Карлъ ежедневно имѣлъ открытый роскошный столъ и угощалъ иностранныхъ пословъ. Онъ разрушилъ ядрами 17 городскихъ башень и 300 домовъ, запрудилъ одинъ рукавъ Рейна и отвелъ нѣсколько небольшихъ рѣчекъ. Наконецъ онъ уже завладѣлъ островомъ, обладаніе которымъ, повидимому, рѣшало судьбу города, когда пришло извѣстіе о приближеніи имперскаго войска. Тогда онъ рѣшился штурмовать городъ, но былъ отбитъ съ большимъ урономъ. Имперское войско было наконецъ поставлено на ноги. Императоръ только въ іюлѣ 1474 г. на сеймѣ въ Аугсбургѣ утвердилъ походъ, которымъ хотѣлъ предводительствовать лично. Кёльнъ и другіе города, желая задобрить императора, заплатили Аугсбургу за его содержаніе. Но это не помогло, и походъ подвигался такъ

медленно, что послѣ аугсбургскаго сейма было до 30 другихъ совѣщаній, на которыхъ много строчили и пили. Фридрихъ III игралъ весьма жалкую роль въ сравненіи съ герцогомъ Бургундскимъ. На вюрцбургскомъ съѣздѣ, происходившемъ вскорѣ послѣ аугсбургскаго, рабочіе, не получивъ платы, задержали его экипажъ. Въ 1473 году, когда онъ ѣхалъ въ Триръ, въ Швебишъ-Галле ему запрягли быковъ, а въ Вейтлингенѣ подарили двухъ быковъ и 16 гульденовъ за то, что лошади его увязли въ грязи на дурной мостовой. Впрочемъ, должно быть тутъ былъ какой нибудь особенный случай, хотя вообще Фридрихъ, за неимѣніемъ большаго, не пренебрегалъ малымъ. Наконецъ въ маѣ 1475 г. имперское войско было готово къ походу. Имъ командовали Альбрехтъ Ахиллъ Бранденбургскій и герцогъ Альбрехтъ Саксонскій, заступавшій мѣсто своего брата, курфирста Эрнста. Между тѣмъ Карлъ потерялъ лучшую часть своего войска въ пятидесяти шести приступахъ, которые предпринималъ по своей безумной храбрости. Не смотря на это, его не могли убѣдить снять осаду, пока авангардъ имперской арміи, предводимый епископомъ мюнстерскимъ и графомъ Шварцбургомъ, не соединился съ гарнизономъ; это дало ландграфу Генриху Гессенскому возможность начать наступательныя дѣйствія. Альбрехтъ Ахиллъ требовалъ битвы, и, еслибы его послушались, то честь пораженія бургундскаго могущества, доставшаяся швейцарцамъ, принадлежала бы, безъ сомнѣнія, нѣмцамъ. Но австрійская брачная политика (Felix Austria, nube!), которой держался Фридрихъ, не могла допустить этого. Политика эта всегда оставалась вѣрна своему принципу, который состоитъ въ томъ, чтобъ мутить воду и потомъ ловить въ ней рыбу. Вмѣсто того чтобъ рѣшительно дѣйствовать оружіемъ, императоръ завелъ мирные переговоры при посредничествѣ папскаго кардинала-легата, епископа фріульскаго. Со стороны герцога Бургундскаго переговоры вели епископъ утрехтскій и двое другихъ вельможъ. По просьбамъ дочери Карлъ Смѣлый возобновилъ предложеніе о ея бракѣ съ сыномъ Фрид-

риха, Максимиліаномъ, и къ общему изумленію уже 17 іюля между ними былъ подписанъ миръ. За него пришлось поплатиться тѣмъ, которыхъ они защищали. Карлъ пожертвовалъ курфирстомъ Рупрехтомъ и согласился признать ландграфа Германа архіепископомъ и курфирстомъ Кёльнскимъ. За это Фридрихъ обѣщалъ ему нейтралитетъ въ войнѣ, которую онъ намѣревался начать противъ герцога Лотарингскаго и Швейцарскаго Союза. Вѣроятно герцогъ переговорилъ тайно съ императоромъ о бракосочетаніи Максимиліана и Маріи; однако оффиціально объ этомъ не было рѣчи. Заключеніе мира позволило герцогу Бургундскому съ честью выйдти изъ войны. Онъ увелъ свои войска домой, но по безразсудству своему не замедлилъ подвергнуться еще худшей опасности, въ которой погибъ.

9. Послѣдніе годы Карла Смѣлаго.

Заключивъ миръ съ императоромъ Фридрихомъ, Карлъ Смѣлый вторгнулся въ Лотарингію. Какъ мы уже видѣли (стр. 123—125), Водмоны (родоначальники Гизовъ) завоевали эту страну у стараго Рене; хотя послѣ того Рене съ помощью французскаго короля Карла VII снова овладѣлъ Лотарингіею; но по особенному стеченію обстоятельствъ Водмонамъ удалось наконецъ удержать ее за собой. Рене предоставилъ герцогство Лотарингское своему сыну Іоанну, о которомъ мы упоминали подъ именемъ герцога Калабрійскаго; по смерти его, оно перешло къ его сыну, Николаю. Карлъ Смѣлый обѣщалъ этому молодому и прекрасному собой герцогу Николаю руку своей дочери и наслѣдницы Маріи. Онъ позволилъ ему даже переписываться съ ней, хотя она была еще ребенокъ. Но вступивъ въ переговоры съ императоромъ, Карлъ взялъ обратно свое обѣщаніе. Николай умеръ въ 1473 г. и притомъ столь скоропостижно, что какъ, всегда бывало въ подобныхъ случаяхъ, его считали отравленнымъ и въ смерти его обвиняли

Лудовика XI, которому приписывали все зло, совершавшееся тогда. Старый Рене былъ еще живъ, но по старости не могъ управлять герцогствомъ; поэтому онъ передалъ управленіе своей дочери Іолантѣ, вдовѣ Фридриха Водмона, за котораго онъ тридцать шесть лѣтъ тому назадъ отдалъ ее замужъ, чтобы освободиться изъ плѣна (стр. 125). Іоланта въ свою очередь передала герцогство своему сыну, Рене II, и такимъ образомъ Лотарингія снова перешла въ родъ Водмоновъ. Это случилось во время свиданія Карла Смѣлаго съ императоромъ Фридрихомъ. Опасаясь Водмоновъ, бывшихъ по всему французами, тогда какъ онъ поддерживалъ повсюду нѣмцевъ, Карлъ приказалъ схватить и увезти молодого герцога. Однако въ скоромъ времени онъ счелъ нужнымъ возвратить ему свободу, потому что король Лудовикъ XI въ возмездіе за это арестовалъ одного нѣмецкаго вельможу, проѣзжавшаго черезъ Францію. Но Рене за свое освобожденіе обязался заключить съ Бургундіей вѣчный миръ и союзъ на условіяхъ, ставившихъ Лотарингію въ полную зависимость отъ бургундскихъ герцоговъ. Когда въ 1474 г. императоръ началъ войну съ Карломъ Смѣлымъ, Рене отрекся отъ этого союза, сблизился съ швейцарцами, союзниками Лудовика XI и врагами Карла, и послалъ герцогу Бургундскому въ лагерь подъ Нуйсъ дерзкій вызовъ. Затѣмъ онъ вторгнулся въ Луксембургъ между тѣмъ какъ швейцарцы заняли графство Бургундское.

Заключивъ съ императоромъ миръ, Карлъ Смѣлый выступилъ противъ герцога Лотарингскаго. Чтобъ устранить всякія препятствія, могущія помѣшать этому предпріятію, онъ заключилъ съ Лудовикомъ XI девятилѣтнее перемиріе въ Золотурнѣ. Обѣ стороны пожертвовали другъ другу своими сторонниками. Лудовикъ обязался не вступаться за герцога Лотарингскаго; за это Карлъ обѣщалъ ему не покровительствовать коннетаблю Іакову Люксанбуру графу де Сен-Полю, котораго король преслѣдовалъ безъ всякаго основанія, и даже выдать его, если онъ попадется въ

его руки. Оба сдержали слово. Коннетабль Іаковъ Люксанбурскій (изъ того самаго дома Лускембурговъ, который далъ нѣмецкой имперіи нѣсколькихъ императоровъ) былъ преданъ французскому королю, который умертвилъ его, о чемъ мы разскажемъ ниже. Рене также вскорѣ почувствовалъ послѣдствія договора, заключеннаго между Карломъ и Лудовикомъ. На границѣ его государства явилось сильное бургундское войско, и онъ былъ принужденъ искать посторонней помощи. Онъ лично отправился къ королю Лудовику просить его о защитѣ, но король поступилъ съ нимъ такъ низко, что этого поступка было бы достаточно для опозоренія его памяти. Впрочемъ, не смотря на свѣтлую сторону его царствованія, являющуюся въ заботливости о благѣ государства и націи, вся его дѣятельность доказываетъ, что онъ былъ жестокъ, коваренъ, безчеловѣченъ и подлъ. Онъ держалъ себя съ герцогомъ Рене такъ, какъ будто ничего не случилось, ободрялъ его и клялся, что если слова Рене справедливы, то онъ самъ пойдетъ спасать его (par la Pâque Dieu, si je croyois ce que vous me dites, j'irois en personne défendre la Lorraine). Тамъ не менѣе уже къ концу сентября вся Лотарингія была занята; столица ея Нанси, ея единственный укрѣпленный городъ, была осаждена. Лудовикъ вдвойнѣ обманулъ своего вассала; чтобъ избавиться отъ его настояній, онъ приказалъ адмиралу, командовавшему французскими войсками, выступить въ походъ, но не переступать границъ Лотарингіи. Такъ какъ ни Лудовикъ, ни швейцарцы не дали помощи, то по упорномъ сопротивленіи Нанси долженъ былъ 30 ноября отворить ворота бургундцамъ. Карлъ немедленно созвалъ государственные чины Лотарингіи и увѣрилъ ихъ, что вовсе не думаетъ считать эту сторону завоеванной и что намѣренъ даже поселиться въ Нанси; въ обезпеченіе своего обѣщанія онъ назначилъ намѣстникомъ своего двоюроднаго брата, де Біевра, мудрость, справедливость и умѣренность котораго были всѣмъ извѣстны. Такимъ образомъ Лотарингія была, повидимому, окончательно присоединена къ бургундскому государству.

Къ несчастію, Карлъ Смѣлый думалъ, что ему будетъ также легко справиться съ швейцарцами, какъ съ герцогомъ Лотарингскимъ; этимъ онъ погубилъ себя и доставилъ швейцарцамъ военную славу, которою они умѣли потомъ пользоваться. Впрочемъ Карлъ, выступая противъ швейцарцевъ, имѣлъ дѣло не только съ ними, но и съ нѣмецкими городами въ Эльзасѣ и въ Верхне-Швабскихъ провинціяхъ, заложенныхъ ему Сигизмундомъ Тирольскимъ. Поэтому мы объяснимъ отношеніе швейцарцевъ и этихъ городовъ къ Бургундіи и разскажемъ нѣкоторыя событія, о которыхъ доселѣ упоминали лишь вкратцѣ. Затѣмъ мы приступимъ къ описанію паденія бургундской монархіи.

Главною причиною неудовольствія швейцарцевъ были своевольство и грабежъ рыцарей и эльзасскаго ландфогта Петра Гагенбаха, которымъ Карлъ покровительствовалъ. Хотя съ того времени какъ Сигизмундъ заложилъ герцогу Бургундскому графство Фиртъ, Эльзасъ и Верхнюю Швабію, рыцари не смѣли грабить и притѣснять гражданъ въ свою пользу, потому что Гагенбахъ наказывалъ за это съ неумолимою строгостью; но они дѣлали тоже самое въ большихъ размѣрахъ на службѣ самаго фогта. Въ то время чрезъ Швейцарію шла торговля суквами и шелковыми тканями, которую Франкфуртъ велъ съ Италіей; но разбои мѣшали ей, и Гагенбахъ разыгрывалъ именемъ своего государя роль намѣстника и блестящаго квязя, будучи разбойникомъ и грубымъ рыцаремъ. Такъ какъ въ новѣйшее время оправдали даже знаменитыхъ фогтовъ императора Альбрехта (т. VIII стр. 96), то мы не будемъ утверждать, что Гагенбахъ былъ дѣйствительно такъ дуренъ, какъ говорятъ лѣтописи; вѣрно только то, что его представляютъ вторымъ Гесслеромъ. Говорятъ, что впослѣдствіи онъ сталъ притѣснять даже дворянство и лишилъ свободы городъ Мильгаузенъ, до нѣкоторой степени принадлежавшій къ Союзу (какъ и потомъ до 1798 года). Вслѣдствіе притѣсненій Карла и его фогта, Базель заключилъ тѣсный союзъ съ конфедераціею, занялъ у нея восемсотъ

человѣкъ и получилъ обѣщаніе, что, въ случаѣ надобности, швейцарцы помогутъ ему всѣми своими силами. Еще до нападенія Карла на Нуйсъ онъ предпринялъ походъ въ Эльзасъ; при этомъ онъ грубо и дерзко оскорблялъ не только гражданъ городовъ, заложенныхъ ему, но и депутатовъ отъ Берна, дѣлавшихъ ему представленія отъ имени Союза, и даже многочисленное нѣмецкое дворянство страны. Все это способствовало цѣлямъ хитраго Лудовика XI. Сохраняя, повидимому, съ Карломъ дружественныя отношенія, онъ опуталъ его всюду своими сѣтями, лишилъ его всѣхъ друзей во Франціи, обманулъ герцога Бретанскаго и распространилъ свои владѣнія до Руссильона; своихъ внутреннихъ враговъ онъ истребилъ посредствомъ яда и кинжала. Теперь онъ старался переманить на свою сторону швейцарцевъ и примириться съ Габсбургскимъ домомъ. Обстоятельства помогли ему: съ одной стороны, Карлъ на нѣкоторое время разошелся съ императоромъ, а съ другой, деспотизмъ Гагенбаха и гордость Карла сильно раздражили многочисленное и воинственное дворянство горной страны и городскихъ патриціевъ; поселяне и жители низменной страны, которыхъ фогтъ не тѣснилъ, были менѣе враждебны бургундскому владычеству. Народъ этотъ, подобно англичанамъ, много толковалъ о свободѣ и демократіи, но на дѣлѣ поступалъ иначе и управлялся въ самыхъ демократическихъ кантонахъ аристократически. Лудовику удалось склонить его къ союзу съ Франціей и Габсбургскимъ домомъ.

Вражда между Габсбургскимъ домомъ и Швейцаріею казалась до тѣхъ поръ непримиримою. Послѣ сраженій при Моргартенѣ, Земпахѣ и Нефельсѣ габсбургцы должны были отказаться въ пользу швейцарцевъ отъ многихъ владѣній и древнихъ правъ. Воспользовавшись постыднымъ образомъ корыстолюбіемъ императора Сигизмунда и негодованіемъ Констанцскаго собора на Тирольскаго герцога Фридриха съ Пустымъ Карманомъ, они овладѣли лучшими владѣніями его дома (т. IX стр. 151). Послѣ того они сдѣлали другія пріобрѣтенія въ такъ называемыхъ

цюрихской, тургауской и вальденской войнахъ. Наконецъ папа Пій II, подъ именемъ Энея Сильвія лишившій при помощи Фридриха III нѣмецкую церковь ея правъ, помогъ имъ отнять у несчастнаго Сигизмунда Безумнаго все, что оставалось у его отца въ Швейцаріи или было пріобрѣтено на доходы съ рудниковъ, открытыхъ въ Тиролѣ. Поводъ къ тому далъ извѣстный кардиналъ Николай Кузанъ, заслуги котораго для тогдашней литературы мы оцѣнили въ другомъ мѣстѣ (т. IX, стр. 405). Благодаря покровительству папы Николая V онъ неправильнымъ образомъ сдѣлался епископомъ Бриксенскимъ, и въ этомъ санѣ злоупотреблялъ своею ученостью, оспаривая у бѣднаго Сигизмунда его свѣтскія права, признаваемыя всѣми его предшественниками. Онъ возбудилъ тирольцевъ, отличавшихся фанатизмомъ, къ волненіямъ противъ своего государя, который такъ озлобился за это, что заключилъ упрямаго кардинала-епископа въ бургундскую цитадель. Тогда Пій II отлучилъ эрцгерцога Сигизмунда отъ церкви (августъ 1460 года). Сперва отлученіе оставалось безъ дѣйствія; но когда Пій послѣдовалъ примѣру Констанцскаго собора и заранѣе подарилъ швейцарцамъ все, что они могли отнять у герцога Тирольскаго, они взялись за оружіе. Чтобъ узаконить незаконное пріобрѣтеніе, они воспользовались папскою буллою, какъ прежде дипломомъ императора. Они овладѣли Рапперсвилемъ; Унтервальденъ, Цугъ, Люцернъ и Шафгаузенъ окончательно отложились отъ Габсбургскаго дома; Тургау не получилъ даже правъ свободнаго кантона, но былъ обращенъ въ провинцію Союза. Пятнадцатилѣтнее перемиріе, заключенное въ іюнѣ 1416 г., утвердило за швейцарцами все, захваченное ими.

Все это было забыто, когда Карлъ Смѣлый началъ угрожать въ одно и то же время императору и швейцарцамъ, и обѣ стороны искали дружбы Лудовика XI. Королю удалось заключить между Сигизмундомъ и конфедераціею такъ называемое, вѣчное соглашеніе; въ апрѣлѣ 1474 г. договоръ этотъ былъ обсужденъ въ Констанцѣ и въ іюнѣ подписанъ въ Санли,

Digitized by Google

причемъ Лудовикъ сдѣлалъ въ немъ нѣкоторыя измѣненія. Договоръ долженъ былъ возобновляться каждыя десять лѣтъ; за союзомъ утверждалось все, пріобрѣтенное имъ, и сверхъ того постановлялось слѣдующее: „Во всѣхъ другихъ земляхъ и въ неприсоединенныхъ къ союзу заложенныхъ областяхъ государь удерживаетъ всѣ свои верховныя и ленныя права. Епископства и нѣмецкіе города Констанцъ и Базель независимы и пользуются правами войны и мира, суда и рѣшенія государственныхъ вопросовъ. Ни одинъ изъ членовъ союза не долженъ давать непріятелямъ другаго, ни содѣйствія, ни свободнаго пропуска. Торговля и обмѣнъ свободны, и пошлины не должны быть возвышаемы". Въ трактатѣ прямо сказано, что послѣднее касается Шварцвальда и лѣсныхъ городовъ: Лауфенбурга, Вальдгута, Зеккингена и Рейнфельдена. Нѣмецкіе города, отъ Базеля до Страсбурга, вошедшіе за нѣсколько дней передъ тѣмъ въ составъ швейцарскаго союза, заключили между собою, по совѣту французскаго короля, такое же соглашеніе, и съ этихъ поръ назывались городами нижняго союза. Они обязались выплатить Карлу деньги, за которыя Сигизмундъ заложилъ ему графство Фиртъ и города, страдавшіе отъ тираніи Гагенбаха. Деньги эти были собраны въ скоромъ времени, такъ какъ одинъ Страсбургъ внесъ половину всей суммы, которая была отослана въ Базель. Сигизмундъ прибылъ изъ Тироля въ Цюрихъ и отправилъ посольство къ Карлу Смѣлому въ лагерь подъ Нуйсъ, предлагая ему получить обратно деньги и очистить заложенныя мѣста. Карлъ отвѣчалъ на это, что онъ не домогался залога городовъ и земель, но что Сигизмундъ самъ довѣрилъ ихъ ему на время, не имѣя возможности защищать ихъ противъ швейцарцевъ; что залогъ сдѣланъ незаконнымъ образомъ и не былъ объявленъ въ Безансонѣ; и что въ случаѣ насильственныхъ мѣръ со стороны Сигизмунда ему прійдется имѣть дѣло съ нимъ, а не съ швейцарцами, что̀ гораздо опаснѣе. На основаніи этого, онъ оставляетъ заложенные города за собою, пока война не рѣшитъ споръ.

Прежде чѣмъ составились противъ Карла Смѣлаго всѣ эти союзы и договоры, Лудовикъ въ январѣ 1474 года заключилъ особенный трактатъ съ швейцарцами. Поэтому онъ уже съ января могъ запутать Карла въ сѣти своей коварной политики и обманывать нѣмецкаго императора, не подвергая себя ни малѣйшей опасности. Договоръ его съ конфедераціей или, такъ называемый, вѣчный союзъ былъ заключенъ отъ имени всѣхъ восьми кантоновъ, входившихъ тогда въ составъ союза, посланникомъ Берна, Никласомъ фонъ Дисбахомъ. Этотъ замѣчательный договоръ, служившій до самой французской революціи основаніемъ всѣхъ трактатовъ, заключавшихся между Франціею и Швейцаріею, обезпечивалъ королю Лудовику и его наслѣдникамъ, не имѣвшимъ постояннаго войска, готовую вооруженную армію; съ другой же стороны онъ представлялъ швейцарцамъ, называвшимъ себя бѣднымъ людомъ, субсидіи, ихъ пролетаріямъ выгодную военную службу, а патриціямъ—офицерскія мѣста и пенсіи. Король Лудовикъ обязался ежегодно платить швейцарцамъ по 20,000 франковъ, (каждый тогдашній франкъ по нынѣшнему курсу стоилъ три франка и сорокъ сантимовъ); уплата денегъ должна была производиться черезъ каждые три мѣсяца. Въ договорѣ сказано, что платежъ этотъ дѣлается изъ милости (par charité), за что швейцарцы должны выставлять, по востребованію, столько вооруженныхъ солдатъ, сколько сочтутъ пристойнымъ (qu il leur semblera honnête). Всякій солдатъ долженъ получать мѣсячное жалованье по 5½ рейнскихъ гульденовъ. Требуя солдатъ, король долженъ уплатить за мѣсяцъ впередъ и внести эти деньги Берну, Цюриху или Луцерну; впослѣдствіи же платежъ долженъ совершаться въ Женевѣ. Если же Союзъ потребуетъ королевской помощи противъ герцога Бургундскаго, то король, кромѣ ежегодной платы 20,000 франковъ, обязанъ выдавать имъ въ Ліонѣ черезъ каждые три мѣсяца по 20,000 субсидій, если только ему не помѣшаетъ война. Наконецъ швейцарцы обязались не заключать безъ согласія Лудовика ни перемирія, ни мира, рав-

но какъ и король долженъ включать ихъ во всякій договоръ. Съ этихъ поръ Франція платила Союзу подъ благовиднымъ названіемъ ежегодную дань; европейскія государства наперерывъ заманивали къ себѣ на службу храбрыхъ, но алчныхъ швейцарцевъ. Такимъ образомъ война была выгоднѣйшимъ ремесломъ для патриціевъ и плебеевъ Швейцаріи, пока пѣхота рѣшала участь сраженій и пока швейцарская инфантерія считалась лучшею.

По заключеніи договора кантоны и города стали отважнѣе. Бернъ особенно гласно и смѣло возставалъ противъ намѣстника Гагенбаха, тогда намъ прочіе принимали еще бургундскихъ пословъ покорно и униженно. Гагенбахъ открыто выражалъ презрѣніе къ гражданамъ и называлъ свободныхъ бернцевъ крѣпостными (Ha! ha! сказалъ онъ, êtes-vous ici par l'encontre de Monsieur de Bourgogne? Par la char Dieu, vilains, vous passerez par là) Ненависть къ нему возрастала вслѣдствіе такой дерзкой тираніи. Онъ старался обезпечить себя противъ союза швейцарцевъ съ нѣмецкими городами жестокимъ преслѣдованіемъ политическихъ движеній въ Эльзасѣ и занятіемъ всѣхъ укрѣпленныхъ пунктовъ. Онъ свирѣпствовалъ сперва въ Таннѣ, гдѣ произвелъ много казней, приказалъ укрѣпить этотъ городъ и занялъ Брейзахъ отрядомъ въ 800 ломбардцевъ. Такимъ же образомъ хотѣлъ онъ поступить съ Энзисгеймомъ; но тутъ долго сдерживаемая гроза наконецъ разразилась. Агенты, подосланные эрцгерцогомъ Сигизмундомъ, возбудили всеобщее возстаніе въ окрестностяхъ этого заложеннаго австрійскаго города и въ Брейзахѣ; ломбардцы, расположенные въ Брейзахѣ по домамъ, были окружены, и самъ Гагенбахъ взятъ въ плѣнъ и посаженъ въ городскую тюрьму. Преданный своими наемниками, которымъ былъ данъ за это свободный пропускъ, ландфогтъ попалъ въ руки озлобленныхъ противъ него нѣмцевъ и швейцарцевъ. Сигизмундъ прибылъ въ Базель и приказалъ Гагенбаху отдать отчетъ въ своихъ поступкахъ передъ земскимъ судомъ. Но то была пустая формальность: ландфогтъ долженъ былъ пасть жертвою революціоннаго настрое-

нія народа. Несчастнаго продержали четыре недѣли въ тяжкомъ заключеніи въ Брейзахѣ. Затѣмъ совѣтники Сигизмунда созвали въ этотъ городъ всѣхъ его враговъ, особенно жестокихъ и непримиримыхъ швейцарцевъ и составили изъ нихъ судилище, названное ими земскимъ судомъ. Іоганнъ фонъ Мюллеръ, панегиристъ швейцарскихъ патриціевъ, утверждаетъ, что въ теченіе нѣсколькихъ дней, по приглашенію, сдѣланному отъ имени Сигизмунда, въ Брейзахъ стеклись депутаты отъ всѣхъ значительныхъ общинъ, отъ Зундгау и Брейзау, отъ городовъ Верхняго-Эльзаса, отъ Золотурна, Базеля, Берна и Луцерна. Ихъ сопровождало множество народа, привлекаемаго ненавистью и любопытствомъ. Судъ производился на публичной площади, подъ предсѣдательствомъ ландфогта эпингенскаго и головы города Энзисгейма, съ которымъ Гагенбахъ поступилъ такъ жестоко. Двадцать четыре судьи, въ томъ числѣ шестнадцать рыцарей, выслушали обвиненіе и защиту, соблюли всѣ формальности и обычаи суда, позволили тремъ адвокатамъ защищать обвиненнаго, хотя уже давно рѣшились осудить своего врага. Приговоръ былъ произнесенъ въ тотъ же вечеръ, и намѣстникъ могущественнѣйшаго и богатѣйшаго государя тогдашнихъ странъ, отъ границы Савойи до Сѣвернаго моря, былъ публично обезглавленъ въ Брейзахѣ.

Герцогъ Бургундскій пришелъ въ страшную ярость, которая побудила его предпринять немедленно безумный походъ противъ Швейцаріи, не могшій принести ему никакой выгоды даже при самомъ счастливомъ исходѣ. Армія его была велика, но негодна, потому что не была пріучена къ правильнымъ стратегическимъ и тактическимъ маневрамъ и не имѣла предводителя, способнаго руководить большими массами. Поэтому Лудовикъ XI пришелъ въ неописанную радость, когда Карлъ началъ войну съ Швейцаріей. Въ прошедшемъ году онъ овладѣлъ землями умерщвленнаго герцога Алансонскаго, графствомъ Арманьякъ, Руссильономъ и владѣніями казненнаго коннетабля Сенъ-Поля. Теперь онъ надѣялся, что Карлъ и швейцарцы истребятъ другъ друга, а добыча достанется ему.

Швейцарцы, разумѣется, потребовали отъ него выполненія обязательствъ, недавно принятыхъ при заключеніи вѣчнаго союза. Но Лудовикъ никогда не затруднялся находить уловки и не постыдился прибѣгнуть къ самымъ жалкимъ изворотамъ. Онъ отвѣчалъ швейцарцамъ, что охотно поможетъ имъ, но предварительно долженъ справиться у духовенства, не будетъ ли грѣхомъ передъ Богомъ помогать врагамъ герцога при существованіи перемирія между Франціей и Бургундіей. Отвѣтъ казуистовъ походилъ на изрѣченія оракуловъ: онъ былъ придуманъ заранѣе и давалъ королю предлогъ не выполнять обязательствъ. Духовенство отвѣчало, что по причинѣ недавняго перемирія королю не слѣдовало бы воевать съ герцогомъ; но что онъ имѣетъ полное право объявить врагамъ Карла, что не будетъ препятствовать ихъ нападенію на него, такъ какъ герцогъ во многомъ виноватъ передъ нимъ.

Теперь мы перейдемъ къ описанію погибели могущественнѣйшаго и богатѣйшаго европейскаго государства, паденіе котораго измѣнило всѣ отношенія юго-западной Европы. Но предварительно считаемъ нужнымъ бросить взглядъ на армію Карла Смѣлаго. Мы увидимъ, что Лудовику XI не было надобности подвергать себя опасности, чтобъ препятствовать завоевательнымъ стремленіямъ сумасброднаго герцога. Человѣкъ, даже менѣе хитрый и опытный, чѣмъ Лудовикъ, могъ бы видѣть, что Карла ожидаетъ гибель прежде, чѣмъ онъ успѣетъ достигнуть цѣли. Бургундская армія была феодальнымъ войскомъ и совершенно отличалась отъ закаленныхъ въ безпрерывныхъ войнахъ ополченій кантоновъ и нѣмецкихъ городовъ и союзнаго съ ними рыцарства. Противники Карла имѣли милицію, которая служила во всѣхъ войнахъ и привыкла къ бою и дисциплинѣ; между тѣмъ Карлъ каждый разъ набиралъ новыя войска, которыя нужно было еще обучать строю. По феодальнымъ законамъ онъ долженъ былъ распустить армію послѣ похода подъ Нуйсъ; вслѣдъ за этимъ онъ собралъ новую армію для военныхъ дѣйствій въ Ло-

тарингіи, но и она была распущена, такъ что, рѣшившись напасть на швейцарцевъ, онъ долженъ былъ навербовать третію армію. Войска его состояли изъ всѣхъ народовъ, всѣхъ родовъ оружія. Не смотря на ихъ хвастливость и роскошь, они уступали въ кёльнской войнѣ гессенцамъ, гражданамъ Нуйса, кёльнцамъ и боннцамъ. При самомъ началѣ войны всѣ благоразумные люди того времени, какъ Лудовикъ XI, Эдуардъ IV англійскій и Филиппъ Коминъ предсказывали неудачу Карла, если онъ осмѣлится напасть на ополченія цѣлаго народа со своею разнокалиберною и неопытною арміею; ясно было, что онъ обогатитъ своихъ бѣдныхъ непріятелей, если по глупой пышности возметъ съ собой въ походъ свои сокровища. Въ его арміи служили кромѣ его нидерландскихъ, фламандскихъ, валонскихъ и французскихъ подданныхъ, ломбардцы, англичане и пикардійцы. Первые по крайней мѣрѣ не враждовали между собою, хотя за то не понимали другъ друга; но прочіе, служившіе за жалованье и изъ за добычи, были ненавистны всему свѣту, особенно ломбардцы, Одна бельгійская хроника приписываетъ имъ такія преступленія, во время пребыванія ихъ подъ Нуйсомъ, что мы не можемъ даже повторить этого. Плѣнные пикардійцы настоятельно просили, чтобы ихъ не запирали вмѣстѣ съ этими злодѣями. Ненавистные ломбардцы были брошены въ такую глубокую тюрьму, что нужно было спускать ихъ по веревкѣ. Предводители ломбардцевъ, по словамъ бельгійской лѣтописи, были ненавидимы и друзьями и врагами (amicis et inimicis detestandi), и каждый предостерегалъ герцога противъ нихъ. Однако, не смотря на это, они пользовались его полною довѣренностью. Сперва онъ принялъ на свою службу отряды, приведенные во Францію Рене, а потомъ при посредничествѣ двухъ неаполитанцевъ, Якова Галіота и графа Кампобассо навербовалъ въ Италіи новыхъ бандитовъ. Изъ нихъ первый, кажется, оставался постоянно вѣрнымъ Карлу, но Кампобассо былъ предатель. Передъ походомъ изъ Лотарингіи въ Верхнюю Бургундію, Карлъ поручилъ ему навербовать нѣсколько новыхъ отрядовъ кондотьери и

для этой цѣли далъ 40,000 дукатовъ. Но на пути въ Италію Кампобассо, по словамъ Комина, предложилъ Лудовику XI, чрезъ его намѣстника въ Ліонѣ и чрезъ французскаго посланника въ Піемонтѣ, предать герцога Бургундскаго въ руки короля. По возвращеніи онъ, говорятъ, снова указывалъ королю средства схватить или убить герцога, который часто ѣздилъ безъ конвоя. Коминъ разсказываетъ даже, что Кампобассо предлагалъ королю покинуть герцога на полѣ битвы, если французы нападутъ на него. По словамъ лѣтописца, Лудовикъ поступилъ въ этомъ случаѣ великодушно; Коминъ утверждаетъ, что король предостерегалъ герцога, но Карлъ не обратилъ вниманія на это, полагая, на основаніи извѣстнаго коварства короля, что онъ хочетъ возбудить въ немъ недовѣріе къ своимъ военачальникамъ. Впрочемъ все это не ясно, такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что Лудовикъ нѣсколько разъ предлагалъ графу Кампобассо покинуть герцога. Но Коминъ говоритъ, что король и не думалъ объ убійствѣ или предательствѣ, а желалъ только, чтобы графъ открыто перешелъ къ нему на службу. Впрочемъ солдаты или, вѣрнѣе, наемники, которыхъ Кампобассо и ему подобные вербовали для герцога Бургундскаго, представляли странную смѣсь людей. Это видно уже изъ того, что бельгійская хроника въ числѣ бургундскихъ плѣнныхъ, взятыхъ подъ Нуйсомъ, упоминаетъ объ одномъ росломъ маврѣ, съ которымъ гессенцы обращались съ особеннымъ уваженіемъ.

Армія, которую въ январѣ 1476 г. Карлъ двинулъ противъ швейцарцевъ, состояла, по словамъ Іоанна фонъ-Мюллера, изъ 30,000 чел., но она значительно возрасла на походѣ чрезъ верхнія провинціи и Юрскія тѣснины, въ особенности въ фрейграфствѣ Бургундскомъ. 22-го января, когда армія расположилась подъ Безансономъ, къ ней присоединился съ 15,000 отрядомъ сынъ неаполитанскаго короля Фердинанда, Фридрихъ Тарентскій, котораго Карлъ привлекъ на свою сторону надеждой женитьбы на наслѣдницѣ Бургундіи. Однако мы не можемъ довѣрять вполнѣ

никакимъ цифрамъ. Историки называютъ войско Карла отборнымъ; но это только могло казаться по наружному ея виду и рыцарской пышности. Въ сраженіи отряды перепутывались, а офицеры даже не понимали другъ друга. Къ тому же пресловутая бургундская артиллерія была несообразно тяжела, безпомощна и неудобна для передвиженія въ гористой мѣстности. Армію обременялъ громадный обозъ съ пажами, слугами и другими ненужными людьми; о громадности его можно судить по двумъ обстоятельствамъ: во первыхъ, армію сопровождали 2,000 публичныхъ женщинъ, бывшихъ при ней, по бельгійской хроникѣ, подъ Нуйсомъ, и во вторыхъ, въ Швейцаріи герцога окружала такая же роскошь, какъ и подъ Нуйсомъ. Чтобы пощеголять передъ иностранными посланниками, король взялъ въ походъ всѣ драгоцѣнности своего двора, всю серебряную посуду и всѣ рѣдкости своихъ сокровищъ; онъ и не воображалъ, что это послужитъ только къ тому, чтобы сокровищами его обогатить швейцарцевъ *).

По умерщвленіи Гагенбаха нѣмецкіе города Эльзаса и верхняго Рейна отложились отъ Карла, а бернцы послали въ лагерь подъ Нуйсъ герольда, объявить герцогу войну. За тѣмъ швейцарцы разграбили владѣнія бургундскихъ вассаловъ и графство Фиртъ. Изъ этихъ вассаловъ самыми могущественными были графъ Ромонъ, которому принадлежала большая часть Ваадта и городъ Иверденъ на Невшательскомъ озерѣ, и сынъ принца Оранскаго, Лудовикъ Шалонскій или, какъ его обыкновенно называли, сеньёръ де Шато-Гюйонъ. Пока Карлъ стоялъ передъ Нуйсомъ и воевалъ въ Лотарингіи, швейцарцы и союзные съ ними нѣмцы успѣли занять большую часть

*) Son artillerie, говоритъ Коминъ, estoit très-grande et bonne, et estoit (герцогъ) en grande pompe en cet ost, pour se montrer à ces ambassadeurs, qui venoient d'Jtatie et d'Allemagne, et avoit toutes ses meilleures bagues et de sa vaisselle baucoup et largement autres paremens; et avoit de grosses fantasies en sa teste.

Ваадта и завоевать города, лежавшіе на востокъ отъ Юры. Однако бернцы оставили гарнизоны только въ Грансонѣ и Иверденѣ. Когда Карлъ двинулся наконецъ въ Швейцарію, союзники вооружили противъ него всѣ свои силы. Они имѣли передъ непріятелемъ троякое преимущество: въ томъ, что дрались за свободу, родину и семейства; что были опытны въ военномъ дѣлѣ, потому что служили прежде по найму, и что могли быстро соединять свои силы, такъ какъ находились вблизи отъ театра войны. Однако, они не успѣли занять горные проходы, и графъ Ромонъ, котораго Карлъ между тѣмъ назначилъ маршаломъ Бургундіи, выгналъ съ помощью своихъ подданныхъ бернскія войска изъ занятыхъ ими пунктовъ.

Весь Ваадтъ былъ уже занятъ итальянцами и бургундцами Карла, когда въ началѣ марта 1476 г. онъ расположился съ своею арміею на высотахъ Грансона; городъ, защищаемый 800 бернцевъ, былъ взятъ приступомъ, а цитадель — хитростью. Швейцарская армія собралась неподалеку отъ Грансона. Всѣ, съ кѣмъ Карлъ совѣтывался, отговаривали его нападать на нее. Ему говорили, что швейцарцы слишкомъ бѣдны, чтобы имѣть возможность долго оставаться въ полѣ; вслѣдствіе чего они должны будутъ аттаковать его, причемъ всѣ невыгоды будутъ на ихъ сторонѣ, такъ какъ войска его съ одной стороны прикрыты Невшательскимъ озеромъ, а съ другой — своею артиллеріею (— — — clos de son artillerie et partie d'un lac, et n'y avait nulle apparence, qu' ils lui eussent sçeu porter dommage). Гордость не позволила ему послѣдовать этому совѣту; онъ рѣшился дѣйствовать наступательно. 3 марта 1476 г. при Грансонѣ произошло первое сраженіе съ швейцарцами Исходъ битвы былъ несчастливъ для Карла, хотя скорѣе комиченъ, чѣмъ трагиченъ, потому что Карлъ потерялъ лишь нѣсколько человѣкъ; но армія его такъ осрамила и его и себя, что впослѣдствіи всѣ сочли безуміемъ съ его стороны выводить ее снова противъ швейцарцевъ. Швейцарцы, которыхъ Коминъ справедливо называетъ нѣмцами

(les Allemans, дѣйствительно аллеманы), были втрое малочисленнѣе бургундцевъ, но за то далеко превосходили ихъ по качеству.

Мы разскажемъ словами Комина о началѣ и концѣ сраженія. Карлъ послалъ сто стрѣлковъ подъ командою Георга Розенбо сеньёра Филоме, кандидата въ рыцари, приказавъ ему занять одинъ изъ горныхъ проходовъ. Они встрѣтились съ швейцарцами, двинувшимися противъ нихъ, между тѣмъ какъ главная масса бургундской армія еще находилась въ долинѣ. Карлъ поспѣшилъ съ отрядомъ войска на помощь къ Розенбо; но первые ряды этого отряда пытались возвратиться къ остальной арміи. Это произвело въ бургундскомъ войскѣ всеобщее замѣшательство. Войска, слѣдовавшіе сзади съ обозомъ (les menues gens), подумали, что авангардъ обратился въ бѣгство, и побѣжали; за ними и вся армія показала тылъ (faisans aucuns, прибавляетъ Коминъ, très bien leur devoir). Наконецъ (fin de compte) достигнувъ своего лагеря, бургундскія войска даже и не подумали о сопротивленіи, но прямо обратились въ бѣгство. Нѣмцы овладѣли не только лагеремъ герцога, но и его артиллеріею; они взяли огромную палатку герцога, многочисленныя палатки его свиты и безконечное множество другой добычи. Бургундцы спасли только свои собственныя особы. Всѣ главныя драгоцѣнности (bagues) герцога попали въ руки швейцарцевъ, не знавшихъ цѣны ни жемчугу, ни бриллiантамъ; однако на этотъ разъ Карлъ потерялъ всего семь человѣкъ убитыми. Что касается до драгоцѣнностей, забранныхъ швейцарцами, то объ этомъ такъ подробно и обстоятельно разсказалъ I. фонъ Мюллеръ, что намъ оставалось бы только сослаться на него, еслибъ мы считали нужнымъ говорить объ этомъ во Всемірной Исторіи. Но мы предпочитаемъ слѣдовать за герцоговъ въ его дальнѣйшихъ сумасбродствахъ.

Послѣ сраженія при Грансонѣ, старый Рене и герцогъ Галеацо-Марія Миланскій, съ которыми Карлъ Смѣлый только что вступилъ въ союзъ, и герцогиня Савойская покинули Карла и перешли на сторону Людовика XI. Король между тѣмъ постоян-

но отсрочивалъ срокъ окончанія перемирія съ Карломъ; по словамъ Комина, онъ очень обрадовался пораженію герцога, (en eut très grande joye, et ne lui déplaisoit que du petit nombre de gens qui avoient esté perdus). Но швейцарцы, говоритъ Коминъ, послѣ грансонскаго сраженія получили значеніе, тогда какъ прежде на нихъ не обращали вниманія. *) Они были такъ благоразумны, что не пустились преслѣдовать бургундцевъ. Они заняли проходы, ведущіе въ Бургундію, за исключеніемъ ваадтскихъ. Поэтому Карлъ отступилъ въ Ваадтъ, чтобы оттуда черезъ Лозанну снова обратиться противъ Берна; онъ довольно долго простоялъ лагеремъ у Лозанны. Между тѣмъ старый Рене обратился къ Лудовику и завелъ съ нимъ переговоры, поведшіе впослѣдствіи къ присоединенію Прованса къ Франціи. Рене, сохранявшій еще тѣнь власти въ Провансѣ, увлекся чудесными планами завоеванія Италіи, изобрѣтенными Карломъ, и обѣщалъ уступить ему Провансъ. Поэтому послѣ сраженія при Грансонѣ Лудоникъ началъ черезъ парламентъ процессъ противъ Рене, который былъ обвиненъ въ государственной измѣнѣ и приговоренъ къ страшнымъ наказаніямъ. Французскій король, разумѣется, не смотрѣлъ на это дѣло серьезно и хотѣлъ только застращать старика, чтобы завладѣть Провансомъ. Дѣйствительно, онъ успѣлъ склонить Рене согласиться на то, чтобы дочь его, Маргарита, содержавшаяся въ Англіи плѣнницей, уступила свои права на Пронансъ племяннику своего отца, Карлу Менскому, не имѣвшему дѣтей. По смерти его въ 1481 г. Провансъ перешелъ по завѣщанію къ французскому королю. За это Лудовикъ долженъ былъ заплатить довольно значительную сумму

*) Pour lors les Suisses n'estoient point estimés comme ils sont pour cette heure; et n'estoit rien plus pauvre et ay oui dire à un chevalier des leurs, qui avait esté des premiers ambassadeurs qu'ils avoient envoyés devers le dit duc, qu'il avoit dit en faisant leurs remonstrances pour le démouvoir de cette guerre, que contre eux ne pouvait rien gagner; car leur pays estoit trés stérile et pauvre, et qu'ils n'avoient nuls bons prisonniers.

Digitized by Google

за освобожденіе Маргариты и возвратить ея отцу конфискованныя у него герцогство Баръ и владѣнія въ Шампани. Внукъ Рене, Рене II Лотарингскій, былъ также призванъ къ Лудовику, который прибылъ въ Ліонъ, чтобъ быть ближе къ театру войны. Лудовикъ велъ себя съ герцогомъ Лотарингскимъ не только осторожно, но коварно и робко. Хитрый король, любившій дѣйствовать навѣрняка и ничѣмъ не рисковать, считалъ Карла, несмотря на грансонское пораженіе, опаснымъ для себя и не желалъ навлекать на себя его вражду. Онъ опасался открыто помогать покинутому герцогу Лотарингскому и потому не хотѣлъ не только заключать съ нимъ союза, но даже платить субсидій или ссудить войска. Когда герцогъ проѣзжалъ изъ Ліона черезъ Страсбургъ къ союзной арміи, Лудовикъ далъ ему денегъ, но тайно и подъ проценты. Онъ велѣлъ проводить его до Страсбурга отрядомъ французской конницы, приказавъ этому конвою не останавливаться въ такихъ мѣстахъ, гдѣ могъ встрѣтить бургундцевъ. Въ этомъ отрядѣ находилось нѣсколько весьма значительныхъ господъ съ ихъ вассалами. Въ числѣ другихъ нѣмецкихъ владѣтелей, находившихся при Рене въ Страсбургѣ, упоминаютъ о графахъ Нассаускомъ, фонъ Бичѣ, фонъ Фенестреллесѣ и фонъ Рихебургѣ. Швейцарцы приняли герцога Лотарингскаго съ такими почестями, какъ будто онъ былъ ихъ предводителемъ.

Армія Карла въ скоромъ времени такъ возрасла, что онъ счелъ возможнымъ снова аттаковать швейцарцевъ. Онъ выступилъ изъ Лозанны и двинулся черезъ Петерлингенъ къ Муртену; Гадріанъ фонъ Бубенбергъ рѣшился защищать этотъ городъ до тѣхъ поръ, пока не подоспѣетъ союзная армія, бывшая уже на походѣ. Съ двумя тысячами человѣкъ Бубенбергъ защищалъ Муртенъ сорокъ дней противъ всего бургундскаго войска съ такимъ же мужествомъ, съ какимъ Германъ Гессенскій оборонялъ Нуйсъ. Карлъ же, стоя подъ Муртеномъ, важничалъ, точно какой нибудь Ксерксъ, и велѣлъ воздвигнуть великолѣпно убранный походный дворецъ, который сооружался подъ Нуйсомъ, при Грансонѣ и

вездѣ, гдѣ онъ останавливался. Нѣкоторые кантоны замѣшкались и долго не присылали своихъ контингентовъ. Наконецъ 21 іюня явились тридцать тысячъ пѣхоты и четыре тысячи кавалеріи, и уже на слѣдующій день произошло рѣшительное сраженіе при Муртенѣ. Говорятъ, что войско Карла было втрое многочисленнѣе швейцарскаго. Но армія, которую онъ собиралъ съ марта по іюнь при Лозаннѣ, была еще разнокалибернѣе, чѣмъ та, которая бѣжала при Грансонѣ; въ ней было еще болѣе итальянцевъ и всякаго сброда, вслѣдствіе чего она никакимъ образомъ не могла побѣдить швейцарцевъ, изъ которыхъ каждый зналъ своего товарища и сражался за свое добро и честь и за славу своего кантона. На этотъ разъ наступленіе велось швейцарцами; но надменность и безразсудная смѣлость увлекли Карла, который пренебрегъ выгодами своей позиціи; онъ выступилъ противъ непріятеля, вмѣсто того чтобы выждать его нападенія. Онъ былъ разбитъ, и это пораженіе было пагубнѣе для его арміи, чѣмъ сраженіе при Грансонѣ. Потерю бургундцевъ считаютъ въ 16—18 т. человѣкъ, что вѣроятно преувеличено, и другіе болѣе правдоподобно полагаютъ ее въ 8 тысячъ. Рыцарство Карла лишилось представителей своихъ знатнѣйшихъ родовъ. Самъ герцогъ бѣжалъ съ поля битвы съ 3 тысячами человѣкъ. Впрочемъ войска его вначалѣ сражались мужественно; въ особенности отличались англичане и ихъ начальникъ Соммерсетъ, а также отборный отрядъ бургундцевъ, великолѣпно одѣтый и называвшійся гвардіею герцога. Со стороны непріятелей храбро дрался Рене II герцогъ Лотарингскій; послѣ сраженія онъ провелъ ночь въ походномъ дворцѣ Карла. По окончаніи битвы, двѣнадцать тысячъ швейцарцевъ направились въ Ваадтъ; они имѣли въ виду покорить жителей Ваадта патриціямъ Берна; объ освобожденіи же ихъ изъ подъ власти Ромона и о принятіи ихъ въ Союзъ они и не помышляли. Затѣмъ нѣсколько тысячъ побѣдоносныхъ швейцарцевъ и нѣмцевъ изъ городовъ отъ Страсбурга до Базеля и Шафгаузена выступили для изгнанія бургундцевъ изъ владѣній

герцога Лотарингскаго, который самъ стоялъ во главѣ этого войска.

Король Лудовикъ XI съумѣлъ извлечь выгоду изъ пораженія Карла Смѣлаго. Со времени перемирія, заключеннаго съ Франціею, Карлъ занимался тѣмъ, что строилъ воздушные замки и гонялся за вздорными планами, вслѣдствіе чего возбуждалъ противъ себя ненависть, мучилъ своихъ подданныхъ военною службою и притѣснялъ слабыхъ сосѣдей. Тѣмъ временемъ Лудовикъ подражалъ образу жизни, манерамъ и понятіямъ буржуазіи, жилъ бережливо, поплебейски съ мѣщанами и крестьянами, поступая съ высшею аристократіей коварно и вѣроломно. Мы уже говорили (ст. 217) о томъ, что мало по малу онъ подчинилъ всѣхъ независимыхъ владѣтелей своего государства, кромѣ герцога Бретанскаго, и распространилъ свою власть до Перпиньяна и Тулона; при этомъ онъ часто поступалъ жестоко и безсовѣстно, но его образъ дѣйствій былъ выгоденъ для государства и для французской націи. Что касается до его отношеній къ Карлу, то онъ осторожно устранялъ все, могущее подать поводъ къ разрыву съ Бургундіею. Но въ то же время онъ возстановлялъ противъ герцога Люттихъ, Кёльнъ, императора и имперію, Сигизмунда Тирольскаго и его зундгаусцевъ, брейсгаусцевъ и эльзасцевъ. Всѣ эти интриги стоили ему очень дорого. Подарками и договорами онъ ободрялъ швейцарскій Союзъ, но не сдѣлалъ для него ничего, что могло бы оскорбить бургундцевъ, пока счастье не покинуло послѣднихъ. Онъ сталъ дѣйствовать смѣлѣе лишь послѣ побѣды швейцарцевъ при Муртенѣ, но былъ остороженъ изъ боязни, чтобы Карлъ Смѣлый не покинулъ пути, по которому шелъ къ погибели. Въ теченіе всей своей жизни онъ поддерживалъ народъ, угнетаемый духовенствомъ и дворянствомъ, противъ своеволія аристократіи, захватившей въ средніе вѣка королевскія права въ свои руки. Передъ отъѣздомъ изъ Ліона, гдѣ онъ жилъ во время войны между Карломъ и швейцарцами, онъ защитилъ народъ отъ притязаній римскаго престола. Кардиналъ делла-Ровере) Саг-

dinalis S. Petri a Vinculis), посланный дядею своимъ, папою Сикстомъ IV, въ качествѣ легата въ Авиньонъ, вздумалъ заявить папскія права въ архіепископствѣ ліонскомъ и вмѣшаться, именемъ папы, въ дѣла французской церкви. Лудовикъ не хотѣлъ допустить этого. Сперва по обыкновенію онъ дѣйствовалъ кротко и мягко, но потомъ энергически и доказалъ изумленному міру, что, несмотря на повсемѣстно распространенное суевѣріе, свѣтскій правитель можетъ справиться съ самимъ папою, ежели будетъ дѣйствовать послѣдовательно. Сперва Лудовикъ назначилъ коммиссію, которая должна была разсматривать всѣ буллы и посланія, издаваемыя отъ имени папы и выключать изъ нихъ все, противное правамъ галликанской церкви. Когда же кардиналъ, поддерживаемый папою, не прекратилъ своихъ притязаній, король потребовалъ, чтобы папа повиновался постановленію констанцскаго собора, по которому въ извѣстные сроки должны были созываться соборы (Т. IX, стр. 165). Къ этому онъ присоединилъ угрозу, что созоветъ національный соборъ, если папа не захочетъ исполнить это постановленіе. Однако римскій дворъ не уступалъ, и король велѣлъ обнародовать пригласительныя на соборъ посланія (lettres patentes). Сверхъ того онъ запретилъ своимъ подданнымъ, въ особенности нищенствующимъ монахамъ, т. е. солдатамъ папской арміи, оставлять государство безъ его позволенія. Впрочемъ все это не скоро бы привело къ окончанію дѣла. Поэтому король прибѣгнулъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ: онъ приказалъ адмиралу Лудовику Бурбонскому, командовавшему его южною арміею, вступить въ папское графство Венессенъ. Это помогло; кардиналъ немедлено смирился и даже предложилъ королю свои услуги, чтобъ склонить папу помочь стремленію Лудовика къ абсолютизму. Онъ такъ понравился королю своимъ совѣтомъ, что Лудовикъ назначилъ его своимъ уполномоченнымъ въ Римѣ и велѣлъ принимать во Франціи только тѣ буллы, которыя пройдутъ черезъ руки кардинала.

Изъ Ліона Лудовикъ возвратился въ свой замокъ Плесси-дю-

Туръ. Онъ принялся преслѣдовать всѣхъ, бывшихъ въ тѣсномъ союзѣ съ Карломъ Смѣлымъ. Прежде всего онъ принудилъ герцога Бретанскаго, старшинѣйшаго и вѣрнѣйшаго союзника Карла, присоединить къ заключенному съ нимъ перемирію новое условіе; оно было неважно для настоящаго времени, но, смотря по обстоятельствамъ, могло получить большое значеніе въ будущемъ (que le duc jurât de garder au roi les droits et jouissances, qui lui appartiennent en Bretagne, et de les maintenir en toute leur étendue *). Далѣе ему удалось воспользоваться несчастіемъ своей сестры Іоланты, вдовы герцога Амедея IX Савойскаго и Пьемонтскаго; онъ пріобрѣлъ право назначать по своему выбору намѣстниковъ въ ея владѣнія. Іоланта, по смерти своего мужа, управляла Савойей и Пьемонтомъ за своихъ малолѣтнихъ дѣтей, Карла и Филиберта. Когда герцогъ Бургундскій изобрѣлъ планъ завоеванія Италіи, Іоланта, увлеченная этимъ замысломъ, согласилась заключить съ нимъ союзъ. Герцогъ прибѣгнулъ при этомъ къ тому же средству, которое онъ употреблялъ уже три раза для достиженія другихъ цѣлей. Онъ не постыдился въ четвертый разъ выставить приманкою руку своей дочери, причемъ какъ теперь, такъ и прежде обманывалъ, не имѣя серіознаго намѣренія выдавать Марію замужъ. Въ первый разъ онъ обѣщалъ свою дочь герцогу Лотарингскому (стр. 226); онъ даже далъ ему письменное обѣщаніе, которое потомъ выманилъ обратно посредствомъ недостойной хитрости. Потомъ онъ обманулъ императора Фридриха и его сына Максимиліана, причемъ увѣрялъ ихъ лично и письмами Маріи. Затѣмъ онъ подобнымъ же образомъ заманилъ въ союзъ съ собою неаполитанскаго принца Фридриха (стр. 238). Наконецъ, обративъ вниманіе на Италію, онъ привлекъ на свою сторону герцогиню Іоланту Савойскую видами на бракъ одного изъ ея сыновей съ его дочерью. Такъ какъ старый Рене уже обѣщалъ

*) Что герцогъ клянется сохранить за королемъ въ полномъ объемѣ всѣ права и привиллегіи, которыми онъ пользуется въ Бретани.

герцогу Бургундскому помощь для итальянскаго похода, то Іоланта сочла благоразумнымъ также соединиться съ Карломъ и принять участіе въ этомъ дѣлѣ. Она обѣщала герцогу не только впустить его въ проходы своего государства, но и помогать ему во время похода. Ближайшимъ слѣдствіемъ ея союза съ Карломъ было опустошительное нападеніе на ея владѣнія, произведенное швейцарцами. Однако на этотъ разъ она получила помощь отъ Карла: посѣтивъ со всѣмъ своимъ семействомъ герцога, жившаго въ Лозаннѣ и увидѣвъ его сомнительное положеніе, она снова вступила въ сношенія съ своимъ братомъ, Лудовикомъ XI, и послала къ нему для переговоровъ довѣренное лицо, Монтиньи. Герцогъ Бургундскій узналъ объ этомъ во время своего бѣгства отъ Муртена въ Гексъ; онъ приказалъ Оливье де ля Маршу арестовать герцогиню. Оливье схватилъ Іоланту, ея младшаго сына и двухъ дочерей близь воротъ Женевы; онъ посадилъ герцогиню на лошадь позади себя и привезъ съ тремя дѣтьми къ Карлу. Вѣрные савояры спасли старшаго принца и увезли его въ Женеву *). Карлъ принялъ своего слугу очень немилостиво, потому что въ числѣ похищенныхъ особъ недоставало самой нужной. Оливье, выражающійся о своемъ положеніи прямо, не скрываетъ этого въ своихъ мемуарахъ **). Лудовикъ немедленно приказалъ адмиралу Бурбонскому и намѣстнику Дофине позаботиться о томъ, чтобы герцогство и молодой герцогъ не попали подъ власть Бургундіи. Они созвали государственный сеймъ, который отправилъ за приказаніями къ Лудовику епископа женевскаго и графа де Бресса. Король,

---

*) Par le moyen d'aucuns de nostre compagnie, говоритъ Оливье въ своихъ запискахъ, qui estoient sujets du duc de Savoye, et certes ils ne firent que leur devoir; et ce que j'en fi, ji le fi pour sauver ma vie, car le duc mon maître estoit tel, qu'il vouloit que l'on fit ce qu'il commandoit sur peine de perdre la vie.

**) Et devez sçavoir, говоритъ онъ, que le duc fit très mauvaise chére á toute la compagnie et principalement à moy, et fus en danger de ma vie, pour que je n'avoye point le duc de Savoye.

не забывая главнѣйшаго правила себялюбивой политики (divide et impera!), назначилъ епископа женевскаго намѣстникомъ Савойи, а графа де Бресса намѣстникомъ Пьемонта; но особу герцога онъ не ввѣрилъ ни тому, ни другому и поручилъ ее родосскому рыцарю Филиберту де Гролé. Для освобожденія герцогини Іоланты и ея дѣтей, съ которыми Карлъ Смѣлый обходился очень невѣжливо, Лудовикъ прибѣгнулъ къ хитрости. По знаку, данному имъ Шомону д'Анбуазу, стоявшему съ отрядомъ королевскаго войска на границѣ, послѣдній неожиданно явился передъ замкомъ Рувръ близь Дижона, гдѣ содержалась Іоланта, освободилъ ее и привезъ въ Плесси-дю-Туръ. Лудовикъ встрѣтилъ свою сестру насмѣшливымъ привѣтомъ (Madame la Bourguignonne, vous soyez la très bien venue!), но вскорѣ убѣдился, что она вовсе не предана бургундцамъ и отослалъ ее въ ея владѣнія. Относительно Карла Смѣлаго Лудовикъ держалъ себя совершенно спокойно, тогда какъ другіе враги герцога дѣйствовали противъ него открыто. Но втайнѣ онъ старался низвергнуть его, платилъ деньги и старался извлечь выгоду изъ своихъ собственныхъ союзниковъ; такъ напримѣръ, онъ пріобрѣлъ клочекъ земли отъ своего племянника, молодаго герцога Савойскаго, которому, повидимому, покровительствовалъ.

Между тѣмъ самая особа Карла Смѣлаго находилась въ плачевномъ положеніи. Уже послѣ грансонскаго сраженія онъ впалъ въ состояніе, близкое къ умопомѣшательству. Но послѣ пораженія при Муртенѣ онъ впадалъ въ столь глубокую меланхолію, продолжавшуюся часто по цѣлымъ недѣлямъ, что лицо его принимало выраженіе безумія. Онъ отростилъ бороду и ногти и не мѣнялъ платья; его придворные и служители приближались къ нему со страхомъ и трепетомъ, какъ видно изъ вышеприведенныхъ словъ Оливье, и никто не осмѣливался дѣлать ему возраженій противъ его проступковъ, явно клонившихся къ его погибели. Доктора обращались съ нимъ какъ съ больнымъ; но употребляемыя ими средства, какъ намъ кажется, служили скорѣе къ его

возбужденію, чѣмъ къ успокоенію. Въ то время какъ Карлъ былъ не въ состояніи предпринять что либо благоразумное, враги его созвали большой конгрессъ въ Фрейбургѣ. Швейцарцы и вожди нижняго союза совѣщались въ теченіе трехъ недѣль со множествомъ другихъ непріятелей Карла. Значительнѣйшими изъ нихъ были: Рене II Лотарингскій, приготовлявшійся къ походу въ свое герцогство, его друзья, графы Лейнигенъ и Бичъ, совѣтники Сигизмунда Тирольскаго, послы курфирстовъ майнцскаго, трирскаго и пфальцскаго; епископы страсбургскій, базельскій, женевскій, гренобльскій, и валлисскій; уполномоченные отъ государственныхъ чиновъ Савойи и Пьемонта и графъ фонъ Грейерцъ. Король Лудовикъ, начавшій дѣйствовать прямѣе и смѣлѣе, послалъ въ Фрейбургъ своего зятя, адмирала Лудовика, батарда герцога Лудовика Бурбонскаго. Конгрессъ, повидимому, кончился тѣмъ же, чѣмъ кончались германскіе имперскіе сеймы, съ тою только разницею, что здѣсь меньше строчили; болтали много, но ничего не рѣшили. Герцогъ Рене II Лотарингскій болѣе другихъ обманулся въ своихъ ожиданіяхъ; швейцарцы, помышлявшіе о выгодѣ, деньгахъ и добычѣ, были столь же практичны, какъ Лудовикъ XI. Они сулили герцогу золотыя горы, но ничего не сдѣлали. Тогда онъ рѣшился помочь себѣ самъ; онъ вошелъ въ сношенія съ графомъ Кампобассо и деньгами склонилъ его предать герцога Бургундскаго; кромѣ того, онъ привлекъ къ себѣ на службу ломбардцевъ и французовъ Карла. Но Карлъ продолжалъ довѣрять Кампобассо и не слушалъ никакихъ предостереженій даже тогда, когда Кампобассо продался Рене.

Рене навербовалъ много швейцарцевъ и нѣмцевъ и съ этимъ не совсѣмъ надежнымъ войскомъ вступилъ въ свое герцогство, занятое бургундцами. Онъ расчитывалъ на привязанность своихъ подданныхъ и не ошибся; лотарингцы немедленно напали на всѣ непріятельскіе гарнизоны и принудили бургундцевъ запереться въ укрѣпленномъ Нанси. Рене осадилъ этотъ городъ, гарнизономъ котораго командовалъ Жанъ де Рюбанпре сеньёръ

де Бьевръ. Войско Рене было малочисленно; но Рюбанпре имѣлъ мало продовольствія, потому что Карлъ Смѣлый не заботился о своихъ войскахъ. Вслѣдствіе этого бургундскій комендантъ долженъ былъ сдать городъ (октябрь 1476 г.), когда англійскіе стрѣлки, составлявшіе главную силу гарнизона, не захотѣли долѣе терпѣть недостатокъ. Узнавъ объ этомъ, Карлъ пришелъ въ величайшую ярость и рѣшился въ ту же зиму завоевать Лотарингію вновь, хотя фламандцы отказались давать ему войска и денегъ для дальнѣйшихъ завоеваній *). При приближеніи его, Рене выступилъ ему на встрѣчу, но уклонялся отъ сраженія. Онъ ограничился наблюденіемъ за бургундскою арміею и окружилъ ее, желая задерживать ея наступленіе до тѣхъ поръ, пока Нанси и другіе укрѣпленные города будутъ снабжены продовольствіемъ. Обезпечивъ города продовольствіемъ, онъ расположилъ въ нихъ свои наемныя войска (другихъ у него не было), и взялъ съ нихъ торжественное обѣщаніе защищаться впродолженіе двухъ мѣсяцевъ; затѣмъ, несмотря на необыкновенный холодъ, онъ отправился съ 12 всадниками черезъ горы, покрытыя снѣгомъ, въ Швейцарію, чтобъ нанять вспомогательныя войска. Для этой цѣли онъ досталъ денегъ, частью отъ короля Лудовика, частью отъ своей бабки, которая сверхъ того отдала ему для обращенія въ монету все свое серебро. Страсбургцы также ссудили ему десять тысячь гульденовъ, и, если вѣрить, какъ I. Мюллеръ, словамъ Комина, то и швейцарцы пожертвовали для него деньгами; однако мы сомнѣваемся въ этомъ. Весь Союзъ сталъ помогать герцогу оружіемъ; говорятъ, что подъ его знамена собралось восемь тысячь швейцарцевъ; нижній союзъ также прислалъ помощь; но Швейцарія помогала ему

*) Si le duc, писали они, se sent aucunement pressé par les Allemands ou les Suisses et qu'il n'ait pas assez de gens avec lui pour s'en retourner franchement en ses pays, qu'il le nous fasse savoir, et nous exposerons nos corps et nos biens pour l'aller guérir et le ramener sûrement en ses dits pays; mais pour faire plus de guerre pour lui, nous ne sommes point délibérés de le plus aider de gens et d'argent.

Digitized by Google

недаромъ. Каждый солдатъ изъ этихъ восьми тысячъ получилъ по червонцу въ задатокъ; на походѣ Рене принужденъ былъ заплатить имъ 1200 гульденовъ, для полученія которыхъ долженъ былъ оставить кредиторамъ заложниками двухъ графовъ; сверхъ того, онъ долженъ былъ дать по червонцу каждому офицеру.

Въ декабрѣ Рене получилъ въ Цюрихѣ извѣстіе, что гарнизоны его доведены до крайности и не только продовольствіе, но и всѣ лошади съѣдены Поэтому онъ быстро соединилъ свое войско, выступилъ въ Базель, а оттуда двинулся на святкахъ черезъ Кольмаръ и Шлеттштадтъ въ Лотарингію. Между тѣмъ Карлъ Смѣлый съ вновь набраннымъ ополченіемъ поспѣшилъ къ своимъ войскамъ, осаждавшимъ Нанси подъ начальствомъ измѣнника Кампобассо. Въ недисциплинированной толпѣ, приведенной Карломъ, не было и трехъ тысячъ, годныхъ къ бою; Рене же шелъ къ Нанси съ единственными въ Европѣ правильными и дисциплинированными войсками. Поэтому всѣ совѣтывали герцогу Бургундскому уклоняться отъ боя, пока противникъ его истратитъ всѣ свои деньги, вслѣдствіе чего швейцарцы возвратятся домой; но Карлъ рѣшился, вопреки здравому смыслу, продолжать осаду Нанси и повелъ противъ города яростную аттаку въ то время, когда Рене находился уже вблизи. Приступъ былъ отбитъ, и Рене предложилъ ему сраженіе. Сумасбродный герцогъ Бургундскій принялъ сраженіе при Нанси 5 января 1477 г. По свидѣтельству всѣхъ историковъ, Карлъ не могъ бы одержать побѣду, даже если бы Кампобассо не измѣнилъ ему. Кампобассо долженъ былъ прикрывать правое крыло бургундской арміи съ отрядомъ въ 200 копѣйщиковъ, въ которомъ, судя по тогдашней организаціи войскъ, было отъ 700 до 800 чел. Но графъ передался Рене въ самомъ началѣ сраженія. Такъ какъ швейцарцы и нѣмцы не подпустили къ себѣ Кампобассо и его вѣроломныхъ ломбардцевъ, то онъ занялъ Буксіерскій мостъ и такимъ образомъ лишилъ герцога Бургундскаго единственнаго пути, которымъ

онъ могъ бы въ случаѣ потери сраженія отступить къ Люксембургу. Всѣ хвалятъ присутствіе духа и храбрость Карла, а также мужество и вѣрность Рюбанпре, Галіо, Коите, графа Нассаускаго, маркиза Невшательскаго и нѣкоторыхъ другихъ бургундскихъ военачальниковъ; но они не могли выиграть сраженіе. Когда палъ Рюбанпре, Карлъ приказалъ отступить къ Люксембургу. Но Кампобассо отрѣзалъ бургундцамъ отступленіе, и такъ какъ храбрѣйшіе вассалы Карла были убиты, то войско его разсѣялось въ разныя стороны. Тогда всюду поднялся народъ, и въ теченіи многихъ дней въ Лотарингіи совершались звѣрскія убійства и грабежи. Самъ Карлъ хотѣлъ переправиться черезъ ручей въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ Нанси; но ледъ подломился, и онъ попалъ подъ лошадь. Въ этомъ положеніи онъ былъ настигнутъ и убитъ, неузнанный непріятелемъ. Мы не рѣшаемся сказать, сколько потеряли бургундцы убитыми, потому что не вѣримъ положительнымъ числовымъ даннымъ, особенно когда онѣ, какъ въ этомъ случаѣ, разногласятъ между собою. Говорятъ, что число убитыхъ подъ Нанси простиралось отъ 8 — 6 тыс. чел. Швейцарскіе писатели считаютъ отъ 4 — 8 т.

Сраженіе при Нанси возвратило Рене II Лотарингію. При извѣстіи о смерти своего врага Лудовикъ выразилъ громкую радость, тѣмъ болѣе неприличную, что при жизни Карла не смѣлъ явно нападать на него. Королевскіе придворные, особенно аристократы и рыцари, опечалились и встревожились, потому что Карлъ былъ единственный человѣкъ, котораго Лудовикъ боялся. Придворный Лудовика, Коминъ, разсказываетъ, что получивъ извѣстіе о сраженіи при Нанси, король далъ своему двору торжественный пиръ, но что у всѣхъ пропалъ апетитъ; придворные боялись, что Лудовикъ, которому больше некого было старшиться, сдѣлается страшнымъ, жестокимъ деспотомъ, такъ какъ характеръ его, не смотря на его популярность, былъ злобенъ. Того, кто первый принесъ ему извѣстіе о сраженіи, Лудовикъ щедро одарилъ; подобнымъ же образомъ прежде онъ далъ двѣсти ма-

рокъ Комину и дю-Бушажу, которые первые увѣдомили его о пораженіи Карла при Муртенѣ.

10. Лудовикъ XI и эрцгерцогъ Максимиліанъ.

По смерти Карла Смѣлаго Лудовикъ XI не замедлилъ обнаружить свои намѣренія. Онъ послалъ гонцовъ увѣдомить о смерти герцога всѣ города своего государства, а также герцога Бретаньскаго, сообщивъ имъ, что намѣренъ овладѣть герцогствомъ Бургундскимъ и тѣми владѣніями Карла, которыя были ленами французской короны. Повидимому онъ имѣлъ также виды на фрейграфство Бургундское (Франшъ-Конте), потому что объявилъ чинамъ, что беретъ подъ свою опеку дочь Карла, Марію, свою близкую родственницу и крестницу, и думаетъ выдать ее замужъ за дофина. Лудовикъ хотѣлъ воспользоваться швейцарцами и ихъ германскими союзниками точно также, какъ пользовались ими императоръ Сигизмундъ, папы и Констанцскій соборъ; но швейцарцы сами воспользовались какъ папою, такъ и имъ, чтобы, подъ видомъ честности и справедливости, завладѣть чужимъ добромъ въ пользу своихъ патриціевъ. Лудовикъ ясно увидѣлъ, что безъ хорошаго войска и опытныхъ вождей нельзя достичь своихъ цѣлей. Съ лѣтами онъ совершенно отвыкъ отъ воинственности, хотя въ молодости не имѣлъ недостатка въ храбрости. Поэтому онъ сдѣлалъ измѣненіе въ содержаніи учрежденныхъ имъ кадровъ постоянной арміи. Онъ клятвою обязалъ казначеевъ правильно уплачивать жалованіе этимъ кадрамъ (les gens d'armes et les archers d'ordonnance); казначеи ни подъ какимъ предлогомъ не могли расходовать назначенныя войску деньги на другія надобности; они должны были разузнать въ городахъ, гдѣ стояли войска, не долженъ ли кто изъ солдатъ за содержаніе себя или своей лошади. Еслибы оказалось, что такіе долги существуютъ, то казначеи обязаны немедленно уплатить ихъ; жалованіе же тѣхъ,

которые оставили службу или отлучились безъ позволенія, должно было усчитываться. Войска должны были получать жалованіе наличными деньгами безъ обмана; впередъ имъ давать не слѣдовало. Казначеи не могли производить уплату жалованія лошадьми или товаромъ и должны были не допускать кавалеристовъ обижать пѣхотницевъ; въ случаѣ же невозможности воспрепятствовать этому, они обязаны были немедленно доносить о такомъ происшествіи военному коммиссару или самому королю.

Обстоятельства благопріятствовали Лудовику. Маріи было всего двадцать лѣтъ; она была окружена врагами и лишилась всѣхъ друзей своего отца, которые сопровождали его въ его послѣднемъ походѣ и не покинули даже тогда, когда онъ добровольно шелъ къ погибели. Они или пали при Нанси, или же были взяты въ плѣнъ. Въ числѣ послѣднихъ находился Антонъ Бургундскій или, какъ его обыкновенно называютъ, великій Бургундскій батардъ, человѣкъ блестящихъ достоинствъ; онъ былъ признанъ потомкомъ бургундскаго дома, блескъ котораго онъ могъ бы поддержать, еслибъ служилъ принцессѣ Маріи. Лудовикъ зналъ это и потому убѣдительно просилъ Рене II и его вассала, Іоанна Бидо, который взялъ батарда въ плѣнъ, выдать его ему. Антонъ же умолялъ герцога Лотарингскаго не выдавать его королю и предлагалъ ему за себя 200 т. ливровъ. Но Рене не могъ отказать королю и самъ отправился съ Антономъ къ Лудовику въ Плесси-дю-Туръ; король заплатилъ его вассалу за уступку плѣнника 10 т. ливровъ. Антонъ, знавшій характеръ короля лучше, чѣмъ Рене, предсказалъ послѣднему все, что затѣмъ случилось: Лудовикъ, понимавшій, что можетъ выгодно воспользоваться Антономъ, осыпалъ его милостями, но за то обошелся такъ сухо съ Рене, который былъ ему не нуженъ и не страшенъ, что герцогъ тайно бѣжалъ, боясь быть задержаннымъ. Овладѣвъ потомкомъ бургундской династіи, Лудовикъ сталъ хлопотать о томъ, чтобы привлечь къ себѣ могущественнѣйшаго изъ бургундскихъ вассаловъ во Франшъ-Конте. То былъ Іоаннъ II Оранскій. Отецъ его, Вильгельмъ, былъ вѣр-

нымъ другомъ Карла Смѣлаго, и однажды на пути къ нему чрезъ Дофине былъ схваченъ по порученію Лудовика однимъ рыцаремъ, которому король заплатилъ за это громадную для того времени сумму 40 т. талеровъ. Чтобы выплатить эту сумму, Вильгельмъ долженъ былъ отказаться отъ своей независимости и принялъ отъ короля въ ленъ свое оранское княжество. Сынъ его, Іоаннъ II разошелся съ Карломъ, такъ какъ послѣдній отнялъ у него всѣ владѣнія во Франшъ-Конте и отдалъ ихъ брату Вильгельма. Лудовикъ обѣщалъ принцу Оранскому не только возвратить его родовыя владѣнія, но и назначить его своимъ намѣстникомъ въ Бургундіи и въ фрейграфствѣ. Іоаннъ перешелъ на сторону короля и отправился въ Бургундію въ сопровожденіи двухъ генераловъ Лудовика: Георга-де-ла-Тремуйль сеньёра де Крана и Карла д'Амбуаза сеньёра де Шомона, предводительствовавшихъ отрядомъ въ 700 копейщиковъ (3500—4000 человѣкъ). Съ ними отправились епископъ лангрскій Лудовикъ д'Амбуазъ и нѣсколько парламентскихъ совѣтниковъ, уполномоченныхъ вступить во владѣніе Бургундіею именемъ короля. Эти коммиссары объявили государственнымъ чинамъ герцогства, которые въ то время были собраны въ Дижонѣ, что они должны немедленно присягнуть королю. Но чины противились на томъ основаніи, что не вѣрятъ смерти Карла Смѣлаго, хотя трупъ его былъ выставленъ въ Нанси въ теченіи 6 дней. Они обратились къ дочери Карла, Маріи и къ вѣрнымъ совѣтникамъ, окружавшимъ ее; но Марія находилась еще въ бо́льшемъ затрудненіи, чѣмъ сами бургундцы.

Въ Нидерландахъ дѣла Маріи шли плохо. Провинціи, пользовавшіяся различными правами и привиллегіями, считали себя оскорбленными военнодеспотическимъ правленіемъ Карла, вслѣдствіе чего ненавидѣли его министровъ, Равенштейна, Гюгоне, д'Имбрекура и др. Съ другой стороны, богатое и трудолюбивое среднее сословіе нѣкоторыхъ провинцій было раздражено противъ покровительствуемаго Карломъ рыцарства, которое составляло

ядро арміи Карла и вѣрно служило ему. Граждане Гента выразили свою ненависть къ Карлу, произведя шумную демонстрацію по случаю похоронъ его тѣла, выданнаго Рене и отосланнаго во Фландрію. Брюгге, Брюссель и Антверпенъ оказали явное сопротивленіе герцогскимъ сборщикамъ податей. Молодая герцогиня, руководимая своею мачихою, ввѣрила дѣла д'Имбрекуру, канцлеру Гюгоне и Адольфу Клеве барону Равенштейну, назначенному генералъ-штатгальтеромъ (Stedehouder-general) нидерландо-бургундскихъ владѣній. Уже въ февралѣ въ Гентѣ былъ созванъ государственный сеймъ нидерландскихъ сословій. Прежде чѣмъ помочь новому правительству деньгами, чины потребовали отъ Маріи обѣщанія подтвердить ихъ привиллегіи и отмѣнить злоупотребленія прошлаго царствованія; герцогиня должна была согласиться и 14 марта дала голландцамъ и зеландцамъ такъ называемую великую привиллегію, по которой всѣ верховныя права переходили къ сословіямъ. Марія обязалась безъ согласія чиновъ не возвышать налоговъ, не вступать въ бракъ и не вести войны, даже оборонительной; сверхъ того, постановлялось, что сеймы могутъ происходить вездѣ и всегда, помимо ея приглашенія, что право чеканить монету принадлежитъ сословіямъ, и что должностныя лица должны избираться ими, а герцогинѣ предоставляется лишь выборъ изъ предложенныхъ ей кандидатовъ. Марія обѣщала назначать чиновниками въ провинціи лишь мѣстныхъ уроженцевъ, и по этому должна была утвердить штатгальтеромъ Голландіи Вольферта Борселлена вмѣсто Лодевика Груйтуйзена, котораго только что назначила на эту должность. Марія и ея совѣтники отвѣчали посланнымъ къ ней депутатамъ отъ сословій Бургундіи, что притязанія Лудовика на Бургундію неосновательны, потому что эта провинція вовсе не то, что лены (apanages), розданные французскимъ принцамъ. Еслибы даже король непремѣнно желалъ возвратить коронѣ герцогство бургундское, то въ Бургундіи много владѣній, на которыя онъ не имѣетъ никакого права, какъ напримѣръ графства Шароле,

Маконъ и Окзерръ. Но государственные чины боялись возбуждать гнѣвъ Лудовика и уже 19 января присягнули ему. При этомъ они точно также воспользовались обстоятельствами, какъ нидерландцы, и выговорили себѣ много привиллегій, преимуществъ и исключительныхъ постановленій. Лудовикъ утвердилъ все, не колеблясь, полагая, что со временемъ обстоятельства могутъ измѣниться. Онъ предоставилъ большія выгоды не только бургундской провинціи и ея городамъ и сословіямъ, но и привлекъ къ себѣ щедрыми подарками многихъ значительныхъ владѣтелей. Такъ напримѣръ Филиппъ Бутонъ, Гюгъ Туази и Жакъ Дамà получили доходныя мѣста или большія помѣстья. Королевскіе генералы, ла Тримуйль и Шомонъ, были очень недовольны столь мирнымъ исходомъ дѣла; они ожидали встрѣтить сопротивленіе, слѣдовательно войну и добычу. Они даже отважились написать королю, чтобы онъ по крайней мѣрѣ подѣлился съ ними найденными въ Дижонѣ и во дворцѣ герцога Бургундскаго денежными суммами, продовольствіемъ и военными снарядами. Хитрый король согласился и на это. Отвѣтъ, данный имъ этимъ господамъ, былъ написанъ такъ тонко и хитро, что мы можемъ судить по немъ, какимъ образомъ Лудовикъ умѣлъ удовлетворять людей, въ которыхъ нуждался *).

За два дня до присяги бургундцевъ Лудовикъ послалъ адмирала Бурбонскаго и Филиппа Комина, склонить городъ Аббвиль отпасть отъ Бургундіи. Но французскій генералъ Торси, командовавшій въ Аміенѣ и любимый жителями Аббвиля, предупредилъ ихъ. Вслѣдъ

*) Messieurs les comtes, je vous remercie de l'honneur qne vous me voulez faire de me mettre à butin avec vous. Je veux bien, que vous ayez la moitié de l'argent des restes que vous avez trouvez; mais je vous supplie, que le superflus vous me fassiez mettre ensemble et vous en aidez à faire réparer les places, qui sont sur les frontières des Allemands, et à les pourvoir de ce qui sera nécessaire, en façon qne je ne perds rien, et s'il ne vous sert de rien, je vous prie, envoyez le moi. Touchant les vins du duc de Bourgogne, qui sont en ses celliers, je suis content, que vous les ayez. Ecrite à Peronne le 9 Février. Louis.

Digitized by Google

затѣмъ король лично поспѣшилъ въ Пикардію и разослалъ самыхъ искусныхъ своихъ агентовъ во всѣ округи и города этой провинціи; они должны были угрозами, обѣщаніями и взятками склонять къ присягѣ королю смущенныхъ военачальниковъ и чиновниковъ Карла Смѣлаго. Гамъ, Сенъ-Кантенъ, Тронке, Руа, Мондидье, Морейль, Вервень, Сенъ-Гобенъ, Марль, Рю и Ландреси сдались почти безъ сопротивленія. Провинція Артуа не выказала такой готовности отложиться отъ Маріи, какъ Пикардія; но она оставалась вѣрною, пока въ Аррасѣ начальствовалъ Адольфъ Клеве баронъ фонъ Равештейнъ. По назначеніи же его генералъ-штатгальтеромъ сѣверныхъ провинцій, какъ сказано выше, на его мѣсто въ Аррасъ прибылъ Вакле, который, имѣя владѣнія по ту сторону Соммы, считалъ для себя выгоднымъ сдать Франціи Аррасъ и все Артуа.

Лудовикъ понималъ свои личныя выгоды лучше всѣхъ прочихъ государей своего времени; вѣроятно онъ самъ считалъ нелѣпымъ и смѣшнымъ планъ овладѣть всѣми владѣніями Карла Смѣлаго, посредствомъ женитьбы дофина Карла на Маріѣ Бургундской; очевидно, что онъ помышлялъ только о томъ, чтобы дѣйствовать не столько силою, сколько хитростью. Три обстоятельства, кромѣ всего прочаго, не позволяли и думать о бракѣ дофина съ Маріей. Во-первыхъ, дофину было только семь лѣтъ, а Маріи уже двадцать, и ея обергофмейстерина поддерживала Максимиліана австрійскаго. Во-вторыхъ, дофинъ былъ кривобокъ, а рыцарственный Максимиліанъ былъ писанный красавецъ. Въ третьихъ, Марія была влюблена въ Максимиліана еще со времени трирскаго свиданія и письменно обѣщала ему свою руку. Король старался обмануть Марію, окруженную въ Гентѣ, Брюге и другихъ городахъ демагогами и демократами. Въ то же время онъ надѣялся силою овладѣть Нидерландами, какъ разсказываетъ Коминъ, со словъ одного королевскаго агента, котораго называетъ Иваномъ на всѣ руки (Maître Jean des habilités). Для этой цѣли онъ выбралъ одну

*

изъ тѣхъ низкихъ и подлыхъ душъ, которымъ покровительствовалъ за то, что имъ все было ни по чемъ, и что они ни передъ чѣмъ не останавливались и отличались коварствомъ и алчностью. Человѣкъ этотъ былъ Оливье, по прозванію Діаволъ (le Diable), передѣланному королемъ въ Оленя (le Daim); онъ родился въ деревнѣ Тильтъ близъ Гента и былъ самаго низкаго происхожденія. Его называютъ обыкновенно брадобрѣемъ короля, а Коминъ называетъ его просто maître Оливье; онъ былъ камердинеромъ короля и, подобно самому Комину и многимъ другимъ, понравился ему по сходству убѣжденій и смышленностью; Лудовикъ давно возвелъ его въ дворянское достоинство и далъ ему капитанство Мёланъ близь Парижа. Этотъ Оливье былъ посланъ съ пышною свитою въ Гентъ, гдѣ явился съ забавнымъ блескомъ въ качествѣ полномочнаго министра короля подъ именемъ графа де Мёлана. Онъ объявилъ, что желаетъ переговорить съ герцогинею, но вмѣсто того, чтобъ явиться къ ней, собиралъ въ своей квартирѣ всѣхъ безпокойныхъ головъ и возбуждалъ всю демократію города обѣщаніями, дѣлаемыми отъ имени короля. Поэтому герцогинѣ совѣтовали поскорѣе принять его и затѣмъ немедленно отослать. Вскорѣ его пригласили прибыть въ ратушу, гдѣ Марія желала дать ему аудіенцію среди своихъ совѣтниковъ и магистрата. Онъ явился и представилъ свои ввѣрительныя грамоты; но когда ему предложили изложить вкратцѣ цѣль его посольства, онъ отвѣчалъ, что можетъ сообщить это только самой Маріи. На это ему объявили, что человѣку его происхожденія неприлично вести тайные переговоры съ молодой принцессою; если цѣль его посольства прилична, то онъ можетъ объяснить ее при всѣхъ. Однако онъ упорно молчалъ, чѣмъ возбудилъ противъ себя насмѣшки, свистки и брань; поднялся шумъ, который сообщился народу, стоявшему передъ ратушей; послышались возгласы, изъявлявшіе намѣреніе бросить его въ рѣку. Это перепугало его и заставило поскорѣе убраться.

Послѣ оскорбленія, нанесеннаго Лудовику въ лицѣ его посла,

Digitized by Google

къ нему явились четыре совѣтника герцогини: канцлеръ Гюгоне, баронъ Имбрекуръ, Вольфертъ Борселленъ и баронъ Груйтуйзенъ, во главѣ блестящаго бургундскаго посольства. Они объявили королю, что Марія приняла бразды правленія, что баронъ фонъ Равештейнъ (Адольфъ Клеве), Гюгоне и д'Имбрекуръ составляютъ ея (какъ мы теперь говоримъ) министерство, и что поэтому на будущее время король долженъ обращаться къ нимъ. Посланники отклонили всѣ лицемѣрно дружественныя предложенія короля. Наконецъ король объявилъ имъ, что хотя онъ питаетъ большое расположеніе къ герцогинѣ Маріи, которую воспринималъ отъ купели, и желаетъ сдѣлать для нея все, что можетъ, но что если ему не возвратятъ добровольно часть его владѣній, перешедшую къ Бургундіи, то онъ овладѣетъ ею силою и для этой цѣли собралъ значительное войско. Такъ какъ Марія не имѣла ни войскъ, ни денегъ, то это объявленіе не осталось безъ результатовъ. Быть можетъ посланники Маріи были обольщены надеждою на то, что ихъ герцогиня сдѣлается со временемъ французскою королевою. Въ отечествѣ ихъ ненавидѣли, какъ орудія деспотизма Карла Смѣлаго; притомъ въ это же время Марія была принуждена признать верховныя права сословій, поэтому легко можетъ быть, что они надѣялись найдти въ Лудовикѣ поддержку. Какъ бы то ни было, но они заключили съ Лудовикомъ довольно подозрительный договоръ, по которому Артуа отдавалось королю и снова возвращалось герцогинѣ, но какъ ленъ. Однако они не имѣли полномочія на заключеніе подобнаго договора, ни отъ государственныхъ чиновъ, ни отъ тогдашняго регентства; поэтому они сослались на письмо Маріи, которое передали королю. Въ письмѣ было сказано, что Марія поручаетъ управленіе этимъ четыремъ господамъ. Не смотря на это, герцогиня созвала сословія въ Гентъ и предалась имъ безусловно. Сословія замышляли учредить родъ республики и, не зная о распоряженіи герцогини, въ силу котораго четыре совѣтника должны были составлять кабинетъ, назначили совѣтъ регентства, совершенно неза-

висимый отъ Маріи. Совѣтъ этотъ отправилъ посольство къ Лудовику XI. Но король, показавъ имъ вышеупомянутое письмо Маріи, объявилъ, что не можетъ вести съ ними серьезныхъ переговоровъ и отдалъ имъ подлинникъ письма, съ которымъ они возвратились въ Гентъ. Здѣсь произошли важныя непріятности. Совѣтъ регенства немедленно собрался; Марія явилась къ сословіямъ въ ратушу, посланники кричали, что ихъ обманули, такъ какъ герцогиня написала письмо, въ которомъ не упоминалось ни о сословіяхъ, ни о совѣтѣ регенства, ни о нихъ самихъ; когда же герцогиня отперлась отъ письма, одинъ изъ пословъ вынулъ его и громогласно прочелъ. Мнимая измѣна раздражила государственные чины и горожанъ. Какъ всегда бываетъ при подобныхъ обстоятельствахъ, волненіе было произведено нѣсколькими честолюбцами. Адольфъ Клеве, Лудовикъ Бурбонскій епископъ люттихскій и графъ Петръ де-Сенъ-Поль, завидовавшіе вліянію Гюгоне и д'Имбрекура, поклялись погубить ихъ. Поэтому гроза обратилась противъ этихъ двухъ человѣкъ. Народъ вытащилъ ихъ изъ монастырей, въ которые они спрятались, и привелъ въ ратушу, гдѣ противъ нихъ начали уголовный процессъ. Марія поспѣшила въ ратушу и со слезами просила предоставить дѣло ей. Но просьбы ея были тщетны, и совѣтники, поступавшіе при Карлѣ безъ сомнѣнія жестоко и произвольно, были осуждены; ихъ подвергли столь жестокой пыткѣ, что послѣ нея они не могли ни стоять, ни ходить, ни держаться прямо. Въ такомъ положеніи ихъ вывели на мѣсто казни; герцогиня въ сопровожденіи одного почтеннаго священника бросилась на площадь, рыдая и ломая руки, и умоляла народъ освободить людей, служившихъ отцу ея и ей самой. Народъ былъ тронутъ ея словами, но знатные враги прежняго правительства велѣли солдатамъ удерживать его и выполнить приговоръ (3 апрѣля 1477 г.). Историкъ Коминъ желаетъ увѣрить читателей, что Гюгоне и д'Имбрекуръ пали невинными жертвами народной расправы, потому что никогда не помышляли о томъ, чтобы, выдавъ свою герцогиню за дофина, предать ее въ руки

тирана и этимъ способомъ удержать за собой неограниченную власть, которою пользовались при Карлѣ. Онъ говоритъ, что самъ король не помышлялъ серьезно объ этомъ бракѣ. Но словамъ его нельзя вѣрить, зная его отношенія къ Лудовику. Дѣло является совершенно въ другомъ свѣтѣ въ разсказѣ Оливье де-ла-Марша. Онъ попалъ въ плѣнъ въ сраженіи при Нанси, но выкупился и прибылъ къ бургундскому двору вскорѣ послѣ катастрофы Гюгоне и д'Имбрекура. Онъ постоянно оставался вѣренъ Бургундіи, между тѣмъ какъ Коминъ искалъ счастья въ службѣ Лудовика и выдалъ ему довѣренныя ему тайны *).

Послѣ катастрофы Лудовикъ перемѣнилъ тонъ. Онъ принялъ роль покровителя герцогини, задержанной въ Гентѣ почти плѣнницей, сильно порицалъ все, случившееся, взялъ подъ свое покровительство память казненныхъ бургундскихъ совѣтниковъ и дѣтей Гюгоне и объявилъ демократовъ Гента и Брюгге государственными преступниками. Въ Гентѣ послѣ казни д'Имбрекура и Гюгоне царствовала полная анархія, и за Маріею присматривали, какъ за плѣнницею. На пасхѣ ей позволили выѣхать; но въ Брюгге, гдѣ сперва ей сдѣлали блистательный пріемъ, демагоги стали поступать съ ней не лучше гентцевъ. Съ этихъ поръ въ Бургундіи началась совершенная разладица, потому что торгаши, въ рукахъ которыхъ находилась герцогиня, не смыслили ничего въ администраціи и политикѣ. Лудовикъ безпрепятственно проникъ съ арміею изъ Артуа во Фландрію. Онъ уже давно изъявилъ намѣреніе занять и фрейграфство, впрочемъ будто бы съ цѣлью удержать его за Маріею. Сначала фламандцы были довольны, но скоро имѣли причины перемѣнить мнѣніе. Лу-

*) Оливье подробно объясняетъ въ примѣчаніяхъ то, о чемъ упоминаетъ въ текстѣ. Ce que fera facilement juger le dit Comines avoir controuvé tel fard plus á son excuse qu'autrement, comme celui qui veritablement estoit en grande partie coupable du désaster des dits personnages, pour leur avoir esté le principal auteur d'entrer ès practiques du roi, auquel il estoit ministre de tels actes, autant et plus que nul autre jamais.

довикъ послалъ свое войско прежде всего на Аррасъ, такъ какъ бургундскіе посланники тайно приказали сдать ему часть города и такъ какъ начальникъ аррасскаго гарнизона перешелъ на его сторону. Однако граждане не захотѣли покориться; но когда Геденъ сдался королю, а вспомогательныя войска, посланныя въ Артуа городами Дуэ, Лиллемъ и Валансіеномъ, были разбиты, Аррасъ просилъ позволенія послать до сдачи посольство къ герцогинѣ. При этомъ случаѣ, какъ впослѣдствіи при всякомъ другомъ, Лудовикъ, не имѣвшій ничего святаго, и по смерти Карла Смѣлаго никого небоявшійся, доказалъ ужаснымъ образомъ свою жестокость. Онъ не далъ гражданамъ Арраса никакого положительнаго отвѣта, сказавъ, что они сами знаютъ, что дѣлать. Когда же городъ принялъ это за позволеніе и послалъ значительнѣйшихъ гражданъ къ Маріи, Лудовикъ позволилъ имъ уѣхать, но послалъ за ними погоню; они были схвачены и привезены въ Геденъ. Здѣсь онъ отлично угостилъ ихъ, но послѣ обѣда палачъ, сопровождавшій всюду короля и полицейскіе чиновники отвели двѣнадцать изъ нихъ и казнили. Этимъ король достигъ цѣли: Аррасъ пришелъ въ трепетъ и отворилъ ему ворота. Король обѣщалъ городу амнистію, но, не смотря на это, казнилъ многихъ вѣрнѣйшихъ приверженцевъ Бургундіи. Говорятъ, что многіе изъ этихъ несчастныхъ выказали замѣчательное мужество изъ привязанности къ Бургундіи и любви къ свободѣ. Имъ предлагали пощаду, если они будутъ кричать „да здравствуетъ король!“ но они предпочитали умереть. Въ Авенѣ офицеры были выманены хитростью, и затѣмъ городъ взятъ приступомъ. Перонна также была покорена французами. Но за то сынъ великаго батарда Бургундскаго, сражавшагося за Лудовика противъ своей племянницы, отбилъ ихъ съ большимъ урономъ отъ Сентъ-Омера.

Такимъ образомъ французы заняли Артуа и Геннегау, угрожали Люксембургу и даже проникли во Фландрію; тогда фламандцы наконецъ пробудились, но поздно. Оливье Діаволъ

послѣ побѣга своего изъ Гента склонилъ черезъ подкупленныхъ измѣнниковъ Турне къ сдачѣ, и французскій гарнизонъ этого города проникъ во Фландрію. Это пробудило наконецъ гражданъ Гента, Брюгге и Иперна. Однако мѣры, принятыя ими, были плохи, потому что они выставили войско, которое хотя и считалось въ 20 т. человѣкъ, но въ сущности не могло называться войскомъ; къ тому же они и поручили его человѣку, который не только не годился въ полководцы, но незаслуживалъ даже имени человѣка. То былъ герцогъ Адольфъ Гельдерискій, совершившій преступленіе противъ родного отца. Этого грубаго и безчувственнаго человѣка освободили изъ тюрьмы, въ которую заключилъ его Карлъ Смѣлый и допустили свататься за герцогиню Марію. Фламандцы выступили подъ его начальствомъ подъ Турне, гдѣ граждане Брюгге поссорились съ гентцами. Французы воспользовались этимъ и напали на фламандцевъ, которые послѣ храбраго сопротивленія были разбиты, а Адольфъ Гельдерискій убитъ. Пораженіе при Турне было полезно для Маріи и даже отчасти для Брюгге и Гента, потому что опасность, грозившая со стороны французовъ, заставила наконецъ гентское правительство серьезно подумать о бракѣ герцогини.

Въ Гентѣ герцогиню стерегли такъ строго, что она не могла обнаружить своей рѣшительной склонности къ эрцгерцогу Максимиліану и должна была прекратить всѣ сношенія съ нимъ, веденныя съ разрѣшенія отца. Поэтому бракъ ея сопровождался интригами, въ которыхъ главную роль играли оберъ-гофмейстерина герцогини, госпожа д'Алльвенъ, двоюродная сестра Филиппа Комина, и Оливье-де-ла Маршъ, записки котораго весьма поучительны. Новое правительство впрочемъ не посмѣло насильно навязывать герцогинѣ въ мужья дофина, бывшаго еще ребенкомъ; но оно поощряло другихъ соискателей, въ которыхъ не было недостатка. Имена ихъ можно найти у Оливье-де-ла-Марша. Герцогъ Клеве, одинъ изъ вліятельнѣйшихъ членовъ правительства, утвердившагося въ Гентѣ и Брюгге, старался выдать Марію за своего

сына, и потому всячески противодѣйствовалъ возобновленію сношеній съ эрцгерцогомъ Максимиліаномъ.

Сватовству Максимиліана помогала любовь къ нему герцогини, такъ какъ молодой эрцгерцогъ отличался прекрасною и рыцарскою наружностью и былъ хорошо образованъ. Ловкій рыцарь, поэтъ и романтикъ, онъ ослѣплялъ и побѣждалъ сердца женщинъ и очаровывалъ народъ. Но Лудовикъ XI, швейцарцы и венгерская война мѣшали Максимиліану и его отцу, Фридриху III, помочь Маріи, притѣсняемой своими подданными и французскимъ королемъ; поэтому бракъ этотъ встрѣчалъ большія препятствія. Мы уже говорили (стр. 187), что второй сынъ великаго Гуніада, Матфій Корвинъ, вступивъ на венгерскій престолъ заслужилъ безсмертную славу своими предпріятіями противъ турокъ, превосходнымъ управленіемъ государствомъ и заботами о возстановленіи наукъ и искуствъ древности. Далѣе мы разсказывали (стр. 212), что по смерти Георгія Подѣбрада онъ старался соединить богемскую корону съ венгерскою, причемъ польскій принцъ Владиславъ былъ его соперникомъ. Въ войнѣ съ Подѣбрадомъ императоръ несправедливо покинулъ его. Онъ счелъ это измѣною со стороны Фридриха и заключилъ тѣсный союзъ съ его германскими врагами. Въ февралѣ и мартѣ 1470 года онъ имѣлъ свиданіе съ императоромъ и съ германскими князьями, съѣхавшимися въ Вѣнѣ; но свиданіе это только усилило раздоръ. Чехи также были очень враждебно расположены къ венгерскому королю; когда въ 1471 году Подѣбрадъ согласился назначить своимъ преемникомъ Матфія, они упорно настаивали на избраніи славянина, поляка Владислава. По смерти Подѣбрада (мартъ 1471 г.), Владиславъ былъ избранъ его отецъ, польскій король Казиміръ IV, согласился 16 іюня въ Краковѣ на избраніе своего сына и далъ ему 7 т. пѣоты и 2 т. конницы для сопровожденія его чрезъ Троппаву и Нейссе въ Богемію (25 іюля).

Въ концѣ 1471 г. Казиміръ самъ вступилъ въ Венгрію, гдѣ

въ теченіе 1472 г. шла кровопролитная война. Ни папа, ни Матфій, ни императоръ, примирившійся съ венгерскимъ королемъ, не могли убѣдить германскій сеймъ, собравшійся въ іюлѣ 1471 г., отказать Владиславу въ признаніи. Въ спорѣ за богемскую корону, какъ и въ другихъ обстоятельствахъ, императоръ дѣйствовалъ дурно и фальшиво. Въ началѣ 1473 года онъ отправился на нижній Рейнъ, чтобъ пріискать жену своему сыну. При этомъ папскій легатъ Робортелло вынудилъ у него обѣщаніе созвать въ апрѣлѣ сеймъ въ Аугсбургѣ, чтобъ отдать Богемію въ вѣчное владѣніе венгерскому королю. Не смотря на это, онъ обѣщалъ старому Казиміру не дѣлать на сеймѣ ничего въ пользу Матфія. Въ надеждѣ на это обѣщаніе, Казиміръ послалъ къ императору декана Адама Позена, чтобы условиться съ нимъ о нападеніи на венгерскаго короля разомъ съ четырехъ сторонъ. Фридрихъ не поддержалъ Матфія ни на аугсбургскомъ сеймѣ, ни по возвращеніи своемъ изъ Трира (октябрь 1473 г.). Рѣшеніе вопроса о богемскомъ престолѣ онъ отложилъ до имперскаго сейма, назначеннаго въ мартѣ 1474 г., а Матфія задобрилъ пустыми обѣщаніями. Впослѣдствіи онъ пошелъ еще дальше, заключивъ 14 марта 1474 г. союзъ съ Казиміромъ противъ Матфія за то, будто бы, что венгерскій король пропустилъ черезъ свои владѣнія турокъ для вторженія въ Австрію и защищаетъ польскихъ и австрійскихъ мятежниковъ. Въ августѣ и сентябрѣ Фридрихъ и Казиміръ напали на венгерскаго короля; но оба никогда не имѣли денегъ и съ большимъ трудомъ доставали отъ своихъ подданныхъ ничтожныя суммы. Въ мартѣ 1475 г. въ Прагѣ происходилъ конгрессъ, причемъ венгерскіе коммиссары держали себя очень гордо, и императоръ для своего спокойствія былъ принужденъ придумать новыя извороты. Однако ему не помогли бы никакія уловки, еслибъ Матфію не мѣшали турки. Въ 1476 г. Матфій приготовлялся къ вторженію въ Австрію; но въ это время архіепископъ гранскій, Іоаннъ Фланcъ, бѣжалъ къ Фридриху, сообщилъ ему секретныя бумаги короля

и за венгерское золото купилъ у него господство Штейеръ. Матфій потребовалъ выдачи архіепископа и хотѣлъ начать войну; но турки и хлопоты о своемъ бракосочетаніи отвлекли его отъ Австріи. Матфій сватался за дочерей Фридриха и Казиміра, которые сперва согласились, но потомъ не сдержали слова на томъ основаніи, что онъ не происходилъ изъ княжескаго рода. Онъ женился на Беатриче неаполитанской, которая была очень дурна, но за то принцесса. Радуясь, что можетъ посмѣяться надъ своими сосѣдами, онъ пригласилъ ихъ на свою свадьбу; но они нашли предлоги отказаться. Между тѣмъ споръ за выдачу архіепископа гранскаго продолжался, и въ началѣ 1477 г. началась война, такъ какъ венгерскій король поддерживалъ австрійскихъ вассаловъ, враждебныхъ Фридриху. Императоръ послалъ агентовъ въ Богемію и Польшу, чтобъ нанять войскъ у Владислава и его отца, Казиміра.

Въ первой половинѣ 1477 г. Фридриху слѣдовало бы возобновить сватовство своего сына за Марію Бургундскую, сославшись на обѣщанія ея отца и ея самой, или по крайней мѣрѣ послать Максимиліана въ Нидерланды, окруживъ его пышностью, богатствомъ и роскошью, потому что въ этой странѣ людей цѣнили по богатству. Но онъ не могъ предпринять ни того, ни другого, вслѣдствіе своихъ отношеній къ Венгріи и Богеміи и по бѣдности. Ни въ Австріи у Фридриха, ни въ Тиролѣ у Максимиліана, не было ни одного изъ тѣхъ городовъ, которые разбогатѣли торговлею и промышленностью свободныхъ гражданъ. Однако императоръ послалъ въ Нидерланды посольство, чтобы офиціально просить руки герцогини. Это посольство состояло изъ курфирста Іоанна Трирскаго, герцога Лудвига Пфальцъ-Цвейбрюккенскаго, Георга Баденскаго епископа мецкаго и императорскаго канцлера Гаслера, сдѣлавшагося впослѣдствіи кардиналомъ *). Въ Брюсселѣ

*) Въ прибавленіяхъ къ сочиненію Комина упоминается еще un docteur Guillaume Mortingle.

интриги герцога Клеве, желавшаго выдать Марію за своего сына, задерживали пословъ до тѣхъ поръ, пока наконецъ оберъ-гофмейстерина д'Алльвенъ, Оливье де-ля-Маршъ и въ особенности вдова Карла Смѣлаго, его третья супруга, Маргарита Іоркская, настояли на томъ, чтобы посольство отправилось въ Гентъ и объявило свое предложеніе въ присутствіи блестящаго собранія. Сцена, разыгравшаяся при этомъ, имѣла весьма странный, романическій характеръ. Но если вѣрить Мельхіору Финцингу, написавшему стихами Theuerdank по запискамъ самого Максимиліана, Марія уже прежде возобновила тайныя сношенія съ эрцгерцогомъ. Въ Theuerdank сказано, что она призвала къ себѣ вѣрнаго слугу, дала ему рекомендательное письмо и просила его исполнить ея порученіе:

Unnd suchen einen tewren Heldt,
Den hat unnser Vater erwelt,
Unns dem launt für ein herrn.
Wir wissen nicht, ob er fern
Oder nah von hie zu fynden sey;
Aber wir sagen dir dabey:
Bringst du den Helden mit dir her,
So sollst du hinfür nit mer
Von armut wissen zu sagen,
Da du alle dein lebtahen
Reich und auch mechtig sollest sein *).

Это совершенно согласно съ разсказомъ о сценѣ, происходившей при пріемѣ пословъ. Георгъ Мецкій сказалъ блестящую рѣчь, въ которой просилъ, отъ имени Максимиліана, руки герцогини. Вельможи, между которыми главную роль игралъ Равенштейнъ (Георгъ Клеве), отвѣчали, что не могутъ сказать ничего рѣши-

*) Пойди, отыщи славнаго героя, котораго избралъ мой отецъ въ повелители мнѣ и моей странѣ. Я не знаю, гдѣ его найдти, далеко ли, близко ли онъ отъ меня. Но скажу тебѣ, что если ты приведешь мнѣ героя, то никогда не будешь слышать о бѣдности, станешь богатъ и могуществененъ на весь твой вѣкъ.

тельнаго, пока не обсудятъ дѣла. Тогда одинъ изъ посланниковъ вынулъ письма, писанныя Маріей въ 1473 и 1475 гг., въ которыхъ она обѣщала Максимиліану свою руку, и перстень съ большимъ бриллiантомъ, подаренный ею эрцгерцогу и попросилъ герцогиню торжественно признать письма и перстень своими. Марія была, безъ сомнѣнія, заранѣе предувѣдомлена объ этомъ и, не колеблясь, исполнила просьбу посланника, а пристыженные вельможи не смѣли возражать ей.

Поэтъ и рыцарь Максимиліанъ полетѣлъ защищать свою возлюбленную, а герцогъ Клеве уѣхалъ изъ Гента. Когда эрцгерцогъ прибылъ въ Кёльнъ (въ іюлѣ), Марія должна была дать ему сто тысячъ гульденовъ, чтобы онъ могъ прилично явиться въ Гентъ. Нидерландскіе чины дали свое согласіе на бракъ герцогини на сеймѣ въ Левенѣ; но нидерландцы смотрѣли на это съ неудовольствіемъ, видя, что дворяне не хотятъ тратиться, какъ прежде, на угощенія и подарки, и что, слѣдовательно, городамъ придется взять на себя расходы на содержаніе двора. Вѣроятно ихъ очень удивляла бѣдность австрійскаго герцога, который, подобно своему отцу, едва могъ существовать, и не смотря на это былъ выбранъ императоромъ. Коминъ говоритъ о германскомъ императорѣ точно такимъ тономъ, какимъ въ наше время сталъ бы говорить богатый крестьянинъ, банкиръ или мясникъ о какомъ нибудь бѣдномъ графѣ или ученомъ. Онъ разсказываетъ, что посланники, высланные герцогинею на встрѣчу жениху (бароны дю Фе, д'Ирланъ и Оливье де ла Маршъ), застали эрцгерцога почти совсѣмъ безъ денегъ *). Оливье выражается объ этомъ совершенно иначе: онъ не бранитъ, а торжествуетъ, потому что съумѣлъ при этомъ случаѣ возвыситься и получить значительное мѣсто при дворѣ (et furent mes appro-

*) Ils le trouvèrent mal fourni d'argent et lui en portèrent; car son père a esté le plus parfaitement chiche homme, que Prince ni autre ait jamais esté de nostre temps.

ches tellement faites, que je fus retenu grand et premier ministre d'hostel du fils de l'empereur). Впрочемъ деньги, отвезенныя эрцгерцогу посланниками, отправленными въ Кёльнъ, были даны гентцами. Въ августѣ 1477 г. бракосочетаніе совершилось.

Нидерландскія сословія и города воспользовались временемъ, протекшимъ отъ смерти Карла Смѣлаго до бракосочетанія герцогини, чтобы добиться отъ нея утвержденія своихъ прежнихъ, весьма обширныхъ правъ и дарованія новыхъ. Такъ какъ Максимиліанъ долженъ былъ признать и утвердить все это, то вскорѣ онъ совершенно разсорился съ своими новыми подданными, отличавшимися республиканскимъ духомъ. Они и безъ того смотрѣли на него косо, какъ на нѣмца. Сверхъ того, онъ принесъ съ собою въ Нидерланды крайнія воззрѣнія своего отца на сущность монархической власти. Максимиліанъ обладалъ всѣми тѣми качествами и преимуществами, которыя во всякомъ практическомъ, дѣловомъ человѣкѣ, а тѣмъ болѣе въ государѣ, могутъ скорѣе считаться блестящими недостатками, чѣмъ похвальными достоинствами. Онъ былъ блестящій и любезный придворный, романтическій рыцарь и модный писатель своего вѣка, какъ доказываетъ его Weiszkunig; но что всего хуже, онъ былъ многоученый педантъ, лишенный всякаго дарованія. Максимиліану слѣдовало бы немедленно двинуться противъ французовъ, которые сожгли города Орши, Тюркуень, Френъ-ле-Бюссо, Сенъ-Совёръ, Маршіень и Арбекъ, пока онъ вторично праздновалъ 28 августа свою свадьбу въ Брюгге, а потомъ веселился и пировалъ въ Антверпенѣ. Но онъ пропустилъ удобный случай и доказалъ, какъ тогда, такъ и во всѣхъ другихъ обстоятельствахъ своей жизни, что совершенно лишенъ практическаго смысла. Такимъ образомъ онъ бездѣйствовалъ и моталъ во Франціи и Брабантѣ бургундскую казну, пока небольшіе отряды французовъ раззоряли Голландію. Французскій король могъ бы воспользоваться этимъ и завоевать Бельгію. Но слишкомъ разчетливая политика его и чрезмѣрная недовѣрчивость доставили ему

большія затрудненія въ Франшъ-Конте и въ Бургундіи, начавшіяся еще въ маѣ и іюнѣ.

Лудовикъ послалъ въ Бургундію двухъ генераловъ, Шомона и Крана, изъ коихъ второй былъ назначенъ главнокомандующимъ; какъ уже было сказано (стр. 255), онъ воспользовался Іоанномъ II принцемъ Оранскимъ для пріобрѣтенія приверженцевъ въ герцогствѣ и графствѣ. Онъ обѣщалъ возвратить ему его значительныя родовыя владѣнія и назначилъ намѣстникомъ обѣихъ провинцій. Но черезъ нѣсколько времени король ограничилъ ввѣренную ему власть, побоявшись, чтобы принцъ, пользовавшійся нѣкогда независимостью и обладавшій обширными владѣніями и связями, не воспользовался даннымъ ему полномочіемъ для возвращенія своей независимости. Поэтому онъ отнялъ у него намѣстничество въ герцогствѣ, предоставивъ ему лишь графство. Но и здѣсь онъ имѣлъ соперниковъ въ лицѣ де-Крана и баденскаго принца Филиппа фонъ Гохберга. Филиппу, назначенному маршаломъ Бургундіи, была ввѣрена крѣпость Жу, охранявшая границы Франшъ-Конте со стороны Невшателя. Кранъ получилъ неограниченную королевскую власть въ обѣихъ провинціяхъ: онъ могъ созывать государственные чины, отдавать приказанія рыцарству, судить дворянство и даже собирать милицію и поголовное ополченіе (ban et arrière ban) провинцій Дофине, Лионе, Форе, Божоле и Шампани. Принцъ Іоаннъ согласился на все это, но возсталъ, когда не получилъ обѣщанныхъ владѣній. Король увѣрялъ принца, что всѣ имѣнія, принадлежавшія прежде его дядѣ, должны быть возвращены ему; не смотря на это, онъ, подстрекалъ генерала Крана противиться возвращенію этихъ имѣній. Поэтому принцъ Оранскій снова обратился къ Маріи Бургундской, получилъ отъ нея новыя полномочія и написалъ въ Дижонъ, совѣтуя противиться видамъ Лудовика на Франшъ-Конте, такъ какъ король замышляетъ враждебныя дѣйствія. Затѣмъ, по его приказанію два брата, Клодъ и Гильомъ Водре, поспѣшно собрали арміи и заняли для Маріи Везуль, Рошфоръ и Окзерръ.

Digitized by Google

Кранъ хотѣлъ отнять Окзерръ, но потерпѣлъ столь позорное пораженіе, что бѣжалъ въ Бургундію, не останавливаясь въ Гре, куда сперва отступилъ. Судя по письмамъ и поступкамъ короля, пораженіе это привело его въ комическую злобу. Онъ написалъ Крану, что если ему удастся захватить принца, то онъ долженъ сжечь его или сперва повѣсить, а потомъ сжечь. Затѣмъ онъ приказалъ отдать принца заочно подъ судъ. Парламентъ произнесъ надъ Іоанномъ приговоръ, столь же яростный, какъ и письма короля. (Jean d'Arlon, condamné comme faux et traître chevalier à confisque corps et biens, sera pris pour être exécuté et faute de ce sera pendu par les pieds). Изображеніе его было повѣшено на висѣлицахъ во всѣхъ городахъ Бургундіи, а его домъ въ Дижонѣ срытъ. Но это также не огорчило Іоанна. Съ помощью бургундцевъ и пожертвованіемъ собственнаго имущества, онъ собралъ значительныя суммы, на которыя навербовалъ въ Швейцаріи войско; тысячи швейцарцевъ стеклись къ нему, не смотря на протесты французскаго короля и на его запрещеніе служить въ войскѣ принца.

Между тѣмъ Максимиліанъ для спасенія Франшъ-Конте старался устроить миръ между Союзомъ и своею женою. Ему дѣятельно помогали отецъ его, Фридрихъ, пріемный отецъ Сигизмундъ Тирольскій, герцогъ Лотарингскій Рене и всѣ мелкія государства, съ трепетомъ взиравшія на возрастающее могущество коварнаго французскаго короля. Но прежде чѣмъ Максимиліанъ успѣлъ примирить Марію съ швейцарцами, Лудовикъ перехитрилъ его въ Нидерландахъ, склонивъ его заключить перемиріе, которое позволило французскому королю обратить всѣ свои силы на герцогство и графство Бургундскія. Миксимиліанъ тотчасъ послѣ своей женитьбы послалъ противъ французовъ въ Артуа графа Ромона и ландграфа Гессенскаго, не успѣвъ еще принять присягу областей и городовъ и подтвердить ихъ права, чего требовалъ обычай. Ромонъ и ландграфъ, предводительствуя нѣмецкимъ войскомъ, выгнали изъ Арраса Филиппа де Кревкёра и от-

разили самого короля. Тогда Максимиліанъ самъ поспѣшилъ изъ Антверпена, и Лудовикъ, считавшій, по своему обыкновенію, неблагоразумнымъ дѣйствовать смѣло, началъ переговоры; въ лагерѣ при Лансѣ ему удалось заключить не миръ, а лишь перемиріе. Онъ хотѣлъ воспрепятствовать Максимиліану спасти герцогство и графство бургундскія и достигъ своей цѣли, такъ какъ, по условію, эти провинціи были исключены изъ перемирія; касательно Нидерландовъ, Лудовикъ удержалъ за собой право возобновить войну, обязавшись предупредить объ этомъ за четыре дня.

Между тѣмъ Кранъ, получившій намѣстничество, деньги, имѣнія и разныя должности, по выраженію Комина, растолстѣлъ и предался грабежу *), поэтому было бы неблагоразумно оставить за нимъ намѣстничество и командованіе войсками въ обѣихъ провинціяхъ. Лудовикъ отозвалъ его и назначилъ на его мѣсто помощника его, Карла д'Амбуаза сеньёра де Шомона; чтобы Кранъ не обидѣлся, король вознаградилъ его намѣстничествомъ въ другихъ провинціяхъ. Новый намѣстникъ былъ подкрѣпленъ всѣми войсками, находившимися въ Артуа. Такъ какъ принцъ Оранскій защитилъ городъ Доль и выгналъ французовъ изъ Гре при помощи бернцевъ, то для успѣха дѣла было необходимо лишить его помощи швейцарцевъ. Лудовикъ старался подкупить ихъ подарками, пенсіями и взятками. Коминъ упоминаетъ о суммахъ, выплаченныхъ имъ Лудовикомъ. По его словамъ, король достигъ своего могущества тѣмъ, что грабилъ однихъ и награбленныя деньги и имѣнія отдавалъ другимъ, пользовавшимся вліяніемъ (un pauvre roi n'eut sçeu faire ce tour, et le tout lui tourna à son grand profit). Коминъ справедливо прибавляетъ, что подарки Лудовика были вредны швейцарцамъ, потому что впервые познакомили ихъ съ золотою монетою. Швейцарцы всегда готовы были продать себя тому, кто больше дастъ; изъ нихъ Луцернъ наиболѣе содѣйствовалъ интересамъ французовъ; прочимъ

*) Имъ были недовольны, говоритъ Коминъ, pour les grandes pilleries, qu'il avoit faite au pays.

же правились выгоды, предлагаемыя противной стороной. Они съ угрозами отозвали всѣхъ своихъ людей, служившихъ за деньги бургундцамъ, и жестоко наказали тѣхъ, которые возвратились въ отечество послѣ неудачи принца Оранскаго; но вслѣдъ за тѣмъ они заключили въ Цюрихѣ, такъ называемый, вѣчный миръ съ Маріею и Максимиліаномъ (январь 1478 г.). Имъ было обѣщано гораздо больше, чѣмъ сколько они получали отъ Лудовика, а именно 150 тысячъ гульденовъ; за это они обязывались лишь отказаться отъ притязаній на верхнюю Бургундію, которыя бы могли имѣть въ силу права войны. Представленія французскаго посланника противъ заключенія мира были отвергнуты. Швейцарцы отвѣтили послу очень высокомѣрно, и Лудовикъ XI долженъ былъ быть чрезвычайно тонкимъ дипломатомъ, чтобъ простить имъ эту дерзость. Когда впослѣдствіи Шомонъ сталъ готовиться къ завоеванію Франшъ-Конте, эльзаскіе города и швейцарцы согласились за деньги дать ему въ наймы 6000 чел. войска. Сверхъ того графъ Мюмпельгардъ впустилъ французовъ въ свои владѣнія за жалкую сумму 1000 гульденовъ (ливровъ), а герцогъ Виртембергскій грамотою за своею печатью согласился на это. Даже пріемный отецъ Максимиліана, эрцгерцогъ Сигизмундъ Тирольскій, вмѣсто того чтобы помогать своему сыну, протягивалъ руку за подачками Лудовика. Однако Лудовикъ, не разсчитывавшій на дѣйствительную помощь Сигизмунда противъ Максиліана, весьма справедливо отвѣтилъ ему, что не можетъ бросать деньги по пустякамъ (mais avant que de mettre le mien, je veux bien sçavoir s'il sera mon ami).

Крѣпости провинціи Франшъ-Конте были завоеваны, а братья Водре потерпѣли пораженіе; принцъ Оранскій бѣжалъ въ Арбле, и защитники Безансона оробѣли. Это ободрило Лудовика, который между тѣмъ занялъ графство Булонь; онъ возобновилъ военныя дѣйствія въ Артуа и взялъ Канбре, хотя этотъ городъ въ то время считался имперскимъ. Но едва только показалась тѣнь опасности, какъ онъ струсилъ. Взятіе Канбре и занятіе епископ-

ства верденскаго съ крѣпостью Верденомъ (1478 г.), остававшихся за германской имперіей до половины слѣдующаго столѣтія, пробудили наконецъ нѣмецкихъ государей; не далѣе какъ въ іюнѣ они не послушались императорскаго эдикта, изданнаго въ январѣ *). Лудовикъ, зная, что его всѣ ненавидятъ и собираются аттаковать, снова спрятался въ свою лисью нору. Онъ предложилъ эрцгерцогу возобновить перемиріе. Максимиліанъ, имѣвшій много хлопотъ и заботъ съ партіями въ Голландіи и Утрехтѣ, согласился на его предложеніе; 11 іюля 1478 года было заключено новое перемиріе на годъ.

Лудовикъ обѣщалъ возвратить все, завоеванное имъ въ Бургундіи и Геннегау, и согласился уладить свой споръ съ Максимиліаномъ въ Турнѣ, пригласивъ туда по шести посредниковъ съ каждой стороны. Дѣйствительно онъ возвратилъ Верденъ, Канбре и завоеванія въ Геннегау и вывелъ свои гарнизоны изъ Франшъ-Конте, такъ какъ швейцарцы, безъ помощи которыхъ онъ не могъ обойтись, выразили явное нежеланіе терпѣть его въ въ своемъ сосѣдствѣ и въ своихъ горныхъ проходахъ. Однако онъ такъ мало заботился о мирѣ, что даже не назначилъ отъ себя посредниковъ. Уже въ началѣ мая 1479 года перемиріе было неожиданно прервано; въ концѣ апрѣля французы аттаковали Канбре и отняли у нидерландскихъ полководцевъ Максимиліана нѣсколько укрѣпленныхъ городовъ въ Геннегау. На этотъ разъ король обратилъ вниманіе преимущественно на Бургундское графство. Онъ переплатилъ много денегъ патриціямъ кантоновъ, считавшимъ, подобно итальянскимъ кондотьери, вербованіе солдатъ своимъ ремесломъ; они обязались навербовать для него значительное число швейцарцевъ. Король полагался болѣе на эти войска, чѣмъ на свои; чтобы имѣть возможность нанять швейцарцевъ,

*) Das ir auch von Stunds angesicht dis Unsers Kaiserlchen Brieffs mit der Ewrn zu Ross und zu Fuss, auf das höchst und das meist, so ir mögt mit harnisch, wegen, Puchsen, were und aller nothurfft, als ins Volk gehört, rüstet und geschickt seyd.

онъ распустилъ одиннадцать ротъ жандармовъ (compagnies d'ordonnance). Военную подать, которая взымалась произвольно на содержаніе ординарцевъ и была постоянно возвышаема, онъ употребилъ для найма швейцарцевъ. Войско, составленное такимъ образомъ, было гораздо страшнѣе того, которое въ прошедшемъ году завоевало Франшъ-Конте. Шомонъ, предводительствуя имъ, двинулся прямо на Доль и взялъ этотъ укрѣпленный городъ при первомъ приступѣ. Устрашенные паденіемъ Доля, другіе города, въ томъ числѣ Окзерръ, отворили ворота французскому главнокомандующему. Даже Безансонъ, считавшійся въ то время вольнымъ имперскимъ городомъ, сдался французамъ, предложивъ королю черезъ двухъ посланниковъ признать его, въ качествѣ графа Бургундскаго, своимъ покровителемъ на тѣхъ же условіяхъ, какъ герцоговъ Бургундскихъ. Однако швейцарцы, составлявшіе лучшую часть арміи Шомона, не обращали ни малѣйшаго вниманія на то, что провинція покорилась добровольно. Они служили не столько изъ жалованья, сколько изъ за добычи, и потому грабили самымъ жестокимъ образомъ.

Такимъ образомъ французы завоевывали обѣ Бургундіи; но въ Нидерландахъ они терпѣли неудачи. Здѣсь противъ нихъ сражались страшные вожди валлоновъ, о свойствахъ которыхъ можно судить по тому, что одного изъ нихъ называли арденнскимъ кабаномъ, а другаго бюзантонскимъ буйволомъ. Принцъ Шиме, бургундскій маршалъ Вильгельмъ де ля Маркъ (этотъ-то и былъ арденнскій кабанъ) и ихъ товарищи, тиранъ Бюзантонскій и Авреліанъ-дю-Фей вступили въ люксембургскую область съ 10 т. войскомъ. За ними самъ Максимиліанъ двинулся въ Артуа и Геннегау. Здѣсь французами командовалъ Декердъ, перешедшій по смерти Карла Смѣлаго изъ бургундской службы во французскую и завоевавшій для Лудовика укрѣпленные города Пикардіи и Артуа. Товарищемъ его по командѣ былъ маршалъ де Жіе. Максимиліанъ съ 20 тысячнымъ войскомъ началъ осаду Теруанна; но, услышавъ о приближеніи французовъ, снялъ осаду и двинул-

ся противъ нихъ. Лудовикъ съ досадой узналъ, что войска его дали тягу, какъ только сошлись съ непріятелемъ въ открытомъ полѣ. Сраженіе, въ которомъ французы были совершенно разбиты, произошло 7 августа 1479 г. при Гингатѣ. Войско Максиміліана стояло на высотахъ Гингата, въ одной милѣ отъ Теруання, а французскіе генералы расположились на противолежащихъ холмахъ. Они превосходили бургундцевъ своею рыцарскою конницею, которая доставила бы имъ побѣду, если бы они не сдѣлали грубой ошибки; впрочемъ большая часть ихъ пѣхоты состояла изъ дрянной милиціи королевскихъ стрѣлковъ (franc-archers), которые немедленно разбѣжались, когда кавалерія оставила ихъ, чтобъ преслѣдовать непріятеля. Вначалѣ французы опрокинули непріятельскую кавалерію; ихъ предводители покинули поле сраженія, чтобы преслѣдовать бѣгущихъ и ловить плѣнныхъ, выкупъ которыхъ могъ обогатить ихъ; тогда и жалкіе стрѣлки, считая сраженіе выиграннымъ, бросились грабить обозъ. Но вдругъ дѣло приняло другой оборотъ. Превосходная нидерландская пѣхота, искусно предводимая Ингельбертомъ Нассаускимъ и графомъ Ромономъ (Филиппомъ Савойскимъ), была такъ расположена, что побѣда заранѣе принадлежала ей; впереди стоялъ пятисотенный отрядъ отборныхъ англійскихъ стрѣлковъ, а за ними три тысячи нѣмецкихъ мушкатеровъ, прикрытые отличной артиллеріею. Поэтому, когда нидерландская кавалерія, стоявшая на флангахъ, своимъ бѣгствомъ увлекла съ поля сраженія французскую конницу и ея вождей, остальное французское войско, занятое грабежемъ, было мгновенно обращено въ бѣгство. Максиміліанъ одержалъ блистательную побѣду, но извлекъ изъ нея очень мало пользы. Онъ даже не возобновилъ осады Теруання, хотя Коминъ утверждаетъ, что городъ непремѣнно сдался бы, еслибъ осада была начата. Вскорѣ послѣ сраженія при Гингатѣ Лудовикъ снова выказалъ жестокость и безчувственность своего деспотическаго нрава, которыя онъ обнаруживалъ вездѣ и всегда точно также, какъ мудрость въ политикѣ, судопроизводствѣ

и управленіи. Вскорѣ послѣ сраженія, Максимиліанъ повѣсилъ французскаго коменданта маленькаго замка Малонуа, который упорно и безъ всякой цѣли три дня задерживалъ всю нидерландскую армію. Тогда Лудовикъ приказалъ повѣсить пятьдесятъ знатнѣйшихъ плѣнныхъ, въ томъ числѣ одного польскаго принца. Изъ нихъ семеро были повѣшены на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ казненъ комендантъ, а остальные передъ воротами Дуэ, Сентъ-Омера, Лилля и Арраса.

Въ 1480 и 1481 г. Лудовикъ продолжалъ войну, но такъ осторожно, что въ военномъ отношеніи въ эти два года не случилось ничего, достойнаго занять мѣсто во всеобщей исторіи. За то онъ сдѣлалъ важныя пріобрѣтенія, тогда какъ Максимиліанъ со всѣми своими прекрасными качествами не могъ достичь ни власти, ни вліянія во владѣніяхъ своей супруги, отъ которой у него уже давно родились сынъ и дочь. Въ теченіе этого времени Лудовикъ лишилъ высшее дворянство всѣхъ правъ, пріобрѣтенныхъ имъ въ ущербъ коронѣ; съ этой цѣлью онъ покровительствовалъ среднему и низшему сословіямъ и утвердилъ законный порядокъ. До сихъ поръ во Франціи, какъ и вездѣ, на землевладѣльцахъ лежала обязанность оберегать укрѣпленныя мѣста, что давало имъ предлогъ вербовать войска и взымать подати. Лудовикъ уничтожилъ это; чтобы сломить могущество древнихъ аристократическихъ фамилій, основанное на старинномъ владѣніи землями, онъ лишилъ землевладѣльцевъ, владѣтелей городовъ, замковъ и крѣпостей возможности содержать войска, строить укрѣпленія и вести частныя войны; съ этою цѣлью онъ очень ловко поставилъ ихъ въ необходимость дѣлать все это на свой счетъ, на что у большей части дворянства не было средствъ. Онъ приказалъ уничтожить всѣ крѣпости, лежавшія внутри государства, сохранивъ лишь пограничныя и постановивъ, что забота о ихъ защитѣ и укрѣпленіи принадлежитъ только правительству. Такимъ образомъ онъ овладѣлъ попеченіемъ о безопасности своихъ подданныхъ и всѣми податями, платимыми ими для своей защиты. Кромѣ того, онъ

освободилъ ихъ отъ феодальной расправы, учредивъ много новыхъ судовъ. Въ то же время Лудовикъ взялъ подъ свою опеку Савойю. По смерти его сестры Іоланты (стр. 247), оставившей несовершеннолѣтняго сына Филиберта, братья ея мужа овладѣли управленіемъ и регентствомъ. Но Лудовикъ приказалъ перевести своего племянника въ Дофине и такимъ образомъ распространилъ свое вліяніе за альпійскіе проходы, тѣмъ болѣе, что въ это же время овладѣлъ и Провансомъ. Старый Рене умеръ въ 1480 г., а черезъ годъ и племянникъ его, Карлъ Менскій (стр. 242); Лудовикъ, назначенный имъ своимъ наслѣдникомъ, овладѣлъ не только Провансомъ, но и Анжу и Меномъ. Еще при жизни Рене король склонилъ его уступить ему герцогство Барское, доставшееся ему въ собственность отъ дяди его, кардинала. Старикъ отдалъ Лудовику Баръ, хотя герцогъ Лотарингскій могъ бы заявить на него притязанія, какъ на наслѣдство своей бабки, старшей дочери Рене. Лудовикъ съумѣлъ занять выгодное положеніе относительно своего могущественнѣйшаго вассала, эрцгерцога Бретанскаго, который, несмотря на вынужденныя у него обѣщанія и тягостные договоры, никогда не былъ его другомъ и по смерти Карла Смѣлаго вступилъ въ сношенія съ Максимиліаномъ и Англіею. За недостаткомъ собственныхъ притязаній на Бретань, король запасся чужими, которыя купилъ. Въ половинѣ прошлаго столѣтія (т. VIII стр. 257, 286, 288 и 392) за обладаніе герцогствомъ спорили Карлъ Блуа и Іоаннъ Монфоръ, а когда первый погибъ, то войну продолжала жена его, Іоанна Хромая, прославившая себя мужествомъ и храбростью. Домъ Монфоровъ удержалъ за собою герцогство; но потомки храброй Іоанны унаслѣдовали права дома Блуа, которыя перешли къ фамиліи Пантьевръ; Николь Пантьеврская оставила права своего прадѣда мужу своему, Жану де Броссу. Лудовикъ купилъ у нихъ ихъ неоспоримыя права на Бретань. Оставалось только пустить ихъ въ ходъ, такъ что при благопріятныхъ обстоятельствахъ Лудовикъ имѣлъ возможность во всякое время овладѣть герцогствомъ.

Въ нидерландскомъ герцогствѣ Гельдернѣ Лудовикъ давно завелъ интриги, съ цѣлью поживиться на счетъ своего противника Максимиліана; но онъ не достигъ желаемой цѣли, и Максимиліанъ сохранилъ за собою эту провинцію, пріобрѣтенную его тестемъ. Молодой герцогъ Адольфъ Гельдерскій, лишенный отцемъ своимъ наслѣдства за жестокій поступокъ съ нимъ и заключенный Карломъ Смѣлымъ въ тюрьму, былъ впослѣдствіи освобожденъ фламандцами и убитъ въ войнѣ французами (стр. 219 и 265); онъ оставилъ послѣ себя сына и дочь. Лудовикъ старался воспользоваться этими сиротами, ихъ нѣмецкими родственниками и жителями герцогства, чтобъ отдѣлить Гельдернъ отъ Нидерландовъ. Ему удалось склонить вдовствующую герцогиню Екатерину, епископа мюнстерскаго и сословія Гельдерна и графства Цютфенскаго, отправить къ нему въ Мецъ пословъ для переговоровъ. Однако, повидимому, намѣренія уполномоченныхъ не совпадали съ цѣлями Лудовика; Екатерина и сословія требовали, чтобы онъ всѣми средствами старался освободить молодаго герцога Карла, находившагося во власти Максимиліана; но Лудовикъ не намѣренъ былъ тратить деньги для другихъ. Поэтому сословія отправили депутатовъ къ Максимиліану съ требованіемъ отпустить принца. Максимиліанъ отказалъ въ этомъ, и тогда всѣ города герцогства, незанятые бургундскими войсками, объявили мать Карла правительницей и опекуншей; въ августѣ 1478 г. гельдерскіе чины заложили графство Цютфенское епископу мюнстерскому, Генриху Шварцбергу, съ тѣмъ чтобы онъ былъ покровителемъ герцогства и вождемъ ихъ въ войнѣ за независимость. Кажется, что съ этихъ поръ (съ 1479 г.) Лудовикъ предоставилъ жителей Гельдерна на произволъ судьбы. Максимиліанъ противился отдѣленію герцогства отъ прочихъ нидерландскихъ провинцій сперва при помощи голландцевъ и брабантцевъ и только въ 1480 г. могъ послать въ Гельдернъ значительное войско. Успѣхи этого войска принудили рыцарство и города Гардевикъ и Эльбургъ, оказавшіе самое упорное сопротивленіе, вступить въ переговоры; въ январѣ 1481 года

было заключено перемиріе, по которому всѣ мѣста, нехотѣвшія доселѣ присягать, покорились.

Въ это время (1480—1482) война между Франціей и Нидерландами шла вяло, такъ какъ вскорѣ по нарушеніи перваго перемирія было заключено второе; но до мира не доходило, потому что Максимиліанъ противился ему, считая по обычаю рыцарей войну дѣломъ чести; онъ увѣрялъ, что въ его памятной книжкѣ отмѣчены всѣ случаи, когда французы надули и провели его. Но онъ имѣлъ вліяніе лишь при жизни жены; по смерти же ея нидерландцы и бельгійцы установили родъ республики и перестали слушать Максимиліана. Марія умерла внезапно 27 марта 1482 г. Въ сентябрѣ 1481 она родила втораго принца, умершаго тотчасъ послѣ своего крещенія; въ ноябрѣ она посѣтила Геннегау и принимала присягу, среди блестящихъ празднествъ, въ Монсѣ и Валансіеннѣ. Зиму она провела въ Брюгге, гдѣ по неосторожности (потому что была снова беременна) приняла приглашеніе на соколиную охоту одного изъ друзей своего отца, Лодевика фанъ Груйтуйзена; желая перескочить черезъ ровъ, она упала подъ лошадь, разшиблась при паденіи объ дерево и умерла отъ послѣдствій этого несчастнаго случая. На смертномъ одрѣ она упрашивала нидерландцевъ передать Максимиліану управленіе и опеку надъ четырехлѣтнимъ сыномъ ея, Филиппомъ; но Максимиліанъ встрѣтилъ сильное сопротивленіе. Въ Геннегау, Намюрѣ, Брабантѣ и въ сѣверныхъ провинціяхъ, гдѣ власть и всѣ должности находились въ рукахъ демократической партіи (kabeljaauw — рыбы), онъ былъ, правда, признанъ правителемъ; но аристократическая партія (Hoeks—удочки) и фламандцы не хотѣли и слышать о его регентствѣ. Гентцы овладѣли маленькимъ герцогомъ Филиппомъ, и нотабли (Leden) Фландріи учредили вслѣдствіе интригъ Лудовика регентство, совершенно независимое отъ Максимиліана; оно немедленно вступило въ мирные переговоры съ французскимъ королемъ, не спрашивая согласія Максимиліана. Это регентство, состоявшее изъ Лудовика епископа люттихскаго, замѣчательнаго по безобразію,

и изъ господъ Вольферта фонъ Ворзеллена, Филиппа Бургундскаго, ванъ Беверена и Филиппа Клеве, сына Адольфа Равенштейна, имѣло резиденцію въ Гентѣ и противодѣйствовало Максимиліану во всемъ, даже въ замужствѣ его дочери Маргариты. Маргариту, бывшую еще маленькимъ дитятей, хотѣли не только выдать за дофина, но даже передать французамъ на воспитаніе. Даже Коминъ сознается, что съ Максимиліаномъ, который велъ тяжелую войну съ Утрехтомъ и не имѣлъ денегъ, съиграли плохую штуку.

Король Лудовикъ находился въ то время въ весьма плачевномъ состояніи. Онъ былъ разбитъ параличемъ, не могъ ни ходить, ни стоять, потерялъ сознаніе и, по выраженію Матьё, который его видѣлъ, походилъ на бродящаго скелета (une anatomie ambulante); не смотря на это, онъ хотѣлъ руководить всѣмъ лично. Въ это время онъ былъ подозрительнѣе и свирѣпѣе, чѣмъ прежде, хотя часто, воображая, что читаетъ письма или донесенія, держалъ листъ навыворотъ. Его внутренняя жизнь была адомъ, а жилище страшной тюрьмой, какъ видно изъ описанія Комина замка Ля-Туръ-дю-Плесси. Описаніе это не преувеличено, потому что Коминъ такой же дипломатъ, какъ и Лудовикъ; онъ хвалитъ его, какъ великаго короля, который преобразовалъ Францію и соединилъ своихъ подданныхъ въ плотную націю, а въ глазахъ дипломатовъ цѣль оправдываетъ средства. Разсказы о душевныхъ мукахъ какого нибудь Фаларида, Діонисія I, Домиціана, Тиберія, Каракаллы и другихъ тирановъ древности, блѣднѣютъ передъ разсказомъ Комина о жизни Лудовика въ Ля-Туръ-дю-Плесси, о его терзаніяхъ и страхѣ. Замокъ короля былъ окруженъ тройнымъ рядомъ рвовъ, валовъ и палисадовъ. Валъ былъ окруженъ страшною желѣзною рѣшеткою, рогатками и острыми желѣзными палисадами, а во рвахъ сидѣли стрѣлки. Къ королю не пускали никого, кромѣ разной сволочи, которой онъ довѣрялъ, потому что кромѣ него никто не сталъ бы кормить и держать ее. Вокругъ замка и въ комнатахъ находилась грозная стража, а ночью стрѣлки стрѣляли изъ рвовъ во всякаго, под-

Digitized by Google

ходившаго слишкомъ близко къ воротамъ. Окружающихъ Лудовикъ держалъ въ постоянномъ страхѣ и дѣлалъ зло и несправедливости лишь затѣмъ, чтобы Франція знала, что онъ еще живъ (Il faisait d'apres punitions, pour estre craint et de peur de perdre obéissance; car ainsi me le dit lui même. Il renvoyait officiers et cassoit gens d'armes, rognoit pansions et en ostoit de tous points, et me dit peu de jours avant sa mort, qu'il passoit temps à faire et à défaire gens, et faisoit plus parler de luy parmy le royaume, que n'avoit jamais fait, et le faissoit de peur, qu'on ne le tint pour mort). Какъ только ему стало лучше, онъ снова занялся подкупами, интригами, шпіонствомъ и подстрекательствомъ не только частныхъ лицъ, но и цѣлыхъ сословій своего и чужихъ государствъ, и велъ эти дѣла еще лучше, чѣмъ прежде. Онъ посылалъ даже въ Данію и Норвегію, откуда съ большими издержками выписывалъ лосей и сѣверныхъ оленей; при этомъ онъ имѣлъ въ виду заставить говорить о себѣ, и не только не интересовался этими звѣрями, но даже не взглянулъ на нихъ.

Лудовикъ уже давно пріобрѣлъ большое вліяніе на фландрскую аристократію и учрежденное ею регенство, точно также какъ и на дикихъ демократовъ, неограниченно господствовавшихъ въ Гентѣ: первыми онъ располагалъ при помощи многихъ бургундскихъ вельможъ, перешедшихъ на его сторону; вторыми же онъ управлялъ черезъ своего Оливье Дьявола и двухъ страшныхъ гентскихъ демагоговъ, которые позднѣе были публично казнены (одинъ въ 1485, другой въ 1491 г.) *). Опекуны сына Максимиліана желали во что бы то ни стало купить миръ съ Франціею, и эрцгерцогъ, устраненный отъ регентства, тщетно хлопоталъ

*) Et s'addressoit-on du tout à un pensionnaire de la dite ville (de Gand) appellé Guillaume Rym, sage homme et malicieux, et à un autre appellé Coppenole, clerc des eschevins, qui estoit chauffetier et avoit grand crédit parmi le peuple, car gens de telle taille l'y ont, quand sont ainsi désordonnés.

на бельгійскомъ сеймѣ въ Аальстѣ о томъ, чтобъ не уступать по крайней мѣрѣ Франшъ-Конте, если нельзя спасти Артуа. Когда дѣло дошло до рѣшенія, гентская демократія увлекла за собою сословія Голландіи и Брабанта, и Максимиліанъ потерпѣлъ горькія оскорбленія *). Такимъ образомъ, опекуны молодаго Филиппа предложили умирающему французскому королю столь выгодныя условія, какихъ онъ самъ не ожидалъ, по его собственному сознанію. Вслѣдъ затѣмъ общій нидерландскій сеймъ согласился на предложенія регентства, и 23 декабря 1482 г. въ Аррасѣ былъ подписанъ миръ. Главнымъ условіемъ его было то, что 2-лѣтняя дочь Максимиліана, Маргарита, будетъ выдана впослѣдствіи за дофина Карла, а пока должна быть отправлена на воспитаніе во Францію. Лудовикъ удерживалъ графства Артуа и Бургундское и господства Маконъ, Окзерръ, Баръ-сюръ-Сенъ и Нойе, какъ приданное Маргариты. Но въ случаѣ, если бракъ не состоится или если Маргарита умретъ безъ наслѣдниковъ, земли эти должны будутъ перейдти къ ея брату. За то если бракъ будетъ заключенъ, то дофинъ получитъ сверхъ того Сентъ-Омеръ. Увидя, какъ легко достались ему Артуа и Франшъ-Конте, Лудовикъ потребовалъ, было, уступки Лилля, Дуэ и Орши на томъ основаніи, что его прадѣдъ, Карлъ V, отдалъ ихъ Филиппу Бургундскому съ условіемъ, что по прекращеніи мужескаго колѣна герцогской линіи они возвратятся къ коронѣ; но, замѣтивъ, что нидерландцы ни за что не согласятся отдать ему эти города и допустить его утвердиться среди ихъ владѣній, онъ отступился отъ своихъ требованій. О городахъ по Соммѣ, которыми онъ завладѣлъ, въ трактатѣ не упоминалось.

Въ послѣдніе годы королю всего полезнѣе были швейцарцы. Графъ Ромонъ, долго и вѣрно служившій Бургундіи, былъ возна-

*) Là (на бельгійскомъ сеймѣ въ Аалстѣ) firent les Gandois plusieurs choses contre le vouloir du duc d'Autriche, comme de bannir gens, d'en oster aucuns d'auprés de son fils, et puis lui dirent le vouloir qu'ils avoient, que ce mariage dont j'ai parlé se fit pour avoir paix, et le luy firent accorder, vousist-il ou non.

гражденъ за это очень дурно. Ему обѣщали возвратить Ваадтъ; но потомъ объ этомъ не было и рѣчи, и область эта осталась за бернцами. Швейцарцы были недовольны тѣмъ, что Лудовикъ утвердился въ горныхъ проходахъ и замкахъ Франшъ-Конте; но такъ какъ онъ былъ очень щедръ къ нимъ, то они молчали. Въ послѣдніе годы своей жизни Лудовикъ снова далъ имъ 100 тысячъ талеровъ. Впрочемъ вся пѣхота его въ послѣднее время состояла изъ швейцарцевъ, такъ какъ онъ уничтожилъ городскую милицію (franc-archers) и увеличилъ подать на войско, платимую подданными. Кромѣ швейцарской пѣхоты, шеститысячный отрядъ которой оказалъ ему важныя услуги въ Нидерландахъ, армія его имѣла сперва 1,700, а потомъ 5,000 конныхъ латниковъ. Лудовикъ умеръ 30 августа 1483 г.

Мы прерываемъ здѣсь исторію Франціи, такъ какъ по смерти Лудовика XI она вступаетъ въ тѣсную снязь съ исторіею Италіи; сынъ и наслѣдникъ его Карлъ VIII не заботился о водвореніи порядка во Франціи и объ округленіи коронныхъ владѣній; онъ помышлялъ о завоеваніяхъ въ Италіи. Максимиліанъ, по смерти своего отца, также вмѣшался въ дѣла Италіи и принялъ участіе въ италіанскихъ войнахъ. Поэтому прежде чѣмъ продолжать исторію Германіи, мы должны взглянуть на событія въ Италіи и Испаніи. Здѣсь мы ограничимся пока краткимъ изложеніемъ дѣятельности Максимиліана въ Бельгіи до смерти его отца.

Фламандцы, особенно демократы Гента и Брюгге, и аристократическая партія Голландіи, Зеландіи и Утрехта были главными виновниками того, что Максимиліану пришлось уступить французамъ часть владѣній своего тестя. Аррасскій миръ не измѣнилъ отношеній Максимиліана къ этимъ партіямъ, хотя конецъ его правленія въ Нидерландахъ былъ счастливѣе, чѣмъ начало и середина. Во Фландріи среднее сословіе въ союзѣ съ пролетаріями одержало рѣшительный верхъ; но въ Голландіи высшее дворянство во главѣ своихъ кліентовъ и вассаловъ еще оспаривало у него побѣду. Аристократическая партія носила странное

имя удочки (Hoek), а народная называлась рыбами (Kabeljaauw). Они постоянно враждовали за назначеніе чиновниковъ, такъ какъ выборнымъ изъ народа были ввѣрены какъ судебная, такъ и административная часть. Карлъ Смѣлый силою сдерживалъ обѣ партіи. По смерти его, они на нѣкоторое время примирились, чтобы общими силами вынудить у Маріи почти республиканскую конституцію и, какъ выше было сказано (стр. 257), получили большія привиллегіи. Затѣмъ они вновь разсорились, и Максимиліанъ встрѣчалъ повсюду не только раздоры, но и междоусобія. Послѣ безплодныхъ попытокъ примирить обѣ партіи, Максимиліанъ принялъ сторону демократовъ, которые предоставили ему значительную субсидію на военныя издержки. Фамиліи Бредероде, Вассенеръ, Наадвикъ и другіе аристократы, державшіе сторону голландскихъ графовъ, были принуждены уступить рыбамъ; нѣкоторые изъ нихъ претерпѣли жестокое преслѣдованіе и должны были удалиться въ свои заграничныя помѣстья. Изъ числа плѣнныхъ, взятыхъ Максимиліаномъ въ этой междоусобной войнѣ, окончившейся для него такъ счастливо, шестеро были казнены въ Лейденѣ, а двое въ Дортрехтѣ; другіе лишились своихъ имуществъ. Но когда Максимиліанъ выступилъ противъ французовъ и сражался при Гингатѣ, удочки начали новую войну въ Утрехтѣ, откуда распространились снова по Голландіи, гдѣ еще имѣли много приверженцевъ. Это относится къ исторіи епископства утрехтскаго. Съ того времени, какъ герцогъ Филиппъ Добрый сдѣлалъ утрехтскимъ епископомъ своего побочнаго сына Давида (стр. 132), удочки начали враждовать съ герцогскимъ домомъ; Карлъ Смѣлый съ большимъ трудомъ поддерживалъ въ епископствѣ своего сводного брата. Въ 1455 г. соборный капитулъ, не желая находиться подъ властью князей, отвергнулъ предложенныхъ ему герцога Стефана Баварскаго и бургундскаго бастарда Давида и избралъ соборнаго пробста Гисберта Бредероде. Чтобъ помѣшать избранію Бредероде, Филиппъ послалъ въ Римъ епископа арраскаго, черезъ котораго добился у папы

назначенія Давида епископомъ. Онъ силою принудилъ Бредероде и его покровителя герцога Клеве удовольствоваться предложеннымъ имъ вознагражденіемъ. Впослѣдствіи Бредероде былъ принужденъ не только отказаться отъ вознагражденія, но и отъ своего прежняго мѣста въ капитулѣ и удалиться изъ города со многими другими удочками. Но у нихъ осталось много приверженцевъ въ Утрехтѣ, а особенно въ сосѣднемъ Амерсфортѣ, и епископъ не пользовался полнымъ расположеніемъ своей паствы. Уже въ 1478 году граждане Амерсфорта возстали противъ Давида и выгнали его приверженцевъ изъ города; въ самомъ Утрехтѣ Давидъ такъ мало могъ довѣрять жителямъ, что большею частью жилъ въ Викъ-би-Доорстеденѣ. Когда Максимиліанъ началъ преслѣдовать и гнать удочки въ Голландіи, они собрались въ Утрехтѣ. Въ 1481 г. Іанъ Монфоръ во главѣ голландскихъ и другихъ удочекъ вступилъ въ Утрехтъ; приверженцы Бредероде вытѣснили оттуда епископа Давида и бургундцевъ. Эгмонтъ, глава рыбъ, тщетно старался вновь покорить городъ; Іанъ Монфоръ оказался сильнѣе его. Тогда Максимиліанъ приказалъ заключить въ тюрьму всѣхъ утрехтцовъ, захваченныхъ въ другихъ провинціяхъ, и удерживать ихъ заложниками за арестованныхъ Монфоромъ приверженцевъ епископа и эрцгерцога. Іанъ Монфоръ съ своей стороны изгналъ изъ Утрехта всѣхъ, осмѣливавшихся толковать о примиреніи. Онъ даже овладѣлъ городомъ Нерденомъ, но былъ снова вытѣсненъ изъ него амстердамскими рыбами (26 декабря 1481 г.).

Съ этой минуты въ Голландіи и Утрехтѣ до Фрисландіи и Гренингена началась ожесточенная и яростная борьба партій. Безпокойные люттихцы поссорились со своимъ епископомъ, вслѣдствіе чего возникла продолжительная война, опустошившая всю страну отъ Брабанта до Эйфеля. Войны съ Лудовикомъ и безпокойства въ Гентѣ и Брюгге препятствовали Максимиліану вмѣшаться въ дѣла Люттиха и Утрехта; онъ былъ принужденъ предоставить ихъ людямъ, варварство и ярость которыхъ не

имѣли предѣловъ, какъ доказываетъ участь безобразнаго епископа люттихскаго (стр. 282) и его противника Вильгельма де-ля-Марка. Вильгельмъ де-ля-Маркъ, справедливо прозванный арденнскимъ кабаномъ, долго служилъ интриганту епископу, бывшему главнымъ врагомъ Максимиліана; пользуясь расположеніемъ епископа, онъ пріобрѣлъ неограниченную власть надъ его дворомъ и чиновниками, но наконецъ сталъ злоупотреблять ею. Онъ распространилъ свой деспотизмъ на самого епископа и въ его присутствіи оскорблялъ и умерщвлялъ его главныхъ сановниковъ. Наконецъ, въ 1482 г. епископъ прогналъ его. Вильгельмъ сталъ думать о мщеніи. Онъ собралъ войско и усилилъ его солдатами, распущенными по случаю мира Лудовикомъ XI, а также тѣми, которыхъ выгналъ изъ Люттиха епископъ, управлявшій своимъ епископствомъ совершенно независимо отъ Бургундіи. Съ этими дикими полчищами арденнскій кабанъ пошелъ на Люттихъ, чтобы изгнать епископа и возвести на его мѣсто своего сына, Іоанна. Епископъ, войсками котораго командовалъ Іанъ фанъ Гоорнъ, выступилъ противъ него, но, подойдя къ городу, узналъ, что бурмистры Русларъ и Павилльонъ измѣнили ему и заключили съ Вильгельмомъ договоръ. Это принудило его отступить, причемъ онъ наконецъ претерпѣлъ участь, заслуженную поведеніемъ его во Фландріи. Онъ приказалъ начать отступленіе, но многочисленная городская милиція, которую онъ по неосторожности велъ съ собою, пришла въ замѣшательство и задержала его. Вильгельмъ настигъ его и раздробилъ ему черепъ. (Louis de Bourbon, грубо сказалъ онъ ему, j'ai cherché votre amitié et vous me l'avez refuseé). Въ концѣ сентября арденнскому кабану удалось сдѣлать своего сына епископомъ, потому что тѣ каноники, которые были противъ него, бѣжали въ Брабантъ. Однако они противупоставили Іоанну де-ля-Марку Іана фанъ Гоорна, избраннаго епископомъ въ Лувенѣ. Вслѣдствіе этого оба епископа или скорѣе Вильгельмъ де-ля-Маркъ и его враги вели въ теченіе 1483 и 1484 годовъ ужасную войну; они совершали не-

слыханныя звѣрства, жгли и рѣзали, одни за Намюръ, а другіе до Мастрихта и въ самой Германіи. Вильгельмъ уже въ 1484 г. отказался отъ надежды удержать епископство за своимъ сыномъ, котораго и папа не хотѣлъ признавать. Поэтому онъ наконецъ согласился признать епископомъ Іана фанъ Гоорпа, надѣясь подчинить его своей власти; но родственники Гоорна заманили свирѣпаго разбойника и убійцу въ ловушку, гдѣ конный отрядъ мастрихцевъ схватилъ его и отправилъ въ Мастрихтъ. Здѣсь онъ былъ немедленно обезглавленъ, а его товарищъ, Гисбертъ Рикеель — четвертованъ. Гоорны и ихъ приверженцы долго еще воевали съ друзьями дома де-ля-Маркъ, но дальнѣйшій ходъ этой войны не относится къ всеобщей исторіи.

Война въ Утрехтѣ кончилась почти такимъ же образомъ, какъ и люттихская, съ тою лишь разницею, что грабежи, убійства и опустошенія продолжались не такъ долго и что Максимиліанъ самъ прекратилъ ихъ. Когда удочки или аристократы изгнали изъ Утрехта епископа Давида и подчинили городъ Іану Монфору и его людямъ, враги ихъ стѣснили городъ; это повлекло за собою голодъ и прекращеніе торговли и промышленности, вызвавшіе контръ-революцію. Въ апрѣлѣ 1483 года чернь овладѣла домомъ капитула, взяла въ плѣнъ Іана Монфора и его приближенныхъ, возстановила прежнія городскія власти и призвала епископа Давида. Епископъ и другіе изгнанники поклялись отказаться отъ мести и освободить плѣнныхъ, за что должны были получить замокъ Монфоръ. Но такъ какъ это условіе не было выполнено, то они удерживали плѣнныхъ до тѣхъ поръ, пока они не были освобождены силою. 8 мая 1483 г. Энгельбертъ Клеве и Гендрикъ фанъ-Ньефельдъ, племянникъ Іана Монфора, напали на Утрехтъ, освободили своихъ друзей и родныхъ и увезли епископа Давида на навозной телѣгѣ въ Амерсфортъ. Чтобы отомстить за этотъ набѣгъ, рыбы собрали армію въ 12 т. пѣхоты и 2 т. кавалеріи и просили Максимиліана принять надъ нею начальство; голландскіе чины дали деньги

на военные расходы. Армія эта два мѣсяца осаждала городъ, защищавшійся весьма упорно. Попытки заключить примиреніе не удавались; 26 іюля осаждающіе начали штурмъ, при чемъ былъ убитъ пушечнымъ ядромъ штатгалтеръ Голландіи сиръ де-Ляленъ; не смотря на это осаждающіе овладѣли Амстердамскимъ предмѣстьемъ, и тогда граждане принудили Іана Монфора и его приверженцевъ заключить капитуляцію. Четыре дня спустя (7 сентября 1483 г.) городъ сдался; Фредерикъ Эгмонтъ былъ назначенъ Максимиліаномъ штатгальтеромъ, такъ какъ Давидъ утрехтскій, подобно Іану фанъ Гоорну люттихскому, признавалъ Максимиліана протекторомъ (mambours). Амерсфортъ былъ покоренъ 21 января 1484 года.

Съ 1485 г. начинается совершенно новый періодъ царствованія Максимиліана и исторіи бургундскихъ владѣній. Чтобъ понять его, надо сперва обратиться къ исторіи Италіи и Испаніи. Но предварительно мы будемъ продолжать разсказъ (стр. 84—102) о событіяхъ въ Англіи до окончанія войны алой и бѣлой розы.

VII. ИСТОРІЯ АНГЛІИ

ОТЪ БИТВЫ ПРИ НОРТЕМПТОНѢ ДО ОКОНЧАНІЯ ВОЙНЫ АЛОЙ И БѢЛОЙ РОЗЫ.

---

1. Генрихъ VI и Эдуардъ IV.

Побѣдивъ своихъ враговъ и овладѣвъ королемъ Генрихомъ VI, герцогъ Ричардъ Іоркскій открыто заявилъ въ парламентѣ свои притязанія на англійскій престолъ, которымъ ланкастерскій домъ владѣлъ шестьдесятъ лѣтъ. Свои права на престолъ онъ выводилъ не отъ отца, а отъ матери (стр. 94). Онъ явно стремился къ престолу и даже занялъ въ парламентѣ мѣсто около трона, на который охотно бы сѣлъ, еслибъ кто нибудь предложилъ ему сдѣлать это. Но не получивъ подобнаго приглашенія, онъ съ досадою покинулъ собраніе. Однако парламентъ не только сдѣлалъ его правителемъ (протекторомъ) государства и наслѣдникомъ короля въ ущербъ сыну Генриха VI, но постановилъ даже, что если рѣшеніе это будетъ нарушено, то престолъ немедленно переходитъ къ Ричарду или его сыну. Генрихъ VI согласился на это постановленіе и принужденъ былъ послать приказаніе своей женѣ, Маргаритѣ, прибыть къ нему въ Лондонъ. Маргарита собрала между тѣмъ на сѣверѣ войско изъ шотландцевъ и уэльсцевъ. Ричардъ неосторожно выступилъ про-

тивъ нея съ пятью тысячами человѣкъ и рѣшился вступить въ сраженіе при Уэкфильдѣ, куда непріятели выманили его изъ замка, въ которомъ онъ сперва заперся. Онъ былъ разбитъ и убитъ (конецъ декабря 1460 г.). Голову Ричарда посадили на копье и принесли Маргаритѣ; королева велѣла надѣть на нее въ насмѣшку бумажную корону и выставить на стѣнѣ города Іорка. Второй сынъ его, 12-лѣтній графъ Рётленд, погибъ ужасною смертью тотчасъ послѣ битвы; при этомъ лордъ Клиффордъ съигралъ со стороны ланкастерскаго дома ту же роль, которую для іоркскаго дома игралъ графъ Варвикъ, злой духъ древнихъ англійскихъ фамилій. Клиффордъ догналъ мальчика, обнажилъ кинжалъ и грозно спросилъ его, какъ его зовутъ. Рётленд упалъ на колѣни и отъ страха не могъ выговорить ни слова; но его гувернеръ, сказалъ, чтобъ спасти его, что мальчикъ— сынъ Ричарда. Тогда Клиффордъ пронзилъ несчастнаго ребенка кинжаломъ въ грудь, воскликнувъ: „Твой отецъ убилъ моего, поэтому я убиваю тебя и буду убивать всѣхъ твоихъ родныхъ.“ Королева съ радостью увидѣла отрубленную голову мальчика и приказала выставить ее рядомъ съ головою Ричарда. Столь же жестокимъ образомъ былъ умерщвленъ графъ Салисбери, трупъ котораго былъ также преданъ поруганію. Сыновья его, графъ Варвикъ и лордъ Монтегю, были главною опорою іоркскаго дома. Салисбери былъ взятъ въ плѣнъ, и Маргарита приказала казнить его безъ суда и выставить его голову рядомъ съ головами Ричарда и его сына. Этими жестокостями началась почти безпримѣрная въ исторіи рѣзня древней англійской аристократіи, распавшейся въ борьбѣ ланкастерскаго и іоркскаго домовъ на два враждебные лагеря. Королева Маргарита и старшій сынъ Ричарда, будущій король Эдуардъ IV, занявшій мѣсто своего отца, соперничали другъ съ другомъ въ звѣрствѣ. Обѣ стороны отдали своимъ войскамъ приказаніе убивать знатнѣйшихъ враговъ, которыхъ прежде обыкновенно щадили изъ за выкупа: поэтому къ концу столѣтія древнія могущественныя фамиліи

были почти совсѣмъ истреблены; титулы ихъ и часть владѣній перешли въ новые роды, а княжескія и графскія права, которыми они пользовались въ силу обычая, прекратились.

Эдуардъ, старшій сынъ Ричарда, находившійся во время уэкфильдскаго сраженія въ Глостерѣ, принялъ по смерти отца титулъ герцога Іоркскаго и заявилъ притязанія на престолъ, такъ какъ договоръ, заключенный его отцемъ, былъ нарушенъ. Маргарита послала противъ него отрядъ войска подъ начальствомъ Каспара Тюдора графа Пемброка; сама же двинулась для освобожденія своего мужа къ Лондону, охраняемому графомъ Варвикомъ съ небольшимъ отрядомъ. Эдуардъ одержалъ побѣду 1 февраля 1461 г., а королева 17 числа того же мѣсяца. Новый герцогъ Іоркскій встрѣтился съ Пемброкомъ близъ Уигмора при такъ называемомъ Мортимеровомъ Крестѣ и одержалъ надъ нимъ рѣшительную побѣду. Онъ немедленно началъ безконечный рядъ своихъ злодѣяній; въ отмщеніе на смерть отца и брата онъ велѣлъ казнить семерыхъ вождей ланкастерской партіи, взятыхъ въ плѣнъ, въ томъ числѣ Оуэна Тюдора, отца лорда Пемброка. Мы упоминаемъ объ этой казни, такъ какъ второй сынъ Оуэна Тюдора, Эдмондъ графъ Ричмондъ, былъ женатъ на Маргаритѣ Бьюфортъ, дочери Іоанна Соммерсета; по истребленіи ланкастерскаго дома всѣ права его перешли къ сыну Маргариты и Эдмонда, графу Генриху Ричмонду, будущему королю Генриху VII. Черезъ двѣ недѣли послѣ побѣды Эдуарда армія королевы встрѣтила на пути къ Лондону графа Варвика, стоявшаго лагеремъ при Сентъ-Ольбенсѣ; Маргарита аттаковала его и на голову разбила въ упорномъ боѣ, гдѣ пало болѣе двухъ тысячъ рыцарей. Варвикъ взялъ съ собой въ походъ короля, котораго побѣдители нашли въ палаткѣ со своимъ камергеромъ. Въ отмщеніе за Оуэна Тюдора и другихъ плѣнниковъ, казненныхъ Эдуардомъ, Маргарита приказала казнить въ день битвы двухъ важнѣйшихъ военачальниковъ іоркской арміи, лорда Бонвилля и сэра Томаса Кифіэля. Касательно этихъ лицъ современники и историки несогласны

между собою: по однимъ, они были взяты въ плѣнъ во время бѣгства; по другимъ же, оставались при королѣ, который обѣщалъ имъ безопасность. Какъ бы то ни было, но они пали жертвою мстительности королевы. По освобожденіи короля, Маргарита вела войну отъ его имени противъ новаго герцога Іоркскаго, объявленнаго мятежникомъ. Но войско ея состояло изъ уэльсцевъ и шотландцевъ, служившихъ большею частью изъ за добычи. Войска эти тотчасъ послѣ побѣды разсѣялись для грабежей, такъ что нельзя было двинуть ихъ на Лондонъ, жители котораго были преданы іоркскому дому. Грабежи солдатъ королевской арміи такъ раздражили ихъ, что лордъ-меръ не могъ посылать королевѣ транспорты съ продовольствіемъ.

26 февраля Эдуардъ вступилъ въ Лондонъ въ сопровожденіи лорда Фалькенберга и во главѣ четырехъ тысячнаго отряда кирасиръ. Горожане, раздраженные насиліями королевскихъ войскъ, приняли съ восторгомъ прекраснаго собою 19-лѣтняго герцога Эдуарда. Друзья его настаивали, чтобы онъ, обнаживъ противъ короля мечь, бросилъ ножны и дѣйствовалъ рѣшительно. Вслѣдствіе этого былъ собранъ тайный совѣтъ и противъ Генриха VI постановленъ приговоръ, обнародованный 5 марта. Въ немъ было сказано, что такъ какъ Генрихъ VI соединился съ королевой и вмѣстѣ съ нею удалился изъ столицы, то этимъ онъ лишилъ себя всѣхъ преимуществъ договора, заключеннаго съ Ричардомъ Іоркомъ; поэтому корона переходитъ къ сыну Ричарда, Эдуарду. По обнародованіи приговора Эдуардъ отправился въ большую уестминстерскую залу, взошелъ на тронъ и объяснилъ присутствующимъ права своего дома на престолъ. Потомъ онъ отправился въ церковь, гдѣ повторилъ свою рѣчь, которую слушатели очень часто прерывали восклицаніемъ: „да здравствуетъ король Эдуардъ!“ Въ наше время это никому не покажется удивительнымъ. Затѣмъ, по древнему обычаю, герольды провозгласили его во всѣхъ кварталахъ Лондона королемъ Эдуардомъ IV. Историкъ Генри Голламъ распространился очень подробно о правахъ іоркскаго дома.

Но онъ можетъ служить авторитетомъ не столько по исторіи, сколько по англійскому государственному праву, и сочиненіе его можетъ быть полезно и пріятно не для изслѣдователя и не для мыслящихъ читателей, а развѣ для юристовъ и прочей публики. Тѣмъ не менѣе мы приведемъ нѣкоторыя мѣста изъ этого сочиненія. Голламъ справедливо замѣчаетъ, что притязанія Ричарда Іоркскаго, отца Эдуарда, основывались лишь на томъ, что его отецъ, графъ Ричардъ Кембриджскій, былъ женатъ на Аннѣ, дочери Роджера Мортимера графа де-ла-Марча, такъ какъ по англійскому государственному праву престолъ можетъ переходить къ дочери. Роджеръ Мортимеръ былъ сынъ Филиппы, дочери Ляйонеля Клеренса, втораго сына Эдуарда III; старшій сынъ Роджера, Эдмондъ, былъ признанъ Ричардомъ II наслѣдникомъ престола (стр. 21 и 94). Когда Генрихъ IV овладѣлъ государствомъ, на это обстоятельство не обратили вниманія, потому что въ то время Эдмондъ былъ еще ребенкомъ; однако самъ Генрихъ IV думалъ, что притязанія фамиліи де-ла-Марчъ могутъ сдѣлаться опасными для него, и содержалъ молодаго графа въ заключеніи. Генрихъ V возвратилъ ему свободу и былъ такъ великодушенъ, что простилъ ему заговоръ, составленный имъ съ своимъ зятемъ, графомъ Кембриджскимъ. Впослѣдствіи, повидимому, совершенно забыли о притязаніяхъ герцога Іоркскаго на престолъ: его не считали опаснымъ, и при Генрихѣ VI ему давали важныя порученія во Франціи и Ирландіи. Отношенія къ нему измѣнились лишь со времени юридическаго убійства герцога Глостера королевою Маргаритою (стр. 90). Голламъ и Голль считаютъ эту казнь настоящею причиною гибели ланкастерскаго дома. Уже съ 1440 между Маргаритою и Ричардою Іоркомъ существовала непримиримая вражда. Однако Голламъ полагаетъ, что Ричардъ не нарушилъ бы спокойствія, если бъ надежды его на престолъ не были разрушены въ 1453 г. рожденіемъ принца Эдуарда, котораго Генрихъ VI призналъ законнымъ, въ чемъ сомнѣвались только сторонники Іорка. (стр. 95). Ричардъ могъ основывать свои сом-

Digitized by Google

нѣнія лишь на томъ, что принцъ родился черезъ девять лѣтъ послѣ брака Генриха.

Королева, управлявшая государствомъ съ смертельнымъ врагомъ Ричарда, герцогомъ Соммерсетомъ, была не любима народомъ; она была жестока и мстительна и по всему болѣе склонна къ Франціи, чѣмъ къ Англіи; напротивъ того Ричардъ обнаруживалъ гуманность и умѣренность даже тогда, когда открыто возсталъ противъ короля. Англичане впрочемъ не разсуждали, а просто покорились силѣ. Однако они неохотно соглашались на переворотъ, который долженъ былъ неминуемо вызвать цѣлый рядъ революцій; это видно уже изъ того, что послѣ побѣды, одержанной Ричардомъ въ 1455 (стр. 98), дворянство долго противилось второму протекторству его; кромѣ того въ 1459 въ парламентѣ, объявившемъ герцога Іорка и графовъ Варвика и Салибери государственными измѣнниками, 32 свѣтскихъ пера присягнули въ вѣрности королю Генриху и его потомкамъ. По смерти Ричарда число приверженцевъ іоркскаго дома увеличилось вслѣдствіе жестокости мстительной Маргариты и ужасныхъ опустошеній, произведенныхъ на югѣ и востокѣ Англіи ея войсками, набранными въ сѣверныхъ и западныхъ графствахъ. Это доказываетъ примѣръ историка Уэтемстида, который переходилъ отъ одной партіи къ другой съ такой же развязностью, какъ нѣкоторые либеральные болтуны нашего времени. Уэтемстидъ былъ аббатомъ богатаго монастыря Сентъ Ольбенса; онъ обнаруживалъ ревностную приверженность ланкастерскому дому, пока королева съ своими дикими ордами не разграбила его монастырь точно также, какъ всѣ прочія мѣста, какъ покорныя, такъ и мятежныя; съ этой минуты онъ до смѣшнаго быстро перешелъ на сторону іоркскаго дома.

Новый король Эдуардъ IV былъ обязанъ престоломъ опытности и храбрости графа Варвика, который возвелъ и удержалъ девятнадцатилѣтняго принца на тронѣ; они ясно видѣли, что принятіе королевскаго титула будетъ для нихъ болѣе опасно и гибельно, чѣмъ полезно, если не удается взять Генриха VI въ плѣнъ или

сжить его со свѣта. Поэтому они поспѣшили преслѣдовать королеву. Для нея герцогъ Соммерсетъ собралъ вокругъ Іорка войско, состоявшее изъ значительныхъ отрядовъ конницы и пѣхоты, хотя и не простиравшееся до шестидесяти тысячъ человѣкъ, какъ увѣряютъ хроники, весьма скудныя за это время. Варвикъ и Эдуардъ, соединившіеся 12 марта 1461 года у Понтефракта, чтобъ идти противъ непріятеля, имѣли едва сорокъ тысячъ человѣкъ. Побѣда казалась для нихъ весьма сомнительною. За то Эдуардъ, Варвикъ и другіе предводители мятежниковъ значительно превосходили военными способностями всѣхъ генераловъ королевскаго войска, которое притомъ состояло изъ милиціонеровъ. Однако когда дѣло дошло до битвы, обѣ стороны дрались чрезвычайно долго и кровопролитно. Соммерсетъ оставилъ королевское семейство въ Іоркѣ и подвинулся на восемь миль къ югу отъ этого города; между деревнями Таунтономъ и Секстономъ онъ встрѣтился съ Эдуардомъ и Варвикомъ; здѣсь произошло кровопролитное сраженіе, въ которомъ люди дрались грудь съ грудью до самой ночи и пало больше народу, чѣмъ въ наше время при Бородинѣ. Соммерсетъ былъ разбитъ на голову. Число убитыхъ простиралось до тридцати восьми тысячъ, въ чемъ мы не можемъ сомнѣваться, такъ какъ Лингардъ приводитъ письмо Эдуарда къ своей матери, въ которомъ онъ, умалчивал о своей собственной потери, говоритъ, что приказалъ герольдамъ сосчитать тѣла павшихъ ланкастерцовъ, при чемъ оказалось, что число ихъ простиралось до двадцати восьми тысячъ.

Соммерсетъ и герцогъ Экзетеръ счастливо спаслись съ поля битвы и соединились съ королевскимъ семействомъ въ Іоркѣ, откуда Соммерсетъ бѣжалъ въ Шотландію. Въ то время въ этой странѣ происходилъ почти такой же безпорядокъ, какъ и въ Англіи; шотландскій король Іаковъ II незадолго до этого былъ убитъ разрывомъ орудія при осадѣ Роксборо и установилъ для своего еще малолѣтняго сына Іакова III регентство подъ номинальнымъ предсѣдательствомъ его матери; на самомъ же дѣлѣ господ-

ствовалъ графъ Россъ, начальникъ островов. Маргарита склонила на свою сторону регентшу Шотландіи уступкою Бервика, и Эдуардъ, успѣвшій проникнуть до самой границы, съ трудомъ спасъ городъ Карляйль. Уже въ іюнѣ Эдуардъ поспѣшилъ обратно въ Лондонъ, гдѣ торжественно короновался; братья его бѣжавшіе сперва во Фландрію, возвратились оттуда; одинъ изъ нихъ (Георгъ) былъ сдѣланъ герцогомъ Клеренсомъ, а другой (впослѣдствіи король Ричардъ III) герцогомъ Глостеромъ.

Царствованіе Эдуарда началось страшными жестокостями, убійствами и своеволіемъ, которое было тѣмъ ненавистнѣе, что прикрывалось личиною законныхъ конституціонныхъ формъ. Мы пройдемъ молчаніемъ неслыханныя осужденія невинныхъ, потому что Голламъ, историкъ конституціонныхъ формъ Англіи, оспариваетъ ихъ; не будемъ также ссылаться на анекдотъ про двухъ несчастныхъ, приводимый во всѣхъ историческихъ книжкахъ, изъ которыхъ одинъ былъ казненъ, какъ государственный измѣнникъ за то, что, говоря о коронѣ, бывшей въ гербѣ его дома, сказалъ, что сынъ его—наслѣдникъ престола, а другой, Томасъ Бёрдетъ, за то, что пожелалъ тому, кто посовѣтовалъ королю убить одного изъ его оленей, подавиться его рогами. И безъ того остается много гнусностей, которыхъ Голламъ, не смотря на всѣ его увертки, не можетъ отрицать. Эдуардъ могъ найти негодяевъ и трусовъ и совершать свои жестокости во имя народа потому самому, что въ Англіи была конституція. Съ этого времени вошло въ обыкновеніе обвинять лучшихъ людей въ государственной измѣнѣ, не стѣсняясь при этомъ никакими законными формами; посредствомъ парламентскаго постановленія (такъ называемаго, bill of attainder) можно было осуждать и предавать жестокой казни кого угодно. Тотчасъ послѣ коронаціи обѣ палаты соперничали между собою въ усердіи узаконить всякій произволъ и всѣ страсти юноши. Съ самаго начала три послѣднія царствованія были объявлены узурпаціями и все, происшедшее во время ихъ — недѣйствительнымъ и лишеннымъ всякой обязательной силы; всѣ награды, роз-

данныя во время этихъ царствованій, уничтожены и признаны только судебные приговоры и пожалованные дворянскіе титулы. Затѣмъ было издано парламентское опредѣленіе (bill of attainder), обвинявшее въ государственной измѣнѣ почти всѣ семейства, оказавшія заслуги ланкастерскому дому со времени Генриха IV. Король Генрихъ VI, его супруга, сынъ ея Эдуардъ, герцоги Соммерсетъ и Экзетеръ, графы Нортомберлендъ, Девоншайръ, Уильтъ и Пемброкъ, виконтъ Бьюмонтъ, лорды Россъ, Невиль, Руджемонтъ, Дакръ, Гёнгерфордъ и сто тридцать восемь рыцарей, священниковъ и дворянъ (esquires) были объявлены измѣнниками, заслуживающими жестокой смертной казни государственныхъ измѣнниковъ; они должны были быть лишены имущества и дворянскаго достоинства и подвергнуться позорной казни. Для этихъ ужасныхъ мѣръ приводились не только политическія, но и финансовыя причины.

Король Эдуардъ въ весьма наивной рѣчи, сохранившейся въ парламентскихъ протоколахъ, благодарилъ нижнюю палату за ея готовность способствовать этимъ насиліямъ. „Джемсъ Строигуэйсъ", сказалъ онъ, обращаясь къ предсѣдателю нижней палаты, „и вы, всѣ прочіе представители страны, благодарю васъ сердечно за вѣрность и нѣжную заботливость, выказанную вами относительно моихъ правъ и притязаній на престолъ (title). Благодарю васъ за нѣжное и истинно вѣрноподданническое рвеніе, которое вы доказали, позаботившись наказать жестокое убійство моего отца, моего брата Рётланда, моего кузена Салисбери и другихъ. Благодарю васъ отъ всей души, и съ помощію всемогущаго Бога буду для васъ стольже добрымъ и милостивымъ неограниченнымъ властелиномъ (sovereign lord), какъ едва ли кто изъ моихъ предшественниковъ былъ для своихъ подданныхъ и вассаловъ. Благодарю васъ также отъ глубины сердца за вѣрность и любовь ко мнѣ, доказанныя вами тѣми усиліями (labours), которыя вы употребили, чтобъ возвратить мнѣ мои права и престолъ (title), которыми я нынѣ обладаю. Если бы я

имѣлъ что либо иное, болѣе дорогое, чѣмъ мое собственное тѣло, оно было бы вашимъ, чтобъ наградить васъ; и отнынѣ оно всегда готово защищать васъ. Я никогда не буду щадить себя и не оставлю васъ во время угрожающей опасности (jeopardy), но за то прошу и вашей сердечной поддержки и добраго расположенія (countenance) и т. д."

Чтобы не возвращаться болѣе къ этому предмету, мы присоединимъ къ этому отрывку, заимствованному изъ Лингарда, нѣсколько общихъ замѣчаній, признаваемыхъ справедливыми даже Голламомъ; но помня цѣль этой исторіи, мы постараемся быть по возможности краткими. Царствованіе Эдуарда, говоритъ авторъ исторіи конституціонныхъ формъ Англіи, есть единственное, въ теченіи котораго не сдѣлано ни одного постановленія для отмѣны злоупотребленій или для обезпеченія свободы подданныхъ; въ парламентскихъ книгахъ не встрѣчается ни одной петиціи по этому предмету. Напротивъ того, въ хроникахъ того времени мы находимъ множество такихъ поступковъ, которые считались бы варварскими даже въ Турціи. Историки хвалятъ Эдуарда за то, что онъ рѣдко требовалъ отъ парламента добавочныхъ налоговъ на государственные расходы; но разсмотрѣвъ дѣло ближе, мы видимъ ошибочность этого мнѣнія. Онъ вымогалъ деньги другими способами. Уже одними конфискаціями онъ собралъ громадныя суммы, и Фортескью, весьма достовѣрный историкъ, доказалъ фактами, что имѣнія, конфискованныя королемъ Эдуардомъ въ различные періоды его царствованія за измѣну владѣльцевъ, составляли болѣе пятой части всего государства. Конечно Эдуардъ раздарилъ и промоталъ изъ этого много; однако остальное давало ему возможность дѣлать бо́льшія издержки, чѣмъ его предшественники. Кромѣ того онъ изобрѣлъ новый способъ собирать подати, не обращаясь къ парламенту. Многіе изъ его предшественниковъ, нуждаясь въ деньгахъ, налагали иногда насильственные налоги на богатыхъ купцовъ, число которыхъ при возрастающемъ благосостояніи Англіи постоянно умножалось. Эдуардъ IV

требовалъ отъ нихъ добровольныхъ добавочныхъ податей (benevolences); изъ парламентскихъ протоколовъ видно, что на эти налоги сильно нападали при Ричардѣ III. Парламентъ объявилъ тогда, что вымогательства, употреблявшіеся подъ именемъ добровольныхъ пожертвованій, уничтожены навсегда. Вообще пока Эдуардъ слѣдовалъ прозаическимъ совѣтамъ графа Варвика, ему везло во всемъ; впослѣдствіи же поэзія его любовныхъ похожденій и романическія обстоятельства его женитьбы навлекли на него немалыя затрудненія, вслѣдствіе которыхъ онъ долженъ былъ покинуть на нѣкоторое время свой престолъ и государство.

Эдуардъ съумѣлъ лишить Маргариту помощи Шотландіи; съ этой цѣлью онъ посватался за опекуншу шотландскаго короля Іакова III, вовсе не думая объ этомъ бракѣ; сверхъ того онъ подкупилъ грубаго и дикаго графа Росса, начальника острововъ. Однако Маргарита была неистощима въ своихъ вспомогательныхъ средствахъ и не боялась никакой опасности. Въ 1461 она рѣшилась искать помощи во Франціи. Сначала она поѣхала къ герцогу Бретанскому, Франциску II, который, хотя и долженъ былъ по своимъ тѣснымъ связямъ съ Филиппомъ Бургундскимъ щадить ея противника, Эдуарда IV, но былъ такъ великодушенъ, что подарилъ ей восемь тысячь кронъ на поѣздку въ Шинонъ къ Лудовику XI. Послѣдній, былъ ея естественнымъ защитникомъ и другомъ ея стараго отца, Рене I, однако не выказалъ къ ней никакого состраданія и дѣйствовалъ сообразно своимъ политическимъ видамъ и цѣлямъ. Онъ былъ очень вѣжливъ, оказывалъ королевѣ всевозможныя любезности, какъ своей близкой родственницѣ и вмѣстѣ съ ней крестилъ сына герцога Орлеанскаго и Маріи Клевской. Но онъ не намѣревался помогать ей, что видно уже изъ того, что во время ея пребыванія въ Шинонѣ онъ принималъ самымъ вѣжливымъ образомъ посланниковъ Эдуарда и давалъ имъ тайныя аудіенціи въ глазахъ королевы. Когда наконецъ Маргарита обѣщала позаботиться объ уступкѣ Франціи Кале, Лудовикъ велѣлъ выплатить ей двад-

цать тысячъ ливровъ и приказалъ сенешалю Нормандіи, Брезе, проводить ее съ двумя тысячами человѣкъ въ Англію. Но такъ какъ его считали способнымъ на всякую подлость и какъ Брезе съ такимъ незначительнымъ отрядомъ не могъ ничего сдѣлать, то французскаго короля обвиняли въ намѣреніи погубить сенешаля. Однако Брезе съ своимъ войскомъ дрался за Маргариту очень храбро.

Маргарита пробыла во Франціи пять мѣсяцовъ (съ мая до октября 1462 г.). Возвращаясь въ Англію, при высадкѣ на негостепріимные сѣверные берега, она потерпѣла значительныя потери, такъ что ни она, ни Брезе не могли даже соединиться съ Соммерсетомъ и Перси, храбро защищавшими крѣпости Бамборо, Донстанборгъ и Эльнвикъ, и королева была принуждена спасаться на рыбачей лодкѣ въ Бервикъ. Эдуардъ предоставилъ веденіе войны графу Варвику, который съ половины декабря 1462 г. осаждалъ вышеупомянутыя три крѣпости; Перси и Соммерсетъ, не имѣвшіе возможности долѣе противится королевскимъ силамъ, сдались на выгодную и почетную капитуляцію, условія которой были честно выполнены Варвикомъ и Эдуардомъ. Однако предводители ланкастерской партіи сами нарушили эту капитуляцію, когда для Генриха VI блеснулъ новый лучъ надежды. По условію капитуляціи Соммерсетъ и Перси сдали въ началѣ января 1463 крѣпости Бамборо и Донстанборгъ и дали присягу въ вѣрности королю Эдуарду, за что имъ было обѣщано возвращеніе имѣній и возстановленіе ихъ въ званіяхъ и титулахъ. За тѣмъ Эдуардъ отмѣнилъ съ согласія парламента приговоръ послѣдняго противъ Соммерсета и Перси (bill of attainder) и возвратилъ ихъ конфискованныя имущества. Кромѣ того онъ назначилъ первому ежегодную пенсію, а второму отдалъ Бамборо и Донстанборгъ. Нѣсколько другихъ лицъ изъ гарнизона крѣпостей, какъ лордъ Россъ и графъ Пемброкъ, не желали принять присяги и, согласно той же капитуляціи, были отосланы въ Шотландію.

Такъ какъ вся эта исторія, доставляющая богатые матеріалы драмѣ, похожа на романъ, и характеръ королевы Маргариты является героическимъ, то мы можемъ упомянуть здѣсь о происшествіи, которое, говорятъ, случилось съ ней зимою 1462—63 или весною 1464 г. (послѣ битвы при Гексгэмѣ). Можно, правда, сомнѣваться въ истинѣ этого разсказа, хотя здѣсь вовсе не мѣсто входить въ разборъ этого вопроса. Во всякомъ случаѣ извѣстіе это основано на весьма слабомъ свидѣтельствѣ хроники Монтреле. По его словамъ, Маргарита съ своими спутниками провела цѣлую зиму на шотландской границѣ, которая, какъ всякому извѣстно изъ романовъ Вальтеръ Скота, была населена геніальными разбойниками. Здѣсь, во время прогулки съ своимъ сыномъ, она заблудилась въ лѣсной чащѣ и попала въ руки разбойниковъ, которые совершенно ограбили ее и увели съ собой. Благодаря своей находчивости и присутствію духа, Маргарита съ сыномъ скоро успѣла спастись отъ нихъ, однако вслѣдъ затѣмъ наткнулась на другаго разбойника. Она спасла себя удивительной выходкой: завидѣвъ его, она прямо подошла къ нему и сказала: „мой другъ, я довѣряю сына вашего короля вашей добросовѣстности и вѣрности“. Разбойникъ тронулся этими словами, принялъ королеву и принца подъ свое покровительство и благополучно доставилъ ее къ ея спутникамъ

Такъ какъ крѣпости были потеряны, а Соммерсетъ и Перси передались королю Эдуарду, то Маргарита, все еще сопровождаемая и охраняемая Брезе, рѣшилась вторично оставить Англію съ своимъ сыномъ и возвратиться только тогда, когда удастся вновь собрать значительное число приверженцевъ ланкастерскаго дома. Мужа своего она перевезла въ замокъ Мерконетшайръ, а сама сѣла на корабль и благополучно достигла Слюиса во Фландріи. Здѣсь Филиппъ Добрый принялъ ее весьма дружески, не смотря на то, что находился въ хорошихъ отношеніяхъ съ Эдуардомъ, который еще недавно далъ ему удовлетвореніе за какіе-то разбои, совершенные англичанами на нидерландскомъ берегу.

Digitized by Google

Тѣмъ не менѣе Филиппъ не могъ отказать королевѣ въ гостепріимствѣ: онъ послалъ ее въ Баръ къ ея старому отцу, Рене I, подаривъ ей двѣ тысячи, а спутнику ея Брезе, удержавшему еще нѣсколько сотъ человѣкъ, тысячу кронъ и одаривъ деньгами пріѣхавшихъ съ нею дамъ. Пока Маргарита гостила у своего отца, приверженцы ея супруга вновь собрались на сѣверѣ Англіи, привлекли къ себѣ толпы пограничныхъ шотландцевъ, жившихъ войною и грабежомъ, вызвали Генриха изъ замка и передали начальство этому полупомѣшанному человѣку Услыхавъ объ этомъ, предводители послѣдняго предпріятія Маргариты, Соммерсетъ, Перси и лордъ Грей, рѣшились вторично встать во главѣ войска алой розы, не смотря на то, что Эдуардъ простилъ ихъ и старался даже разными милостями привлечь двухъ первыхъ на свою сторону. Грей овладѣлъ укрѣпленнымъ городомъ Эльнвикомъ, который такъ долго защищалъ прежде, а Соммерсетъ и Перси оставили свои имѣнія и различными путями отправились къ арміи Генриха. Однако одинъ изъ братьевъ графа Варвика, котораго Эдуардъ не задолго до этого сдѣлалъ лордомъ Монтэгю разрушилъ предпріятіе прежде, чѣмъ они успѣли соединиться съ Генрихомъ. Монтэгю, охранявшій границу восточную Англіи, двинулся противъ Перси, разбилъ 25-го апрѣля 1464 его войско и убилъ его самого; затѣмъ онъ немедленно выступилъ, чтобъ захватить герцога Соммерсета, имѣвшаго при себѣ только пятсотъ человѣкъ. Онъ настигъ герцога близь Гексгема. Самъ Соммерсетъ, въ началѣ спасшійся бѣгствомъ, былъ вскорѣ схваченъ и обезглавленъ. Вскорѣ послѣ этого Грей долженъ былъ сдать безусловно Бамборо Варвику, который занялъ и другія пограничныя крѣпости. Попавшіеся при этомъ въ плѣнъ лорды Русъ и Гёнгерфордъ, Тальботъ, графъ Кинъ и Джонъ Финдернъ, представители лучшихъ и благороднѣйшихъ фамилій Англіи, были безъ дальнѣйшихъ околичностей казнены въ Ньюкестлѣ, а сэръ Гёмфри Невиль съ двѣнадцатью другими знат-

ными господами — въ Іоркѣ. Грей, приговоренный къ смерти, былъ отвезенъ въ Донкестеръ къ королю и тамъ казненъ по позорному приговору. Приговоръ этотъ, прочитанный ему графомъ Уорчестеромъ (constable of England), въ особенности замѣчателенъ тѣмъ, что показываетъ, какимъ образомъ рѣшалась въ Англіи судьба жизни и имущества сотень людей, съ соблюденіемъ всѣхъ конституціонныхъ формальностей даже въ самыхъ ничтожныхъ дѣлахъ. Подстрочный переводъ этого приговора можно найти у Лингарда. Король Генрихъ VI счастливо ушелъ отъ своихъ враговъ при Гексгемѣ; но въ хроникахъ того времени повѣствуется весьма различно, какимъ образомъ укрывался онъ отъ нихъ впослѣдствіи. Самыя достовѣрныя извѣстія, съ которыми соглашается и Лингардъ, говорятъ, что онъ скрывался впродолженіи цѣлаго года у друзей своего дома въ Ланкашайрѣ и Уестморлендѣ, пока наконецъ какой-то монахъ выдалъ этого несчастнаго, добраго, но слабоумнаго человѣка. Въ іюлѣ 1465 года Генрихъ, садясь обѣдать, былъ арестованъ въ Уадингтонѣ въ Іоркшайрѣ. Его тотчасъ же выдали графу Варвику, который обращался съ нимъ самымъ недостойнымъ образомъ и велѣлъ запереть въ Тоуэръ, гдѣ Генриха держали впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ въ заперти, обращаясь впрочемъ довольно сносно.

Трое братьевъ Невилей были награждены блестящимъ образомъ. Старшій, графъ Варвикъ, занимался всѣми дѣлами, тогда какъ король предавался удовольствіямъ; второй, лордъ Монтэгю, получилъ титулъ графа Нортомберленда, принадлежавшій Перси; третій, Георгъ, былъ сдѣланъ архіепископомъ іоркскимъ. Вскорѣ однако они поссорились съ Эдуардомъ, такъ какъ послѣдній, заключивъ тайный бракъ, былъ поставленъ въ обстоятельства, которыя никакъ не могли согласоваться съ дружбою и въ особенности съ неограниченнымъ вліяніемъ Варвика. Этотъ тайный бракъ Эдуарда состоялъ въ слѣдующемъ. Жаклина Люксембургская, вдова герцога Бедфорда, о которомъ мы говорили выше (стр. 70—94) и

Digitized by Google

который былъ опекуномъ Генриха VI и протекторомъ государства, вышла вторично замужъ за Уайдвиля лорда Риверса и имѣла отъ него дочь, Елисавету, жену Джона Грея Гроби, убитаго во второй битвѣ при Сентъ-Ольбенсѣ. Риверсы жили съ дочерью въ Гревтонѣ, гдѣ король Эдуардъ однажды посѣтилъ ихъ. Елисавета воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы упасть на колѣни предъ королемъ и умолять его о возвращеніи конфискованныхъ имѣній ея супруга. Молодой король былъ до того очарованъ красотою Елисаветы, что не могъ болѣе разстаться съ ней, и въ отвѣтъ на ея слова, что хотя она ничтожна, но слишкомъ благородна, чтобы быть его любовницей, предложилъ ей свою руку. Онъ поставилъ необходимымъ условіемъ, чтобы бракъ содержался въ строжайшей тайнѣ. Поэтому историки спорятъ между собою, случилось ли это событіе въ 1463 или 1464 году; но, повидимому, нѣтъ никакого сомнѣнія, что Эдуардъ обручился съ Елисаветой въ мартѣ 1464 года, а 1-го мая послѣдовала свадьба. Лингардъ придерживается того же мнѣнія. Король воспользовался безпорядками, произведенными въ концѣ 1463 и въ началѣ слѣдующаго года приверженцами ланкастерскаго дома, чтобы собрать войско и отправиться подъ этимъ предлогомъ въ Стони Стратфордъ, гдѣ онъ вторично тайкомъ пробрался на нѣсколько часовъ въ Грефтонъ. Здѣсь онъ заставилъ какого-то священника обвѣнчать его, причемъ кромѣ герцогини Бедфордъ присутствовали лишь нѣкоторыя дамы герцогини и одинъ причетникъ. Черезъ два часа Эдуардъ возвратился въ Стони Стратфордъ. Вскорѣ послѣ этого онъ вторично отправился въ Грефтонъ и провелъ тамъ нѣсколько дней (отъ 7-го до 10-го мая) подъ предлогомъ большой охоты, причемъ его никогда не видали съ его молодой женой, съ которой онъ сходился только поздно вечеромъ. Свадьба до тѣхъ поръ сохранялась втайнѣ, пока (въ сентябрѣ 1464 года) партія ланкастерскаго дома была совершенно уничтожена и можно было пренебречь людьми, возведшими іоркскій домъ на престолъ; друзья и приверженцы

королевы, слѣдовательно союзники и родственники ланкастерскаго дома, стали получать мѣста и имѣвія и пользоваться вліяніемъ при дворѣ. Въ сентябрѣ Елисавета была представлена какъ королева собранію перовъ, созванныхъ нарочно для этого; въ церемоніи участвовали лица, наиболѣе враждебныя браку, именно графъ Варвикъ и братъ короля, герцогъ Клеревсъ; въ декабрѣ ей былъ назначенъ ежегодный доходъ въ четыре тысячи марокъ, а въ маѣ слѣдующаго года Эдуардъ торжественно короновалъ ее. Вся древняя аристократія Англіи оскорбилась тѣмъ, что Елисавета была не королевской крови. Быть можетъ это было главною причиной милостей, которыми Эдуардъ спѣшилъ осыпать всѣхъ родственниковъ своей жены, такъ какъ они нуждались преимущественно въ почестяхъ и богатствѣ, которыя имъ слѣдовало доставить женитьбами и богатыми подарками. Пять сестеръ королевы, были выданы за знатнѣйшихъ графовъ государства и богатѣйшаго герцога (Боккингема), такъ какъ это вполнѣ зависѣло отъ короля; изъ двухъ ея братьевъ, старшій получилъ въ замужество, по старанію короля, дочь умершаго лорда Скольса съ его баронскимъ титуломъ и имѣніями, а младшій, имѣвшій всего двадцать лѣтъ, женился на восьмидесятилѣтней, но очень богатой вдовѣ герцога Норфока. Сынъ Елизаветы отъ перваго брака былъ обвѣнчанъ съ племянницею короля, дочерью и наслѣдницею герцога Екзетера; отецъ королевы былъ возведенъ въ званіе графа и сдѣланъ государственнымъ казначеемъ, а потомъ лордомъ ковстэблемъ Англіи на мѣсто графа Уорчестера. Король осыпалъ Уайдевилей милостями также и потому, что началъ чувствовать себя стѣсненнымъ величіемъ, блескомъ и могуществомъ Невилей, которымъ былъ обязанъ престоломъ. Младшій изъ трехъ братьевъ Невилей былъ, какъ уже сказано, архіепископомъ іоркскимъ, второй, лордъ Монтэгю, графомъ Нортомберлендомъ, а старшій, графъ Варвикъ, соединялъ въ своемъ лицѣ всѣ высшія должности и жилъ съ королевскою пышностью. Кромѣ того Варвикъ былъ любимъ наро-

домъ, которому до того подслуживался своими подарками и гостепріимствомъ, что даже заботился объ его ростбифѣ *).

Вліяніе, пріобрѣтенное ланкастерской партіею при дворѣ Іорка, возбудило въ графѣ Варвикѣ непримиримую ненависть къ королю. Всѣ французскіе историки приписываютъ причину этой ненависти другому обстоятельству. Говорятъ, будто графъ Варвикъ, желавшій, чтобы король женился на Боннѣ Савойской, золовкѣ короля Лудовика XI, былъ посланъ съ этою цѣлью къ французскому двору и смертельно оскорбленъ извѣстіемъ о бракѣ Эдуарда съ леди Грей. Разсказъ этотъ въ высшей степени неправдоподобенъ уже потому, что Бонна Савойская пріѣхала во Францію спустя нѣсколько лѣтъ послѣ женидьбы Эдуарда; уже Генри показалъ въ своей англійской исторіи, а Лингардъ положительно доказалъ, что это не болѣе какъ выдумка. Явный разрывъ между Эдуардомъ и Невилями произошелъ лишь черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ женидьбы короля. Въ эту распрю былъ замѣшанъ бѣшеный Карлъ Бургундскій, тогда еще графъ де Шароле. Графъ Варвикъ и Карлъ Смѣлый были оба горды, высокомѣрны, грубы и смертельно ненавидѣли другъ друга. Поэтому когда послѣднему пришло въ голову искать союза съ Эдуардомъ, чтобы имѣть опору противъ Лудовика, какъ для себя, такъ и для герцога Бретанскаго, Варвикъ посовѣтовалъ Эдуарду соединиться съ Лудовикомъ XI противъ Карла. Уже въ 1465 году будущій кардиналъ Вильгельмъ Клюньи былъ отправленъ посланникомъ отъ Бургундіи, чтобы условиться о бракосочетаніи герцога съ сестрою Эдуарда, Маргаритою; ему однако было дано приказаніе тянуть

*) Когда онъ пріѣзжалъ въ Лондонъ, говоритъ Стоу, то жилъ такъ роскошно, что за завтракомъ съѣдалось до шести быковъ, и каждая таверна была полна его ростбифомъ. Каждый, имѣвшій въ его домѣ знакомыхъ, могъ получать столько вареннаго (sodden) или жаренаго мяса, сколько могъ унести на длинномъ ножѣ (dagger).

дѣло до тѣхъ поръ, пока король не рѣшится удалить Невилей, въ особенности же ненавистнаго графа Варвика. Дѣло протянулось полтора года, потому что лишь въ 1467 г. король явно выказалъ Невилямъ, что они надоѣли ему. Помолвка его сестры произвела совершенный разрывъ между ними. Варвикъ, бывшій еще губернаторомъ Кале, получилъ приказаніе ѣхать къ Лудовику XI въ Руанъ для переговоровъ о замужествѣ принцессы Маргариты; въ Руанѣ Лудовикъ принялъ его съ царскими почестями. Но пока онъ велъ тайные переговоры съ королемъ, которому приписывали всевозможное зло, бургундскіе послы пріѣхали въ маѣ 1467 въ Лондонъ, а въ іюнѣ Эдуардъ отнялъ собственноручно у брата Варвика, Георга, канцлерскую печать и принудилъ возвратить два большія имѣнія, подаренныя ему. По возвращеніи Варвика онъ принялъ очень холодно пріѣхавшихъ съ нимъ французскихъ посланниковъ. Съ этого времени графъ Варвикъ становился тѣмъ опаснѣе для короля, чѣмъ тѣснѣе послѣдній сближался съ врагомъ Варвика, графомъ Шароле, который въ іюнѣ 1467 сдѣлался герцогомъ Бургундскимъ. Уже въ октябрѣ сестра Эдуарда, Маргарита, была помолвлена за Карла Смѣлаго, а свадьба отложена до слѣдующаго года. При этомъ Эдуардъ заключилъ съ Карломъ Смѣлымъ тридцатилѣтній союзъ, доставившій герцогамъ Бургундскому и Бретанскому сильную опору противъ Лудовика XI.

Варвикъ продолжалъ грозить королю и сносился съ приверженцами ланкастерскаго дома; онъ совершалъ подозрительныя поѣздки на сѣверъ Англіи и говорилъ такъ громко противъ королевы и ея семейства, что Эдуардъ принялъ его весьма холодно; осенью 1467 Варвикъ удалился въ замокъ Миддльгемъ. Вскорѣ послѣ этого графъ отказался явиться ко двору, когда одинъ схваченный агентъ супруги Генриха VI прямо обвинилъ его въ содѣйствіи ея планамъ. Слѣдствіе, начатое по этому дѣлу было однако скоро прекращено, потому что братъ Варвика, архіепископъ іоркскій и отецъ королевы вмѣшались въ дѣло и примирили оба семейства.

Digitized by Google

Король былъ до того доволенъ этимъ примиреніемъ ближайшихъ родственниковъ своей супруги съ графомъ Варвикомъ, что возвратилъ архіепископу іоркскому оба имѣнія, недавно отнятыя у него. Мы видимъ также, что въ 1468 графу Варвику поручались весьма важныя дѣла и что въ іюлѣ того же года онъ былъ выбранъ, чтобы торжественно провезти по улицамъ Лондона сестру Эдуарда, Маргариту, причемъ Маргарита сидѣла на лошади позади Варвика, что должно было имѣть весьма странный видъ. Онъ же отвозилъ ее потомъ къ Карлу Смѣлому. Связи его съ герцогомъ Клеренсомъ, высказывавшимъ постоянно сильное неудовольствіе противъ брака своего брата, навлекли на нихъ подозрѣніе въ самыхъ опасныхъ замыслахъ, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ распространился слухъ о женидьбѣ герцога Клеренса на дочери Варвика. Король всячески старался воспрепятствовать этому браку, однако онъ былъ заключенъ въ іюлѣ 1469 въ Кале, гдѣ Варвикъ былъ совершенно независимъ.

Братъ Варвика графъ Нортомберлендъ держалъ себя совершенно спокойно до тѣхъ поръ, пока возстаніе въ Іоркшайрѣ, вспыхнувшее тотчасъ послѣ свадьбы его племянницы, дало ему поводъ собрать значительное войско. Оно было собрано будто-бы для короля, потому что все крестьянское населеніе Іоркшайра отказалось вносить установленную въ пользу какой-то больницы подать зерномъ. Графъ Нортомберлендъ усмирилъ крестьянъ въ короткое время. Вдругъ вмѣсто крестьянъ на сценѣ являются два большіе отряда подъ предводительствомъ лорда Латимера и Фицъ-Гога, племянника и двоюроднаго брата Варвика, подчиненныхъ старому опытному генералу Джону Коньерсу; рѣчь идетъ ужъ не о больницѣ, а о Уайдвиляхъ, хотя изъ лѣтописей не видно, какимъ образомъ совершилась эта перемѣна. Съ этого времени источники дѣлаются до того темными и разсказы современниковъ находятся въ такомъ противорѣчіи съ тѣмъ, что мы находимъ въ офиціальныхъ актахъ (rolls) и содержатъ столько очевидно ложныхъ романическихъ приключеній, что мы, чтобы не смѣшивать истиннаго съ

ложнымъ, должны удовольствоваться немногимъ, что намъ кажется несомнѣннымъ. Войска мятежниковъ, грозно требовавшихъ удаленія Уайднилей, были уже въ іюлѣ такъ сильны, что король, не надѣясь усмирить возстаніе силою, уступилъ, отославъ Уайднилей въ ихъ замки, и пригласилъ письменно своего брата Клеренса, графа Варвика и архіепископа іоркскаго, находившихся въ Кале, поспѣшить пріѣздомъ къ нему. Уже въ то время общій голосъ обвинялъ Варвика въ томъ, что онъ и его братья были причиною всѣхъ безпорядковъ; однако король въ своемъ письмѣ старался успокоить его. „Мы не хотимъ вѣрить, писалъ Эдуардъ, тому, что говорятъ о вашемъ неудовольствіи на насъ; мы думаемъ о нашемъ къ намъ довѣріи и расположеніи, и знайте, кузенъ, что вы намъ всегда любезны“.

Король не выступилъ лично противъ мятежниковъ, но отдалъ приказаніе графу Пемброку и Денону, изъ которыхъ первый былъ сдѣланъ лордомъ Гербертомъ, а второй лордомъ Стаффордомъ, соединить свои войска и аттаковать инсургентовъ. Планъ этотъ однако совершенно не удался, потому что Стаффордъ, заспоринъ о квартирахъ, удалился со своими стрѣлками, а Пемброкъ, лишенный ихъ и имѣя однихъ неопытныхъ милиціонеровъ, потерпѣлъ 26 іюля 1469 при Эджекотѣ, страшное пораженіе. Тогда много лицъ сдѣлались жертвами народной ненависти. Въ числѣ умерщвленныхъ такимъ образомъ находились Пемброкъ, его братъ сэръ Ричардъ Гербертъ и десять другихъ дворянъ. Стаффордъ также по всей вѣроятности былъ убитъ народомъ, какъ говоритъ Генри, а не по приказанію короля (потому что относительно фактовъ на Юма нельзя полагаться). Кромѣ того отецъ и одинъ изъ братьевъ королевы, найденные въ лѣсу, были казнены въ Нортемптонѣ; сомнительно однако, чтобы Варвикъ или Клеренсъ были виновниками этой казни, какъ увѣряютъ нѣкоторые. Варвикъ, Клеренсъ и архіепископъ іоркскій исполнили просьбу короля и пріѣхали въ Англію лишь послѣ битвы при Эджекотѣ, т. е. когда смуты въ государствѣ дошли до крайности и у

короля не было войска; оказалось, что Невили были причиною всѣхъ безпорядковъ, потому что войско мятежниковъ разошлось по приказанію Варвика, а предводители его обращались съ королемъ, какъ съ плѣнникомъ. Онъ долженъ былъ слѣдовать за ними сначала въ Варвикъ, а оттуда въ Миддльгемъ. Положеніе, въ которомъ находился король Эдуардъ, дало нѣкоторымъ писателямъ поводъ романически описать его плѣнъ и освобожденіе, вслѣдствіе чего Юмъ и Генри отрицаютъ все это событіе. Несомнѣнно однако, что когда графъ Варвикъ во главѣ всѣхъ своихъ силъ вознамѣрился выступить къ границѣ Шотландіи для подавленія новаго возстанія, вспыхнувшаго въ пользу Генриха VI, никто не хотѣлъ слѣдовать за нимъ, такъ что въ половинѣ августа онъ былъ принужденъ привезти короля въ Іоркъ и предоставить ему нѣкоторую свободу, пользуясь его именемъ, какъ государственною хоругвью. Это дало Варвику возможность выступить во главѣ приверженцевъ іоркскаго дома противъ ланкастерцовъ; приверженцы Генриха были побѣждены, а предводители ихъ казнены по приказанію короля, какъ сами недавно казнили его друзей. Но прежде чѣмъ Варвикъ выпустилъ короля изъ своихъ рукъ, онъ заставилъ его передать себѣ должность верховнаго судьи (office of Grand Justiciary) южнаго Уэльса и всѣ другія важныя должности, которыя занималъ Пемброкъ. Въ ноябрѣ Варвикъ оправдывался въ собраніи перовъ въ Лондонѣ въ участіи въ возстаніи; однако два обстоятельства доказываютъ намъ, что онъ дѣйствительно былъ виновникомъ возстанія и заключилъ съ королемъ, прежде чѣмъ освободилъ его, особый договоръ, предоставлявшій ему извѣстныя преимущества. Была объявлена общая амнистія, въ которой вовсе не упоминалось о больничной подати, служившей предлогомъ къ возстанію; сверхъ того сынъ графа Нортомберленда, къ которому впослѣдствіи должны были перейти имѣнія всѣхъ трехъ Невилей, былъ сдѣланъ страннымъ образомъ наслѣдникомъ престола: Эдуардъ съ согласія перовъ помолвилъ за него свое единственное дитя, 4-лѣтнюю дочь.

Digitized by Google

Однако примиреніе не могло быть прочнымъ, пока королева имѣла прежнее вліяніе на своего супруга и пока Варвикъ, какъ главноначальствующій въ Кале и пяти портахъ (warden of the cinque ports) и по многимъ другимъ должностямъ, удерживалъ въ своей власти флотъ и внутреннія дѣла государства. И дѣйствительно уже въ февралѣ 1470 потребовалось новое примиреніе. Король былъ приглашенъ своимъ братомъ Клеренсомъ и обоими Невилями на обѣдъ въ одинъ герфордшайрскій замокъ и, вообразивъ, что его желаютъ похитить, убѣжалъ въ Виндзоръ. Едва кончился этотъ споръ, какъ въ Линкольншайрѣ вспыхнуло возстаніе, явно подготовленное Варвикомъ и Клеренсомъ. На этотъ разъ однако они дѣйствовали плохо, потому что возстаніе было усмирено и предводители его казнены, прежде чѣмъ они успѣли выступить въ поле съ своими приверженцами. Послѣ того (въ мартѣ 1470 г.) Варвикъ и друзья его тщетно призывали своихъ вассаловъ къ оружію; король предупредилъ ихъ и, поспѣшивъ въ Іоркъ, издалъ прокламацію, въ которой положительно обѣщалъ примириться съ ними, если они оправдаются. Однако онъ отнялъ у нихъ многое, пожалованное въ прежнее время. Брата своего Клеренса онъ лишилъ ирландскаго намѣстничества, предоставленнаго ему, когда онъ былъ еще очень молодъ, съ правомъ передавать управленіе другому; король примирился съ сыномъ прежняго графа Нортомберленда, Перси, сидѣвшимъ еще въ Тоуэрѣ и бывшимъ ревностнымъ приверженцемъ ланкастерскаго дома; по этому поводу онъ отнялъ у брата Варвика данный ему титулъ, за что вознаградилъ его, но весьма недостаточно. За тѣмъ Эдуардъ отправился изъ Іорка въ Ноттингемъ, чтобы выступить противъ своего брата и союзника его Варвика, которые, не видя никакой возможности удержаться въ Англіи, сѣли на корабль въ Дартмутѣ (въ половинѣ апрѣля 1470 г.). Они искали убѣжища въ Кале, но не были впущены въ городъ, что весьма смутило Варвика. Гасконецъ Воклеръ, котораго Варвикъ оставилъ въ Кале

вице-губернаторомъ, не только не впустилъ ихъ въ городъ, но даже отказалъ въ пищѣ, въ которой они нуждались тѣмъ болѣе, что герцогиня Клеренсъ, дочь Варвика, разрѣшилась на кораблѣ отъ бремени. Двѣ бутылки вина, вотъ все, что предложилъ имъ Воклеръ. Коминъ говоритъ, что Воклеръ чисто по гасконски хвалился своимъ поведеніемъ передъ Эдуардомъ и передъ Варвикомъ. Послѣднему онъ сообщилъ, что народъ въ городѣ до того ожесточенъ, что онъ не будетъ въ состояніи защитить его и поэтому, желая сохранить для него губернаторство, не можетъ рѣшиться рисковать всѣмъ, чтобъ принять его. Варвикъ конечно долженъ былъ смолчать, но Эдуардъ щедро наградилъ хитраго гасконца.

Король французскій былъ очень доволенъ этими безпокойствами въ Англіи; не задолго до того онъ думалъ, что Варвикъ, король Эдуардъ и герцоги Бургундскій и Бретанскій соединятся, чтобы напасть на него; адмиралъ Бурбонскій, котораго онъ нарочно отправилъ посланникомъ въ Англію, чтобы шпіонствовать и сѣять раздоры, утвердилъ его въ этомъ мнѣніи. Онъ пришелъ въ смущеніе, принявъ дружески бѣглецовъ и дозволивъ имъ ввести ихъ призы во французскія гавани; въ тоже время онъ вредилъ своимъ флотомъ нидерландцамъ, хотя дѣлалъ видъ, что негодуетъ на морскіе разбои. Карлъ Смѣлый былъ до того озлобленъ на это, что написалъ грубое и рѣзкое письмо адмиралу Бурбонскому и архіепископу нарбоннскому, управлявшимъ королевскими морскими силами *). Лудовикъ присталъ наконецъ къ противникамъ Эдуарда, причемъ однако заключилъ условіе, чтобы они приняли подъ защиту племянницу его, Маргариту, супругу Генриха VI, все еще находившуюся въ Барѣ. Самъ онъ отправился въ Анжеръ, куда вскорѣ

*) Archevêque et vous, admiral, les navires. que vous dites avoir été mis de par le roi par encontre les Anglois, ont déja exploité sur la flotte de mes sujets rétonrnant en mes pays. Mais par saint Georges si l'on n'y pourvoit à l'aide de dieu, j'y pourvoirai sans vos congiés, ni vos raisons ni justices, car elles sont trop volontaires et longues.

пріѣхали Варвикъ и Маргарита, съ сыномъ Эдуардомъ; въ іюнѣ 1470 былъ заключенъ въ Амбуазѣ договоръ, который былъ однако слишкомъ неестественеиъ, чтобы можно было надѣяться когда нибудь выполнить его. Содержаніе этого договора доказываетъ намъ, что въ то время изъ Испаніи и Италіи стало распространяться по всей Европѣ дипломатическое искусство, уничтожающее всякую нравственность, которое въ наше время иногда доводится до крайнихъ размѣровъ. Младшая дочь Варвика должна была выйти замужъ за сына Генриха VI, котораго предполагали вновь посадить на тронъ, а Варвикъ при жизни его и во время малолѣтства его сына, долженъ былъ неограниченно управлять Англіею, именемъ Генриха и Маргариты. Въ случаѣ бездѣтной кончины принца, англійскій престолъ долженъ былъ перейти къ герцогу Клеренсу или его дѣтямъ. Лудовикъ, у котораго въ этомъ году родился наконецъ сынъ (Карлъ VIII), не упустилъ при этомъ изъ виду свою личную пользу тѣмъ болѣе, что нападеніе на Англію обошлось бы ему очень дорого.

Но въ это время герцогъ Клеренсъ догадался, что дѣйствуетъ во вредъ себѣ, помогая свергнуть своего брата и возстановить на престолѣ ланкастерскій домъ. Поэтому еще въ августѣ онъ увѣрилъ брата, что поможетъ ему, хотя пока не можетъ отступить отъ союза. Король Эдуардъ старался поддержать въ немъ ненависть къ ланкастерскому дому; съ этой цѣлью онъ отослалъ во Францію одну фрейлину герцогини Клеренсъ, остававшуюся въ Англіи, и черезъ нее вступилъ въ переговоры съ герцогомъ. Но будучи преданъ удовольствіямъ, онъ повидимому не принялъ никакихъ мѣръ, чтобъ воспрепятствовать переправѣ своихъ противниковъ или напасть на немногочисленное войско ихъ тотчасъ послѣ высадки; онъ даже оказывалъ благосклонность обоимъ братьямъ Варвика, архіепископу и графу Монтэгю. Напротивъ того, герцогъ Бургундскій съ нидерландскимъ флотомъ препятствовалъ отъѣзду Варвика изъ Франціи до сентября; но

графъ воспользовался осенними бурями и густымъ туманомъ и подъ прикрытіемъ французскаго флота счастливо переплылъ проливъ. Лудовикъ XI сильно опасался за успѣхъ экспедиціи и, подъ предлогомъ поклоненія Архангелу, отправился въ Монъ-Сенъ-Мишель, чтобы оттуда посмотрѣть, хорошо ли идетъ дѣло. При этомъ онъ завернулъ въ Авраншъ и потѣшался надъ дворянствомъ, которое, какъ привиллегированная королевская стража (pensiōnnaires du roi), пользовалось особыми преимуществами. Онъ сдѣлалъ ему смотръ, остался очень недоволенъ выправкой и вооруженіемъ и, купивъ множество червильницъ, роздалъ ихъ дворянамъ съ оскорбительною насмѣшкою *).

Беззаботный Эдуардъ, занятый любовными похожденіями, былъ озабоченъ мнимымъ возстаніемъ, виновникъ котораго, зять Варвика, вскорѣ бѣжалъ въ Шотландію. Такимъ образомъ короля не было въ Лондонѣ, когда, 13-го сентября Варвикъ высадился на англійскій берегъ; жители Кента возстали поголовно, и братъ Варвика внезапно перемѣнилъ бѣлую розу на алую и съ нѣсколькими тысячами человѣкъ направился къ Ноттингему, гдѣ находился Эдуардъ. Варвикъ же отправился черезъ Дартмутъ и Плимутъ въ Лондонъ. Королева Елисавета, остававшаяся въ столицѣ, бѣжала съ своими дочерьми въ алтарь уестминстерской церкви, гдѣ 4-го ноября родила сына, Эдуарда. Супругъ ея напрасно пытался собрать войско въ Донкастерѣ; лордъ Гестингсъ доказалъ ему, что онъ не можетъ довѣрять никому изъ окружающихъ; вслѣдствіе этого ему оставалось только поскорѣе добраться до моря. Онъ отправился съ своимъ братомъ, герцогомъ Глостеромъ, графомъ Риверсомъ и семью или восемью другими вельможами въ Бишопсъ-Лайнъ, на берегу Норфока. Здѣсь, онъ сѣлъ съ 800 всадниковъ на англійскій и два голландскіе корабля и отправился въ Нидерланды. Во время переѣзда онъ подвергся преслѣ-

*) Puisqu'ils étoient si peu en état de le servir par leurs armes, ils eussent du moins a le servir de leurs plumes.

дованію ганзейскихъ разбойниковъ и около Алькмара долженъ былъ посадить свои корабли на мель недалеко отъ берега. Его прибытіе въ Нидерланды поставило въ немалое затрудненіе его зятя Карла, о тогдашнихъ отношеніяхъ котораго къ Франціи мы уже упоминали (стр. 161); тѣмъ не менѣе онъ принялъ его весьма дружески и даже самъ выѣхалъ къ нему на встрѣчу въ Гагу. Эдуардъ испыталъ въ Кале отъ гасконскаго дипломата то же, что Варвикъ. Карлъ Смѣлый послалъ въ Кале Комина, чтобы удержать гасконца Воклера въ вѣрности Эдуарду. Но Воклеръ, заслышавъ о бѣгствѣ Эдуарда, объявилъ себя въ пользу Варвика, и Коминъ по самой сущности своего порученія очутился въ немалой опасности, но, будучи самъ хорошимъ дипломатомъ, тотчасъ же заговорилъ иначе. Его герцогъ также сдѣлалъ видъ, будто не имѣетъ намѣренія предпринимать что либо противъ короля Генриха VI.

Варвикъ и Клеренсъ съ торжествомъ вступили 6-го октября въ Лондонъ. 13-го числа того же мѣсяца король Генрихъ VI былъ снова превозглашенъ царствующимъ государемъ и проѣхалъ съ короною на головѣ по улицамъ города. Парламентъ, созванный Генрихомъ VI, объявилъ Эдуарда IV незаконнымъ правителемъ, передѣлалъ все по прежнему и установилъ правленіе и престолонаслѣдіе по Амбуазскому договору. Клеренсъ былъ вновь сдѣланъ правителемъ Ирландіи и сверхъ того получилъ значительныя имѣнія. Варвикъ былъ сдѣланъ оберкамергеромъ Англіи, начальникомъ (captain) Кале и лердомъ адмираломъ; брату его, архіепископу, былъ возвращенъ санъ канцлера, а другому, носившему со времени возстановленія Перси въ Нортомберлендѣ титулъ маркиза Монтэгю, званіе охранителя границъ (the wardenship of the marches). На этотъ разъ однако не было совершенно никакихъ жестокостей. Революція эта произошла осенью, а весною 1471 все это зданіе, построенное хитростью и коварствомъ Лудовика XI, рушилось: Клеренсъ находился съ давнихъ поръ въ сношеніяхъ съ Эдуардомъ, а Варвикъ не могъ поладить съ своими братьями.

Между тѣмъ Маргарита и ея сынъ, которому Лудовикъ оказывалъ необыкновенныя почести, впродолженіи цѣлой зимы задерживались противными вѣтрами во Франціи. Карлъ Смѣлый, которому теперь угрожала война со стороны Франціи и Англіи, не переставалъ поддерживать короля Эдуарда значительными денежными суммами и побуждалъ англійское дворянство пристать къ королю, когда онъ сдѣлаетъ попытку возвратить себѣ престолъ. Въ мартѣ 1471 Эдуардъ собралъ нѣсколько тысячъ англичанъ. Карлъ подарилъ ему пятьдесятъ тысячъ червонцевъ, нанялъ для него четырнадцать ганзейскихъ транспортовъ и приказалъ вооружить въ теръ-Верѣ четыре большихъ голландскихъ корабля. Съ этимъ флотомъ Эдуардъ вошелъ въ Гомберъ, высадилъ 14 марта свои войска при Ревенспорѣ въ томъ самомъ мѣстѣ, куда прежде присталъ Генрихъ VI, и отправился въ Іоркъ, гдѣ остановился на короткое время. Ходъ дѣла не предвѣщалъ ничего хорошаго, потому что онъ объявилъ, что хочетъ лишь возвратить себѣ отцовское наслѣдство, а въ Іоркѣ клялся передъ алтаремъ, что желаетъ быть только герцогомъ Іоркскимъ.

Варвикъ, который уже въ декабрѣ 1470 года узналъ о тайныхъ замыслахъ герцога Бургундскаго, принялъ еще въ январѣ такія удачныя предосторожности противъ высадки, что еслибы его братъ Монтэгю, герцогъ Клеренсъ и другіе, которымъ онъ довѣрялъ, остались ему вѣрны, то Эдуардъ былъ бы окруженъ и взятъ въ плѣнъ при самомъ выступленіи изъ Іорка. Однако Монтэгю, расположившись съ своимъ войскомъ у Понтефректа, не двинулся съ мѣста, когда Эдуардъ выступилъ изъ Іорка; быть можетъ, онъ ожидалъ соединенеія съ своимъ братомъ, хотя нѣкоторые писатели полагаютъ, что онъ имѣлъ довольно войска, чтобы окружить и уничтожить Эдуарда. Когда за тѣмъ Эдуардъ отправился къ Ноттингему, то народъ стекался къ нему со всѣхъ сторонъ. Говорятъ, что при Ноттингемѣ у него было 60 т. (конечно не солдатъ), вслѣдствіе чего онъ отказался отъ своего от-

реченія и принялъ королевскій титулъ. Тогда и Клеренсъ сбросилъ маску и, вмѣсто того чтобы, слѣдуя предначертанному плану, окружить короля, присоединился къ нему съ 12 т. человѣкъ своего войска. Варвикъ и Оксфордъ, стоявшіе близъ Ковентри, сочли неблагоразумнымъ вступать въ сраженіе и удерживать Эдуарда отъ похода на Лондонъ. По всей вѣроятности Варвикъ расчитывалъ, что братъ его, архіепископъ-канцлеръ, постарается о томъ, чтобы Лондонъ заперъ свои ворота королю. Разсчетъ этотъ однако не оправдался; напротивъ того, ночью архіепископъ впустилъ войска Эдуарда черезъ боковыя ворота въ городъ (11 апрѣля). Монтэгю же непонятнымъ образомъ очутился при Варвикѣ, который хотѣлъ напасть на Эдуарда въ самомъ Лондонѣ; но король вышелъ изъ Лондона на другой день послѣ вступленія въ него. Тогда обѣ партіи вознамѣрились рѣшить сраженіемъ судьбу алой и бѣлой розы. Вѣроломный Клеренсъ попробовалъ быть посредникомъ между Эдуардомъ и его противникомъ, но Варвикъ послалъ ему рѣзкій отвѣтъ (go and tell your master that Warwick true to his word is a better man then the false and perjured Clarence). Рѣшительное сраженіе произошло 14 апрѣля 1471 при Бернетѣ между Сентъ-Ольбенсомъ и Лондономъ. Побѣда осталась за Эдуардомъ, и Варвикъ съ своимъ братомъ Монтэгю пали въ битвѣ. Вся эта исторія похожа на историческій романъ или драму, поэтому нельзя не упомянуть здѣсь, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, Варвикъ потерпѣлъ пораженіе вслѣдствіе того, что войска его приняли звѣзду на знаменахъ Оксфорда за солнце хоругви Эдуарда, и что самъ Варвикъ противъ обыкновенія сражался пѣшкомъ, такъ что солдаты не видѣли его.

На другой день послѣ битвы королева Маргарита высадилась въ Англію съ своимъ несчастнымъ сыномъ, принцемъ Уэльскимъ. Она до того испугалась вѣсти о пораженіи, что скрылась въ церковь; однако по представленію Соммерсета, лорда Бьюфорта, графа Девоншайра и другихъ знатныхъ лицъ ея партіи,

она еще разъ стала во главѣ своихъ приверженцевъ и собрала довольно значительное число друзей ланкастерскаго дома. Но прежде чѣмъ графъ Пемброкъ, бѣжавшій въ Уэльсъ, успѣлъ соединиться съ нею, Эдуардъ вывелъ противъ нея правильное и побѣдоносное войско, которому не могли противиться наскоро собранные полки Маргариты. 4 мая Эдуардъ одержалъ при Тьюксбери вторую побѣду, и Маргарита съ сыномъ попались въ плѣнъ. Эдуардъ повезъ ее съ тріумфомъ въ Лондонъ и заключилъ въ Тоуэръ, откуда она была освобождена лишь черезъ пять лѣтъ. Съ сыномъ ея, принцомъ Уэльскимъ, поступили съ варварствомъ, достойнымъ норманскихъ разбойниковъ, которое впрочемъ вообще свойственно англійской аристократіи со времени трехъ первыхъ королей норманскаго племени и слѣды котораго, замѣтные доселѣ, весьма удобно уживаются рядомъ съ чопорностью и свѣтскимъ приличіемъ. Несчастнаго принца привели въ королевскую палатку, и Эдуардъ спросилъ его, что заставило его пріѣхать въ Англію. Когда онъ смѣло отвѣтилъ, что пришелъ затѣмъ, чтобы возвратить себѣ престолъ своего отца и свое наслѣдіе, король имѣлъ варварство ударить невиннаго мальчика въ лицо своей тяжелой рыцарской перчаткой; его братья, Клеренсъ и Глостеръ, или, надѣемся, ихъ слуги убили за это принца въ глазахъ короля. Совершивъ эту жестокость, Эдуардъ какъ тигръ бросился съ окровавленнымъ мечомъ въ церковь, гдѣ скрывались герцогъ Соммерсетъ, лордъ Сентъ-Джонсъ, шесть рыцарей и семь дворянъ. Эдуардъ непремѣнно желалъ собственноручно умертвить ихъ, но священникъ удержалъ его съ св. причастіемъ въ рукахъ и не допустилъ войти въ дверь. Черезъ два дня король послалъ въ церковь вооруженныхъ людей, которые вытащили несчастныхъ бѣглецовъ изъ ризницы и отвели ихъ на эшафотъ. Несчастный король Генрихъ VI тотчасъ послѣ битвы при Бернетѣ былъ посаженъ въ Тоуэръ и лишенъ жизни въ самый день въѣзда Эдуарда въ Лондонъ (22 мая). Лингардъ замѣчаетъ справедливо, что Генри ошибочно заключилъ изъ одного

примѣчанія Малона къ Шекспиру, что король былъ лишенъ жизни нѣсколькими недѣлями позже. Чтоже касается самого акта убійства, то, хотя позднѣйшіе писатели и говорятъ, будто братъ Эдуарда, Ричардъ Глостеръ, собственноручно закололъ кинжаломъ несчастнаго короля или, по крайней мѣрѣ, приказалъ убить его; но мы не желаемъ повторять этого разсказа, потому что не думаемъ чернить Эдуарда и его братьевъ болѣе, чѣмъ они уже очернены къ несчастью самыми событіями.

Длинный рядъ именъ вельможъ и дворянъ, казненныхъ вслѣдъ за этимъ, не относится къ этому сочиненію. Мы упомянемъ лишь о судьбѣ архіепископа іоркскаго, измѣнившаго своимъ братьямъ. Въ продолженіи всего 1471 года король обращался съ нимъ весьма дружески, но въ началѣ слѣдующаго велѣлъ внезапно арестовать. Пригласивъ архіепископа на охоту и роскошно угостивъ его, король обѣщалъ пріѣхать къ нему въ Муръ въ Герфордшайрѣ. Архіепископъ сдѣлалъ большія приготовленія къ пріему короля, пригласилъ все окрестное дворянство на пиръ и добылъ всю свою серебряную посуду, которую скрывалъ со времени высадки Эдуарда; но вдругъ совершенно неожиданно онъ былъ потребованъ къ королю въ Виндзоръ и арестованъ здѣсь подъ тѣмъ пустымъ предлогомъ, что давалъ взаймы деньги графу Оксфорду, командовавшему вмѣстѣ съ Варвикомъ при Бернетѣ. Эдуардъ держалъ его въ заключеніи то въ Англіи, то въ Гізни и освободилъ только въ 1476, не задолго до его смерти. Тотчасъ послѣ его ареста король захватилъ всѣ его доходы и посуду, а изъ его митры, украшенной драгоцѣнными каменьями, сдѣлалъ себѣ корону, раздѣливъ остальной жемчугъ и каменья съ своимъ сыномъ, родившимся въ церкви.

Царствованіе Эдуарда было сурово и кроваво; онъ собралъ громадныя богатства, источникъ которыхъ мы видѣли выше, и во всемъ государствѣ не было ни малѣйшаго слѣда сопротивленія или безпорядковъ. Послѣднее впрочемъ не должно удивлять насъ, потому что, какъ намъ извѣстно, Эдуардъ имѣлъ наемныя

войска, а значительная часть безпокойнаго населенія Англіи погибла. Филиппъ Коминъ разсказываетъ, что сраженіе при Тьюксбери было двѣнадцатою кровопролитною битвою въ войнѣ алой и бѣлой розъ, въ теченіе которой погибло въ битвахъ и на эшафотѣ шестьдесятъ принцевъ королевскаго дома, больше половины дворянства и до шестидесяти тысячъ человѣкъ другихъ сословій. Мы обойдемъ молчаніемъ жестокости и насилія Эдуарда противъ разныхъ вліятельныхъ лицъ и бросимъ лишь взглядъ на двухъ его братьевъ, Георга Клеренса и Ричарда Глостера, которые были еще хуже его. Они захватывали все, что только могли и своею алчностью досаждали королю болѣе, чѣмъ явные враги его. Старшій братъ, Георгъ Клеренсъ, требовалъ себѣ все громадное наслѣдство Варвика на томъ основаніи, что былъ женатъ на его старшей дочери; младшій, Ричардъ Глостеръ, хотѣлъ жениться на ея сестрѣ, чтобъ имѣть право на часть добычи. Оба не обращали ни малѣйшаго вниманія на то, что вдовѣ Варвика, Аннѣ, по закону, слѣдуетъ не только часть наслѣдства ея отца и братьевъ, но и доля изъ имущества ея супруга; они оставили ее впослѣдствіи въ такой бѣдности, что она была принуждена снискивать пропитаніе иголкою. Клеренсъ кромѣ того похитилъ у матери младшую дочь и держалъ ее у себя какъ кухарку, чтобъ братъ его не могъ жениться на ней. Однако Ричардъ отыскалъ ее и женился. Но Клеренсъ поклялся, что не подѣлится съ братомъ имѣніями (he should not part the livelyhood with him), и между ними возгорѣлся непримиримый споръ, поконченный наконецъ особымъ закономъ (act of parliament). Съ такою же готовностью парламентъ допустилъ раззорить сына Монтэгю. Было постановлено, что имѣнія, находившіяся прежде во владѣніи маркиза Монтэгю, должны до тѣхъ поръ оставаться у герцоговъ Клеренса и Глостера, пока живъ хотя одинъ мужескій потомокъ маркиза. Однако братья продолжали враждовать другъ съ другомъ, и Ричардъ, дьявольскій характеръ котораго могъ описать только великій поэтъ, какъ Шекспиръ, или историкъ, подобный

завоевательныхъ плановъ короля Эдуарда по десятой части своихъ доходовъ; парламентъ, не расходившійся, за исключеніемъ кратковременныхъ отпусковъ, въ теченіи трехъ съ половиной лѣтъ, давалъ ему одну субсидію за другой, такъ что король уже съ 1472 могъ содержать постоянную армію въ 13 т. стрѣлковъ. Въ теченіи этихъ трехъ лѣтъ налоги, изобрѣтенные Эдуардомъ (стр. 301), были особенно тягостны; онъ не стыдился выпрашивать деньги у всѣхъ состоятельныхъ людей и называлъ вынужденную такимъ образомъ подать добровольнымъ пожертвованіемъ (benevolence).

Выполненіе сумасброднаго плана раздѣла Франціи постоянно откладывалось. Герцогамъ Бургундскому и Бретанскому не удалось во время выступить въ походъ, потому что агенты Лудовика, разсѣянные повсюду, возбуждали противъ нихъ непріятелей, безпокойства и предательство. Проискамъ ихъ въ особенности подвергался герцогъ Бургундскій въ 1473 и 1474 годахъ; при томъ въ это время онъ былъ занятъ другими нелѣпыми предпріятіями въ Гельдернѣ, Трирѣ и Кёльнской войнѣ. Такимъ образомъ герцоги въ теченіи почти двухъ лѣтъ принуждены были заключать повременамъ перемиріе съ французскимъ королемъ; за то Эдуардъ былъ постоянно на готовѣ и выжималъ изъ своего народа огромныя суммы. Наконецъ въ іюлѣ 1474 проэктъ или вѣрнѣе химера стала повидимому принимать серьезный оборотъ. 21 іюля былъ заключенъ формальный наступательный и оборонительный союзъ между Англіею и Бунгундіею, не смотря на то, что Карлъ былъ занятъ осадою Нуйса. Англійское войско подъ личнымъ начальствомъ короля должно было высадиться въ Гіэни или Нормандіи, послѣ чего Эдуардъ заявилъ бы свои притязанія на французскій престолъ, а Карлъ поддержалъ бы его своею арміею. Англійскій король обѣщалъ отдать герцогу Бургундскому Шампань, Баръ, Неверъ и города на Соммѣ, удержавъ за собою лишь право короноваться въ Реймсѣ королемъ Франціи. Герцогу Бретанскому было обѣщано Пуату. Король

Іаковъ шотландскій былъ также приглашенъ приступить къ союзу противъ Франціи; но онъ отказался и даже первый далъ королю Лудовику подробное свѣдѣніе о грозившей ему опасности. Однако Эдуардъ съумѣлъ отклонить деньгами шотландскаго короля отъ союза съ Франціей; при этомъ онъ издержалъ гораздо меньше, чѣмъ обыкновенно тратилъ плебейскій король Франціи. Онъ выдалъ за Іакова III свою дочь Цецилію и обѣщалъ дать за ней въ приданое значительную сумму наличными деньгами, но вмѣсто того разсрочилъ уплату на нѣсколько лѣтъ; такимъ образомъ, когда между Англіей и Франціей началась война, шотландскій король находился на жалованьи у Эдуарда.

Намѣреваясь переправиться во Францію, Эдуардъ отправилъ къ французскому королю герольда съ манифестомъ о войнѣ, написанномъ, по словамъ Комина, прекраснымъ слогомъ (conçu en beau langage et en beau style). Онъ надменно требовалъ, чтобы Лудовикъ уступилъ ему престолъ. Лудовикъ былъ слишкомъ хорошимъ дипломатомъ, чтобъ отвѣчать на это дерзостями. Обыкновенно разсказываютъ, со словъ одного лѣтописца, что онъ послалъ въ Англію кабана, волка и осла, давъ такимъ образомъ насмѣшливый аллегорическій отвѣтъ; но разсказъ этотъ ложенъ. Уже въ теченіи двухъ лѣтъ англійская нація желала войны болѣе, чѣмъ самъ Эдуардъ и принесла для этого предпріятія большія жертвы; зная это, Лудовикъ поступилъ самымъ вѣжливымъ образомъ. Онъ вообще терпѣть не могъ аристократическихъ и благородныхъ манеръ и, позвавъ герольда въ свою комнату, сказалъ ему: „передайте вашему государю, что я очень хорошо знаю, что мой добрый другъ Эдуардъ не зачинщикъ объявленной войны, а что коннетабль Сенъ-Поль и герцоги Бретанскій и Бургундскій своими тайными происками возбудили англійскій народъ, вслѣдствіи чего нижняя палата принудила короля къ подобному поступку. Но Эдуардъ увидитъ, что изъ этого ничего путнаго не выйдетъ, потому что для короля Англіи было бы гораздо приличнѣе и славнѣе жить въ согласіи съ равнымъ ему госуда-

ремъ, чѣмъ знаться съ мятежными подданными. Какіе бы раздоры не возникали между королями, послѣдніе никогда не должны поддерживать другъ у друга бунтъ.“ Затѣмъ Лудовикъ далъ герольду 300 червонцевъ и подарилъ кусокъ кармазиннаго бархату; онъ хотѣлъ, чтобы посланный разсказывалъ всѣмъ о щедрости короля въ отношеніи тѣхъ, которые оказываютъ ему услугу. Разсчетъ его былъ вѣренъ: впослѣдствіи оказалось, что всѣ, имѣвшіе какое нибудь вліяніе на Эдуарда, были на жалованіи у Лудовика.

Эдуардъ высадился во Франціи съ 1500 кирасиръ (gens d'armes) и 15 т. стрѣлковъ. Расположившись лагеремъ при Кале, онъ поджидалъ армію герцога Бургундскаго и надѣялся, что коннетабль Сенъ-Поль впуститъ его въ Сенъ-Кантенъ. Но и тотъ и другой обманули его. Англичане показались подъ Сенъ-Кантеномъ, но когда по совѣту герцога Бургундскаго они подошли къ городу, коннетабль велѣлъ даже стрѣлять въ нихъ. Карлъ потерпѣлъ подъ Нуйсомъ такія потери, что долженъ былъ возстановить свое войско; при томъ онъ болѣе помышлялъ объ отмщеніи герцогу Лотарингскому, чѣмъ о поданіи помощи англійскому королю. Онъ прибылъ въ Кале, но свиданіе двухъ гордыхъ и надменныхъ государей кончилось сильной ссорой, вслѣдствіе которой Карлъ уѣхалъ и болѣе не возвращался.

Король Лудовикъ воспользовался гнѣвомъ Эдуарда на своихъ союзниковъ, призвавшихъ его во Францію, чтобъ избавиться отъ незванныхъ гостей; при этомъ онъ питалъ полное равнодушіе къ мнѣнію своихъ рыцарственныхъ современниковъ касательно его поступковъ. Къ нему явился одинъ французскій простолюдинъ, взятый англичанами въ плѣнъ и выпущенный на свободу, по тогдашнему обычаю освобождать перваго плѣнника, взятаго на войнѣ. Лорды Стэнли и Говардъ поручили этому человѣку передать французскому королю дружеское привѣтствіе; Лудовикъ съ свойственной ему проницательностью угадалъ, что Эдуардъ желаетъ

вступить съ нимъ въ переговоры черезъ этихъ лордовъ. Въ то же время его вѣрный взглядъ открылъ, что гасконецъ Мерендо, котораго онъ видѣлъ всего разъ, можетъ служить ему съ пользою въ этихъ переговорахъ. Мерендо былъ ла-рошельскимъ меромъ и по своему общественному положенію не годился ни въ посланники, ни въ герольды; когда Коминъ предложилъ ему отъ имени короля это порученье, онъ положительно воспротивился принять его, и Коминъ просилъ короля выбрать кого нибудь другого. Но король стоялъ на своемъ и, отправившись лично къ Мерендо, успѣлъ уговорить его. Тогда Мерендо былъ наряженъ герольдомъ и посланъ въ англійскій лагерь, гдѣ доказалъ, что выборъ короля былъ вполнѣ удаченъ; его искусная рѣчь убѣдила короля Эдуарда и вельможъ, составлявшихъ его военный совѣтъ, согласиться на предложеніе Лудовика созвать конгресъ для заключенія перемирія и назначить немедленно уполномоченныхъ.

Представителями Франціи на конгрессѣ были назначены адмиралъ Бурбонскій, сеньеръ де Сенъ Піерръ и епископъ эврёсскій; со стороны Англіи лорды Говардъ и Ченэ, архіепископъ кентерберійскій и докторъ богословія Мортонъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи архіепископомъ и канцлеромъ Англіи. Эти господа съѣхались въ одной деревнѣ близь Аміена и съ 13 августа 1475 г. совѣщались объ условіяхъ перемирія; тѣмъ временемъ Лудовикъ постарался найти средство для того, чтобъ дать благопріятный оборотъ дипломатическимъ переговорамъ. Онъ послалъ въ Парижъ вѣрныхъ людей, поручивъ имъ занять денегъ на свое имя, потому что, во-первыхъ зналъ, что ему самому никто не повѣритъ въ долгъ, а во-вторыхъ не хотѣлъ, чтобы знали о назначеніи этихъ денегъ. Королевскіе агенты заняли со всѣхъ сторонъ большія суммы, овладѣли судебными и сберегательными кассами и достали денегъ у совѣтниковъ и президентовъ судовъ. Король велѣлъ канцлеру Доріолю приложить большую государственную печать къ шести пергаментнымъ бланкамъ (blancs-seings); на нихъ господа, которыхъ онъ хотѣлъ подкупить должны

были написать собственноручно сколько имъ слѣдуетъ за ихъ услуги. Вслѣдствіе подобныхъ мѣръ переговоры кончились такъ быстро, что уже 29 августа 1475 между Англіей и Франціей былъ заключенъ договоръ. Алчный и расточительный англійскій король и на этотъ разъ предпочелъ деньги всему прочему; Лудовикъ же дѣйствовалъ умно, хотя, правда, не совсѣмъ благородно и великодушно, основываясь на томъ убѣжденіи, что исходъ войны сомнителенъ, и что война во всякомъ случаѣ будетъ стоить гораздо дороже взятокъ и подкуповъ. Писатели утверждаютъ впрочемъ, что при переговорахъ англичане требовали сперва всю Францію, потомъ лишь нѣсколькихъ провинцій и наконецъ только дани подъ благовиднымъ названіемъ пенсіи; но офиціальные источники, представляемые англійскими историческими документами, опровергаютъ это показаніе. Лудовикъ обязался уплатить Эдуарду въ теченіи 14 дней 150 тысячъ талеровъ (75 т. crowns) и сверхъ того ежегодно, пока онъ и Эдуардъ живы, по 100 тысячъ талеровъ (50 тысячъ crowns). Кромѣ того торговыя сношенія между Англіей и Франціей освобождались на семь лѣтъ отъ пошлинъ. Въ заключеніе постановлялось, что старшая дочь Эдуарда, Елисавета, выйдетъ замужъ за дофина, а такъ какъ послѣдній еще дитя, то будетъ перевезена на счетъ Лудовика во Францію на воспитаніе; съ той минуты, какъ бракъ будетъ объявленъ, она будетъ получать по 60 т. ливровъ ежегодно. При заключеніи этого мира Лудовикъ похлопоталъ о своей племянницѣ, Маргаритѣ Анжуйской, вдовѣ короля Генриха VI, которую онъ впрочемъ самъ же лишилъ наслѣдства ея отца. Онъ заплатилъ 50 тысячъ кронъ за освобожденіе Маргариты изъ Тоуэра. Несчастная королева была привезена 20 января 1476 Томасомъ Монгоммери во Францію; передъ отъѣздомъ ее заставили отказаться въ пользу Эдуарда отъ англійскаго престола, приданнаго и вдовьяго содержанія; за это Эдуардъ въ насмѣшку отказался отъ притязаній на ея владѣнія. За свой выкупъ изъ плѣна Маргарита предоставила французскому королю

и его наслѣдникамъ права на Лотарингію, которыхъ не имѣла. По заключеніи договора Лудовикъ и Эдуардъ имѣли свиданіе на мосту Пекиньи, при чемъ ихъ раздѣляла рѣшетка, черезъ которую они облобызались. Такъ какъ при свиданьи этомъ были постановлены еще нѣкоторыя условія, то договоръ, заключенный между Франціей и Англіей, носящій обыкновенно имя аміенскаго, называется иногда пекиньинскимъ. Французскій король пригласилъ было англійскаго въ Парижъ, но вскорѣ спохватился и употреблялъ всѣ усилія, чтобъ побудить Эдуарда чрезъ его подкупленныхъ друзей вернуться въ сентябрѣ въ Англію, въ чемъ и успѣлъ.

Договоромъ въ Пекиньи Лудовикъ предоставилъ англійскому королю всѣ выгоды, какихъ онъ могъ ожидать; за это онъ вознаградилъ себя поступками съ герцогомъ Бретанскимъ и съ коннетаблемъ Люксанбурскимъ графомъ де Сенъ-Полемъ. Черезъ своего посланника онъ рѣзко упрекалъ герцога за союзъ съ Англіей и Карломъ Смѣлымъ, и герцогъ долженъ былъ считать милостью, что Лудовикъ ограничился неразрывнымъ соединеніемъ Бретани съ Франціей посредствомъ договора, заключеннаго въ Сапли. Обязательства, принятыя въ этомъ договорѣ обѣими сторонами, были, повидимому, совершенно равны; но извѣстно, что подобный союзъ при неравенствѣ силъ договаривающихся бываетъ тягостенъ для слабѣйшаго. Графу де-Сенъ-Полю пришлось еще хуже; Лудовикъ не преслѣдовалъ его, пока онъ могъ ему повредить. Но вскорѣ жена Сенъ-Поля умерла, его братъ покинулъ его и бѣжалъ къ Лудовику, когда король сталъ готовиться схватить коннетабля; Лудовикъ заковалъ въ цѣпи его сына и требовалъ за его освобожденіе 40 т. талеровъ, которыхъ графъ не могъ уплатить; наконецъ онъ былъ покинутъ своими вѣрнѣйшими друзьями, Жанли и Муи, не хотѣвшими попасть въ его бѣду. Вслѣдствіе всего этого Сенъ-Поль обратился къ Карлу Смѣлому, хотя недавно обманулъ его. Онъ просилъ герцога Бургундскаго защитить его отъ непримиримой и жестокой мести французскаго короля и предлагалъ ему за это всѣ свои крѣпости. Карлъ по-

слалъ ему охранную грамоту и приготовился занять Сенъ-Кантенъ; однако Лудовикъ предупредилъ бургундцевъ и, выступивъ съ 20 т. войска противъ городовъ коннетабля, занялъ Сенъ-Кантенъ, Гамъ, Богенъ и Борвуаръ. Коннетабль былъ принужденъ бѣжать къ герцогу Бургундскому, который охотно бы спасъ его, но Лудовикъ потребовалъ выдачи Сенъ-Поля и грозилъ въ случаѣ отказа вступить въ Лотарингію и аттаковать Карла съ тыла. Сверхъ того онъ подкупилъ жестокихъ министровъ Карла, Гюгоне и д'Имбрекура. Они совѣтовали герцогу выдать Сенъ-Поля и торопили выдачу, вмѣсто того чтобы отсрочивать ее, какъ желалъ Карлъ. Коннетабль былъ выданъ на границѣ адмиралу Бурбонскому и де-Сенъ-Піерру. Черезъ три часа послѣ этого пришелъ приказъ Карла, отмѣнявшій это распоряженіе. Сенъ-Поль былъ представленъ въ судъ, въ которомъ засѣдали канцлеръ Доріоль, президентъ Буланжъ, парижскій губернаторъ президентъ Готье и нѣсколько президентовъ, совѣтниковъ, прокуроровъ, членовъ коммисіи прошеній (maîtres des requêtes) и генералъ-адвокатовъ. Онъ былъ посаженъ въ Бастилію подъ присмотръ Сенъ-Піерра; парламентъ безъ труда призналъ его виновнымъ въ государственной измѣнѣ, потому что Эдуардъ и герцогъ Бурбонскій сообщили королю его измѣнническую переписку и документы за его печатью. Какъ государственный измѣнникъ, онъ былъ лишенъ всѣхъ почестей и отличій и казненъ передъ парижской ратушей (декабрь 1475 г.).

Въ Англіи Эдуардъ послѣ своего возвращенія продолжалъ всѣми средствами вымогать деньги и расточать ихъ на удовлетвореніе самыхъ грубыхъ и пошлыхъ страстей; въ молодости онъ былъ первымъ красавцемъ Англіи, но эти страсти обезобразили и изуродовали его и наконецъ свели въ могилу на 41 году жизни. Онъ дѣйствовалъ съ необычайною строгостью противъ разбойниковъ, которыхъ въ то время было множество во всѣхъ странахъ и которые состояли изъ распущенныхъ солдатъ и рыцарей, жившихъ грабежемъ. Онъ разъѣзжалъ съ судьями по

государству, преслѣдуя разбои съ неумолимою строгостью и побуждая судей къ такимъ же мѣрамъ. Однако Эдуардъ, подобно Лудовику, былъ очень любимъ низшими классами; конфискаціи и подарки, вынужденные у дворянства, доставили ему столько денегъ, что онъ могъ содержать дворъ на свой счетъ и не имѣлъ надобности прибѣгать къ поборамъ съ народа. Если вѣрить хроникамъ, то онъ самъ выпрашивалъ милостыню и довольствовался весьма незначительной подачкой. Объ этомъ можно судить по одному анекдоту, за который мы однако не ручаемся, не смотря на то, что онъ помѣщенъ и у Юма. Говорятъ, что онъ принялъ въ подарокъ отъ одной старой дѣвы 20 фунтовъ и даже поцѣловалъ ее, когда она вручила ему деньги; это до того понравилось ей, что она дала ему вмѣсто обѣщанныхъ двадцати — сорокъ фунтовъ. У богатыхъ онъ вымогалъ деньги всевозможными средствами, возвышалъ пошлины и жестоко наказывалъ таможенныхъ приставовъ за недоимки. Съ духовенства онъ бралъ десятину за то, что изъ милости не лишилъ его имущества. Коронные вассалы принуждены были безпрестанно платить ему пени, такъ какъ безчисленныя формальности и мелочныя постановленія леннаго права лишали ихъ возможности избѣгать придирокъ его кровопійцъ-чиновниковъ. Парламентъ помогалъ ему во всѣхъ насиліяхъ. Такъ, онъ издалъ несправедливый законъ, имѣвшій обратное дѣйствіе, въ силу котораго король могъ отнимать свои прежніе дары, если находилъ ихъ слишкомъ щедрыми (act of resumption).

Эдуардъ воспользовался этимъ закономъ противъ всѣхъ и даже противъ родного брата, герцога Клеренса. Герцогъ былъ очень обиженъ этимъ, потому что былъ также алченъ, какъ и его братъ и награбилъ громадныя богатства. Онъ удалился съ ропотомъ отъ двора, громко бранился, а въ совѣтѣ хранилъ упорное молчаніе. Вражду братьевъ усиливало то обстоятельство, что жена герцога Клеренса заболѣла послѣ родовъ и умерла, и онъ сталъ искать руки дочери Карла Смѣлаго, Маріи.

Его обвиняли въ отравленіи жены, но вѣроятно это была клевета. Тѣмъ не менѣе вскорѣ послѣ ея смерти, Клеренсъ посватался за Марію, причемъ ему помогала ея сестра, вдовствующая герцогиня Бургундская. Соперникомъ его былъ графъ Риверсъ, зять Эдуарда, и король хлопоталъ за него во вредъ своему брату; поэтому съ этого времени ненависть Клеренса достигла крайней степени; на него стали смотрѣть, какъ на человѣка, домогающагося престола и старались всячески погубить. Писатели единогласно утверждаютъ, что погибели его способствовалъ его второй братъ, адскій Ричардъ Глостеръ. Однако мы не знаемъ ничего положительнаго въ этомъ отношеніи. Чтобы взвести на Клеренса подозрѣніе въ отравленіи своей супруги, враги его арестовали одну изъ ея служанокъ, подвергли ее пыткѣ, вынудили такимъ образомъ признаніе и казнили. Затѣмъ начали пошлый процессъ противъ его друзей и служителей, надѣясь впутать и его. Люди эти были, секретарь герцога, священникъ Стеси, называемый въ хроникахъ его слугою, и свободный землевладѣлецъ (gentleman), Томасъ Бёрдетъ; въ его имѣніи король убилъ бѣлаго оленя, за что онъ очень разсердился и произнесъ необдуманныя слова, о которыхъ мы упомянули выше (стр. 229). Однако онъ былъ казненъ вовсе не за это: его и Стеси обвиняли въ гаданьѣ о судьбѣ короля и Клеренса, который имъ покровительствовалъ, и въ распространеніи возмутительныхъ балладъ и пѣсенъ. Такъ какъ въ то время въ Англіи, какъ и въ другихъ государствахъ, была въ ходу пытка, то ихъ принудили сознаться во всемъ. Судъ, осудилъ ихъ за это астрономическое или, если угодно, астрологическіе гаданіе и приговорилъ къ смерти; онъ состоялъ изъ земскихъ судей и большей части свѣтскихъ перовъ, необратившихъ никакого вниманія на то, что подсудимые взяли назадъ свои показанія, вынужденныя пыткою и клялись на эшафотѣ въ невинности.

Во время этого процесса Клеренсъ находился въ Ирландіи; по возвращеніи оттуда, онъ рѣзко порицалъ это убійство, и въ

сопровожденія почтеннаго и уважаемаго священника Годарда, сопровожавшаго казненныхъ на эшафотъ, отправился въ Уестминстеръ, гдѣ находились судьи. Онъ всенародно ругалъ ихъ, утверждая, что осужденные клялись въ невинности даже на послѣдней исповѣди. Объ этомъ донесли королю, находившемуся тогда въ Виндзорѣ; онъ тотчасъ отправился въ Лондонъ, призвалъ своего брата и порицалъ его за презрѣніе, выказанное судьямъ, суду и правительству. Между братьями произошла сильная ссора, и Клеренсъ въ присутствіи шерифовъ и лорда-мера былъ отправленъ въ Тоуэръ; затѣмъ король лично обвинилъ его въ парламентѣ, причемъ въ одно и то же время былъ и обвинителемъ и свидѣтелемъ; судьи не нуждались ни въ доказательствахъ, ни въ уликахъ, и Клеренсъ тщетно требовалъ судебнаго поединка, который, какъ извѣстно, имѣлъ въ Англіи юридическую силу до XIX вѣка, хотя и не употреблялся. Обвиненія, представленныя Эдуардомъ, были нелѣпы; мы упомянемъ здѣсь только объ одномъ, такъ какъ впослѣдствіи Ричардъ Глостеръ, этотъ дьяволъ въ человѣческомъ образѣ, воспользовался имъ противъ несчастныхъ сыновей Эдуарда. Эдуардъ говорилъ между прочимъ, будто Клеренсъ утверждалъ, что король сынъ любовника, а не мужа своей матери. Перы безмолвствовали, ни одинъ изъ нихъ не рѣшился защищать обвиненнаго, и несчастный Клеренсъ былъ приговоренъ къ смерти. Однако его не рѣшились казнить, пока представители народа, съ своей стороны, не покривили душой. Одно лице, несправедливо пострадавшее по винѣ герцога въ судѣ, подало въ нижнюю палату прошеніе, требуя, чтобы Клеренсъ не избѣжалъ наказанія; тогда нижняя палата просила короля исполнить приговоръ перовъ. Тѣмъ не менѣе его не посмѣли казнить публично; онъ былъ умерщвленъ въ Тоуэрѣ. Разсказъ о томъ, будто его утопили въ бочкѣ малвазіи, не болѣе какъ пустая сказка, заимствованная историками у Фабіана, весьма хорошаго авторитета для времени Генриха VII, но при Эдуардѣ бывшаго еще ребенкомъ и писавшаго по слухамъ; отъ него она попала въ ис-

торію Рапенъ Туара и въ сочиненія другихъ новѣйшихъ историковъ. Уже Генри доказалъ нелѣпость этой сказки, а Лингардъ даже не упоминаетъ о ней. Убійство герцога Клеренса произошло, какъ полагаютъ, 11-го марта 1478 года. Эдуардъ подарилъ большую часть имущества убитаго ненавистному графу Риверсу, брату своей супруги. Еслибъ онъ сколько нибудь стыдился людей и боялся Бога, который наказываетъ грѣхи отцовъ на дѣтяхъ до третьяго и четвертаго колѣна, то онъ, по всей вѣроятности, не сдѣлалъ бы этого, побоявшись того, что случилось впослѣдствіи. Графъ Риверсъ былъ до того ненавидимъ, какъ и прочіе родственники королевы, что, когда послѣ сраженія при Бернетѣ, король назначилъ его губернаторомъ Кале на мѣсто Варвика, гарнизонъ этого города отказался принять его, и Эдуардъ долженъ былъ послать туда Гестингса и Говарда. Подарокъ этотъ былъ тѣмъ отвратительнѣе, что происки графа и его сестры были первою причиною несчастія Клеренса. Недостойна была также уловка, къ которой король прибѣгалъ для оправданія чрезмѣрнаго обогащенія своего зятя: онъ говорилъ, что, даря ему имѣнія Клеренса, онъ хочетъ вознаградить графа отъ имени своего брата за все зло, которое послѣдній нанесъ ему, что̀ будетъ способствовать прощенію грѣховъ герцога и спасенію его души.

Въ послѣдніе годы царствованія Эдуарда злой духъ его дома, Ричардъ Глостеръ, уже началъ играть главную роль въ событіяхъ, потому что развратная жизнь сдѣлала короля неспособнымъ къ дѣятельности. Однако въ теченіи этого времени Эдуардъ принималъ большое участіе въ европейскихъ дѣлахъ, велъ переговоры съ Даніею, Нидерландами, Испаніею, воевалъ съ Лудовикомъ XI и королемъ шотландскимъ и старался связать себя неразрывными узами съ законными государями, посредствомъ брачныхъ союзовъ. Но все, сдѣланное имъ въ этомъ отношеніи, послужило его дому во вредъ и на позоръ. Одна изъ его дочерей, Елисавета, была обѣщана по аміенскому трактату въ супруги

дофину Франціи; вторая, Цецилія, была сговорена за Іакова III, и приданное ея выплачивалось Шотландіи ежегодными взносами до 1478 г.; наконецъ третья дочь короля, Анна, была предназначена въ супружество герцогу Филиппу, сыну Максимиліана; но ни одна изъ нихъ не сдѣлалась женою своего жениха. Лудовикъ XI нечувствовалъ охоты выполнить аміенскій договоръ, хотя аккуратно платилъ англійскому королю по 50 т. кронъ. Эдуардъ наконецъ потерялъ терпѣніе, не смотря на то, что перемиріе было продолжено на сто лѣтъ со дня смерти королей. Эдуардъ требовалъ, чтобы Лудовикъ, согласно трактату, платилъ его дочери деньги ежегодно, пока она живетъ въ Англіи; требованіе это было главною причиною возникшихъ несогласій. Лудовикъ дѣйствовалъ своимъ обычнымъ способомъ; т. е. не отказывался наотрѣзъ, но тянулъ дѣло, не давая никакихъ объясненій; онъ утверждалъ, что требуемая сумма слишкомъ велика и завелъ нескончаемые переговоры. Онъ съумѣлъ найти лазейку даже и тогда, когда Эдуардъ отправилъ въ Парижъ двухъ посланниковъ и серьезно потребовалъ рѣшительнаго отвѣта. Французскій король послалъ къ Эдуарду двухъ проходимцевъ, Гюйо дю Шене (son maître d'hôtel) и Луи Гарнье (maître des requêtes et maire le Poitiers), воздвигнувшихъ новыя затрудненія. За подобные поступки Эдуардъ разсердился на Лудовика и уже въ 1480 г. вооружилъ армію и заключилъ нѣсколько договоровъ съ Максимиліаномъ. Въ одномъ изъ нихъ дочь Эдуарда, Анна, была обѣщана въ жены сыну Максимиліана, Филиппу, которому было всего годъ; другимъ постановлялось, что если Лудовикъ, придравшись къ союзу Эдуарда съ Максимиліаномъ, прекратитъ уплату 50 т. кронъ, то платежъ этотъ пріймутъ на себя Нидерланды.

Съ 1478 г. Эдуардъ пересталъ платить шотландскому королю обѣщанную ему ежегодную уплату приданаго своей дочери Цецилии (стр. 326); поэтому онъ перессорился и съ Іаковомъ III. Мы не можемъ опредѣлить, насколько раздоръ, возникшій между

Англіею и Шотландіею, былъ дѣломъ взятокъ и дипломатическихъ козней Лудовика и происковъ его агентовъ; однако французскіе писатели утверждаютъ, что вражда была произведена имъ. Вѣроятно они основываются на томъ, что король погубилъ Карла Смѣлаго тѣми самыми маневрами, которыми вредилъ Эдуарду. Притомъ Іаковъ III поднялся противъ Англіи въ то самое время, когда Эдуардъ вооружилъ противъ Лудовика армію и приказалъ своему адмиралу помогать эрцгерцогу Максимиліану въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ французовъ.

Люди разныхъ сословій судили различно о королѣ Іаковѣ III шотландскомъ, вступившимъ на престолъ 7 лѣтъ отъ роду. Онъ не получилъ суроваго воспитанія шотландцевъ, отличался иностраннымъ образованіемъ и нравами и обнаруживалъ юношеское легкомысліе; имъ руководили иностранцы, художники темнаго происхожденія, изъ коихъ особеннымъ вліяніемъ пользовались трое, навлекшіе на себя этимъ ненависть шотландской аристократіи. Говорятъ, что Іаковъ былъ хорошо воспитанъ и образованъ, и потому шотландцы казались ему грубыми и дикими; друзья же, покровительствуемые имъ, были люди талантливые и ловкіе. Съ этимъ можно согласиться; но поступки Іакова съ братьями доказываютъ, что если умъ его и былъ образованъ, то за то чувства были также тупы, какъ у любого дикаго шотландскаго лерда. Старшій братъ его, Александръ герцогъ Ольбэни и младшій, Іоаннъ графъ Маръ, какъ и Эдуардъ англійскій въ своихъ манифестахъ, упрекали его, что изъ пристрастія къ италіанской наукѣ и искусствамъ онъ пренебрегаетъ шотландскимъ дворянствомъ и живетъ за панибрата съ людьми, хотя образованными, но недовольно знатными, чтобъ быть товарищами короля, Графъ Маръ особенно сильно возставалъ противъ брата. Іаковъ велѣлъ арестовать обоихъ братьевъ, Александра — въ эдинборгскомъ дворцѣ, а Іоанна — въ замкѣ Крегильаръ. Послѣдняго хотѣли спровадить на тотъ свѣтъ, обвинивъ въ покушеніи на жизнь короля. Поэтому его обвинили въ намѣреніи извести Іакова посредствомъ

колдовства, въ которое вѣрили еще древніе римляне и которое состояло въ истребленіи изображенія лица, смерти котораго желали. Онъ былъ приговоренъ къ казни и умерщвленъ кровопусканіемъ. Другой братъ, Александръ, бѣжалъ изъ тюрьмы и отправился на французскомъ кораблѣ въ Парижъ, откуда въ 1481 г. переѣхалъ въ Англію.

Въ іюнѣ того же года король Іаковъ вторгнулся въ Англію, но не могъ ничего сдѣлать, кромѣ грабежей; дикія толпы пограничныхъ жителей (the boarderers) произвели опустошенія и разбои въ Нортомберлендѣ. На слѣдующій годъ обѣ стороны сдѣлали большія приготовленія. Ричардъ Глостеръ былъ посланъ въ качествѣ намѣстника своего брата въ сѣверныя графства, чтобъ поднять бароновъ, рыцарей и весь народъ на походъ въ Шотландію, который въ сущности ему слѣдовало бы предпринять еще въ 1481 г. Іаковъ III также вооружался. Въ апрѣлѣ шотландскій парламентъ принялъ самыя рѣзкія рѣшенія противъ англійскаго короля, названнаго въ актахъ просто разбойникомъ (Rieffar); шотландскому королю удалось собрать на границѣ столь значительную армію, что англійскія войска принуждены были ограничиться оборонительными дѣйствіями. Но тѣмъ временемъ герцогъ Александръ Ольбэни заключилъ съ Эдуардомъ формальный договоръ противъ своего брата, Іакова, и потому въ 1482 г. англичане дѣйствовали успѣшнѣе: Александръ имѣлъ много приверженцевъ между шотландцами. Въ договорѣ, заключенномъ между Эдуардомъ и герцогомъ Ольбэни, король обязался помочь Александру, принявшему титулъ короля Шотландіи, овладѣть престоломъ; за это Александръ обѣщалъ ему принять Шотландію отъ него въ ленъ и уступить Бервикъ съ цитаделью. Слѣдуетъ упомянуть еще о другомъ пунктѣ договора, потому что онъ служитъ новымъ доказательствомъ того, что романтическое и поэтическое воззрѣніе на религію, нравственность и нравы среднихъ вѣковъ, проповѣдуемое напыщенными софизмами мечтателями, незнакомыми съ историческими подробностями, — ложно и

вредно. Въ договорѣ включено условіе, что Александръ Ольбэни, женатый на двухъ женахъ, женится на одной изъ дочерей Эдуарда, если получитъ разрѣшеніе церкви. Такимъ образомъ двое благочестивыхъ, повидимому, королей допускали возможность позволенія церкви имѣть сразу трехъ законныхъ женъ. Войско, съ которымъ въ 1482 г. Ричардъ двинулся въ Шотландію, не встрѣтило сопротивленія на границѣ; оно безпрепятственно проникло до Эдинборга и заняло этотъ городъ, взявъ на пути крѣпость Бервикъ, обладаніе которой было гораздо прочнѣе, чѣмъ завоеваніе столицы. Счастіе англичанъ зависѣло отъ соглашенія между Александромъ и шотландскими лердами, распустившими свое войско въ то самое время, когда Ричардъ явился подъ Эдинборгомъ. Лерды были недовольны расположеніемъ Іакова къ иностраннымъ художникамъ; король сдѣлалъ архитектора Кочрэна графомъ Маромъ; тогда лерды собрались въ Лаудерской церкви, чтобъ сдѣлать королю грозныя представленія. Въ это собраніе явился самъ Кочрэнъ, но былъ немедленно схваченъ и повѣшенъ на мосту съ шестью другими фаворитами Іакова. Затѣмъ они распустили войско, задержали короля плѣнникомъ въ эдинборгской цитадели и угрожали ему пожизненною тюрьмою, если онъ не дастъ безусловной амнистіи.

Кройлендскій монахъ, хроникѣ котораго мы обязаны многими извѣстіями о событіяхъ того времени, считалъ зачинщика всѣхъ этихъ смутъ, Эдуарда, повѣсившаго и казнившаго тысячи своихъ подданныхъ и умертвившаго роднаго брата, королемъ, угоднымъ Богу. Не смотря на удачу шотландскаго похода, Эдуардъ былъ недоволенъ имъ, потому что имѣлъ отъ него больше убытковъ, чѣмъ выгодъ. По его разсчету война стоила ему 100 т. фунтовъ, а Бервикъ былъ плохимъ вознагражденіемъ за это, потому что для удержанія этого города за собой ему приходилось тратить ежегодно 10 т. марокъ. Поэтому вскорѣ по взятіи Эдинборга былъ заключенъ миръ. Извѣстія о томъ, какимъ образомъ кончилась шотландская война, неясны. Мы бы, пожалуй, могли

разъяснить нѣсколько этотъ вопросъ; но въ такомъ случаѣ намъ пришлось бы коснуться такихъ подробностей шотландской исторіи, которыя несогласны съ планомъ этого сочиненія. Поэтому мы скажемъ лишь о главномъ и разскажемъ о смерти герцога Ольбэни. Вступивъ съ англійскимъ войскомъ въ Эдинборгъ, Александръ, повидимому, не возобновлялъ своихъ притязаній на престолъ. Напротивъ того, подъ договоромъ, заключеннымъ между нимъ и Іаковомъ двумя шотландскими перами и двумя прелатами, онъ подписался герцогомъ Ольбэни. Договоромъ этимъ ему были обѣщаны прощеніе и возвращеніе всѣхъ его имѣній; съ своей стороны онъ обязался вести себя вѣрноподданнически. Въ томъ же трактатѣ было положено, что Іаковъ III долженъ или жениться на дочери Эдуарда или возвратить деньги, данныя ему въ приданное за ней; но выборъ между тѣмъ и другимъ предоставлялся не ему, а Эдуарду, который предпочелъ второе и получилъ впослѣдствіи свои деньги. Александръ былъ такъ великодушенъ, что силою освободилъ брата изъ подъ власти недовольныхъ лердовъ, все еще содержавшихъ его въ эдинборгской цитадели, и снова возвелъ на престолъ. Чтобъ доказать народу свое примиреніе, братья проѣхали на одной лошади въ Голирудгаузъ и проночевали въ одной постелѣ. Не смотря на это, герцогъ Ольбэни былъ вслѣдъ затѣмъ обвиненъ въ шотландскомъ парламентѣ въ сношеніяхъ съ англичанами, которымъ онъ передалъ Домбаръ и осужденъ, какъ государственный измѣнникъ. Повидимому, онъ разсчитывалъ на помощь Эдуарда IV, потому что узнавъ о его смерти, бѣжалъ во Францію. Здѣсь онъ былъ убитъ на турнирѣ осколкомъ копья герцогомъ Орлеанскимъ, впослѣдствіи королемъ Лудовикомъ XII.

Король Эдуардъ умеръ 9 апрѣля 1483 г. Братъ его, Ричардъ Глостеръ, которому въ послѣдніе годы онъ передалъ всѣ военныя дѣла и особенно веденіе шотландской войны, находился въ то время на сѣверной границѣ государства и имѣлъ за себя всю армію. Утверждаютъ, что во время этой войны съ Шотландіею,

въ Англіи была учреждена первая почта. Учрежденіе это обыкновенно приписываютъ необходимости извѣщать недовѣрчиваго короля о всѣхъ событіяхъ въ арміи. Но намъ кажется, что курьерская почта, заведенная въ то время между Лондономъ и Шотландіею, была похожа на ангари или почту древнихъ персовъ, которая была просто административнымъ учрежденіемъ, перевозившимъ депеши между дворомъ и нѣсколькими другими пунктами. Точно такимъ же образомъ и въ Англіи, на дорогѣ между Лондономъ и Эдинборгомъ черезъ каждыя 20 англійскихъ миль были выставлены лошади, развозившія депеши, которыя такимъ образомъ могли проходить по 100 миль въ день.

2. Ричардъ III.

Смерть Эдуарда IV повлекла за собою немедленную гибель его семейства. Изъ семерыхъ дочерей его въ живыхъ находились еще пять, а изъ трехъ сыновей — двое. Дочери были еще въ дѣтствѣ помолвлены за иностранныхъ принцевъ, которые немедленно отказались отъ обязательства жениться на нихъ; только одна изъ нихъ, Елисавета, жена будущаго англійскаго короля Генриха VII, вышла замужъ за государя; но и она была несчастна всю свою жизнь. Старшаго сына своего Эдуардъ сдѣлалъ принцемъ Уэльскимъ, а младшаго — герцогомъ Іоркскимъ; оба они погибли отъ своего дяди, Ричарда. Вдова Эдуарда, Елисавета и ея родственники еще при жизни короля разссорились съ лучшими друзьями его, лордами Гестингсомъ, Говардомъ и Стэнли, смертельно ненавидѣвшими брата Елисаветы, графа Риверса и ея сына отъ перваго мужа, маркиза Дорсета. Король, предвидя послѣдствія этихъ раздоровъ, передъ смертью призвалъ ихъ къ себѣ и увѣщевалъ примириться.

По смерти его, старшій сынъ его, Эдуардъ V, находившійся въ Лудлоу у своего сводного брата, лорда Грея и у гра-

фа Риверса, былъ въ тотъ же день провозглашенъ королемъ. Эдуарду V было 12 лѣтъ. Его тотчасъ же повезли короноваться въ Лондонъ, но съ немногочисленною вооруженною свитою, потому что лордъ Гестингсъ съумѣлъ воспрепятствовать сбору войскъ. Когда на пути въ Лондонъ Эдуардъ прибылъ въ Стони Стратфордъ, спутники его получили извѣстіе, что его дядя, Ричардъ Глостеръ, вступилъ въ Нортемптонъ съ 600 чел. отборнаго войска, и что туда же прибылъ богатѣйшій и могущественнѣйшій перъ, герцогъ Боккингемъ. Боккингемъ происходилъ по прямой линіи отъ Томаса Уудстока, младшаго сына Эдуарда III и потому могъ имѣть притязанія на участіе въ регентствѣ, хотя право на опеку принадлежало Ричарду Глостеру. Послѣдній, узнавъ о смерти Эдуарда IV, поспѣшилъ съ сѣверной границы, гдѣ собиралъ войско для новой войны съ Шотландіею, къ Лондону. Поэтому Риверсъ и Грей немедленно повернули назадъ и отправились въ Нортемптонъ, куда прибыли въ одно время съ Боккингемомъ. Боккингемъ и Ричардъ, сговорившись съ Гестингсомъ, удалили отъ короля его спутниковъ и приказали арестовать Риверса и Грея въ ту минуту, когда они, возвращаясь въ Стони-Стратфордъ, хотѣли въѣхать въ городъ (30 апрѣля). Затѣмъ они отправились къ молодому королю, арестовали его друзей, Томаса Ваугэна и сэра Ричарда Гэюса и прогнали остальныхъ спутниковъ и служителей, запретивъ имъ попадаться на глаза. Узнавъ объ этомъ, король догадался о своей судьбѣ и заплакалъ. Ричардъ дружески утѣшалъ его, но повезъ его не на коронацію въ Лондонъ, а въ Нортемптонъ, а арестованныхъ отослалъ въ замокъ Понтефректъ.

Извѣстіе объ этихъ событіяхъ пришло въ Лондонъ въ тотъ же вечеръ (30 апрѣля), и вдовствующая королева съ своимъ вторымъ сыномъ, Ричардомъ, съ дочерьми и маркизомъ Дорсетомъ, искала спасенія въ Уестминстерскомъ святилищѣ. Граждане Лондона взялись за оружіе; часть ихъ пристала къ королевѣ въ Уестминстерѣ, а другая къ лорду Гестингсу въ Сити. 4 мая,

въ день, назначенный друзьями Эдуарда для его коронаціи, Ричардъ привезъ его въ Лондонъ плѣнникомъ. Его допустили принять въ епископскомъ дворцѣ присягу случайно присутствовавшихъ тамъ прелатовъ, перовъ и членовъ парламента; затѣмъ въ теченіи нѣсколькихъ дней происходилъ государственный совѣтъ, и по предложенію Боккингема было рѣшено перевезти короля въ Тоуэръ, бывшій и дворцомъ и тюрьмою. Управленіе государствомъ было законнымъ путемъ предоставлено Ричарду, какъ протектору.

Съ самаго же начала все предвѣщало близость государственнаго переворота; между прочимъ также и то обстоятельство, что Ричардъ удалилъ архіепископа іоркскаго и другихъ лицъ, не принадлежавшихъ къ его партіи, отъ занимаемыхъ ими высокихъ должностей. Длинный титулъ, принятый Ричардомъ (brother and uncle of kings, protectour and defensour, great chamberlayne, constable and lord high admiral of England *), возбуждалъ грустныя предчувствія. Лингардъ употребилъ всѣ усилія, чтобъ оправдать герцога Глостера, а по Генри онъ былъ увлеченъ обстоятельствами къ тому положенію, которое занялъ въ началѣ іюня; но уже въ козняхъ, внушившихъ королю Эдуарду IV подозрѣнія къ герцогу Клеренсу и проложившихъ Ричарду путь, и во всемъ, совершившимся въ апрѣлѣ, маѣ и іюнѣ, видны хитрость и ловкость злодѣя. Оказывается, что Боккингемъ и Глостеръ въ одно и то же время стремятся къ одной цѣли по одному и тому же пути; но Гестингсъ, Говардъ и Стэнли, хотя увлеченные сначала ненавистью къ Уайдвилямъ и ихъ приверженцамъ, по арестованіи своихъ враговъ пошли другой дорогою и къ другимъ цѣлямъ. 30 апрѣля Гестингсъ громко и искренно увѣрялъ своихъ друзей, что герцоги имѣютъ самыя честныя намѣренія относительно короля; но потомъ въ совѣщаніяхъ великаго совѣта о

*) Братъ и дядя королей, протекторъ и защитникъ, великій каммергеръ конетабль и лордъ-великій-адмиралъ Англіи.

коронаціи, назначенной на 22 іюня, онъ показалъ, что замѣтилъ опасность, грозящую сыновьямъ его друга и покровителя, Эдуарда IV. Онъ и его друзья и приверженцы съ такимъ успѣхомъ противились предложеніямъ герцоговъ, что Ричардъ перенесъ совѣщанія въ другое мѣсто. Онъ приказалъ, чтобы Гестингсъ, Стэнли, Говардъ и ихъ приверженцы совѣщались въ Тоуэрѣ, а друзья Ричарда и Боккингема на квартирѣ протектора, на Кросби-Плэсѣ. Лорду Стэнли это показалось подозрительнымъ; но Гестингсъ успокоилъ его, и они присутствовали 13 іюня въ собраніи въ Тоуэрѣ, причемъ предсѣдательствовалъ самъ протекторъ. Во время совѣщаній Ричардъ безъ всякаго повода завелъ ссору съ Гестингсомъ и внезапно ударилъ кулакомъ по столу; въ то же время въ дверяхъ чей-то голосъ закричалъ „измѣна!“ Тогда толпа вооруженныхъ людей, которые были спрятаны въ сосѣдней комнатѣ, выскочила и бросилась на Гестингса и Стэнли, противъ которыхъ все это было подготовлено. Гестингсъ избѣжалъ смерти, укрывшись подъ столомъ отъ удара одного солдата; но оба лорда и епископы іоркскій и элійскій были арестованы. Ричардъ приказалъ такъ поспѣшно обезглавить лорда Гестингса, что вмѣсто плахи взяли полѣно, валявшееся на дворѣ. Прочіе были заперты въ Тоуэрѣ.

15 іюня въ Понтефректъ явился съ солдатами Ратклиффъ, одинъ изъ грубыхъ слугъ Ричарда, храбрый, пронырливый и, подобно своему господину, способный на все; онъ овладѣлъ родственниками и вѣрными служителями молодого короля, заключенными въ этомъ замкѣ, и казнилъ ихъ безъ суда и расправы. Правда, что впослѣдствіи этихъ людей, какъ и королеву Елисавету, обвиняли въ разныхъ преступленіяхъ; но приводить эти обвиненія не стоитъ. Черезъ четыре дня послѣ убійствъ въ Понтефректѣ, Ричардъ издалъ прокламацію къ сѣвернымъ графствамъ, изъ которой видно, что онъ довѣрялъ болѣе англичанамъ, жившимъ на сѣверной границѣ, чѣмъ остальнымъ. Въ манифестѣ этомъ сказано, что жители каждаго графства должны

взяться за оружіе подъ начальствомъ графа Нортомберленда и лорда Невиля, чтобъ поддерживать протектора противъ безпомощнаго семейства его брата. Выраженія, въ которыхъ написанъ этотъ манифестъ, таковы, что можно подумать, что къ грубому насилію присоединена горькая насмѣшка *). У Ричарда было значительное, отборное и вполнѣ ему преданное войско, приведенное имъ съ сѣвера; сверхъ того къ нему присоединился Боккингемъ съ своимъ отрядомъ; наконецъ послѣ понтефрактскихъ убійствъ къ нему явился Ратклиффъ съ 5 т. человѣкъ ужаснаго вида, походившихъ на разбойниковъ съ большихъ дорогъ; ими протекторъ держалъ въ страхѣ гражданъ Лондона.

Поступки Ричарда въ самомъ сухомъ разсказѣ являются потрасающей драмой или романомъ, заставляющимъ читателя содрагаться. Но авторы сочиненій, служащихъ намъ источниками, привыкнувшіе къ школьной риторикѣ, до того изукрасили эти событія рѣчами и подробностями, что мы не вполнѣ довѣряемъ имъ. Разсказы эти наполнены такими подробностями, заимствованными у нихъ всѣми позднѣйшими писателями, что невольно возбуждаютъ подозрѣніе, тѣмъ болѣе основательное, что официальные документы противорѣчатъ имъ; поэтому мы предоставляемъ читателямъ, интересующимся драматическою стороною дѣла, обратиться къ Юму и другимъ; мы же упомянемъ лишь о томъ, что, по нашему мнѣнію, наиболѣе важно и несомнѣнно. Съ 12 іюня Ричардъ и герцогъ Боккингемъ, привлекшіе на свою сторону архіепископа кентерберійскаго и лондонскаго лорда-мера, старались подготовить народъ къ устраненію семейства Эдуарда IV. Безсовѣстные злодѣи прибѣгли съ этой цѣлью къ шу-

*) Они должны итти, to assist, in subduing, correcting and punishing the queene, her blode and other her adherents, who entended to murder and destroy the protector and his cousyn, the duke of Buckingham, and the old royal blode of England.

товской комедіи, которой поддались перы, духовенство и всѣ, искавшіе почестей и барыша; но граждане Лондона и англійскій народъ не допустили надуть себя подобными пошлостями. Ричардъ не могъ помѣшать провозглашенію Эдуарда V королемъ; но онъ откладывалъ коронацію, чтобъ успѣть распространить въ публикѣ нелѣпую выдумку о незаконности рожденія короля и его брата. Сверхъ того ему прежде всего было необходимо удалить изъ церковнаго убѣжища брата Эдуарда, герцога Іорка, чтобъ вырвать его изъ рукъ матери. Для этой цѣли онъ воспользовался архіепископомъ кентерберійскимъ. Архіепископъ отправился въ Уестминстеръ; писатели, вдающіеся въ мельчайшія подробности, разсказываютъ, что онъ засталъ королеву Елисавету сидящею на полу и окруженною своими пятью дочерьми; ему удалось убѣдить ее разлучиться съ своимъ младшимъ девятилѣтнимъ сыномъ. Рѣшимость насчастной женщины понятна, потому что архіепископъ сказалъ ей, что государственный совѣтъ, пославшій его къ ней, не намѣренъ уважать неприкосновенность церковнаго убѣжища, что герцогъ Боккингемъ кричалъ въ совѣтѣ противъ злоупотребленій этого обычая и что духовенству съ трудомъ удалось воспрепятствовать насилію. Понятно, что Елисавета предпочла выдать младшаго сына, чѣмъ дать поводъ къ новымъ несчастьямъ.

Въ то же время распространялись глупѣйшія исторіи, чтобъ внушить народу, что бракъ Эдуарда съ Елисаветой былъ недѣйствителенъ съ самаго начала. Ричардъ воспользовался при этомъ школьными софистами. При вступленіи на престолъ онъ высказалъ въ своемъ манифестѣ все, изобрѣтенное ими по этому поводу. Странно однако, что то, что у писателей находится на первомъ планѣ и что наиболѣе соотвѣтствовало характеру Эдуарда IV, въ манифестѣ высказанно лишь вскользь и въ концѣ. Говорили, что Эдуардъ, обманувшій множество дѣвушекъ обѣщаніемъ жениться, до свадьбы съ Елисаветой обвѣнчался съ вдовой лорда Боттлера, что разумѣется дѣлало бракъ Елисаветы

недѣйствительнымъ. Фактъ этотъ основывался впрочемъ на показаніи нѣкоего Стиллингтона, который въ прошлое царствованіе высидѣлъ долго въ тюрмѣ и ревностно примкнулъ къ Ричарду. Кромѣ того, выдумали другую исторію, при чемъ не пощадили чести матери самаго Ричарда, чтобъ устранить отъ престолонаслѣдія сына и дочь герцога Клеренса, имѣвшихъ больше правъ на престолъ, чѣмъ Ричардъ, какъ дѣти втораго брата Эдуарда IV. Разгласили, будто Эдуардъ IV и Клеренсъ были плодами незаконныхъ связей ихъ матери. Ральфъ Шау, братъ лордамера, достойнаго друга Ричарда и герцога Боккингема, состряпалъ изъ этой скандальной исторіи проповѣдь, сказанную имъ 22-го іюня въ церкви Креста Св. Павла. Этотъ Шау былъ докторомъ богословія; утверждаютъ, что послѣ проповѣди, въ которой онъ восхвалялъ добродѣтели герцога Глостера и доказывалъ незаконность его родственниковъ, лицо его дышало такимъ невозмутимымъ благородствомъ, какому позавидовалъ бы любой дипломатъ. Однако простодушные слушатели, не искусившіеся въ софизмахъ, нашли, что онъ зашелъ черезчуръ далеко и, противъ ожиданія, не увлеклись трескучимъ эффектомъ послѣднихъ словъ его. Онъ сказалъ въ заключеніе: „Но вотъ въ герцогѣ Глостерѣ видимъ мы образъ того героя (герцога Ричарда Іорка, отца Эдуарда IV); каждая черта его лица напоминаетъ намъ отца его“. Въ ту же минуту на балконѣ около кафедры показался Ричардъ, котораго во время проповѣди не было видно въ церкви; ожидали, что народъ при видѣ его воскликнетъ: „многая лѣта королю Ричарду!“ Но такого возгласа не воспослѣдовало; молчаніе народа сконфузило и разсердило протектора и осрамило оратора, который съ тѣхъ поръ никогда болѣе не показывался въ публикѣ.

Черезъ два дня послѣ неудачи доктора Шау, герцогъ Боккингемъ попытался достигнуть той же цѣли мірскими средствами. Онъ созвалъ гражданъ въ большую общинную залу (Guildhall) и сказалъ имъ рѣчь. Онъ началъ рѣзкимъ порицаніемъ Эдуар-

да IV и его царствованія. Затѣмъ онъ напомнилъ собранію то, что они слышали два дня тому назадъ въ церкви о незаконномъ рожденіи Эдуарда IV и герцога Клеренса и о недѣйствительности брака покойнаго короля. Далѣе онъ прославлялъ и хвалилъ Ричарда, увѣрялъ, что онъ единственный законный потомокъ храбраго Ричарда Іорка и въ заключеніе сказалъ, что жители сѣверныхъ графствъ ни за что не потерпятъ другого короля, кромѣ Ричарда. Однако граждане молчали такъ же упорно, какъ и при проповѣди доктора Шау; но это было предусмотрѣно, и потому заготовили то, что мы теперь называемъ клакёрами. Когда, при всеобщемъ молчаніи, Боккингемъ потребовалъ опредѣленнаго отвѣта, хотятъ ли граждане или нѣтъ, чтобы Ричардъ вступилъ на престолъ, клакёры, стоявшіе въ концѣ залы, бросили вверхъ свои шапки и крикнули: король Ричардъ! Боккингемъ поблагодарилъ собраніе и просилъ его сопутствовать ему на другой день въ Байнардсъ-Боргъ, гдѣ жилъ Ричардъ, чтобъ просить его принять корону. На слѣдующее утро комедія продолжала разыгрываться далѣе. Боккингемъ подалъ протектору просьбу отъ имени народа, въ которой его просили принять корону. Протекторъ нѣкоторое время упорствовалъ; Боккингемъ грозилъ, что народъ съумѣетъ поставить на своемъ, и наконецъ Ричардъ покорился. Въ наше время всякій знаетъ, что подобныя сцены не въ состояніи никого обмануть: онѣ только прикрываютъ личиною права постыдные поступки.

На слѣдующій день протекторъ вступилъ на престолъ подъ именемъ Ричарда III. Коронація его и его жены, Анны, дочери убитаго при Бернетѣ графа Варвика, совершилась 6 іюля. Послѣ этого онъ выпустилъ на свободу епископовъ іоркскаго и элійскаго, которые не могли больше повредить ему, и вознаградилъ любимцевъ Эдуарда IV, предавшихъ дѣтей своего благодѣтеля. Но всякій честный человѣкъ, молча, чтилъ того изъ друзей Эдуарда, который предпочелъ умереть, чѣмъ служить злодѣю, при Эдуардѣ IV въ званіи вице-констэбля множество людей; онъ

То былъ лордъ Гестингсъ. Ричардъ потому такъ жестоко и внезапно казнилъ его, что видѣлъ, что его не такъ легко купить, какъ его друзей, Стэнли и Говарда. Говардъ согласился занять мѣсто по правую сторону Ричарда, когда онъ принималъ въ Уестминстерѣ корону, при чемъ герцогъ Соффолькъ стоялъ по лѣвую руку его; за это Говардъ былъ сдѣланъ графомъ-маршаломъ и герцогомъ Норфокомъ; Стэнли, хотя женатый на графинѣ Ричмондъ, (а можетъ быть именно поэтому), былъ сдѣланъ обергофмейстеромъ (steward of the house-hold).

Тотчасъ послѣ коронованія Ричардъ предпринялъ путешествіе по Англіи, вѣнчался во второй разъ въ Іоркѣ и во время своего пребыванія въ Глостерѣ совершилъ новыя преступленія. Въ разныхъ частяхъ государства обнаружились заговоры, и Ричардъ разсудилъ справедливо, что для его сверженія воспользуются или вдовою его брата и ея дочерьми, все еще находившимися въ Уестминстерѣ, или сыновьями его, заключенными въ Тоуэрѣ и оберегаемыми со времени коронаціи Ричарда съ необыкновенною строгостью. Поэтому онъ послалъ Джона Норфильда съ вооруженною толпою окружить Уестминстеръ и никого не впускать и не выпускать безъ особаго позволенія; въ то же время онъ приказалъ извести сыновей Эдуарда IV. До сихъ поръ остается тайной, въ какой день и какимъ образомъ произошло убіеніе несчастныхъ принцевъ. Генри и другіе опровергаютъ подробный разсказъ Мора, который жилъ нѣсколькими десятилѣтіями позже, но утверждаетъ, что слышалъ объ этомъ отъ самихъ убійцъ. Однако мы сообщимъ его нашимъ читателямъ, такъ какъ многіе авторы принимаютъ его, а Лингардъ защищаетъ въ приложеніи къ пятому тому своей исторіи. По приказанію Ричарда коменданту Тоуэра, Бракенбери, предложили умертвить принцевъ въ угоду государю; но благородный и рѣшительный отвѣтъ его доказалъ двору, что такой рыцарственный человѣкъ не годится для его цѣлей. Поэтому Ричардъ послалъ изъ Варвика въ Лондонъ своего оберъ-шталмейстера (master of the horse), сэра Джемса Тайрреля, погубившаго

поручилъ ему совершить убійство. Тайррель привезъ съ собой указъ, по которому Бракенбери долженъ былъ передать ему на сутки начальство надъ Тоуэромъ. Ночью Тайррель отправился въ комнату принцевъ съ своимъ слугой Дайтономъ и съ извѣстнымъ разбойникомъ Форрестомъ. Они вошли въ комнату, а самъ онъ оставался на стражѣ у дверей. Форрестъ и Дайтонъ задушили принцевъ одѣялами и, призвавъ Тайрреля, показали ему, что убитые— дѣйствительно король Эдуардъ V и герцогъ Іоркскій. Трупы ихъ были похоронены подъ лѣстницею. На другой день Тайррель возвратилъ ключи Тоуэра Бракенбери, а самъ поспѣшилъ къ королю, къ которому прибылъ еще до вторичной его коронаціи въ Іоркѣ. Смерть принцевъ осталась бы тайною, еслибъ серьезныя безпокойства, возбужденныя герцогомъ Боккингемомъ, бывшемъ еще большимъ преступникомъ, чѣмъ самъ Ричардъ, не принудили короля обнародовать смерть своихъ племянниковъ. Боккингемъ намѣревался воспользоваться противъ Ричарда принцами, которые по матери были племянниками его жены. Умерщвленіе Эдуарда V и его брата разрушило этотъ планъ. Тогда въ первый разъ были заявлены притязанія графа Генриха Тюдора Ричмонда (впослѣдствіи короля Генриха VII), получившія опасное значеніе для царствующаго дома.

Дѣдъ Генриха Тюдора, Оуэнъ Тюдоръ, (стр. 294) былъ могущественнымъ уэльскимъ аристократомъ. Онъ доставилъ значеніе своему семейству, женившись на вдовѣ короля Генриха V, дочери Карла VI Французскаго. Отецъ его, Эдмондъ графъ Ричмондъ, былъ женатъ на дочери герцога Іоанна Соммерсета, Маргаритѣ Бьюфортъ. Говорили, но бездоказательно, что по пресѣченіи мужеской линіи ланкастерскаго дома права его переходили къ сыну Маргариты. Довольно странно, что притязанія графа Генриха Ричмонда основывались также на происхожденіи его черезъ женщинъ отъ Мортимера, который былъ нѣкогда объявленъ наслѣдникомъ Эдуарда III, но устраненъ отъ наслѣдства. Мы думаемъ, что права уэльсца и его предковъ были нѣсколько натянуты, но

англичане разсуждали иначе. Впрочемъ, можетъ быть, въ соперники Ричарду III вмѣсто Генриха Тюдора выбрали бы сына герцога Клеренса, графа Варвика, еслибъ онъ не былъ еще ребенкомъ.

Генрихъ Тюдоръ графъ Ричмондъ, которымъ, за недостаткомъ другаго претендента, воспользовались противъ Ричарда, счастливо избѣгнулъ опасностей въ 1471 г. въ сраженіи при Тьюксбери (стр. 321). Онъ бѣжалъ и, спасаясь моремъ, былъ занесенъ бурею въ Бретань. Его задержали, и Эдуардъ IV, узнавъ объ этомъ, старался склонить герцога Франциска II Бретанскаго къ выдачѣ бѣглеца. Францискъ, подобно Карлу Смѣлому Бургундскому, состоялъ въ тѣсномъ союзѣ съ Эдуардомъ, который защищалъ его отъ Лудовика XI, замышлявшаго погубить его. Поэтому можно было ожидать, что онъ согласится на требованіе англійскаго короля. Но онъ былъ честный человѣкъ и не хотѣлъ нарушить обязанностей гостепріимства. Онъ ограничился обѣщаніемъ наблюдать за Ричмондомъ и его друзьями, чтобъ они не могли возбуждать изъ Бретани безпокойства въ Англіи. Эдуардъ втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ довольствовался этимъ, но потомъ, чтобъ овладѣть графомъ, прибѣгнулъ къ хитрости. Онъ написалъ герцогу Франциску, что намѣренъ кончить вражду ланкастерскаго и іоркскаго домовъ и для этого желаетъ выдать свою старшую дочь за графа Ричмонда, наслѣдовавшаго отъ матери права ланкастерскаго дома. Посланники Эдуарда такъ ловко и настойчиво поддерживали эту пошлую выдумку, что наконецъ Францискъ позволилъ имъ взять графа, но не какъ плѣнника, а какъ нарѣченнаго зятя короля. Генрихъ погибъ бы, еслибъ въ минуту его отъѣзда въ немъ не принялъ участія бретанскій адмиралъ, Жанъ де Кельнэкъ. Быть можетъ, что подробности разсказа о его спасеніи, въ томъ числѣ и разговоръ приводимый въ этомъ разсказѣ, выдуманы самимъ разскащикомъ; но въ главныхъ чертахъ онъ вѣренъ, и потому мы передаемъ его вполнѣ. Адмиралъ стоялъ блѣдный и печальный. Герцогъ Францискъ спросилъ его: „Что съ вами, отчего вы такъ блѣдны?“ —Блѣдность—

предвѣстница смерти, отвѣчалъ адмиралъ; но я сожалѣю, что не умеръ раньше, потому что не былъ бы свидѣтелемъ поступка, который нанесетъ вамъ безчестье. Государь, вы пріобрѣли славу честнаго человѣка, отчего же не заботитесь вы сохранить ее за собой? Какъ могли вы, давъ слово человѣку, искавшему у васъ защиты, защитить его, какъ могли вы согласиться предать его палачамъ и смерти?" — „Господинъ адмиралъ, сказалъ герцогъ, не говорите этого. Графу Ричмонду нечего бояться; Эдуардъ требуетъ его лишь за тѣмъ, чтобъ сдѣлать своимъ зятемъ." — „Будьте увѣрены, возразилъ де Кельнэкъ, что графъ Ричмондъ погибъ, если сдѣлаетъ хоть шагъ изъ вашей земли." У герцога открылись глаза, и онъ приказалъ своему министру, Пьеру Ландуа, поспѣшить въ Сенъ-Мало, гдѣ графъ готовился къ отъѣзду съ англійскими уполномоченными, но былъ задержанъ болѣзнью. Ландуа, человѣкъ коварный и пользовавшійся, не смотря на свое простое происхожденіе и низкій характеръ, полнымъ довѣріемъ герцога, началъ давать пиры англичанамъ, которые уже явно стерегли графа, и ежедневно угощалъ ихъ. Въ то же время онъ далъ тайно знать Ричмонду, чтобы онъ постарался спастись. Тогда графъ бѣжалъ въ церковь, а Ландуа сталъ увѣрять, что его государь не можетъ нарушить неприкосновенность святилища и вывести Ричмонда изъ церкви; онъ можетъ только позаботиться о томъ, чтобы Ричмондъ не вредилъ королю. Бретанскія хроники повѣтствуютъ далѣе, что по смерти Эдуарда Ландуа вознамѣрился воспользоваться безпокойствами въ Англіи, чтобъ возвести на престолъ спасеннаго имъ принца. Онъ помышлялъ о томъ, чтобъ выдать за него замужъ дочь и наслѣдницу своего герцога, Анну, и такимъ образомъ обезпечить себѣ неограниченную власть въ Бретани. Гордое бретанское дворянство въ высшей степени ненавидѣло Ландуа, располагавшаго по произволу герцогомъ и страной; эта аристократія была могущественнѣе дворянства остальной Франціи и ревнивѣе охраняла свои привиллегіи; поэтому она не могла равнодушно сносить власти Ландуа, сына портнаго

изъ предмѣстья Витре. Ландуа позволялъ бѣглецу сноситься съ недовольными въ Англіи черезъ бретанскихъ пословъ, отправленныхъ имъ къ Ричарду, подъ предлогомъ переговоровъ о продленіи перемирія; онъ помогалъ ему также дѣлать военныя приготовленія. Но, какъ увидимъ ниже, приверженцы Генриха въ Англіи имѣли для него въ виду другую партію.

Англичане были втайнѣ недовольны вступленіемъ на престолъ Ричарда и низкимъ поведеніемъ парламента; однако спокойствіе не нарушалось во время путешествія короля по странѣ. Но едва прибылъ онъ на сѣверъ, гдѣ имѣлъ больше приверженцевъ, чѣмъ на югѣ, какъ въ нѣсколькихъ графствахъ вспыхнули безпокойства. Митинги подозрительнаго свойства происходили въ Кентѣ, Эссексѣ, Соссексѣ, Беркшайрѣ, Гемпшайрѣ, Уильтсѣ и Дорсетшайрѣ; на нихъ было рѣшено вооружаться, и Мортонъ епископъ элійскій, хитрѣйшій человѣкъ Англіи, вовлекъ въ заговоръ герцога Боккингема. Ричардъ, освободивъ послѣ коронаціи архіепископа кентерберійскаго и епископа элійскаго, поручилъ герцогу надзоръ за послѣднимъ; но Монтонъ вѣроятно убѣдилъ Боккингема, уже не ладившаго съ королемъ, что два такіе преступника, какъ онъ и Ричардъ, не долго уживутся другъ съ другомъ. Причину ссоры Боккингема съ Ричардомъ объясняютъ различно; но при ближайшемъ изслѣдованіи ни одно изъ этихъ объясненій не выдерживаетъ критики. Возстаніе должно было совершиться въ пользу плѣннаго короля Эдуарда V; но когда въ августѣ распространился слухъ, распущенный вѣроятно съ намѣреніемъ, о его умерщвленіи, заговорщики рѣшились выставить противъ Ричарда—графа Ричмонда; на это были согласны королева Елисавета, маркизъ Дорсетъ и другіе. Было рѣшено женить графа, который считался отраслью ланкастерскаго дома, на старшей дочери Эдуарда IV и такимъ образомъ покончить вражду Іорковъ съ Ланкастерами. Къ Генриху были отправлены послы, которые условились съ нимъ обо всемъ.

Возстаніе должно было воспослѣдовать 18 октября 1483 г. по-

всемѣстно; Ландуа далъ Генриху 5,000 войска и корабли для переѣзда въ Англію. Но счастіе не благопріятствовало предпріятію заговорщиковъ. Ричардъ дѣйствовалъ такъ благоразумно и такъ дорого платилъ шпіонамъ, что ему было давно все извѣстно. Онъ отправился съ войскомъ въ Лейстеръ и прибылъ туда въ то самое время, когда маркизъ Дорсетъ превозгласилъ Генриха королемъ въ Екзетерѣ; три графства уже признали Генриха; а въ уэльской крѣпости Брекпокѣ въ его пользу возсталъ герцогъ Боккингемъ. Герцогъ выступилъ къ Северну, но, подойдя къ этой рѣкѣ, нашелъ всѣ мосты разрушенными наводненіемъ, затопившимъ на большое пространство берега; онъ повернулъ и хотѣлъ идти въ другую сторону, но уэльсцы, а за ними и прочіе войска покинули его. Онъ искалъ спасенія въ бѣгствѣ, но былъ преданъ своими окружающими и казненъ по приказанію Ричарда. Войска епископа элійскаго также разсѣялись, но самому Мортону удалось убѣжать во Фландрію. Прочіе инсургенты разбѣжались, а маркизъ Дорсетъ и епископъ екзетерскій уѣхали въ Бретань, прежде чѣмъ Ричардъ успѣлъ прибыть въ Девоншайръ. Графъ Ричмондъ даже не вступилъ на берегъ Англіи. Онъ сѣлъ, было, на корабли, но противный вѣтеръ задерживалъ его у французскаго берега; наконецъ онъ прибылъ всего съ однимъ кораблемъ къ девоншайрскому берегу, но не счелъ благоразумнымъ высаживаться.

Ричардъ ужаснымъ образомъ отмстилъ вельможамъ, попавшимъ въ его руки; онъ даже не хотѣлъ видѣть Боккингема, а въ Екзетерѣ велѣлъ казнить своего родного зятя, Сентъ-Леджера. Парламентъ, созванный имъ по возвращеніи изъ кроваваго похода, предупреждалъ всѣ его желанія. Онъ объявилъ его единственнымъ законнымъ королемъ Англіи, права котораго незыблемо основаны на наслѣдіи и преемствѣ, а также на законномъ избраніи, помазаніи и коронованіи. Кромѣ того парламентъ, въ силу простого опредѣленія (bill of attainder), приговорилъ къ смерти множество людей, обвиненныхъ въ государственной измѣнѣ; никогда еще не злоупотребляли до такой степени несчастнымъ обы-

Digitized by Google

чаемъ обвинять людей въ государственной измѣнѣ и затѣмъ наказывать безъ дальнѣйшихъ разбирательствъ. Въ это время были лишены жизни, правъ, имущества и чести 1 герцогъ, 1 маркизъ, 3 графа, 3 епископа, множество бароновъ, рыцарей и дворянъ. Жена лорда Стэнли, вдовствующая графиня Ричмондъ, была также обвинена въ государственной измѣнѣ; но конфискованныя имѣнія ея были оставлены ея мужу въ пожизненное владѣніе. Странно, что такой человѣкъ, какъ Ричардъ, который не зналъ ничего святаго, не боялся ни Бога, ни людей, презиралъ нравственность и общественное мнѣніе, не посмѣлъ однако исторгнуть вдовствующую королеву изъ ея священнаго убѣжища подобно тому, какъ овладѣлъ герцогомъ Іоркомъ; это тѣмъ удивительнѣе, что онъ зналъ, что сомнительныя и ничтожныя права графа Ричмонда на престолъ могутъ получить дѣйствительное значеніе лишь черезъ бракъ съ старшей дочерью королевы. Чтобъ склонить королеву прибыть съ дочерьми ко двору, онъ долженъ былъ заключить съ ней формальный договоръ въ мартѣ 1484 г.

Чтобъ обезпечить себя со стороны графа Ричмонда, Ричардъ вступилъ въ сношенія съ сыномъ портного, управлявшимъ Бретанью. За нѣсколько дней до рождества 1483 г. многочисленные англійскіе эмигранты, въ числѣ которыхъ было много знатныхъ вельможъ, собрались въ реннской церкви и присягнули въ вѣрности графу Генриху съ условіемъ, чтобы онъ женился на старшей дочери Эдуарда IV. Тогда Ричардъ предлагалъ все, что угодно, тому, кто избавитъ его отъ Ричмонда. Обстоятельства, казалось, благопріятствовали ему; герцогъ Бретанскій и его любимецъ, Пьеръ Ландуа, надѣялись получить отъ него такія выгоды, какихъ Генрихъ не могъ бы предоставить имъ, даже еслибъ овладѣлъ государствомъ. Герцогъ надѣялся получить англійское графство ричмондское, принадлежавшее нѣкогда его предкамъ; сверхъ того Ричардъ обѣщалъ Ландуа послать въ Бретань 1000 стрѣлковъ, чтобъ защищать министра и стараго

герцога отъ необузданнаго дворянства. Но вскорѣ Ландуа пересталъ нуждаться въ помощи, потому что бретанское дворянство предупредило его, силою овладѣло герцогскимъ дворцомъ и низвергнуло ненавистаго министра. Поэтому Ричардъ заключилъ новыя условія, чтобы склонить герцога предать Генриха на произволъ судьбы. Онъ обѣщалъ отдать ему графство Ричмондъ, а Ландуа — всѣ конфискованныя имѣнія многочисленныхъ англійскихъ эмигрантовъ, находившихся въ Бретани, и сверхъ того послать имъ вѣрныхъ людей, съ помощью которыхъ имъ можно будетъ справиться съ безпокойнымъ дворянствомъ; за это герцогъ долженъ былъ внезапно перехватать эмигрантовъ и Ричмонда. Ричардъ достигъ бы цѣли, еслибъ о проискахъ его не узналъ Мортонъ епископъ элійскій, который относительно хитрости и шпіонства могъ потягаться съ кѣмъ угодно; онъ поспѣшилъ увѣдомить обо всемъ Генриха. Генрихъ былъ въ большомъ затрудненіи, потому что до ареста его и прочихъ эмигрантовъ оставалось всего четыре дня и за нимъ уже строго присматривали. Поэтому, чтобъ бѣжать, ему надо было обмануть своихъ сторожей. Онъ послалъ Пемброка и другихъ подъ предлогомъ посѣтить герцога въ Нантѣ, но тайно далъ имъ знать, чтобы они не ѣздили въ этотъ городъ, а поспѣшили бы перебраться за французскую границу; за тѣмъ онъ отправился самъ съ небольшой свитой, ѣхалъ день и ночь, черезъ лѣса и болота, направляясь къ Анжу. Ему удалось спастись, хотя люди, посланные за нимъ въ погоню, опоздали только часомъ. Герцогъ, не знавшій о низкихъ продѣлкахъ своего министра, не тронулъ остававшихся англичанъ, числомъ до 300. Однако они послѣдовали за Генрихомъ. Дочь Лудовика XI, герцогиня Бурбонская или, какъ ее обыкновенно называютъ, дама де Божё, управлявшая Франціею за малолѣтствомъ своего брата, Карла VIII, приняла ихъ ласково.

Ричардъ хотѣлъ женить своего сына на старшей дочери вдовствующей королевы Елисаветы, но неожиданная смерть принца

разстроила этотъ планъ. Тогда ему пришлось выдумать другое, такъ какъ многочисленные эмигранты имѣли въ Англіи много связей, и Ричардъ не могъ довѣрять даже лорду Стэнли; онъ принужденъ былъ удерживать заложникомъ его сына, когда лордъ уѣзжалъ. Наконецъ ему пришло въ голову жениться самому на этой принцессѣ, хотя жена его была еще жива; этимъ способомъ онъ не только обезпечивалъ себѣ престолъ, но лишалъ Ричмонда возможности пріобрѣсти права на него черезъ бракъ съ Елисаветой. По смерти братьевъ принцессы право на престолъ безспорно принадлежало ей; притязанія же Генриха были несостоятельны по многимъ другимъ причинамъ, кромѣ указанныхъ выше. Послѣ всего, случившагося, сватовство его было бы страшно даже въ томъ случаѣ, еслибъ ему не предшествовала смерть его жены, случившаяся въ то самое время, когда ему понадобилось жениться на племянницѣ. Но еще чудовищнѣе то, что дочь и мать были не прочь отъ этого брака; эти ужасы напоминаютъ собою исторію Пелопидовъ. Принцесса была внѣ себя отъ радости и послала королю черезъ герцога Норфока (Говарда), бывшаго министромъ ея отца, письмо, въ которомъ называла Ричарда своимъ кумиромъ (the king was, писала она, her joy and maker in this world, and that the was his in heart und thought). Она даже изъявляетъ въ этомъ письмѣ сожалѣніе о томъ, что жена Ричарда не умираетъ и выражаетъ опасеніе, что она никогда не умретъ (that she would never die). Далѣе, изъ того же письма видно, что Ричардъ, давшій ей при дворѣ мѣсто на ряду съ королевой, обѣщалъ ей, что послѣдняя умретъ въ февралѣ; Елисавета безъ зазрѣнія совѣсти писала ему, что ее очень удивляетъ, что февраль уже на исходѣ, а королева жива. Мать ея была не менѣе обрадована сватовствомъ короля. Сынъ ея отъ перваго мужа, маркизъ Дорсетъ, находившійся при Ричмондѣ въ Парижѣ, узнавъ о щедрыхъ обѣщаніяхъ Ричарда въ его пользу, выказалъ готовность вернуться въ Англію; но эмигранты догнали его, прежде чѣмъ

онъ успѣлъ сѣсть на корабль и привезли обратно въ Парижъ. Въ мартѣ 1485 г. умерла жена Ричарда, но вдругъ въ апрѣлѣ онъ перемѣнилъ намѣреніе, и женщины жестоко разочаровались въ своихъ ожиданіяхъ. Говорятъ, что короля отговорили двое приближенныхъ его; но изъ прокламаціи къ гражданамъ Лондона, изданной Ричардомъ, и изъ манифеста его къ своимъ іоркскимъ вѣрнымъ подданнымъ, мы заключаемъ, что слухъ о новомъ неслыханномъ скандалѣ возмутилъ лучшихъ друзей его; вслѣдствіе этого хитрый король увидѣлъ, что бракъ этотъ принесетъ ему больше вреда, чѣмъ пользы. Быть можетъ также онъ не безъ основанія заключилъ, что дѣвушка, способная писать подобныя письма такому безобразному и свирѣпому убійцѣ и жаловаться, что его больная жена живетъ слишкомъ долго, будетъ способна въ одну прекрасную ночь перерѣзать мужу горло. Въ половинѣ апрѣля о возмутительномъ бракѣ не было больше рѣчи.

Ричардъ находился въ то время въ затруднительномъ положеніи; хотя нельзя вѣрить преувеличеніямъ и риторическому описанію Мора, писавшаго при Генрихѣ VII, однако весьма вѣроятно, что король не зналъ покоя ни днемъ, ни ночью. Правительница Франціи явно покровительствовала отъ имени своего брата, Карла VIII, графу Ричмонду и его друзьямъ. Число англійскимъ эмигрантовъ простиралось до нѣсколькихъ сотъ человѣкъ. Даже комендантъ маленькой крѣпости Гама, принадлежавшей англичанамъ, перешелъ на ихъ сторону и привезъ въ Парижъ стараго графа Оксфорда, сражавшагося при Бернетѣ за Варвика и содержавшагося въ Гамѣ въ заключеніи. Въ самой Англіи недовольные въ разныхъ графствахъ ждали лишь сигнала къ возстанію. Вдобавокъ истощились всѣ средства, которыми Рачардъ покупалъ себѣ друзей и приверженцевъ. Это кажется непонятнымъ, но надо вспомнить, какія суммы приходилось уплачивать баронамъ и рыцарямъ для того, чтобы они содержали свои войска на военномъ положеніи, и чего стоило кормить наемниковъ. Всѣ писатели единогласно подтверждаютъ, что въ 1485 Ричардъ разтра-

тилъ всѣ сокровища Эдуарда IV, истощилъ всѣ громадныя суммы, доставленныя конфискаціями и уже три раза вымогалъ у духовенства десятину, которая также оказалась недостаточной для поправленія его финансовъ. Парламентъ присудилъ ему добровольное пожертвованіе (benevolence); но самое названіе этого налога до того опротивѣло всѣмъ, что Ричардъ не хотѣлъ принять его подъ этимъ именемъ; народъ въ насмѣшку прозвалъ его насильственнымъ (malevolence). Въ маѣ Ричардъ, знавшій подробно о всемъ, происходившемъ во Франціи, былъ встревоженъ приготовленіями Генриха къ высадкѣ въ Англію. Правительница Франціи помогала Ричмонду деньгами и войскомъ, такъ какъ онъ обѣщалъ ей заключить наконецъ съ Франціей вмѣсто перемирія миръ и отказаться отъ всѣхъ притязаній на Нормандію и другія французскія владѣнія; сверхъ того, предпріятіе это давало ей возможность избавиться отъ разбойниковъ, искателей приключеній, странствующихъ рыцарей и наемниковъ, наполнявшихъ все королевство, особенно Нормандію. Поэтому была объявлена амнистія всѣмъ, которые присоединятся къ Ричмонду; такимъ образомъ, онъ собралъ 1,500 храбрыхъ и отчаянныхъ, но необузданныхъ и непривычныхъ къ дисциплинѣ солдатъ, къ которымъ присоединилось пятьсотъ англичанъ. Еще до отплытія Генриха Ричардъ издалъ въ іюнѣ яростный и ругательный манифестъ противъ эмигрантовъ. (Между прочимъ въ манифестѣ этомъ было сказано слѣдующее: That they had betaken themselves to the kings ancient enemy, Charles, calling himself king of France, and chosen for their captain one Henry Tudor, descended of bastard blood both by the father's and the mother's side, and who therefore could never have any claim to the crown of England but by conquest,—that the said Henry Tudor, in order that he might atchieve his false intent by the aid of the kings ancient enemy of France, had convenanted with him to give up in perpetuity all the right, which the king of England had to the crown of France, to

Normandy, Anjou, Maine, Guienne, Calais and the marches etc. *).

Сосредоточивъ свои двѣ тысячи человѣкъ въ Руанѣ, Генрихъ долженъ былъ спѣшить выполненіемъ плана, потому что могъ содержать свое войско только въ Англіи. Ему приходилось имѣть дѣло съ храбрымъ, способнымъ и дѣятельнымъ противникомъ, которымъ въ послѣдніе годы пользовался самъ Эдуардъ IV. Ричардъ обнаруживалъ сильную дѣятельность. Узнавъ объ измѣнѣ гамскаго коменданта и о бѣгствѣ графа Оксфорда, онъ приказалъ намѣстнику Кале вновь покорить крѣпость, а самъ выступилъ съ арміею къ Ноттингему, чтобы быстро аттаковать Генриха, когда онъ сдѣлаетъ высадку. Генрихъ на этотъ разъ былъ счастливѣе, чѣмъ прежде; 1 августа онъ отплылъ изъ Арфлера, а 7 уже высадился въ уэльской гаванѣ Мильфордѣ, не встрѣтивъ ни сопротивленія, ни многочисленныхъ приверженцевъ; у него было не болѣе 4 т. человѣкъ даже при вступленіи въ Шрьюсбёри. Не смотря на всѣ мѣры, принятыя Ричардомъ, и на учрежденную недавно курьерскую почту, король въ теченіи семи дней не зналъ о высадкѣ своего врага; получивъ извѣстіе объ этомъ, онъ приказалъ подъ строжайшими угрозами всѣмъ своимъ вассаламъ и милиціямъ всѣхъ графствъ собраться въ Лейстерѣ. Здѣсь онъ собралъ весьма значительное войско; не смотря на это, Генрихъ смѣло шелъ на него. Войско его было подкрѣплено вассалами Тальботовъ; но во всякомъ случаѣ онъ едва ли бы рѣшился на

*) Что они отправились къ старинному врагу Карлу, называющему себя королемъ Франціи, и избрали своимъ предводителемъ нѣкоего Генриха Тюдора, происходящаго какъ съ материнской, такъ и съ отцовской стороны отъ незаконныхъ связей и, слѣдовательно, немогущаго имѣть другихъ правъ на англійскій престолъ, кромѣ завоеванія, — что упомянутый Генрихъ Тюдоръ, желая выполнить свое гнусное намѣреніе съ помощью стариннаго французскаго врага короля, заключилъ съ нимъ договоръ, уступая ему на вѣчныя времена всѣ права, которыя король имѣетъ на французскій престолъ, на Нормандію, Анжу, Мэнъ, Гіэнь, Кале, Маршъ и т. д.

Digitized by Google

сраженіе, еслибъ не зналъ, что большинство англичанъ не желаетъ драться за Ричарда. Къ Генриху присоединился даже сынъ Стэнли, лордъ Стрэнджъ, оставленный отцемъ заложникомъ у короля, дядя его, Уилліамъ Стэнли и сэръ Джонъ Сэвэджъ и наконецъ даже самъ лордъ Стэнли! Они впрочемъ условились съ Генрихомъ, что до послѣдней минуты будутъ держать нейтралитетъ, чтобы Ричардъ не казнилъ лорда Стрэнджа. Въ ночь на 22-е августа Ричардъ стоялъ лагеремъ на разстояніи четверти часа пути отъ Босворта, а Генрихъ шелъ отъ Тамворта къ Атерстону; на дорогѣ къ нему присоединились всѣ Стэнли съ значительными силами. Эта измѣна была главною причиною неудачи Ричарда въ сраженіи при Босвортѣ, данномъ на слѣдующее утро. Съ короною на головѣ онъ самъ водилъ въ бой свои войска; но это не помогло ему, и корона эта досталась его противнику. Увидѣвъ Стэнли въ рядахъ непріятеля, онъ смутился. Въ то же время графъ Нортомберлендъ съ сѣверянами, на которыхъ король особенно надѣялся, не трогался съ мѣста. Тогда ряды королевскаго войска поколебались. Ричардъ, видя, что не можетъ жить королемъ, рѣшился умереть имъ. Завидѣвъ Генриха, онъ пришпорилъ коня и съ опущеннымъ копьемъ ринулся на него, три раза повторивъ громко: „измѣна!“ Онъ убилъ главнаго знаменосца, повергъ на землю сэра Джона Клинтона и нанесъ жестокій ударъ самому Ричмонду; но многочисленные враги одолѣли его, сбросили съ лошади и убили. Генрихъ немедленно надѣлъ на голову поднесенную ему корону убитаго и на полѣ битвы былъ провозглашенъ королемъ. Лордъ Стрэнджъ, котораго въ началѣ сраженія Ричардъ приказалъ казнить, былъ возвращенъ отцу живымъ и невредимымъ. На этотъ разъ побѣда не была запятнана казнями.

Мы описали характеръ и дѣятельность Ричарда такими, какими они являются изъ достовѣрныхъ источниковъ. Не было впрочемъ недостатка въ геніальныхъ и остроумныхъ писателяхъ, совершенно оправдавшихъ его; но нѣтъ ни одного ти-

рана, ни одного деспота, который бы не нашелъ себѣ историка, считающаго за честь, сказать о немъ что нибудь новое и похвальное.

3. Царствованіе Генриха VII до 1489 г.

Еще во время пребыванія Генриха VII въ Бретани, приверженцы его старались внушить англичанамъ, что онъ — мессія націи, соединяющій въ себѣ права бѣлой и алой розъ. Онъ дѣйствительно принадлежалъ къ ланкастерскому дому; но его родословная была запятнана двумя незаконными рожденіями, изъ коихъ одно хотя и было впослѣдствіи признано законнымъ, но этого было не достаточно, чтобъ совершенно снять съ него позоръ. За то старшая дочь Эдуарда IV, Елисавета, на которой Генрихъ женился, была безспорно по англійскимъ законамъ наслѣдницею правъ своего отца; поэтому Генрихъ не только торжественно обѣщалъ вступить съ ней въ бракъ, но и сдержалъ слово. Однако онъ основывалъ свои притязанія на престолъ на своихъ собственныхъ, а не на ея правахъ и обращался съ ней холодно и даже сурово. Это не покажется удивительнымъ, вспомнивъ то, что мы сказали о ней выше. Вступленіе Генриха въ столицу (конецъ августа) показывало, что онъ принимаетъ престолъ по праву побѣды надъ Ричардомъ, а не по наслѣдственному или пріобрѣтенному черезъ бракъ съ Елисаветой: онъ приказалъ нести передъ собою три завоеванныя государственныя хоругви и положить ихъ на алтарь. Онъ не спѣшилъ коронаціей и свадьбой: первая совершилась черезъ два, а вторая черезъ пять мѣсяцевъ по вступленіи его въ Лондонъ.

И такъ Генрихъ царствовалъ на томъ основаніи, что былъ избранъ вельможами, изгнанными Ричардомъ и оружіемъ завоевалъ государство. Онъ самъ смотрѣлъ не иначе на это, и потому всю жизнь заботился о томъ, чтобы силою удержать за собою то, чего

силою достигъ. Ту же мысль онъ выразилъ въ рѣчи, сказанной имъ спикеру парламента, открытаго въ ноябрѣ. Правда, онъ упомянулъ въ ней и о наслѣдственномъ правѣ, потому что до нѣкоторой степени принадлежалъ къ потомству третьяго сына Эдуарда III, Іоанна Гаунта Ланкастера; но въ сущности онъ ссылался на свой мечь *). Въ постановленіи о престолонаслѣдіи (settlement of the crown), изданномъ имъ вслѣдъ за тѣмъ, видно намѣреніе устранить всѣ законныя препятствія, могущія представиться ему, какъ законному наслѣднику ланкастерскаго дома; но въ немъ незамѣтно желанія придать какое нибудь значеніе происхожденію своему отъ Іоанна Гаунта и рожденію своей будущей жены. Такимъ образомъ онъ не позаботился подтвердить статутъ, изданный Генрихомъ IV, въ силу котораго право на престолъ предоставлялось исключительно потомкамъ Іоанна Гаунта; онъ не думалъ также заявлять свои собственныя, весьма сомнительныя, права на престолъ; наконецъ въ постановленіи вовсе не упоминалось о его женѣ. Вслѣдствіе этого опасались, что новый король не расположенъ жениться на принцессѣ Елисаветѣ и что онъ намѣренъ царствовать не въ силу правъ ланкастерскаго или іоркскаго дома, а просто какъ побѣдитель. 10 декабря нижняя палата убѣдительно просила его вступить въ обѣщанный бракъ, прибавляя именно, что черезъ это Англія снова получитъ рядъ законныхъ королей (they hope, God will bless him with a progeny of the race of kings). Генрихъ согласился на просьбу депутатовъ и въ январѣ 1486 г. женился на Елисаветѣ; но коронація его жены воспослѣдовала лишь черезъ два года. Принцесса эта по приказанію Ричарда была заключена послѣ высадки Генриха въ одинъ

*) He had come to the throne by just title of inheritance and by the sure judgement of God, who had given him the victory over his enemy in the field. (Онъ вступилъ на престолъ по праву наслѣдства и по непреложному правосудію Бога, даровавшаго ему побѣду надъ врагомъ въ полѣ).

замокъ въ Іоркшайрѣ, и Генрихъ, одержавъ побѣду, велѣлъ возвратить ее въ Лондонъ. Онъ отмѣнилъ также законъ, изданный Ричардомъ III, по которому бракъ Эдуарда IV съ Елисаветой Риверсъ былъ объявленъ недѣйствительнымъ, и возвратилъ вдовствующей королевѣ ея санъ и титулъ; но онъ поскупился возвратить ей богатое вдовье содержаніе, назначенное ей покойнымъ мужемъ. Впрочемъ онъ наградилъ ее и своихъ друзей и пощниковъ при помощи многочисленныхъ конфискацій, совершенныхъ имъ съ цѣлью раздачи наградъ. Тотчасъ послѣ побѣды Генрихъ приказалъ заключить въ Тоуэръ пятнадцатилѣтняго сына герцога Клеренса, графа Варвика, который содержался при Ричардѣ въ томъ самомъ замкѣ, куда была посажена принцесса Елисавета; онъ опасался этого принца, бывшаго единственнымъ мужескимъ потомкомъ іоркскаго дома. За то онъ не удостоилъ сначала обратить вниманіе на Іоанна де ля Поля графа Линкольна, сына сестры Ричарда III, который объявилъ его своимъ наслѣдникомъ.

Въ сентябрѣ 1486 г. у Генриха родился сынъ, названный имъ Артуромъ, и тогда, казалось, новая династія, основанная бракомъ его съ Елисаветой, упрочилась навсегда. Но въ Ирландіи было много недовольныхъ, и самъ Генрихъ опасался привязанности націи къ іоркскому дому. Притомъ безчисленныя волненія и перевороты, произведенные убійственной войною бѣлой и алой розы, не позволяли скоро водворить спокойствіе. Это было тѣмъ болѣе невозможно, что въ Англіи, какъ и вездѣ, за недостаткомъ постояннаго войска послѣ всякой войны рыскали безчисленныя толпы рыцарей и наемниковъ, готовыхъ вступить на службу ко всякому, кто подастъ имъ надежду на поживу. Генрихъ поддерживалъ дружбу съ Іаковомъ III шотландскимъ, пославшимъ пословъ на его коронацію; онъ продлилъ перемиріе съ Шотландіей по меньшей мѣрѣ на три года, такъ какъ война съ Шотландіею не могла доставить ему никакихъ выгодъ, хотя Англія постоянно страдала отъ разбоевъ дикихъ шотландцевъ и хотя

лердовъ, жившихъ грабежомъ, войной и добычей, нельзя было надолго удержать отъ набѣговъ. Возстанія, поднятыя въ разныхъ частяхъ государства нѣкоторыми безпокойными людьми, были подавлены Генрихомъ въ самомъ началѣ при помощи значительнаго числа хорошихъ солдатъ, взятыхъ имъ съ собою, когда по древнему обычаю онъ предпринялъ въ первый разъ путешествіе по странѣ. Не смотря на это, друзья іоркскаго дома произвели возстаніе; ихъ побудило къ этой попыткѣ нерасположеніе, выказываемое Генрихомъ ко всѣмъ приверженцамъ и членамъ іоркскаго дома, не исключая своей жены и ея матери; не мало также способствовалъ этому скрытный, отталкивающій характеръ короля. Возстаніемъ руководилъ одинъ священникъ, но вѣроятно за кулисами скрывались другія лица; полагали, что сама вдовствующая королева была небезгрѣшна въ этомъ дѣлѣ.

Возстаніе вспыхнуло въ концѣ 1486 г. въ Дублинѣ, гдѣ священникъ Ричардъ Симонсъ выдалъ одинадцатилѣтняго сына одного булочника, Ламберта Симнеля за графа Варвика, отецъ котораго, герцогъ Клеренсъ, былъ долго вице-королемъ Ирландіи. Распустивъ слухъ о побѣгѣ Варвика изъ Тоуэра, Симонсъ, быть можетъ съ помощью королевы, такъ хорошо научилъ мальчика всему, касающемуся тайнъ ланкастерскаго дома, что Симнель могъ выдержать какой угодно допросъ. Тѣмъ не менѣе молодой графъ, находившіеся въ Тоуэрѣ, могъ всякую минуту быть показанъ народу; поэтому трудно рѣшить, съ какою цѣлью заставляли сына булочника разыгрывать его роль, и мы не знаемъ другаго объясненія этого, кромѣ того, которое предлагаетъ Лингардъ: онъ полагаетъ, что этимъ способомъ думали принести пользу настоящему Варвику, отклонивъ отъ него опасность. Вице-король Ирландіи, графъ Кильдаръ, которому Генрихъ не довѣрялъ и даже хотѣлъ отозвать, но оставилъ, братъ его, канцлеръ Ирландіи и другіе приняли обманщиковъ въ Дублинъ, дѣлая видъ, что не сомнѣваются въ подлинности Варвика; они представили мнимаго потомка Плантагенетовъ дворянству и дублинскимъ гражданамъ,

какъ бѣглеца, преслѣдуемаго уэльсцемъ Тюдоромъ и обѣщали ему защиту отъ враговъ его и его дома. Многочисленные приверженцы іоркскаго дома зашли даже дальше; не произведя слѣдствія и не представивъ доказательствъ, они провозгласили неизвѣстнаго мальчика Эдуардомъ VI королемъ Англіи и Франціи и повелителемъ Ирландіи. Въ февралѣ 1487 г. Генрихъ принялъ противъ этого возстанія мѣры, доказывавшія, что онъ былъ уменъ и способенъ царствовать. Во-первыхъ, онъ отмѣнилъ всѣ ограниченія и исключенія, сдѣланныя въ амнистіи, изданной при его вступленіи на престолъ; это избавило друзей и приверженцовъ іоркскаго дома отъ всякихъ придирокъ, подвергавшихъ ихъ гоненіямъ, не смотря на амнистію. Во вторыхъ, онъ вывелъ изъ Тоуэра настоящаго Варвика, провелъ его въ торжественной процессіи въ церковь св. Павла и, показавъ такимъ образомъ гражданамъ, помѣстилъ въ своемъ шонскомъ дворцѣ, гдѣ принцъ ежедневно разговаривалъ съ придворными и всѣми, пріѣзжавшими ко двору. Мы не можемъ съ точностью сказать, насколько и какимъ образомъ была замѣшана въ исторію лже-Варвика теща Генриха; однако, безъ сомнѣнія, существовала причина, побудившая Генриха къ той строгости, съ которой онъ поступилъ съ вдовствующей королевой; это тѣмъ болѣе вѣроятно, что рѣшеніе его было принято не подъ вліяніемъ минутнаго гнѣва, а по зрѣломъ размышленіи и продолжительномъ совѣщаніи въ государственномъ совѣтѣ. Разумѣется о судѣ и правосудіи не заботились: королева была внезапно схвачена и сослана въ монастырь Бермондси, гдѣ прожила подъ стражей монаховъ до самой смерти, воспослѣдовавшей нѣсколькими годами позже. Имѣнія ея были конфискованы. Генрихъ утаилъ истинную причину этого преслѣдованія, которое старался объяснить очень неловко: онъ говорилъ, что наказываетъ королеву за то, что она съ своими дочерьми переходила къ Ричарду. Сынъ ея отъ перваго брака, маркизъ Дорсетъ, былъ также впутанъ въ дѣло. Чтобъ предотвратить опасность, маркизъ поспѣшилъ къ королю; но Генрихъ не принялъ

его и послалъ графа Оксфорда арестовать его; однако онъ обѣщалъ выслушать его, когда мятежъ будетъ усмиренъ.

Графъ Линкольнъ, на котораго Генрихъ не обращалъ сперва никакого вниманія, принялъ сторону мнимаго графа Варвика. За отдаленностью времени мы не можемъ объяснить себѣ этого поступка, потому что Линкольнъ видѣлъ въ Шонѣ настоящаго Варвика и зналъ, что хотя ирландцы признали Симнеля и дали ему немного денегъ, но не имѣли ни войскъ, ни оружія. Линкольнъ отправился въ Нидерланды къ вдовѣ Карла Смѣлаго, Маргаритѣ, сестрѣ Эдуарда IV, управлявшей за сына Максимиліана, Филиппа. Она считала Генриха VII заклятымъ врагомъ іоркскаго дома и дала Линкольну денегъ и 2 т. отличнаго нѣмецкаго войска подъ начальствомъ Мартина Шварца. Съ этимъ отрядомъ Линкольнъ отправился въ Дублинъ. Онъ высадился въ мартѣ 1487 г., а въ маѣ короновалъ мнимаго Варвика королемъ Англіи, причемъ вмѣсто короны взяли вѣнецъ съ образа Богородицы, находившагося въ одной дублинской церкви. Въ началѣ іюня Линкольнъ переправился въ Англію съ своими нѣмецкими войсками и отрядомъ ирландцевъ. 4-го іюня онъ высадился въ ланкастерскомъ графствѣ, на южной оконечности Форнесса, называемой Фоудрей. Но въ Англіи къ нему присоединился только сэръ Томасъ Броутонъ, хотя впрочемъ онъ не встрѣчалъ нигдѣ сопротивленія. У Линкольна было всего 8 т. человѣкъ, когда онъ встрѣтился съ Генрихомъ, бывшимъ въ превосходныхъ силахъ. Обѣ стороны желали рѣшить споръ сраженіемъ. Но сраженіе произошло не ранѣе 16-го іюня, потому что Линкольнъ настигъ королевское войско только въ этотъ день. Рѣшительное сраженіе произошло близь Стока. Оно было непродолжительно, но кровопролитно. Нѣмцы дрались до послѣдней капли крови; но ирландцы или, лучше сказать англичане, поселенные въ Ирландіи — потому что настоящіе ирландцы, не принимали участія въ возстаніи, — вооруженные какъ полудикіе, гаельскіе ирландцы, не могли противиться стрѣлкамъ и кираси-

рамъ короля Генриха. Линкольну нельзя было надѣяться на побѣду. Онъ самъ, вице-намѣстникъ Ирландіи съ братомъ, храбрый Мартинъ Шварцъ и сэръ Томасъ Браутонъ пали въ битвѣ. Лордъ Ловель, оставившій Англію вмѣстѣ съ Линкольномъ, пропалъ безъ вѣсти. Священникъ, бывшій виновникомъ выдумки, попалъ въ плѣнъ своимъ питомцемъ. Онъ сознался въ обманѣ и былъ посаженъ въ тюрьму. Чтобъ обличить обманъ, Симнеля продержали нѣкоторое время на королевской кухнѣ и употребляли на черную работу; но потомъ сдѣлали сокольникомъ. Чтобъ успокоить приверженцевъ Іорковъ, Генрихъ короновалъ свою жену съ обычнымъ великолѣпіемъ, которое въ Англіи употребляется въ такихъ случаяхъ въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ гдѣ-либо, съ церемоніями и въ пышномъ облаченіи, которое историки описываютъ до малѣйшихъ подробностей; тогда же былъ выпущенъ на свободу маркизъ Дорсетъ.

Подобно своимъ предшественникамъ Генрихъ пользовался парламентомъ, какъ лучшимъ и послушнѣйшимъ орудіемъ королевской власти. Сперва онъ получилъ отъ него согласіе на установленіе значительнаго налога; затѣмъ парламентъ издалъ осужденіе противъ государственныхъ преступниковъ (bill of attainder), которое, какъ извѣстно, дѣлало лишнимъ всякій судъ и защиту. Законъ этотъ далъ королю возможность обогащаться пенями и конфискаціями болѣе самыхъ строгихъ его предшественниковъ. Число лицъ, заподозрѣнныхъ въ участіи въ востаніи (вина ихъ не могла быть доказана), но осужденныхъ собственно за богатство, простиралось сперва до восьми тысячъ, но потомъ на половину уменьшилось. Къ спискамъ ихъ продолжали прибавлять новыя, сперва забытыя имена даже восемь лѣтъ спустя. При помощи парламента Генрихъ уничтожилъ зло, устраненное Лудовикомъ XI посредствомъ постояннаго войска и относящихся къ нему постановленій. Зло это, распространенное въ Англіи больше чѣмъ гдѣ либо и имѣвшее особенное названіе (maintenance), состояло въ томъ, что богатые и знатные господа содержали

наемниковъ, убійцъ и разбойниковъ, носившихъ ихъ ливрею; съ ихъ помощью они могли вооруженной силой противиться судебнымъ приговорамъ и всякаго рода полиціи. При существованіи такого самоуправства грубая сила господствовала надъ судомъ и закономъ. Это доказываетъ присяга, которую Генрихъ потребовалъ отъ лордовъ и среднихъ классовъ всѣхъ графствъ, прежде чѣмъ издалъ законъ противъ этого зла *). Одинъ изъ верховныхъ судей сказалъ тогда же королю, что до уничтоженія этого обычая нечего и помышлять объ исполненіи приговоровъ, и что пока всякій судъ безполезенъ. Онъ прибавилъ, что при Эдуардѣ IV бароны клялись соблюдать статуты, но черезъ часъ послѣ присяги, въ его присутствіи обязали нѣкоторыхъ лицъ клятвою, помогать имъ оружіемъ во всѣхъ спорахъ и несогласіяхъ. Поэтому, при Генрихѣ VII былъ наконецъ изданъ законъ противъ содержанія частной милиціи; противъ нарушителей этого закона была учреждена чрезвычайная комиссія, имѣвшая право отражать силу силою безъ участія присяжныхъ и безъ соблюденія другихъ обычныхъ формальностей. Было постановлено, что канцлеръ, государственный казначей и тайный хранитель печати, или даже лишь двое изъ нихъ, съ участіемъ одного епископа, одного свѣтскаго пера, президента суда королевской скамьи (kingsbench) и гражданскаго суда (commonpleas), имѣютъ право требовать къ себѣ нарушителей какого нибудь изъ пунктовъ этого закона и, если нужно, наказывать немедленно точно такъ, какъ еслибъ они были осуждены правильнымъ судомъ. Это учрежденіе, основанное Генрихомъ VII, сдѣлалось впослѣдствіи извѣстнымъ подъ именемъ звѣздной палаты; англійскіе короли, отъ Генриха VII до Карла I, такъ

*) Они должны были поклясться: not to keep in their service men openly cursed, or murderers, or felons, or outlaws, that they would not retain persons by indentures, or give liveries contrary to law, and that they would not make riots or maintenanes, nor oppose the due execution of the king's writs.

злоупотребляли этимъ произвольнымъ судопроизводствомъ, что въ семнадцатомъ вѣкѣ оно сдѣлалось одной изъ главныхъ причинъ англійской революціи.

Мы находимъ нужнымъ прервать здѣсь исторію перваго государя изъ дома Тюдоровъ, потому что Генрихъ, покончивъ въ 1488 г. съ Шотландіей, вмѣшался въ распри континентальныхъ королей. Распри эти касались Италіи и Бретани, такъ какъ съ одной стороны дочь Максимиліана, Маргарита, невѣста Карла VIII французскаго, была отослана домой, послѣ чего Карлъ женился на наслѣдницѣ Бретани, а съ другой, Карлъ VIII возъимѣлъ виды на Неаполь, а преемникъ его, Лудовикъ XII, на Миланъ. Испанія вмѣшалась въ эти дѣла во-первыхъ, вслѣдствіе своихъ притязаній на Неаполь, а во-вторыхъ, вслѣдствіе брака наслѣдницы Кастиліи и Арагоніи съ сыномъ императора Максимиліана. Обѣ стороны и папа вовлекали въ несогласія испанскаго, бургундскаго, германскаго и французскаго государей, англійскихъ королей Генриха VII и Генриха VIII. Поэтому съ послѣдняго десятилѣтія XV вѣка исторія главныхъ государствъ средней, западной и южной Европы должна излагаться вмѣстѣ. Но сперва мы разскажемъ исторіею Пиренейскаго полуострова, бросивъ предварительно взглядъ на исторію культуры и литературы второй половины XV и первыхъ годовъ XVI ст. Извѣстно, что этотъ періодъ имѣетъ для новѣйшей цивилизаціи такое же значеніе, какое для древнегреческой имѣло время персидскихъ войнъ.

VIII. КУЛЬТУРА И ЛИТЕРАТУРА

НѢМЦЕВЪ, ИТАЛЬЯНЦЕВЪ И ФРАНЦУЗОВЪ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XV И ВЪ ПЕРВЫХЪ ГОДАХЪ XVI СТ.

Введеніе.

Изобрѣтеніе и крайне быстрое распространеніе въ XV ст. книгопечатанія оказало такое важное вліяніе на всю цивилизацію новаго времени, въ сравненіи съ цивилизаціею народовъ древности, востока и среднихъ вѣковъ, что мы должны бы были предпослать обзору сочиненій и писателей исторію типографскаго дѣла; но такое изложеніе потребовало бы слишкомъ много мѣста, и потому мы должны ограничиться лишь немногими указаніями. Еслибы въ отдѣлахъ нашей исторіи, касающихся литературы, мы имѣли въ виду внѣшнюю исторію писателей и ихъ произведеній, а не духъ и направленіе ихъ,, то намъ слѣдовало бы вдаться въ большія подробности о способѣ размноженія и распространенія книгъ, потому что движеніе, начавшееся въ Германіи вслѣдствіе реформаціи, находится въ тѣсной связи съ распространеніемъ типографскаго искусства. Въ нашихъ немногихъ замѣчаніяхъ о быстромъ распространеніи новаго нѣмецкаго изобрѣтенія и о полученной чрезъ это возможности размноженія произведеній классической древности и распространенія мыслей умныхъ головъ, — мы ограничимся Германіею, Франціею и Ита-

Digitized by Google

ліею. Это кажется намъ тѣмъ болѣе основательнымъ, что Италія въ промежутокъ отъ XIV до XVII ст. прошла уже весь путь человѣческаго образованія и такимъ образомъ совершила это прежде, чѣмъ всѣ другія націи. При этомъ мы должны обратить вниманіе читателей на то, что въ то самое время, когда нѣмцы вынесли изъ за Альпъ познаніе классической древности, искусства, ремесла и науки образованнаго міра,—итальянцы заимствовали у нихъ средства и орудія, съ помощью которыхъ получили возможность быстро распространить по всѣмъ странамъ свѣтъ просвѣщенія, сіявшій у нихъ.

Здѣсь не мѣсто изслѣдовать, гдѣ и какимъ образомъ Гуттенбергу пришла мысль изобрѣсти способъ скорѣйшаго и легчайшаго распространенія въ публикѣ книгъ, изготовленіе которыхъ было до тѣхъ поръ дѣломъ монаховъ. Здѣсь достаточно будетъ замѣтить, что 1450 годъ, когда въ Майнцѣ появилась напечатанная библія, долженъ быть признанъ началомъ вытѣсненія писанныхъ книгъ печатными. Гуттенбергъ и Іоганнъ Фаустъ начали свое дѣло въ Майнцѣ, и на первой напечатанной библіи не означенъ годъ ея появленія; вотъ почему ученые много спорили о годѣ изобрѣтенія книгопечатанія. Мы принимаемъ вышеприведенный, чтобы имѣть точку опоры. Книгопечатаніе, какъ и всѣ изобрѣтенія, сначала держалось въ тайнѣ, главнымъ образомъ потому, что Гуттенбергъ и Фаустъ продавали даже въ Парижѣ свои напечатанныя библіи, имѣвшія сходство съ драгоцѣннѣйшими манускриптами, за рукописи. Но прежде чѣмъ зять Фауста, Шефферъ, придумалъ замѣнить вырѣзанныя изъ дерева таблицы вылитыми буквами, — тайна была открыта во многихъ городахъ Германіи, Голландіи и Швейцаріи, и ремесло трехъ изобрѣтателей пошло въ ходъ; поэтому впослѣдствіи многіе города приписывали себѣ честь изобрѣтенія книгопечатанія. Тайное печатаніе скоро прекратилось, и уже на псалтыри, изданной Шефферомъ и сдѣлавшейся теперь большою рѣдкостью, выставлены 1457 годъ и имя Шеффера, какъ типограф-

щика. Два парижскіе профессора богословія, Вильгельмъ Фише и Жанъ-де-ла-Пьеръ тотчасъ же убѣдили свой факультетъ выписать изъ Майица Ульриха Йеринга, Мартина Кранца и Михаила Фрейбургера и съ помощью ихъ основать у себя типографію. Университетъ отвелъ этимъ людямъ удобное помѣщеніе въ Сорбоннѣ. Тутъ мастерскія ихъ находились до 1483 г., когда Йерингъ устроилъ типографію въ своемъ собственномъ домѣ. Этотъ нѣмецкій основатель французскаго типографскаго дѣла пріобрѣлъ значительное состояніе. Половину этого состоянія, составлявшую весьма немаловажную по тому времени сумму 8,500 ливровъ, онъ завѣщалъ впослѣдствіи Сорбоннѣ, въ знакъ благодарности людямъ, призвавшимъ его. На эти деньги въ парижскомъ университетѣ были основаны двѣ новыя каѳедры, а такъ какъ ихъ учрежденіе было одновременно съ напечатаніемъ сочиненій Рейхлина, Гуттена и Лютера, то это лучше всего доказываетъ, что изобрѣтеніе Гуттенбера болѣе чѣмъ всякое другое дѣло способствовало къ разсѣянію средневѣковаго мрака. До конца XV ст. въ этомъ университетѣ, занимавшемъ между высшими учебными заведеніями Европы по крайней мѣрѣ второе мѣсто, были цѣлыя толпы профессоровъ для изложенія догматики и декреталіевъ и для объясненія Аристотеля; каѳедры же для объясненія священнаго писанія не существовало. Только послѣ смерти Йеринга на сумму, завѣщанную имъ, наняли двухъ профессоровъ для вѣтхаго и новаго завѣта. Въ XVIII ст. обѣ эти каѳедры были соединены въ одну.

Говоря о началѣ и распространеніи книгопечатанія, мы не должны умолчать, что при этомъ случаѣ, точно также, какъ при изобрѣтеніи всякихъ машинъ, фабрикъ и мануфактуръ, тысячи людей, до тѣхъ поръ занимавшіеся независимымъ, доходнымъ ремесломъ, сдѣлались пролетаріями, между тѣмъ какъ нѣсколько сотень пріобрѣли на ихъ счетъ большія богатства. Таковъ впрочемъ порядокъ вещей, и его нельзя отрицать точно также, какъ нельзя опровергать того, что китъ пожираетъ тысячи сельдей, а че-

ловѣкъ уже теперь уничтожилъ китовъ во многихъ частяхъ океана. Искусство золоченія и разрисовки буквъ, которымъ жили въ Парижѣ сотни людей, погибло, какъ относительно блеска и прочности позолоты, такъ и яркости и нестираемости красокъ; о прилежаніи и каллиграфской ловкости переписчиковъ мы уже и не говоримъ. Болѣе подробное изложеніе всѣхъ этихъ перемѣнъ повело бы насъ слишкомъ далеко. Несомнѣнно то, что съ 1450 г. образованіе и литература, стали проникать въ массу народа, тогда какъ до тѣхъ поръ они, подобно поземельной собственности, составляли исключительную принадлежность свѣтской и духовной аристократіи. Это лучше всего доказывается сравненіемъ цѣнъ тѣхъ писанныхъ книгъ, которыя не были особенно щедро украшены миніатюрами или не изготовлялись знаменитыми каллиграфами, съ цѣнами печатныхъ книгъ, выходившихъ изъ несравненныхъ альдинскихъ типографій или изъ типографій Юнты. Мы укажемъ здѣсь на первое вліяніе, которое нѣмецкое изобрѣтеніе имѣло на распространеніе новой умственной жизни, пробудившейся въ Италіи. Въ этомъ отношеніи Швейнгеймъ и Паннарцъ, два нѣмца, основавшіе типографіи въ Римѣ, уже въ 1475 г. хвалились, что сдѣлали 12,475 оттисковъ разныхъ сочиненій. Но въ прошеніи, подданномъ папѣ Сиксту IV, они жаловались, что обѣднѣли, потому что напечатали такое множество книгъ, не нашедшихъ сбыта. Однимъ изъ отрадныхъ явленій того времени было то, что восторженное сочувствіе къ успѣхамъ образованія и науки, подвигавшее на всевозможныя пожертвованія всѣхъ благороднѣйшихъ людей во всѣхъ странахъ и особенно въ Италіи,— одушевляло также многихъ типографщиковъ, которые сами были глубокіе, но скромные ученые, и побуждало ихъ посвящать труды и состояніе на распространеніе классической литературы. Въ числѣ книгъ, напечатанныхъ въ Римѣ Паннарцомъ и Швейнгеймомъ, находилось, правда, около пятисотъ богословскихъ сочиненій, дурной выборъ которыхъ вѣроятно причинилъ издателямъ большіе убытки, такъ какъ,—судя по знаменитымъ лѣто-

писямъ римской куріи, составленнымъ Лютеромъ и Буркардомъ, въ Римѣ, въ продолженіи этихъ двухъ столѣтій, богословское направленіе играло самую незначительную роль. Но въ то же время эти типографщики напечатали болѣе пятисотъ экземпляровъ философскихъ сочиненій Цицерона и 275 экземпляровъ сочиненій Виргилія. Въ одно время съ Швейнгеймомъ и Паннарцомъ другой нѣмецъ Ганъ тоже завелъ въ Римѣ типографію, а вслѣдъ за тѣмъ и другіе нѣмцы и итальянцы сдѣлали тоже самое, въ Римѣ, Миланѣ, Венеціи и почти во всѣхъ остальныхъ итальянскихъ городахъ. Мы уже (т. IX. стр. 429) упоминали объ Альдѣ Мануціи, который, больше всѣхъ прочихъ типографщиковъ того времени, прославился ученостью, неутомимымъ стремленіемъ къ возстановленію въ первобытной чистотѣ текста древнихъ произведеній и большими жертвами для блага литературы. Желающій получить вполнѣ ясное понятіе о живомъ и свободномъ движеніе итальянской науки въ XV столѣтіи, можетъ обратится къ большому и ученому сочиненію Меттера (Annales typographici), которое познакомитъ его съ именами типографщиковъ и мѣстами, гдѣ они учреждали свои заведенія.

I. Италія.

1. Введеніе.

Въ предыдущемъ томѣ мы очень подробно говорили о ходѣ итальянскаго образованія и о томъ, какимъ образомъ италіянцы, возродивъ древнюю римскую литературу, создали новую умственную жизнь и новую цивилизацію, приспособленную къ свободному развитію всякаго искусства, всякаго ремесла, и этимъ способствовали благосостоянію своей родины. Поэтому теперь мы ограничимся только нѣкоторыми дополненіями относительно XV столѣтія и первыхъ годовъ XVI. Мы тѣмъ болѣе можемъ позволить себѣ не вдаваться въ подробности, что впо-

слѣдствіи еще разъ вернемся къ Италіи, которая только въ XVII столѣтіи перестала идти впередъ, что въ отношеніи къ цивилизаціи значитъ, идти назадъ. Уже въ XV ст. латинисты, занимавшіеся итальянскою исторіографіею, начали повидимому отдавать формѣ полное предпочтеніе предъ содержаніемъ; но эта исторіографія, точно также какъ и поэзія на отечественномъ языкѣ, снова пріобрѣла значеніе, отнятое у нея аффектированною латынью, хотя ей, какъ и поэзіи, вредила слишкомъ усердная заботливость объ изяществѣ формы. Впрочемъ, уже при изложеніи древней исторіи мы обращали вниманіе читателей на то, что въ лучшее время греческой и римской исторіи и у лучшихъ писателей этихъ народовъ, напр. Эврипида и Виргилія, можно замѣтить переходъ отъ чистаго вдохновенія и глубокаго содержанія къ искусственности и риторикѣ, хотя и нельзя рѣшиться порицать его. Критикъ едва отваживается дѣлать замѣчанія, потому что истинныхъ знатоковъ немного, а уклоненіе отъ мнѣнія, освященнаго риторикою и декламаціею, сдѣлаетъ его смѣшнымъ въ глазахъ массы и заставитъ ее смотрѣть на него какъ на чудака или какъ на ученаго, преисполненнаго надменности. Вслѣдствіе этого съ одной стороны Аристофанъ не могъ ничего сдѣлать своими основательными мнѣніями, а съ другой, не смотря на превосходные уроки александрійскихъ ученыхъ, не только греческая поэзія перешла въ риторику и ученость, но и исторія совершенно исчезла. То же повторилось въ Римѣ во время императоровъ и мы увидимъ, какъ въ XVI столѣтіи въ Италіи даже Тассо долженъ былъ вести своихъ соотечественниковъ туда, куда Эврипидъ велъ грековъ. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ практическая жизнь подъ вліяніемъ успѣховъ литературы развивалась въ то самое время, какъ все идеальное и дѣйствительно-божественное становилось пустою формою, а занятіе литературою — простымъ препровожденіемъ времени. Вслѣдствіе этого въ этомъ отдѣлѣ исторіи итальянскаго развитія мы обратимъ вниманіе на начало ра-

спространенія реальныхъ наукъ итальянцами, бывшими творцами идеальнаго образованія Европы.

2. Поэзія на народномъ языкѣ.

До сихъ поръ мы не касались подробностей исторіи лирической поэзіи итальянцевъ и говорили о ней только то, что было необходимо для показанія, что и въ этой отрасли вся нація, какъ нѣкогда греки, обнаруживала чувство высокаго вдохновенія, и что среди жестокаго варварства, отвратительной тираніи и дикаго разрушенія, форма и матерія поэзіи достигли высшей степени совершенства. Классическая образованность XV ст. распространялась преимущественно потому, что такіе люди какъ Анджело Полиціанъ и Лоренцо Медичи (см. Т. IX, стр. 430—35) отличались классическимъ образованіемъ и прославляли свое имя стихотвореніями, бывшими во всѣхъ устахъ. Намъ не за чѣмъ останавливаться здѣсь на содержаніи стихотвореній Лоренцо Медичи; достаточно будетъ замѣтить, что еще въ нашемъ столѣтіи Нардини и Буоанаджути *) собрали всѣ эти стихотворенія, доказывающія, что въ то время на высшую поэзію и на изящныя искусства въ Италіи смотрѣли какъ на потребность всякаго образованнаго ума и какъ на благороднѣйшее занятіе знатныхъ людей. Комическія стихотворенія Лоренцо и его современниковъ были собраны еще въ 1550 году Приводимъ здѣсь заглавіе этого собранія, потому что въ немъ перечисляются роды стихотвореній, помѣщенныхъ въ книгѣ. (Raccolta di Trionfi, Carri, Mascherate e Canti carnevaleschi del tempo di Lorenzo di Medici).

Даже женщины старались отличаться и дѣйствительно отличались въ поэзіи. Уже мать Лоренцо, Лукреція Торнабуони, была извѣстна своимъ талантомъ, и въ XVI ст. стихи ея

---

*) Poësie del Magnifico Lorenzo ed di altri suoi amici e contemporanei. Londra, 1801,4.

издавались нѣсколько разъ вмѣстѣ съ стихотвореніями ея сына. Еслибы образованіе женщинъ того времени ограничивалось поверхностнымъ рифмоплетствомъ, читаніемъ и писаніемъ романовъ, пустыми упражненіями въ слогѣ и подробнымъ описаніемъ сценъ изъ жизни или природы, — то на это не слѣдовало бы смотрѣть, какъ на характеристическую черту того столѣтія, такъ какъ почти тоже самое повторяется и въ наше время;—но тогда это имѣло совершенно другой видъ. Знатныя дамы, о которыхъ мы упоминаемъ, были не только поэтами, но большею частью основательными знатоками древнихъ языковъ и литературы, и понимали незамѣнимое значеніе послѣднихъ для развитія въ людяхъ истинно человѣческаго духа, который одинъ составляетъ въ человѣкѣ нѣчто божественное и свободное, потому что все прочее подчиняется законамъ природы. Мы упоминаемъ здѣсь объ этихъ женщинахъ не по поводу ихъ стихотвореній, безъ которыхъ, какъ бы не были они изящны, міръ могъ бы легко обойтись, но потому что онѣ, пользуясь своимъ саномъ и вліяніемъ, принимали живое участіе въ стремленіяхъ своихъ современниковъ, проснувшихся для новой жизни, и являлись могущественными покровительницами всякой науки и всякаго искуства. Для примѣра мы назовемъ кромѣ матери Лоренцо Медичи нѣкоторыхъ изъ замѣчательнѣйшихъ женщинъ того времени. Первое мѣсто между ними занимаютъ Изабелла Арагонская, Ипполита Сфорца (см. т. IX. стр. 423), Серафина Колонна, Анна Спина и Алессандра Скала: онѣ брали уроки у знаменитѣйшихъ ученыхъ своего времени и прославились трудами по разработкѣ національнаго языка и основательнымъ знаніемъ древнихъ языковъ. Кромѣ того извѣстны еще имена двухъ Изотта, изъ которыхъ одна была изъ рода, господствовавшаго нѣкогда въ Римини, а другая принадлежала къ знатнѣйшей фамиліи Вероны; стихотворенія ихъ знаетъ вся Италія. На ряду съ ними славились принцесса Біанка Эсте и Домитилла Тривульціа, принадлежавшая къ миланской

фамиліи, находившейся въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ герцогскому дому. Но никто не пользовался такимъ уваженіемъ современниковъ, какъ Кассандра Феделе. Сколько намъ извѣстно, изъ ея стихотвореній до насъ не дошло ни одного. За то уцѣлѣли ея письма и рѣчи, и какъ тѣ, такъ и другія совершенно соотвѣтствуютъ похваламъ, расточавшимся этой женщинѣ Полиціаномъ, который искусство предпочиталъ природѣ, а форму — содержанію. Похвалы Полиціана сдѣлали эти произведенія извѣстными во всей Европѣ, и Кассандра была обязана имъ тѣмъ, что въ слѣдующемъ столѣтіи королева испанская, Лудовикъ XII французскій и папа Левъ X почти въ одно время пригласили ее къ своему двору. Кассандра намѣревалась отправиться въ Испанію, но ея соотечественники, венеціанцы, убѣдили ее не разставаться съ ними.

Замѣчательнѣйшимъ явленіемъ XV ст. была попытка соединить языческую поэзію съ христіанской, слить эпосъ германцевъ и скандинавовъ съ эпосомъ грековъ и римлянъ, прославить средневѣковыхъ и древнихъ героевъ въ оригинальной народной пѣсни; другими словами, это было возникновеніе такъ называемой романтической поэзіи изъ пѣсенъ итальянскихъ странствующихъ пѣвцовъ. Возникшая такимъ образомъ въ XV ст. эпико-комическая поэзія была въ слѣдующемъ столѣтіи подготовлена трудами Берни для Аріосто; послѣдній откинулъ комическій элементъ и въ начальныхъ строфахъ своего „Орландо“ волшебно соединилъ высокую серьезность древней поэзіи съ романическимъ характеромъ поэзіи рыцарской; въ то же время Тассо создалъ, по образцу Виргилія, христіанскій эпосъ. Мы считаемъ возможнымъ утверждать, что Тассо уже потому долженъ былъ впасть въ риторическій и сантиментальный тонъ, что совершенно отказался отъ тона романтической поэзіи, тогда какъ Аріосто удержалъ національный характеръ ея, т. е. комическій элементъ. Дальнѣйшія явленія принадлежатъ уже исторіи литературы XVI ст. Предшествующія замѣчанія должны обратить вниманіе нашихъ

читателей только на то, что комическое смѣшеніе высшаго съ низшимъ въ стихотвореніи этой категоріи, имѣло частью положительное, частью отрицательное вліяніе на оба рода рыцарскаго эпоса, возникшіе въ XVI в.. Вообще, та комическая, или вѣрнѣе сказать, ироническая форма романтической поэзіи, лучшимъ представителемъ которой служитъ „Морганте Маджіоре" Луиджи Пульчи, называется burlesque (отъ слова burla — фарсъ); но это названіе не слѣдуетъ смѣшивать съ именемъ самого низшаго рода комической поэзіи, возникшимъ, какъ разсказываютъ, вслѣдствіе того, что одинъ веселый цирюльникъ, умершій въ Римѣ въ 1448 г., назвалъ себя Буркіелло отъ своей манеры сочинять стихи на удалую, alla burchia. Послѣдній родъ поэзіи слѣдуетъ собственно называть burchiellesque.

Касательно возникновенія новой романтико-эпической поэзіи мы полагаемъ возможнымъ согласиться съ тѣмъ, что говоритъ объ Италіи Генгеннэ въ четвертой главѣ четвертаго тома своей исторіи литературы; но мнѣніе, высказанное имъ въ третьей главѣ о романской поэзіи вообще, кажется намъ несостоятельнымъ. Генгеннэ доказываетъ сначала, что изъ остатковъ прежней повѣтствовательной поэзіи трубадуровъ, труверовъ и провансаловъ, которая почти вся принадлежитъ Италіи, въ этой странѣ образовался въ послѣднее время среднихъ вѣковъ родъ народной пѣсни, подобно тому какъ у насъ возникли Мелузины, книжечка объ императорѣ Октавіанѣ и др. Эта итальянская поэзія бродячихъ рапсодовъ черпала свои сюжеты преимущественно изъ исторіи Карла Великаго и создала громадный матеріалъ, собраный въ «J. Reali di Franzia di Christoforo Altissimo» —книгѣ, напечатанной въ 1537 г. въ Венеціи. Нѣкоторыя изъ этихъ пьесъ, обработанныя въ прозаической или поэтической формѣ, уже въ XV ст. пріобрѣли много читателей и были нѣсколько разъ перепечатаны въ слѣдующемъ столѣтіи. Къ нимъ принадлежатъ: напечатанная въ 1498 г. въ Венеціи и издававшаяся нѣсколько разъ книга, авторъ которой (Белло) называетъ себя

слѣпымъ (заглавіе ея: Il Membriano di Francesco Cieco di Ferrara); потомъ — Buova d'Antona Canti XVII in ottave rime, Венеція 1489 г., и напечатанныя въ первый разъ въ 1517 г. Spagna historiata (разсказы о Роландѣ). Авторъ этихъ народныхъ произведеній писалъ для итальянцевъ, которые смотрѣли на смѣшеніе серьезнаго съ комическимъ благосклоннѣе, чѣмъ мы; вслѣдствіе этого они смѣшивали безъ всякаго затрудненія и злаго умысла серьезную мысль съ фарсомъ, религіозное съ крайне-свѣтскимъ.

То же самое дѣлалъ впослѣдствіи Лунджи Пульчи, авторъ „Морганте Маджіоре", желавшій создать новый родъ поэзіи. У него было два брата, также писатели. Одинъ изъ нихъ, Бернардо Пульчи, съ нѣсколькими другими поэтами, изъ которыхъ болѣе другихъ извѣстенъ Джироламо Беневьени, издалъ собраніе идиллій, появившееся въ 1484 г., а въ 1494 г. напечаталъ переводъ „Буколикъ" Виргилія и нѣсколькихъ другихъ стихотвореній. Второй братъ, Лука Пульчи, написалъ по случаю блестящаго турнира, даннаго Лоренцо Медичи стансы, прославившіе его во всей Италіи и въ 1491 г. издалъ во Флоренціи поэтическія посланія, написанныя terze rime. Третій братъ, Луиджи Пульчи, другъ и собесѣдникъ Лоренцо Медичи и Полиціана, извѣстенъ какъ изобрѣтатель новаго рода повѣствовательной поэзіи, представлявшаго умышленную пародію на романтизмъ. Будучи, подобно своимъ друзьямъ, человѣкомъ веселымъ и образованнымъ, онъ любилъ слушать исторіи объ удивительныхъ подвигахъ паладиновъ Карла Великаго, перемѣшанныя съ комическими выходками и разсказывавшіяся народу на улицахъ и площадяхъ. Вслѣдствіе этого ему естественно пришла мысль написать трагикомическую героическую поэму, „Морганте Маджіоре"; но сначала это было, повидимому, ничто иное, какъ шутка въ пріятельскомъ кругу. Пульчи прочелъ Лоренцо и его друзьямъ, любившимъ развлекаться литературой и искусствами, сначала одну пѣснь, потомъ другую, и наконецъ полный эпосъ, и неожиданно увидѣлъ, что, помимо

своего нѣдома, создалъ своеобразное тосканское произведеніе; это напоминаетъ намъ знаменитые парижскіе салоны. Пульчи, подобно бродячимъ пѣвцамъ, надъ торжественностью которыхъ смѣется въ своей поэмѣ, воспѣваетъ подвиги Роланда; собственноже онъ осмѣиваетъ, какъ божественное такъ и человѣческое, потому что иронія и насмѣшка въ его произведеніи также образцовы, какъ смѣшанныя съ ними величіе, возвышенность и серьезность. Такъ какъ мы не произносимъ здѣсь эстетическаго приговора надъ сочиненіями, о которыхъ говоримъ, а имѣемъ въ виду только отношеніе литературы къ жизни и нравственности, то должны замѣтить, что великая и вполнѣ заслуженная слава, пріобрѣтенная оригинальнымъ произведеніемъ Пульчи, характеризуетъ сущность и духъ цивилизаціи того времени. Прославленіе поэмы Пульчи совершенно согласно съ характеромъ высокообразованнаго, аристократическаго вѣка папы Льва X; такимъ же образомъ по успѣху „Pucelle“ Вольтера и „Nonne“ Дидро можно составить себѣ ясное понятіе о парижскихъ аристократическихъ кружкахъ XVIII ст. Надо, однако, замѣтить, что Пульчи не позволяетъ себѣ тѣхъ неприличныхъ, грязныхъ выходокъ, которыя встрѣчаются у фернейскаго патріарха. Такое сочиненіе какъ „Морганте Маджіоре“ Пульчи могло сдѣлаться классическимъ только въ Италіи, гдѣ народные пѣвцы и даже проповѣдники пріучили публику къ тону, возмутительному для нашей серьезной натуры, — и лишь въ то время, когда высокомѣрное высшее сословіе, подобно Вольтеру, не подозрѣвало, что народъ обратитъ потѣшавшее ихъ кружки остроуміе, противъ него и его привилегій. То была пора, когда даже за столомъ умнаго папы Льва X сыпались насмѣшки надъ самыми священными предметами!

Время, въ которое жилъ Пульчи, было по наружности вполнѣ религіозно; догматическая и обрядовая стороны были предметомъ самаго ревностнаго охраненія; ересь и колдовство наказывались строже, чѣмъ грабежъ и убійство. Для такого вре-

мени прелесть „Маджіоре“ заключалась въ контрастѣ, придающемъ весьма веселый характеръ стансамъ этой поэмы. Пульчи поступаетъ какъ пѣвцы, примѣру которыхъ онъ слѣдовалъ: онъ смѣшиваетъ священнѣйшія пѣсни церкви, воззванія алтаря, прекраснѣйшія мѣста изъ св. писанія съ самыми мірскими стихами и заканчиваетъ каждую пѣснь чѣмъ то въ родѣ молитвы или словами „Missa est“, которыя употреблялись и уличными пѣвцами, когда они распускали собиравшійся вокругъ нихъ кружокъ. Мы пояснимъ это нѣкоторыми примѣрами, но предоставляемъ нашимъ читателямъ самимъ прочесть стансы, изъ которыхъ мы заимствуемъ эти стихи.

Первая пѣснь начинается словами:

In principio era il Verbo appresso a Dio
Ed era Iddio il Verbo e il Verbo lui,—и т. д.

За тѣмъ слѣдуетъ такое воззваніе къ Богу:

Mandami solo un degli angeli tuoi,
Che m'accompagni e rechimi a memoria
Una famosa antica e degna storia!

Во второмъ стансѣ поэтъ взываетъ также къ Vergine Santa. figlia e madre e sposa diquel signor и т. д., а восемьдесятъ первый стансъ заканчиваетъ первую пѣснь словами: Di mal vi guardi il re dell'alta gloria. Вторая пѣснь начинается такъ:

O giusto, o santo, o eterno monarca,
O sommo Giove per noi crucifisso,—и пр.

Заканчивается она словами:

Or tu signor, a cui servir sol godo,
Per cui la terra e l'aria rabuffo.
Guardaci e salva, e asino al fine insegna
Tanto ch'io canti questa storia degna!

Четвертая пѣснь начинается такъ:

Gloria in excelsis deo e in terra pace,
Padre, figlolo e spirito santo, — и т. д.

Седьмая пѣснь, подобно четвертой и другимъ, начинается торжественною церковною пѣснью „Hosanna"; десятая — Te deum laudamus, пятнадцатая — Magnificat, девятнадцатая — Laudate, двадцать третья—Deus in adjutorium nostrum intende. Заключительные стихи также молитвы или слова отпущенія съ миромъ, въ формѣ, употреблявшейся уличными пѣвцами. До какой степени манера Пульчи можетъ непріятно дѣйствовать на насъ, непривыкшихъ къ этому роду комизма, можно видѣть изъ двѣнадцатой пѣсни, оканчивающейся стихомъ: „L'angel di dio vi tenga pel ciuffetto" Вообще вся эта книга, какъ по духу, такъ и по языку, вполнѣ флорентинская (toscanissimo); прелестей ея нельзя понимать, какъ слѣдуетъ, по сю сторону Апеннинъ, не говоря уже по сю сторону Альпъ. Тосканскіе обороты рѣчи и тосканскія поговорки щедро вознаграждаютъ туземцевъ за то, что, судя по мнѣнію критиковъ, стихъ часто жестокъ, и грубость выраженій заходитъ иногда слишкомъ далеко. Вслѣдствіе этого „Morgante Maggiore" читался въ продолженіе всѣхъ послѣдующихъ столѣтій и причисляется къ классическимъ народнымъ стихотвореніямъ.

Это повѣствовательное произведеніе отличалось полною геніальностью и принадлежало новой Италіи и среднимъ вѣкамъ; но время требовало эпической поэмы въ древней формѣ. Итальянскіе ученые впали въ ту же ошибку, которая была свойственна всѣмъ европейскимъ народамъ, желавшимъ основать новую литературу на фундаментѣ классической древности, и состояла въ мнѣніи, что при этомъ нельзя обойтись безъ помощи какого нибудь Гомера, Софокла, Пиндара и т. п. Поэтому Италія требовала эпоса, написаннаго по всѣмъ правиламъ древняго классицизма. Попытка созданія итальянскаго эпоса принадлежитъ очень ученому человѣку, Маттіа Маріи Боэрдо, графу Скандіано, соединившему для этой цѣли всѣ саги о Роландѣ въ одну поэму; но онъ рѣшилъ свою задачу также неудачно, какъ

впослѣдствіи Шапленъ, написавшій во Франціи исторію Орлеанской дѣвы. Боярдо хорошо зналъ греческій языкъ, отлично писалъ по-латыни и перевелъ на свой родной языкъ Геродота, „Золотого Осла“ Апулея и хронику Рикобальда; но какъ героическій поэтъ онъ имѣетъ для насъ значеніе только потому, что собралъ матеріалы для Аріосто. Онъ черпалъ изъ тѣхъ самихъ источниковъ, которыми воспользовался Луиджи Пульчи, — но черпалъ совершенно серьезно, а не для того, чтобы издѣваться надъ серьезностью. Своею личностью Боярдо придалъ значеніе и сюжету, выбранному имъ, потому что былъ другомъ ученыхъ герцоговъ Борзо и Геркулеса I д'Эсте, и намѣстникомъ Реджіо. Но онъ утомлялъ своихъ читателей излишнимъ обиліемъ разсказовъ. Изъ богатыхъ источниковъ—народныхъ стиховъ и повѣствованій о паладинахъ Карла Великаго онъ набралъ для героической поэмы Orlando inamorato такое множество матеріаловъ, что на разработку ихъ не хватило бы цѣлой человѣческой жизни. Боярдо довелъ своего „Орландо“ только до девятой пѣсни третьей книги, — и только въ началѣ XVI столѣтія Николо дельи-Агостини прибавилъ къ ней еще три книги или тридцать три пѣсни. Эта первая попытка героическаго эпоса по древнему образцу мало или совсѣмъ неизвѣстна въ своей первобытной, утомляющей формѣ; кто хочетъ познакомиться съ нею, долженъ обратиться къ вышедшимъ тотчасъ послѣ ея появленія испанскимъ и французскимъ переводамъ, потому что итальянскій оригиналъ былъ принужденъ уступить мѣсто переработкамъ. Даже Генгеннэ въ своей исторіи итальянской литературы обнаруживаетъ незнакомство съ первоначальнымъ текстомъ Боярдо; хотя онъ и утверждаетъ, что видѣлъ изданіе его, появившееся въ 1539 г. еще до передѣлки Доминики, но цитируетъ только венеціанское изданіе 1745 г. Поэтому Orlando inamorato, на сколько эта поэма составляетъ переходъ къ „Неистовому Роланду“ Аріосто, принадлежитъ къ шестнадцатому столѣтію, въ исторіи котораго мы еще

разъ вернемся къ нему. Въ половинѣ этого столѣтія Лудовико Доминики, а потомъ Франческо Берни занимались полною передѣлкою сочиненія Боярдо. Трудъ перваго не понравился; Франческо Берни былъ счастливѣе. Его „Orlando inamorato" читается до сихъ поръ, какъ введеніе къ „Неистовому Роланду". Какова была масса матеріаловъ, собранныхъ Боярдо и Николо дельи-Агостини, можно видѣть изъ объема менѣе обширнаго сочиненія Берни. Въ первой книгѣ двадцать девять пѣсней, каждая въ пятьдесять строфъ, состоящихъ изъ осьми стиховъ каждая; во второй — тридцать одна пѣснь; третью Боярдо довелъ до девятой пѣсни; а такъ какъ впослѣдствіи число книгъ значительно увеличилось, то изъ всего этого можно заключить объ объемѣ всего сочиненія.

3. Изученіе естественныхъ наукъ, основанное на объясненіи древнихъ писателей; расширеніе и преобразованіе опытныхъ наукъ среднихъ вѣковъ.

Эмпирическихъ наукъ, которыми въ древнее время занимались меньше, чѣмъ въ новое, мы коснемся только мимоходомъ и лишь для того, чтобы показать, какъ въ XV столѣтіи въ Италіи возникли жизнь и наука новаго времени; подробная же исторія естественныхъ наукъ требуетъ спеціальныхъ познаній, которыми мы не можемъ похвастаться. Вслѣдствіе этого, а также и потому, что впослѣдствіи болѣе не возвратимся къ этому предмету, мы не ограничимся однимъ XV столѣтіемъ, но бросимъ взглядъ и на два слѣдующія.

Въ числѣ древнихъ писателей, за разработку которыхъ итальянцы принялись въ XV столѣтіи и которыми они пользовались для возрожденія древней науки, находились Плиній и Діоскоридъ. Маттіоли, переводчикъ Діоскорида, своими трудами положилъ основаніе новой ботаникѣ. Въ Италіи, которая въ XV столѣтіи соединяла еще въ себѣ всю торговлю, всю промышленость и всѣ богатства Европы, пробудилось всеобщее сочувствіе

къ ботаникѣ. Города считали честью заводить у себя большія ботаническія учрежденія, а богатые частные люди и правители устроивали при своихъ домахъ ботаническіе сады. Падуанскій садъ сдѣлался первымъ въ Европѣ, чѣмъ былъ обязанъ управленію Проспера Альпина и Гвильяндино. Просперъ Альпинъ, бывшій представителемъ обширнаго падуанскаго садоводства съ 1599 до 1616 г., объѣхалъ въ 1580—1586 г. весь востокъ исключительно для пользы этого сада, и его сочиненія доказываютъ, что главнымъ предметомъ его изученія было садоводство Палестины и Египта. Въ то же время Андреа Чезальпини читалъ въ Пизѣ лекціи ботаники и написалъ свою систему растеній (de plantis, 1583. 4).

Современникъ этихъ ученыхъ, Альдрованди, читавшій лекціи въ Болоньѣ, занимался естественною исторіею вообще и посвящалъ ей свои умные труды въ то самое время, когда по сю сторону Альпъ шли жаркіе споры о догматикѣ. Въ концѣ столѣтія въ Неаполѣ славился профессоръ Порта, родившійся въ 1550 г.; онъ читалъ геніальныя лекціи по естественной исторіи и анатоміи и писалъ сочиненія по всѣмъ предметамъ, родственнымъ съ естественными науками; изъ числа этихъ книгъ сочиненіе о магіи (de secretis), имѣвшее обширный кругъ читателей, навлекло на него даже подозрѣніе въ ереси и колдовствѣ. Кромѣ того онъ писалъ о физіогномикѣ (Physiognomica), о преломленіи лучей, о теоріи кривыхъ линій, о перспективѣ и о сущности воздуха (Pneumatica). Что касается анатоміи, то въ XV ст. Мондини проложилъ путь къ изученію ея, по которому потомъ пошелъ Джакопо Беренгаръ изъ Карпи. Послѣдній издалъ въ 1521 г. подробное сочиненіе по анатоміи, изученіе которой было до тѣхъ поръ почти невозможно, и потомъ продолжалъ въ Феррарѣ открытія и изслѣдованія, начатыя имъ въ родномъ городѣ. Всѣ величайшіе анатомы послѣдующихъ столѣтій были итальянцы. Андреа Везалій родился, правда, въ Брюсселѣ и читалъ лекціи сна-

чала въ Левенѣ, Парижѣ и Монпелье; но послѣдніе шестнадцать лѣтъ своей жизни онъ училъ въ Падуѣ, гдѣ и умеръ въ 1564 г. Второй знаменитый анатомъ, Габріель Фаллопіа, родился въ Моденѣ. Онъ много путешествовалъ, былъ также въ Греціи, читалъ лекціи въ Феррарѣ, Пизѣ, Падуѣ и уже на двадцать четвертомъ году написалъ важнѣйшее изъ всѣхъ своихъ сочиненій (Observationes anatomicae, Venetiae, 1561. 8). Мы не знаемъ куда отнести знаменитыхъ современниковъ его, сицилійца Инграссіаса и Конани феррарскаго, потому что не имѣемъ никакихъ познаній въ анатоміи; но превосходныя анатомическія таблицы Бартоломео Эвстакіо принадлежатъ къ замѣчательнѣйшимъ художественнымъ произведеніямъ новаго времени, не говоря уже объ употребленіи, которое сдѣлали изъ нихъ въ XVIII столѣтіи Бёргавъ и его медицинская школа. Эвстакіо окончилъ свои безсмертные рисунки въ 1574 г. въ Римѣ, но недостатокъ денегъ не позволилъ ему гравировать ихъ; только въ 1714 г. папа Климентъ XI поручилъ эту работу Ланчиши и издалъ таблицы. Бёргавъ, снова издавшій ихъ въ 1744 г. въ Лейденѣ, прибавилъ къ нимъ объясненія и новыя открытія.

4. Общія замѣчанія о математическихъ наукахъ.

Такъ какъ математика и соединенныя съ изученіемъ ея науки еще болѣе чужды предмету этого сочиненія, чѣмъ только что упомянутыя реальныя, творцовъ которыхъ каждый образованный человѣкъ долженъ знать по крайней мѣрѣ по имени, то мы не будемъ здѣсь приводить ни именъ математиковъ, ни заглавій ихъ сочиненій. Мы ограничимся лишь указаніемъ въ общихъ чертахъ на то, какимъ образомъ эти науки, достигшія въ наше время такой высокой степени, какая даже не снилась древнимъ, возникли въ XV и XVI столѣтіяхъ изъ занятій классическою древностью; въ Италіи была начата подготовка этихъ наукъ къ ихъ дальнѣйшей разработкѣ и было положено осно-

ваніе совершенно новымъ наукамъ вѣса и мѣры, счета и близкаго знакомства съ небомъ и землею. Совсѣмъ забытый или похороненный въ арабскомъ сорѣ Эвклидъ былъ вытащенъ на свѣтъ, переводимъ и объясняемъ уже въ XIV столѣтіи; въ XV же столѣтіи къ нему было сдѣлано столько коментаріевъ и дополненій, что разработка одного этого ученаго дала остальнымъ народамъ Европы геометрію въ совершенно новомъ видѣ. Что касается алгебры, то даже французскіе ученые новаго времени, бывшіе большими знатоками этой науки, сознавались, что итальянцы сдѣлали въ ней такія важныя открытія, послѣ которыхъ не трудно было придумать все, прибавленное къ нимъ въ позднѣйшее время. Вслѣдъ затѣмъ насущная потребность итальянскихъ мореплавателей, занимавшихся въ то время торговлею и судоходствомъ на пространствѣ отъ Гибралтарскаго пролива до крайнихъ предѣловъ Чернаго моря, создала изъ средневѣковой астрологіи — астрономію. Наконецъ относительно перспективы, оптики и акустики, строительное искусство и живопись достигли высшей степени совершенства, а музыка и драматическое искусство пользовались такимъ покровительствомъ даже при дворѣ папы, особенно же во Флоренціи и Венеціи, что ими занимались теоретически и практически на ряду съ архитектурой. Чтобы доказать справедливость этого извѣстія, намъ стоитъ только указать на то, что въ 1500 г. Рускони издалъ 160 знаменитыхъ рисунковъ на мѣди къ сочиненію Витрувія. Сарло, сочиненіе котораго о строительномъ искусствѣ (sette libri d'architectura) составило эпоху въ наукѣ, жилъ во Франціи, гдѣ и умеръ въ бѣдности.

II. Первыя начала новой литературы во Франціи.

1. Введеніе.

Мы могли бы принять только XVI столѣтіе, а именно царствованіе Франциска I, за начало процвѣтанія во Франціи возро-

Digitized by Google

дившихся въ Италіи занятій древнею классическою литературою, и возникновенія галло-римской цивилизаціи, основанной на изученіи этой литературы; но необходимость сохранить историческую связь не позволяетъ намъ пройти полнымъ молчаніемъ темные слѣды прогресса въ XV и первой четверти XVI столѣтія. Точно также мы вкратцѣ упомянемъ и о ходѣ нѣмецкаго развитія до 1515 г., хотя въ Германіи настоящее развитіе началось только съ Лютера. Труды нѣмецкихъ ученыхъ, о которыхъ мы скажемъ ниже, кажутся намъ тѣмъ болѣе достойными упоминовенія, что образованіе нашей націи незадолго до Лютера и нѣсколько времени спустя послѣ него не зависѣло ни отъ какой протекціи и не пользовалось, какъ во Франціи, защитою двора.

Во Франціи перемѣна произошла уже въ XIII столѣтіи, и въ литературѣ ясно обнаруживались слѣды того, что французскіе принцы долго были властителями Константинополя, и что въ главныхъ мѣстахъ Греціи, Аѳинахъ и Пелопоннесѣ, существовали французскія княжества, находившіяся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ отечествомъ. Такое же вліяніе оказалъ впослѣдствіи крестовый походъ, предпринятый Лудовикомъ IX Святымъ; по крайней мѣрѣ мы имѣемъ положительныя извѣстія, что маленькая библіотека, основанная Лудовикомъ и все то, что онъ дѣлалъ для ученыхъ заведеній, было подражаніемъ видѣнному имъ на востокѣ. Съ другой стороны, такъ какъ Лудовикъ хотѣлъ во чтобы то ни стало навязать почитаемыхъ имъ доминиканцевъ и францисканцевъ и ихъ схоластику французамъ, имѣвшимъ цѣлую литературу на романскомъ языкѣ, — то вслѣдствіе этого образовалась оппозиціонная литература, относившаяся сначала съ презрѣніемъ какъ къ классицизму, такъ и къ монашеству. Вліяніе этой оригинальной романской литературы не прекращалось до Раблэ и отразилось въ этомъ писателѣ. Впослѣдствіи, среди риторическаго парада позднѣйшей академической, схоластической, придворной литературы, она придавала нѣкоторымъ

отдѣльнымъ произведеніямъ наивную прелесть, и въ наше время ею удачно пользовались для возвращенія французскому языку его прежней силы, а французской литературѣ—ея прежней естественности.

2. Оппозиція народныхъ поэтовъ и писателей схоластическому ученію монаховъ; учебники въ стихахъ.

Такъ какъ мы должны ограничиться только указаніемъ на ходъ французской литературы до Франциска I, то считаемъ лишнимъ говорить о сдѣланныхъ въ это время новыхъ передѣлкахъ уже упомянутой выше (т. IX, стр. 401) книги о лисицѣ (Le Renard), направленной противъ суевѣрія и религіозной нетерпимости монаховъ ниществующаго ордена и самого короля Лудовика IX; мы остановимся только на другихъ сатирическихъ произведеніяхъ того времени. Между ними особенно замѣчательно Rutebeuf, принадлежащее къ тому же разряду какъ и Le Renard; въ немъ также явственно видна насмѣшка и горькое народное остроуміе надъ всѣми отношеніями нищенствующаго ордена и его богословской и философской системъ къ Лудовику IX и его администраціи. Если въ этой сатирѣ, на подробностяхъ которой мы не хотимъ и не можемъ останавливаться, замѣтна нѣкоторая злоба автора, то все таки нельзя отрицать, что въ ней блещетъ практическій и здравый смыслъ народа. Всѣ мы, а особенно историки софисты и риторы, выставляемъ большею частью на видъ только хорошую сторону правленія Лудовика IX и его безспорно превосходныя намѣренія; за то въ Rutebeuf народное остроуміе выводитъ наружу темныя стороны этого царствованія и пагубныя послѣдствія тогдашней системы правленія. Эту же изнанку медали показываютъ намъ множество сатирическихъ пѣсней, сказокъ и разсказовъ, представляющихъ въ сатирическомъ свѣтѣ неблагопріятные результаты умственнаго гнета, лицемѣрія и враждебнаго отношенія къ природѣ, вызванныхъ преобладавшимъ въ то

время духовнымъ характеромъ свѣтской власти. Большая часть этихъ произведеній еще не напечатана; но многія изъ нихъ отысканы въ собраніяхъ манускриптовъ и обнародованы въ нашемъ столѣтіи. Изъ нихъ знатоками особенно цѣнятся „Битва пороковъ съ добродѣтелями“ (La bataille des vices contre les vertus) и сатира на монашескіе ордена (sur les ordres religieux). Эта послѣдняя, повидимому, нѣчто въ родѣ водевиля или народной пѣсни, только написанное въ лучшемъ тонѣ, чѣмъ уличныя пѣсни.

Мы проходимъ полнымъ молчаніемъ произведенія, направленныя противъ правительства, потому что мѣсто едва позволяетъ намъ указать на слѣды прогресса; по этому намъ невозможно вдаваться во второстепенныя подробности. Къ предшественникамъ свѣта новаго времени мы причисляемъ труды и попытки къ улучшенію способа обученія. Даже доминиканцы старались сдѣлать обученіе болѣе методическимъ и плодотворнымъ, что доказываетъ примѣръ Венсана Бове, принадлежавшаго къ этому ордену (см. т. VII, стр. 327 и т. VIII, стр. 326). Вслѣдствіе этого, такъ какъ общее вниманіе было обращено на древнихъ писателей и на вспомогательныя средства къ объясненію ихъ, появилось множество новыхъ учебниковъ, вытѣснившихъ старые. Доминиканецъ Александръ Вильдьё, котораго обыкновенно называютъ Александръ Доленсисъ, потому что онъ родился въ бретанскомъ городѣ Долѣ, написалъ грамматику, вытѣснившую въ началѣ XIV ст. изъ французскихъ школъ грамматику Присціана, такъ какъ Александръ читалъ лекціи въ Парижѣ. Въ началѣ XVI ст. эта грамматика оказалась уже неудовлетворительною; тогда во фландрскихъ, а потомъ и во всѣхъ французскихъ школахъ, ввели въ исключительное употребленіе учебникъ Депотера. Въ учебникѣ Александра Доленсисъ вся грамматика изложена александрійскими стихами. Такъ какъ эта книга долго служила руководствомъ во французскихъ учебныхъ заведеніяхъ, то мы вкратцѣ

изложимъ ея содержаніе. Сначала идутъ склоненія, потомъ гетероклитисъ и неправильныя слова; въ третьемъ отдѣлѣ говорится о степеняхъ сравненія (gradus comparationis), въ четвертомъ — о родѣ, въ пятомъ — о правильныхъ спряженіяхъ, въ шестомъ — о неправильныхъ и аномальныхъ глаголахъ, въ седьмомъ — о спряженіи опредѣленныхъ глаголовъ, въ осьмомъ—объ управленіи словъ, въ девятомъ—о конструкціи, въ десятомъ—о правилахъ, касающихся количества слоговъ, въ одиннадцатомъ—объ удареніи и наконецъ въ двѣнадцатомъ—о грамматическихъ фигурахъ. Эта книга имѣла такой успѣхъ, что по примѣру ея было написано множество такихъ же учебниковъ стихами. Между ними пользовался самою большою извѣстностью учебникъ Соважа, изложившаго рифмованными стихами не только грамматическія правила, но и нравственныя.

Съ той минуты, какъ начали вводить улучшенія въ способѣ обученія, борьба, вызвавшая въ Германіи „письма темныхъ людей", проявилась и въ сатирической народной поэзіи французовъ между остроумными приверженцами общаго образованія и монашескими школами съ ихъ діалектикою. Эту цѣль имѣютъ рѣзкіе стихи Тентюрье въ его поэмѣ, озаглавленной: „Свадьба семи свободныхъ искусствъ"; въ ней авторъ старается доказать вредную сторону исключительнаго предоставленія обученія духовенству. Но прологъ къ страшной борьбѣ между гуманистами и діалектиками стараго закала, — борьбѣ, которая погубила послѣднихъ во Франціи гораздо раньше, чѣмъ въ Германіи,—самымъ явственнымъ образомъ обнаруживается въ спорѣ орлеанской школы, обращавшей все вниманіе на разработку гуманныхъ наукъ, съ парижскимъ университетомъ, занимавшимся исключительно схоластикой. Спорящія партіи осыпали другъ друга бранью, что случается и въ наше время. Парижане называли орлеанскую партію компиляторами (glomériaux) и упрекали въ поклоненіи авторитетамъ (autoritiens), потому что они отвергали замысловатые и искусственные выводы парижскаго схоластицизма и въ своемъ ученіи ссылались

на авторитетъ древнихъ писателей, изъ которыхъ приводили цитаты; орлеанцы называли парижскія замысловатости—quiquelique. Это можно видѣть изъ слѣдующихъ стиховъ въ разсказѣ Le Renard:

Sais-tu rien de dialectique?
Oui, je sais toute quiquelique.

Эта борьба школъ подала Анри д'Андли мысль написать поэму о битвѣ семи свободныхъ искусствъ (bataille des sept arts). Въ ней авторъ (это характеризуетъ цѣль, изъ за которой мы упоминаемъ о его сочиненіи) заставляемъ грамматиковъ, поэтовъ, ораторовъ и историковъ древности сражаться за Орлеанъ; напротивъ того, философы и особенно логическіе бойцы и искусные диспутанты подымаютъ оружіе за Парижъ. Задача этого сочиненія выполнена недурно, и мы подробнѣе изложимъ его содержаніе, потому что можетъ быть и въ наше время вражда между профессорами, горячо спорящими о политикѣ и философіи, ведется такимъ же образомъ. Когда парижскіе діалектики вступили въ битву, храбрѣйшаго защитника Quiquelique, Рауля Бальи, уже не было на свѣтѣ; поэтому имъ пришлось обратиться съ просьбою о помощи въ Турнэ. Посланныя оттуда комическія лица нагружаютъ на свои походныя телѣги высшія и низшія монашескія школы, trivium и quadrivium (см. т. IV, стр. 565) и вмѣсто лошадей впрягаютъ педелей; возжи и бичи держутъ Роберъ-Карликъ и Клеронъ Старый (незнакомыя намъ, но хорошо знакомыя современникамъ личности, подпадавшія сатирѣ, придавали такимъ поэмамъ пикантный характеръ какого нибудь „Шаривари“ или „Понча“ нашего времени). Эта часть сражающихся вступаетъ въ битву при звукахъ военной музыки; но горла схоластиковъ требуютъ полосканія, и весь Парижъ долженъ доставлять вино для этой потребности. При первой стычкѣ Донатъ устремляется на Платона, Аристотель — на Присціана; послѣдній уже выбитъ изъ сѣдла могущественнымъ копьемъ своего противника, когда доктринала и грецизмъ (тоже для

греческаго языка, что доктринала для латинскаго) поспѣваютъ на помощь къ бѣдному Присціану и такъ сильно ранятъ лошадь Аристотеля, что онъ принужденъ продолжать битву пѣшкомъ. Вслѣдъ за этимъ на помощь грамматикѣ являются всѣ латинскіе писатели; только донъ Барбаризмъ остается на сторонѣ философіи, потому что хотя онъ собственно вассалъ грамматики, но — говоритъ поэма съ злобною насмѣшкою надъ старыми и новыми схоластиками, — имѣетъ ленныя помѣстья и въ области философіи, — и сверхъ того родомъ изъ Пуату, — слѣдовательно плутъ. Но помощь его приноситъ мало пользы философіи, потому что онъ дерется скверно. Наконецъ діалектика принуждена отступить, и ее запираютъ въ Монлери. Она пытается заключить капитуляцію, но ея парламентеръ дѣлаетъ такія ошибки противъ правилъ языка, что его прогоняютъ. Наконецъ является англичанинъ Готье съ вспомогательными войсками астрономіи; они даютъ залпъ, и грамматика должна отступить. Здѣсь поэтъ бѣгло знакомитъ насъ съ отраслями образованія, господствовавшими въ различныхъ странахъ Европы. Онъ говоритъ, что со времени воспѣтой имъ битвы Poësie la courtoise утвердила свою резиденцію между Блуа и Орлеаномъ, во Франціи заняла первое мѣсто haute science, въ Англіи и Германіи поэзія остается еще въ чести, но въ Ломбардіи на нее смотрятъ весьма неблагосклонно.

3. Оригинальная исторіографія и наивная проза.

Мы сказали (т. VII, стр. 318) что французыже въ XIII и XIV ст., вслѣдствіе появленія исторіи завоеванія Константинополя, приписывавшейся Готфриду Виллардуэну и Жуанвилевой исторіи Людовика Святаго, пріобрѣли на родномъ языкѣ историческія сочиненія, которыя еще и теперь можно читать съ пользою и удовольствіемъ. Далѣе (т. VIII, стр. 207) мы замѣтили, что хроника Фруассара, хотя рѣзко отличающаяся отъ этихъ двухъ сочиненій, на которыя должно смотрѣть какъ

на образцы и начало характеристической литературы французскихъ мемуаровъ, — примѣнила къ исторіи XIV ст. ту же самую методу, которую употребляли только Виллардуэнъ и Жуанвиль, и которая, будучи приспособлена къ національному характеру и потребностямъ французовъ, состояла въ томъ, чтобы авторъ исторіи самъ являлся въ ней говорящимъ и дѣйствующимъ лицемъ. Со времени Фруассара во Франціи не было недостатка въ мужчинахъ и женщинахъ, записывавшихъ на отечественномъ языкѣ и съ своей личной точки зрѣнія современныя событія. Это обстоятельство съ одной стороны вредило философскому взгляду на вещи, но съ другой сильно содѣйствовало развитію національности и сочувствія къ тому, что имѣло традиціонный характеръ и считалось справедливымъ, хотя бы и было выдумано. Конечно, этотъ рядъ мемуаровъ надѣлилъ французовъ слишкомъ большимъ количествомъ анекдотовъ, остроумныхъ выходокъ, рѣчей и отвѣтовъ, таинственныхъ исторій, характеристикъ, сплетень и явныхъ выдумокъ; но тѣ же самые мемуары дали имъ средство внести въ свою исторію жизнь, движеніе и національность, чего рѣшительно не достаетъ намъ, нѣмцамъ, потому что у насъ есть только латинскія хроники и исторіи съ безконечными Regesten. Впрочемъ, послѣ Фруассара мы открываемъ въ наивной и романтической исторіографіи, отличавшейся индивидуальнымъ и анекдотическимъ характеромъ, слѣды той же перемѣны, которая происходила въ то время въ жизни высшихъ круговъ и въ политикѣ. Простой и естественный способъ изложенія исчезаетъ, писатели принадлежатъ къ итальянской школѣ и повсюду откапываютъ итальянскія интриги, на которыя съ этихъ поръ начинаютъ смотрѣть какъ на науку политики, какъ на главный источникъ образованія государственныхъ людей и дипломатовъ, потому что всякая правда и искренность жизни осмѣивается какъ глупость. Пружины всѣхъ дѣйствій и причины всѣхъ событій писатели находятъ исключительно въ интригахъ и частныхъ цѣляхъ отдѣльныхъ личностей.

Эгоизмъ признается источникомъ всѣхъ человѣческихъ дѣйствій, и потому чтеніе мемуаровъ порождало эгоизмъ и въ тѣхъ, кто управлялъ государствомъ. Эти мемуары, по своему занимательному характеру, повидимому, открывали причины и связь всѣхъ вещей, передавали читателямъ всѣ слова и даже мысли дѣйствующихъ лицъ,—часто превращали французскую исторіографію, то въ собраніе анекдотовъ, то въ скандальную хронику. Началомъ такихъ мемуаровъ мы принимаемъ сочиненіе Христины Пизанской подъ заглавіемъ: Mémoires sur le règne de Charles V. Отецъ автора, Томасъ Пизанскій, былъ ученый итальянецъ, выписанный королемъ Карломъ V изъ Болоньи по причинѣ его астрономическихъ или скорѣе астрологическихъ познаній; въ то время, до самаго XVII ст. ни одинъ европейскій дворъ, какъ теперь персидскій, не могъ обходиться безъ астролога, и всѣ эти мѣста давались итальянцамъ. Вмѣстѣ съ отцемъ ко двору Карла V пріѣхала и дочь; во Франціи она вышла замужъ, но овдовѣла двадцати пяти лѣтъ и вслѣдствіе этого очутилась въ стѣснительномъ положеніи. Она сочиняла стихи, и съ 1399 г. ея мелкія стихотворенія (dictiées, rondeaux, ballades, laix и др.) до того прославили ея имя во Франціи, Англіи, Миланѣ, и слѣдовательно вездѣ, гдѣ былъ въ употребленіи древнефранцузскій придворный языкъ, что герцогъ миланскій пригласилъ ее къ своему двору. Но она не поѣхала. Впослѣдствіи она отправилась ко двору Филиппа Добраго Бургундскаго. Тутъ, по желанію герцога, она написала въ 1405 г. первую книгу біографіи Карла Мудраго, къ которой послѣ прибавила и остальныя части. Обстоятельства ея были постоянно плачевны, но она написала на французскомъ языкѣ пятнадцать книгъ; нѣкоторыя изъ нихъ особенно важны тѣмъ, что ими было положено начало литературы или журналистики для дамъ въ то время, когда такой литературы еще не существовало. Любимою книгою всѣхъ знатныхъ и образованныхъ женщинъ XV ст. было сочиненіе Cité des dames. Мы бы охотно поговорили подробнѣе о другомъ сочиненіи Христины, De la police fran-

çaise, которое Мабильонъ нашелъ въ Безансонѣ во время своего ученаго путешествія, — но оно неизвѣстно намъ. Біографія Карла V или мемуары Христины, помѣщенные въ обширномъ собраніи мемуаровъ для французской исторіи, не имѣютъ никакого значенія. Они состоятъ изъ собранія анекдотовъ, имѣющихъ цѣлью жизнеописаніе и восхваленіе Карла V, покровителя отца Христины, а также прославленіе послѣдняго. Историкъ почерпнетъ немного поучительнаго изъ сочиненій этой доброй женщины, которая смотрѣла на вещи съ женской и отдаленной точки зрѣнія и не умѣла глубоко вникать въ сущность человѣческой натуры, въ ходъ событій и въ ихъ внутреннюю связь. Историку она можетъ сообщить многія хронологическія свѣдѣнія о времени, для изученія котораго мало вѣрныхъ источниковъ; но къ показаніямъ ея надо относится крайне осторожно, когда они не подкрѣплены другими свидѣтельствами.

Три другихъ автора мемуаровъ XV ст., Петръ Фененъ, Оливье де-ла Маршъ и Филиппъ Коминъ, принадлежатъ къ лучшимъ хроникерамъ послѣднихъ годовъ среднихъ вѣковъ и первыхъ новаго времени. При внимательномъ чтеніи сочиненій этихъ людей, особенно Комина, можно ясно видѣть преимущество французовъ передъ нѣмцами въ томъ отношеніи, что первые имѣли въ этихъ мемуарахъ исторію замѣчательнѣйшихъ людей и событій, написанную на національномъ языкѣ, тогда какъ у нѣмцевъ еще въ половинѣ XVIII ст. не было никакой исторіи на удобочитаемомъ нѣмецкомъ языкѣ. Французы обязаны названнымъ нами писателямъ близкимъ знакомствомъ съ исторіею своей страны въ XV ст.; первый изъ нихъ Петръ Фененъ, былъ аррасскимъ городскимъ старшиною (prévost) и умеръ въ 1433 г. Его записки, собранныя впослѣдствіи Жераромъ де-Тьёленъ и Гренкуромъ ле Дюизанъ, въ историческомъ отношеніи гораздо важнѣе записокъ Христины Пизанской. Фененъ постоянно находился при дворѣ, гдѣ пользовался большимъ значеніемъ. Его мемуары содержатъ простое, не особенно пристрастное описаніе несчастной вражды Ор-

леанскаго и Арманьякскаго домовъ съ Бургундскимъ. Правда, авторъ держитъ больше сторону бургундцевъ, но относится довольно справедливо и къ арманьякамъ.

Второй изъ упомянутыхъ хроникеровъ, Оливье де-ла Маршъ, уже немного больше заботился о внѣшности разсказа, чѣмъ Петръ Фененъ. Ла-Маршъ, умершій въ 1505 г., былъ grand maitre d'hôtel бургундскаго двора и служилъ сначала Филиппу Доброму и Карлу Смѣлому, а потомъ Максимиліану и его сыну Филиппу. Въ научномъ отношеніи онъ былъ совершенно необразованъ, но, какъ придворный человѣкъ, чтобы получить какое нибудь значеніе, долженъ былъ какъ во Франціи, такъ и въ Бургундіи принимать участіе въ стремленіяхъ тѣхъ людей, которые писали, сочиняли и говорили на отечественномъ языкѣ; въ Германіи до Лютера уважали только тѣхъ ученыхъ, которые писали на кухонной латыни монастырей или на варварскомъ схоластическомъ нарѣчіи, вслѣдствіе чего итальянцы и французы всегда превосходили нѣмцевъ общественною образованностью. Заслуги, которыя Оливье принесъ отечественной литературѣ, казались до того важными, что о нихъ было упомянуто въ его эпитафіи (qui fit maints beaux dits en belle rhétorique). О его мелкихъ сочиненіяхъ, „мнѣніи о дуэляхъ" (avis sur les duels), краткой астрологіи и наставленіи рыцарямъ мы не станемъ говорить здѣсь; считаемъ нужнымъ остановиться только на его мемуарахъ, потому что только они одни могутъ называться книгою, тогда какъ всѣ прочія его произведенія ни что иное какъ брошюры.

Съ перваго взгляда на мемуары Оливье видно, что они, въ противоположность запискамъ Комина и большей части историческихъ сочиненій нашего времени, не имѣютъ доктринерной цѣли и не имѣютъ въ виду научить политической или дипломатической мудрости; авторъ хотѣлъ только написать занимательный разсказъ. Его сочиненіе составляетъ переходъ отъ романтическихъ пріемовъ Фруассара, цѣлью котораго было описаніе разныхъ приключеній, къ искусственному, политико-дипломатическому изложе-

нію историческихъ событій. Поэтому отъ автора нельзя много требовать; французскіе издатели старыхъ мемуаровъ поступили несправедливо, выбросивъ первыя сто двѣнадцать страницъ, на которыхъ Оливье въ видѣ введенія излагалъ древнюю исторію Франціи. Правда, въ этой части Оливье представляетъ факты въ искаженномъ видѣ и оказывается очень легковѣрнымъ, такъ что имъ нельзя руководствоваться; но потому, какимъ образомъ онъ разсказываетъ о событіяхъ, хорошо знакомыхъ намъ изъ другихъ источниковъ, можно заключить о достоинствѣ тѣхъ отдѣловъ его исторіи, гдѣ онъ является въ одно и то же время разсказчикомъ и источникомъ. Оливье имѣетъ большое преимущество предъ романтическими, дипломатическими и политическими разсказами своихъ современниковъ. Послѣдніе повѣтствуютъ о битвахъ, войнахъ и переговорахъ и описываютъ великолѣпныя процессіи, празднества и блескъ государей, но умалчиваютъ о состояніи государственныхъ доходовъ и о способѣ употребленія ихъ; Оливье же обратилъ особенное вниманіе на этотъ предметъ. Изъ его записокъ мы узнаемъ, что доходы бургундскаго государства простирались до 2 мильона гульд. тогдашней стоимости. Эта сумма въ то время значила тоже, что теперь — десять мильоновъ и по сравненію съ современными потребностями, массою находившихся въ обращеніи денегъ и другими обстоятельствами, давала государю возможность дѣлать вдесятеро больше того, что можно сдѣлать на тѣ же деньги въ наше время; число чиновниковъ и размѣръ ихъ жалованья были незначительны, постоянной арміи не существовало, государственный долгъ былъ неслыханною вещью, и поэтому не было ни платежа процентовъ, ни погашенія капитала. Какъ бѣденъ кажется въ сравненіи съ бургундскими герцогами потомокъ Карла V, Карлъ VI, отецъ Маріи Терезіи, царствовавшій въ XVIII ст. надъ Бельгіею, Венгріею, Богеміею, Австріею, Неаполемъ, Сициліею, Ломбардіею и нѣмецкою имперіею и при всемъ этомъ имѣвшій всего сорокъ мильоновъ доходу! Въ приложеніи къ сочиненію Оливье мы находимъ также нѣчто въ родѣ бюджета

бургундскаго двора, гдѣ выставлены конечно большею частію одни придворные расходы (état de la maison du duc Charles). Понятно, что мы напрасно стали бы искать у Оливье философіи жизни и исторіи; нѣтъ у него также проницательности Филиппа Комина, который искрененъ, наивенъ и простъ, какъ швейцарецъ, желающій надуть, но ускользаетъ изъ рукъ прежде, чѣмъ успѣешь оглянуться. Въ Оливье вездѣ видѣнъ придворный; онъ не пропускаетъ ни одного празднества, ни одного турнира и всегда очень точенъ и подробенъ, когда дѣло идетъ о церемоніалѣ. Такъ напр. онъ пускается въ совершенно серьезное разсужденіе о томъ, почему Филиппъ Добрый Бургундскій, бывшій вассаломъ нѣмецкой имперіи, не слѣзъ съ лошади при первомъ свиданіи своемъ въ Безансонѣ въ 1442 г. съ императоромъ Фридрихомъ III. Оливье приписываетъ чрезвычайную важность тому, что этотъ императоръ настоятельно просилъ герцога ѣхать вмѣстѣ съ нимъ подъ балдахиномъ, а тотъ упорно отказывался. Оливье опредѣляетъ самымъ точнымъ образомъ разстояніе, между герцогомъ и императоромъ, когда они ѣхали вмѣстѣ. Напротивъ того, о важныхъ послѣдствіяхъ смерти Карла и о дѣлахъ Максимиліана онъ говоритъ такъ же коротко, какъ Коминъ подробно.

Мемуары Жакаду-Клерка, отысканные и напечатанные только въ XVIII ст. и обнимающіе періодъ 1448 до 1467 г., ни чѣмъ не отличаются отъ другихъ хронологическихъ указаній относительно содержанія, языка и формы изложенія; поэтому мы не останавливаемся на нихъ и прямо переходимъ къ мемуарамъ Филиппа Комина. Эти мемуары — первое, дѣйствительно историческое сочиненіе, которое въ XVI и XVII ст. много читалось и часто перепечатывалось по сю сторону Альповъ на отечественномъ языкѣ. Еще въ началѣ XVIII ст. оно было издано въ пяти томахъ in octavo сначала въ Брюсселѣ, 1735 г., а потомъ въ 1747 г. Лангле дю-Френуа, который присоединилъ къ нему комментаріи и 424 документа; этимъ послѣднимъ изданіемъ воспользовались для полнаго собранія мемуаровъ. Добрый Лангле—прилежный соби-

ратель и хорошій знатокъ хронологіи и фактовъ, но сужденія его, на нашъ взглядъ, плохи. Онъ говоритъ, что Коминъ ни Діодоръ, ни Ливій, но то Ѳукидидъ или Полибій, то Тацитъ или Саллустій, такъ что выходитъ, что Коминъ ни то, ни сё или совсѣмъ ничто. Но Коминъ — совершенно оригинальный писатель (историкъ sui generis), который подъ прикрытіемъ древняго языка и наивнаго тона проповѣдуетъ хитрость и житейскую мудрость. Поэтому Карлъ V, этотъ мастеръ въ искусствѣ притворяться и пускать въ ходъ политическую и дипломатическую ложь, поступилъ совершенно основательно, сдѣлавъ своею настольною книгою и руководствомъ сочиненіе Комина, начинающееся вступленіемъ автора въ службу его прадѣда. Мемуары Комина, содѣйствовавшіе къ распространенію эгоистической и пагубной итальянской политики, прикрытой привлекательною внѣшностью, надѣлали тотчасъ по выходѣ въ свѣтъ много шума во всѣхъ уголкахъ Европы. Это доказываютъ многочисленные переводы ихъ на всѣ новые языки и на латинскій. Простой перечень этихъ переводовъ еще яснѣе доказалъ бы это, но мы не станемъ его дѣлать, потому что пишемъ не для ученыхъ. Впослѣдствіи (въ исторіи литературнаго развитія въ XVI ст.) мы покажемъ, что Монтань разработывалъ философію точно такъ же, какъ Коминъ — исторію. Оба эти писателя до сихъ поръ считаются во Франціи образцами и мастерами, каждый по своему отдѣлу. Они удовлетворяли національному вкусу, изобиловали анекдотами, были весьма практичны и ловки, никого не оскорбляли дерзостью, говорили задушевнымъ и естественнымъ языкомъ, и сквозь все это просвѣчивала плутовская ловкость. Поэтому неудивительно, что Монтань такъ высоко цѣнитъ Комина.

Коминъ былъ обязанъ полнымъ усовершенствованіемъ своего огромнаго таланта обстоятельствамъ своего времени, и тѣмъ, въ которыя его поставили судьба и его собственная хитрость а также духу, господствовавшему въ его время между итальянцами. Во время своего пребыванія въ Бургундіи и при дворѣ Лудови-

ка XI, онъ жилъ именно въ томъ кругу, гдѣ каждый хитрый политикъ или полезный для правительства человѣкъ, къ какому бы сословію не принадлежалъ, находилъ себѣ почетное мѣсто и гдѣ шли совѣщанія обо всѣхъ европейскихъ дѣлахъ. Личность Комина придаетъ его разсказамъ совершенно своеобразный характеръ: въ его вѣденіи находились важнѣйшія секретныя дѣла, но о своей дѣятельности онъ говоритъ лишь на столько, на сколько можно было уважительно отзываться о ввѣренныхъ ему дѣлахъ. Впрочемъ — и это дѣлаетъ ему величайшую честь, какъ дѣловому человѣку — онъ совершенно откровенно сознается, что хотя ему была извѣстна существовавшая уже со времени бѣгства Лудовика XI въ Бургундію смертельная вражда между королемъ и Карломъ Смѣлымъ, онъ оставался тайнымъ приверженцемъ Лудовика въ то самое время, когда находился на службѣ Карла; впослѣдствіи онъ перешелъ на службу Лудовика потому, что своимъ опытнымъ и строго-политическимъ взглядомъ давно уже предусмотрѣлъ, что Карлъ погубитъ себя своею политикой. Коминъ былъ въ милости въ теченіи царствованія Лудовика XI, но по смерти его подвергался сильнымъ гоненіямъ, пока Карлъ VIII, обращавшій вниманіе только на Италію, принялъ его на службу; вслѣдствіе своего итальянскаго образованія и совершенно итальянскаго взгляда на людей и государственный бытъ, Коминъ принесъ большую пользу и до 1509 г. оказывалъ важныя услуги.

Способъ изложенія событій, употреблявшійся Коминомъ, всегда будетъ удовлетворять вкусу кабинетныхъ людей и массы, не любящей ничего рѣшительнаго и предпочитающей разумное и практическое благородному и идеальному. Справедливость этого мнѣнія мы могли бы легко доказать или по крайней мѣрѣ объяснить примѣрами, заимствованными изъ нашего времени. Коминъ держится того принципа, которому слѣдуютъ шарлатаны для излеченія мнимобольныхъ. (Mundus vult decipi). По его мнѣнію, свѣтъ устроенъ

такъ, что человѣку живется по по словицѣ: какъ аукнется, такъ и откликнется; — поэтому онъ порицаетъ чрезмѣрную жестокость только, какъ дѣло неполитическое, не имѣющее возможности долго держаться, а безумную отвагу, излишнюю поспѣшность и вспыльчивость только потому, что эти свойства не могутъ привести къ желанной цѣли. Объ ужаснѣйшихъ дѣлахъ, которыя Лудовикъ XI считалъ необходимымъ совершать для достиженія своей цѣли, онъ говоритъ съ полнѣйшимъ спокойствіемъ, и его не приводятъ въ негодованіе ни желѣзная клѣтка, въ которой Лудовикъ XI по цѣлымъ годамъ мучилъ кардинала де-ля Балю и другихъ, (см. стр. 159), ни страшнѣйшія преслѣдованія его, ни безчеловѣчные поступки. Коминъ совершенно подробно описываетъ дѣйствія Лудовика, коварство, клятвопреступничество, подкупы, измѣну и другія преступленія, которыя служили королю политическими средствами, — и при этомъ не обнаруживаетъ особеннаго неудовольствія, хотя и не старается софизмами оправдать образъ дѣйствій короля. Онъ холоденъ, какъ и долженъ быть дипломатъ; вся цѣль его состоитъ, повидимому, только въ томъ, чтобы оправдать себя въ участіи въ дурныхъ дѣлахъ, на которыя его употребляли. Онъ хочетъ намъ показать, какіе совершались политическіе промахи и въ какихъ случаяхъ принимались умныя политическія мѣры. Наивность, которую мы находимъ въ немъ, принадлежитъ не ему, а его времени; самъ онъ обнаруживаетъ холодную и практичную образованность геніальныхъ итальянцевъ, стоявшихъ выше своего времени и смотрѣвшихъ на всѣхъ менѣе образованныхъ людей, какъ на свои орудія. Онъ вращается въ сферѣ современныхъ ему дворовъ и дѣловыхъ людей, не отступавшихъ ни предъ какими средствами для достиженія своихъ цѣлей и принимавшихъ мелочную хитрость за умъ; къ этой сферѣ замѣчанія и правила его подходятъ, какъ нельзя лучше. Безспорно, что Коминъ — историкъ совершенно оригинальный. Онъ понималъ свое время лучше всѣхъ своихъ современниковъ, и описалъ всѣ событія лучше и полнѣе,

чѣмъ кто либо; но, подобно Гвиччіардини и Маккіавелли, онъ писалъ не для народа, а для двора и дипломатовъ. Онъ даетъ историческое объясненіе многочисленнымъ теоріямъ, писавшимся въ то время итальянцами для придворныхъ, правителей и министровъ и распространявшимся на итальянскомъ или латинскомъ языкѣ по сю сторону Альпъ.

Слейданусъ, которому мы обязаны превосходными историческими трудами, перевелъ въ XVI ст. (1548 г.) на латинскій языкъ мемуары Комина, какъ всеобщую исторію его времени, и по этому случаю комментировалъ сочиненіе историка времени Лудовика XI и Карла VIII, писавшаго, какъ Гвиччіардини преимущественно для дипломатовъ; ради важности мемуаровъ мы приведемъ нѣкоторыя замѣчанія ихъ комментатора. Мы дѣлаемъ это не столько для того, чтобы произнести свое мнѣніе, сколько для того, чтобы показать, какъ смотрѣли на Комина въ XVI ст. и ставили его мемуары на ряду съ комментаріями Цезаря и историческими картинами Саллустія. Вслѣдствіе этого, да и потому, что это не идетъ здѣсь къ дѣлу, мы пропускаемъ все, что Слейданусъ, по обыкновенію своего времени любящій толковать о постороннихъ предметахъ, говоритъ объ обязанностяхъ историка вообще и въ особенности тѣхъ, которые описываютъ то, что сами видѣли и въ чемъ принимали участіе; точно также мы пропускаемъ его замѣчанія о Цезарѣ и Саллустіѣ. Слейданусъ сознается, что Коминъ былъ весьма мало знакомъ съ латинскимъ языкомъ и съ книгами, написанными на немъ, но говоритъ, что онъ былъ очень уменъ и часто употреблялся какъ посланникъ и какъ совѣтникъ при самыхъ тайныхъ совѣщаніяхъ въ важнѣйшихъ дѣлахъ того бурнаго времени Вслѣдствіе этого — говоритъ Слейданусъ — у Комина можно найти извѣстія только о тѣхъ предпріятіяхъ, которыя имѣли значеніе. О нихъ онъ говоритъ по собственному опыту, очень подробно и безъ всякихъ софистическихъ выводовъ въ пользу или противъ какого нибудь дѣла. Въ этомъ мы совершенно согласны съ Слейданусомъ, на основаніи нашего собственнаго зна-

комства съ Коминомъ. Коминъ—продолжаетъ Слейдануcъ — никогда не хвалитъ своихъ соотечественниковъ или людей своего званія въ ущербъ прочимъ; королей, осыпавшихъ его высокими милостями, онъ хвалилъ только тогда, когда они дѣйствительно заслуживаютъ этого. Напротивъ того, онъ гораздо чаще указываетъ на тѣ случаи, когда короли грѣшили и не искупали своихъ ошибокъ. Къ своему повѣтствованію онъ присоединяетъ также множество мудрыхъ изрѣченій (сентенціи). По мнѣнію Слейдануса, Коминъ достаточно доказалъ, что прежніе свои совѣты, крайне несогласные съ нравственностью, онъ давалъ лишь по обязанности и по политической необходимости. Онъ доказалъ это рѣчью, сказанною въ парламентѣ, когда по смерти Лудовика XI онъ былъ заключенъ, какъ государственный преступникъ, въ тюрьму и преданъ уголовному процессу; а также когда находился въ немилости по смерти своихъ покровителей, Лудовика XI и Карла VIII.

Не только императоръ Карлъ V, но и все XVI ст. смотрѣло на Комина какъ на полнѣйшаго представителя практической политики Италіи, распространившейся въ XVI и XVII ст. по всей Европѣ; этотъ взглядъ былъ развитъ въ такой сильной степени, что къ изданіямъ его сочиненій обыкновенно присоединяли теорію политики, вытекающую изъ его мемуаровъ и на которой основано повѣствованіе. Чтобы разъяснить это примѣромъ, мы укажемъ только на одно изъ теоретическихъ сочиненій, которыя мы часто находили въ прибавленіи къ запискамъ Комина, — именно на 362 правила для придворныхъ и политиковъ, извлеченныхъ изъ старыхъ и новыхъ политическихъ писателей, вкратцѣ изложенныя на латинскомъ языкѣ Дури де-Пасколо (Aulicus Politicus, diversis regulis etc). Правила эти, по словамъ автора, могутъ быть подверждены примѣрами, заимствованными у Гвиччіардини, Латтини, Сансовини и Комина. Но мы не будемъ дѣлать извлеченій изъ нихъ, хотя они представляютъ собою полную тогдашнюю теорію придворной жизни, Мы при-

ведемъ изъ нея только нѣсколько положеній, чтобы выказать въ болѣе ясномъ свѣтѣ различіе между философскою и политическою исторіографіею. Такъ напр. тринадцатое изъ этихъ 362 правилъ придворной мудрости даетъ ясное указаніе причины, побудившей Комина искать себѣ пристани при дворѣ Лудовика XI въ то время, когда онъ находился еще въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ Карломъ Смѣлымъ. „Это потому—говоритъ теорія, что положеніе придворныхъ особенно печально тѣмъ, что послѣ всевозможныхъ лишеній и трудовъ, переносимыхъ ими для ихъ государей, какъ при самомъ дворѣ, такъ и въ отдаленіи отъ него (domi et foris), они все таки должны пасть, вслѣдствіе интригъ и клеветы самыхъ злыхъ людей (impudico rabulae et canis curiarum ore); поэтому каждый придворный, въ самомъ началѣ своей карьеры, долженъ позаботиться о томъ, чтобы войти въ сношенія съ другими государями и, оказавъ услуги вліятельнымъ людямъ другихъ государствъ, поставить ихъ въ необходимость помогать имъ въ случаѣ нужды“. Двадцатое правило гласитъ: „Умный совѣтникъ государя въ очевидно опасныхъ и важныхъ дѣлахъ всегда выскажетъ совершенно откровенно свое мнѣніе (что дѣлалъ и Коминъ, какъ ни опасно это было въ отношеніи къ Лудовику XI) и не станетъ искать достаточныхъ основаній для обѣихъ сторонъ вопроса (huc vel illuc interpretationem trahere) или бояться употребить опредѣленное выраженіе, но назоветъ каждую вещь по имени“. Въ тридцать четвертомъ правилѣ, которому Коминъ также неуклонно слѣдовалъ, читаетъ: „Умный политическій дѣятель долженъ заботиться о томъ, чтобы никогда не оставаться безъ какого нибудь дѣловаго порученія; потому что молва о томъ, что въ рукахъ его было много разнородныхъ дѣлъ, придастъ ему большое значеніе“.

III. Нѣмецкая образованность и литература до Лютера.

(Дополненіе къ статьѣ о нѣмецкой литературѣ XV ст., помѣщенной въ IX томѣ).

1. Императоръ Максимиліанъ I и историческія сочиненія его друзей и слугъ.

Императоръ Фридрихъ III и его сынъ Максимиліанъ I были оба образованы, отъ всей души желали покровительствовать наукѣ и были нерѣдко счастливы въ выборѣ людей, которымъ оказывали покровительство; такъ оба они были искренно преданы Рейхлину, а Максимиліанъ еще въ 1517 г. возложилъ на Ульриха фонъ-Гуттена вѣнецъ поэта; — но ни тотъ, ни другой не имѣли изящнаго вкуса. Это доказываетъ между прочимъ Вейскунигъ, романическое сочиненіе, написанное или, скорѣе, продиктованное ученымъ и знакомымъ съ древними языками императоромъ Максимиліаномъ; онъ изложилъ въ немъ исторію своего воспитанія, своихъ приключеній и подвиговъ. Будь этотъ толстый фольянтъ написанъ просто, онъ былъ бы единственнымъ и неоцѣненнымъ пріобрѣтеніемъ для нѣмецкой исторіи; но напичканный императорскими причудами, онъ ничто иное, какъ фонарь безъ свѣта (monstrum horrendum, ingens, cui lumen ademtum). Это было тѣмъ болѣе вредно для нашей исторіи, что, какъ извѣстно, подобныя причуды въ Германіи очень заразительны. Вслѣдствіе этого сочиненіе Максимиліана, въ которомъ онъ описалъ свою жизнь и дѣянія своихъ предковъ, и матеріалы, собранные имъ для этого труда, не имѣли для нѣмецкой литературы никакого результата; нація получила неудобочитаемое, громадное сочиненіе въ стихахъ и толстый фольянтъ въ прозѣ, украшенный множествомъ превосходныхъ рисунковъ на деревѣ и наполненный педантическими и безвкусными историческими или, скорѣе, аллегорическими загадками. По этой причинѣ мы ограничимся немногими литературными замѣчаніями о „Вейскунигѣ"; было бы излишне останавливаться на содержаніи сочиненія, не

имѣвшаго ни малѣйшаго вліянія на націю. Максимиліанъ, возымѣвъ намѣреніе написать „Вейскунига", сталъ собирать матеріалы для исторіи своего отца и въ то же время диктовалъ своему секретарю, Маркусу Трейцзауервейну-фонъ-Эрентрейцъ, разныя подробности изъ своей собственной исторіи. Эти подробности касались его воспитанія, занятій, празднествъ, охотъ, походовъ и т. п. Но въ нихъ никто не назывался по имени, и то, что должно было имѣть историческій характеръ, сдѣлалось по множеству нелѣпыхъ аллегорій и символовъ педантическою, лишенною всякаго изящества загадкой. Тутъ рѣчь идетъ о старомъ и молодомъ Вейскунигѣ, о синемъ, зеленомъ и молодомъ короляхъ, съ которыми Вейскунигамъ приходилось имѣть дѣло, о коричневомъ обществѣ и т. п., такъ что читатель рѣшительно сбивается съ толку. Диктовка и писаніе продолжались съ большими антрактами нѣсколько лѣтъ, и дѣло все-таки не подвигалось къ концу; въ этомъ отношеніи книга Максимиліана по крайней мѣрѣ сходна со всѣми нѣмецкими трактатами. Наконецъ въ 1514 г. большая часть частныхъ подробностей была собрана, и Трейцзауервейну было поручено соединить ихъ въ одно цѣлое, а Гансъ Бургмейеръ, величайшій художникъ того времени, дѣлалъ къ сочиненію удивительные рисунки на деревѣ; авторъ хотѣлъ, чтобы оно было издано съ царственною роскошью. Но скоро оказалось, что безъ подробныхъ объясненій никто не пойметъ эту странную книгу. Даже сотрудничавшій въ ней секретарь не могъ разгадать писавшіяся имъ самимъ загадки и долженъ былъ спрашивать императора, который часто и самъ не зналъ, что собственно хотѣлъ сказать. Вслѣдствіе этого Трейцзауервейнъ завелъ себѣ вопросную книгу для того, чтобы императоръ при случаѣ вносилъ въ нее отвѣты. Но въ этомъ снова прошло довольно много времени. Самъ императоръ умеръ прежде, чѣмъ книга могла появиться въ свѣтъ, а внуку его, императору Карлу V, было совсѣмъ не до изданія Вейскунига; поэтому дѣло такъ и осталось въ прежнемъ положеніи. Лучшій манускриптъ фоліанта перешелъ въ Амбрасъ

въ Тиролѣ, а потомъ въ императорскую вѣнскую библіотеку; но драгоцѣнные рисунки Бургмейера были долгое время затеряны, пока наконецъ ихъ снова нашли въ Грецѣ въ Штиріи. Въ 1775 г. Курцбёкъ въ Вѣнѣ напечаталъ ихъ вмѣстѣ съ полнымъ текстомъ, объясненнымъ учеными примѣчаніями.

Еще при жизни Максимиліана и тотчасъ послѣ его смерти появилась, въ роскошномъ изданіи, подъ заглавіемъ Theuerdank, поэтическая обработка Вейскунига, равно невыносимаго какъ въ стихахъ, такъ и въ прозѣ. Мельхіоръ Финцингъ, нюрнбергскій патрицій, былъ однимъ изъ секретарей Максимиліана и сдѣлалъ изъ его рукописи извлеченіе, написанное страшными стихами, которое появилось въ 1517 г. въ Нюрнбергѣ роскошнымъ изданіемъ, подъ заглавіемъ: „Опасности и часть приключеній достославнаго и воинственнаго героя и рыцаря Тейерданка". Это изданіе (маленькій фольянтъ) весьма рѣдко. Вмѣстѣ съ нимъ въ гейдельбергской библіотекѣ хранится изданіе in-quarto 1519 г., появившееся въ Аугсбургѣ и напечатанное такъ, что долго думали, да и мы не могли бы подумать иначе, что оно все вырѣзано на деревѣ; работа такъ тонка, какъ будто шрифтъ и гравюры были гравированы на мѣди. Эти изданія Тейерданка доказываютъ, что искусство рисованія и рѣзьбы на деревѣ достигло въ Нюрнбергѣ и Аугсбургѣ высшей степени совершенства, между тѣмъ какъ поэзія сдѣлалась обыкновеннымъ нюренбергскимъ товаромъ. Поэтому и стихоплетство Тейерданка въ изданіи 1519 имѣетъ высокую цѣну по заключающимся въ немъ драгоцѣннымъ рисункамъ Ганса Шейфелина. Въ наше время Тейерданкъ сдѣлался до такой степени доступенъ большинству публики, что мы можемъ ограничиться самымъ короткимъ упоминовеніемъ о немъ; этотъ увѣсистый трудъ Мельхіора Финцинга былъ снова изданъ въ 1836 г. во второй части библіотеки нѣмецкой національной литературы; къ этому изданію было присоединено историко-критическое введеніе Карла Галтауса, заключающее въ себѣ все, что можно сказать объ этой книгѣ и что

было сказано и написано о ней. Мы приведемъ здѣсь только начальные стихи сочиненія и вкратцѣ разскажемъ содержаніе его; дѣлаемъ это для того, чтобы доказать, что эта книга, подобно многимъ людямъ, цѣнилась выше своей дѣйствительной стоимости. Она начинается рожденіемъ Маріи Бургундской, отецъ которой называется Румрейхъ. Вотъ это начало:

Als Hymel und erd beschaffen warn
Vor sechstausend vierhundert jarn,
Darzu auch noch virzig und vier,
Was ein Künig umb die refier
Gen den niedergang der Sunnen,
Der het manches landt gewunnen
Mit seiner ritterlichen Handt,
Rumreich was derserb Künig genanndt.
An Landen, Leuten und Gelt reich,
Derselben Zeit lebt nit sein gleich.
Dem gab got bey dem gemahel Sein
Ein einige Tochter hübsch und fein,
Die Sy Erereich nennten, darumb
Dann Sy was gar erlich und frumb.

За этимъ слѣдуетъ предисловіе, въ которомъ такими же ужасными стихами разсказывается, какъ король Румрейхъ умираетъ, и королева Эренрейхъ послѣ многихъ совѣщаній и затрудненій дѣлается невѣстою благороднаго Тейерданка. Эти разсказы представлены въ одинадцати фигурахъ, которыя составляютъ столько же отдѣловъ. Въ первой книгѣ разсказывается, какъ герой сходится съ старшиною Фюрвицомъ, который знакомитъ его съ опасными послѣдствіями юношескаго легкомыслія, — наглядно представленными въ тринадцати слѣдующихъ фигурахъ. За тѣмъ во второй книгѣ описывается, какъ старшина Унфаль (Неудача) запуталъ благороднаго рыцаря Тейерданка въ большія и важныя дѣла, и какъ рыцарь перенесъ все это умно и весело. Это представлено въ 15 фигурахъ. Въ третьей книгѣ старшина Нейдгардъ (Зависть) навлекаетъ на рыцаря всевозможныя бѣдствія подстрекательствомъ завистниковъ и недоброжелателей, вѣролом-

ствомъ, измѣною и т. п. Это раздѣлено на 23 фигуры. Въ заключеніе, послѣднія 20 фигуръ показываютъ, говоря словами Мельхіора Финцинга, старость дорогого рыцаря (Максимиліана), его побѣды, добродѣльныя дѣла, жизнь и смерть.

2. Борьба Рейхлина, Ульриха фонъ-Гуттена и ихъ друзей съ варварствомъ, невѣжествомъ и фанатизмомъ.

Въ IX т. этого сочиненія (стр. 408) мы замѣтили, что уже въ половинѣ XV ст. многіе нѣмцы старались распространять между своими соотечественниками свѣтъ, занявшійся въ Италіи, но что въ концѣ столѣтія всѣ эти люди заключили между собою тѣсный дружескій союзъ и по образцу вольной итальянской академіи составили рейнское общество для разработки гуманныхъ наукъ. Лоренцо Медичи этой нѣмецкой академіи былъ Іоганнъ Дальбергъ, хотя жившій въ Ладенбургѣ, но какъ епископъ ворискій и пфальцскій канцлеръ сдѣлавшій гейдельбергскій университетъ сборнымъ мѣстомъ людей, получившихъ въ Италіи сочувствіе къ новой цивилизаціи и литературѣ. Здѣсь мы только дополнимъ то, чего не коснулись въ предыдущемъ томѣ не столько для того, чтобы дать полныя свѣдѣнія, сколько чтобы показать, какъ долго Германія была покрыта сумракомъ, прежде чѣмъ свѣтъ озарилъ ее съ появленіемъ Лютера. Къ несчастію, вслѣдъ за этимъ событіемъ новая догматика и новая богословская полемика снова затемнили истинную цивилизацію. Впрочемъ это время борьбы душъ свободныхъ съ рабскими, развитія ума и сердца съ механически пріобрѣтенною діалектическою ловкостью и зубреніемъ описывалось такъ часто, что мы не можемъ включить въ общую исторію полныя свѣдѣнія объ этихъ людяхъ и ихъ литературныхъ произведеніяхъ. При томъ же, Мейнерсъ въ концѣ прошлаго столѣтія, а Эргардъ въ настоящемъ *) представили въ такой

*) Geschichte des Wiederaufblühens der wissenschaftlichen Bildung in Deutschland, 3 тома, 1827—1832.

полнотѣ матеріалъ, необходимый для изученія этого времени, что мы считаемъ достаточнымъ ограничиться тѣмъ, что встрѣтилось намъ самимъ при историческомъ изученіи этого періода. Чтобы доказать важность услуги, оказанной тогдашними учеными народу, мы бы сдѣлали извлеченіе изъ сочиненія Рудольфа Агриколы и его друзей, еслибы Эргардъ (т. I, стр. 389—400) уже не выполнилъ этого. Сочиненіе заключаетъ въ себѣ результатъ стремленія этихъ ученыхъ, бывшихъ для народа несравненно полезнѣе нынѣшнихъ, утвердить на новыхъ началахъ всю современную имъ цивилизацію *). Агрикола, какъ впослѣдствіи Петръ Рамусъ, считалъ господствовавшую въ то время аристотелевскую философію, къ которой, какъ извѣстно, и Лютеръ питалъ глубочайшую ненависть, главнымъ препятствіемъ къ радикальному образованію народа. Онъ не былъ такъ счастливъ, какъ Петръ Рамусъ, потому что ему былъ противенъ духъ партій, какъ благородному человѣку, любившему образованіе ради его самого, а не для собственной славы. Рамусъ основалъ многочисленныя школы рамистовъ, Агрикола же довольствовался тѣмъ, что написалъ книгу (De inventione dialectica, Лёвенъ 1515 г.), имѣвшую цѣлью преобразованіе господствовавшей въ то время системы логики.

Въ кружкѣ людей, которые, не нападая на церковную вѣру, старались улучшить жизнь и занятія наукой по итальянскому образцу, главную роль игралъ Іоганнъ Рейхлинъ, братъ котораго, Діонисій, былъ профессоромъ греческаго языка въ Гейдельбергѣ и принадлежалъ къ рейнскому обществу. Жизнь Рейхлина, его дѣйствія и сочиненія ясно доказываютъ, что развитіе отдѣльныхъ отраслей науки было въ большей части случаевъ (ибо исключенія бываютъ во всемъ) скорѣе вредно, чѣмъ полезно:

---

*) Libellus de formando studio vere aureus, dignus, qui studiosorum omnium manibus teratur, cujus auctores sunt doctissimi viri Rodolphus Agricola, Erasmus Roterodamus, Philippus Melanchthon, Coloniæ, 1532.

ученое развитіе часто мѣшало умственному, и спеціальность развивалась во вредъ стремленію къ общесторонней образованности (вопреки правилу homo sum et nihil humanum a me alienum puto). Такимъ образомъ спеціальность поглощаетъ науку, особенно у юристовъ и естествоиспытателей. Поэтому мы обращаемъ особенное вниманіе на то, что Рейхлинъ сначала былъ юристомъ и даже въ теченіи одинадцати лѣтъ занималъ должность судьи въ Швабскомъ союзѣ, но тѣмъ не менѣе положилъ въ Германіи начало изученію греческаго языка, въ чемъ ему помогали его друзья, и изученію еврейскаго почти безъ посторонней помощи, созданію нѣмецкой сцены и отнятію у монаховъ образованія юношества. Въ распространеніи еврейскаго языка послѣдователями его были Конрадъ Пелликанъ, Іоганнъ Бёшенстайнъ и Себастіанъ Мюнстеръ, но первые два далеко отстали отъ него. Въ нѣмецкій языкъ, на которомъ Рейхлинъ очень хорошо писалъ, онъ также старался внести образованный тонъ и ту тонкость выраженій и оборотовъ, которой нѣтъ и слѣда ни въ стихахъ Тейерданка, ни въ прозѣ Вейскунига. Своими трудами Рейхлинъ побуждалъ знатныхъ людей, каковы Дитрихъ фонъ Плеунингенъ, Беригардъ Шёфферъ и другихъ, переводить иностранныхъ писателей и тѣмъ содѣйствовать усовершенствованію отечественнаго языка.

Іоганнъ Рейхлинъ родился въ Форцгеймѣ и сперва приготовлялся къ юридической карьерѣ; воспитаніе его способствовало къ развитію въ немъ желанія ознакомиться со всѣми науками своего времени. Въ 1473 и 1474 годахъ онъ учился въ Парижѣ у одного нѣмца, который былъ равно силенъ въ грамматикѣ, философіи и богословіи и прославился сочиненіемъ о литургіи. (Resolutiones dubiorum circa missae celebrationem). Этотъ человѣкъ, о которомъ мы уже прежде упоминали (стр. 373), назывался въ Германіи Іоганнъ Гейнлинъ фонъ-Штейнъ, у французовъ — де-ла-Пьерръ; ученое имя его было а-Лапидэ, и въ 1469 г. онъ былъ ректоромъ въ Парижѣ. Онъ-то главнымъ образомъ побудилъ въ 1470 г. Йеринга перенести свою типо-

графію въ Сорбонну. Впослѣдствіи (1477 г.) Гейнлинъ фонъ-Штейнъ принималъ участіе въ учрежденіи Тюбингенскаго университета, и былъ потомъ профессоромъ не только въ этомъ не только въ этомъ университетѣ, но и въ Базелѣ, гдѣ поступилъ въ картезіанскіе монахи; но и въ это время покаянія и отреченія отъ міра онъ приносилъ знаменитымъ типографщикамъ братьямъ Амербахъ такую же пользу своими совѣтами, какую прежде Рейхлину своими уроками. Въ одно время съ Гейнлиномъ читалъ въ Парижѣ лекціи греческаго языка Гермонимъ изъ Спарты, и Рейхлинъ, учившійся сперва у него, по пріѣздѣ въ 1475 г. въ Базель, продолжалъ свои занятія подъ руководствомъ другаго грека, Андроника Контоблакаса. Въ Базелѣ онъ встрѣтилъ благороднаго и набожнаго Іоганна Весселя изъ Гренингена, о которомъ мы уже упоминали въ IX томѣ (стр. 409). Послѣдній долженъ былъ оставить Парижъ по подозрѣнію въ отступничествѣ отъ католицизма. Рейхлинъ былъ обязанъ ему многимъ и между прочимъ первыми свѣдѣніями въ еврейскомъ языкѣ. Тѣ самые братья Амербахъ, которымъ впослѣдствіи Гейнлинъ фонъ-Штейнъ принесъ пользу своими совѣтами, поручили въ то время двадцатилѣтнему Рейхлину составить одинъ изъ первыхъ словарей для школьнаго употребленія (Breviloquus) и напечатали его. Въ Базелѣ Рейхлинъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ занимался изученіемъ новой науки, которую онъ и его друзья черпали изъ древнихъ писателей. Получивъ полное классическое образованіе, онъ отправился въ Орлеанъ и Пуатье, гдѣ господствовало изученіе древняго римскаго права, какъ классической науки въ тѣсной связи съ тѣмъ, что мы называемъ теперь филологіей. И тамъ онъ продолжалъ заниматься до тѣхъ поръ, пока не отправился въ Тюбингенъ, какъ практическій дѣлецъ и юристъ. Графъ Эбергардъ Старшій или Набожный Виртембергскій взялъ его къ себѣ въ секретари. Въ 1482 г. Эбергардъ отправился на богомолье въ Италію и взялъ съ собою Рейхлина. Тамъ Рейхлинъ пользовался уваженіемъ какъ государственный человѣкъ и ученый-

Лоренцо Медичи и Марсилій Фицинъ подружились съ нимъ и посвятили его во всѣ тайны мистическаго платонизма. Когда впослѣдствіи (1489) графъ еще разъ послалъ его въ Италію, онъ познакомился съ Пико де Мирандола и почерпнулъ у него познанія въ восточно-платонической философіи; но его корреспонденція доказываетъ, что онъ находился въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ болѣе свѣтлыми умами, пламенно стремившимися къ возстановленію древней, здоровой научной жизни. Его мистицизмъ и увлеченіе относятся какъ разъ къ тому времени, когда онъ занимался юридическими и дипломатическими дѣлами Эбергарда и ѣздилъ къ императору Фридриху III и Максимиліану I, сдѣлавшимъ его членомъ своего тайнаго совѣта и давшимъ ему мѣсто и голосъ въ коллегіяхъ.

Со смертію Эбергарда обстоятельства такъ измѣнились въ Виртембергѣ, что Рейхлинъ былъ принужденъ совершенно отказаться отъ дѣлъ и для поддержанія существованія заниматься литературой. Будучи другомъ набожнаго Эбергарда, онъ продолжалъ заниматься науками и языками не ради выгоды и употребленія, но изъ удовольствія; не смотря на это, Фридрихъ III и Максимиліанъ I не считали его за его идеализмъ человѣкомъ непрактичнымъ и негоднымъ, какъ сочли бы теперь. Послѣ смерти Эбергарда онъ самъ нашелъ въ наукѣ больше утѣшенія и славы, чѣмъ могли ему доставить титулы и почетныя должности. Впрочемъ онъ приносилъ нѣмецкой наукѣ пользу и другимъ путемъ: его корреспонденція доказываетъ, что онъ умѣлъ воспользоваться знакомствами, составленными имъ во время путешествій и въ качествѣ министра Эбергарда: благодаря имъ онъ обогатилъ Германію рѣдкими манускриптами классическихъ сочиненій. Въ IX томѣ мы уже говорили (стр. 411), что его другъ Рудольфъ Агрикола былъ счастливѣе его въ собраніи матеріаловъ и что собранныя послѣднимъ рукописи положили основаніе знаменитой гейдельбергской библіотекѣ, Въ то время когда Рейхлинъ жилъ въ Вѣнѣ въ качествѣ юриста и государ-

ственнаго человѣка, ученый талмудистъ Іаковъ Іегіель Лоансъ, котораго императоръ сдѣлалъ рыцаремъ и своимъ лейбъ-медикомъ, посвятилъ его во всѣ тонкости еврейской грамматики; еврейскій языкъ онъ самъ уже давно изучилъ. Онъ до такой степени убѣдился въ необходимости пользоваться евреями для точнаго знакомства съ еврейскимъ языкомъ и объясненія вѣтхаго завѣта, что, не смотря на свой спокойный и осторожный характеръ, непоколебавшійся даже при появленіи Лютера, совершенно измѣнилъ ему, когда одинъ фанатическій инквизиторъ захотѣлъ истребить еврейскія книги. Мы должны остановиться нѣсколько подробнѣе на этой исторіи, по тому что она надѣлала много шума, и исходъ ея былъ гибеленъ для нѣмецкаго обскурантизма, такъ какъ всѣ здоровые умы соединились противъ схоластическаго направленія школъ и осмѣяли стремленія своихъ невѣжественныхъ враговъ

По смерти Эбергарда Старшаго въ 1495 г., управленіе Виртембергскимъ государствомъ перешло въ руки распутнаго Эбергарда II, которому долженъ былъ впослѣдствіи наслѣдовать его старшій племянникъ Ульрихъ, бывшій при смерти Эбергарда I десятилѣтнимъ мальчикомъ. Новый государь удалилъ всѣхъ совѣтниковъ и министровъ своего набожнаго предшественника и отдалъ всѣ дѣла въ руки наглаго и безстыднаго августинскаго монаха Гольцингера, котораго Эбергардъ I держалъ въ тюрьмѣ. Эта перемѣна заставила Рейхлина оставить Виртембергъ, потому что Эбергардъ II и его руководитель Гольцингеръ были лично раздражены противъ него. Первый потому, что Рейхлинъ, по приказанію своего государя Эбергарда I, положилъ предѣлъ постыдной и распутной жизни наслѣдника престола; второй потому, что въ 1488 г. Рейхлинъ арестовалъ его въ Майнцѣ и посадилъ въ тюрьму въ Тюбингенѣ за то, что Гольцингеръ вовлекалъ молодаго Эбергарда во всѣ скверныя дѣла Рейхлинъ отправился въ Гейдельбергъ и нашелъ пріютъ въ домѣ Дальберга, гдѣ и другіе ученые имѣли комнаты, но вели не особенно роскошную жизнь. Въ Гейдельбергѣ Рейхлинъ написалъ дра-

матическую пьесу и хотѣлъ представить ее на тамошней сценѣ, чтобы отмстить обскурантамъ, стоявшимъ въ Виртембергѣ во главѣ правленія. Сюжетъ этой пьесы составляютъ лицемѣрныя плутни негодяевъ-ханжей, особенно одного монаха Сергія, извѣстнаго изъ исторіи Магомета (см. т. V, стр. 22). Рейхлинъ рисуетъ монаха Сергія въ такихъ выраженіяхъ, что никто не могъ не узнать виртембергскаго монаха Гольцингера со всѣми его недостойными продѣлками. Но Дальбергъ нашелъ неудобнымъ представить эту пьесу на сценѣ; когда впослѣдствіи начался споръ съ вышеупомянутымъ инквизиторомъ, желавшимъ сжечь еврейскія книги, и когда появились письма темныхъ людей, Дальбергъ незамѣтно отдалился отъ смѣлаго ученаго. Онъ побоялся, что францисканецъ Капеллусъ, бывшій всесильнымъ въ Пфальцѣ, при дворѣ курфирста Филиппа, разсердится за сатиру Рейхлина на нищенствующіе ордена и пріиметъ портретъ монаха Сергія на свой счетъ. Такимъ образомъ пьеса не была представлена; но Рейхлинъ написалъ другую, комическую, которую назвалъ progymnasmata scenica. Она явилась на сценѣ, и Дальбергъ одарилъ исполнителей ея, потому что пьеса и актеры были совсѣмъ иного рода, чѣмъ драмы учениковъ въ монашескихъ школахъ и представленія бродячихъ пѣвцовъ.

Въ Гейдельбергѣ Рейхлинъ дѣятельно занимался наукою, хотя въ то же время съ 1497 г. находился въ пфальцской службѣ; по его настоянію была основана юридическая коллегія и учреждена каѳедра греческаго языка. Любовь къ еврейскому языку онъ сохранилъ и тогда, когда въ 1498 г. былъ въ третій разъ отправленъ въ Римъ съ юридическими и дипломатическими порученіями. Онъ платилъ еврею Абдіасу, дававшему ему въ Римѣ уроки, по червонцу за часъ, что показалось бы очень дорого и теперь даже въ Лондонѣ или Петербургѣ; не смотря на это, онъ не зналъ Талмуда и ни разу не видѣлъ его Впрочемъ для него, платоника въ родѣ Марсилія Фицина, была важна не столько еврейская грамматика (хотя онъ первый сдѣлалъ ее доступною нѣмцамъ своими

грамматическими фольянтами — Rudimenta hebraica, 1506 г.), сколько еврейская, философія, родственная съ неоплатоническою. Мы не станемъ ни прославлять, ни рекомендовать послѣднюю, но къ чести Пико ди Мирандола, Фицина и Рейхлина сознаемся, что единственною наградою за долговременныя лишенія, перенесенныя этими благородными людьми, которымъ мы обязаны возобновленіемъ древнихъ знаній, было то, что мы называемъ мечтательною пытливостью. Большая часть изъ нихъ жертвовала практическою выгодою для того, чтобы, углубляясь въ умозрѣніе. забывать весь внѣшній міръ. Въ этомъ обстоятельствѣ, кажется, заключается причина того, что платоническую мистику Фицина и еврейскую каббалу Рейхлинъ старался сдѣлать доступною не для массы публики, но для небольшаго числа посвященныхъ и просвѣщенныхъ. Платонизмъ его выразился въ одномъ изъ его сочиненій (de verbo mirifico, 1499 и 1514 г.), изъ котораго Эргардъ (гл. 2-я, стр. 253) сдѣлалъ пространное извлеченіе; съ іудейскою каббалою онъ познакомилъ читателей въ трехъ книгахъ о еврейской философіи талмудистовъ (De arte cabbalistica, 1517 г.). Въ 1499 г. Рейхлинъ могъ снова возвратиться въ отечество, и въ теченіе пяти или шести слѣдующихъ лѣтъ онъ и его близкій родственникъ Шварцердъ или, какъ онъ назывался въ наукѣ, Меланхтонъ, оказали въ Германіи такія же услуги въ области еврейскаго и греческаго языковъ, какія Италіи оказали итальянцы и греки, по слѣдамъ которыхъ они шли. Въ теченіе слѣдующихъ одиннадцати лѣтъ Рейхлину была поручена должность союзнаго судьи, и въ этомъ званіи онъ былъ заваленъ юридическими, дипломатическими и административными дѣлами; но по выходѣ въ отставку, онъ снова съ удвоеннымъ рвеніемъ посвятилъ силы на распространеніе въ Германіи новаго свѣта. Мы совершенно пропускаемъ это время и тогдашнія сочиненія Рейхлина, потому что пишемъ не біографію его и не каталогъ или характеристику его сочиненій; прежде чѣмъ перейти къ его спору съ грубымъ невѣжественнымъ и фанатическимъ кёльнскимъ гонителемъ евреевъ,

скажемъ нѣсколько словъ о его судейской должности. Въ началѣ XVI ст. швабскій союзъ еще существовалъ для охраненія земкаго мира. Императоръ, курфирстъ и князья назначали трехъ судей, рѣшавшихъ споры членовъ союза; Рейхлинъ былъ близкимъ другомъ Максимиліана, другіе князья тоже уважали его, поэтому его сдѣлали однимъ изъ союзныхъ судей.

Споръ его изъ-за евреевъ находится въ связи съ исторіею еврея Іоганна Фефферкорна, перешедшаго въ христіанство и желавшаго зарекомендовать себя католическому духовенству преслѣдованіемъ своихъ бывшихъ единовѣрцевъ. Впрочемъ, Рейхлинъ совершенно невинно навлекъ на себя непріятности изъ-за евреевъ; кто читалъ появившееся въ 1505 г. сочиненіе его: „Посланіе къ одному дворянину о томъ, почему евреи такъ долго пребываютъ въ бѣдственномъ положеніи". Eine tütsch Missive an einen Iunkherrn, warumb die Iuden solange im Ellend, никогда не подумаетъ, что онъ былъ особенно расположенъ къ этому народу. По его мнѣнію, они вполнѣ заслужили всѣ бѣдствія, преслѣдовавшія ихъ полторы тысячи лѣтъ, тѣмъ что отвергли Мессію и что книги ихъ заключаютъ въ себѣ богохульства. Относительно послѣдняго мы приведемъ собственныя слова Рейхлина: „Надо замѣтить, что этотъ грѣхъ богохульства есть величайшій грѣхъ противъ Бога, и за него они терпятъ такое долгое наказаніе; а то, что евреи нашего времени, до тѣхъ поръ, пока они евреи, принимаютъ участіе въ такомъ богохульствѣ и чувствуютъ особенную радость, когда могутъ выдумать и сочинить что нибудь на позоръ и посрамленіе намъ, — это очевидно изъ всѣхъ ихъ дѣйствій и доказывается ихъ обыкновенными молитвами, а также книгами, которыя они пишутъ и читаютъ противъ насъ, именно книгою Ницагонъ и Брудерзоль, и молитвою Нишумадимъ." Неудивительно, что послѣ заявленія Рейхлиномъ такого мнѣнія, выкрестъ Фефферкорнъ, предпринимая родъ крестоваго похода противъ евреевъ, особенно разсчитывалъ на содѣйствіе Рейхлина, пользовавшагося покровительствомъ императора Максимиліана и

имѣвшаго въ государствѣ большой вѣсъ; понятно также, что Фефферкорнъ пришелъ въ бѣшенство, когда тотъ самый Рейхлинъ выступилъ противъ него. Фефферкорнъ, обратившійся въ христіанство въ 1506 г., занимался въ 1508 и 1509 г. тѣмъ, что старался своими проповѣдями побудить евреевъ послѣдовать его примѣру; но евреи не хотѣли и слышать о немъ. Фефферкорнъ приписалъ неудачу своихъ проповѣдей еврейскимъ ученымъ и ихъ книгамъ, что̀, какъ мы видѣли изъ вышеприведеннаго мѣста, дѣлалъ и Рейхлинъ, съ тою лишь разницею, что не хотѣлъ, какъ Фефферкорнъ, уничтожать эти книги полицейскими мѣрами. Для осуществленія своего плана, Феффекорнъ отправился въ Италію, гдѣ въ то время находился императоръ, и убѣдилъ ученаго Максимиліана, поручить ему сжечь всѣ еврейскія книги, содержавшія въ себѣ оскорбленія противъ христіанской религіи; 19 августа 1509 въ лагерѣ подъ Падуей императоръ далъ ему этотъ указъ, но положительно исключилъ книги религіознаго содержанія. Фефферкорнъ, не знавшій даже полатыни, самъ не добился бы этого, еслибы его не поддержали доминиканцы и особенно инквизиторъ ихъ ордена въ Кёльнѣ. Впрочемъ, въ началѣ это дѣло считали продѣлкою начальниковъ доминиканской братіи и полагали, что они желаютъ воспользоваться указомъ для взятокъ, потому что въ то время во всѣхъ странахъ на евреевъ смотрѣли какъ на губки, которыя можно по временамъ выжимать; не было никакого сомнѣнія, что евреи выкупили бы свои книги за какую бы то ни было цѣну. Мы предполагаемъ, хотя объ этомъ нигдѣ не сказано, что императоръ не хотѣлъ предоставить полицейскую часть сожженія книгъ исключительно Фефферкорну и доминиканцамъ; вѣроятно онъ на словахъ приказалъ Фефферкорну обратиться къ Рейхлину; по крайней мѣрѣ, Фефферкорнъ тотчасъ же отправился къ послѣднему, чтобы попросить у него содѣйствія. Въ то время Рейхлинъ былъ однимъ изъ значительнѣйшихъ людей Германіи, потому что въ теченіи одинадцати лѣтъ исполнялъ долж-

ность судьи швабскаго союза и болѣе тридцати лѣтъ былъ совѣтникомъ и посланникомъ императора Фридриха и его сына, равно какъ и многихъ другихъ нѣмецкихъ государей и городовъ, и адвокатомъ безчисленнаго множества частныхъ семействъ и лицъ. Сверхъ того, онъ гораздо лучше Фефферкорна зналъ еврейскій языкъ и еврейскую литературу. Поддерживаемый двумя доминиканцами, Арнольдомъ Тонгернскимъ и Гоохстратеномъ, Фефферкорнъ просилъ Рейхлина отправиться съ нимъ на Рейнъ, чтобы совершить публичное сожженіе книгъ. Рейхлинъ, конечно, отказался, и дѣло было сдѣлано безъ него. Черезъ нѣсколько времени, по приказанію императора, къ Рейхлину обратились за совѣтомъ по поводу того, что евреи воспротивились намѣренію кёльнскихъ богословъ и Фефферкорна, и что курфирстъ майнскій остановилъ сожженіе книгъ. Дѣло состояло въ томъ, что евреи обратились съ просьбою о помощи къ этому курфирсту, занимавшему должность канцлера имперіи, и къ императору, и курфирстъ, котораго Максимиліанъ назначилъ въ этомъ дѣлѣ императорскимъ коммиссаромъ, потребовалъ въ 1510 г. мнѣнія у Рейхлина, пяти университетовъ, Гохстратена и еще одного ученаго, чтобы, выслушавъ ихъ, увѣдомить императора, до рѣшенія котораго дѣло остановилось.

Это привело доминиканцевъ въ бѣшенство, тѣмъ болѣе что они уже давно превысили власть, предоставленную имъ императорскимъ полномочіемъ; мы заключаемъ это изъ того, что въ запросѣ курфирста дѣло шло уже не о сожженіи книгъ, поименованныхъ въ указѣ императора, но о томъ, хорошо ли и полезно ли уничтожать книги, въ которыхъ заключались десять заповѣдей, законъ Моисея и пророчества. Рейхлинъ, человѣкъ крайне боязливый и осторожный, подалъ мнѣніе, какого слѣдовало ожидать отъ разсудительнаго человѣка. При этомъ онъ положительно говоритъ, что не могъ достать экземпляръ Талмуда и не знаетъ никого, кому бы книга эта была знакома. Его мнѣніе было отправлено въ запечатанномъ конвертѣ въ октябрѣ 1510 г. къ курфирсту майнцскому; Фефферкорнъ распечаталъ пакетъ, на что

имѣлъ право по званію императорскаго прокурора (sollicitator) въ этомъ дѣлѣ, хотя Рейхлинъ оспариваетъ это. Содержаніе бумаги привело Фефферкорна въ такое негодованіе, что онъ съ своими фанатическими и грубыми кёльнскими друзьями издалъ пасквиль подъ заглавіемъ: „Ручное зеркало“ (Handspiegel), въ которомъ упрекалъ Рейхлина въ доброжелательствѣ евреямъ и еврейскому богохульству и въ участіи въ самыхъ опасныхъ заблужденіяхъ. Этимъ онъ началъ войну противъ приверженцевъ свѣта и истины,—войну, сдѣлавшую Рейхлина, помимо его воли, предшественникомъ Лютера, съ которымъ онъ впослѣдствіи, съ 1518 г., не хотѣлъ имѣть ничего общаго. Вскорѣ послѣ появленія пасквиля Максимиліанъ пріѣхалъ въ Рейтлингенъ; Рейхлинъ пожаловался ему на оскорбленіе, и разгнѣванный императоръ обѣщалъ поручить епископу аугсбургскому произвести слѣдствіе; но такъ какъ свой своему по неволѣ другъ, то епископъ не далъ дѣлу никакого хода. Тогда осторожный Рейхлинъ измѣнилъ своему характеру и выказалъ несвойственную ему смѣлость. Онъ взялся за перо для того, чтобы, по обычаю того времени отвѣчать на рѣзкость рѣзкостью и осенью 1511 г. издалъ нѣмецкое сочиненіе in-quarto подъ заглавіемъ: „Глазное зеркало“ (Augenspiegel); оно было возраженіемъ на „Ручное Зеркало“ и впослѣдствіи, переведенное на латинскій языкъ, разошлось въ огромномъ количествѣ экземпляровъ. Въ этомъ сочиненіи авторъ упрекалъ Фефферкорна въ тридцати четырехъ лживыхъ показаніяхъ, между прочимъ въ томъ, что будто бы Рейхлинъ дѣлалъ враждебныя нападки на знаменитѣйшихъ ученыхъ доминиканскаго и францисканскаго орденовъ. Кёльнскій богословскій факультетъ поручилъ одному изъ своихъ членовъ, Арнольду Тонгернскому, разобрать сочиненіе Рейхлина съ тѣмъ, чтобы открыть въ немъ еретическія мысли.

Съ этой минуты Рейхлинъ велъ себя очень слабо. Онъ писалъ Арнольду Тонгернскому и его товарищемъ льстивыя, извинительныя письма, показавшія, что онъ струсилъ, и потому имѣвшій

совершенно другой результатъ, чѣмъ онъ думалъ. Съ этихъ поръ кёльнскій факультетъ началъ обращаться съ нимъ весьма гордо и съ оскорбительнымъ снисхожденіемъ, какъ будто былъ его судьею. Онъ вступилъ въ длинную корреспонденцію съ Рейхлиномъ, не довольствовался никакими уступками и требовалъ, чтобы онъ гласно объявилъ, что раскаявается въ изданіи „Глазнаго Зеркала“ и беретъ назадъ все, сказанное въ немъ. Осенью 1512 г. кёльнскіе богословы напечатали и распространили противъ Рейхлина сорокъ три обвинительныхъ пункта, и собрали все, что, говоря ихъ собственными словами, было „злого, пакостнаго и противнаго для благочестивыхъ ушей“ въ поданномъ имъ мнѣніи и въ сообщенныхъ имъ объясненіяхъ его. Но тогда Рейхлинъ снова собрался съ силами, и его благородные друзья вооружились на войну съ мрачными богословами,—искусившимися въ фабрикаціи еретиковъ. Рейхлинъ отвѣчалъ кёльнцамъ въ такомъ тонѣ, какого можно было ожидать отъ Гуттена или Лютера, но никакъ не отъ робкаго, дипломатическаго и осторожнаго Рейхлина. На пасхѣ 1513 г. онъ издалъ апологію, обращенную къ императору Максимиліану, подъ заглавіемъ: „Защита противъ кёльнскихъ клеветниковъ“ (Defensio contra calumniatores Colonienses); какъ въ началѣ, такъ и въ заключеніи были помѣщены самыя рѣзкія ругательства противъ кёльнскихъ фанатиковъ. На заглавномъ листкѣ этой апологіи, написанной на латинскомъ языкѣ, сдѣлано на нѣмецкомъ языкѣ слѣдующее краткое указаніе на сущность содержанія книги: „Summarium libri: Тотъ, кто пишетъ и говоритъ, что я, нижеподписавшійся докторъ, въ мнѣніи о еврейскихъ книгахъ, поданномъ по приказанію его императорскаго величества, поступилъ не какъ благочестивый и честный христіанинъ, тотъ лжетъ, какъ не стоющій довѣрія, легкомысленный и безчестный негодяй, котораго я намѣренъ хорошенько отдѣлать“. Кёльнцы затѣяли формальный инквизиціонный процессъ противъ Рейхлина, и когда Гоохстратенъ потребовалъ его къ суду, онъ явился въ Майнцъ; но по-

кровительство майнцскаго курфирста поставило его въ полную безопасность, и хотя нищенствующій орденъ сжегъ его книгу въ Кёльнѣ въ 1514 г., но это безсильное мщеніе имѣло лишь тотъ результатъ, что преслѣдователи подверглись всеобщему осмѣянію. Когда спустя нѣсколько времени жалкій Фефферкорнъ издалъ грубый пасквиль на человѣка, пользовавшагося въ Германіи общимъ уваженіемъ, и бывшимъ другомъ императора и знаменитымъ ученымъ,—то самъ папа Левъ X прекратилъ процессъ кёльнскихъ богослововъ. Пасквиль Фефферкорна былъ озаглавленъ такъ: „Возстаніе Іогансена Фефферкорна противъ нечестивыхъ евреевъ, враговъ тѣла Христова; возстаніе на стараго грѣшника, Іоганна Рейхлина, приверженца лживыхъ евреевъ".

Лютеръ написалъ по поводу пасквиля Фефферкорна письмо въ Рейхлину и поздравилъ его съ такою рѣшимостію; а друзья новой науки, болѣе остроумные, чѣмъ Рейхлинъ, соединились и сочинили сатиру, выставившую въ самомъ смѣшномъ свѣтѣ его противниковъ, ихъ ученіе и жизнь, Заглавіе этой образцовой сатиры — „Письма Темныхъ Людей" *). Они появились сначала въ 1516 г. съ ложнымъ указаніемъ на мѣсто печатанія и типографіи, и уже въ томъ же году оказалась надобность въ трехъ новыхъ изданіяхъ. Это сочиненіе было плодомъ союза, заключеннаго множествомъ замѣчательныхъ людей Германіи противъ монаховъ и монашескаго быта. Для примѣра мы назовемъ нѣсколькихъ изъ этихъ людей. Тутъ были; графъ Германъ Нуэнааръ изъ Кёльна, Конрадъ Пёутингеръ изъ Аугсбурга, Билибальдъ Пиркгаймеръ изъ Нюрнберга, Германъ Бушъ, Эобанусъ Гессусъ, Петрейусъ Апербахъ изъ Эрфурта, Крокусъ изъ Лейпцига, Фабіанусъ изъ Вѣны, Каспаръ Урсинусъ, секретарь епископа гуркскаго, Филиппъ Меланхтонъ, Іаковъ Вимпфелингъ, Беатусъ

*) Epistolae obscurorum virorum ad venerabilem virum Ortuinum Gratium Davenstriensem Coloniae Agrippinae bonas literas docentem, variis et locis et temporibus missae ac demum in unum volumen redactae. In Venetiis impressum in impressoria Aldi Manutii. 4.

Ренанусъ, Николай Гербеліусъ, Ульрихъ фонъ-Гуттенъ, Павелъ Рицціусъ, Іоганъ Куспиніанусъ и Конрадъ Муціанусъ изъ Готы. Эти друзья и ихъ единомышленники въ Италіи своимъ одобреніемъ и значеніемъ не мало способствовали громадному успѣху превосходныхъ, написанныхъ на монашеской латыни, сатирическихъ письмахъ о врагахъ Рейхлина, ихъ школахъ и обычаяхъ. Правда, въ мартѣ 1517 г. папская булла предала эти письма проклятію, но это не помѣшало появиться въ томъ же году второй части ихъ, въ сочиненіи которой самое дѣятельное участіе принималъ Ульрихъ фонъ-Гуттенъ. Авторы изъ осторожности скрыли свои имена, и поэтому многіе изъ вышепоименованныхъ членовъ союза друзей свѣта были заподозрѣны совершенно неосновательно; несомнѣнно однако, что Эобанусъ Гессусъ и графъ Нуэнааръ принимали участіе въ сочиненіи первой части, и что большую часть ея написалъ Кротусъ изъ Эрфурта. Этотъ ученый, настоящее имя, котораго Іоганнъ Іейеръ, но который сначала далъ себѣ латинское имя Венаторъ, а потомъ имъ самимъ придуманное греческое — Кротусъ, (Лютеръ называлъ его жабой Kröte) былъ изъ числа тѣхъ людей, многочисленныхъ и въ наше время, которые торгуютъ не только своими талантами, но и убѣжденіями. Такъ сначала онъ писалъ въ пользу религіознаго просвѣщенія, держалъ сторону Лютера и послѣдовалъ за нимъ въ Вормсъ; но девять лѣтъ спустя, по настоянію курфирста майнцскаго, возсталъ противъ Лютера. Для того, чтобы дать понятіе о томъ родѣ сатиры, который господствуетъ въ письмахъ темныхъ людей, мы привели бы изъ нихъ нѣсколько мѣстъ, еслибы въ легко доступной книгѣ Эргарда (ч. 2-я, стр. 388 и слѣд.) не было сдѣлано полнаго извлеченія изъ этого сочиненія.

Главными и остроумнѣйшими сотрудниками въ этой враждебной для современнаго ему монашества и его ученія книгѣ были Кротусъ и Ульрихъ фонъ Гуттенъ. Соединенные дружбой съ самаго дѣтства, оба они были люди большаго ума, но крайне безпутные. Изъ нихъ

Ульрихъ фонъ-Гуттенъ замѣчателенъ уже какъ другъ Франца Зиккингена и энергическій соратникъ Лютера, но такъ какъ кромѣ того онъ превосходилъ многихъ какъ писатель на нѣмецкомъ и классическомъ языкахъ, то мы должны остановиться на немъ немного долѣе. Вся жизнь Гуттена была рядомъ всевозможныхъ приключеній. Что касается его характера и поступковъ, то мы не рѣшимся защищать ихъ такъ же, какъ нравственность лорда Байрона; но умомъ и поэтическимъ дарованіемъ онъ не уступалъ послѣднему, а ученостью и познаніями далеко превосходилъ его. Германія пріобрѣла бы въ немъ величайшаго писателя, еслибы онъ имѣлъ на столько свободнаго времени, спокойствія и усидчивости, чтобы произвести что нибудь значительное; но какъ ученый онъ никогда не имѣлъ бы такого вліянія, какое произвели его брошюры, написанныя имъ въ громадномъ количествѣ. Каждое изъ его сочиненій и сатиръ оказывало непосредственное вліяніе на жизнь его неспокойнаго времени. Гуттенъ не производилъ, какъ другіе писатели, продолжительнаго и непосредственнаго вліянія, но дѣйствовалъ какъ молнія, мгновенно и разрушительно. Поэтому труднѣе опредѣлить его значеніе, чѣмъ значеніе многихъ другихъ писателей, если при этомъ не ссылаться, какъ обыкновенно дѣлаютъ, на свидѣтельства ученыхъ, — свидѣтельства, которыми, какъ извѣстно, больше всего изобилуютъ самые многорѣчивые и безцвѣтные писатели, т. е. тѣ, на которыхъ Гуттенъ менѣе всего походитъ. По этой причинѣ о литературной дѣятельности Гуттена нельзя говорить, не бросивъ по крайней мѣрѣ бѣглаго взгляда на его приключенія и жизнь. Но мы все таки коснемся только немногихъ главныхъ пунктовъ, такъ какъ, начиная съ Лютера до Гердера, всѣ классическіе писатели Германіи прославляли Гуттена.

Отецъ Гуттена отдалъ его въ монастырь и хотѣлъ сдѣлать изъ него монаха; но уже въ дѣтствѣ онъ нашелъ защитника и адвоката въ благородномъ и дѣйствительно просвѣщенномъ и ученомъ канцлерѣ майнскомъ, Этельвольфѣ фонъ-Штейнѣ. Еще

юношей онъ велъ жизнь, полную приключеній и навлекалъ на себя обвиненія въ распутствѣ; но въ то же время онъ прославился повсюду своими стихотвореніями и особенно одною рѣзкою сатирой (In Wedegum Loetz et filium ejus Henningum Querelarum libri duo). Такъ какъ онъ ушелъ изъ монастыря, то отецъ отвергнулъ его, и въ 1504 г. онъ пріѣхалъ въ Эрфуртъ, гдѣ въ то время находились Эобанусъ Гессусъ и Бушъ. Тутъ онъ близко сошелся съ Кротусомъ и отправился съ нимъ на нѣкоторое время въ Кёльнъ. Въ Кёльнѣ они имѣли случай познакомиться съ Гоохсратеномъ и Арнольдомъ Тонгерскимъ и съ ихъ варварскимъ ученіемъ, сдѣлавшимся впослѣдствіи для нихъ предметомъ такой горькой сатиры. Послѣ этого два друга разстались, но продолжали вести между собой постоянную переписку и общими силами вели войну новаго свѣта съ старымъ мракомъ. Позже Кротусъ и Гуттенъ писали въ пользу Лютера, но Гуттенъ былъ такъ счастливъ, что не дожилъ до того времени, когда его другъ продалъ за деньги свои убѣжденія. Гуттенъ былъ также развратенъ какъ Кротусъ, но скорѣе бы пожертвовалъ счастьемъ и жизнью, чѣмъ отрекся отъ истины, тогда какъ Кротусъ, изъ-за денегъ, предложенныхъ ему архіепископомъ майнцскимъ, началъ писать противъ Лютера. Постоянно нуждаясь въ деньгахъ, но не переставая сочинять и писать, Гуттенъ странствовалъ отъ Франкфурта на Одерѣ до Грейфесвальдэ и Ростока. Правда, его другъ Кротусъ помирилъ его съ отцомъ, но жизнь и судьба Гуттена отъ этого не измѣнились. Уже въ 1510 году онъ снова появился въ Виттенбергѣ странствующимъ студентомъ. Въ 1511 г., оборванный и нищій, онъ ушелъ оттуда въ Вѣну, но на дорогѣ, въ Ольмюцѣ, тамошній епископъ далъ ему возможность принять приличный видъ. Похвальное слово въ стихахъ, написанное имъ въ честь императора Максимиліана I, принесло ему мало матеріальной пользы, не смотря на то, что Максимиліанъ увѣнчалъ его впослѣдствіи (1517 г.) императорскимъ поэтомъ. Въ 1512 г. Гуттенъ, ведя все ту же

скитальческую жизнь, былъ въ Павіи и Болоньѣ; но, вопреки желанію своего отца, онъ отказался заняться въ этихъ городахъ юриспруденціею и вслѣдствіе этого былъ принужденъ вернуться въ 1514 г. въ Виртембергъ.

Въ слѣдующіе года появились рѣзкія брошюры Гуттена противъ молодаго герцога Ульриха Виртембергскаго. Онѣ написаны такимъ же изящнымъ латинскимъ языкомъ и въ политическомъ отношеніи нанесли такой же сильный ударъ тираніи мелкихъ владѣлей, какъ въ XVIII ст. нѣмецкія брошюры Лессинга, направленныя противъ гамбургскаго пастора и его богословскаго деспотизма. Герцогъ Ульрихъ обольстилъ жену рыцаря Ганса Гуттена, отецъ котораго, дядя Ульриха Гуттена, сдѣлалъ послѣднему много добра; сверхъ того герцогъ хотѣлъ удержать при своемъ дворѣ изъ-за жены самого Ганса, съ которымъ всегда обращался какъ съ лучшимъ другомъ; но Гансъ догадался въ чемъ дѣло и не захотѣлъ оставаться. За это герцогъ собственноручно умертвилъ его 5 мая 1515 г., обвинилъ убитаго въ измѣнѣ и связи съ его женой и съ наглостью деспота, которую Ульрихъ Гуттенъ называетъ фаларизмомъ, объяснилъ, что произнесъ приговоръ и собственною рукою выполнилъ его. Онъ не захотѣлъ даже отдать трупъ Ганса его отцу и началъ преслѣдовать брата убитаго. Вслѣдствіе этого Ульрихъ фонъ Гуттенъ сначала въ 1515 и 1516 г. напечаталъ жалобы противъ этого убійства и безцвѣтное утѣшеніе отцу Ганса. Въ то время онъ еще не зналъ, что жена Ганса, которая продолжала быть любовницею герцога много лѣтъ послѣ убійства, была соучастницей въ преступленіи. Совсѣмъ иного рода были пять рѣчей, изданныхъ Гуттеномъ противъ убійцы въ 1515 — 1517 г., и четыре статьи о кровавой тираніи, написанныя въ мартѣ 1517 г. (De phalarismo dialogus Huttenicus). Эти пять рѣчей можно смѣло поставить на ряду съ рѣчью Демосфена противъ Филиппа Македонскаго и Цицерона — противъ Катилины, и онѣ тѣмъ болѣе достойны удивленія, что Демосфенъ и Цицеронъ метали свои

огненныя стрѣлы на отечественномъ языкѣ, а Ульрихъ Гуттенъ писалъ на языкѣ чужомъ. Эти рѣчи, изданныя вмѣстѣ лишь въ 1517 (In Ulricum Wirtenbergensem orationes V), сначала появлялись одна за другою, такъ что дѣйствовали какъ ударъ за ударомъ. Третья изъ нихъ появилась въ августѣ 1516 г., когда многочисленная семья Гуттеновъ, съ своими пріятелями—рыцарями, приготовилась къ войнѣ, потому что герцогъ Ульрихъ не только отказался появиться къ суду, но даже не хотѣлъ признавать императора своимъ судьею.

Почти въ то же время, когда Гуттенъ возсталъ за своего дядю противъ Ульриха Виртембергскаго, онъ писалъ и въ защиту Рейхлина; осенью 1516 г. ему удалось еще разъ съѣздить въ Италію и принять участіе въ продолженіи писемъ темныхъ людей. Уже въ 1517 г. онъ объявилъ себя сторонникомъ Лютера, чего не смѣли сдѣлать ни Эразмъ Роттердамскій, ни Рейхлинъ, между тѣмъ какъ Кротусъ стоялъ сначала за Лютера, а потомъ противъ него. О превосходныхъ діалогахъ, написанныхъ Гуттеномъ по поводу дѣла Лютера въ пользу правъ нѣмецкой націи противъ притязаній римской куріи, мы должны упомянуть здѣсь тѣмъ болѣе, что Гуттенъ не былъ или не хотѣлъ быть богословомъ, а смотрѣлъ на реформацію съ политической стороны. Эти діалоги заключаютъ въ себѣ самую вѣрную картину того времени и могутъ быть смѣло названы важнѣйшими сатирическими сочиненіями XVI ст.; написанныя сперва по латыни, они оказали своимъ классическимъ стилемъ вліяніе на ученыхъ, а потомъ, когда самъ Гуттенъ перевелъ ихъ на нѣмецкій языкъ, подѣйствовали еще сильнѣе на всю нѣмецкую націю. Только Гуттенъ и Лютеръ умѣли возбуждать въ нѣмецкомъ народѣ стремленія къ великимъ и высокимъ цѣлямъ. Эти діалоги печатались сначала отдѣльно какъ брошюры и неимовѣрно быстро распространялись въ народѣ, — а потомъ стали появляться по три, по четыре и по пяти вмѣстѣ, въ видѣ книги. Одно изъ такихъ собраній, въ которомъ заключались разговоръ о двухъ лихорадкахъ, Вадискусъ, созерцающіе (Inspi-

cientes) и разговоръ о фортунѣ, — уже при появленіи своемъ въ 1521 г. было принято какъ сильнѣйшій протестъ, какой когда либо появлялся противъ злоупотребленій средневѣковой церкви. Оно было перепечатано и у Шеффера въ Майнцѣ, сначала на латинскомъ, а потомъ подъ заглавіемъ: „Натуральное изображеніе папства“ на нѣмецкомъ языкѣ, и въ 1632 г., когда Густавъ Адольфъ воскресилъ въ Германіи протестантизмъ, напечатано еще разъ подъ заглавіемъ: „Пробудитель нѣмецкой націи“. Самъ Гуттенъ озаглавилъ переводъ этого собранія: „Книжечка разговоровъ г. Ульриха фонъ-Гуттена. Лихорадка первая. Лихорадка вторая. Вадискусъ. Созерцающіе„. Къ этому было прибавлено нѣмецкое рифмованное стихотвореніе, заключающееся словами: “Я дерзнулъ, Ульрихъ фонъ Гуттенъ“. Передъ „Созерцающими“ помѣщенъ портретъ Гуттена, и подъ нимъ — слѣдующія слова, вполнѣ достойныя рыцаря:

Umb Wahrheit ich ficht,
niemand mich abricht;
es brech oder gang,
gots geist mich bezwang.

Діалогъ „Созерцающіе“, какъ и остальные, представляетъ собою, правда, рѣзкую сатиру на римскія притѣсненія и миссіи въ Германію, особенно на посольство кардинала Каэтана по поводу дѣла Лютера; но въ то же время Гуттенъ сильно бичуетъ нѣмецкую націю, которую прославлялъ при каждомъ удобномъ случаѣ и любилъ выше всего на свѣтѣ, — бичуетъ за ея вѣчныя совѣщанія безъ результата, за пьянство и за наивное добродушіе, которымъ злоупотребляли итальянцы. Въ діалогѣ этомъ разговариваютъ Фебъ, Фаэтонъ и кардиналъ Каэтанъ; богъ солнца раздвигаетъ облака, и Фаэтонъ видитъ въ Аугсбургѣ суматоху и большую процессію и спрашиваетъ, что тамъ происходитъ. „Это нѣмецкій имперскій сеймъ; — отвѣчаетъ Фебъ— папскій легатъ, кардиналъ Каэтанъ, хочетъ снова надуть нѣмцевъ и подъ предлогомъ войны съ турками утащить въ Римъ денегъ“.

За тѣмъ Гуттенъ заставляетъ бога солнца восхвалять нѣмецкую націю, особенно саксонцевъ, но при этомъ упрекаетъ нѣмцевъ за ихъ скотское пьянство. Нѣмцы восхваляются за то, что не хотятъ знать никакихъ докторовъ, и за то, что освистываютъ адвокатовъ. Фебъ оправдываетъ нѣмецкое дворянство въ томъ, что оно занимается грабежемъ, говоря: „Нѣтъ ничего дурнаго въ томъ, что рыцари грабятъ купцовъ, потому что послѣдніе испортили нѣмецкую кровь и контрабандой ввезли въ Германію чужеземную изнѣженность нравовъ". Замѣтимъ при этомъ, что самъ Гуттенъ былъ очень строгъ къ иностраннымъ товарамъ и появлялся въ платьѣ изъ туземнаго сукна даже при дворѣ, гдѣ по правиламъ этикета дворянство должно было ходить не иначе какъ въ шелку.

Другое собраніе діалоговъ, направленное противъ церковныхъ злоупотребленій, содержитъ въ себѣ горячую защиту предпріятія Лютера. Это сочиненіе, замѣчательное по содержанію и языку, печаталось не только при жизни Гуттена, но очень часто и по смерти его и привлекло на сторону реформаціи множество простолюдиновъ, непонимавшихъ ученыхъ полемическихъ сочиненій. Заглавіе его такое: „Жалоба и предостереженіе противъ чрезмѣрной, нехристіанской власти римскаго папы и бездушныхъ духовныхъ лицъ (ungeistliche geistliche), написанное г. Ульрихомъ фонъ-Гуттеномъ, поэтомъ и ораторомъ, на пользу и добро всему христіанству, а прежде всего отечеству и нѣмецкой націи; рифмами написанное, по поводу общаго бѣдствія и моей собственной нужды. Я дерзнулъ (Alea jacta est)". Въ то время Гуттенъ жилъ у своего друга Франца Зиккингена въ Эбернбургѣ, гдѣ печаталась не только большая часть вышеупомянутыхъ мелкихъ сочиненій, но и всѣ удивительнѣйшіе историческіе діалоги великаго сатирика. Послѣдніе посвященны пфальцграфу Іоганну Рейнскому, герцогу Баварскому и графу Шпонгейму и появились въ 1521 году подъ заглавіемъ: „Dialogi Huttenici novi, perquam festivi. Bulla vel Bullicida.

Monitor primus. Monitor secundus". Praedones (разбойники)." Буллицида была главною причиною того, что булла Льва X противъ Лютера не имѣла никакого значенія и что все это дѣло подвергнулось осмѣянію. Такъ какъ даже большая часть нѣмецкихъ епископовъ не одобряла мѣры папы, потому что она была посягательствомъ на ихъ права, и такъ какъ они отказывались обнародовать буллу, то Ульрихъ Гуттенъ явился дѣйствительно тѣмъ, чѣмъ изобразилъ себя на заглавномъ листѣ перваго изданія своихъ діалоговъ. Онъ представленъ рыцаремъ въ полномъ вооруженіи, а внизу латинская подпись: „Ульрихъ фонъ-Гуттенъ, боецъ за нѣмецкую свободу. Я дерзнулъ (Ulricus ab Hutten, Germanicae libertatis propugnator. Jacta est alea)". Въ вышеупомянутомъ стихотвореніи: „Жалоба и предостереженіе противъ чрезмѣрной, нехристіанской власти римскаго папы" Гуттенъ положительно говоритъ, что не хочетъ болѣе обращаться къ ученымъ, а намѣренъ обратиться прямо къ народу на понятномъ для него языкѣ:

Latein ich vor geschriben hab,
Das war ein reden nit bekanndt.
Jetz schrey ich an das vaterlandt.
Den Teutschen musz man diesen rauch
Vond Augen blasen, der sie blendt,
Das trügerei blieb unerkendt.
Denn wo die Nation wär clug.
So hätt das Evangelium
Vor diesen Fabelm seinen rum.

Все это стихотвореніе, драгоцѣнное по внутренней правдѣ, по патріотизму и глубокому убѣжденію, блистающему въ каждомъ словѣ, напечатано въ третьемъ томѣ біографій Мейнерса.

Что касается вышеупомянутыхъ, Dialogi Huttenici novi, напечатанныхъ въ 1521 г., то въ одномъ изъ нихъ, именно Bullicida или убійца буллы, разговариваютъ нѣмецкая свобода, олицетворенная папская булла, Ульрихъ фонъ-Гуттенъ, въ качествѣ убійцы буллы и Францъ фонъ-Зиккингенъ. Нѣмецкая свобода

даетъ буллѣ благой совѣтъ не появляться въ Германіи съ своею прежнею смѣлостью, потому что ее примутъ не съ обычнымъ почтеніемъ, а съ презрѣніемъ. Но булла не слушаетъ этихъ увѣщаній, и тогда нѣмецкая свобода призываетъ на помощь Ульриха фонъ-Гуттена; онъ приходитъ, въ сопровожденіи Франца фонъ-Зиккингена, и упрекаетъ буллу въ безчинствѣ, которое она произвела въ Германіи. Когда же она не обращаетъ вниманія ни на эти упреки, ни на совѣты, то Гуттенъ начинаетъ обращаться съ нею точно также, какъ она поступала прежде съ нѣмецкой свободой, т. е. страшно бичуетъ ее. Булла, по итальянскому обыкновенію, зоветъ на помощь добродушныхъ нѣмцевъ, но они уже не слушаютъ ея голоса, Вслѣдствіе этого булла начинаетъ раздуваться отъ безсильнаго бѣшенства и наконецъ лопается, при чемъ изъ нея выползаютъ превосходно описанные пороки и интриги, которые породили ее или которыхъ она вскормила и воспитала. Тутъ Гуттенъ произноситъ ей надгробную рѣчь въ слѣдующихъ двухъ стихахъ: «Hic jacet Hetrusci temeraria bulla Leonis, Quae cum alios vellet se dedit ipsa neci". (Здѣсь лежитъ дерзкая булла тосканскаго Льва; она думала умертвить другихъ и умертвила сама себя).

Въ двухъ слѣдующихъ діалогахъ, подъ заглавіемъ первый и второй Мониторъ т. е. предостерегатель, два эгоиста разговариваютъ съ священникомъ, жертвующимъ имуществомъ и жизнью за истину и религію, и съ рыцаремъ, исполненнымъ горячаго патріотизма; тутъ наглядно показывается, кто стоялъ за дѣло Лютера и кто былъ противъ него. Въ первомъ Мониторѣ Лютеръ и другой священникъ бесѣдуютъ объ опасности, грозящей первому по случаю его нововеденій; Лютеръ опровергаетъ все, что говоритъ его предостерегатель (оттуда и заглавіе діалога Мониторъ), и объясняетъ причины своихъ поступковъ. Предостерегатель не можетъ ничего возразить на эти доводы, но наконецъ говоритъ, что, не смотря на все это, не хочетъ имѣть никакого дѣла съ Лютеромъ, потому что въ старой церкви

можно составить себѣ лучшую карьеру, чѣмъ въ новой, и что онъ самъ надѣется скоро сдѣлаться кардиналомъ. Во второмъ Мониторѣ Францъ Зиккингенъ разговариваетъ съ другомъ, который предостерегаетъ его, рисуя передъ нимъ опасности, грозящія ему вслѣдствіе его приверженности къ лютеранству, дружбы съ Гуттеномъ и вражды съ государями. Изъ словъ, которыя Гуттенъ влагаетъ въ уста своему другу Зиккингену, мы узнаемъ тогдашній образъ мыслей обоихъ рыцарей, и это во многомъ выясняетъ исторію этихъ людей, на которыхъ въ то время были обращены взоры всей Германіи, отношенія воинственной части рыцарства къ другимъ сословіямъ и вообще обстоятельства того времени. Зиккингенъ подробно говоритъ о своихъ отношеніяхъ къ Лютеру и Гуттену и перечисляетъ причины, побудившія его пристать къ этимъ людямъ. Слѣдующій за двумя Мониторами діалогъ Praedones (Разбойники) безъ сомнѣнія важнѣе всѣхъ другихъ сочиненій для изученія нравовъ и положенія дѣлъ того времени. Въ немъ находятся превосходныя картины нравовъ высшихъ сословій, нарисованныя съ натуры великимъ поэтомъ и ораторомъ, и остроумныя разсужденія объ отсутствіи въ Германіи государственнаго быта и о средствахъ пополнить этотъ пробѣлъ. Въ немъ разговариваютъ: Ульрихъ Гуттенъ, одинъ купецъ или прикащикъ большаго торговаго дома Фуггеръ и Францъ фонъ Зиккингенъ. Они сходятся въ одномъ имперскомъ городѣ. Ульрихъ Гуттенъ сердится на купца за то, что тотъ назвалъ нѣмецкихъ рыцарей разбойниками, но Францъ Зиккигенъ успокоиваетъ своего друга и старается дать купцу лучшее понятіе о нѣмецкихъ рыцаряхъ, доказывая ему, что къ дворянству принадлежитъ самая меньшая часть разбойниковъ (всѣхъ дворянъ онъ не можетъ исключить изъ этого), и что, напротивъ того, каждый истинный рыцарь отъ души ненавидитъ разбой безъ войны. Такъ какъ мы не можемъ слѣдить за всѣми подробностями этого діалога, то замѣтимъ только, что въ немъ заключаются описанія нравовъ, написанныя

искуснымъ перомъ такого великаго поэта и оратора, какимъ был Ульрихъ фонъ Гуттенъ; въ немъ рыцарь развивалъ соціалистическіе принципы и доказывалъ, что разбойничество, въ которомъ обвиняли исключительно рыцарей, было не чуждо и другимъ сословіямъ. О разбойничествѣ Гуттенъ высказался въ слѣдующихъ четырехъ положеніяхъ: 1) Разбойниками называются всѣ тѣ, которые нападаютъ на большой дорогѣ на путешественника или купца съ цѣлью ограбить ихъ. Дворянство не дѣлаетъ этого. Оно или честно объявляетъ войну, такъ что противникъ можетъ принять мѣры предосторожности, или требуетъ платы за проѣздъ чрезъ свои владѣнія. 2) Гораздо худшіе разбойники — купцы, высасывающіе изъ Германіи деньги ввозомъ иностранныхъ товаровъ, пряностей, шелковыхъ матерій и платьевъ. Самые скверные изъ нихъ тѣ, которые принадлежатъ къ большому торговому дому Фуггеръ, потому что они притѣсняютъ своими деньгами всѣхъ другихъ купцовъ, какъ будто дорога въ Индію существуетъ для нихъ однихъ. 3) Затѣмъ, къ разбойникамъ должны быть причислены писцы и адвокаты. 4) Наконецъ, разбойники— дурные священники, потому что высокихъ духовныхъ должностей достигаетъ только тотъ, кто имѣетъ или умѣетъ добыть деньги для покупки мѣста у папы или у другихъ высшихъ духовныхъ властей; понятно, что священники, купившіе себѣ должности, дѣйствуютъ потомъ только за деньги и изъ-за денегъ.

IX. ИСТОРІЯ ИСПАНІИ И ИТАЛІИ

ОТЪ 1430 Г. ДО ФЕРДИНАНДА КАТОЛИКА.

---

1. Арагонія, Каталонія и Наварра.

Съ того времени, до котораго мы довели въ IX т. (стр. 329) исторію Испаніи, испанская нація въ теченіе 60 лѣтъ была жертвою внутреннихъ войнъ. Отъ этихъ раздоровъ одно изъ двухъ главныхъ государствъ, Кастилія, пострадало гораздо больше другого — Арагоніи, потому что государь первой не могъ управлять своимъ собственнымъ дворомъ, а тѣмъ менѣе обуздывать воинственныхъ рыцарей и знать. Но въ этихъ междуусобныхъ войнахъ, запутавшихъ дѣла обоихъ государствъ, нація блестящимъ образомъ доказала свое мужество, любовь къ свободѣ и энергію. Каждый гражданинъ былъ солдатъ, испанскіе флоты господствовали на морѣ, невѣрныхъ прогоняли изъ одной провинціи въ другую и преслѣдовали до Африки. Поэтому нужно было только возстановить порядокъ и направить за границу государства безпокойную дѣятельность аристократіи и громадныя силы, скопившіяся внутри, чтобы поставить Кастилію и Арагонію на высокую степень могущества. Это было совершено въ концѣ XV и началѣ XVI ст. Фердинандомъ Католикомъ, сначала въ Арагоніи, а потомъ въ Кастиліи,наслѣдственной монархіи его жены, Изабеллы. Чтобы сдѣлать болѣе понятнымъ вели-

чіе, котораго Испанія достигла по возстановленіи Фердинандомъ ея единства, мы должны бросить взглядъ на два слабыя правленія, предшествовавшія въ Арагоніи и въ Кастиліи энергическому царствованію Фердинанда и Изабеллы.

Въ IX т. мы довели исторію Арагоніи, Каталоніи и Наварры до того времени, когда Альфонсъ V снова вмѣшался въ итальянскія дѣла и успѣлъ завладѣть неаполитанскимъ королевствомъ, Во время его отсутствія, арагонскимъ государствомъ управляла его жена Марія; но отношенія къ Кастиліи и Наваррѣ Іоанна II, брата и наслѣдника короля Альфонса, произвели смуты въ Арагоніи. Іоаннъ снова вмѣшался въ споръ кастильскихъ вельможъ съ ихъ королемъ, Іоанномъ II, предоставившимъ управленіе Альваро де-Луна, человѣку блестящихъ достоинствъ. Подробности этого дѣла принадлежатъ уже исторіи Кастиліи; поэтому здѣсь мы замѣтимъ только, что съ 1447 г. арагонцы весьма неохотно принимали участіе въ войнѣ, касавшейся частныхъ интересовъ ихъ короля и его ближайшихъ родственниковъ, брата, Іоанна и сына другого брата, въ то время уже умершаго, Энрико. Вслѣдствіе брака съ Бланкою (см. т. IX, стр. 323), Іоаннъ присоединилъ къ своимъ владѣніямъ королевство Наварру, и по смерти жены въ 1441 г., утвердился на наваррскомъ престолѣ. Правда, государственные чины Наварры потребовали, чтобы онъ сдѣлалъ своимъ наслѣдникомъ своего сына отъ Бланки, принца Карла Віанскаго; но Бланка поставила въ обязанность этому принцу, извѣстному своими учеными трудами и научными стремленіями, принять престолъ не иначе, какъ съ отцовскаго разрѣшенія. Въ 1447 г. между Іоанномъ и его сыномъ началась почти непримиримая вражда, потому что король вступилъ во второй бракъ съ Іоанной, дочерью дона Федериго, генералъ-адмирала Кастиліи. Карлъ не хотѣлъ, чтобы его мачиха носила титулъ королевы наваррской, и тогда взбѣшенный отецъ заточилъ его въ тюрьму. Правда, онъ освободилъ его по просьбѣ кастильскаго короля Іоанна II, но про-

должалъ вести съ нимъ войну, въ которой принимала участіе и Кастилія, и отмстилъ Карлу тѣмъ, что старался отстранить его отъ арагонскаго престола, сдѣлавъ своимъ наслѣдникомъ сына отъ втораго брака, впослѣдствіи короля Фердинанда Католика.

Въ 1453 г. правительница Марія вступила съ Кастиліею въ переговоры о мирѣ, что поставило принца Віанскаго въ затруднительное положеніе. Когда же въ слѣдующемъ году, по смерти Іоанна II, на престолъ Кастиліи вступилъ слабый тѣломъ и умомъ сынъ его, Генрихъ IV, и Марія продолжала и окончила переговоры о королевствѣ Наваррѣ, — Карлъ долженъ былъ обратиться за совѣтомъ и рѣшеніемъ къ своему дядѣ, Альфонсу V. Самый затруднительный пунктъ въ этихъ переговорахъ касался не владѣнія Наваррой, потому что отецъ Карла, Іоаннъ, владѣлъ ею уже 13 лѣтъ, но большихъ помѣстій, которыми Іоаннъ, Альфонсъ V и сынъ ихъ брата Энрико, какъ инфанта кастильскаго, обладали въ Кастиліи и которыя они потеряли во время долгой войны съ Іоанномъ II. Эти земли давно уже перешли въ другія руки, и ни Альфонсъ арагонскій, ни Іоаннъ наваррскій, ни Генрихъ кастильскій не могли возвратить ихъ. При томъ же опытъ показалъ, какъ было опасно, когда при вѣчныхъ внутреннихъ раздорахъ, могуществѣ и своеволіи вельможъ чужеземные государи владѣли землями въ Кастиліи. Поэтому 8 октября 1454 г. договорились на счетъ денегъ, которыя должны были выплачиваться въ видѣ вознагражденія королю Іоанну наваррскому ежегодно, а Альфонсу арагонскому и его племяннику, единовременно. Ратификація этого договора была отложена до предстоявшаго въ 1455 г. конгресса въ Агредѣ, на которомъ долженъ былъ рѣшиться споръ за Наварру, занятую частью королемъ Іоанномъ, частью его сыномъ Карломъ. Но на конгрессѣ было покончено только дѣло о земляхъ инфантовъ. Дѣла же наваррскія остались нерѣшенными, и для нихъ пріискали дипломатическій исходъ, придуманный маркизомъ Вильена, стоявшимъ во главѣ многочисленнаго и

Digitized by Google

блестящаго кастильскаго посольства. Было положено сохранять перемиріе до апрѣля 1455 г. и занимать арагонскими войсками Маріи наваррскія крѣпости, принадлежавшія принцу Віанскому.

Но и по истеченіи перемирія дѣло о владѣніи Наваррой не могло прійти къ окончанію, потому что Іоаннъ находился въ полномъ подчиненіи у своей второй жены и по возобновленіи войны пошелъ еще гораздо дальше, чѣмъ прежде. Грамотой, тайно изготовленной въ Барселонѣ, онъ совершенно отстранилъ отъ престола своего сына, Карла и старшую дочь отъ перваго брака, Бланку, жену Генриха IV кастильскаго, жившую въ разводѣ съ мужемъ; она горячо принимала сторону своего брата; такимъ образомъ король лишивъ своихъ дѣтей достоянія ихъ матери, и назначилъ наслѣдницею наваррскаго престола младшую свою дочь отъ перваго брака, Элеонору, жену графа Гастона де Фуа. Этотъ поступокъ вовлекъ въ испанскія дѣла Карла VII короля французскаго, а впослѣдствіи его сына, Лудовика XI. Уже въ 1456 г. Карлъ VII поддерживалъ своего вассала деньгами и войсками въ войнѣ, которую Іоаннъ и преданная ему фамилія Граммонъ вели съ Карломъ и приверженцами его, Бомонами. Карлъ предоставилъ одному изъ Бомоновъ защиту крѣпостей, еще принадлежавшихъ ему а самъ отправился искать утѣшенія и справедливости сначала во Франціи у Карла VII, а потомъ въ Италіи, у своего дяди Альфонса V. Первый, какъ намъ кажется, не только не утѣшилъ его, но даже не захотѣлъ и слушать. Напротивъ того въ Неаполѣ его дядя Альфонсъ и побочный сынъ послѣдняго, Фердинандъ, приняли его дружески и дали значительныя суммы. Но къ его несчастію Альфонсъ умеръ въ 1458 г., прежде чѣмъ отецъ и сынъ успѣли помириться. Тогда Карлъ нашелъ себѣ друзей и приверженцевъ въ Сициліи, но склонился на приманки уполномоченныхъ, отправленныхъ къ нему его отцемъ, и поѣхалъ въ Маіорку. Отсюда онъ вступилъ въ сношенія со всѣми врагами сво-

его отца и французскаго короля, съ тогдашнимъ дофиномъ Лудовикомъ XI, герцогами Бургундскимъ и Бретанскимъ, Генрихомъ IV кастильскимъ и другими. Іоаннъ не рѣшался удалить его изъ Маіорки силою, потому что государственные чины Арагоніи, Каталоніи и Валенсіи, имѣвшіе больше власти, чѣмъ король, были преданы принцу, котораго преслѣдовала мачиха и на котораго клеветалъ отецъ послѣдней, адмиралъ кастильскій. Поэтому въ началѣ 1460 г. король заключилъ съ сыномъ договоръ, по которому Карлъ получилъ прощеніе и въ замѣнъ того обязался уступить отцу тѣ крѣпости въ Наваррѣ, которыя еще были заняты его войсками. Карлъ исполнилъ это обязательство въ точности, и его друзья и приверженцы, хотя возставали противъ этого, но были принуждены очистить крѣпости. Такимъ образомъ, отецъ и сынъ повидимому совершенно примирились, и когда Карлъ пріѣхалъ въ Барселону, то даже мачиха его обошлась съ нимъ весьма дружески; но вскорѣ вражда возобновилась.

Два обстоятельства были причиною ея возобновленія. Во первыхъ, какъ государственные чины Арагоніи, собравшіеся въ Фрагѣ, такъ и чины Каталоніи, созванные въ Лериду, давъ согласіе на заключеніе вѣчнаго союза между Сардиніею, Сициліею и Арагоніею, потребовали, чтобы Іоаннъ объявилъ наслѣдникомъ арагонскаго престола своего сына, Карла; но король хитро уклонился отъ исполненія ихъ требованія. Во вторыхъ, кастильцы старались устроить бракъ Карла съ Изабеллой, сестрой ихъ короля Генриха IV, въ то время бездѣтнаго; по смерти его и его брата, Альфонса, она сдѣлалась наслѣдницею кастильскаго престола. Карлъ былъ готовъ исполнить это желаніе, но отецъ его мачихи убѣдилъ короля Іоанна, что этотъ бракъ будетъ для него вреденъ, потому что Карлъ выгонитъ своего отца изъ Кастиліи. Вслѣдствіе этого Іоаннъ пригласилъ принца къ себѣ въ Лериду, и Карлъ поѣхалъ, думая, что его отецъ рѣшился, согласно желанію государственныхъ чиновъ, объявить его своимъ наслѣдникомъ. Но едва онъ при-

Digitized by Google

былъ въ Лериду, какъ былъ посаженъ въ тюрьму съ своими друзьями Жаномъ Бомономъ и Гомецомъ де Фріасъ (декабрь 1460 г.). Іоаннъ началъ противъ него процессъ, не обращая вниманія на энергическій протестъ государственныхъ чиновъ Арагоніи и Каталоніи и всѣхъ судовъ обоихъ королевствъ. Король не слушалъ никакихъ просьбъ, не смотря на то, что кастильцы вторгнулись въ Наварру. Онъ не отрекся отъ ненависти къ сыну даже и тогда, когда въ февралѣ 1461 г. жители Барселоны призвали каталонцевъ къ возстанію за принца и отправили къ королю грозную депутацію изъ шестидесяти человѣкъ. Но всѣ эти мѣры остались безплодными. Тогда въ большей части Каталоніи, обнаружилось открытое возмущеніе, а въ Барселонѣ былъ даже учрежденъ революціонный комитетъ. Это привело въ такой ужасъ королеву, управлявшую своимъ мужемъ и назначенную намѣстницею государства, что въ мартѣ 1461 г. она убѣдила короля освободить принца. Послѣ этого Карлъ отправился въ Барселону, и королева была принуждена заключить съ каталонцами договоръ, довольно унизительный для Іоанна. По этому договору король долженъ былъ не только провозгласить Карла наслѣдникомъ престола, но и сдѣлать его постояннымъ и непремѣннымъ намѣстникомъ Каталоніи, предоставивъ ему право созывать государственные чины этой провинціи; самъ король могъ присутствовать въ собраніи чиновъ только тогда, когда они желали этого; кромѣ того, мѣста военачальниковъ въ Каталоніи должны были раздаваться только туземцамъ, всѣ приверженцы принца — остаться нетронутыми, графиня Фуа и всѣ гасконцы — оставить королевство Наварру, а управленіе послѣднимъ и всѣми укрѣпленными мѣстами — перейти въ руки арагонцевъ. Король принялъ эти условія, но скоро показалъ, что смотрѣлъ на нихъ не серьезно. Въ непродолжительномъ времени (въ сентябрѣ 1461) Карлъ скоропостижно умеръ. Подозрѣніе, что его отравили, правдоподобнѣе, чѣмъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ слу-

чаяхъ, не смотря на то, что и здѣсь оно не подкрѣплено положительнымъ доказательствомъ, потому что увѣреніе Маріаны не можетъ считаться достаточнымъ.

Каталонцы грозно объявили смерть Карла убійствомъ. Барселона, бывшая въ то время однимъ изъ самыхъ большихъ и богатыхъ городовъ Европы, даже ввела у себя республиканское правленіе, привлекла на свою сторону значительную часть королевства и затворила свои ворота предъ королевой, которой Іоаннъ поручилъ усмирить Каталонію. Королева была принуждена бѣжать съ бывшимъ при ней десятилѣтнимъ сыномъ, Фердинандомъ Католикомъ. Она бѣжала въ Жирону, но этотъ городъ былъ взятъ каталонцами, такъ что она едва успѣла спастись въ крѣпость Жиронелу, гдѣ ее заперли и держали въ самомъ стѣснительномъ положеніи. Республиканцы получили поддержку отъ кастильскаго короля Генриха IV и отъ французскаго — Лудовика XI; но эта помощь была незначительна. Правда, Генрихъ вторгнулся въ Наварру, но скоро отказался отъ своего предпріятія. Лудовикъ и при этомъ случаѣ слѣдовалъ той же безстыдной и вѣроломной политикѣ, которая всюду руководила имъ; онъ до тѣхъ поръ ободрялъ и поддерживалъ заговорщиковъ деньгами и обѣщаніями, пока король арагонскій не пришелъ въ отчаяніе; тогда Лудовикъ продалъ послѣднему свою помощь за участокъ земли, округлявшій французскія владѣнія въ Пиринеяхъ. Въ маѣ 1462 г. онъ заключилъ въ Сальватьеррѣ союзъ съ Іоанномъ, обѣщалъ дать ему въ займы 450 т. дукатовъ и послать противъ Барселоны вспомогательный отрядъ въ 200 копій (700 человѣкъ); за это онъ получилъ въ видѣ обезпеченія графства Руссильонъ и Сердань, которыя должны были оставаться въ рукахъ Франціи до уплаты 700 т. дукатовъ, при чемъ однако было условлено, чтобы доходы съ графствъ не вычитались изъ этой суммы. Весь договоръ былъ обманомъ со стороны Лудовика, который съ первой минуты заключенія его рѣшился никогда не возвращать этихъ владѣній. Это видно уже изъ того, что онъ немед-

ленно присоединилъ ихъ къ коронным имѣніямъ, въ видѣ уплаты долга, котораго требовалъ какъ наслѣдственной доли своей матери, Маріи Анжуйской, дочери Іоланты арагонской. Въ сальватьерскій договоръ была включена графиня Элеонора де-Фуа, которую король Іоаннъ формально объявилъ правительницею Наварры помимо своего сына Карла и дочери Бланки. Кромѣ того было постановлено, что Іоаннъ выдастъ свою дочь, Бланку, графу Гастону де Фуа. Поэтому Гастону было необходимо освободить королеву изъ Жиронелы. Онъ и д'Альбре, съ шестью тысячами рыцарей и многочисленною пѣхотою, вторгнулись черезъ графство Руссильонъ и пиринейскіе проходы въ Испанію и заставили мятежниковъ снять осаду Жиронеллы и даже сдать Жирону. Послѣ этого Іоаннъ выдалъ Бланку графу Гастону. Гастонъ перевезъ ее въ крѣпость Ортесъ въ Беарнѣ, гдѣ два года спустя она умерла въ тюрьмѣ. Какъ при всѣхъ смертныхъ случаяхъ, совершающихся при подобной обстановкѣ, многіе утверждали, что Бланка была отравлена своею сестрою, Элеонорою. Впрочемъ когда несчастную принцессу везли въ Беарнъ, она составила завѣщаніе, которымъ уступала всѣ свои права на Наварру кастильскому королю Генриху IV за то, что онъ былъ всегда другомъ ея брата, Карла. До насъ дошло одно трогательное письмо, которое она писала Генриху о судьбѣ своего брата и своей. Что касается до престолонаслѣдія въ Наваррѣ, то сынъ графа Гастона де Фуа, жена котораго получила королевство Наварру, былъ женатъ на сестрѣ Лудовика XI, Мадленѣ. Такимъ образомъ, на сторонѣ французскаго короля была та выгода, что одинъ изъ его вассаловъ и ближайшихъ родственниковъ долженъ былъ со временемъ сдѣлаться королемъ Наварры. Правда, его зять умеръ за два года до смерти своего отца (въ 1470 г.); но онъ оставилъ сына, Гастона Феба, и дочь Екатерину, и когда первый умеръ бездѣтнымъ, Екатерина вышла замужъ за француз-

скаго дворянина Жана д'Альбре, который такимъ образомъ основалъ новую королевскую династію въ Наваррѣ.

Король Іоаннъ не имѣлъ возможности вновь подчинить себѣ Каталонію и особенно Барселону, потому что Генрихъ кастильскій походомъ противъ Наварры, и вторженіемъ въ Арагонію заставлялъ его высылать свои войска изъ Каталоніи. Это обстоятельство дало французскому королю случай завлечь и Генриха кастильскаго въ сѣти своей коварной политики. Война продолжалась весь 1462 г., и слабый кастильскій король согласился съѣхаться съ Лудовикомъ на святой недѣли 1463 г. и предоставить ему рѣшеніе своего дѣла. Такимъ образомъ самый дурной, вѣроломный, безнравственный государь сдѣлался судьею самыхъ гордыхъ монарховъ Европы.

Лудовикъ прибѣгнулъ къ той же системѣ лжи, которая повсюду приводила его къ цѣли и главными средствами которой были подкупъ и лицемѣрное добродушіе. Архіепископъ толедскій и маркизъ Вильена со стороны Кастиліи, а гросмейстеръ Монтеза съ коннетаблемъ наварскимъ—со стороны Арагоніи, отправились въ Байонну и отдали спорные пункты на разсмотрѣніе Лудовика. Первые два были уже прежде подкуплены, а другіе продались въ Баіоннѣ. Поэтому они подчинились приговору французскихъ юристовъ. Приводить здѣсь этотъ приговоръ мы считаемъ излишнимъ. Генрихъ имѣлъ съ Лудовикомъ XI знаменитое свиданіе на берегу Бидассои, — при чемъ Генрихъ и его свита явились съ необыкновенною пышностью, а французскій король пришелъ въ грязномъ и оборванномъ платьѣ и въ беретѣ, на которомъ спереди былъ прикрѣпленъ оловянный образокъ Дѣвы Маріи; свита его имѣла такой же нищенскій видъ. Посредничество, предложенное французскимъ королемъ, было также чистымъ обманомъ, потому что приговоръ его не удовлетворилъ ни королей, ни графа де Фуа, хотя Генрихъ IV призналъ его справедливымъ; самъ Лудовикъ съ радостью видѣлъ, что достигъ своей цѣли, которая состояла въ томъ, чтобы Генрихъ кастильскій предоставилъ каталонцевъ

на произволъ судьбы, и призналъ графа Фуа законнымъ королемъ Наварры. При этомъ Лудовикъ былъ совершенно увѣренъ, что короли кастильскій и араговскій будутъ черезъ годъ еще въ большей ссорѣ, чѣмъ прежде.

Каталонцы не подчинились приговору Лудовика, не смотря на то, что Генрихъ IV настоятельно побуждалъ ихъ покориться королю Іоанну. За тѣмъ Наварра отказалась отдать кастильцамъ, на основаніи этого приговора, городъ Эстреллу съ областью (merindado) Кастильскіе и арагонскіе вельможи, продавшіе себя Лудовику, впали въ немилость. Республика Барселона чувствовала, что для поддержанія своего существованія должна принять монархическую форму и перейти, хотя для виду, на законную почву. Поэтому она обратилась къ португальскому принцу Донъ-Педро, отличавшемуся воинственностью и имѣвшему притязанія на Арагонію, перешедшія къ нему по наслѣдству отъ его дѣда, графа Уржеля. Этотъ принцъ жилъ въ Сеутѣ, откуда португальцы, превосходившіе въ то время всѣ другіе европейскіе народы дѣятельностью, храбростью и предпріимчивостью, дѣлали частые набѣги на владѣнія мавровъ, между тѣмъ какъ ихъ мореплаватели открытіями на Атлантическомъ океанѣ расширяли ограниченный кругъ географическихъ свѣдѣній древности и открывали безпредѣльное поле для торговли новыхъ народовъ. Донъ Педро былъ двоюродный братъ тогдашняго португальскаго короля Альфонса V, и какъ португальскій принцъ находился въ странномъ положеніи, потому что его отецъ былъ опекуномъ этого короля и палъ жертвою убійства, не безъ вѣдома Альфонса, хотя послѣдній увидѣлъ потомъ, что подозрѣвалъ дядю неосновательно. Поэтому Педро, не спрашивая разрѣшенія у своего короля, принялъ предложеніе каталонцевъ. Въ январѣ 1464 году онъ прибылъ въ Барселону со всѣми, служившими ему въ его походахъ противъ невѣрныхъ, и тотчасъ же былъ провозглашенъ королемъ Арагоніи и Сициліи. Впрочемъ онъ ограничивался толь-

ко тѣмъ, что завоевывалъ и защищалъ ея города и крѣпости и вступалъ въ незначительныя стычки; черезъ два года послѣ вступленія на престолъ онъ умеръ (въ іюнѣ 1466 г.). Послѣ этого война продолжалась еще нѣсколько лѣтъ и дала арагонскому принцу Фердинанду, который впослѣдствіи, сдѣлавшись королемъ Фердинандомъ Католикомъ, возвелъ Испанію на степень первой всемірной державы, случай выказать свои дарованія, такъ какъ отецъ его предоставилъ ему управленіе всѣми дѣлами. Фердинандъ окончилъ бы войну раньше, еслибъ безпорядки, возникшіе въ Кастиліи, о которыхъ мы скажемъ ниже, не отозвали его съ театра военныхъ дѣйствій, и еслибы Барселона, вслѣдствіе своей торговли и съ помощью своего военнаго флота, не стала на ряду съ Венеціей и Генуей, между тѣмъ какъ у короля Іоанна до смерти Педро была только одна гавань—въ Маіоркѣ. Сверхъ того арагонскіе государственные чины смотрѣли на войну съ каталонцами какъ на личное дѣло своего короля; они считали, что оказали ему особенное благодѣяніе, когда однажды, увидѣвъ его въ крайне затруднительномъ положеніи, постановили дать ему въ помощь пятьсотъ вооруженныхъ рыцарей и содержать ихъ въ теченіе девяти мѣсяцевъ.

По смерти Педро, Іоаннъ и Фердинандъ старались примириться съ каталонцами; но послѣдніе, т. е. не только городъ Барселона, но и другіе города, и особенно три рыцарскіе ордена отвергли дружескія предложенія своего короля и его наслѣдника и стали искать себѣ другого короля, который продолжалъ бы вести ихъ войну, вмѣсто Педро. Выборъ ихъ палъ на Рене, номинальнаго короля Сициліи и на его сына Іоанна, который назывался герцогомъ Лотарингскимъ, а какъ наслѣдникъ неаполитанскаго престола, герцогомъ Калабрійскимъ. Хотя въ выборѣ этихъ двухъ государей каталонцы опирались на генеалогическую связь, въ которой они находились съ каталонскою королевскою фамиліею, но, по нашему мнѣнію, выборъ былъ неудаченъ. Сверхъ того каталонцы надѣялись, что Рене и его сынъ получатъ поддержку отъ

своего родственника, французскаго короля. Дѣйствительно, Лудовикъ XI не отказалъ имъ въ помощи. Въ 1467 г. герцогъ Калабрійскій пріѣхалъ въ Каталонію и скоро собралъ значительное войско, быстро усиливавшееся, потому что съ одной стороны Рене имѣлъ много друзей и родственниковъ между дворянами и рыцарями Франціи, а съ другой, Барселона имѣла средства платить цѣлымъ толпамъ искателей приключеній. Напротивъ того Фердинандъ арагонскій, который, не смотря на то, что въ то время ему было всего четырнадцать лѣтъ, получилъ отъ своего отца званіе вице-короля, — не могъ выставить значительныхъ силъ, потому что онъ самъ и его отецъ были постоянно заняты въ Кастиліи и должны были очень щадить своихъ поселянъ, и горожанъ. Тѣмъ не менѣе Фердинандъ, руководимый и сопровождаемый своею энергическою матерью, одерживалъ съ маленькимъ войскомъ побѣды то въ Каталоніи, то въ Кастиліи. Такимъ образомъ, съ помощью оружія, и переговоровъ онъ мало по малу отдѣлилъ города и графства отъ республиканско-монархическаго союза съ Барселоной, такъ что она сама перешла на сторону Фердинанда; это случилось въ 1471 г. по смерти герцога Калабрійскаго въ декабрѣ 1470 г. Надо сказать однако, что Барселона долго защищалась съ удивительною твердостью. Гарнизономъ командовалъ вмѣсто Рене II, сына и наслѣдника герцога Калабрійскаго, де-Лу; онъ отвергалъ всѣ предложенія короля даже тогда, когда исчезла всякая надежда на спасеніе. Карлъ Смѣлый герцогъ Бургундскій, черезъ уполномоченныхъ, которыхъ посылалъ въ Испанію, условливался съ Фердинандомъ о мѣрахъ противъ лотарингцевъ; королевскій флотъ, подъ начальствомъ адмирала Бернардо де-Вилламарина, такъ тѣсно заперъ барселонскую гавань, что войска, посланныя старикомъ Рене изъ Прованса, не могли пробраться въ городъ; французы также тщетно пытались пройти туда изъ Руссильона; не смотря на все это, Барселона не соглашалась ни на какія предложенія о

сдачѣ. Напрасно король въ письмѣ, которое сохранилъ Сурита, обѣщалъ жителямъ города полное прощеніе, сохраненіе ихъ привилегій и возвращеніе всѣхъ принадлежавшихъ имъ городовъ и мѣстечекъ, и именемъ Бога умолялъ ихъ не доводить его до необходимости штурмовать одинъ изъ первыхъ городовъ Европы *) и этимъ лишить его благосостоянія; его увѣщанія и просьбы не произвели на барселонцевъ никакого впечатлѣнія. Наконецъ одному почтенному барселонскому священнику удалось уговорить своихъ согражданъ, и 10 октября они сообщили королю условія, на которыхъ были готовы снова сдѣлаться покорными подданными.

Король не только согласился на всѣ эти условія и впослѣдствіи сдержалъ свое слово, но удовлетворилъ и другія, весьма неумѣренныя желанія возмутившагося города. Стоитъ подумать объ этомъ обстоятельствѣ и при этомъ принять въ соображеніе содержаніе условій, предложенныхъ барселонцами, чтобы убѣдиться, что съ одной стороны король придавалъ Барселонѣ огромную цѣну, а съ другой, что та благородная философія, та чистая религіозность, та нравственная образованность и та правильность отношеній между правительствомъ и народомъ, которыя видны въ лѣтописяхъ Суриты, проникли въ жизнь арагонцевъ и каталонцевъ. Требованія Барселоны состояли въ слѣдующемъ: 1) чтобы жителямъ было дано полное прощеніе и забвеніе прошедшаго; 2) чтобы сынъ герцога Лотарингскаго получилъ надежную свиту и право ѣхать, куда ему угодно, водою или сухимъ путемъ, со всѣми своими солдатами и иностранными офи-

*) Recibimos gran dolor, en ver essa ciudad, que era la mas principal de nuestros reynos y tierras, y tan famosa y gloriosa entre las otras ciudades del mundo, y que aya llegado al punto y angustia en que esta; y assi deveys con suma prudencia y cuydado entender en poner en obra vuestra reducion. (Мы съ великою горестью видимъ, что главный городъ нашихъ королевствъ и земель, знаменитый и славный между всѣми прочими городами міра, пришелъ въ такое бѣдственное положеніе; потому вамъ слѣдуетъ быть осторожными и осмотрительными и позаботиться о сдачѣ).

церами, со всѣмъ оружіемъ и огнестрѣльными снарядами; 3) чтобы король снова подтвердилъ привиллегіи, вольности, обычаи и учрежденія города, точно также, какъ постановленія городскаго совѣта и законы о податяхъ и пошлинахъ; 4) чтобы городъ Барселона снова получилъ всѣ города и зàмки, которыми владѣлъ до смерти принца Карла Наваррскаго, и чтобы всѣмъ частнымъ лицамъ были возвращены ихъ имущества. Король, его сынъ Фердинандъ и всѣ остальные арагонскіе инфанты, а равно и государственные чины Арагоніи, Валенсіи и Маіорки и большое число прелатовъ и вельможъ, нарочно для этого созванныхъ, присягнули соблюдать эти условія. Всѣмъ, кто не захотѣлъ бы снова сдѣлаться подданными короля, было позволено отправиться куда угодно со всѣмъ имуществомъ — на что былъ данъ годичный срокъ.

2. Кастилія.

Въ то время, до котораго мы довели (т. IX, стр. 329) исторію Кастиліи, въ ней царствовалъ Іоаннъ II. Вся исторія этого слабаго короля заключается въ томъ, что онъ нашелъ въ коннетаблѣ Альваро де Луна человѣка, съумѣвшаго держать въ страхѣ кастильскихъ вельможъ. Вслѣдствіе этого Іоаннъ до такой степени надѣлялъ этого сановника должностями, богатствами и помѣстьями, что онъ жилъ по царски и обращался со всѣми съ невыносимою гордостью. Къ числу кастильскихъ вельможъ принадлежали также инфанты арагонскіе и даже арагонскій король (Альфонсъ V), — ближайшіе родственники Іоанна, владѣвшіе въ Кастиліи значительными помѣстьями. Эти инфанты, особенно два брата — Хуанъ и Энрико, изъ которыхъ первый былъ королемъ Наварры, а впослѣдствіи и Арагоніи, а другой былъ женатъ на сестрѣ кастильскаго короля,—питали къ Альваро непримиримую ненависть и стояли во главѣ вельможъ, составившихъ союзъ про-

тивъ коннетабля. Правда, ихъ соотечественники — арагонцы не особенно желали сражаться за частное дѣло короля и его властолюбивыхъ братьевъ; но Марія, управлявшая арагонскимъ королевствомъ въ отсутствіе короля Альфонса V, не могла не подавать, время отъ времени, помощь братьямъ своего мужа.

Во время перемирія, заключеннаго въ 1439 г. Кастиліею съ Альфонсомъ и его братьями, могущество и богатство Альваро возрасли до невѣроятной степени. Послѣ конфискованія имѣній инфантовъ, онъ получилъ лучшую часть ихъ, выказалъ поэтому случаю царскую пышность и какъ въ кабинетѣ, такъ и на полѣ битвы пользовался королевскою властью. Этимъ онъ совершенно возстановилъ противъ себя какъ вельможъ, такъ и наслѣдника престола (Генриха IV) и любимца его Хуана Пачеко; королева, не пользовавшаяся особенно хорошею репутаціею относительно нравственности, также пристала къ врагамъ Альваро. Но въ 1431 г. послѣдній стяжалъ себѣ и своему королю славу побѣдителя мавровъ, которые все еще тревожили Кастилію изъ Гранады; его распоряженіямъ приписывали то, что кастильцы прошли въ то время до мавританской столицы, Гранады, и сдѣлали ея правителемъ одного магометанскаго принца, бѣжавшаго изъ отечества и нашедшаго пріютъ у Іоанна II. Впрочемъ, враги Альваро доказывали, что, не будь онъ подкупленъ этимъ принцемъ, Кастилія могла бы завладѣть всѣмъ мавританскимъ королевствомъ. Въ теченіе слѣдующихъ лѣтъ Альваро продолжалъ держаться на своемъ мѣстѣ и пользоваться милостью короля, не смотря на всеобщую ненависть рыцарей, которыхъ давилъ, и на вторичное появленіе арагонскихъ инфантовъ. Правда, что для того, чтобы справляться съ постоянными нападеніями и заговорами, онъ часто прибѣгалъ къ тѣмъ средствамъ и тому вѣроломству, которыя пускалъ въ ходъ Лудовикъ XI для прекращенія господства вельможъ во Франціи. Ни Лудовикъ, ни Альваро не поступали честно и хорошо; но преступленія ихъ были вызваны временемъ и обстоятельствами, и Альваро имѣлъ

полное право, какъ видно изъ его послѣднихъ словъ, быть до самой смерти убѣжденнымъ въ томъ, что только съ помощью восточной правительственней системы можно было поддерживать значеніе короля, порядокъ и спокойствіе между такими людьми, каковы были кастильскіе вельможи. Справедливость этого мнѣнія подтвердилась, какъ скоро онъ на нѣкоторое время пересталъ управлять государствомъ.

До 1437 г. Альваро все болѣе и болѣе возвышался; король дарилъ ему цѣлые города, во время его болѣзни держалъ у его постели военный совѣтъ, позволялъ ему содержать въ Эскалонѣ дворъ и войско и такъ строго наказывалъ тѣхъ, которые строили противъ него козни, какъ будто они составляли заговоръ противъ самого короля. Это послѣднее обстоятельство подало поводъ къ возобновленію междоусобной войны и къ первому низвреженію Альваро. Одинъ изъ знатнѣйшихъ кастильскихъ вельможъ, Педро Манрикецъ, котораго посадили въ тюрьму за заговоръ противъ Альваро, былъ въ 1438 г. тайно освобожденъ своими пріятелями и тотчасъ получилъ со всѣхъ сторонъ поддержку. Арагонскіе инфанты Энрико и Хуанъ также поспѣшили въ Кастилію, чтобы пристать къ возмутившимся вельможамъ, и слабый король былъ принужденъ удалить на нѣкоторое время отъ двора Альваро и всѣхъ его друзей и приблизить къ себѣ недовольныхъ. Формальнымъ договоромъ, заключеннымъ въ октябрѣ 1439 г. съ инфантами, онъ обязался возвратить имъ ихъ земли, удалить Альваро на шесть мѣсяцевъ и не находиться съ нимъ ни въ посредственныхъ, ни въ непосредственныхъ сношеніяхъ. Такимъ образомъ на короля смотрѣли какъ на лишенную воли машину, которой можно было пользоваться для анархической системы рыцарства точно также, какъ прежде для монархической системы Альваро. Однако, не смотря на договоръ, король, чрезъ посредство оставшагося при немъ генералъ-адмирала Федериго, сдѣлавшагося впослѣдствіи однимъ изъ злѣйшихъ враговъ коннетабля, остался въ сношеніяхъ съ послѣднимъ;

хотя враждебная партія слѣдила за нимъ, какъ за узникомъ, но въ началѣ 1440 г. ему удалось тайно бѣжать въ Саламанку, а оттуда въ Бонилью—городъ небольшой, но плотно населенный и хорошо укрѣпленный. Отсюда Іоаннъ вступилъ въ переговоры, точно съ законнымъ правительствомъ, съ людьми, терзавшими государство и дравшимися между собою изъ-за должностей, чиновъ и помѣстій; наконецъ, покончили на томъ, что споръ будетъ рѣшенъ на собраніи государственныхъ чиновъ въ Вальядолидѣ; до тѣхъ поръ обѣ стороны предоставили себѣ право оставаться на военной ногѣ. Въ Вальядолидѣ послѣдовало примиреніе, Альваро все таки не получилъ позволенія воротиться къ двору, а короля начали мучить и грабить то инфанты или вельможи, то его собственный безпутный сынъ Генрихъ и любимецъ послѣдняго, Пачеко. Партіи продолжали враждовать другъ съ другомъ, и король велъ переговоры съ обѣими. Спустя нѣсколько времени Альваро вернулся къ нему, и Іоаннъ снова совершенно подчинился его власти; но въ маѣ 1441 г. врагамъ коннетабля удалось взять городъ Медина-дель-Кампо, гдѣ находился король, и захватить его въ плѣнъ. Но Альваро, его братъ, архіепископъ толедскій, гросмейстеръ Алькантары и другіе приверженцы коннетабля успѣли спастись.

Король согласился на всѣ предписанныя ему условія, созвалъ въ 1442 г. собраніе государственныхъ чиновъ для полученія съ націи денегъ, выжатыхъ у него корыстолюбивыми инфантами и вельможами, и позволилъ уничтожить всякій поводъ къ своимъ сношеніямъ съ коннетаблемъ, хотя послѣдній былъ ему по прежнему необходимъ. За это люди, во власти которыхъ онъ находился, выказывали глубокое, восточное уваженіе къ нему, боясь раздражить противъ себя духовенство и гражданъ. Дѣйствительными правителями государства сдѣлались арагонскіе инфанты, Хуанъ и Энрико. По своимъ брачнымъ союзамъ они вступили въ родство съ главами кастильской аристократіи, враждебной королевской власти; Хуанъ женился на Іоаннѣ, дочери генералъ-адмирала Федериго, Энрико—на дочери графа Бенавенте. Коннетаблю

удалось найти случай къ возстановленію своего прежняго значенія не ранѣе 1444. Чрезъ посредство епископа авильскаго онъ успѣлъ привлечь на свою сторону любимца наслѣднаго принца, Пачеко, а черезъ Пачеко—и самого принца, и за тѣмъ вступилъ съ послѣднимъ въ переговы объ освобожденія короля. Характеристическою чертою тогдашняго состоянія нравственности кастильскаго дворянства можетъ служить то обстоятельство, что при переговорахъ, шедшихъ по этому поводу между наслѣднымъ принцемъ и Альваро, принцъ только тогда рѣшился помочь освобожденію своего отца, когда Альваро, именемъ короля, обѣщалъ обогатить его на счетъ государства. Ему были обѣщаны города Хаэнъ, Касересъ, Сіудадъ-Родриго и Логрогно. Любимецъ его, Пачеко, уже владѣвшій помѣстьями и богатыми маркизествами, тоже не остался безъ барышей: ему обѣщали Вилла-нуэва-де-Варкарроту, Сальватьеру и Сальваконъ. Впрочемъ эти переговоры шли съ большимъ трудомъ, потому что Альваро не могъ вѣрить наслѣдному принцу, а принцъ только тогда могъ что нибудь дѣлать, когда при немъ были и давали ему совѣты Пачеко и епископъ авильскій. Исполненіе этого плана началось только тогда, когда они привлекли на сторону короля столько вельможъ, что нашли возможнымъ выступить противъ непріятеля. Тогда наслѣдный принцъ отправилъ циркуляры ко всѣмъ вельможамъ съ приглашеніемъ съѣхаться къ нему и помочь освободить короля. Обѣ стороны начали собирать войска во имя короля; но до рѣшительной битвы дѣло не дошло. За то королю удалось освободиться отъ власти графа Кастро, который сторожилъ его. Поѣхавъ однажды изъ Портильо въ Вальядолидъ, онъ, положившись на преданныхъ ему рыцарей и жителей города, неожиданно отослалъ своихъ провожатыхъ и остался въ Вальядолидѣ.

Узнавъ объ освобожденіи короля, инфанты выѣхали изъ государства, а ихъ союзники-вельможи удалились въ свои помѣстья.

Но инфанты, у которыхъ король отнялъ всѣ ихъ владѣнія въ Кастиліи, появились съ новымъ войскомъ въ 1444 г., и враги Альваро снова пристали къ нимъ. Военныя силы инфантовъ равнялись королевскимъ, потому что ихъ поддерживала невѣстка ихъ, правительница Арагоніи, и многіе наваррскіе вассалы Не смотря на это, они предложили королю миръ. Но онъ былъ невозможенъ, потому что инфанты требовали удаленія Альваро, въ которомъ Іоаннъ видѣлъ свою единственную опору. Поэтому надо было рѣшить дѣло оружіемъ. 19 мая 1445 г. при Ольмедо произошло сраженіе, окончившееся побѣдою короля или скорѣе коннетабля. Какъ ни мало было пролито крови въ этомъ сраженіи (убитыхъ было всего около 50 человѣкъ), но послѣдствія его были очень значительны: инфантъ Энрико палъ въ битвѣ, а братъ его, Хуанъ, бѣжалъ въ Наварру.

Съ этой минуты Альваро получилъ совершенно неограниченную власть, и король добровольно подчинялся всѣмъ его распоряженіямъ, какъ дитя или идіотъ. Противниковъ Альваро начали преслѣдовать, и лучшая часть ихъ состоянія была отдана ему. Наслѣдный принцъ нѣсколько разъ снова подымалъ оружіе противъ отца, и король смотрѣлъ на коннетабля какъ на свою единственную опору въ борьбѣ съ сыномъ. Опека, въ которой Альваро держалъ короля, дошла до такой степени, что, когда Іоаннъ овдовѣлъ, Альваро, не сказавъ ему ни слова, обручилъ его съ одною португальскою принцессой, хотя король намѣревался въ то время чрезъ посланниковъ просить руки одной изъ дочерей французскаго короля. Дѣло было въ томъ, что португальскій король желалъ возвести на престолъ Кастиліи Изабеллу, дочь своего дяди, и Альваро согласился исполнить его желаніе, потому что этимъ онъ пріобрѣталъ себѣ въ Португаліи такую же опору, какую инфанты имѣли въ Арагоніи, Наварѣ и Франціи. Въ 1445 г. въ Испанію пріѣхало блестящее посольство, въ составѣ котораго находился коннетабль пор-

тугальскій. Альваро выѣхалъ къ нему на встрѣчу во главѣ кастильскаго посольства подъ прикрытіемъ тысячи избранныхъ рыцарей, и по дорогѣ коннетабли порѣшили все дѣло. Когда посланники пріѣхали въ Торо, бѣдный король Іоаннъ узналъ, что долженъ отказаться отъ французской принцессы и жениться на португальской. Этому поступку Альваро обыкновенно приписываютъ его паденіе, послѣдовавшее черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того — приписываютъ потому, что не понимаютъ, почему Іоаннъ такъ внезапно допустилъ низверженіе своего любимца; но такъ какъ между этими двумя событіями протекло такъ много времени, и такъ какъ Іоаннъ не только былъ доволенъ Изабеллою, но даже воспользовался впослѣдствіи ея услугами для освобожденія себя отъ могущественнаго временщика, — то такое мнѣніе совершенно неосновательно. До 1448 г. немилость Альваро не обнаруживалась ни малѣйшимъ признакомъ. Напротивъ того, король убѣдилъ членовъ ордена С. Яго сдѣлать коннетабля своимъ гросмейстеромъ и такимъ образомъ доставилъ ему должность, поставившую его въ совершенно независимое положеніе, потому что власть гросмейстеровъ всѣхъ испанскихъ рыцарскихъ орденовъ была такъ значительна, что впослѣдствіи Фердинандъ Католикъ соединилъ въ своемъ лицѣ всѣ гросмейстерства, чтобъ прекратить анархическую дѣятельность рыцарства и получить возможность построить монархію на новыхъ основаніяхъ. Когда вслѣдъ за тѣмъ городъ Албукерке былъ отнятъ у графа, защищавшаго его для сына инфанта Энрико, король Іоаннъ подарилъ Альваро эту важную крѣпость съ ея большимъ округомъ.

Мы не рѣшаемся вступать въ лабиринтъ войнъ, которыя Альваро де Луна велъ съ постояннымъ счастіемъ съ 1447 до 1451 г. противъ вельможъ, неперестававшихъ дѣйствовать противъ него, — точно также какъ въ лабиринтъ придворныхъ интригъ, разрушенныхъ его рукою. Несомнѣнно, что до 1452 г. коннетабль держалъ въ страхѣ всѣхъ своихъ многочисленныхъ враговъ, а также короля и королеву, и уничтожалъ всякую

попытку ограничить его власть. Это тѣмъ болѣе удивительно, что, судя по показаніемъ Ферреpаса, король и королева уже въ 1447 г. составили съ членами фамиліи Сугнига и могущественными приверженцами ея заговоръ противъ своего всесильнаго министра, и вели переписку по этому поводу черезъ посредство одной придворной дамы. Въ 1451 г. казалось даже, что Альваро побѣдитъ своего страшнѣйшаго врага, короля наваррскаго Іоанна,—потому что раздоръ послѣдняго съ сыномъ, Карломъ, далъ коннетаблю случай вторгнуться въ Наварру. Вельможи и инфанты, союзные съ Іоанномъ, пришли въ уныніе и отправили кастильскаго адмирала въ Италію, просить арагонскаго короля Альфонса V пріѣхать въ Испанію. Но въ это самое время счастье покинуло коннетабля. Наслѣдный принцъ и королева также принимали участіе въ переговорахъ, мнимою цѣлью которыхъ было возстановленіе мира съ Арагоніею; они окончились въ 1452 г. тѣмъ, что Альфонсъ отправилъ посольство въ Испанію и составилъ противъ Альваро сильный союзъ. Король наваррскій, сынъ павшаго при Ольмедо инфанта Энрико, король кастильскій, его старшій сынъ Генрихъ или вѣрнѣе фаворитъ послѣдняго, Хуанъ Пачеко маркизъ Вильена, также безусловно господствовавшій надъ наслѣднымъ принцемъ, какъ Альваро—надъ королемъ, заключили между собою и съ кастильскими вельможами договоръ противъ Альваро; Сурита помѣстилъ въ IX гл. XVI кн. своей лѣтописи извлеченіе изъ него. Государственный казначей Альфонсъ де-Виверо, обязанный своимъ возвышеніемъ коннетаблю, также принялъ участіе въ заговорѣ, руководимомъ Пачеко *) и составленномъ тремя королями и многими вельможами противъ

*) Avea induzido - говоритъ Сурита о Пачеко — al principe don Enrique, que se confederasse con el re de Aragon, non solo para esto, però para tomar el regimento de la persona del rey su padre y de sus reynos. (Онъ уговорилъ принца Генриха соединиться съ королемъ арагонскимъ, чтобъ овладѣть управленіемъ государства и властью надъ особой короля его отца).

министра, получившаго значеніе эмира аль-омра (см. т. V, стр. 170). Но, не смотря на то, что Виверо доказалъ фактами, что Альваро распоряжался состояніемъ короля и государственною кассою, какъ своимъ собственнымъ имуществомъ, Іоаннъ долго не рѣшался удалить всемогущаго министра; онъ боялся человѣка, который ему одному былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ. Наконецъ въ началѣ 1453 г. рѣшились именемъ короля ниспровергнуть министра.

Королевская фамилія продолжала выказывать коннетаблю прежнюю дружбу, хотя уже рѣшилась погубить его; самъ Альваро считалъ себя совершенно безопаснымъ подъ охраной своей собственной гвардіи, которою командовалъ его побочный сынъ, донъ Педро. Въ началѣ 1453 г. онъ все еще забавлялъ королевскую фамилію христіанскими и мавританскими празднествами и до послѣдней минуты истреблялъ своихъ противниковъ по обычаю мавровъ. Онъ давалъ христіанскіе турниры и рядомъ съ ними устраивалъ восточныя игры, гдѣ искусные рыцари кидали другъ въ друга джеридъ и въ то же время старались избѣжать удара быстрымъ поворотомъ лошади и своего тѣла. Въ управленіи онъ держался восточныхъ обычаевъ, что при своевольствѣ знати считается умѣстнымъ; за нѣсколько дней до своего паденія, въ среду на страстной недѣлѣ 1453 г., онъ велѣлъ кинуть съ башни одного замка государственнаго казначея, Альфонса де-Виверо, и потомъ увѣрялъ, что онъ упалъ самъ. Въ страстную пятницу государственный секретарь, Альфонсъ Биннера, былъ, по распоряженію Альваро, заколотъ и брошенъ въ рѣку. Впрочемъ, Сурита откровенно сознается, что король Іоаннъ рѣшился низвергнуть Альваро главнымъ образомъ потому, что смотрѣлъ на коннетабля, какъ въ древнее время турецкіе султаны смотрѣли на своихъ великихъ визирей: т. е. онъ позволялъ ему грабить для того, чтобы потомъ овладѣть награбленною добычею *).

*) El rey de Castilla, desseava al condestabile sua perdicion, non tanto per la indignazion de aver se le assi sojuzgado y rendido, quanto per codicia de

Не смотря на сильный союзъ, составившійся противъ Альваро, и на множество враговъ его, ни король, ни члены многочисленной фамиліи Сугнига, уже давно знавшіе о желаніи государя избавиться отъ министра, не рѣшались дѣйствовать открыто противъ коннетабля; они помышляли лишь объ убійствѣ или внезапномъ нападеніи. Коннетабль могъ бы предвидѣть бѣду по многимъ признакамъ, между прочимъ потому, что, когда однажды онъ забавлялъ короля въ Тордезильясѣ игрою въ джеридъ, копье одного изъ рыцарей было съ такою силою пущено въ его младшаго сына, Хуана де-Луна, что донъ Педро, побочный братъ послѣдняго, желая прикрыть его своимъ щитомъ, получилъ сильную рану въ руку. Король убѣждалъ коннетабля не возвращаться съ нимъ изъ Тордезильяса въ Вальядолидъ; но Альваро не послушался, потому что считалъ себя совершенно безопаснымъ въ Вальядолидѣ подъ прикрытіемъ своей гвардіи и горожанъ. Король зналъ это и, подъ предлогомъ необходимости присутствовать на собраніи дворянства, созванномъ для рѣшенія спора съ Наваррой, отправился въ Бургосъ. Альваро сначала не хотѣлъ слѣдовать за нимъ; ему казалось страннымъ, что его злѣйшіе враги, графъ Гаро и маркизъ Сантильяна, послали къ королю въ Вальядолидъ пятьсотъ всадниковъ, будто бы для того, чтобы помочь ему въ войнѣ съ Наваррой; Альваро не нравилось также то, что въ бургоской цитадели расположился маршалъ Иниго Сугнига съ небольшимъ отрядомъ. Поэтому онъ отправился въ Бургосъ только тогда, когда король письменно обѣщалъ ему, что тамошняя цитадель будетъ для него очищена. Это обѣщаніе не было выполнено, и Альваро, до сдачи цитадели, поселился въ домѣ Педро Картагена. Впрочемъ, въ разсказѣ о послѣднихъ

su thesoro, y concurriendo in esta voluntad la reyna de Castilla los enemigos del condestabile se animaron. (Король кастильскій желалъ погибели коннетабля не столько изъ негодованія за свою подчиненность ему, сколько изъ желанія воспользоваться его богатствомъ; королева раздѣляла это желаніе, а враги коннетабля подстрекали другъ друга.)

дняхъ коннетабля, Маріана противорѣчитъ хроникѣ Альваро де-Луна. Онъ говоритъ, что даже въ самое послѣднее время король боялся открытой борьбы между коннетаблемъ и его противниками и совѣтовалъ первому удалиться изъ Бургоса въ принадлежавшій ему городъ Эскалону; но Альваро откладывалъ отъѣздъ до пріѣзда своего брата, архіепископа толедскаго, котораго хотѣлъ оставить въ Бургосѣ вмѣсто себя.

Главою фамиліи Сугнига былъ графъ Плесенсія; не довѣряя коннетаблю, онъ заперся съ своею прислугою въ Беярѣ. Враги Альваро обратились къ нему черезъ посредство сына Иниго Сугниги, Діэго, и отъ имени короля пригласили его пріѣхать въ Бургосъ, чтобы аттаковать коннетабля снаружи, между тѣмъ какъ Иниго вторгнется въ городъ изъ крѣпости. Но графъ отказался, подозрѣвая, что его хотятъ завлечь въ западню. Онъ согласился дѣйствовать только тогда, когда его племянница, графиня Рибадео, которая съ 1447 г. вела переговоры отъ имени королевы, пріѣхала къ нему съ письмомъ отъ короля; 12 марта онъ двинулъ изъ Беяра въ замокъ Куріаль вооруженный отрядъ, подъ начальствомъ своего сына, Альваро Сугнига, поручивъ ему сдѣлать внезапное нападеніе на коннетабля, прежде чѣмъ войска Альваро, стоявшія за Бургосомъ, успѣютъ прійти къ нему на помощь. Всѣ мѣры были уже приняты, когда король снова струсилъ и неожиданно отмѣнилъ приказаніе, данное Альваро Сугнига. Но Сугнига зашелъ уже слишкомъ далеко, чтобы имѣть возможность вернуться и потому, не смотря на приказаніе короля, приступилъ къ выполненію плана. Тогда король, въ рѣшительный день (5 апрѣля), призвалъ къ оружію гражданъ Бургоса и занялъ ими площади и городскія ворота; тѣмъ не менѣе Сугнига вступилъ въ городъ съ нѣсколькими сотнями солдатъ и окружилъ квартиру коннетабля. Но Альваро обратилъ домъ, въ которомъ жилъ, въ крѣпость и упорно сопротивлялся, такъ что очень многіе изъ солдатъ Альваро Сугнига были убиты или ранены, и самъ Иниго Сугнига былъ раненъ стрѣлою. Поэтому

пришлось согласиться на капитуляцію. Долго парламентеры ѣздили отъ короля къ коннетаблю и обратно, и наконецъ Альваро согласился сдаться на слѣдующемъ условіи: онъ потребовалъ отъ короля письменнаго удостовѣренія, что ни жизнь, ни честь его не будутъ тронуты и что его приверженцы также не будутъ лишены ни свободы, ни имущества. Король далъ обѣщаніе, написавъ его собственноручно и скрѣпивъ государственной печатью: онъ каждую минуту боялся, что въ городъ насильственно ворвутся гвардія и войска коннетабля. На это надѣялся и Альваро и потому долго, но тщетно ждалъ своихъ солдатъ, прежде чѣмъ отдался въ руки короля. Сыну его, Хуану де-Луна, удалось бѣжать изъ Бургоса. По взятіи коннетабля, враги его жадно бросились на многочисленныя его имѣнія и сокровища. Сурита говоритъ, что богатства Альваро были предметомъ долгихъ совѣщаній еще за восемь мѣсяцевъ до заключенія противъ него вышеупомянутаго договора.

Коннетабль былъ перевезенъ изъ Бургоса въ Портильо, гдѣ его предали суду, который долженъ былъ кончиться какъ можно скорѣе. Процессъ былъ въ этомъ случаѣ пустою формальностью, потому что въ строго законномъ смыслѣ его нельзя было ни въ чемъ обвинить; онъ всегда дѣйствовалъ въ пользу короля и по его приказанію и поступалъ тиранническки только потому, что самъ король былъ слишкомъ ничтоженъ. Судъ состоялъ изъ нѣсколькихъ раболѣпныхъ правовѣдовъ и тайныхъ совѣтниковъ короля. Допросъ былъ короткій и очень не полный, обвиненія, составленныя фискалъ-прокураторомъ, неопредѣленны, неважны и частью даже смѣшны. Какъ бы то ни было, но Альваро былъ приговоренъ къ смерти и въ іюлѣ 1453 г. казненъ какъ простой преступникъ. До послѣдней минуты онъ былъ убѣжденъ, что оказалъ великія услуги королевской власти, поступалъ съ вельможами, угнетавшими народъ и короля, именно такъ, какъ слѣдовало, и палъ жертвою пламеннаго рвенія поддержать права народа и короля противъ покушеній знати и грабителей-ры-

царей. Говорятъ, что, идя на мѣсто казни, онъ встрѣтилъ шталмейстера наслѣднаго принца, Баразу, и крикнулъ ему: „Скажи своему господину, чтобы онъ награждалъ своихъ вѣрныхъ слугъ лучше, чѣмъ его отецъ наградилъ меня!“ Казнь его совершилась на вальядолидской площади по тогдашнему обыкновенію, по которому палачъ сначала втыкалъ преступнику въ горло ножъ, а потомъ уже отсѣкалъ голову. Альваро выказалъ такую твердость, такое присутствіе духа, что жестокая смерть его не только примирила съ нимъ озлобленный на него народъ, но даже вызвала въ толпѣ глубокое сожалѣніе о немъ. Такъ какъ испанецъ Аскаргорта, котораго краткое изложеніе испанской исторіи появилось во второмъ десятилѣтіи нашего столѣтія совершенно согласенъ съ Спитлеромъ въ разсказѣ о заслугахъ Альваро, то мы передадимъ нашимъ читателямъ его слова. „Гнусные клеветники—говоритъ онъ—хотѣли очернить память Альваро передъ потомствомъ; тѣмъ не менѣе, его преступленіе состояло въ томъ, что онъ былъ энергическій и способный министръ вялаго и неспособнаго короля. Несомнѣнно—продолжаетъ Аскаргорта — что Іоаннъ II кастильскій дурно наградилъ Альваро де-Луна за то, что послѣдній служилъ ему съ такимъ усердіемъ и не только часто освобождалъ его изъ рукъ инфантовъ арагонскихъ, но и защищалъ постоянно отъ нападеній вельможъ его собственнаго государства.

Тотчасъ по смерти коннетабля обнаружилось, что визирь въ родѣ Альваро былъ необходимъ такому королю какъ Іоаннъ II и такому народу какъ кастильцы. Люди, которыми Іоаннъ пользовался противъ коннетабля, и тѣ, которые мучили его всю его жизнь, стали дѣйствовать смѣлѣе чѣмъ когда-либо. Самъ король не только занялъ Эскалону и другіе города и помѣстья Альваро, но завладѣлъ и сокровищами его и хотѣлъ держать на жалованіи восемь т. вооруженныхъ всадниковъ, т. е. учредить постоянную армію; но онъ былъ ничтоженъ и безсиленъ всю свою жизнь. Къ счастью онъ пережилъ казнь Альваро толь-

ко годомъ. Онъ умеръ въ іюлѣ 1454 г.; — незадолго до этого вторая жена его, отъ которой онъ имѣлъ уже дочь (Изабеллу), родила ему сына, Альфонса.

Сынъ его Генрихъ IV наслѣдовалъ ему и въ короткое время промоталъ самымъ безумнымъ и пагубнымъ для государства образомъ богатства, которыя онъ и отецъ его получили отъ Альваро и раздѣлили между собою. Вслѣдствіе ранняго распутства, Генрихъ обезсилѣлъ тѣломъ и духомъ, дѣтски и безсмысленно раздавалъ сокровища людямъ, которыхъ съ нимъ сводилъ случай или приписывавшійся ему извѣстный восточный порокъ; на содержаніе великолѣпной лейбъ-гвардіи изъ 3,600 чел. онъ выдавалъ такія суммы, что на нихъ можно было содержать цѣлую армію. Кромѣ того онъ постоянно давалъ хвастливыя обѣщанія предпринять походъ противъ невѣрныхъ, — но не имѣлъ духу выполнить ихъ. Онъ помѣстилъ въ свой гербъ вѣтвь гранатнаго дерева какъ символъ завоеванія Гранады, и скоро своими пустыми угрозами сдѣлался смѣшонъ гранадскому королю, который сначала весьма опасался его, такъ какъ въ первые годы своего царствованія Генрихъ почти каждый годъ сзывалъ къ себѣ рыцарей изъ отдаленнѣйшихъ областей Испаніи, вторгался съ ними въ Гранаду и производилъ грабежи и опустошенія. Но начинать правильную войну онъ не рѣшался. Поэтому онъ ежегодно употреблялъ въ дѣло отъ 20 до 30 т. человѣкъ тамъ, гдѣ было достаточно одного гусарскаго эскадрона. Пачеко маркизъ Вильена игралъ при немъ такую же роль, какую Альваро де-Луна при его отцѣ; но Пачеко былъ простой интригантъ и впослѣдствіи, когда Генрихъ выбралъ себѣ другаго любимца, сдѣлался злѣйшимъ врагомъ короля. Сверхъ того, Генрихъ раздавалъ неспособнымъ людямъ первыя должности государства, на которыя дворянскія фамиліи смотрѣли какъ на свое наслѣдство и достояніе; этимъ онъ оскорблялъ вельможъ, но не доставлялъ, подобно своему отцу, славы государству. Аристократія, боровшаяся съ Альваро де-Луна, необходимо должна была возстать

противъ такого интригана какъ Пачеко и такого слабаго развратника какъ Генрихъ; поэтому Пачеко раздавалъ первыя должности и званія людямъ темнаго происхожденія. Между прочимъ мѣста канцлера и коннетабля были отданы прежнимъ слугамъ Пачеко; донъ Гомецъ де-Солисъ, бѣдный дворянинъ изъ Касереса, сдѣлался гросмейстеромъ Алкантары, а Хуанъ Валенсуэла—великимъ пріоромъ св. Іоанна; донъ Бертранъ де-ля-Куэва, съумѣвшій потомъ вытѣснить Пачеко и сдѣлаться любимцемъ короля, превратился изъ пажа, ѣздившаго на запяткахъ кареты, въ оберъ-гофмейстера. Бертранъ находился въ весьма подозрительныхъ отношеніяхъ съ второю женой короля, Іоанной, португальской принцессой, на которой Генрихъ женился въ 1355 г. послѣ развода съ Бланкой. Первыя лица государства должны были уступать этому человѣку; они считали себя отодвинутыми на задній планъ и оскорбленными, и старались помѣшать возникновенію въ Кастиліи той системы, которой слѣдовалъ въ теченіе всей своей жизни Лудовикъ XI французскій. Но между Лудовикомъ и Генрихомъ была большая разница. Лудовикъ не поручалъ дѣлъ членамъ знатныхъ фамилій, полагавшимъ, что высокое происхожденіе давало право на занятіе первыхъ должностей въ государствѣ; онъ употреблялъ на это людей низкаго происхожденія и часто даже лишенныхъ всякихъ нравственныхъ принциповъ и чести, но искусныхъ, ловкихъ и свѣдущихъ и служившихъ его орудіями, которыя онъ могъ во всякое время бросить. Взглядъ его отыскивалъ этихъ людей въ толпѣ, и онъ умѣлъ употреблять ихъ съ пользою. Напротивъ того, Генрихъ кастильскій принималъ на службу людей не только простыхъ и необразованныхъ, но неспособныхъ и безнравственныхъ, которые злоупотребляли его довѣріемъ. Поэтому одна и та же система во Франціи приносила пользу, а въ Кастиліи оказалась вредною.

Вельможи возстали противъ нея. Тѣ самые люди, которые прежде сдерживали своеволіе коннетабля Альваро де-Луна, а

именно архіепископъ толедскій, генералъ-адмиралъ донъ Федериго, гросмейстеръ Калатравы донъ Педро Жиронъ, маркизъ Сантильяна и графы Гаро, Альба и Бенавенте, — первые отказались повиноваться Генриху IV. Особеннымъ счастіемъ для новаго короля было то, что наслѣднику арагонскаго короля Альфонса V (ум. 1458 г.), Іоанну II, было слишкомъ много дѣла въ Наваррѣ и Каталоніи, чтобы онъ могъ думать о Кастиліи, и что инфанты были удовлетворены вышесказаннымъ договоромъ (стр. 439). Этотъ договоръ, вознаграждавшій арагонскаго короля и другихъ инфантовъ за убытки, понесенные въ предыдущее царствованіе, былъ заключенъ въ то самое время, когда при дворѣ Генриха IV происходили самыя безобразныя сцены, и въ различныхъ частяхъ государства произошли безпорядки. Уже въ 1457 г. вельможи отправили къ королю депутацію съ упреками въ расточительности, въ раззорительныхъ увеселеніяхъ королевы, въ ея неприличномъ обхожденіи съ Бертраномъ де-ля-Куэва и въ излишнихъ милостяхъ, оказываемыхъ этому красивому, блестящему и ловкому рыцарю. Король обѣщалъ созвать собраніе государственныхъ чиновъ и удовлетворить жалобамъ; но дѣло осталось въ прежнемъ видѣ. Въ 1458 г., легкомысленность Генриха и пылкость королевы произвели при дворѣ такія сцены, которыя должны были уничтожить въ такомъ серьезномъ народѣ, какъ испанцы, всякое уваженіе къ королю. Генрихъ не препятствовалъ своей женѣ и Бертрану де-ля Куэва устраивать другъ для друга расточительныя празднества, турниры и скачки съ метаніемъ или безъ метанія джерида; король хотѣлъ только дѣлать тоже самое для донны Гіомаръ де Кастро, статсъ-дамы королевы; но королева оказалась менѣе терпѣливою, чѣмъ ея мужъ. Однажды, когда Генрихъ устроилъ для своей донны де Кастро бой быковъ на маленькой площади дворца, королева запретила всѣмъ своимъ статсъ-дамамъ, къ которымъ принадлежала и любовница короля, являться на этотъ праздникъ и даже подходить къ окну; но донна де-Кастро не послушалась, и

нарядившись въ великолѣпное платье и брильянты, смотрѣла изъ окна на зрѣлище. Это привело королеву въ величайшее негодованіе; она дождалась донну Кастро на крыльцѣ дворца, схватила ее за волосы, повалила на полъ и топтала каблуками. Крики статсъ-дамы привлекли множество народа и самого короля, который далъ женѣ такой толчокъ, что она больше часа пролежала въ обморокѣ.

Въ слѣдующемъ году (1459) вельможи снова рѣзко заявили свое недовольство. Они предъявили королю свои жалобы и грозно требовали удовлетворенія ихъ. Содержаніе этихъ жалобъ доказываетъ, что Генрихъ IV въ первыя пять лѣтъ своего царствованія подалъ много поводовъ къ неудовольствію. Вельможи требовали: во первыхъ, чтобы онъ не нарушалъ законовъ и привилегій, которымъ присягнулъ при вступленіи на престолъ, и сохранялъ и защищалъ права, вольности и обычаи государства; во вторыхъ, чтобы онъ заботился о правосудіи (у него было обыкновеніе подписывать, не читая, все, что ему подавали); въ третьихъ, чтобы онъ удалилъ отъ себя всѣхъ гранадскихъ магометанъ и устроилъ свой дворъ болѣе приличнымъ образомъ; въ четвертыхъ, чтобы деньги, собранныя имъ на основаніи данной ему папской буллы, онъ дѣйствительно употребилъ на веденіе войны съ Гранадою; въ пятыхъ, чтобы церковныя должности раздавались только тѣмъ людямъ, которые оказали церкви требуемыя ею услуги; наконецъ, въ шестыхъ, чтобы воспитаніе сестры его Изабеллы и брата Альфонса онъ поручилъ ихъ матери Изабеллѣ и, по неимѣнію наслѣдника собралъ государственные чины и объявилъ своего брата наслѣдникомъ престола. По настоянію адмирала кастильскаго и графа Гаро, бывшихъ уполномоченными прочей недовольной знати, Діэго-де-Киньонесъ подалъ королю бумагу, содержавшую эти требованія, къ которымъ присоединилъ еще нѣкоторыя на словахъ. Король старался успокоить вельможъ, дѣйствовавшихъ отъ имени государственныхъ чиновъ, по своему обыкновенію: онъ обѣщалъ сдѣлать все, зависящее отъ него. Но

положеніе дѣлъ не только не улучшилось, а напротивъ того, образъ жизни двора и его мотовство становились съ каждымъ днемъ отвратительнѣе; но мы вдались бы въ слишкомъ большія подробности, еслибъ захотѣли доказать это болѣе фактически. Генрихъ принялся наконецъ дѣлать фальшивую монету, а вельможи ловили рыбу въ мутной водѣ.

Знать то примирялась съ королемъ, когда находила въ этомъ свою выгоду, то снова вступала въ открытую борьбу; наконецъ, послѣ родовъ королевы въ 1462 г., вражда приняла совершенно серьезный характеръ. Уже прежде всѣ утверждали, что отецъ будущаго новорожденнаго не король, а Бертранъ де-ля-Куэва; но Генрихъ выказывалъ къ своей женѣ большую нѣжность. Онъ велѣлъ перенести ее изъ Аранды въ Мадридъ на носилкахъ, въ сопровожденіи блестящей свиты, потомъ посадилъ позади себя на мула и проѣхалъ такимъ образомъ по улицамъ Мадрида въ Алькасаръ, гдѣ они поселились. Все это было принято за враждебную демонстрацію короля противъ его брата Альфонса и сестры Изабеллы. Когда же въ началѣ 1462 г. жена его родила дочь, онъ призналъ новорожденную своимъ ребенкомъ и объявилъ ее наслѣдницей престола. Этотъ ребенокъ, названный Іоанною, былъ съ большою торжественностью окрещенъ архіепископомъ толедскимъ, причемъ сестра Генриха, Изабелла, была воспріемницею. Но во всемъ государствѣ ее называли не Іоанною, а Бертранеею, потому что считали ее дочерью Бертрана-де-ля-Куэва. Братъ и сестра короля и даже всѣ вельможи признали ее наслѣдницей Генриха; но знать протестовала втайнѣ и ссылалась на этотъ протестъ, когда въ третій разъ обратилась къ королю съ рѣзкими упреками, требуя удовлетворенія своихъ жалобъ. Съ 1462 до 1464 г. Генрихъ умѣлъ вывертываться то тѣмъ, то другимъ способомъ, и даже съ помощью папы сдѣлалъ Бертрана де-ля-Куэва гросмейстеромъ Санъ-Яго.

Хуанъ Пачеко маркизъ Вильена, совершенно вытѣсненный Бертраномъ, принялъ участіе въ протестѣ противъ незаконнаго

рожденія Іоанны, составленнымъ аристократами. Наконецъ въ 1464 г. духовенство и рыцарство на собраніи въ Бургосѣ грозно потребовали, чтобы король призналъ наслѣдникомъ престола своего брата Альфонса, удалилъ отъ двора Бертрана де-ля-Куэва, лишилъ его званія гросмейстера Санъ-Яго и передалъ это званіе своему брату, которому оно назначалось. Король арагонскій Іоаннъ II вслѣдствіе войны въ Каталоніи и возмущенія въ Барселонѣ не могъ до 1473 г. заботиться о Кастиліи. Однако, узнавъ, что Генрихъ ведетъ съ португальскимъ королемъ переговоры о бракѣ своей сестры Изабеллы, онъ вступилъ въ сношенія съ знатью. Іоаннъ II хотѣлъ женить на Изабеллѣ своего сына Фердинанда Католическаго. Такъ какъ кастильскіе государственные чины также желали этого, то послѣ долгихъ совѣщаній и переговоровъ, длившихся отъ іюля до конца сентября, Іоаннъ Арагонскій и недовольные кастильскіе вельможи заключили прочный договоръ, который находится у Суриты *). Извѣстіе объ этомъ поступкѣ вельможъ побудило короля Генриха исполнить ихъ желаніе и заключить формальную сдѣлку съ Хуаномъ Пачеко, посланнымъ къ нему отъ нихъ. Онъ обѣщалъ отдать своего бра-

*) Hizieron grandes sacramentos y homenages de guardar sus personas y estados, y de tener secreta esta confederacion la qual juraron la Regna y el Principe, que tenia doze años complidos y que en caso que el Rey muriesso serian confederados de aquellos Grandes y sus aliados con estas condiciones. Y todos hizieron dello voto para la casa santa de Jerusalem, y pleyto homage segun la costumbre España, el Rey en manos de Pero Nuñez Cabeça de Vaca, y el principe en las de otro cavallero, y aquellos Grandes en las de don Ramon de Espes mayordomo, mayor y ayo del principe Hernando que fue a recibir la dellos. (Дали клятву и присягу хранить ихъ особы и государство и держать союзъ въ тайнѣ; королева и принцъ, по достиженіи имъ 12-лѣтняго возраста и въ случаѣ смерти короля, обязались быть въ союзѣ съ этими вельможами и ихъ союзниками на тѣхъ же условіяхъ. Всѣ они клялись святымъ храмомъ Іерусалимскимъ и присягали, по испанскому обычаю, король передъ Перо Нуньесомъ Кабеса де Вакою, принцъ передъ другимъ кавалеромъ, а гранды передъ майордомомъ донъ Рамономъ де-Эспесъ, гувернеромъ и гофмейстеромъ принца Генриха, присутствовавшимъ для принятія присяги).

та, Альфонса, Пачеко, какъ уполномоченному отъ вельможъ и согласиться признать Альфонса наслѣдникомъ престола, а въ обезпеченіе исполненія договора выдать Бертрана де-ля-Куэву коменданту крѣпости Портильо, Гонзалесу Сааведра, лишить Бертрана званія гросмейстера Санъ-Яго и выхлопотать папскую буллу о передачѣ этого званія Альфонсу. Что касается остальныхъ пунктовъ, то согласились предоставить ихъ на рѣшеніе коммиссіи, составленной изъ четырехъ вельможъ, назначенныхъ на половину королемъ, а на половину—недовольными; въ случаѣ же, если бы члены ея не могли согласиться между собою, то рѣшеніе долженъ былъ постановить Альфонсъ д'Оропеса, генералъ-пріоръ ордена іеронимитовъ.

Такъ какъ Іоаннъ арагонскій все еще былъ занятъ войною съ Барселоною, то Генрихъ не скоро приступилъ къ выполненію своего обѣщанія. Наконецъ въ началѣ 1465 г. онъ выдалъ своего брата Альфонса и доставилъ ему гросмейстерство Санъ-Яго, но вознаградилъ Бертрана де-ля-Куэва, сдѣлавъ его герцогомъ Албукерке. Судебная коммиссія собралась въ Медина-дель-Кампо; но можно было предвидѣть, что слабый король не подчинится ея приговору. Дѣйствительно, положившись на то, что нѣкоторые изъ заговорщиковъ пришли къ нему и что Пачеко вступилъ съ нимъ въ переговоры, онъ вдругъ рѣшился стать внѣ рѣшенія коммиссіи, потому что ему сказали, что у него не останется ничего, кромѣ королевскаго титула. Онъ отправился въ Ольмедо и собралъ отрядъ въ 1,000 копейщиковъ. Члены коммиссіи воспользовались этимъ поступкомъ, чтобы объявить, что Генрихъ хотѣлъ упразднить ее; но неосновательность этого мнѣнія доказывалась уже тѣмъ, что предводители собраннаго Генрихомъ войска отправились не къ нему, а къ недовольнымъ. Посовѣтовавшись съ юристами, коммиссія рѣшила формально и торжественно низложить Генриха и провозгласить королемъ его брата Альфонса, бывшаго въ то время еще ребенкомъ. У народа при этомъ вовсе не спрашивали мнѣнія. Недовольные вельможи съ

своими вассалами, свитою и наемниками составили родъ народнаго собранія, въ которомъ архіепископъ толедскій совершилъ смѣшной обрядъ низложенія одного короля и возведенія на престолъ другого. Это собраніе происходило на равнинѣ близь города Авилы, гдѣ на большомъ возвышеніи поставили тронъ и посадили на него фигуру, украшенную короною, скипетромъ, мечемъ, и всѣми прочими королевскими регаліями; эта фигура должна была представлять Генриха IV. Сначала собранію было прочитано подробное объясненіе, въ которомъ исчислялись всѣ проступки Генриха и многими примѣрами изъ исторіи доказывалось, что по старинному обыкновенію (more majorum) собраніе имѣло право за такіе поступки лишить короля престола. Послѣ этого архіепископъ толедскій взошелъ на возвышеніе и снялъ съ головы фигуры корону; вслѣдъ за нимъ Пачеко, графъ Паленсіа, гросмейстеръ Алкантары и графы Бенавентс и Паредесъ сорвали съ нея другіе знаки королевскаго достоинства. Когда все это было сдѣлано, фигура, лишенная всѣхъ украшеній, была свергнута съ престола при крикахъ и вопляхъ собравшейся толпы. Потомъ на тронъ посадили одинадцати-лѣтняго Альфонса и сначала духовенство и вельможи, а потомъ народъ привѣтствовали его королемъ. Генрихъ не зналъ что дѣлать, не смотря на то, что испанскій народъ былъ недоволенъ поступкомъ вельможъ и что составились двѣ большія партіи. Душою союза противниковъ короля была фамилія Пачеко, особенно два брата — маркизъ Вильена и гросмейстеръ Калатравы, донъ Педро де-Жиронъ и архіепископъ толедскій; сторону Генриха приняли графъ Гаро и донъ Діэго де-Мендоса маркизъ Сантильяна. Послѣдніе собрали значительное войско и господствовали на сѣверѣ. Большая часть городовъ также объявила себя въ пользу Генриха; только Севилья, Кордова, Бургосъ, Толедо и многолюдный Вальядолидъ были противъ него. Но Вальядолидъ впослѣдствіи отошелъ отъ партіи недовольныхъ. Генрихъ не рѣшался покончить свое дѣло оружіемъ и приводилъ въ негодованіе рыцарей, поднявшихъ за

него оружіе тѣмъ, что постоянно вступалъ въ переговоры съ своимъ прежнимъ любимцемъ, маркизомъ Вильена и каждый разъ, когда счастіе улыбалось ему, заключалъ продолжительное перемиріе.

Такимъ образомъ, въ Кастиліи было въ то время два короля; ребенокъ и полоумный развратникъ. При дворѣ послѣдняго все еще находились Бертранъ де-ля Куэва, возведенный уже въ санъ герцога Альбукерке, и инфантина Изабелла съ своею матерью. Всѣ знали, что Изабелла невѣста наслѣдника арагонскаго престола, и фамилія Пачеко чрезвычайно опасалась этого брака. Чтобы воспрепятствовать ему, Хуанъ Пачеко выпросилъ себѣ аудіенцію у Генриха и склонилъ его (въ 1466 г.) къ смѣшной сдѣлкѣ, которую подготовилъ архіепископъ севильскій въ Сеговіи, но осуществить которую помогъ архіепископъ толедскій. Эти вельможи обѣщали королю низложить Альфонса, если Генрихъ выдастъ свою сестру Изабеллу за гросмейстера Калатравы, дона Педро де Жиронъ. Этотъ планъ былъ крайне фантастиченъ и смѣшонъ, потому что донъ Педро былъ старъ, имѣлъ уже нѣсколькихъ сыновей отъ перваго брака и, будучи гросмейстеромъ, считался въ духовномъ званіи, вслѣдствіе чего, чтобъ жениться на Изабеллѣ, ему пришлось бы отказаться отъ гросмейстерства, и хлопотать о папскомъ разрѣшеніи. Впрочемъ это не помѣшало бы выполненію плана: папа далъ разрѣшеніе, а донъ-Педро сложилъ гросмейстерскій санъ. Король удалилъ отъ себя своихъ прежнихъ совѣтниковъ, епископа калаорскаго и герцога Альбукерке; Изабеллу же онъ намѣревался принудить къ этому браку силою. Но планъ разстроился, потому что донъ Педро скоро умеръ. Съ этой минуты фамилія Пачеко и всѣ ея приверженцы снова приняли сторону Альфонса; Генрихъ же старался утвердить наслѣдственныя права своей дочери, Іоанны, законное рожденіе которой онъ снова подтвердилъ.

Испанія снова сдѣлалась жертвою страшной междуусобной войны, въ которой Генриху и его приверженцамъ приходилось сра-

жаться не только съ недовольными кастильцами, но и съ арагонцами, стоявшими на право своего инфанта Фердинанда на руку Изабеллы. Каждый рыцарь занимался грабежемъ, каждый владѣлецъ деревни или города дѣйствовалъ какъ независимый государь; чтобы защищать себя отъ разбойниковъ и обезопасить свои взаимныя сношенія, города учредили у себя милиціи на жалованьи, которыя впослѣдствіи оказали большія услуги королю Фердинанду и инквизиціи. Только въ половинѣ 1467 г. обѣ партіи рѣшились покончить сраженіемъ споръ между Генрихомъ и его братомъ, Альфонсомъ. Это сраженіе произошло 20 августа 1467 г. при Ольмедо, гдѣ нѣкогда Альваро де-Луна одержалъ блистательную побѣду (см. стр. 455). Въ войскѣ Генриха первое мѣсто занималъ Бертранъ де-ля Куэва, въ войскѣ его противниковъ — архіепископъ толедскій; послѣдній былъ не только предводителемъ, что ни въ какомъ случаѣ не согласовалось съ его званіемъ, но и дѣйствительнымъ бойцемъ за права молодого Альфонса. Самъ Генрихъ выказывалъ въ сраженіи, по своему обыкновенію, малодушіе и трусость и удалился въ самомъ началѣ битвы. Напротивъ того, Бертранъ де-ля-Куэва, о красотѣ, ловкости, рыцарственности и великодушіи котораго испанцы вообще отзываются съ большою похвалою, явился, по словамъ ихъ, идеаломъ полководца и рыцаря. Послѣ битвы, продолжавшейся нѣсколько часовъ, обѣ стороны разошлись, не одержавъ побѣды. Вслѣдъ за тѣмъ папа принялъ сторону низложеннаго короля и предалъ проклятію возмутившихся вельможъ; но они дали ему отвѣтъ, приводимый Прескоттомъ въ его исторіи Фердинанда и Изабеллы и доказывающій, что кастильцы, которыхъ обыкновенно считаютъ суевѣрными, лучше нѣмцевъ понимали духовныя и свѣтскія дѣла: они отвѣчали папскому посланнику: „папа вводится въ заблужденіе людьми, увѣряющими его, что онъ имѣетъ право вмѣшиваться въ свѣтскія дѣла Кастиліи; но мы имѣемъ полное право низлагать нашего государя, когда признаемъ это нужнымъ, и всегда будемъ пользоваться этимъ правомъ.“

Испанскіе историки рисуютъ яркими красками смуты, господствовавшіе въ то время во всей Испаніи, и пагубныя послѣдствія раздора, свирѣпствовавшаго между городами и деревнями, и даже между частными лицами и семействами. Въ іюлѣ 1468 г. Альфонсъ скоропостижно умеръ въ деревнѣ Карденьясѣ, лежащей въ нѣсколькихъ часахъ отъ Авилы; утромъ его нашли мертвымъ въ постели. Послѣ его смерти анархія еще болѣе усилилась. Вельможи, управлявшіе его именемъ, стали искать другого члена королевской фамиліи, котораго могли бы поставить во главѣ своей партіи, такъ какъ это было необходимо для народа. Изъ выборъ палъ на инфантину Изабеллу. Эти принцесса, долго находившаяся съ своею матерью во власти Генриха и по временамъ появлявшаяся при его дворѣ, послѣ сраженія при Ольмедо ушла въ одинъ изъ монастырей Авилы. Сюда къ ней неожиданно явился архіепископъ толедскій и отъ имени возмутившихся вельможъ предложилъ ей корону. Но принцесса упорно отказывалась вступить на престолъ при жизни своего брата; она согласилась однако, чтобы противники Генриха отстаивали ея права противъ правъ мнимой дочери короля, Іоанны, которую Генрихъ все еще продолжалъ признавать законною, не смотря на то, что поведеніе его жены сдѣлалось до такой степени неприличнымъ, что испанцы громко требовали высылки ея изъ Кастиліи. Вслѣдствіе этого было устроено свиданіе между Генрихомъ и Изабеллою, и затѣмъ заключенъ договоръ, который они торжественно признали 5 октября 1468 г. въ Торросъ-де-Гисандо; но Генрихъ заранѣе рѣшился не выполнять его и съ этою цѣлью вступилъ въ тайныя сношенія съ Пачеко. Условія договора были слѣдующія: король долженъ объявить амнистію, развестись съ королевою, невѣрность которой была положительно признана, и отправить ее на родину; Изабелла должна была поселиться во Астуріи — провинціи, служившей резиденціей наслѣдникамъ престола, получать содержаніе, соотвѣтствующее ея положенію и быть немедленно признанной законною

наслѣдницей Кастиліи и Леона; чтобъ дать ей этотъ титулъ, король обязывался созвать въ теченіе сорока дней собраніе государственныхъ чиновъ, которое въ то же время должно было заняться искорененіемъ злоупотребленія въ администраціи. Въ заключеніе постановлялось, что Генрихъ не имѣетъ права принуждать Изабеллу ни къ какому браку, но что и она не можетъ выйти замужъ безъ позволенія брата. Созванные въ Окагнѣ государственные чины утвердили этотъ договоръ и объявили Изабеллу наслѣдницею престола.

Провозглашеніе Изабеллы наслѣдницею кастильскаго престола побудило многихъ искать ея руки. Мы не станемъ здѣсь исчислять ни этихъ искателей, ни ихъ притязаній или заслугъ; въ исторіи Арагоніи мы уже упомянули, что арагонскій инфантъ Фердинандъ былъ наслѣдникомъ своего отца, Іоанна II, и дяди, Альфонса V, и отличался прекрасными качествами, такъ что во всѣхъ отношеніяхъ могъ считаться достойнѣйшимъ женихомъ. Фердинандъ, занятый въ то время войною въ Каталоніи, былъ чрезвычайно красивъ и соединялъ въ себѣ всѣ свойства блестящаго рыцаря и ловкаго правителя. Его мужественная и умная мать воспитала его совсѣмъ не такъ, какъ обыкновенно воспитывали испанскихъ королей; подъ ея руководствомъ онъ уже въ дѣтствѣ испыталъ всѣ опасности войны и участвовалъ въ походахъ въ Каталонію и въ осадѣ Барселоны. Въ то время, когда зашла рѣчь о его бракѣ съ Изабеллой, онъ уже былъ провозглашенъ королемъ Сициліи и назначенъ намѣстникомъ своего отца въ Арагоніи. Поэтому Изабелла не могла найти принца, который былъ бы болѣе Фердинанда способенъ возстановить монархическую власть, порядокъ и спокойствіе въ Кастиліи; но Пачеко и его партія не желали, чтобы Фердинандъ женился на ихъ будущей государынѣ. Фамилія Мендоса, оказавшая Генриху IV большія услуги во время безпорядковъ, была также противъ брака, грозившаго Кастиліи подчиненіемъ Арагоніи. Поэтому Мендоса и партія Пачеко приняли сторону

Іоанны, считавшейся дочерью Генриха (fillia est, quam nuptiæ declarant) и склонили слабаго короля вступить въ переговоры о бракѣ Изабеллы съ наслѣдникомъ португальскаго престола. Къ Изабеллѣ явилось блестящее португальское посольство съ предложеніемъ руки принца; но Изабелла, не смотря на настоятельныя угрозы, просьбы и требованія, положительно отказалась, и народъ громко заявилъ себя въ ея пользу. Все это конечно не могло бы остановить дѣла; но къ счастью Изабеллы, Пачеко и архіепископъ толедскій не поладили между собою. Архіепископъ и его партія стояли за Фердинанда и, по порученію Изабеллы, вошли съ Арагоніей въ такіе же переговоры, въ какіе противная партія, опиравшаяся на Генриха, вступила съ Португаліей. Такимъ образомъ Изабелла обѣщала свою руку наслѣднику арагонскаго престола, послѣ чего король Іоаннъ II отправилъ въ Окагну посланника съ неограниченнымъ полномочіемъ и порученіемъ заключить брачный договоръ съ вельможами, взявшими на себя защиту дѣла Изабеллы. Этотъ договоръ былъ подписанъ Фердинандомъ въ Корверѣ 7-го января 1469 года. Въ немъ Фердинандъ обѣщалъ не нарушать законовъ кастильскаго государства, перенести свою резиденцію въ Кастилію и не оставлять ее безъ согласія своей жены, не отчуждать ни одного изъ коронныхъ имѣній, не отдавать ни одному иностранцу преимущества при занятіи общественныхъ должностей и вообще не назначать никого на гражданскія или военныя мѣста безъ согласія и разрѣшенія своей жены, а раздачу духовныхъ должностей предоставить исключительно ей. Кромѣ того, Фердинандъ обязался вести войну съ маврами, уважать короля Генриха IV, защищать дворянъ и не требовать обратно земель, которыхъ отецъ его лишился при Альваро де-Луна.

Этотъ поступокъ партіи толедскаго архіепископа подалъ поводъ къ новымъ смутамъ въ Кастиліи въ 1469 г.; обѣ партіи снова взялись за оружіе, такъ что сношенія между Арагоніей и Кастиліей встрѣтили препятствія. Приверженцы Пачеко заперли Иза-

беллу въ замкѣ Мадригалъ, куда она отправилась, и держали ее, какъ плѣнницу; но друзья ея силою освободили ее и перевезли въ Вальядолидъ, гдѣ она находилась въ совершенной безопасности подъ защитою гражданъ. Затѣмъ (октябрь 1469 г.) они послали курьеровъ къ Фердинанду, звать его въ Кастилію, желая какъ можно скорѣе женить его на Изабеллѣ. Фердинандъ, которому въ то время было 18 лѣтъ, то есть годомъ меньше чѣмъ Изабеллѣ, тотчасъ же отправился въ путь, въ сопровожденіи четырехъ человѣкъ, но такъ какъ противники его всѣми силами старались воспрепятствовать этому браку, то онъ достигъ Вальядолида, претерпѣвъ на пути большія опасности и встрѣтивъ множество приключеній. Испанцы не менѣе арабовъ любятъ все фантастическое и украшаютъ свою исторію вымыслами; поэтому мы, стараясь избѣгать всякой поэзіи и риторики, не рѣшаемся вѣрить разсказу о бракѣ этой четы, похожему на романъ. Несомнѣнно, что съ первой минуты свиданія Изабелла почувствовала къ своему жениху пылкую испанскую любовь и оставалась ей вѣрна до самой смерти. Впрочемъ, какъ женихъ, такъ и невѣста были истинными представителями народнаго характера кастильцевъ и арагонцевъ: оба были ревностными приверженцами церкви, оба выросли въ несчастіи и уже въ дѣтствѣ были вовлечены въ политическія интриги. Бракосочетаніе Фердинанда и Изабеллы совершилось 19 октября 1469 года въ домѣ Изабеллы, въ присутствіи нѣсколькихъ тысячъ людей: адмиралъ кастильскій, дѣдъ Фердинанда по матери, и архіепископъ толедскій, устроившіе этотъ бракъ, употребили при совершеніи его слѣдующую хитрость: такъ какъ для совершенія обряда требовалось папское разрѣшеніе, то архіепископъ предъявилъ его. Но какъ было впослѣдствіи доказано, этотъ актъ былъ подложный и только черезъ нѣсколько лѣтъ папа Сикстъ IV прислалъ дѣйствительное разрѣшеніе. По совершеніи брака, о немъ извѣстили Генриха IV. Генрихъ не обратилъ на это вниманія и продолжалъ настаивать на томъ, чтобы Іоанна была признана его законною дочерью. 8-го октября 1470 года

онъ обручилъ ее съ герцогомъ Гіэньскимъ, братомъ Лудовика XI. Но это обрученіе было чистымъ фарсомъ, потому что хотя и совершилось съ согласія Лудовика XI, но онъ не допустилъ бы дѣйствительнаго заключенія этого брака. Впрочемъ герцогъ Гіэнскій умеръ, прежде чѣмъ Генрихъ могъ подумать о совершеніи брака. Вслѣдъ затѣмъ девятилѣтнюю Іоанну обручили съ племянникомъ короля арагонскаго; но это обрученіе было также смѣшно и кончились также ничѣмъ.

Смуты и раздоры продолжались; дворъ Фердинанда и Изабеллы и Генрихъ съ своею свитой часто терпѣли недостатокъ въ самомъ необходимомъ, между тѣмъ какъ вельможи портили общественную нравственность распутствомъ и роскошью. Въ это время арагонскій король Іоаннъ былъ такъ занятъ войною съ Барселоною, что долженъ былъ два раза отзывать своего сына въ Каталонію. Послѣ перваго раза (1473 г.) Фердинандъ едва успѣлъ вернуться въ Кастилію, какъ война, возгорѣвшаяся между Арагоніею и Франціею изъ-за графства Русильонъ, снова заставила его поспѣшить на помощь къ своему отцу. На этотъ разъ кастильцы оказали ему большія услуги; когда сильная непріятельская армія осадила его отца въ Перпиньянѣ и поставила въ самое безвыходное положеніе, Фердинандъ съ 9-ти тыс. кастильцевъ ударилъ на французовъ съ тылу и обратилъ ихъ въ поспѣшное и постыдное бѣгство. Послѣ этого (сентябрь 1473 года) между Іоанномъ II и Лудовикомъ XI было заключено перемиріе, которое продолжалось впрочемъ недолго, и въ слѣдующемъ году война снова возгорѣлась. Французы проникли въ Русильонъ и Сердань, заняли отнятыя у нихъ крѣпости и отмстили за позоръ прошедшаго года; все это случилось отъ того, что Фердинандъ долженъ былъ оставаться въ Кастиліи. Кастильцы надѣялись примирить наконецъ его съ королемъ Генрихомъ. Въ декабрѣ 1473 года, въ отсутствіи Фердинанда, жена коменданта сеговійской цитадели, Андреса Кабреры, устроила въ Сеговіи свиданіе Изабеллы съ ея братомъ и

склонила короля къ признанію брака Фердинанда и Изабеллы. Фердинандъ по возвращеніи также отправился къ своему зятю въ Сеговію. Король принялъ его очень радушно, и путь къ примиренію былъ, казалось, открытъ; но вскорѣ обнаружилось, что съ такимъ человѣкомъ, какъ Генрихъ, нельзя было ни на что разсчитывать. Одинъ изъ людей, желавшихъ поддерживать раздоръ, увѣрилъ Генриха, что комендантъ сеговійской крѣпости, въ которой хранились королевскія сокровища, имѣлъ на него враждебные виды; поэтому Генрихъ вздумалъ захватить свою сестру, и хотя это не удалось, но примиреніе разстроилось. Только смерть короля Генриха IV, послѣдовавшая 11 декабря 1474 года, положила конецъ этому долговременному спору; два дня спустя Изабелла была провозглашена королевой Кастиліи.

Царствованіемъ Фердинанда и Изабеллы въ Кастиліи, а впослѣдствіи также въ Арагоніи и Неаполѣ, начинается совершенно новый періодъ не только испанской, но и всемірной исторіи. Поэтому мы останавливаемся здѣсь, и въ слѣдующемъ томѣ, прежде чѣмъ приступить къ продолженію испанской исторіи, изложимъ исторію Италіи до похода Карла VIII въ Неаполь. Исторію послѣднихъ годовъ XV ст. мы нарочно соединяемъ съ исторіею XVI для того, чтобы безъ подробныхъ объясненій, простымъ сопоставленіемъ фактовъ, наглядно показать, какимъ образомъ въ началѣ XVI ст. образовалось то, что, Богъ вѣсть по какому праву, называютъ европейскою государственной системой. Уже въ XV ст. Лудовикъ XI ввелъ въ жизнь итальянскую политику и дипломатическія хитрости; сынъ его, Карлъ VIII, во внѣшнихъ дѣлахъ шелъ по его слѣдамъ, а исторіографъ этихъ государей, Коминъ, изобрѣлъ совершенно новый родъ прагматической исторіографіи, показывавшей, какъ должно примѣнять на практикѣ теорію новой политики и итальянской дипломатіи. Что посѣяли

французы и итальянцы, то при Фердинандѣ и Изабеллѣ и впослѣдствіи при Карлѣ V пожали испанцы. Одни нѣмцы оставались всюду позади, потому что были относительно честны, просты и вѣрны и потому, какъ постоянно жаловался ихъ императоръ Максимиліанъ I, вѣчно оставались въ дуракахъ. Въ XVI ст. Италія была сборнымъ пунктомъ трехъ главныхъ націй; Римъ и папа принимали участіе во всѣхъ дѣлахъ и интригахъ, и черезъ папу Англія также играла роль въ континентальныхъ дѣлахъ. Вотъ почему, прежде чѣмъ мы перейдемъ къ исторіи XVI ст. и переворота, произведеннаго реформаціею, открытіями и завоеваніями португальцевъ и испанцевъ въ обѣихъ Индіяхъ,— необходимо бросить взглядъ на положеніе Италіи во второй половинѣ XV ст. Мы увидимъ, что эта страна стояла въ то время на высшей степени процвѣтанія и владѣла громадными богатствами. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы увидимъ, что время благосостоянія, процвѣтанія искусствъ, наукъ и всей цивилизаціи было въ Италіи, какъ и во всѣхъ другихъ странахъ, эпохой софистическихъ мудрствованій, нравственнаго растлѣнія и упадка истинной религіозности, — слѣдовательно эпохою расторженія внутреннихъ узъ общества, — расторженія, которому не могли помочь ни какія внѣшнія узы.

КОНЕЦЪ 10-го ТОМА.

1232552
R 031616

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Томъ.	Стр.	строка	Читай	напечатано.
VI	19	2 снизу	Радельгисъ	Адельгисъ
»	20	» сверху	»	»
VII	448	2 снизу	Боканъ	Бокхнъ.
VIII	174	13 снизу	сынѣ	внукѣ
»	575	18 сверху	Эбергардъ IV	Эбергардъ III
IX	125	10 »	Теодоромъ	Теобальдомъ
»	272	3 снизу	Теодоро	Теодорико
»	851	7, 5 и 4 »	Водмонъ	Водремонъ
»	352	7 сверху	»	»
»	»	5 »	Huche-Chien	Hache-Chien
»	424(Таблица)	17 »	(+1464)	(+1465)
»	»	21 »	Юліанъ (убитъ 1478)	Юліанъ (убитъ 1474)
»	»	24 »	Петръ (убитъ 1504)	Петръ (убитъ 1514)
»	»	31 »	(+1519)	(+1518)
X	3	4 »	Кранъ	Краонъ
»	6	14 снизу	»	»
»	10	12 »	Рётлендъ	Рутлендъ
»	97	16 сверху	Норфокомъ	Норфолькомъ
»	170	6 »	4.	

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google